

Евразийский юридический журнал

№ 3 (82) 2015

Редакционный совет

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидуллович, к.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАГЪЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Евразийское Экономическое сообщество, г. Санкт-Петербург)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова – РЭА)

ТОПСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья. Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

© Евразийский юридический журнал, 2015

Подписано в печать 16.04.2015
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.

Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Гареев А. Р.

Адрес редакции: 119034,
г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasiaLaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian law journal

№ 3 (82) 2015

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH IGOR MIKHAILOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV KAMIL ABDULOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE ASLAN HUSEYNOVICH, Dr of Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

BATKHIEV RASHID HUSEYNOVICH, Dr of Law (candidate), judge of the Supreme Court of the Russian Federation in retirement

BIRYUKOV PAVEL NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO VICTOR NIKOLAEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmuella, Ufa)

BURENINA IRINA VALERYEVNA, Dr of Economical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

BYSTROV GRIGORY EFIMOVICH, Dr of Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV ZUFAR MAKSUMOVICH, Dr of Law, Professor (University of Administration «TISBI», Kazan)

GAREYEV EDUARD SAGIDULLOVICH, Dr of Philosophical Sciences (candidate), Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

GRACHEVA ELENA JUREVNA, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

ISMAILOV SHAUKAT MAKHMUDOVICH, Dr of Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHAYKIN MARK MIKHAYLOVICH, Dr of Economical Sciences (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KRIVENKY ALEXANDER IVANOVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Moscow City Pedagogical University)

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT LEUDMILA VASILIEVNA, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

LUKOV VALERY ANDREEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Moscow University for the Humanities)

MALEEV YURY NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAULENOV KASIM SYRBAEVICH, Dr of Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO YURY VLADIMIROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

MUKHAMETSHIN FAIM BAYAZITOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

NECHEVIN DMITRIY CONSTANTINOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN RISHAT VAKHIDOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

ROMANOVSKAYA VERA BORISOVNA, Dr of Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SHUVANOV STANISLAV ALEKSANDROVICH, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINYUKOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV ASYLBEK YARYMOWICH, Dr of Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

TITOV VADIM ALEKSANDROVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

TOLSTOPJATENKO GENNADY PETROVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

VALEEV REVOL MIRGALIMOVICH, Dr of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV OLEG ALEKSANDROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Journal is published with support of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

© Eurasian law journal, 2015

Signed for printing 16.04.2015
Format 62x84 1/8. Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D.I.
Desktop publishing –
Gareyev A.R.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialegal@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.

научный редактор:

ДЗЮБА Ирина Валерьевна

литературный редактор:

ВИНОГРАДОВА Юнис Александровна

технический редактор:

ГАРЕЕВ Артур Рустемович

ВЫСТОРÓБЕЦ Евгений Анатольевич, к.ю.н., доцент

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович, к.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИЗМАЙЛОВА Евгения Николаевна, к.п.н., доцент

КОННОВА Елена Владимировна, к.ю.н., с.н.с.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимерович

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И. З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович

(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV ALEXANDER MIKHAYLOVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

deputy Editor-in-Chief

BONDARENKO ALEXANDR VIKTOROVICH, Dr of Philosophical sciences (candidate),

Associate Professor

executive editor:

LUKIYANOV MIKHAIL YUREVICH, Dr of Political Sciences (candidate)

scientific editor:

DZYUBA IRINA VALERIEVNA

literary editor:

VINOGRADOVA IUNIS ALEKSANDROVNA

technical editor:

GAREYEV ARTHUR RUSTEMOVICH

WYSTORÓBETS EUGENE ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate)

HUSEYNOV OKTAY RAMAZANOVICH, Dr of Law (candidate)

ZHURAVLENKO NIKOLAY IVANOVICH, Dr of Law (candidate)

IZMAILOVA EVGENIYA NIKOLAEVNA, Dr of Pedagogical sciences (candidate),

Associate Professor

KONNOVA ELENA VLADIMIROVNA, Dr of Law (candidate), Senior Researcher

KOPYLOV STANISLAV MIKHAILOVICH, Dr of Law (candidate)

LYSENKO VLADLENA VLADIMIROVNA, Dr of Law (candidate), Associate Professor,

representative of ELJ in Tiraspol

MURZAGILDIN NAIL TASHTIMIROVICH

OSTAPOVICH IGOR YURYEVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

PANCHENKO VLADISLAV YURYEVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

SAFRONOV KONSTANTIN YURYEVICH

TAKMAKOVA ELENA VALERJEVNA, Dr (Candidate) of Economical Sciences,

Associate Professor

TRAPEZNIKOV VALERY ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate)

FAIZULLIN GAIJAZ GABDELISLAMOVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV DINAR INSUROVICH

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH

(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Посол Индии в Москве: Индия и Россия: новые тенденции развития БРИКС и ШОС. Интервью с послом Индии в Москве Пунди Шринивасан Рагхаван.....	8
---	---

ИНТЕРЭКОПРАВО

От редакции О Евгении Анатольевиче Высторобце, Человеке и Ученом.....	12
Абанина Е. Н. О развитии интерэкоправовых идей. Памяти Е. А. Высторобца посвящается.....	13

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Толстых В. Л. Проблемы евразийской интеграции.....	17
--	----

ЕВРАЗИЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Чернядьева Н. А. Антитеррористические соглашения СНГ и ШОС: основные проблемы междоговорного согласования.....	23
Азизова П. М. География межэтнических конфликтов постсоветского периода.....	28

2015 – ГОД АРКТИКИ

Малеев Ю. Н. Арктика: очень осторожные правовые прогнозы.....	29
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Клемин А. В. О праве на самооборону в РФ и других государствах.....	32
Кешнер М. В. Вопросы признания государств и применение санкций в современной международной практике.....	37
Шушаева Т. А. Прогнозирование в праве международных договоров (по документам Комиссии международного права ООН).....	41
Гасымзаде А. Н. К вопросу о разделе Каспийского моря (историко-правовой аспект).....	45
Кебурия К. О. Право на возмещение ущерба в случае нарушения прав человека в африканской и межамериканской системах защиты прав человека: сравнительно-правовой анализ.....	50
Клюня А. Ю. Соотношение императивных норм международного права и обязательств erga omnes.....	54

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Дудин П. Н. Правовое положение японских граждан и коммерческих предприятий в Мэнцзяне.....	59
Шония А. О. Международное правовое регулирование трансграничных корреспондентских отношений коммерческих банков.....	64

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Солнцев А. М. Дефекты международно-правового регулирования охраны окружающей среды: некоторые пути преодоления.....	67
Гордеева Е. М. Международное лесное право: быть или... уже есть?.....	70

ПРАВО СТРАН СНГ

Остапович И. Ю. Конституционный Суд Республики Беларусь и Конституционный Совет Республики Казахстан о нормативности своих решений.....	74
Манин С. Н. Концепция согласованного функционирования органов государственной власти в воззрениях Г. С. Сапаргалиева.....	76

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Нечевин Д. К., Кирдяшова Е. В., Колодкин Л. М. Деонтология права: научно-правовой и исторический анализ генезиса европейской морально-правовой мысли (часть II).....	81
Нигматуллин Р. В. Актуальные проблемы обеспечения ядерной безопасности на современном этапе.....	89
Тимонин А. Н. Дуалистическая теория происхождения государства: от детерминизма экономического к технологическому и экологическому?.....	93
Бодров Р. И. Правоспособность и правосубъектность как средства индивидуализации граждан (физических лиц).....	97
Газизов Р. Р. Пути влияния инфраструктурно-аналитических институтов на развитие юрисдикционной деятельности государства.....	101
Чекунов С. А. К вопросу о развитии понятия института ратификации: практика и проблематика.....	103
Юсупов Р. М. Общечеловеческие ценности в контексте общей теории прав человека: проблемы дефиниций.....	108
Далгатова А. О. Субъекты предупреждения злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях.....	110

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Исаев Н. А. Отказ от реализации уголовной ответственности в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года.....	112
Верховодов Е. В., Курзенин Э. Б., Цыганов В. И. «Свободомыслие» Кристофера Марло и Эдварда Герберта как предвестник английского либерализма.....	114
Юлдашов С. О. Анализ отношений к обращениям граждан при государстве Ануштагинов-Хорезмшахов (1097–1231).....	118
Дибирова А. И., Керимханова А. Б. Становление российского парламентаризма. Выборы в первую государственную думу на Северном Кавказе в 1906 году.....	121
Кабанова Ю. С. Деятельность властей Российской империи по защите ценностей культуры в XIX — начале XX вв.....	123
Пономаренко С. И. Статус подозреваемого в контексте советского периода развития отечественной государственности.....	126
Алиева А. Б. Государственное управление «имперской» администрации Дагестанской областью во второй половине XIX века.....	130
Безносова Я. В., Кондратьева А. Н., Романовская В. Б., Романовская Л. Р., Федюшкина А. И. Ведовство, магия и религия в раннесредневековой Европе.....	132

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Мусаева А. Г. Юридическая оценка Закона «О защите здоровья населения от последствий потребления табака».....	135
Афанасьев И. В. Соглашение об установлении сервитута: форма и условия.....	137
Магомедова М. М. Особенности отдельных видов юридических фактов, в свете внесения новых изменений в гражданское законодательство.....	141

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Присяжнюк Ю. П., Присяжнюк Д. О. Музыкальный риторизм как инструмент в правовой классификации произведения искусства.....	144
--	-----

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Зиновкин Н. С. Принцип «загрязнитель платит»: история, интерпретации, имплементация в отечественное законодательство.....	147
--	-----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Хайруллина Н. Г., Щербаков Г. А.**
Разграничение полномочий в сфере социальной политики.....152
- Тимербаев Р. Р., Кадымов А. А.**
Общественные объединения как структурные элементы гражданского общества.....155
- Посулихина Н. С.**
Совершенствование административно-правовых процедур лицензирования медицинской деятельности в Российской Федерации.....157

БАНКОВСКОЕ ПРАВО

- Илюхина И. Б., Самородова Е. М.**
Подходы к государственному регулированию банковской сферы России в современных условиях.....162

СТРАХОВОЕ ПРАВО

- Михалева А. Е.**
Юридическое страхование, финансирование судебных расходов и «гонорар успеха» как инструменты повышения доступности юридической помощи в зарубежных странах.....164

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Алексеева Е. Н., Ефремова С. М.**
Формирование социально-педагогической среды для обеспечения роста карьерной компетентности выпускников вузов.....170
- Гаджиева Х. И.**
Проблемы правовой социализации подростков в современном мире.....172

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Сейнян А. О.**
Деятельность правозащитных институтов в механизме защиты прав налогоплательщиков. Отечественный и зарубежный опыт.....174
- Шамилова Г. З.**
Арест и заключение под стражу лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления по п. «с» ч. 1 ст. 5 конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.....176
- Зайдова М. У.**
Уполномоченный по правам человека как одно из средств защиты прав (на примере Республики Дагестан).....180

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Охлопкова А. С.**
Система международных стандартов прав человека в уголовном процессе России.....182
- Абдулмуслимова Л. Г.**
К вопросу об определении криминологической характеристики коррупции.....185
- Бабкина Е. В., Никитин Д. А.**
О некоторых проблемах предупреждения организованной преступности.....187
- Каримова Г. Ю.**
Личность несовершеннолетнего преступника, причиняющего вред здоровью.....189
- Фролов К. А.**
Особенности личности убийцы-ревнивца.....192
- Бабичев А. Г.**
Назначение наказания за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РФ.....196
- Галимов Р. Р., Клызбаева В. А.**
Спорные вопросы применения ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции».....200

ЮВЕНАЛЬНОЕ ПРАВО

- Зайдова М. У., Мусаева А. Г.**
Проблемы становления ювенального права как самостоятельной отрасли российского права.....203

КРИМИНАЛИСТИКА

- Журавленко Н. И.**
Использование методик криминалистического диагностического исследования предметов и документов для осуществления анализа оперативной обстановки и диагностического анализа преступного деяния.....205

- Сергеев А. Л.**
Меры предупреждения коррупционных преступлений.....210

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Маликов Б. З., Салимова А. М.**
Испытание осужденных и условное применение наказания как исправительные альтернативы наказанию в уголовном праве России.....213

СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Шахбанова Х. М.**
Состязательность как принцип уголовного судопроизводства.....216
- Астанов И. Р.**
Совершенствование института экспертизы в условиях судебно-правовой реформы и эффективность использования его новых возможностей.....218

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

- Фрыгина М. М.**
Формирование адвокатом-представителем правовой позиции истца.....221

ТРУДОВОЕ ПРАВО

- Толбузина Т. В.**
Защита трудовых прав граждан России.....224

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Саттарова Н. А.**
Об особенностях государственного финансового контроля в сфере инвестиционной деятельности.....227
- Спасская Н. В.**
Инвестиционный фонд РФ как федеральный институт развития инвестиционного процесса.....229
- Ставцева Т. И.**
Сделки на рынке жилой недвижимости: транзакционные издержки.....232

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Абдугамидова Д. А.**
Президентская власть РФ и ее место в системе «сдержек и противовесов».....234
- Авдеев Д. А.**
Парламент в российской системе государственного управления.....236
- Куликова И. М.**
Совершенствование местного самоуправления как фактор повышения качества жизни человека в России.....239
- Соловьев Д. С.**
Институт всенародных выборов губернаторов как фактор повышения легитимности региональной власти.....241
- Бурда М. А.**
Миграционное законодательство как механизм реализации государством своих властных функций.....244
- Суттхисангиам Сорраком**
Политические партии Таиланда в контексте политической культуры.....247
- Ямалова Э. Н.**
Партийная конкуренция в постсоветской Эстонии.....250

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

- Бондаренко В. Н.**
О взаимодействии философской метафизики и права (статья третья).....253

НАШ ЮБИЛЯР

- Профессору Григорию Ефимовичу Быстрову — 75 лет.....256
- Воспоминания Г. Е. Быстрова — студента и аспиранта Ленинградского государственного университета, следователя, помощника прокурора Гусевской городской прокуратуры Калининградской области (1957–1969 гг.) России.257

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....260

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....261

PERSONA GRATA

- Ambassador of India in Moscow:**
India and Russia: new trends in the development of the SCO and BRICS. Interview with Ambassador of India in Moscow Pundi Srinivasan Raghavan..... 8

INTERECOLAW

- Editorial**
About Eugene Anatoljevich Wystorobets, the Person and the Scientist..... 12
- Abanina E. N.**
Development of Interecolaw ideas. Dedicated to the memory E. A. Wystorobets..... 13

EURASIAN INTEGRATION

- Tolstykh V. L.**
Problems of Eurasian integration..... 17

EURASIAN SECURITY

- Chernyadyeva N. A.**
Anti-terrorist treaties of the CIS and the SCO: the main problems of coordination..... 23
- Azizova P. M.**
The geography of ethnic conflicts in the post-Soviet period..... 28

2015 — IS THE YEAR OF THE ARCTIC

- Maleev Yu. N.**
Arctic: very careful legal prediction..... 29

INTERNATIONAL LAW

- Klemin A. V.**
About the right of self-defense in Russia and other countries..... 32
- Keshner M. V.**
The recognition of states and the application of sanctions in modern international practice..... 37
- Shushayeva T. A.**
Prognostication in the law of treaties (in accordance with the documents of UN International Law Commission)..... 41
- Gasymzade A. N.**
To the question of delimitation of the Caspian Sea (historical and legal aspects)..... 45
- Keburia Ch. O.**
Right to reparation for the violation of human rights in the African and Inter-American systems of the protection of human rights: comparative legal analysis..... 50
- Klyunya A. Yu.**
The interrelation between peremptory norms of international law and obligations erga omnes..... 54

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Dudin P. N.**
The legal status of Japanese citizens and businesses in Mengjiang..... 59
- Shoniya A. O.**
International regulation of cross-border correspondent relations of commercial banks..... 64

INTERNATIONAL ECOLOGICAL LAW

- Solntsev A. M.**
Defects of international legal regulation of the environmental protection: some ways to overcome..... 67
- Gordeeva Ye. M.**
International forest law: to be or... already there?..... 70

LAW OF THE CIS COUNTRIES

- Ostapovich I. Yu.**
The Constitutional Court of the Republic of Belarus and the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan about normativity of their decisions..... 74
- Manin S. N.**
The concept of agreed functioning of public authorities in the views of G. S. Sapargaliev..... 76

THEORY OF STATE AND LAW

- Nechevin D. K., Kirdiashova E. V., Kolodkin L. M.**
Deontology of law: scientific and legal and historical analysis of genesis of the European ethical and legal thought (part II)..... 81
- Nigmatullin R. V.**
Current problems of nuclear safety today..... 89
- Timonin A. N.**
Dualistic theory of the origin of the state: from the economic determinism to the technological and ecological one?..... 93
- Bodrov R. I.**
Legal capacity and legal personality as means of the individualization of citizens (natural persons)..... 97
- Gazizov R. R.**
Ways of infrastructure-analytical institutions' influence on the development of the state jurisdictional activity..... 101
- Chekunov S. A.**
To the question of the development of the concept of the institute of ratification: practice and problems..... 103
- Yusupov R. M.**
Universal human values in the context of a general theory of human rights: problems of definitions..... 108
- Dalgatova A. O.**
Subjects of abuse of power prevention in commercial and other organizations..... 110

HISTORY OF STATE AND LAW

- Isayev N. A.**
Abandonment of criminal responsibility in the RSFSR Criminal Code of 1922..... 112
- Verkhovodov E. V., Kurzenin E. B., Tsyganov V. I.**
«Freethought» of Christopher Marlowe and Edward Herbert as a harbinger of English liberalism..... 114
- Yuldashov S. O.**
Analysis of attitude to citizens' addresses at the state of Anushtiginids-Khwarazm shahs (1097–1231)..... 118
- Dibirova A. I., Kerimhanova A. B.**
Formation of the Russian parliamentarism. Elections to the first State Duma in the North Caucasus in 1906..... 121
- Kabanova Yu. S.**
The activities of the authorities of the Russian Empire for the protection of cultural values in the XIX — early XX centuries..... 123
- Ponomarenko S. I.**
Status of the suspect in the context of the Soviet period of domestic statehood development..... 126
- Alieva A. B.**
Public administration «Imperial» administration Dagestan region in the second half of the nineteenth century..... 130
- Beznosova Ya. V., Kondrateva A. N., Romanovskaya V. B., Romanovskaya L. R., Fedyushkina A. I.**
Witchcraft, magic and religion in the early medieval Europe..... 132

CIVIL LAW

- Musaeva A. G.**
Legal assessment of the Law «On health protection of population from consequences of tobacco consumption»..... 135
- Afanasyev I. V.**
The agreement on the establishment of servitude: the form and terms..... 137
- Magomedova M. M.**
Features of separate types of the legal facts in the light of introduction of new amendments into the civil legislation..... 141

COPYRIGHT LAW

- Prisyazhnyuk Yu. P., Prisyazhnyuk D. O.**
Musical rhetoric as a tool in the legal classification of works of art..... 144

ECOLOGICAL LAW

- Zinovkin N. S.**
Polluter pays principle: history, interpretation, implementation into national law..... 147

ADMINISTRATIVE LAW

- Khairullina N. G., Scherbakov G. A.**
Delimitation of powers in social policy.....152
- Timerbaev R. R., Kazymov A. A.**
Public associations as structural elements of civil society.....155
- Posulikhina N. S.**
Improving administrative legal procedures of licensing medical activity in the Russian Federation.....157

BANKING LAW

- Ilyukhina I. B., Samorodova E. M.**
Approaches to state regulation of the Russian bank sphere in modern conditions.....162

INSURANCE LAW

- Mikhaleva A. Ye.**
Legal expenses insurance, litigation funding and «success fee» as ways to increase the accessibility of legal assistance in foreign countries.....164

LAW AND EDUCATION

- Alexeeva E. N., Efremova S. M.**
Formation of socio-pedagogical environment for ensuring the growth of university graduates' career competency.....170
- Gadzhieva H. I.**
Problems of legal socialization of adolescents in the modern world.....172

HUMAN RIGHTS

- Seynryan A. O.**
Activity of human rights institutes in the mechanism of protection of the rights of taxpayers. Domestic and foreign experience.....174
- Shamilova G. Z.**
The arrest and commitment of person who is alleged of criminal offence according to the point «C» p. 1 art. 5 of Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 1950.....176
- Zaidova M. U.**
The commissioner for Human Rights, as one of the remedies (on example of the Republic of Dagestan).....180

CRIMINAL LAW

- Okhlopkova A. S.**
System of the international standards of human rights in Russian criminal procedure.....182
- Abdulmuslimova L. G.**
To a question of definition of the criminological characteristic of corruption.....185
- Babkina E. V., Nikitin D. A.**
About some problems of the prevention of organized crime.....187
- Karimova G. Yu.**
The personality of juvenile offender who cause harm to health.....189
- Frolow K. A.**
Criminal of passion's features.....192
- Babichev A. G.**
Imposition of punishment for the crime under part 1, Art. 108 of the Criminal Code of the Russian Federation.....196
- Galimov R. R. Klyzbaeva V. A.**
Controversial issues in the application of article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Retail sale of alcoholic beverages to minors».....200

JUVENILE LAW

- Saidova M. U., Musaeva A. G.**
Problems of formation of juvenile law as a separate branch of Russian law.....203

CRIMINALISTICS

- Zhuravlevko N. I.**
Use of techniques of the criminalistics diagnostic researches of subjects and documents for implementation of the analysis operational situation and diagnostic analysis of criminal action.....205

- Sergeev A. L.**
Measures to prevent corruption related crime.....210

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

- Malikov B. Z., Salimova A. M.**
Probation and conditional sentence as correctional alternatives to punishment in the criminal law of Russia.....213

JUDICIARY

- Shakhbanova Kh. M.**
Competitiveness as a principle of criminal and legal proceedings.....216
- Astanov I. R.**
Improvement of the expert examination institute under the conditions of judicial reform and efficiency from use of its new opportunities.....218

ADVOCACY AND THE LEGAL PROFESSION

- Frygina M. M.**
Formation legal stance of plaintiff's legal stance by the advocate-representative.....221

LABOUR LAW

- Tolbuzina T. V.**
Protection of the Russian citizens' employment rights.....224

ECONOMICS AND LAW

- Sattarova N. A.**
About the features of state financial control in investment activities.....227
- Spasskaya N. V.**
Russian Investment Fund as federal institute of investment process.....229
- Stavtseva T. I.**
Transactions in residential real estate market: transaction costs.....232

POLICY AND LAW

- Abdulgamidova D. A.**
Russian Federation presidential power and its place in system of «checks and balances».....234
- Avdeev D. A.**
The parliament in the Russian system of public administration.....236
- Kulikova I. M.**
Improving local self-government as a factor of improving the quality of life in Russia.....239
- Soloviev D. S.**
The institute of general elections of governors as a factor of increasing the legitimacy of regional authorities.....241
- Burda M. A.**
Migration legislation as a mechanism for the state's implementation of its powers.....244
- Sutthisangiam Sorrakom**
Thai political parties in the context of political culture.....247
- Yamalova E. N.**
Party competition in the post-Soviet Estonia.....250

PHILOSOPHY AND LAW

- Bondarenko V. N.**
The interaction of philosophical metaphysics and law (article three).....253

OUR CELEBRATOR

- To the 75th anniversary of professor Grigory Efimovich Bystrov*.....256
- Memories of G. E. Bystrov – a student and a postgraduate student of the Leningrad State University, investigator, assistant attorney of Gus City Prosecutor's office of the Kaliningrad region (1957–1969 years) of Russia*.....257

INFORMATION FOR AUTHORS

ABOUT THE AUTHORS

**Посол Индии в Москве:
ИНДИЯ И РОССИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БРИКС И ШОС
ИНТЕРВЬЮ С ПОСЛОМ ИНДИИ В МОСКВЕ ПУНДИ ШРИНИВАСАН РАГХАВАН**

**Ambassador of India in Moscow:
INDIA AND RUSSIA: NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF THE SCO AND BRICS INTERVIEW WITH AMBASSADOR OF INDIA
IN MOSCOW PUNDI SRINIVASAN RAGHAVAN**

Пунди Шринивасан Рагхаван

Визитная карточка:

Пунди Шринивасан Рагхаван родился в 1955 г. В 1975 г. господин Рагхаван получил степень бакалавра естественных наук по физике (диплом с отличием) в Колледже Сейнт Стивен, в Делийском университете, а в 1978 г. степень бакалавра технических наук по электронной инженерии и технике связи в Индийском институте науки, г. Бангалор. В 1979 г. поступил на дипломатическую службу.

С 1979 по 1994 гг. он занимал ряд дипломатических должностей в индийских дипломатических миссиях в Москве (в то время СССР), Варшаве (Польша) и Лондоне (Великобритания), попеременно работая в Министерстве иностранных дел, Правительстве Индии.

В 1994 г. он был назначен генеральным консулом Индии в г. Хошимин (Вьетнам) и в 1997 г. — заместителем посла Индии в Южной Африке, г. Претория. С 2000 по 2004 гг., господин Рагхаван был помощником Премьер-министра Индии в г. Дели, занимаясь вопросами в области внешней политики, атомной энергии, космоса, обороны и национальной безопасности. Он был послом Индии в Чешской Республике (2004–2007 гг.) и послом Индии в Ирландии (2007–2011 гг.). В январе 2012 г. он был назначен главой вновь созданного Ведомства по сотрудничеству с развивающимися странами при Министерстве иностранных дел. Данное ведомство отвечает за эффективную реализацию проектов по экономическому сотрудничеству Индии в развивающихся странах.

Посол Рагхаван был главным координатором министерской конференции Ассоциации регионального сотрудничества со странами Индийского океана (IOR-ARC) в г. Бангалор (ноябрь 2011 г.) и саммита БРИКС в г. Дели (март 2012 г.). В августе 2012 г. он был назначен спецпредставителем Правительства Индии в Судане и в Южном Судане. В марте 2013 г. он был назначен специальным секретарем, и в этой должности возглавлял Ведомство по сотрудничеству с развивающимися странами, а также Администрацию, Департамент управления делами и другие сопряженные Департаменты Министерства иностранных дел. В октябре 2013 он был назначен заместителем министра (Экономические отношения) в дополнение к его обязанностям в Администрации и Департаменте управления делами.

Пунди Шринивасан Рагхаван вручил свои верительные грамоты, удостоверяющие его назначение в качестве Посла Индии в Российской Федерации Президенту Российской Федерации Владимиру Путину 16 января 2014 года.

У господина Рагхавана и его супруги Барбары Рагхаван два сына.

— Господин Пунди Шринивасан Рагхаван, традиционно одной из приоритетных тем Евразийского юридического журнала является освещение роли международного права в современных международных отношениях. Поэтому, предлагаем начать нашу беседу именно с основополагающих начал обустройства международного сообщества. Какую позицию занимает в своей независимой внешней политике Индия относительно нарушения со стороны западных стран в последнее время принципов и норм международного права?

— Индийская внешняя политика прочно закрепилась в рамках уверенно обоснованных принципов и национальных интересов, вытекающих из исторического опыта, социальных идеалов и целей развития нашего государства.

— Как можно было бы кратко охарактеризовать основные направления внешней политики Индии в сегодняшней глобальной обстановке?

— Я уже упоминал об основах нашей внешней политики. Экономический рост и достижение целей развития являются важными векторами нашей внешней политики, также как и безопасность наших границ и автономность действий на мировой арене. Эти перспективы являются руководством нашего взаимодействия с международным сообществом, направленным на многополярное мироустройство, учитывающим интересы и устремления народов, и это наш призыв к такой реформе международной системы управления, чтобы она отражала реалии XXI века.

— Отношения России и Индии давно принято называть «стратегическим партнерством». Во время Холодной

войны Индию и Советский Союз связывали крепкие военные, экономические и дипломатические отношения. Новая Россия унаследовала близкие отношения с Индией, а Индия улучшила свои отношения и с Западом. В 1996 году Министр иностранных дел России Е. М. Примаков предложил идею укрепления российско-индийских отношений. Он выдвинул идею геостратегического треугольника «Москва-Пекин-Дели» в рамках многополярного мира. Господин Посол, как Вы оцениваете историю российско-индийских отношений в разные времена за последние 20–25 лет?

— Отношения между Индией и Россией были, есть и останутся крепкими, потому что они всегда соответствуют взаимным интересам двух стран и пользуются значительной поддержкой наших народов. Они пережили политические и экономические преобразования России и Индии в 1990-е годы. Они вступили в новую более интенсивную фазу в 2000 году, когда мы приступили к практике ежегодных встреч на высшем уровне между нашими лидерами. Россия была первой страной, с которой Индия заключила официальное соглашение о стратегическом партнерстве. В знак признания масштабов нашего двустороннего сотрудничества, мы продлили сроки наших отношений особого и привилегированного стратегического партнерства.

— Президент России Владимир Путин в мае 2014 года поздравил Нарендру Моди с победой Бхаратия Джаната Парти на всеобщих парламентских выборах в Индии. В поздравительной телеграмме глава Российского государства высоко оценил традиционно дружественные отношения

России и Индии, в основе которых лежит Декларация о стратегическом партнёрстве, подписанная во время пребывания Бхарати Джаната Парти у власти и определившая развитие двустороннего взаимодействия на годы вперёд. Как Вы оцениваете итоги визита В. Путина в Дели 12 декабря прошлого года?

— Отношения России с Индией носят стабильно дружественный характер уже более полувека, нынешняя встреча в верхах имела особое значение — произошедшая полгода назад смена власти в Дели дала повод к многочисленным спекуляциям по поводу будущего индийско-российских связей. Не скажется ли смена правительства в Индии летом 2014 года на традиционных российско-индийских отношениях?

— Как Вы прокомментировали бы такую точку зрения, что «Моди, с приходом к власти которого в Индии начинаются очень серьезные изменения, будучи прагматичным националистом и консерватором, гораздо ближе по своим взглядам к Путину, чем к англосаксонской элите»?

— Визит президента Путина в Индию в декабре прошлого года был во многом знаковым событием. Это был первый ежегодный саммит между лидерами наших великих государств после того, как новое правительство пришло к власти. Они рассмотрели текущее состояние специального и привилегированного стратегического партнерства между Индией и Россией, а также утвердили сфокусированную повестку дня развития двустороннего сотрудничества в различных областях. Это можно увидеть в совместном заявлении, которое отражает взгляд наших двух лидеров на укрепление нашего партнерства в ближайшие десятилетия. Соглашения, подписанные в ходе визита, главным образом опираются на цели, изложенные в совместном заявлении.

— Декабрьский визит Владимира Путина в Индию стал логичным продолжением разворота России на Восток, при котором Москва не только укрепляет связи со старыми друзьями, но и приступает к совместному оформлению нового мирового порядка. Будучи партнерами по БРИКС, Россия и Индия взаимодействуют и в рамках ШОС. Этот глобальный дуэт становится реальным фактором мировой геополитики. Какие области российско-индийских отношений Вы, как посол Индии в Москве, считаете наиболее приоритетными? Существуют ли разногласия между нашими двумя странами?

— Я излагал уже важные элементы нашей внешней политики, они не изменяются при смене правительства. Стратегическое видение документа, принятого в ходе визита президента Путина в Индию в декабре 2014 года отражает решимость нашего правительства укрепить партнерство с Россией во всех областях двустороннего сотрудничества.

В своём заявлении в СМИ во время визита президента Путина наш премьер-министр назвал индийско-российское стратегическое партнерство как «несравненное по содержанию». Он добавил: «стойкая поддержка народа России для Индии была даже в самые сложные моменты нашей истории. Она была опорой для Индии в области развития, безопасности и международных отношений. Индия также оказывала поддержку России в преодолении собственных трудностей. Характер мировой политики и международных отношений меняется. Тем не менее, значение этой взаимосвязи и ее уникальное место в индийской внешней политике не изменится. Во многом значимость этой взаимосвязи для обеих стран будет и дальше расти в будущем». Цитата, приведенная выше, является категорическим ответом на Ваш вопрос.

— Дели осудил западные санкции против Москвы — «Россия и Индия выступают против экономических санкций, которые не получили одобрения Совета Безопасности ООН». В декларации также зафиксировано желание Москвы поддержать намерение Дели получить статус постоянного члена Совбеза — что, конечно, находится в русле политики по демонтажу мира по-американски

и перехода к миропорядку, выстроенному на балансе интересов главных мировых цивилизаций. Что Вы думаете по вопросу западных санкций в отношении России? Считаете ли Вы эти санкции стали возможностью для более активного развития сотрудничества между Россией и Индией в различных сферах?

— Наше новое правительство прикладывает большие усилия для экономического роста и обеспечения национальных интересов, и всегда особо подчеркивает, что на международном уровне Индия должна держать эти аспекты в центре внимания.

— Если говорить о ситуации на Украине, то какова позиция Индии по украинскому кризису? Чем руководствовалась индийская сторона, воздержавшись от голосования по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о территориальной целостности Украины?

— Индия постоянно выступает с такой позиции, что она хотела бы решение внутренних разногласий Украины в том ключе, что отвечает чаяниям всех слоев населения Украины с учетом законных интересов соседних стран. Индия не считает насилие в качестве законного средства для разрешения конфликтной ситуации на юго-востоке Украины и уверена, что только искренние и последовательные дипломатические усилия будут гарантировать, что все вопросы будут решены путем конструктивного диалога. Голосование Индии по резолюциям ООН относительно драматических событий на Украине основано на оценке проблем и обстоятельств в целом.

— Новое руководство Индии объявило политику активного привлечения иностранных инвестиций в экономику страны. Как развивались торговля и инвестиционное сотрудничество в течение последнего времени между Индией и Россией? Какие совместные проекты могут Индии предлагать российские компании?

— Как я уже упоминал, руководство наших двух стран особенно считают экономическое сотрудничество в качестве основной сферы двусторонних отношений. К сожалению, наша ежегодная взаимная торговля составляет только около 10 миллиардов долларов США и наши взаимные инвестиции ограничиваются несколькими областями, что значительно ниже имеющегося потенциала. В настоящее время у нас есть большое количество совместных инвестиционных проектов, которые находятся на стадии совместного обсуждения. Они касаются природных ресурсов (уголь, минеральные удобрения и т.д.), углеводороды, лекарственные препараты, химические вещества, транспортные средства, а также другие интересы индийских компаний в России. Российские компании также проявляют большой интерес к проекту «Сделайте в Индии» по инициативе правительства Индии. Мы также обсуждаем проекты совместного производства вертолетов, самолетов и широкого круга других машин и оборудования. Это помимо инвестиционных проектов в оборонной сфере, которые также в заключительных стадиях обсуждения перед подписанием.

— Индия была вовлечена в деятельность Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) в качестве страны-наблюдателя с 2005 года и заинтересована в присоединении к этой региональной международной организации. Будет ли это в ближайшем будущем, допустим, на Саммите ШОС в Уфе в июле этого года?

— Индия выдержала испытание, показав на деле свое активное взаимодействие с ШОС. Наша страна вносит значимый вклад в деятельность этой авторитетной международной организации в качестве ее наблюдателя. Официальное заявление Индии о полном членстве было сделано в прошлом году и рассмотрено государствами-участниками на саммите ШОС в Дуншане. Мы высоко ценим поддержку России насчет вступления Индии в ШОС, который также был подтвержден в совместном заявлении, опубликованном в ходе визита президента Путина в Дели. Индия готова присоединиться к ШОС в качестве государства-участника, когда организация будет готова к этому.

— Энергетическая безопасность является одной из приоритетных задач для Индии. Эксперты не исключают тот факт, что Россия и Индия могут прийти к соглашению о строительстве Транс-Гималайского газопровода. Обсуждается ли такая идея индийским руководством? Есть ли в планах другие совместные проекты в энергетическом секторе?

— В ходе визита президента Путина в Индию в декабре прошлого года была подписана Программа сотрудничества в области нефти и газа на 2015–2016 годы, она предусматривает проекты совместной разведки и добычи углеводородов на длительный срок, поставок СПГ и совместное изучение системы нефтегазовых трубопроводов, соединяющих Россию с Индией. Сотрудничество по этим и другим энергетическим проектам также изложено в Партнерстве стратегического сотрудничества, которую наши страны подписали на высшем уровне несколько месяцев назад.

— Один из лучших примеров сотрудничества в сфере оборонно-промышленного комплекса является совместное предприятие BrahMos Aerospace, которое разрабатывает ракеты. Россия и Индия планируют ли еще такие проекты? Как сотрудничество между Россией и Индией продвигается в создании истребителя пятого поколения?

— Производство совместно разработанной ракеты Brahmos в Индии проходит удовлетворительно. Данная противоздушная система вводится в вооружение армии и флота Индии. Летящий вариант Brahmos, как ожидается, пройдет испытания в ближайшее время. Обе стороны активно обсуждают развитие последующих версий Brahmos.

Опыт двустороннего военно-технического сотрудничества конкретно свидетельствует, что Индия и Россия имеют уникальные отношения совместного исследования, разработки и производства военных оборонных систем. Мы имеем отличные результаты в нашем двустороннем сотрудничестве и полностью довольны российскими военными технологиями, что наши оборонные предприятия получают. Мы исходим из того же уровня сотрудничества в развитии FGFA.

Говоря о военно-техническом сотрудничестве, в мировых СМИ распространяется много дезинформации в корыстных целях. Она не отражает точку зрения нашего правительства. Разработка и производство высокотехнологичных систем сложный процесс. Все вопросы обсуждаются и решаются добровольной волей обеих сторон.

— Многоуважаемый господин Пунди Шринивасан Рагхаван, одним из последствий сокращения военного присутствия Запада в Афганистане было и остается укрепление российско-индийских отношений в сфере безопасности. В то время официальный Дели в последние годы старается диверсифицировать свои отношения в сфере обороны, в том числе путем расширения связей с Соединенными Штатами Америки. Индия и Россия солидарны, чтобы предотвратить возвращение к власти в Кабуле талибов — агрессивных исламских фундаменталистов. Россия и Индия, соседние с Афганистаном государства, имеют общие цели в отношении этого соседа. Каковы, на Ваш взгляд, приоритетные задачи здесь?

— Афганистан является важной страной в нашем общем соседстве. Индия обязуется и далее оказывать помощь Афганистану в его старании восстановить мир и порядок. Мы будем продолжать работать, чтобы еще больше укрепить наше стратегическое партнерство с официальным Афганистаном и его народом. Мы так же, как и Россия, считаем, что сильная, стабильная и процветающая страна в сфере наших жизненно важных интересов. Политическая безопасность и экономические достижения последнего десятилетия представляют Афганистану реальный шанс для достижения намеченной цели. Индия и Россия могут объединить совместные усилия, чтобы внести свой более значительный вклад в налаживание нормальной жизни в Афганистане.

— Разделяете ли Вы мнение, что в контексте ужесточения санкций против России со стороны западных стран, сотрудничество с азиатскими партнерами, и с Индией в частности, может приобретать другое качество? Со своей стороны, Индия продолжает демонстрировать свое желание для дальнейшего всестороннего развития контактов с Россией на всех возможных площадках — в рамках БРИКС, ШОС и Евразийского экономического союза, который начинает действовать в 2015 году...

— Наши отношения с Россией не зависят от ситуации вокруг нас в отдельности. Мы все надежные партнеры. Мы стояли друг за друга в трудные времена. Взаимное доверие и поддержка друг друга во все времена являются надежным фундаментом нашего сотрудничества.

— Индийские власти решили начать выдачу виз гражданам ряда стран, включая Россию, в местных международных аэропортах. Как это может повлиять на поток туристов из Российской Федерации в Индию? Есть ли у вас статистика о количестве российских туристов, посетивших индийских курортов в прошлом году?

— Наша новая схема выдачи виз позволяет, в том числе и россиянам сделать заявку и получить разрешение на поездку к нам в электронном виде, а по прибытии в нашу страну они могут получить свои визы в одном из индийских аэропортов. Мы надеемся, что это позволит значительно увеличить число российских туристов в Индии. Нашу страну в прошлом году посетили 250000 туристов из России. Мы ожидаем, что новое положение о визах будет способствовать увеличению числа пребывающих к нам россиян, несмотря на не совсем благоприятный сервис в индустрии туризма.

— Господин Посол, по вашему мнению, могут ли страны БРИКС сейчас рассматривать не только как развивающаяся страны нового экономического союза, но и как члены геополитической клуба Бразилии, России, Китая и Южной Африки и вскоре, уверены, и Индии?

— БРИКС, которая началась в качестве открытой дискуссионной площадки международных экономических вопросов, представляющих взаимный интерес, в настоящее время стал важным мировым форумом для консультаций, координации и сотрудничества в современных глобальных вопросах, представляющих взаимный интерес, а также помог укреплению взаимного доверия и понимания. Повестка дня заседаний БРИКС значительно расширилась на протяжении многих лет, чтобы охватить такие глобальные вопросы, как международный терроризм, изменение климата, продовольственной и энергетической безопасности, международной экономической и финансовой ситуации, устойчивого развития, торгового протекционизма.

Теперь у нас есть конвергентные, в рамках БРИКС, позиции по реформе институтов глобального управления и поддержки для демократического, многополярного мирового порядка. БРИКС черпает силы и от двусторонних отношений между его отдельными членами.

— Господин Посол, страны БРИКС, обладая громадными природными и человеческими ресурсами, имеют большое влияние на глобальные и региональные рынки. По вашему мнению, смогут ли страны БРИКС быть гарантом глобальной безопасности в будущем?

— Существует высокая степень интеграции среди стран БРИКС стран по широкому кругу проблем глобальной безопасности. Они устремлены на международную сплоченность и партнерство в борьбе с терроризмом, обеспечение мира и стабильности в Афганистане, по решению проблемы повышения потрясений в Западной Азии, всеобъемлющего, справедливого и прочного урегулирования арабо-израильского конфликта, и т.д. Они соглашаются, что меры по исправлению положения для многих глобальных проблем должны начинаться с реформы институтов глобального управления, которая должна стать более представительной и отражать наземные

реалии. Работая вместе для этих целей, группа стран БРИКС может внести существенный вклад в укрепление глобальной безопасности.

— **Укрепление отношений Индии с Китаем, построение трехстороннего сотрудничества на транснациональном уровне будут способствовать тому, что Гималаи соберет, а не будет далее разрывать две древних цивилизации. Может быть, даже три, потому что Евразийский проект России вернется в вашу страну через Гималаи. Какие перспективы вы видите в этой амбициозной идее?**

— Двусторонние отношения Индии с Китаем успешно развиваются; обе стороны прилагают усилия для реализации взаимного потенциала в плане конвергенции и взаимодополняемости. Если говорить отдельно о наших отношениях с Россией, то они основываются на длительных исторических связях, как я уже говорил в деталях, придают нашему партнерству недюжинную силу и яркость, и способствуют использованию существующих возможностей для прорыва вперед. Мы находимся в разнообразном взаимодействии со странами Евразийского экономического союза и СНГ в целом, чтобы создать гораздо более глобальное евразийское экономическое сотрудничество с участием и Индии. Членство Индии в Шанхайской организации сотрудничества, которая объединяет Россию, Китай и три центрально-азиатских государств (Таджикистан, Киргизия и Узбекистан), сделает по-настоящему ШОС Транс-Гималайской организацией.

— **В июле этого года, Россия принимает лидеров БРИКС и ШОС в городе Уфе. Какие прогнозы делает Индия относительно БРИКС-2015? На ваш взгляд, насколько реалистичен прогноз экспертов, которые утверждают, что экономический потенциал Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР может сделать возможным для них занять доминирующую позицию 2050 году? Что нужно сделать, чтобы достичь этого? Что такое роль фактора цивилизации в развитии проекта БРИКС? По сравнению с существующей англо-саксонской парадигмой, которая должна быть внедрена и поддерживается силой, сделать разнообразие и взаимодействие культур, по вашему мнению, обладают значительными потенциальными преимуществами для проекта БРИКС?**

— Мы уверены, что Саммит БРИКС-2015 в Уфе примет и разовьет достигнутые достижения Саммита БРИКС-2014, и определит новые области конвергенции и сотрудничества. Как я уже упоминал, БРИКС на протяжении последних лет превратился в важный инструмент для продвижения глобального экономического роста и стабильности, экономического развития в странах с ограниченными ресурсами и обеспечения мира и безопасности в международном сообществе. Группа стран БРИКС, используя потенциальные возможности нового Банка развития, создадут новую парадигму для поддержки инклюзивного роста, устойчивого развития и экономической стабильности для стран-участниц. Защитный финансовый механизм будет дополнительной подушкой безопасности от колебаний на международных финансовых рынках.

БРИКС объединяет пять основных стран с развивающейся экономикой, что составляет приблизительно 40% человеческих ресурсов в мире и около 25% мирового ВВП. Поэтому реалистично ожидать, что БРИКС станет глобальным экономическим гигантом в ближайшем будущем. Кроме того, хотя есть различие в экономическом преимуществе отдельных стран БРИКС, существует значительный потенциал для укрепления внутрорегионального сотрудничества в таких областях, как образование онлайн, доступное здравоохранение, виртуальный университет БРИКС, развитие малых и средних предприятий, туризма, молодежных обменов, науки и технологий. Это цивилизационный фактор в отношениях стран БРИКС. Мы надеемся, что будет движение вперед в этих областях в БРИКС-2015.

— **Что вы думаете о том, что БРИКС в ходе многостороннего сотрудничества в различных сферах даст новый толчок существующим двусторонним культурным связям? В частности, через создание национальных и международных культурных центров БРИКС наций, и формирование схемы сотрудничества между национальными творческими объединениями стран БРИКС. Почему БРИКС пока не подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере культуры, предложенный российской стороной, которая позволила бы включить широкой общечеловечности наших стран в процессе формирования этого?**

— Саммит лидеров стран БРИКС в Форталезе в 2014 году постановил призвать страны БРИКС к сотрудничеству в области культуры и ускорить переговоры по проекту Соглашения о сотрудничестве в области культуры. Я ожидаю, что в Уфе на предстоящем саммите БРИКС мы увидим конкретные инициативы в целях укрепления культурного сотрудничества в формате БРИКС. Индия и Россия имеют глубокие культурные корни на протяжении нескольких веков. Есть крепкие двусторонние культурные связи между другими странами БРИКС. Поэтому, механизм для продвижения культурного сотрудничества в формате БРИКС может быть построен на прочной платформе ярких культурных связей между странами БРИКС.

— **Что бы вы хотели пожелать России в качестве страны, председательствующей в БРИКС в 2015 году?**

— Конечно, я выражаю самые теплые пожелания России, как председателю Саммита БРИКС в 2015 году. Полагаю, что многогранный БРИКС примет ряд инициатив и мероприятий в течение председательства вашей страны в БРИКС. Россия как мировая держава имеет громадный опыт в проведении международных мероприятий такого масштаба. И Россия, уверен, проведет БРИКС-2015 достойно и результативно.

— **Многоуважаемый господин Посол, что вы хотели бы, пользуясь случаем, пожелать читателям, авторам и сотрудникам Евразийского юридического журнала, проживающим в разных странах Евразии?**

— Я выражаю свои поздравления всем, кто читает и сотрудничает с Евразийским юридическим журналом. Ваша роль в популяризации и разъяснении международного права, основы обустройства международного сообщества, является ценным в беспокойном мире. Я желаю всем вам успехов в этом благородном деле.

Интервью с Послом Индии в Москве Пунди Шринивасан Рахгаван подготовили:

Шуванов Станислав Александрович — Председатель Международного общественного движения «Российская служба мира», ветеран дипломатической службы.

Кухтин Геннадий Витальевич — Первый заместитель Председателя Международного общественного движения «Российская служба мира», ветеран государственной службы.

Фархутдинов Инсур Забирович — Главный редактор Евразийского юридического журнала, Заместитель Председателя Международного общественного движения «Российская служба мира».

О Евгении Анатольевиче Высторобце, Человеке и Учене

18 марта 2015 года ушел из жизни выдающийся ученый и прекрасный человек Евгений Анатольевич Высторобец. Выпускник Московского государственного педагогического университета им. В. И. Ленина (геофак), Международного независимого эколого-политологического университета (юрфак), кандидат юридических наук, координатор Московской инициативы в развитие международного права окружающей среды (МИРмпОС), член Совета учредителей международного конкурса «ИнтерЭКОправовая АБВГДейка», член Центрального Совета Российского экологического союза, член Международной сети экологического права (elni), член Сети крупных травоядных (LNnet). Награжден медалью РАН по направлению «Мировая экономика и международные отношения» конкурса работ молодых ученых (2002), дипломом Губернатора Московской области по направлению «Развитие международного и межрегионального природоохранного сотрудничества» с присвоением звания «Эколог года Подмосковья» (2005), почетным дипломом I степени и медалью Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проблемам устойчивого развития России, Правления Российского экологического союза, Совета Ассоциации «Росэкопресс» за развитие экологического образования в Российской Федерации.

Е. А. Высторобец был великолепным научным редактором: под его редакцией были изданы известные научному миру книги «Экологические положения конституций», «Ан-

тология интерэкоправа», сборники научных трудов по результатам Первой и Второй Школы интерэкоправа. Он был умелым, ответственным, заражающим позитивной энергией и оптимизмом руководителем: в 2010 году основал и возглавил Центр интерэкоправа Евразийского НИИ проблем права, был первым заместителем главного редактора Евразийского юридического журнала, объединив ученых России, Беларуси, Казахстана, Украины и Узбекистана. Был идейным вдохновителем и талантливым организатором уникального мероприятия — Школы интерэкоправа (2012 и 2014 гг.), собрав участников из 21 государства для решения вопросов охраны окружающей среды нормами права и для обмена опытом преподавательской и учебно-методической деятельности представителей евразийских государств.

Он был человеком энциклопедически образованным, отличавшимся разносторонней эрудицией, высочайшей работоспособностью и истинной преданностью науке. Его вклад в становление новой сверхотрасли «Интерэкоправа», в развитие экологического образования и воспитания, в объединение евразийских ученых в области экологического права невозможно переоценить. Настоящий Ученый и Человек будет жить в благодарной памяти его друзей, коллег и учеников.

Расширенный некролог о нашем незабвенном друге и коллеге будет опубликован в № 4 (84) 2015.

От редакции

**Абанина Е. Н.
О РАЗВИТИИ ИНТЕРЭКОПРАВОВЫХ ИДЕЙ.
ПАМЯТИ Е. А. ВЫСТОРОВЦА ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Очерк посвящен обзору идей основателя Центра Интерэкоправа Евразийского НИИ проблем права Евгения Анатольевича Высторобца в целях развития эколого-правовой охраны природы на уровне государства и на международном уровне. Рассмотрены основные теоретические направления научной работы, представлены законченные и продолжающиеся проекты. Представлен итоговый документ II Школы интерэкоправа 2014 года.

Ключевые слова: Е. А. Высторобец, Центр интерэкоправа, окружающая среда, интерэкоправо, Школа интерэкоправа, ЕврАзНИИПП.

**Abanina E. N.
DEVELOPMENT OF INTERECOLAW IDEAS.
DEDICATED TO THE MEMORY E. A. WYSTOROBETS**

This essay is dedicated to the review of the ideas of the founder of the Centre of interecolaw for Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law Evgeniy Wystorobets for development of ecological and legal protection of nature at the state level and at the international level. The main directions of theoretical research as well as complete and ongoing projects are considered. The final document of the II School of interecolaw 2014 is presented.

Keywords: E. A. Wystorobets, Centre of interecolaw, environment, interecolaw, School of interecolaw, EurAzNIIPP (EurAzSRIPL).

Абанина Е. Н.

Что... можно оставить после себя детям? Кроме доброго имени, важно оставить чистый воздух, чистую воду, плодородные почвы. Возродив природоохранные идеи, можно обрести надежду на будущее. Создав правовые условия, поощряющие реальные блага, можно высвободить энергию энтузиастов, готовых служить обществу.
Е. А. Высторобец

В 2010 году на базе Евразийского НИИ проблем права Евгением Анатольевичем Высторобцем был основан Центр интерэкоправа с целью объединения усилий заинтересованных лиц и организаций в решении интерэкоправовых задач¹. Долгосрочная цель деятельности Центра полностью совпадала с целью жизни ученого — экологизация правовой жизни для обеспечения права настоящего и будущих поколений на благоприятную окружающую среду.

За четыре года работы Центра Евгению Анатольевичу удалось сделать многое, прежде всего, объединить ученых евразийского пространства для проведения эколого-правовых исследований, популяризации экологических знаний и развития эколого-правовой науки.

Первая крупная реализованная усилиями Центра идея — сборник «Экологические положения конституций»² — систематичная инкорпорация, создание методики формальной оценки экологичности конституций, исследование проблем соотношения принципов международного права и положений национального права. С уверенностью можно говорить о пользе сборника молодым ученым, так как сборник существенно облегчил изучение специальной части экологического права, позволил проводить сравнительные исследования основных положений экологического права зарубежных государств.

На книгу были опубликованы отзывы представителей образовательного сообщества, образовательных и просветительских проектов в ведущих рецензируемых научных журналах, что свидетельствовало об успешности применения издания³. После издания книги Е. А. Высторобец выражал уверенность, что в последующем результаты проекта послужат основой крупных научных открытий на пути экологизации сознания и деятельности граждан России и других государств мира к лучшему для сохранения и восстановления природы мироустройству, которое будет поощрять защиту публичного блага, охрану природы.

Самый значительный по числу соавторов (88 авторов из 12 стран) и самый долгий по времени исполнения (2 года) проект Центра — Антология интерэкоправа⁴. Цель проекта — развитие экологического образования путем привлечения молодежи к исследованию познавательных источников и подготовки к публикации антологии интерэкоправа. Книга включает би-

1 Интерэкоправо — совокупность норм и принципов, регулирующих отношения между его субъектами в области охраны окружающей среды, ее ресурсов и другие международные экологические отношения — эколого-правовые международные отношения (отношения, регулируемые международным экологическим правом и международным правом окружающей среды — природоохранные, природоресурсные и другие смежные по предмету).
2 Экологические положения конституций: сборник / Под. ред. Е. А. Высторобца; [предисл. Ю. С. Шемшученко, вступ. слово В. И. Данилова-Данильяна, интервью с С. А. Боголюбовым]. — М. — Уфа: МИРмПОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2012. — 385 с. + ил., 1 отд. л. формата А3.

3 См., например: Алимов А. А., Ермолина М. А. Рецензия на книгу «Экологические положения конституций» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 256–258; Анисимов А. П. Рецензия на книгу: Экологические положения конституций: сборник / Под. ред. Е. А. Высторобца. — М. — Уфа: МИРмПОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2012. — 385 с. // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 1 (56). — С. 150–152; Кабышев В. Т., Стребкова Е. Г. Экологическая конституция Земли — основа мировой экологической безопасности. Рецензия на книгу: Экологические положения конституций: сборник / Под. ред. Е. А. Высторобца. — М. — Уфа: МИРмПОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2012. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 1 (90). — С. 222–225.

4 Антология интерэкоправа: учебное пособие, тематический каталог, ссылки на скачивание полных текстов, источниковедческие обзоры, интервью и статьи / Под. ред. Е. А. Высторобца; [предисл. В. И. Данилова-Данильяна, к читателям А. Д. Буриана, пролог Р. М. Валеева]. — 2-е изд. — М. — Уфа: МИРмПОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2014. — 678 с. + ил. 1 отд. л. формата А3.

блиографические описания около 3500 познавательных источников⁵, отражающих право, в том числе около 800 ссылок на скачивание полных текстов с 1830 г. по 2013 г. и сотни ссылок на скачивание полных текстов книг, статей, научных и учебных материалов, источниковедческие статьи. В связи с небольшим тиражом книги большим плюсом является открытость издания — Антология находится в сетях общего доступа http://miel.narod.ru/Anthology_of_intercolaw_BLOCK.pdf.

В области популяризации экологических знаний Евгений Анатольевич организовал и провел Школу интерэкоправа в 2012 году в г. Саратове и в 2014 году в г. Новосибирске. Формат Школы был выбран не случайно; не конференция, не форум, не круглый стол, а школа — такая форма встречи, которая позволила учить и учиться. Школа включала в себя различные формы работы и методические подходы:

научный круглый стол, где ученые могли обменяться своими научными достижениями;

лекции перед студентами ведущих преподавателей российских и зарубежных вузов о проблемных вопросах международного экологического права;

стендовые доклады (постерная сессия — распечатанные доклады наиболее видных ученых в области экологического и международного экологического права на плакатах формата А1 размещаются на стенах аудитории для ознакомления всеми участниками);

трибуна молодого ученого — выступления аспирантов и студентов;

практические занятия со студентами — интерактивные формы обучения, включающие проведение олимпиады, мастер-классов, деловых игр, квестовой игры, мозгового штурма, интерэкоправового боя;

презентация книжных новинок и журналов.

О пользе и популярности такой формы развития экологической работы говорит возросшее количество участников, как в очном формате, так и в заочном (публикация тезисов в сборнике) во второй Школе. В 2012 году участниками Школы стали более 100 ученых из 13 государств⁶. (Страница Школы: <http://iel1st.narod.ru/>). В 2014 году в Школе интерэкоправа приняли участие 199 человек из 21 государства, в том числе очное участие — 89, заочное участие — 108, включая 70 слушателей, с докладами — 123 участников, программный комитет — 9, организационная группа — 4, рабочая группа — 8 человек⁷ (страница Школы: <http://iel2nd.ucoz.ru/>).

Преданно служа науке, Евгений Анатольевич был скромным, истинным ученым, он был генератором экологических идей, который не «копил» для себя, а с радостью делился с коллегами и студентами в поисках единомышленников по научной работе. Великое наследие он оставил нам, своим сподвижни-

кам, коллегам — не только книги, но и информационное бесценное богатство — «Банк интерэкоправовых идей», который должен быть доступен для исследователей, потому что лучшее, что мы можем сделать — объединить наши усилия для продолжения того дела, которому он посвятил свою жизнь. Мне кажется правильным именно сейчас обнародовать его продолжающиеся и намечаемые проекты для всех заинтересованных в деле охраны природы ученых.

1. Продолжение проекта и обновление издания «Экологические конституции стран мира». Для полного представления об охране окружающей среды в мире нормами основных законов предстоит исследовать многие конституции. Так, на русском языке не публиковались извлечения экологических положений из конституций следующих государств: Босния и Герцеговина; Ботсвана; Белиз; Бруней-Даруссалам; Бурунди; Кабо-Верде; Коморы; Конго; Эквадор; Джибути; Гана; Гренада; Гваделупа; Индонезия; Люксембург; Мартиника; Монтсеррат; Науру; Нигер; Маршалловы Острова; Гвинея-Бисау; Реюньон; Сейшель; Сьерра-Леоне; Сингапур; Словакия; Того; Тонга; Тринидад и Тобаго; Буркина-Фасо; Уругвай; Самоа; Йемен; Замбия; и некоторых других административно территориальных образований, РК, Севастополя и субъектов федераций, кроме названных в России (83 из 85 обработаны).

2. Продолжение проекта «Антология интерэкоправа», начиная с публикаций 2014 года. Идея проекта заключается в преимственности, в возможности дополнений Антологии всеми заинтересованными лицами. Положение об Антологии интерэкоправа и Шаблон таблицы каталога для заполнения находятся на странице Московской инициативы в развитие международного права окружающей среды (МИРмпОС) http://miel.narod.ru/index/anthology_of_intercolaw/0-10. Заполненные таблицы можно отправлять в адрес и.о. руководителя Центра интерэкоправа Абаниной Елены Николаевны elena-abanina@yandex.ru. Ориентировочный срок издания дополнения к Антологии интерэкоправа — февраль 2016 г.

3. Продолжение разработок методических материалов для преподавателей и студентов в целях повышения качества экологического образования.

1) Интерактивные формы интерэкоправа и экологического права (разработка планов занятий и материалов, обеспечивающих их подготовку и проведение). Успешным началом этого направления работы можно считать разработанную и апробированную на XVIII Всероссийской школе молодых ученых-юристов, занимающихся правовыми проблемами охраны окружающей природной среды, природопользования и обеспечения экологической безопасности, которая состоялась в 2014 году в д. Каменюки Брестской области Республики Беларусь, а также в рамках Второй Школы интерэкоправа в г. Новосибирске деловой игры «Правовые режимы природных ресурсов» («Интерэкоправовой бой»).

2) Методические рекомендации для исследователей интерэкоправа и экологического права. Исследовательская работа неизбежно требует вовлечения самого широкого круга познавательных источников и насущную необходимость иметь под рукой их пространные списки для облегчения выбора тем и «вхождения в тему» с использованием достаточного для этого объема литературы. Использование отдельных видов изданий и видов информации, подразделяемых по знаковой и материальной природе, взамен использования всех видов изданий и информации, учитывать которые возможно и целесообразно, снижает качество результата. Для повышения качества исследования были разработаны Методические рекомендации «Образование и наука. Право. Познавательные (вспомогательные) источники права. Общие требования к системному изучению. Форма, содержание и порядок выполнения работ⁸», которые

5 Включенные виды изданий: книги (501), учебные пособия (111), практические пособия (6); брошюры (24), презентации (7), бюллетени (4), буклет (1), библиографии (2), биография (1), препринт (1), доклады (5), интервью (7), курсы лекций (4), лекция (1), методические указания (1), руководства по исследованиям (3), отчеты (3), поздравление (1), предисловия (5), сайты (7), словари (6), справочники (5), диссертации и авторефераты (161), статьи (2180), рецензии (87), части изданий (258), видеолекции (14), комментарии (10), сборники документов (16).

6 Обзор Первой Школы см.: Абанина Е. Н., Высторобец Е. А. Первая Школа интерэкоправа 2012 года // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 10 (53). — С. 10–14; Абанина Е. Н., Высторобец Е. А. Первая Школа интерэкоправа 2012 года (продолжение) // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 11 (54). — С. 15–22; Алимов А. А. Интеграция наук и знаний в решении экологической проблемы // Общество. Среда. Развитие. — 2012. — № 4 (25). — С. 283–285.

7 Обзор Второй Школы см.: Абанина Е. Н., Высторобец Е. А. II Школа интерэкоправа 2014 г. // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2 (81). — С. 239–243.

8 Методические рекомендации Евразийского НИИ проблем права от 05.05.2013. Образование и наука. Право. Познавательные (вспомогательные) источники права. Общие требования к системному

устанавливают общие требования к системному изучению познавательных (вспомогательных) источников права. Впервые в рекомендациях был определен принцип системного изучения познавательных (вспомогательных) источников права — как обязательное изучение права как единства отражающих закон и правоотношения познавательных (вспомогательных) источников права, в котором источники рассматриваются системно, с учетом разнообразия элементов, их функций и взаимосвязей между ними.

3) Составление глоссария интерэкоправа. Сам термин «интерэкоправо» является достаточно дискуссионным. Е. А. Высторобец предложил под интерэкоправом понимать совокупность норм и принципов, регулирующих отношения между его субъектами в области охраны окружающей среды, ее ресурсов и другие международные экологические отношения — эколого-правовые международные отношения (отношения, регулируемые международным экологическим правом и международным правом окружающей среды — природоохранные, природоресурсные и другие смежные по предмету). Интерэкоправо — понятие «объединительное», включающее, подобно «внутреннему» экологическому праву страны, МЭП и МПОС — международные комплексы — природоохранного и природоресурсного права. Это понятие подчеркивает, что есть две относительно выраженные группы международных норм (природоохранные и природоресурсные) и что все исследования, в которых эта отрасль МПП называется по-разному, могут быть объединены, потому что развивать единую область исследований, нормотворчества и правоприменения взаимно полезно⁹. С таким представлением не соглашались многие ученые. Например, А. Д. Буриан отмечал: «Действительно, считается и нормативно закреплено, что охрана окружающей среды (природоохранная деятельность) включает деятельность, направленную на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия на окружающую среду и ликвидацию его последствий. Общеизвестно, что законодательство в области охраны окружающей среды (экологическое законодательство) — система специальных законодательных актов в области окружающей среды, актов природоресурсного законодательства и экологизированных элементов иного законодательства (административного, гражданского, предпринимательского, уголовного и другого). Иначе говоря, охрана природы и минимизация загрязнения подобно регулированию природоохранных и природоресурсных отношений — основные направления деятельности и правового регулирования. Два соответствующих направления деятельности и сложных элемента в системе экологических законодательных актов не только объективно существуют, но и достаточно сформированы, чтобы предопределять природоохранное и природоресурсное право как взаимосвязанные, относительно самостоятельные, и главное — сопоставимые подсистемы права. Если так можно выразиться, международное право не регулирует природоресурсные отношения в той степени, как экологическое право отдельно взятого развитого государства»¹⁰.

изучению. Форма, содержание и порядок выполнения работ. — М. — Уфа: МИРмПОС, Центр интерэкоправа ЕвразНИИПП, 2014. — 25 с. — (часть издания ISBN 978-5-905259-20-3).

- 9 См.: Высторобец Е. А. Глоссарий и комментариев к некоторым терминам и понятиям, используемым в международном природоохранном сотрудничестве: правовые аспекты. — М., 2011. — С. 213 [Электронный ресурс]. Режим доступа: (http://miel.d.narod2.ru/RTNtrans_8q.pdf)
- 10 Антология интерэкоправа: учебное пособие, тематический каталог, ссылки на скачивание полных текстов, источниковедческие обзоры, интервью и статьи / Под. ред. Е. А. Высторобца; [предисл. В. И. Данилова-Данильяна, к читателям А. Д. Буриана, пролог Р. М. Валеева]. — 2-е изд. — М. — Уфа: МИРмПОС, Центр интерэкоправа ЕвразНИИПП, 2014. — С. 15–16.

Резкого отторжения идеи существования отдельной отрасли интерэкоправа в научном мире уже нет, пусть в споре, но уже принимаются некоторые идеи. Для более глубокого изучения этого феномена и необходим глоссарий, в котором должны быть определены предмет и объект интерэкоправа, принципы интерэкоправа, метапринципы, источники и система источников интерэкоправа, метод экологизации, интерэкоправовая экспертиза и др.

3. Продолжение научной разработки процесса «экологизации правовой жизни для обеспечения права настоящего и будущих поколений на благоприятную окружающую среду» как деятельности по сохранению и восстановлению экологичности. Экологичность — свойство объектов (материальных или нематериальных), а также процессов, заключающееся в таком соотношении их качеств (в том числе юридических), которое делает их способными служить только или преимущественно для общественного блага в интересах настоящего и будущих поколений¹¹. В целях регулирования отношений между гражданами, их объединениями, юридическими лицами, государственной властью в области сохранения и восстановления экологичности и экологизации общественных отношений был разработан проект формулировок отдельных положений для законопроекта «Об экологизации (о публичном порядке по сохранению и восстановлению экологичности)». Проект содержится в опубликованной статье, которая общедоступна в Сети¹². Ознакомление с ней — самый краткий способ получения представления о правовой идее.

4. Исследование правового регулирования охраны и использования «других», не названных в статье 1 и 4 Федерального закона «Об охране окружающей среды» природных ресурсов — радиочастотных природных ресурсов; генетических, бальнеологических, геотермальных природных ресурсов на евразийском пространстве. Возможность правового регулирования названных «других» ресурсов Евгений Анатольевич связывал с необходимостью их законного использования, которое экономически целесообразно (геотермальные ресурсы), так как ресурсы представляют фактическую или потенциальную ценность¹³.

5. Запланированные интерэкоправовые проекты:

Евразийские экологические судебные дела (систематизированный сборник)¹⁴;

- 11 См.: Высторобец Е. А. Интерэкоправо и экологичность // Вестник Института законодательства Республики Казахстан [при Минюсте РК]. — 2014. — № 5. — С. 123–130. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izrk.kz/images/np/33.pdf>
- 12 Высторобец Е. А. Проект федерального закона об экологизации // Экологизация как условие Зарубежный опыт инновационного развития России: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Нижнекамск, 26.03.2013; отв. ред. О. Д. Агапов, Л. Н. Салимов, Е. И. Галеева. — Казань: Изд-во «Познание» института экономики, управления и права, 2013. — 280 с. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://miel.d.narod.ru/olderfiles/1/Ecologisation_2013.pdf (05.05.2013).
- 13 См.: Высторобец Е. А. Интерэкоправо и радио // Правовое регулирование использования природных ресурсов: комплексный подход: тезисы докладов междунауч. — практ. конф., 11 апр.; сост. С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская, А. П. Ушакова. — М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. — С. 126–129; Высторобец Е. А. Интерэкоправо и радиопространство = Interocolaw and radio space // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы IV междунар. науч. — практ. конф. (г. Уфа, 8 февраля 2014 г.): в 2 ч.; под общ. ред. А. В. Рагулина, М. С. Шайхуллина; Часть 2, 396 с., на англ. яз. — Уфа: ЕвразНИИПП 2014. — С. 34–38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasniipp.ru/PDF/international.pdf> (01.11.2014);
- 14 См.: Высторобец Е. А., Хасенова М. Н. «Неизвестные» экологические дела // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвузовской науч. — практ. кон-

Инкорпорация норм стран мира об общем природопользовании;

Нео-законодательство стран мира (законодательство зарубежных государств в части экологизации неэкологических отношений)¹⁵;

Компендиум доктрин, теорий, крупнейших отраслевых понятий интерэкоправа и экологического права;

Правовые обычаи и иные редкие формы регулирования экологических отношений.

6. Проведение Школы интерэкоправа с целью популяризации экологических знаний на евразийском пространстве, обмена научным и образовательным опытом в области международного, внутригосударственного, транснационального экологического права.

В завершение обзора представляется необходимым привести основные положения Итогового документа Второй Школы интерэкоправа 2014 г., поддерживать и выполнять которые высказали решимость все участники Школы, и к выполнению которых могут присоединиться все неравнодушные к делу охраны природы посредством права:

1. Поддержать и принять участие в актуализации Антологии интерэкоправа.

2. Способствовать распространению научно-образовательных программ, актуальной информации о возможностях сотрудничества, опубликования трудов, участия в мероприятиях и проектной деятельности, представляющих взаимный интерес.

3. Использовать в образовательном процессе опыт преподавателей других государств по проведению занятий в интерактивных формах по правовым дисциплинам.

4. Использовать взаимный опыт содействия евразийской интеграции с помощью инструментов регулирования экологических правоотношений, их одновременного и единообразного применения.

5. Уделить дополнительное внимание единению в евразийском сотрудничестве его активных участников с Украиной, Китаем, Индией, Туркменистаном, прибалтийскими, балканскими и другими европейскими государствами, а также сотрудничеству с государствами Нового Света.

6. Способствовать воплощению метапринципов интерэкоправа в праве и в повседневной жизни людей.

7. Подтвердить необходимость соблюдения международных договоров во всех районах, где каждая Сторона осуществляет свой суверенитет, а также свои суверенные права и юрисдикцию.

8. Руководствуясь основной нормой экологичности каталогизировать сохранение, возрождение и социальное продвижение человека экологичного, духовного, разумного homo naturae spiritualia sariens, опирающегося на собственные силы, дружественных участников правоотношений и неозаконодательство.

Пристайный библиографический список

1. Абанина Е. Н., Высторобец Е. А. Первая Школа интерэкоправа 2012 года // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 10 (53). — С. 10–14.
2. Абанина Е. Н., Высторобец Е. А. Первая Школа интерэкоправа 2012 года (продолжение) // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 11 (54). — С. 15–22.

ференции (Блищенковские чтения). Москва, 12–13 апреля 2013 г. В 2-х частях. Ч. 2 / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2014. — С. 491–508. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://intlaw-rudn.com/files/blischenko/2013-2blischenko/at_download/file

15 См.: Высторобец Е. А., Хасенова М. Н. Интерэкоправо и неозаконодательство // Евразийский юридический журнал. — № 1 (68). — 2014. — С. 70–72

3. Абанина Е. Н., Высторобец Е. А. II Школа интерэкоправа 2014 г. // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2 (81). — С. 239–243.
4. Алимов А. А. Интеграция наук и знаний в решении экологической проблемы // Общество. Среда. Развитие. — 2012. — № 4 (25). — С. 283–285.
5. Алимов А. А., Ермолина М. А. Рецензия на книгу «Экологические положения конституций» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — № 2. — С. 256–258.
6. Анисимов А. П. Рецензия на книгу: Экологические положения конституций: сборник / Под. ред. Е. А. Высторобца. — М. — Уфа: МИРМП ОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2012. — 385 С. // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 1 (56). — С. 150–152.
7. Антология интерэкоправа: учебное пособие, тематический каталог, ссылки на скачивание полных текстов, источниковедческие обзоры, интервью и статьи / Под. ред. Е. А. Высторобца; [предисл. В. И. Данилова-Данильяна, к читателям А. Д. Буриана, пролог Р. М. Валеева]. — 2-е изд. — М. — Уфа: МИРМП ОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2014. — 678 с.
8. Высторобец Е. А. Глоссарий и комментарий к некоторым терминам и понятиям, используемым в международном природоохранном сотрудничестве: правовые аспекты. — М, 2011. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://miel.narod2.ru/RTNtrans_8q.pdf
9. Высторобец Е. А. Интерэкоправо и радио // Правовое регулирование использования природных ресурсов: комплексный подход: тезисы докладов междунауч. конф., 11 апр.; сост. С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская, А. П. Ушакова. — М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. — С. 126–129.
10. Высторобец Е. А. Интерэкоправо и радиопространство = Intercolaw and radio space // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы IV междунар. науч. — практ. конф. (г. Уфа, 8 февраля 2014 г.): в 2 ч.; под общ. ред. А. В. Рагулина, М. С. Шайхуллина; Часть 2, 396 с., на англ. яз. — Уфа: ЕврАзНИИПП 2014. — С. 34–38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasniipp.ru/PDF/international.pdf> (01.11.2014);
11. Высторобец Е. А. Интерэкоправо и экологичность // Вестник Института законодательства Республики Казахстан [при Минюсте РК]. — 2014. — № 5. — С. 123–130. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izrk.kz/images/np/33.pdf>
12. Высторобец Е. А. Проект федерального закона об экологизации // Экологизация как условие Зарубежный опыт инновационного развития России: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Нижнекамск, 26.03.2013; отв. ред. О. Д. Агапов, Л. Н. Салимов, Е. И. Галеева. — Казань: Изд-во «Познание» института экономики, управления и права, 2013. — 280 с. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://miel.narod.ru/olderfiles/1/Ecoligisation_2013.pdf (05.05.2013).
13. Высторобец Е. А., Хасенова М. Н. «Неизвестные» экологические дела // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвузовской науч. — практ. конференции (Блищенковские чтения). Москва, 12–13 апреля 2013 г. В 2-х частях. Ч. 2 / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2014. — С. 491–508. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://intlaw-rudn.com/files/blischenko/2013-2blischenko/at_download/file
14. Высторобец Е. А., Хасенова М. Н. Интерэкоправо и неозаконодательство // Евразийский юридический журнал. — № 1 (68). — 2014. — С. 70–72.

Толстых В. Л. ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемные вопросы евразийской интеграции, имеющие отношение к ее целям, идеологии, институтам, экономическому инструментарию и языку. Автор отмечает, что евразийская интеграция обладает собственной субстанцией, независимой от официального проекта. Неправильное определение приоритетов официального проекта может завести интеграцию в тупик. В этой связи автор констатирует некоторые системные недостатки официального проекта и определяет способы их устранения.

Ключевые слова: международное право, коммунитарное право, евразийская интеграция, евразийство, международные организации, международные суды

Tolstykh V. L. PROBLEMS OF EURASIAN INTEGRATION

The article deals with the problematic issues of the Eurasian integration, related to its goals, ideologies, institutions, economic instruments and language. The author notes that the Eurasian integration has its own substance, independent of the official project. Misplaced priorities of the official project may bring integration to an impasse. In this regard, the author states some systemic shortcomings of the official project and determines ways to overcome them.

Keywords: international law, communitarian law, Eurasian integration, Eurasianism, international organizations, international courts

Толстых В. Л.

1. *Телеология интеграции.* Евразийская интеграция — это не только и не столько волюнтаристский проект, сколько объективная необходимость, обусловленная незавершенностью советского проекта и действием острых и во многом схожих вызовов, с которыми столкнулись постсоветские государства. Для многих людей, желающих видеть свое отечество процветающим, евразийская интеграция является светлой надеждой. В этой связи она обладает собственной, независимой от официального проекта, субстанцией. Вместе с тем неправильное определение приоритетов официального проекта может завести интеграцию в тупик.

В понимании функционалистов экономическая интеграция представляет собой движение к новому политическому сообществу. В Решении по делу 26/62 от 5 февраля 1963 г. (Van Gend en Loos/Administratie der Belastingen) Суд ЕС указал: «Сообщество представляет собой новый международный правовой порядок, в пользу которого государства ограничили, пусть лишь в некоторых областях, свои суверенные права, и субъектами которого являются не только государства-члены, но и их граждане». Интеграционное сотрудничество, независимо от его форм, является лишь средством для достижения данной цели, пусть и обладающим в силу принципа «spill-over» возможностями для встречного влияния на цель. Вероятно, функционалисты заблуждались: современные центробежные процессы внутри ЕС, тяжелые испытания, с которыми столкнулась концепция мультикультурализма, пробуждение национальных движений, украинский кризис и другие обстоятельства свидетельствуют о том, что экономическое сотрудничество не всегда обеспечивает создание устойчивого сообщества.

Современность породила еще одно заблуждение, в соответствии с которым единственной и достаточной целью интеграции является повышение экономических индексов, как макроэкономических, так и имеющих отношение к благосостоянию конкретного лица. Стратегия интеграции, таким образом, сводится к ее тактике, т.е. к экономическому сотрудничеству, превращающемуся из средства для создания политического сообщества в его альтернативу (причем и на национальном уровне тоже). Политические и культурные приоритеты по-прежнему присутствуют в интеграционном дискурсе: в учредительных договорах упоминаются «укрепление солидарности», «национальные интересы» и т.п.; эти понятия, однако, все в большей степени выглядят симулякрами. Причины данного заблуждения — универсальны и носят объективный характер: распро-

странение капитализма привело к разрушению метанарративов, выключению человека из истории, привязыванию его сознания к товарам и выбору между ними, формированию особого типа мышления, ориентированного на частное благо и сиюминутные переживания.

Под влиянием данного заблуждения извращается сама сущность интеграции, которая становится инструментом вовлечения в глобальный рынок, разрушения государств, подчинения власти корпораций и скрытых центров силы, маргинализации политического общения. Разрушение государств означает разрушение опосредующего их отношения международного права. На его место приходит суррогат, в рамках которого конфликтуют действующие в силу инерции элементы подлинного международного права и новые элементы, отталкивающиеся от приоритета частного блага. «Искусство добра и справедливости» превращается в орудие угнетения и контроля. Другим следствием является игнорирование политических, демографических, культурных и этических вызовов; игнорирование безрассудное и опасное, т.к. сила этих вызовов неуклонно возрастает и в определенный момент может стать непреодолимой.

Оба указанных заблуждения должны быть преодолены: интеграция должна быть осмыслена и сформулирована как процесс государственного строительства; ее содержанием должны стать конкретные и реальные дела, затрагивающие интересы всех и каждого, причем, не только в экономической сфере. Данная проблема не решается частным образом: вектор интеграции не может быть направлен в сторону, противоположную той, в которую направлен вектор внутренней политики. Интеграция, однако, может играть роль ключа зажигания, создавая условия и предпосылки для переориентации внутренней политики.

2. *Идеология интеграции.* Идеологией евразийской интеграции часто провозглашается евразийство, — неслучайно в самом названии постсоветских международных организаций используется соответствующее прилагательное. Концепция евразийства справляется с ролью объединяющего символа, вместе с тем ее практическое использование поднимает ряд проблем.

Во-первых, евразийство не является целостной концепцией. Его элементами являются традиционное евразийство русских эмигрантов (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского), евразийство Л. Н. Гумилева, неоевразийство А. Г. Дугина. Традиционное евразийство предполагает оригинальное сочетание славянофильства и западничества («Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой зна-

чительности русской национальной стихии с западническим чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность»); отрицание общины как оптимальной формы хозяйственной жизни; акцент на «творческом значении самодержавной личности»; «отвержение социализма и утверждение Церкви»; национализм, обращенный «не только к «славянам», но к целому кругу Народов «евразийского» мира, между которыми народ российский занимает срединное положение».¹ Евразийство Л. Н. Гумилева основывается на идеях географического детерминизма, антиевропоцентризма, пассионарной теории этногенеза.² Приоритеты неоевразийства А. Г. Дугина выглядят следующим образом: диалог традиционных для России конфессий и народов («цветущая сложность»), стратегическая интеграция на постсоветском пространстве и по оси Москва-Тегеран-Дели-Пекин, противостояние однополярной глобализации, возрождение русской нации, приоритет общественного над индивидуальным.³ Таким образом, поколения евразийцев расходятся по целому ряду важных вопросов (соотношение коллективного и индивидуального, отношение к Западу, роль церкви и др.).

Во-вторых, евразийство является концепцией преимущественно исторической и культурологической, но не политической или экономической (в отличие от марксизма, либерализма и др.). Н. Бердяев писал по этому поводу: «Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное... Евразийцы решительно провозглашают примат культуры над политикой».⁴ Сами евразийцы допускали использование западных экономических моделей («Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западническим чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность»⁵), но не углублялись в поиск оптимальных экономических инструментов. Евразийская интеграция, наоборот, является процессом преимущественно политическим и экономическим, и лишь, как следствие, — историческим и культурологическим. Евразийство и евразийская интеграция, таким образом, не коррелируют; интеграционное строительство на основе евразийства представляет собой строительство на зыбкой почве. Более того, создавая иллюзию политической идеологии, евразийская риторика создает возможности для сохранения форм правления, не руководствующихся общественной пользой, и форм экономики, не обеспечивающих справедливого распределения национального продукта.

В-третьих, соответствие евразийства русской культуре и его адекватность современным вызовам могут быть поставлены под сомнение. Действительно, евразийству присуще стремление замкнуться в пространстве собственной культуры. Еще Н. Бердяев упрекал его во враждебности всякому универсализму, национализме, отрицании вселенского значения православия и эллинского духовного наследия, номинализме и упрощении. Он же определял исторические перспективы России следующим образом: «Задача, которая теперь стоит перед Россией,

ничего общего не имеет с той задачей, которая стояла перед допетровской, старой Россией. Это есть задача не замыкания, а выхода в мировую ширь. И размыкание, и выход в мировую ширь вовсе не означает европеизации России, подчинения ее западным началам, а означает мировое духовное влияние России, раскрытие Западу своих духовных богатств».⁶ Национализм не совместим не только с претензией русской культуры на универсальное значение, но и с самой ее субстанцией, образующейся за счет конвергенции и объединения различных этносов. Он искажает историческую перспективу и лишает Россию естественных союзников, определяя их как противников. Евразийство также свойственен архаизм, — устремленность в прошлое, питающаяся ностальгией по СССР и Российской империи. Архаизм предполагает отрицание истории во всей ее полноте, архаист воспринимает лишь один ее момент и стремится распространить опыт этого момента на любое событие. Проблема заключается не только в неубедительности ответов, но и в более опасном стремлении избежать самих вопросов, как не имеющих отношения к той сегрегированной картине мира, которую создает для себя архаист. Опасность архаизма была хорошо определена А. Тойнби: «Фактически архаист всегда занят одним и тем же — примирением Прошлого и Настоящего. В противоречивых претензиях этих двух начал кроется слабость архаизма как образа жизни. Архаист всегда перед дилеммой: либо он уходит в Прошлое, оставляя Настоящее, но тогда броня его убежища не выдерживает натиска Жизни, либо пытается возродить Прошлое через Настоящее, но тогда он скатывается на грань вандализма, ибо в Настоящем черты Прошлого искажены до неузнаваемости».⁷

В-четвертых, евразийский дискурс имеет серьезные стилистические недостатки. Прежде всего, он отделен от европейской интеллектуальной традиции, включающей важные для России эллинистический и христианский элементы. Евразийцы часто не оперируют устоявшимися категориями, концепциями и мнениями, но создают герметичное учение, апеллирующее к «крови и почве», а в своем пределе — к вере. Такой подход делает евразийство уязвимым с научной точки зрения. Я. Лурье писал по поводу работ Л. Н. Гумилева следующее: «Но построение Гумилева не только теоретически уязвимо, но и фактически неверно. Проверка его на материале источников по истории Древней Руси обнаруживает, что перед нами — не попытка обобщить реальный эмпирический материал, а плод предвзятых идей и авторской фантазии».⁸ Недостаток логики компенсируется эмоциональным давлением: постулаты евразийства формулируются при помощи туманных образов и торжественных выражений, значение которых зачастую остается непонятным («радужная сеть», «самодержавная личность», «цветущая сложность» и др.). Это делает евразийство уязвимым с эстетической точки зрения.

Из вышесказанного не должен делаться вывод о неприемлемости евразийства. Речь, скорее, должна идти о признании его недостаточности и, как результат, о необходимости напряженного интеллектуального поиска новых концепций, в т.ч. развивающих евразийскую идею.

3. *Институты интеграции.* Институциональной основой евразийской интеграции в настоящее время является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). На первый взгляд, структура ЕАЭС (а до этого структура ЕвразЭС) напоминает структуру ЕС: здесь есть органы, представляющие государства (Высший совет и Межправительственный совет); органы, представляющие организацию (Комиссия), и международный суд (суд Союза). При более пристальном анализе выясняется существенное и не всегда оправданное своеобразие структуры ЕАЭС.

1 Предисловие // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-pred.php>

2 Гумилев Л. Н. Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, С. 31–54.

3 Дугин А. Г. Евразия прежде всего. Манифест современного евразийского движения; Дугин А. Г. Евразийство: от философии к политике. Доклад на Учредительном съезде ОПОД «Евразия» (21 апреля 2001 г., Москва). [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evrazia.org>

4 Бердяев Н. Евразийцы // Евразийский вестник. Книга Четвертая. Берлин, 1925. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/evrazis.html>

5 Предисловие // Исход к Востоку. Там же.

6 Бердяев Н. Цит. соч.

7 Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 427.

8 Лурье Я. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилёва // Звезда. 1994. № 10. С. 177.

1) Во-первых, интересы государств-членов представляются в ЕАЭС двумя органами, а не одним, — в этом смысле ЕАЭС продолжает традицию, заложенную еще в СНГ, где таких органов — целых три (есть еще Совет министров иностранных дел). Целесообразность такого двойного представительства весьма сомнительна, особенно когда оно сопряжено с недостаточно четким разграничением компетенции. В то время как Высший совет «определяет стратегию, направления и перспективы формирования и развития Союза и принимает решения, направленные на реализацию целей Союза» (пп. 1 п. 2 ст. 12 Договора о ЕАЭС), Межправительственный совет «обеспечивает реализацию и контроль за исполнением настоящего Договора, международных договоров в рамках Союза и решений Высшего совета» (п. 1 ст. 16). Сравнительный анализ данных положений позволяет сделать лишь вывод о том, что Высший совет стоит выше в иерархии; этот вывод, однако, не гарантирует взаимопонимания между двумя органами, — наоборот, существующая ситуация чревата дублированием функций, конкуренцией, рассогласованием и т.п. Представляется, что соответствующее разграничение компетенции не может быть четким в принципе. Оно не может быть четким с точки зрения общего международного права, т.к. последнее не расщепляет правосубъектность государства. Любые государственные органы, независимо от их статуса по национальному праву, рассматриваются в международном порядке как выступающие от имени государства в целом. Оно не может быть четким с точки зрения национального права, поскольку в каждом государстве действует своя специфическая модель разграничения полномочий между главой государства и главой правительства; соответствующие национальные особенности не могут быть сведены к общему знаменателю в рамках международной организации. Наконец, оно не может быть четким и с точки зрения коммунарного правопорядка, эффективное функционирование которого окажется под угрозой в случае закрепления модели разграничения компетенции, отличающейся от закрепленной в национальных конституциях; кроме того, непонятно, какой практический смысл может быть в таком закреплении. Примером сложности может быть ситуация, когда вопрос, который требуется решить в рамках ЕАЭС, в одном государстве отнесен к ведению главы государства, а в другом — к ведению главы правительства. Более целесообразным было бы создание в ЕАЭС одного органа, ответственного за представительство государств; при необходимости он мог бы проводить заседания в разных форматах, — так, как это делает Европейский совет (п. 6 ст. 16 Договора о ЕС).

Во-вторых, весьма двусмысленным видится положение Комиссии. С одной стороны, она является «действующим регулирующим органом Союза» (п. 1 Положения о Комиссии), что может рассматриваться как подтверждение того, что в своей деятельности она должна отстаивать интересы Союза, которые могут и не совпадать с интересами отдельных членов. Аналогия с ЕС усиливает этот вывод.⁹ С другой стороны, Комиссия учитывает «национальные интересы государств-членов» (п. 2), и, что гораздо более важно, — в Совет Комиссии, осуществляющий общее руководство ее деятельностью, «входят по одному представителю от каждого государства-члена, являющемуся заместителем главы правительства и наделенному необходимыми

ми полномочиями в соответствии с законодательством своего государства» (п. 23). Члены Коллегии (исполнительного органа Комиссии) «при осуществлении своих полномочий независимы от государственных органов и должностных лиц государств-членов и не могут запрашивать или получать указания от органов власти или официальных лиц государств-членов» (п. 34); однако, неясно, какое практическое значение имеет их независимость, если Совет в любой момент может отменить их решение (пп. 3 п. 24). Таким образом, Комиссия становится еще одним (третьим, наряду с Высшим советом и Межправительственным советом) органом, обеспечивающим платформу для проведения межгосударственных переговоров. Наднациональность, предполагающая независимость организации от государств-членов и право принимать обязательные для них решения, никак не проявляется (или проявляется очень незначительно) в ее деятельности, а, следовательно, и в деятельности ЕАЭС в целом.

В-третьих, в структуре ЕАЭС нет органа парламентской дипломатии, — такого как Парламент в ЕС, избираемый прямым голосованием, или Межпарламентская ассамблея в СНГ и ЕврАзЭС, состоящая из депутатов национальных парламентов. Данное отсутствие, с одной стороны, свидетельствует о монополизации интеграционного сотрудничества исполнительной властью; с другой стороны, означает исключение из числа форм интеграционного сотрудничества публичной дискуссии, косвенными участниками которой могли бы быть все граждане. В этом смысле решение не создавать орган парламентской дипломатии, безусловно, является недемократическим. Здесь нелишне напомнить о том значении, которое придавал парламентской дипломатии Э. Хаас, — основоположник неофункционализма: «Парламентская дипломатия... предполагает существование постоянного органа с широкой компетенцией, публичными дебатами, процедурными нормами, регулируемыми дебатами, изложением выводов в формальной резолюции, принимаемой большинством голосов... Она мобилизует посреднические политические силы: государства, не связавшие себя обязательствами, партии, группы или лиц, чей голос в процессе урегулирования приобретает вес по причине нежелания сторон спора раздражать данные посреднические силы. В силу того, что институциональный контекст, в рамках которого может практиковаться парламентская дипломатия, максимизирует представительство разных интересов, исходящих от одной и той же нации, он открывает простор для маневра, который отсутствует в переговорах, проводимых исключительно подробно проинструктированными представителями министерства иностранных дел. В этом смысле он обеспечивает больший уровень интеграции, даже если не обязательно приводит к результатам, продвигающим общие интересы».¹⁰ Как уже отмечалось, функционалисты полагали, что результатом интеграции является создание нового политического сообщества; деятельность общего парламента, выступающего прообразом данного сообщества, таким образом, становится знаковой. Справедливости ради следует отметить общий упадок парламентских форм сотрудничества. Эффективность парламентских ассамблей СНГ и ЕврАзЭС оказалась довольно низкой; эффективность Европейского парламента значительно выше, вместе с тем уровень явки на европейские выборы неуклонно падает, что отражает усиливающееся разочарование как в данном органе, так и в интеграционном проекте в целом (в течение 25 лет, с 1979 г. по 2014 г., он упал почти на 20% — 61,99% до 42,61%¹¹).

⁹ П. 1 ст. 17 Договора о ЕС устанавливает: «Комиссия продвигает общие интересы Союза и с этой целью выступает с соответствующими инициативами»; п. 3 ст. 17: «Члены Комиссии отбираются на основе их общей компетенции и их европейской преданности (European commitment) из числа лиц, чья независимость не может быть поставлена под сомнение. При осуществлении своих обязанностей Комиссия является полностью независимой... Члены Комиссии не запрашивают и не принимают инструкций ни от какого правительства, института, органа или организации»; ст. 245 Договора о функционировании ЕС: «государства-члены уважают их (членов Комиссии — В.Т.) независимость и не пытаются влиять на них при исполнении ими их задач».

¹⁰ Haas E. B. International Integration: The European and the Universal Process // International Organization. Vol. 15. № 3 (Summer, 1961). P. 368–369.

¹¹ В Германии он упал с 65,73% до 48,10%; во Франции — с 60,71% до 42,43%; в Италии — с 85,65% до 57,22%; в Испании — с 68,52% до 43,81% (с 1987 г.); в Великобритании увеличился с 32,35% до 35,60% [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/turnout.html>

В-четвертых, не совсем ясным представляется будущее Суда ЕАЭС, компетенция которого в соответствии с его Статутом является сильно ограниченной по сравнению с компетенцией Суда ЕврАзЭС. Новый суд сохранил полномочия по рассмотрению споров, но утратил полномочия по осуществлению преюдициального толкования; тем самым уменьшились возможности его влияния на внутригосударственное правоприменение. Был введен обязательный досудебный порядок урегулирования споров. Был закреплен целый ряд положений, направленных на недопущение активизма: «В компетенцию Суда не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза» (п. 42 Статута); «Осуществление Судом разъяснения означает предоставление консультативного заключения и не лишает государства-члены права на совместное толкование ими международных договоров» (п. 47); «Решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов» (п. 101); «Решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых» (п. 102); «Стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда» (п. 103). Наконец, по аналогии со ст. 263 Договора о функционировании ЕС Статут закрепил положение, ограничивающее круг хозяйствующих лиц, имеющих право обращаться в Суд с заявлениями, теми, чьи права были непосредственно затронуты решением или действием Комиссии, и в результате этого — нарушены (пп. 2 п. 39); в соответствии с п. 2 ст. 2 Договора об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов 2010 г. для обращения в Суд ЕврАзЭС было достаточно факта нарушения Комиссией предоставленных международными договорами прав. О причинах ограничения компетенции нового Суда можно только догадываться; вполне возможно, одной из них является раздражение, вызванное активистскими решениями прежнего Суда. Данные причины, какими бы они ни были, не должны перевешивать преимущества сильного и квалифицированного Суда, призванного играть важную роль в процессе интеграции, состоящую не только в разрешении конфликтов, но и в выработке юридических концепций, обеспечивающих политическое единство, институциональную гармонию и движение вперед. Слабый или недостаточно квалифицированный суд не в состоянии решать эти задачи, — последствием станет фрагментация коммунитарного права и затухание интеграционного импульса.

Таким образом, институциональная структура ЕАЭС является несовершенной. К числу ее дефектов можно отнести недостаточную демократичность, однородность (монопольное присутствие представителей исполнительной власти), несоответствие некоторым принципам науки управления, административного права и международного права.

4. *Экономика интеграции.* В настоящее время экономический инструментарий любой региональной интеграции образуют принципы «невидимой руки» (свободной конкуренции) и фритрейдерства (свободной торговли). Принцип «невидимой руки» был сформулирован А. Смитом; в соответствии с этим принципом, преследуя собственную выгоду, человек «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения»; «часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».¹² Принцип фритрейдерства был сформулирован Р. Кобденом в середине XIX в.: «Я смотрю дальше; в принципе свободы торговли я вижу силу, которая в нравственном мире будет действовать так же, как закон всемирного тяготения во Вселенной, — сближая людей, устраняя вражду, вызываемую различием рас, религий и языков, соединяя нас узлами вечного мира».¹³ Оба

принципа являются элементами либеральной идеологии; их эффективность считается подтвержденной опытом европейской интеграции и опытом функционирования ВТО. Вместе с тем их использование на постсоветском пространстве вызывает ряд вопросов.

Во-первых, принцип фритрейдерства не всегда действует должным образом: свобода движения товаров (инструмент интеграции) не обязательно способствует повышению благосостояния и качества жизни граждан (заявленная цель интеграции). В идеале отмена тарифов уменьшает издержки предпринимателя и увеличивает его прибыль. Следствием этого является интенсификация международной торговли, насыщение потребительского рынка и усиление конкуренции, — это, в свою очередь, ведет к снижению цен и диверсификации производства. Выгода предпринимателя, таким образом, состоит в уменьшении издержек; выгода потребителя — в снижении цен и расширении возможностей выбора. Выгода государства — косвенная: с одной стороны, оно теряет часть доходов; с другой стороны, оно частично компенсирует их налогами с оборота; кроме того, повышение материального благополучия способствует социальной и политической стабильности. Некоторые факторы, однако, могут вносить свои коррективы в эту схему: к их числу относятся фактор монополий, фактор неравенства потенциалов и фактор глобальной экономики. В силу первого фактора монополист, увеличивший доход за счет отмены пошлин, не снижает цены, а поддерживает их на прежнем уровне. Единственным следствием отмены пошлин, таким образом, становится сверхдоход монополиста и усугубление имущественного неравенства. В силу второго фактора коммерсант, получивший дополнительные возможности для доступа на рынок, использует их для вытеснения конкурентов и монополизации рынка. Одним из инструментов такой политики является демпинг, для которого отмена пошлин служит дополнительным стимулом. В силу третьего фактора происходит разбалансирование национальной экономики: в выигрыше от снижения пошлин оказываются только экспортно-ориентированные отрасли; остальные, наоборот, терпят убытки в результате возросшего давления со стороны иностранных производителей и возросшей инвестиционной привлекательности экспортно-ориентированных отраслей; следствием этого является перенаправление ресурсов в экспортный сектор и прогрессирующая однопрофильность.

Во-вторых, существует более общая проблема несоответствия экономического инструментария и экономической проблематики: свободная торговля увеличивает средний уровень потребления, но не обязательно решает проблемы технологической отсталости, сырьевой ориентированности, бедности, зависимости от транснациональных корпораций, коррупции и др. Некоторые из них она, наоборот, усугубляет; в долгосрочной перспективе она снижает и уровень потребления в тех странах, промышленность которых не готова к глобальной конкуренции. Отсутствие корреляции между проблемой бедности и расширением потребления было хорошо показано Р. Пребишем, по мнению которого рациональное накопление капитала могло бы повысить эффективность производства при одновременном втягивании в него огромных масс населения, но имитация стандартов потребления развитых стран препятствует такому накоплению: «общество потребления несовместимо с целями искоренения общества недопотребления».¹⁴ Очевидно, что, если

2006. С. 108.

14 Р. Пребиш отмечает, что предприниматели не рассчитывают последствия своих решений для окружающей среды и общества, их концепция экономической эффективности в большинстве случаев не идет дальше их ближайших интересов, которые отличаются от общественных интересов, определяемых в долгосрочной перспективе. Рынок может быть эффективным механизмом, но не может быть высшим регулятором экономики. Существующая в развивающихся странах система определяется как «периферийный капитализм», главной особенностью которого является склонность

12 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. С. 332.

13 Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс,

в рамках интеграции и должно быть найдено решение экономических проблем, то оно должно носить системный характер и предполагать широкое участие государства — и как регулятора экономических отношений, и как их субъекта. В частности, интеграция создает хорошие возможности для реализации масштабных инфраструктурных проектов и, как следствие, для решения проблемы занятости; для скоординированного протекционизма, в рамках которого товар одного участника, не востребованный на мировых рынках, мог бы в обязательном порядке реализовываться на рынке другого участника; для стабилизации денежного обращения при помощи кредитов регионального валютного фонда и барьеров на вывоз капитала; для научно-технической кооперации, которая в случае с ЕАЭС опиралась бы на советский опыт; для скоординированной внешней политики и др. Решение некоторых из этих задач предполагает использование инструментов, прямо противоположных тем, которые предлагаются либеральной моделью. Цель, однако, оправдывает средства: возрождение экономики в целом может дать колоссальный политический и социальный эффект, — в отличие от того локального эффекта, который может дать увеличение объемов потребления.

В-третьих, в рамках евразийского пространства предпринята попытка сочетания двух порядков: собственно евразийского и порядка ВТО. Государства-члены ЕАЭС «принимают во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации» (Преамбула к Договору о ЕАЭС); соглашения ВТО являются частью правовой системы Союза (ст. 1 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы 2011 г.); они имеют приоритет над договорами и решениями Союза (ст. 2 Договора 2011 г.); они применяются непосредственно судами РФ (п. 151 Доклада Рабочей группы по присоединению РФ к ВТО) и Судом ЕАЭС (п. 163 и п. 186 Доклада). В связи с этим возникают экономические проблемы, связанные с вовлечением в порядок ВТО Белоруссии и Казахстана, не являющихся ее членами. Среди них — экспорт в эти страны из России товаров, ранее ввезенных по пониженным ставкам ВТО из третьих стран; распространение на эти страны стандартов ВТО через «передаточный механизм» ЕАЭС и др. В связи с этим также возникают юридические проблемы, главной из которых является проблема прямого действия соглашений ВТО. Признавая данное действие, государство предоставляет иностранцам возможность судебного оспаривания норм коммунитарного права на основании их противоречия праву ВТО и лишает тем самым правительство возможность использовать существующие в правовом порядке ВТО согласительные механизмы урегулирования и выбирать один из трех вариантов решения конфликта (отмена меры, выплата компенсации, применение встречных ограничений).¹⁵ Суд ЕврАзЭС столкнулся с данной проблемой при вынесении Решения от 24 июня 2013 г. по делу «Новокраматорский машиностроительный завод» против Комиссии и сделал спорный вывод о том, что отношения между соглашениями Таможенного союза и соглашениями ВТО регулируются максимальной *lex specialis derogat lex generali*. Суд ЕС, сталкивающийся с данной проблемой, исходит из отсутствия прямого действия соглашений ВТО в рамках коммунитарного порядка. Так, в Решении по делу Португалия против Совета от 23 ноября 1999 г. Суд отметил, что в соглашениях ВТО

большое значение придается переговорам. Несмотря на то, что первой целью механизма урегулирования споров ВТО является отмена мер, несовместимых с нормами ВТО, если такая отмена неосуществима, возможным является предоставление компенсации. В этих условиях возложение на суды обязанности не применять нормы внутреннего права, несовместимые с соглашениями ВТО, лишит законодательные и исполнительные органы договаривающихся сторон возможности, предоставленной ст. 22 Договоренности о разрешении споров, находить, хотя бы на временной основе, решения путем переговоров. Кроме того, некоторые важные партнеры Сообщества полагают, что нормы ВТО с учетом их специфики не должны применяться их судами при определении правомерности норм внутреннего права. Ситуация, когда суды одной стороны полагают, что соглашение, заключенное Сообществом, имеет прямое действие, а суды другой стороны не допускают такого прямого действия, сама по себе не является отсутствием взаимности в исполнении соглашения. Однако отсутствие взаимности в этом отношении применительно к соглашениям ВТО может привести к дисбалансу в применении норм ВТО. Действительно, если допустить, что коммунитарные суды должны обеспечивать соответствие коммунитарного права нормам ВТО, это лишит законодательные и исполнительные органы Сообщества свободы маневра, которой пользуются органы торговых партнеров Сообщества.¹⁶

Таким образом, экономический инструмент интеграции нуждается в усовершенствовании, а, возможно, и в кардинальном пересмотре.

5. *Язык интеграции.* Первое и главное условие политического сообщества, как национального, так и наднационального, образует общий язык, который не только обеспечивает и организует коммуникацию индивидов, преследующих частные интересы, но и формулирует общий интерес (общее благо), являющийся смыслом существования сообщества. Любой язык выражает исторический опыт создавшего его народа и неизбежно стремится распространить этот опыт на заимствующие его нации, подчиняя и перестраивая по своим лекалам их сознание и культуру. Эффективность общего языка в этой связи зависит от совместимости опыта народа-донора и опыта народов-реципиентов.

Распространение английского языка отражает не только политические и экономические успехи англосаксонского мира, но и объективную заинтересованность в общем языке интегрирующей Европы. Важным фактором, обеспечившим данное распространение, стало вызванное второй мировой войной разочарование континентальной Европы в собственной истории и культурном наследии. Данный фактор носит временный характер; по мере его ослабления, противоречия между опытом, воплощенным в английском языке, и опытом континентальных держав становятся все более очевидными и довлеющими. Терапевтическое преодоление данных противоречий не представляется возможным: историческая перспектива состоит либо в дезинтеграции Европы, либо в политической и культурной колонизации континентальных государств.

Распространение русского языка определено несколькими иными факторами. С одной стороны, также как и английский, он отражает великую культурную традицию и имперский государственный опыт, — и в этом смысле вполне может выполнять функцию общего языка. С другой стороны, в отличие от английского, развитие русского языка в течение долгих столетий осуществлялось не в обособленном пространстве, закрытом для представителей подчиненных народов, а в единой культурной среде, формируемой всеми народами империи в равной степе-

к заимствованию — научных теорий, стандартов потребления, культурных ценностей; данное заимствование приводит к возникновению крупных внутренних пороков. Решение проблемы состоит в регулировании государством общественного использования излишка, направленном на повышение темпов накопления и исправление диспропорций распределения (Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. 1977. № 6. С. 46; Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. М.: ИЛА РАН, 1992. С. 23–24, 51, 200).

15 Об этом см.: Исполинов А. С. Вопросы прямого применения права ВТО в правовом порядке России // Законодательство. 2014. № 2. С. 68–79.

16 Также см.: Решение по делу Германия против Совета от 5 октября 1994 г. и Решение по делам *Fabbrica italiana accumulatori motocarri Montecchio SpA (FIAMM)* и *Fabbrica italiana accumulatori motocarri Montecchio Technologies LLC* против Совета и Комиссии; *Giorgio Fedon & Figli SpA* и *Fedon America, Inc.* против Совета и Комиссии от 9 сентября 2008 г.

ни. Это позволило русскому языку приобрести статус общего достояния, органически совместимого с отдельными национальными культурами и не представляющего для них угрозы.

Так же как и европейские народы, русский народ пережил и продолжает переживать разочарование в собственной истории, отражающееся в упадке культуры в целом, и языка в частности. Ниши, освобождающиеся по мере ослабления русского языка, теоретически могут быть заполнены местными языками, и активная языковая политика в некоторых постсоветских странах свидетельствует о соответствующем намерении. Исторические условия для такого замещения, однако, являются неблагоприятными. Как справедливо отмечает М. В. Городецкий, для выработки статуса национального языка «нужны десятилетия стабильного, даже тепличного, и не спонтанного, но чутко управляемого развития», — мировая ситуация и внутренняя напряженность, однако, не позволяют получить такой «исторический кредит».¹⁷ В этих условиях отказ от русского языка не приведет к возрождению местных культур и языков, но будет способствовать их прогрессирующей деградации: во-первых, в силу неспособности некоторых местных языков самостоятельно формулировать общее благо; во-вторых, в силу наличия во многих культурах элементов, привязанных к русскому языку; в-третьих, в силу наличия беспощадных конкурентов, каковыми являются массовая культура и английский язык. Первоочередной задачей евразийской интеграции могла бы стать реабилитация русского языка и противодействие внешним языковым интервенциям, причем не только в Белоруссии и Казахстане, но и в самой России, данная задача, увы, не осознается и не формулируется.

Здесь же следует рассмотреть вопрос о языке юридических документов и научных разработок. Самая высокая идея, выраженная при помощи ненадлежащих языковых средств, не будет воспринята и, соответственно, реализована. Ф. К. фон Савиньи отмечал: «... Составитель уложения может полностью понять право, которое он обрабатывает, но его работа все же не достигнет своей цели, если наряду с этим у него будет отсутствовать способность к изложению».¹⁸ Высокие требования к языку интеграционных документов предопределены как важностью поставленной задачи, так и высшей юридической силой учредительных норм. Несовершенство регулярного законодательства компенсируется конституционными нормами; несовершенство учредительного законодательства не может быть компенсировано иными нормами, — его следствием, таким образом, является несовершенство новой политической общности. К сожалению, язык евразийской интеграции часто не соответствует ни специальным требованиям юридического языка, ни общим требованиям русского языка; это относится и к языку официальных документов, и к языку доктрины.

1) Наиболее характерными недостатками официальных документов являются следующие: использование терминов, не имеющих точного значения в соответствующем контексте; использование неоправданно длинных и сложных предложений; неиспользование или редкое использование некоторых грамматических форм (например, причастий и местоимений); использование длинных словосочетаний, состоящих из существительных в родительном падеже; некорректное соединение слов; рассогласованность различных документов. Пренебрежи-

тельное отношение к языку явно расходится с той высокопарностью, с которой провозглашаются очередные интеграционные инициативы; оно свидетельствует о недостаточно серьезном подходе к разработке фундаментальных документов, изначально устраняя возможность серьезного к ним отношения. Главным условием решения данной проблемы является осознание того большого значения, которое языковая форма оказывает на понимание и реализацию права. По всей видимости, необходимы и изменения стандарта составления правовых текстов в сторону облегчения грамматических конструкций. Интеграционные документы рассчитаны на регулярную реализацию, в том числе субъектами, не обладающими специальными познаниями в области права; очень важно, чтобы эти субъекты могли понимать, о чем идет речь. Справедливости ради следует отметить, что определенный прогресс в этом отношении имеется: формулировки Договора о ЕАЭС являются более четкими и грамотными, чем формулировки документов ЕврАзЭС; последние решения Экономического суда СНГ представляют собой образец высокой юридической техники¹⁹. Нельзя забывать и о том, что право является перспективным инструментом воздействия на язык. Задавая стандарты стиля, оно может оказывать оздоровительное общекультурное воздействие. Хорошим примером в этом смысле является Кодекс Наполеона, в отношении которого французские юристы используют следующие эпитеты: «место памяти Нации», «цветок французской культуры», «грамматика нашего права».²⁰ Интеграционное законодательство вполне могло бы претендовать на подобную роль.

2) Наиболее характерными недостатками доктринальных текстов, затрагивающих проблематику евразийской интеграции, являются следующие: пересказ или перенос в научный текст положений официальных документов (объем такого рода заимствований порой больше, чем объем собственного текста); преданное цитирование политических деятелей и отыскивание в их словах глубокого смысла; констатация под видом научных открытий очевидных, саморазумеющихся фактов; избыточное внимание к несущественному и игнорирование существенного; выдвигание сомнительных, часто утопических предложений, касающихся развития интеграции; навязчивая антизападная риторика, подменяющая позитивный анализ; использование научного инструментария, не соответствующего современному уровню развития науки международного права; использование шаблонов и стереотипов, в частности, почти ритуальное упоминание прав человека и национальных интересов в интеграционном контексте; отсутствие серьезных экономических выкладок; избыточное внимание к формальной стороне интеграции (договорам, совещаниям, выставкам и пр.) и схоластическим вопросам. В целом большинство статей, посвященных интеграции, — неинтересны и бесполезны; кроме того, они образуют самостоятельный псевдонаучный дискурс, отторгающий стоящие работы. Реальность не прощает подобного отношения: она развивается по своим законам, игнорирование и подмена которых вымышленными законами может обернуться катастрофой.

17 Городецкий М. В., Толстых В. Л. Основания и перспективы российско-украинских отношений // Экономические стратегии. 2011. № 9. С. 43.

18 фон Савиньи Ф. К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Система современного римского права. Т. I. Пер. с нем. Г. Жигулина. Под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 140.

19 Консультативное заключение от 14 апреля 2014 г. о толковании ч. 2 ст. 5 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г.; Консультативное заключение от 26 апреля 2014 г. о толковании п. «Г» ст. 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г.; Решение от 23 сентября 2014 г. о толковании ст. 11 Конвенции о защите прав инвестора 1997 г.

20 см.: Фоварк-Коссон Б. Нужен ли Европейский гражданский кодекс // Российский судья. 2006. № 5, 6.

Чернядьева Н. А. АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ СНГ И ШОС: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУГОВОРНОГО СОГЛАСОВАНИЯ

В статье анализируются основные антитеррористические соглашения, принятые региональными международными организациями постсоветского пространства (СНГ, ШОС). В работе установлена актуальность и значимость сферы борьбы с терроризмом в региональном взаимодействии. Правовую основу антитеррористической борьбы постсоветского региона составляют договоры о борьбе с терроризмом, принятые в СНГ и ШОС. В работе установлена схожесть в основных конструкциях, использовании основных принципов международного права в построении правового механизма реагирования на акты терроризма, системе мер по предотвращению, профилактике и противодействию терроризму. Указанные соглашения носят преимущественно практический характер: решают задачи взаимодействия и выработки реальной политики государств — бывших советских республик. Понятие терроризма и система мер противодействия ему в обоих договорах в целом соответствуют общемировым стандартам. Тем не менее можно выделить ряд аспектов, нуждающихся в совершенствовании, способных усилить эффективность применения договорных норм. Отмечено, что оба договора охватывают неполный спектр возможного антитеррористического поведения, в договорах использован различный подход к идентификации признаков террористического деяния, договоры не проводят четкое разграничение между терроризмом как сложным социальным и политико-правовым явлением и террористическим актом — противоправным деянием, порождающим уголовно-правовые последствия. К недостаткам данных договоров можно отнести и отсутствие в них специальной категории «международный терроризм». И, наконец, необходимо гармонизировать подходы к определению понятия «международная террористическая организация».

Ключевые слова: международный терроризм, международная безопасность, СНГ, ШОС, международная террористическая организация.

Chernyadyeva N. A. ANTI-TERRORIST TREATIES OF THE CIS AND THE SCO: THE MAIN PROBLEMS OF COORDINATION

The article is devoted to the main anti-terrorist conventions adopted by regional international organizations in the post-Soviet space (CIS, SCO). The urgency and importance of the sphere of combating terrorism in regional cooperation is pointed out in the work. Agreements on combating terrorism, adopted in the CIS and the SCO are the legal basis for the war on terror in post-Soviet region. The similarity of the main structures is specified in the work. CIS and SCO use the same basic principles of international law in the construction of a legal mechanism to respond to acts of terrorism, a system of measures for prevention and combating terrorism. These treaties are mainly practical in nature: solve the problems of interaction and develop a real policy of the States of the former Soviet republics. The concept of terrorism and the measures against it in both treaties in general corresponds to the world standards. However, there are several aspects that need improvement, able to enhance the efficiency of application of the treaty rules. It is noted that both treaties cover the incomplete range of possible anti-terrorist behavior, use different approaches to identify signs of terrorist acts, treaties do not draw a clear distinction between terrorism as a complex social, political and legal phenomenon and terrorist attack as wrongful act that generate criminal-legal consequences. The disadvantages of these treaties can be attributed to the lack of the special category of «international terrorism». Finally, it is necessary to harmonize approaches to the definition of «international terrorist organization».

Keywords: international terrorism, international security, CIS, SCO, international terrorist organization.

Постсоветское пространство с международно-организационной точки зрения представляет собой ряд образований, состав, цели создания и основные задачи которых пересекаются. Важным направлением деятельности трех субъектов (СНГ, ШОС, ОДКБ) является противодействие преступности в целом и терроризму в частности.

Борьбе с терроризмом посвящено два значимых многосторонних договора, действующих на нашем пространстве. Это — Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.¹ (далее — договор ШОС) и Договор о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. (далее — договор СНГ)².

Данные акты установили формы сотрудничества в региональной антитеррористической сфере, дали определение терроризма и иных основных понятий, необходимых для

уголовно-правовой квалификации террористических деяний, предложили институциональную систему для их реализации. В целом использованный в обоих договорах подход соответствует общепринятой в международно-правовой сфере целевой конструкции терроризма.

По мнению А. А. Нагиевой, с которым можно согласиться, договоры о борьбе с терроризмом, принятые в СНГ и ШОС, содержат много схожих норм³. Общность наблюдается в постановке основных задач, использовании основных принципов международного права в построении правового механизма реагирования на акты терроризма, системе мер по предотвращению, профилактике и противодействию.

Важное отличие в актах выражается в выбранном подходе к определению основных понятий. Так, в договоре СНГ перечисляются возможные варианты деяний, которые считаются террористическими, при соблюдении двух условий: уголовной наказуемости по законодательству государств-участников

1 Собрание законодательства РФ. — 2003. — 13 октября. — № 41. — Ст. 3947.

2 Собрание законодательства РФ. — 2006. — 29 мая. — № 22. — Ст. 2291.

3 Нагиева А. А. Сотрудничество государств — участников СНГ в области борьбы с терроризмом // Международное уголовное право и международная юстиция. — М.: Юрист, 2011. — № 1. — С. 10.

Чернядьева Н. А.

и наличия террористической цели. В целом можно отметить, что договор СНГ охватывает недостаточный спектр насильственных действий, а те варианты поведения, которые предусмотрены, лишены конкретики, слабо дифференцируются от схожих видов деяний. По мнению ряда исследователей, понятие терроризма в договоре СНГ в целом не противоречит международно-правовым стандартам⁴, но отмеченные его недостатки свидетельствуют о его слабой теоретической разработке и, как следствие, о возможных проблемах в эффективности его применения.

Договор ШОС, напротив, сделал попытку ввести в оборот общую дефиницию, способную стать юридической конструкцией для различных вариантов террористических атак. Система определения терроризма в договоре ШОС заимствована из Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. (ст. 2 указанной Конвенции) и построена на более эффективном с точки зрения квалификации сочетании признаков объективного и субъективного характера.

Ряд аспектов правовой дефиниции «терроризм», в международно-правовом значении этого термина, остались за пределами договоров ШОС и СНГ, создают двусмысленности в понимании и правоприменении в ситуации многостороннего договорного пространства.

В частности, из текста актов не следует дифференциации на терроризм, как сложное социальное и политико-правовое явление, и террористический акт — противоправное деяние, порождающее уголовно-правовые последствия. Данное обстоятельство имеет, прежде всего, теоретический характер, но в тоже время создает негативные последствия в практике применения договорных норм. В первую очередь это касается системы мер профилактики и искоренения причин терроризма и террористических актов: для каждого феномена должно формироваться свой перечень мер противодействия, устанавливаться индивидуальный, наиболее соответствующий поставленным задачам, круг субъектов, отвечающих за реализацию договорных мероприятий, по-разному должны определяться направления взаимодействия государств в рамках международного договора. В этом плане представляется эффективной модель договора ШОС, в котором объединено правовое регулирование вопросов борьбы с терроризмом, как сложным явлением политико-правовой сферы, с экстремизмом и сепаратизмом — факторами, которые во многом стали питательной средой и неотъемлемым элементом террористической политики. Такое объединение позволяет комплексно и продуктивно выстраивать многоплановую стратегию предупреждения и противодействия любому политическому насилию. Но думается, что борьба с террористическими актами в своей основе имеет иной инструментальный механизм, предполагает использование других, более криминалистических, методик, задействованности, прежде всего, правоохранительных органов и развития горизонтальных связей сотрудничества.

Кроме того, к недостаткам данных договоров можно отнести и отсутствие в них специальной категории «международный терроризм». С учетом того, что оба акта являются многосторонними межгосударственными договорами, направленными на установление интернациональных правил взаимодействия в региональном масштабе, насущным и важным является определение трансграничных признаков, выходящих за юрисдикционные рамки одного государства. В условиях глобализации борьба с национальной преступностью также требует международного сотрудничества, но в достаточно узком аспекте, связанном, например, с выдачей лица,

совершившего преступление, и ликвидацией негативных последствий криминального деяния. Однако, в случае совершения преступления интернационального характера, возникает необходимость более глубокого и многостороннего межгосударственного контакта, разрешения различных вопросов материально-правового и процессуально-правового характера. Думается, то договоры, посвященные борьбе с терроризмом, в первую очередь должны быть направлены на установление норм, связанных с противодействием именно транснациональным формам данного явления.

Еще одним важным элементом, не полно разработанным в актах постсоветского пространства, стало определение содержания понятия «международная террористическая организация». В рамках каждой организации: ОДКБ, ШОС, СНГ — приняты собственные перечни запрещенных организаций. Их содержание существенно отличается друг от друга, не совпадает со списками, принятыми в иных международных структурах. В каждой организации заложен разный подход к формированию такого перечня.

Так, в ШОС каждое государство самостоятельно определяет, какая организация может считаться террористической и экстремистской. Общеорганизационный список представляет собой сумму таких государственных списков. Реализованный подход не отражает объективной картины согласованных волей участников ШОС по данному вопросу. На межгосударственном уровне существуют разногласия по признанию тех или иных структур террористическими и экстремистскими. В каждой стране перечень состоит из неодинакового количества запрещенных структур. Так, в российском перечне представлены 19 организаций, в казахском — 12, узбекском — 26. Исламская партия Туркестана и Организация освобождения Восточного Туркестана запрещены в трех государствах, «Аль-Каида» и Движение «Талибан» Афганистана — в четырех, Исламское движение Восточного Туркестана, Исламское движение Узбекистана и «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» — в пяти⁵.

В 2010 г. в перечень ШОС входили 42 запрещенные организации, причем в рамках ШОС признается, что часть из них представляет угрозу лишь некоторым государствам-членам⁶. Так, по требованию Узбекистана в список включены почти все существующие в республике религиозные организации и их лидеры, по инициативе Китая — лидеры и возглавляемые ими уйгурские сепаратистские группы⁷.

В СНГ вопросами формирования единого списка запрещенных организаций занимается Антитеррористический центр (АТЦ). В основу формирования перечня в рамках данной организации положен принцип признания структуры нелегальной на основании национального судебного решения. Список создается без участия центральных структур СНГ и отражает исключительно государственные взгляды на этот вопрос. Так, например, перечень террористических органи-

4 Батюк В. И. Международное сообщество в борьбе с терроризмом: проблемы структуризации // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. — 2008. — № 1. — С. 13; Rose G. L. Towards an ASEAN counter-terrorism treaty // Singapore Yearbook of International Law. — 2005. — № 9. — P. 170–171.

5 Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств — членов ШОС [Электронный ресурс] // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. — Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/activity/legislation/documents/> (дата обращения: 21.08.2014); Старчук М. В. Шанхайская Организация Сотрудничества в обеспечении безопасности в Центральной Азии // Безопасность Евразии. — 2006. — № 4. — С. 480.

6 РАТС ШОС: сообщая против терроризма [Электронный ресурс] // ИнфоШОС. — Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5810> (дата обращения: 13.08.2014).

7 Михайлов В. «НВО»: Бандитов взяли на карандаш. В ОДКБ обновили списки террористических и экстремистских организаций 12:18 20.03.2009 [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1237540680> (дата обращения: 21.08.2014).

заций по версии Азербайджана 2009 г. возглавлял президент Армении⁸.

В ОДКБ, так же как и в СНГ, принят подход включения в перечень организаций, признанных запрещенными, национальными судебными решениями. При этом только в пяти из семи государств существуют собственные списки. Армения и Белоруссия не предложили ни одной террористической группировки для включения в список ОДКБ. С 2010 г. ОДКБ признала террористическими и экстремистскими 47 структур. Россия включила в этот список 22 террористические и 14 экстремистских организации, Казахстан — 14 террористических и одну экстремистскую организацию, Узбекистан — 14 террористических организаций, Таджикистан — 10 террористических и одну экстремистскую организацию, Кыргызстан — 7 террористических и одну экстремистскую организацию. Причем во всех списках присутствует лишь 2 названия: «Аль Каида» («База») и «Хизб ут-Тахрир аль Ислами». Последняя организация в России и Узбекистане считается террористической, а в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане — экстремистской⁹.

Таким образом, на национальном уровне в постсоветском пространстве применяются различные, не унифицированные, подходы для определения террористического характера организации, нет единого мнения об общем количестве таких структур. Некоторые наименования списка ОДКБ вызывают сомнения в части обоснованности их включения в перечни международной организации. Например, экстремистские организации: «Религиозная группа Краснодарская Православная Славянская община «ВЕКРА» (Ведической Культуры Российских Ариев) Скифской Веси Рассении», «Приморская региональная правозащитная общественная организация «Союз славян»», Общественное незарегистрированное объединение — группа «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь», деятельность которых была признана решениями российских судов запрещенной, не предполагали ведения активной работы за пределами России, их цели не носили интернациональный характер. Соответственно, вряд ли они могут претендовать на международный статус.

Включение в перечни международных организаций преступных структур национального уровня ставит под сомнение эффективность и целевую направленность применения данных актов. В целом можно отметить, что во всех международных организациях не выработаны квалифицирующие признаки понятия «международная террористическая (экстремистская) организация». Слабо обоснована роль руководящих органов в формировании данного направления сотрудничества. Подобная ситуация способствует дестабилизации политико-правовой обстановки в регионе, усложняет практическое взаимодействие на уровне внутригосударственных структур. Н. Поросков отмечает необходимость согласования мер правоохранительного характера в отношении таких структур¹⁰.

8 Там же.

9 Решение Комитета секретарей советов безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Перечне организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах — членах Организации Договора о коллективной безопасности». Принято в г. Москве 09.12.2010. Документ официально не опубликован // СПС КонсультантПлюс

10 Поросков Н. «Аль-Каида» в списках не значится. Почему? Перечень экстремистских организаций до сих пор не сформирован 22 сентября, 2005 [Электронный ресурс] // Хранитель: медиапортал о безопасности. — Режим доступа: http://www.w.w.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=7035 (дата обращения: 13.08.2014); Михайлов В. «НВО»: Бандитов взяли на карандаш. В ОДКБ обновили списки террористических и экстремистских организаций 12:18 20.03.2009 [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1237540680> (дата обращения: 21.08.2014).

Представляется важным выработать консолидированную позицию по внесению подобных субъектов в санкционные списки ОДКБ, ШОС, СНГ и в перспективе разработать общий для всех трех организаций перечень международных террористических и экстремистских групп. В нем должны присутствовать лишь те структуры, деятельность которых несет потенциальную опасность для коллективной безопасности государств-членов. Единый региональный перечень запрещенных организаций должен работать параллельно с национальными перечнями, не подменяя, но дополняя их.

Все указанные специфические черты и недостатки позволяют говорить, во-первых, о недостаточной доктринальной проработке содержания термина «терроризм» в международной правовой базе постсоветского пространства и, во-вторых, о тенденции сохранения национального подхода в борьбе с явлениями терроризма. Обращает внимание в международных актах слабая проработка конструктивных признаков терроризма как политико-правового явления, разрозненность подходов к определению его сущности, нечеткость в определении существенных элементов террористического акта как преступления. Все это дает основания согласиться с точкой зрения Г. В. Игнatenко и Л. А. Лазутина о том, что определение терроризма в конвенционном постсоветском пространстве имеет скорее политический, чем юридический смысл¹¹.

Все выявленные пробелы не могут быть ликвидированы в рамках практической деятельности путем неформальных договоренностей и согласований о единой трактовке важнейших юридических конструкций. Требуется обстоятельная разработка и включение в правовую базу унифицированных правил, имеющих научно-доктринальную основу.

Отметим, что проанализированные соглашения преимущественно ориентированы на решение практических задач, взаимодействие и выработку реальной антитеррористической политики государств — бывших советских республик. В настоящий момент эти направления являются наиболее актуальными и важными. Например, по мнению Ю. Бойко и Э. Садыковой, главная цель Конвенции ШОС и договора СНГ — обеспечение эффективного взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб на соответствующих направлениях¹². Г. В. Игнatenко и Л. А. Лазутин, В. Ю. Вобликов¹³, К. Н. Соколов¹⁴ видят основное назначение договорного компонента в области противодействия терроризму в устранении причин, его порождающих.

Анализ норм договоров подтверждает их практическую направленность, приоритетность именно реальных форм взаимодействия над иными аспектами сотрудничества.

Подобная акцентуация в данных случаях имеет и негативные последствия: не работает на перспективу, создает доктринальные проблемы, неопределенность в выработке единой научно-правовой базы для сотрудничества.

Таким образом, подводя итог, отметим, что опыт регионального антитеррористического сотрудничества на постсоветском пространстве говорит о большой проделанной

11 Вобликов В. Ю. Экономическая глобализация и механизм обеспечения региональной безопасности и противодействия терроризму в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Реформы и право. — 2010. — № 1. — С. 28.

12 Бойко Ю., Садыкова Э. Политико-правовые аспекты международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в рамках ШОС // Обозреватель — Observer. — 2008. — № 8. — С. 28.

13 Вобликов В. Ю. Экономическая глобализация и механизм обеспечения региональной безопасности и противодействия терроризму в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Реформы и право. — 2010. — № 1. — С. 28.

14 Соколов К. Н. ШОС и формирование правовой базы для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] // ИнфоШОС. — Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=20> (дата обращения: 13.08.2014).

работе и перспективности его продолжения в будущем. В первую очередь очевидна существующая несистемность и нестабильность в межгосударственных отношениях в этой сфере. В. И. Батюк называет это как одну из основных причин неэффективности, раскоординированности антитеррористической деятельности на постсоветском пространстве¹⁵. Организационная многоликость постсоветского пространства представляется промежуточным результатом наступившего после распада СССР интеграционного процесса, современного оформления новых межгосударственных связей и евразийской политической архитектуры. Думается, что механизмы СНГ, ОДКБ, ШОС, ставшие результатами многосторонних инициатив по выстраиванию разносторонних интеграций постсоветских стран¹⁶, представляют собой пробные попытки формирования взаимодействия.

Правовую основу антитеррористической борьбы постсоветского региона составляют договоры о борьбе с терроризмом, принятые в СНГ и ШОС. Указанные соглашения носят преимущественно практический характер: решают задачи взаимодействия и выработки реальной политики государств — бывших советских республик. Представляется, что это отражает одну из важнейших тенденций антитеррористического развития.

На данном этапе региональное сотрудничество реализуется в конкретных операциях, практическом взаимодействии. Можно признать, что выработана согласованная стратегия использования сил и средств органов безопасности при совместном выполнении задач по борьбе с терроризмом. Однако эффективность совместной деятельности тормозится выявленными проблемами, связанными с доктринально-правовым регулированием. Пока нельзя констатировать наличие на нашем международном региональном уровне единой, комплексной и стратегически продуманной системы мер противодействия терроризму. Наличие данной проблемы неоднократно озвучивалась руководителями и ответственными лицами региональных международных организаций¹⁷.

Понятие терроризма и система мер противодействия ему в обоих договорах в целом соответствует общемировым стандартам. Тем не менее можно выделить ряд аспектов, нуждающихся в совершенствовании, способных усилить эффективность применения договорных норм.

Во-первых, отмечено, что оба договора охватывают неполный спектр возможного антитеррористического поведения, что способствует двусмысленности в понимании и правоприменении в ситуации многостороннего договорного пространства.

Во-вторых, в договорах использован различный подход к идентификации признаков террористического деяния, что также не способствует прозрачности в области борьбы с терроризмом. Выявленные признаки не достаточны для дифференциации терроризма от схожих видов деяний.

В-третьих, договоры не проводят четкое разграничение между терроризмом, как сложным социальным и политико-правовым явлением, и террористическим актом — противоправным деянием, порождающим уголовно-правовые последствия. Отсюда следует смешение методик и институциональных схем противодействия и искоренения данных феноменов.

В-четвертых, к недостаткам данных договоров можно отнести и отсутствие в нем специальной категории «международный терроризм». Необходимость включения данной категории в региональное договорное пространство порождается актуальностью противодействия транснациональным формам данного вида преступления, выходящим за юрисдикционные рамки одного государства.

И, наконец, необходимо гармонизировать подходы к определению понятия «международная террористическая организация».

Таким образом, можно подвести итог, признав, что региональная правовая антитеррористическая база представляет собой масштабный, динамично развивающийся комплекс, обладающий большим потенциалом совершенствования.

Пристатейный библиографический список

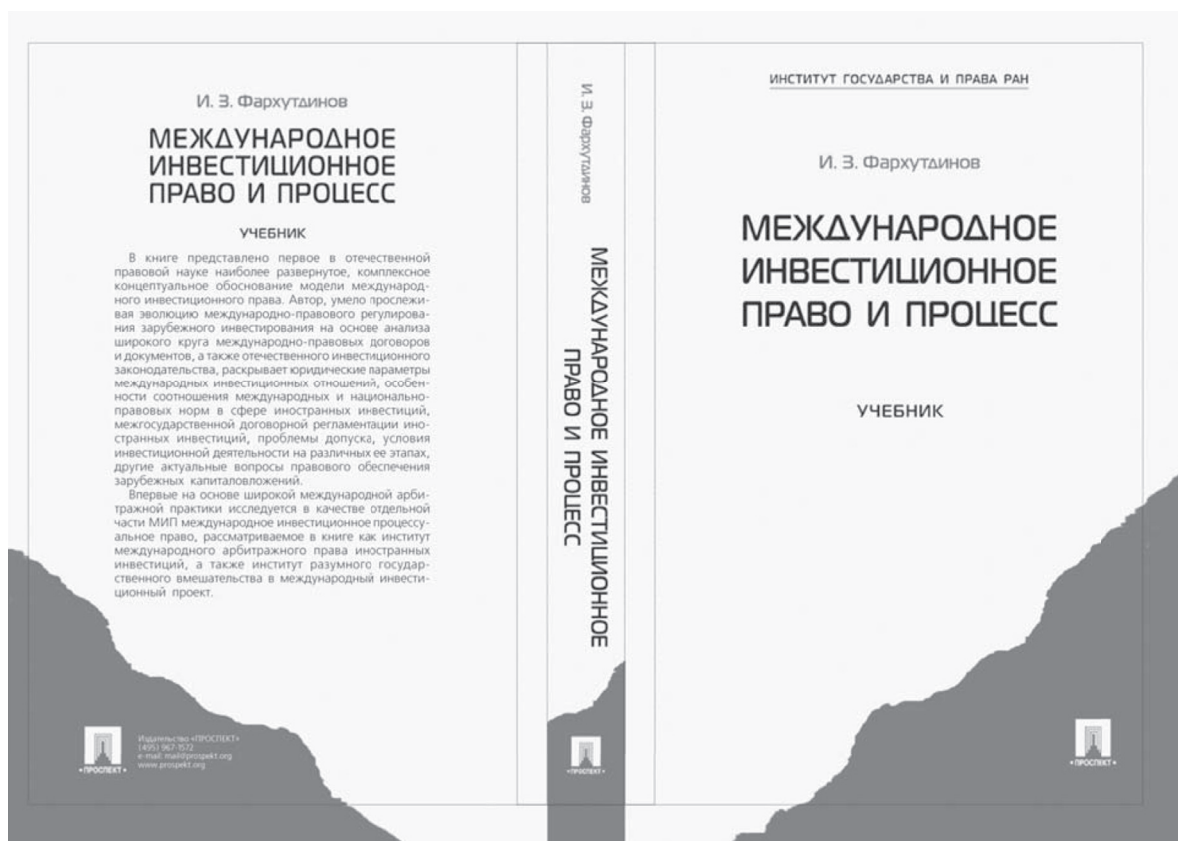
1. Антитеррористический центр государств — участников СНГ и его место в борьбе с международным терроризмом. Выступление Руководителя Антитеррористического центра государств — участников Содружества Независимых Государств Б. Мыльникова в Дипломатической Академии МИД Российской Федерации 31.01.2002 г. [Электронный ресурс] // Интернет портал СНГ. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=1412> (дата обращения: 25.08.2014).
2. Батюк В. И. Международное сообщество в борьбе с терроризмом: проблемы структуризации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2008. — № 1.
3. Бойко Ю., Садыкова Э. Политико-правовые аспекты международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в рамках ШОС // Обозреватель — Observer. — 2008. — № 8.
4. Вобликов В. Ю. Экономическая глобализация и механизм обеспечения региональной безопасности и противодействия терроризму в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Реформы и право. — 2010. — № 1.
5. Договор о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 04.06.1999 // Собрание законодательства РФ. — 2006. — 29 мая. — № 22. — Ст. 2291.
6. Куликов А. С. Международный терроризм сегодня: ответные меры. Доклад на Круглом столе Правления ВААФ. Берлин. 5 октября 2004 г. [Электронный ресурс] // Национальный антикриминальный и антитеррористический форум. — Режим доступа: http://www.waaf.ru/index_ru.php?section=6¶graph=46 (дата обращения: 15.02.2014).
7. Михайлов В. «НВО»: Бандитов взяли на карандаш. В ОДКБ обновили списки террористических и экстремистских организаций 12:18 20.03.2009 [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1237540680> (дата обращения: 21.08.2014).
8. Нагиева А. А. Сотрудничество государств — участников СНГ в области борьбы с терроризмом // Междуна-

15 Батюк В. И. Международное сообщество в борьбе с терроризмом: проблемы структуризации // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. — 2008. — № 1. — С. 13–14.

16 Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 2011. — 3 октября.

17 Соколов К. Н. ШОС и формирование правовой базы для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=20> (дата обращения: 13.08.2014); Куликов А. С. Международный терроризм сегодня: ответные меры. Доклад на Круглом столе Правления ВААФ. Берлин. 5 октября 2004 г. [Электронный ресурс] // Национальный антикриминальный и антитеррористический форум. — Режим доступа: http://www.waaf.ru/index_ru.php?section=6¶graph=46 (дата обращения: 15.02.2014); Антитеррористический центр государств — участников СНГ и его место в борьбе с международным терроризмом. Выступление Руководителя Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств Б. Мыльникова в Дипломатической Академии МИД Российской Федерации 31.01.2002 г. [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=1412> (дата обращения: 25.08.2014).

- родное уголовное право и международная юстиция. — М.: Юрист, 2011. — № 1.
9. Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств — членов ШОС [Электронный ресурс] // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. — <http://ecrats.org/ru/activity/legislation/documents/> (дата обращения: 21.08.2014).
 10. Поросков Н. «Аль-Каида» в списках не значится. Почему? Перечень экстремистских организаций до сих пор не сформирован 22 сентября, 2005 [Электронный ресурс] // Хранитель: медиапортал о безопасности. — Режим доступа: http://www.w.w.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=7035 (дата обращения: 13.08.2014).
 11. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 2011. — 3 октября.
 12. РАТС ШОС: сообща против терроризма 29.04.2010 10:08 [Электронный ресурс] // ИнфоШОС. — Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5810> (дата обращения: 13.08.2014).
 13. Решение Комитета секретарей советов безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Перечне организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах — членах Организации Договора о коллективной безопасности». Принято в г. Москве 09.12.2010. Документ официально не опубликован // СПС КонсультантПлюс.
 14. Соколов К. Н. ШОС и формирование правовой базы для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] // ИнфоШОС. — Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=20> (дата обращения: 13.08.2014).
 15. Старчак М. В. Шанхайская Организация Сотрудничества в обеспечении безопасности в Центральной Азии // Безопасность Евразии. — 2006. — № 4.
 16. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 // Собрание законодательства РФ. — 2003. — 2003. — 13 октября. — № 41. — Ст. 3947.
 17. Rose G. L. Towards an ASEAN counter-terrorism treaty // Singapore Yearbook of International Law. — 2005. — № 9.

Азизова П. М.

ГЕОГРАФИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Насыщенная история постсоветского периода охватывает ряд событий после распада Советского Союза. Это — армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, который продолжается по сей день, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, гражданская война в Грузии в 1993 г., осетино-ингушский и российско-чеченский конфликты. До сих пор не удается найти компромисс ни в одном из межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: Россия, СССР, география, межэтнические конфликты, Нагорный Карабах, грузино-осетинский конфликт, Северный Кавказ.

Azizova P. M.

THE GEOGRAPHY OF ETHNIC CONFLICTS IN THE POST-SOVIET PERIOD

The rich history of the post-Soviet period covers the series of events after the collapse of the Soviet Union. This is the Armenian-Azerbaijani conflict over Nagorno-Karabakh, which continues to this day, the Georgian-Ossetian and Georgian-Abkhazian conflicts, the civil war in Georgia in 1993, the Ossetian-Ingush and Chechen conflicts. Still the search of compromise in all of ethnic conflicts was unsuccessful.

Keywords: Russia, the USSR, geography, ethnic conflict, Nagorno-Karabakh, the Georgian-Ossetian conflict, Northern Caucasus.

Насыщенная история постсоветского периода охватывает ряд событий после распада Советского Союза. Это — армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, который продолжается по сей день, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, гражданская война в Грузии в 1993 г., осетино-ингушский и российско-чеченский конфликты. До сих пор не удается найти компромисс ни в одном из межэтнических конфликтов. Эти конфликты характеризуют политические, социальные и экономические аспекты жизни и тот факт, что ни одна из конфликтующих стран не желает предпринимать шаги к активным военным действиям. Каждое государство обладает большими запасами вооружения, и в ходе военных действий могут пострадать миллионы невинных граждан, естественно, учитывая данные факторы, конфликтующие государства и различные международные организации предотвращают возникновение конфликтов. Но несмотря на воздействие данных структур, вражда между странами огромна, и в любой момент времени могут начаться неизбежные военные действия между конфликтующими странами.

Первым наиболее актуальным конфликтом, который продолжается и на сегодняшний день, является армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха (небольшой территории Южного Кавказа площадью всего в 4,4 тыс. кв. км) стал одним из первых на территории бывшего СССР. За два десятилетия он трансформировался из межобщинного и межреспубликанского противостояния в рамках одного государства — Советского Союза в затяжной международный конфликт с неясными перспективами разрешения. С распадом СССР два новых государства — Армения и Азербайджан — с самого момента обретения независимости оказались вовлечены в военно-политическое противостояние. До сегодняшнего дня между ними нет дипломатических отношений, а граница превращена в линию фронта. Азербайджан осуществляет блокаду Армении. Армения же, в свою очередь, блокирует территорию азербайджанского анклава Нахичевани (из Баку туда можно попасть только на самолете).

Можно без преувеличения сказать, что армяно-азербайджанский конфликт стал по своим последствиям одним из самых жестоких и затяжных конфликтов конца XX — нача-

Азизова П. М.

ла XXI в. На фоне безуспешных попыток найти при помощи посреднических усилий международного сообщества удовлетворяющую обе стороны формулу урегулирования этого конфликта, его главным военным итогом является оккупация части территории Азербайджанской Республики, десятки тысяч убитых и раненных, более миллиона беженцев и перемещенных лиц, несколько тысяч пропавших без вести¹.

Следующим не менее значимым событием является грузино-осетинский конфликт, который вылился в пятидневную кровопролитную, жестокую войну с участием Вооруженных сил Российской Федерации. Данный конфликт, в котором противоборствовали две стороны, начинается уже после распада СССР, и может быть разделен на несколько этапов:

1. На первом этапе складываются идеологические, политико-правовые взгляды и отношения. Со стороны Грузинской ССР вводились санкции в виде ущемления прав Юго-Осетинской АО.

2. Второй этап характеризуется непосредственной вооруженной борьбой между странами Грузии и Южной Осетии, в ходе которой погибают тысячи невинных граждан, сожжено 100 сел, зарегистрированы тысячи беженцев.

Россия как государство, признавшее независимость Южной Осетии, и исторически одно из самых влиятельных государств в регионе, должна выступить гарантом безопасности и стабильности.

Аналогичным событием является и грузино-абхазский конфликт.

До начала военной стадии конфликта в совместном заявлении министров иностранных дел Грузии и Российской Федерации от 5 апреля 1992 г. были прописаны обязательства «взаимно уважать законные интересы, территориальную целостность и нерушимость границ друг друга»².

И 27 июля 1993 г. в Сочи было подписано Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением.

1 Маммадов И., Мусаев Т. Армяно-азербайджанский конфликт. История, право, посредничество. — Баку, 2008. — С. 8.

2 Мусаева А. Г. Правовые и этически-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 12-2. — С. 5.

Новая рубрика «2015 – год Арктики» открылась статьей Ивана Сергеевича Жудро, члена Научно-экспертного совета Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, Заслуженного юриста Российской Федерации: «Сравнительный анализ актуальных подходов к решению проблемы международно-правового закрепления границ континентального шельфа России в Арктике» (№ 1 (80), 2015)

Ниже редакция предлагает вторую статью, посвященную международно-правовому режиму Арктики, который уже многие годы является дискуссионной темой в теории и практике международного права.

Научная дискуссия, развернувшаяся по поводу современной линии России в отношении арктического шельфа, разделила отечественное научно-экспертное сообщество на два, по сути дела, почти непримиримых лагеря. Сформировались «широкий» («классический») и «ревизионистский» («узкий») научно-практические подходы к этой сложнейшей проблематике, как их называет И. С. Жудро, автор первой статьи в новой рубрике.

Приглашаем не только российских, но и зарубежных ученых, специалистов, просто заинтересованных лиц к открытой научно-практической дискуссии по этой острой актуальной проблематике.

От редакции

Малеев Ю. Н.

АРКТИКА: ОЧЕНЬ ОСТОРОЖНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОГНОЗЫ

В последние годы наблюдается возрастание интереса арктических и неарктических государств к углеводородным ресурсам континентального шельфа Арктики, а также к Северному морскому пути. Кроме прочего, это сопровождается повышением военной активности в данном регионе. Основой стабильности в нем служит исторически сложившийся, без заключения международного договора, секторальный режим. Комиссия ООН по континентальному шельфу принимает решения рекомендательного характера. Конвенция ООН по морскому праву, в частности ее статья 76, не может служить единственным основанием для определения границ континентального шельфа.

Ключевые слова: секторальный режим Арктики, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., континентальный шельф, энергетическая проблема, представление Дании, Северный морской путь, климатические изменения, военная активность в Арктике, Арктический совет.

Maleev Yu.N.

ARCTIC: VERY CAREFUL LEGAL PREDICTION

In recent years there is growing interest of arctic and non-arctic states to the CO2 resources of Arctic and to the North Sea Way. Besides it is reflected by growing military activity in this region. The bases of stability here is historically composed, with no international treaty, regime of sectors. The decisions of the UN Commission on continental shelf are of recommended nature. And the UN Convention on the Sea Law of 1982, exactly its Article 76, may not be the only platform for establishment of the continental shelf borders.

Keywords. Arctic regime of sectors, UN Convention of the sea law of 1982, Continental shelf, Energy problem, Representation of Denmark, North Sea Way, Climate changes, Military activity in Arctic, Arctic Council.

Судя по сообщениям прессы, ситуация с Арктикой напоминает предреволюционную. Стороны подошли к барьеру. Они заявили свои позиции и не собираются от них отказываться. Первый выстрел может произойти, даже если с другой Стороны кто-то громко чихнет, объявив тем самым начало Третьей мировой войны.

По одну Сторону — Россия и ее сторонники, в активе которых исторически и уникально сложившееся секторальное разделение Арктики между пятью арктическими государствами: Канадой, Россией, Норвегией, Данией и США. Соответствующие «острова и земли» внутри секторов объявлены ими своими территориями без попытки заключить международный договор. Хотя бы по типу того, какой был заключен в 1959 году по Антарктике, где территориальные претензии ряда государств в Антарктиде «заморожены» на срок действия Договора (у России это — Форт Росса, где развеивается российский флаг, поставленный в свое время Лазаревым и Беллинсгаузеном).

По другую Сторону — остальные четыре участника «арктической пятерки» во главе с США (плюс поддерживающие их отдельные третьи страны), настаивающие на интернационализации Арктики. Особые климатические условия в Арктике и связанные с этим риски, до поры до времени вызывали мало интереса у остального мира. Такое время, тем не менее, настало.

И настало время определить, насколько устойчив исторически сложившийся секторальный принцип в Арктике и насколько оправданы участвовавшие на Западе разговоры о необ-

Малеев Ю. Н.

ходимости ее интернационализации на основе универсального договора. Российская доктрина международного права давно уделяет пристальное внимание данной проблематике, о чем можно судить по работам А. Н. Вылегжанина¹, А. А. Ковалева², Г. М. Мелкова³ и многих других.

Некоторые арктические государства все чаще и настойчивее, порождая спорные ситуации, выдвигают свои притязания на отдельные смежные участки арктического континентального шельфа (КШ), как это сделала в декабре 2014 года Дания, основываясь на статье 76 Конвенции по морскому праву 1982 года. Напомним, что, кроме определения понятия «континентальный шельф», эта статья содержит критерии, по которым устанавливается внешняя граница КШ, и (п. 10) декларирует, что

- 1 Вылегжанин А. Н. Границы континентального шельфа в Арктике. — В сб: Международное право и национальные интересы Российской Федерации. Liber amicorum в честь Чрезвычайного и Полномочного посла, профессора Олега Николаевича Хлестова. М.: Наука, 2008. С. 46–76.
- 2 Ковалев А. А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России в свете Конвенции по морскому праву 1982 г. — Российский ежегодник международного права. 2007. СПб.: Россия-Нева, 2008. С. 156–164.
- 3 Мелков Г. М. Границы континентального шельфа России: мифы, реальность, ведомственные ошибки // Московский журнал международного права. 2008. № 4. С. 119–131.

не затрагивает вопроса о делимитации КШ между государствами с противолежащими или смежными побережьями.

Некоторые дальнейшие статьи посвящены: правам прибрежного государства на КШ (статья 77); правовому статусу покрывающих вод и воздушного пространства и правам и свободам других государств (статья 78); подводным кабелям и трубопроводам на КШ (статья 79); искусственным островам, установкам и сооружениям на КШ (статья 80); бурильным работам на КШ (статья 81); отчислениям и взносам в связи с разработкой КШ за пределами 200 морских миль (статья 82); делимитации КШ между государствами с противолежащими или смежными побережьями (статья 83); картам и перечню географических координат (статья 84); прокладке туннелей (статья 85).

В рассматриваемом контексте очень важно следующее: «Статья 83. Делимитация континентального шельфа между государствами с противолежащими или смежными побережьями.

1. Делимитация континентального шельфа между государствами с противолежащими или смежными побережьями осуществляется путем соглашения на основе международного права, как это указывается в статье 38 Статута Международного Суда, в целях достижения справедливого решения.

2. Если в течение разумного срока не может быть достигнуто соглашение, заинтересованные государства прибегают к процедурам, предусмотренным в Части XV.

3. До заключения соглашения, как предусматривается в пункте 1, заинтересованные государства в духе взаимопонимания и сотрудничества принимают все усилия для того, чтобы достигнуть временной договоренности практического характера и в течение этого переходного периода не ставить под угрозу достижение окончательного соглашения или не препятствовать его достижению. Такая договоренность не должна наносить ущерба окончательной делимитации.

4. Когда между заинтересованными государствами имеется действующее соглашение, вопросы, относящиеся к делимитации континентального шельфа, решаются в соответствии с положениями этого соглашения».

Вроде бы ничто не забыто из общих аспектов данной темы. Однако на практике нередко «забывают» об особенностях статьи 83, что и сделала Дания в данном случае. «Забывают» по причине чрезвычайно высокого интереса к углеводородным ресурсам арктического КШ (плюс волнующим перспективам плавания по Северному морскому пути — СМП) пяти арктических стран и многих неарктических. Эти перспективы накаляют атмосферу в международных отношениях, связанных с арктической тематикой. Точнее сказать, с проблематикой использования КШ, когда сомнению начинают подвергать, казалось бы, ставший своего рода общепризнанным тезис: «Суверенные права прибрежного государства на ресурсы континентального шельфа существуют независимо от их провозглашения прибрежным государством». То есть, если оно не использует «свой шельф», тем не менее, только с его согласия это могут делать другие государства. Решение Международного суда ООН по делу о КШ в Северном море в 1969 году основано на этом подходе.

США стремятся усилить свою позицию ссылкой на самый авторитетный международно-правовой источник в данной сфере — Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года (в которой не участвуют). Причем это подкрепляется рядом сопутствующих военно — политических установок, призванных обеспечить ресурсные интересы США в Арктике и закрепленных в указанной Президентской директиве от 9 января 2009 года:

— США имеют широкие и основополагающие интересы национальной безопасности в регионе Арктики и готовы действовать независимо или совместно с другими государствами для защиты этих интересов. Эти интересы включают такие вопросы как: противоракетная оборона и раннее предупреждение; развертывание морских и воздушных систем для стра-

тегической доставки по воздуху; стратегическое сдерживание; морское присутствие; морские операции по безопасности; обеспечение свободы навигации и пролета воздушного пространства;

— человеческая активность в Арктике возрастает и по прогнозам возрастет еще больше в предстоящие годы. Это требует от США обеспечить более активное и влиятельное национальное присутствие для защиты своих арктических интересов и для демонстрации морской мощи по всему региону;

— министру обороны, госсекретарю и министру внутренней безопасности США поручается создать, при необходимости, более значительные возможности и потенциал для защиты воздушных, наземных и морских границ США в регионе Арктики, а также сохранить глобальную мобильность военных и гражданских судов США во всем арктическом регионе, обеспечить суверенное морское присутствие США в Арктике для поддержки важных интересов США.

Этот воинственный тон дал повод газете Montreal Gazette в том же 2009 года опубликовать статью под названием «Холодная война в Арктике разгорается»⁴. В статье отмечается, в частности, появление скандинавской Декларации солидарности (предложена правительствами Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии и Исландии), которая, по мнению авторитетных обозревателей, является еще одним свидетельством усиления международного интереса к богатой нефтью Арктике, ее увеличивающейся стратегической важности для северных стран и «растущей обеспокоенности возобновленной военной активностью России на Северном Полюсе».

Тщательно учитывая все особенности такой сложной обстановки, американские юристы стараются, с международно-правовой точки зрения, обосновать намерение США прочно утвердиться в «ресурсном поле» арктического региона. Причем в обстановке, когда заметно ухудшается экологическая ситуация в Арктике, что дало основание характеризовать ее так: «Ледяной прогноз. Ученые потрясли мир сценарием грядущего апокалипсиса». Источник: доклад в 1500 страниц, выпущенный конференцией в Рейкьявике еще в ноябре 2004 года Международным научным комитетом по Арктике и Межправительственной организацией «Арктический совет»⁵. За истекшие годы такой апокалипсис стал значительно различимее.

Между тем, не обращая внимания на экологию Арктики и с учетом того, что по финансовым причинам россияне не в состоянии осваивать КШ Арктики, США намерены навязать свое единоличное управление разработкой ресурсов этого шельфа, не допуская туда иностранных конкурентов⁶. Заявка Дании в этом плане невыгодна и для США, если не считать выгоду от угрозы интересам России.

Следует иметь в виду, что вслед за Данией аналогичное представление в этом же 2015 году намерены подать Россия и Канада. (Россия — во второй раз. В первый раз, в 2001 году, представление не было принято по причине недостаточности данных. Хотя в принципе непонятно, зачем вообще нужно было подавать такое представление).

В целом же ситуацию некоторые средства информации характеризуют сегодня так: «Арктические страны с опаской наблюдают за строительством российских военных баз на Крайнем Севере, а скандинавы беспокоятся, что после вторжения в Крым российские интересы распространятся и на Арктику, это ускорило подготовку заявок... Еще два года назад Арктика считалась самым стабильным регионом в мире, но теперь все изменилось: Дания стремится получить энергетическую

4 Boswel R. Arctic Cold War heats up // Montreal Gazette. March 1.

5 См.: [электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ski.ru/static/355/4_17348.html

6 США нацелились на Арктику // РБК — дейли. 2005. 6 декабря. Компании США в данном случае — это, в основном, государственные Statoil и NorskHydro. Кроме того, США беспокоит соответствующая активность Норвегии, Канады и Евросоюза.

независимость за счет разработки арктических ресурсов, для Канады и России ключевую роль играет стратегическое, а не экономическое значение территорий... Рост интереса к региону также связан с глобальным потеплением и истончением морского льда, что сделает добычу ресурсов более доступной. По данным Геологической службы США, в Арктике находится 30% неразведанных мировых запасов газа и 13% — нефти. Но эксперты предполагают, что более насущным вопросом может стать рыбная ловля: утвердить ее правовой режим сложнее, чем определить принадлежность морского дна. По прогнозам Роба Хьюберта из Университета Калгари, из-за падения цен на нефть и развития альтернативных источников энергии именно рыбная ловля станет главной причиной споров»⁷.

В этом плане следует, прежде всего, перестать воспринимать международно — правовой режим Арктики и конкретные аспекты ее использования (деятельности в Арктике) как некий частный случай (*ad hoc*), который может решаться сам по себе, в отрыве от общего развития современных международных отношений. Не получится. Слишком грозны и взаимно зависимы такие глобальные факторы как: демографический взрыв, резкое ухудшение окружающей среды, конфликтный характер энергетического фактора, поляризация политических и экономических отношений, цивилизационное противостояние.

В контексте этого следует давать оценку и позиции некоторых неарктических стран (Китай, Япония, Южная Корея, Финляндия и Швеция), которые и вовсе считают, что ресурсы Арктики — это достояние всего человечества.

А. Н. Вылегжанин, потративший в последние годы, как мне кажется, больше всего сил среди отечественных юристов — международных, чтобы отстаивать российские интересы в Арктике, в 2013 году практически суммировал свои соображения во вводной статье к Хрестоматии в трех томах⁸.

На случай, если вы заинтересуетесь данным изданием, приведу названия соответствующих разделов: 1. Соотношение регионально-правовой идентичности Арктики с универсальным договорным правовым регулированием. 2. Арктические государства и стержневое значение их правовой практики. 3. Суверенитет России и Канады на земли и острова, в том числе неоткрытые, в пределах их арктических секторов. 4. Правовое положение льдов и вод в пределах обозначенных арктических секторов. 5. Конвенция 1982 г.: новая основа для управления Северным Ледовитым океаном (позиция ЕС и НАТО) или один из компонентов «обширной правовой базы» (Илулиссатская декларация 2008 г.). 6. Региональные институциональные механизмы арктических стран как составляющие правового режима Арктики; 7. К правовому прогнозу.

В последнем случае (раздел 7) предлагаю ознакомиться с кратким прогнозом А. Н. Вылегжанина, поскольку сам, повторю, в контексте сегодняшней (март 2015 года) военно-политической обстановки в Арктике не решаюсь это сделать. А эта обстановка характеризуется резким возрастанием милитаризации Арктики, о чем, кроме прочего, свидетельствуют канадские и российские военные учения в Арктике (со стороны России это предпринимается исключительно в оборонительных целях).

Итак, вот слова А. Н. Вылегжанина: «В порядке осторожного научного прогноза можно предположить, что практика арктических государств и впредь пойдет по пути развития эффективного специального — именно, регионального право-

вого режима сохранения и защиты морской среды в Северном Ледовитом океане, в том числе и над районами континентального шельфа, а также поиска, спасания людей⁹, реагирования на чрезвычайные ситуации, включая меры при разливах нефти, сохранения морских живых ресурсов и рационального управления ими. Отмечено „существенное усиление тенденции развития самого широкого регионального сотрудничества, терпеливый поиск взаимоприемлемых решений путем переговоров на основе норм международного права“¹⁰. Этот региональный акцент обусловлен применимым общим международным правом, стержень которого составляют, как известно, обычные нормы.

Вместе с тем, в части, не охватываемой этим специальным правовым режимом в Арктическом регионе, будет, видимо, поддерживаться универсальный уровень договорно-правового регулирования, созданный прежде всего Конвенцией 1982 г. Причем по мере освобождения от льдов Северного Ледовитого океана универсальные предписания Конвенции 1982 г. будут реализовываться с меньшей региональной адаптацией. Несмотря на то, что одно из арктических государств — США — не является участником Конвенции 1982 г., многие ее нормы, в т. ч. об исключительной экономической зоне, уже реализованы США в Северном Ледовитом океане. Вместе с тем, не в интересах арктических прибрежных государств преувеличивать значение Конвенции 1982 г. в части правового режима дна Северного Ледовитого океана и, напротив, занижать роль обычных норм, а также двусторонних и региональных международных договоров в таком правовом режиме; тем более учитывая то, что официальная позиция Сената США на сегодня состоит в том, что Часть XI Конвенции 1982 г. (о Районе — международном районе морского дна, „общем наследии человечества“) не является обычным международным правом; соответственно, не являются обычно-правовыми нормами и конвенционные положения о границе между Районом и континентальным шельфом прибрежного государства (критерии установления такой границы предусмотрены в статье 76 Конвенции 1982 г.). Игнорировать эту правовую реальность — не в интересах прибрежных арктических государств. Поэтому им, прежде всего в рамках регионального согласования, предстоит устанавливать внешние границы арктического шельфа (*delineation*) и осуществлять его делимитацию (*delimitation*) на основе общего международного права; а не сутобо на основе одной из договорных норм — упомянутой статьи 76 Конвенции 1982 г. При этом, арктические государства вправе, разумеется, учитывать, как те секторальные границы, которые обозначены отмеченными выше конвенциями, иными правовыми актами (хотя и не предназначенными специально для целей делимитации арктического шельфа), так и современными принципами и методами делимитации континентального шельфа, включая метод равного отстояния.

В случае очередного похолодания и циклического роста площади льдов в Северном Ледовитом океане региональный, двусторонний, национально-законодательный массив норм, созданный арктическими государствами и представленный в настоящем сборнике, будет еще больше востребован. Более того, при этом можно прогнозировать приращение этого нормативного массива, дальнейшее усиление правовой идентичности Арктического региона».

Считайте эти слова своеобразной рекламой данного трехтомника. Он этого заслуживает.

7 [электронный ресурс]. — Режим доступа: www.vedomosti.ru/newspaper/article/816691/borba-za-sever

8 Вылегжанин А. Н. Правовое положение Арктического региона в документах (Вводная статья). — Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3 томах. Том 3. Применимые правовые источники // Глав. Ред. И. С. Иванов. Науч. ред. А. Н. Вылегжанин. М.: Аспект Пресс. 2013. С. 11–44.

9 Успешный пример — заключение арктическими государствами в 2011 году Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике.

10 Лавров С. В. Нуукская Декларация: новый этап сотрудничества арктических государств. — Арктика: экология и экономика. 2011. № 3. С. 4–5.

Клемин А. В.

О ПРАВЕ НА САМООБОРОНУ В РФ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ

Депутаты Госдумы взялись за «необходимую оборону». Подготовлено два законопроекта о модернизации этого института. Один из них в начале октября 2014 г. уже внесен на рассмотрение. Предложенная статья — о пределах необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, самооборона, уголовное право, пределы необходимой обороны.

Klemin A. V.

ABOUT THE RIGHT OF SELF-DEFENSE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND OTHER COUNTRIES

Russian parliamentarians set to work on the law of self-defense. There are two drafts law to prepare modernization of this institute. One of them in October 2014 was already submit for the consideration of State Duma. The presented article considers the bounds of the self-defense.

Keywords: justifiable defense, self-defense, criminal law, bounds of the self-defense.

Клемин А. В.

Продолжение
(начало в № 11 (78) 2014)

В Госдуме вновь поднята тема необходимой обороны (далее также — НО). В октябре 2014 г. подготовлено несколько новелл в Уголовный кодекс РФ. Россия подзадержалась с перестройкой этого уголовно-правового института. Как никакой другой, он обладает сильнейшим превентивным потенциалом. Он детально разработан и прописан. Однако при этом, как ни странно, почти не работает. Почему? Статистика убеждает лучше слов — 56% всех решений, принятых на «общих основаниях», возвращается верховными судами в порядке пересмотра обратно в «необходимую оборону». То есть более половины судебных решений ошибочны. Сравнение с зарубежными законами выявляет один из основных изъянов российского права на необходимую оборону — чрезмерная детализация и множество ограничений. В Российском УК необходимая оборона обставлена множеством оговорок и запретов, которые требуется соблюсти обороняющемуся. У нас настолько тщательно детализированы все аспекты НО и ее пределов, что даже малейший просчет в оценке агрессии превращает пострадавшего в преступника. Следовательно и судьи также — больше заинтересованы «выявлять» превышение пределов самозащиты, чем долго и сомнительно доказывать НО.

Закон содержит ряд ограничений права на самозащиту. Мы их частично осветили в начальной статье. Назовем еще несколько. Например, «упреждающий удар» по нападающему. У нас он считается неправомерным и преждевременным использованием силы. А в реальности жертве придется дожидаться первого удара от «чудо-богатыря». Однако, чтобы остаться невредимым на нашей разгуляй-улице, иного выхода, как ударить первым, может и не представиться. Либо ударите вы, либо вас везут в морг. Но и этот — первый удар агрессора тоже еще предстоит доказать. Его вообще лучше зафиксировать на фото или видео. А еще лучше заранее поискать свидетеля-очевидца. А преступника попросить подождать... Если этого не сделать, обороняющемуся придется доказывать свою «самозащиту». Получится? Скорее всего, нет. Если не зафиксируете его первый удар (на фото, видео), то можете не сомневаться, что именно вы получите статью (за «побои», «нанесение телесных повреждений»). Следовательно и судья посадят уже вас, а не нападавшего. То есть, чтобы доказать, что вы действовали в рамках НО, вы должны заранее попросить своего знакомого засесть в кусты и вести съемку первого удара. Либо изловчиться и самому незаметно включить видео-звукзаписывающую технику. А уже затем подставить свою щеку под удар. Наконец, сплюнув выбитые зубы, вам дается законом право ответить хулигану-агрессору аналогичным ударом — соразмерно. При

этом не гневаться, не палкой, не ножом либо иными «несоразмерными» средствами. Иначе вы получите из рук следователя и судьи статус первоначального нападающего, либо «превысившего пределы необходимой обороны». Поэтому ждите первого удара, а после лежите себе на асфальте, дубасимый хулиганом. Вот вам и ответ — почему наш человек не знает и не стремится знать нормы НО. Он заранее уверен, что государство не встанет на его сторону. А подоспевшие полицейские, скорее всего, скрутят руки именно обороняющемуся. Разве не так было в п. Сагра в 2011 г., когда 60 нападавших вооруженных кавказцев были отпущены, а 9 русских защитников арестованы? В западных УК нет понятия упреждающего удара.

Следующее ограничение — «запоздалые действия» обороняющегося. Они также не могут считаться совершенными в состоянии НО, если вред причинен после того, как посягательство было предотвращено или окончено, и в применении средств защиты явно отпала необходимость. В этих случаях ответственность для обороняющегося также должна наступать на общих основаниях¹. То есть нормы нашего УК так устроены, что доказывать, что вы защищались, придется именно вам — жертве нападения, а не преступнику. А следовательно будет задавать вам каверзные и «разоблачающие» вас (!) вопросы, силясь доказать отсутствие состава НО. А если, не дай Бог, у вас на беду окажется еще и какой-нибудь спортивный разряд, скажем, по вольной борьбе, то не сомневайтесь — следователь и судья, потирая руки, сразу отметут оправдывающую вас НО и «пришьют» «нанесение менее тяжких телесных повреждений» — ведь вы же «спортсмен».

Следующее ограничение права на самозащиту. По УК РФ не требуется, чтобы нападение было совершено только совершеннолетним и вменяемым. НО формально возможна и против действий невменяемых и несовершеннолетних (не достигших возраста уголовной ответственности — 16 лет). Однако на практике оборона против несовершеннолетних и умалишенных должна быть особенно осмотрительной и щадящей. Порой ответное причинение вреда малолетним (грабителям и наркоманам) грозит уже вам уголовным сроком. Скажем, вы приехали на свою дачу и видите, что дверь взломана, а в ней юные наркоманы крушат вашу мебель. Но чтобы самому не подпасть под статью, вам лучше мягко попросить их выйти (затем составить опись утраченного и предъявить гражданский иск уже к родителям). Ни в коем случае не палкой, не бить малолетних, не стрелять в них и не дубасить кулаками. Ибо в этом

1 См. Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1984. — № 5.

случае именно вы [потерпевший] рискуете попасть в колонию. А если к тому же ущерб малозначителен (помните?), то у вас и вовсе не остается шансов защитить себя и свой дом. Вот такая тончайшая грань между самозащитой и преступлением. Поэтому, рассчитывая на ст. 37 УК РФ, вам — чтобы случайно не выйти за ее рамки — желательно сразу постараться определить возраст посягателя. Сможете? А как же акселерация? А если вы ошиблись и применили палку (выгоняя «мелкого» крушителя из дома), то получите статью за «побои» или, скажем, «нанесение телесных», а не «необходимую оборону» и защиту собственного дома. И, конечно, никакой благодарности от государства за то, что сэкономили его силы и средства. А ведь действительно сэкономили! К несчастью, против таких лиц у нас априори можно защищаться только на общих основаниях. Шанс, что ваши действия будут признаны самозащитой (помните?), — один к десяти.

Однако некоторые подвижки в последние годы все-таки есть. Новая редакция ст. 37 УК РФ (в 2002 г.) расширяет рамки правомерной обороны и признания общественно полезным причинения любого вреда нападавшему, если последний осуществлял нападение с насилием, опасным для жизни человека, или с реальной угрозой причинения такого насилия либо нападение было неожиданным для обороняющегося. То есть только в случае наиболее опасных и тяжких преступлений. Но в том то и дело, что большинство населения чаще донимают нападения и насилия не столь опасные для жизни, т.е. не столь значительные. Такие как: «дачный вопрос», элементарное воровство магнитофона, ягод, овощей, стройматериалов в садах, дачах, огородах, угон велосипеда, иные посяательства на собственность. Как видим, государство не хочет заниматься такой «мелочью», как защита собственности. Таким образом, в РФ широко распространено необоснованное привлечение к уголовной ответственности лиц, правомерно оборонявшихся от общественно опасного посяательства. Попросту говоря, суды не применяют статью УК РФ «необходимая оборона». Они не знают, как ее применять, боятся ее применять и тихо саботируют ее применение. Выборочное изучение уголовных дел, рассмотренных в 1988–1997 гг., показало, что в 56,5% действия подсудимых кассационной и надзорной инстанциями были пересмотрены и признаны совершенными в состоянии НО. То есть высшие суды почему-то не боятся квалификации по ст. 37 — «необходимая оборона». Напротив, суды 1-й инстанции боятся признавать действия подследственного «необходимой обороной».

Приводим данные судебной практики — что суды обычно присуждают обороняющимся вместо необходимой обороны:

- в 69,2% (!) случаев суды квалифицировали действия обороняющихся как превышение пределов необходимой обороны;
- в 19,2% — как преступления, совершенные в состоянии аффекта.

- в 11,5% — как умышленные убийства и причинение тяжких телесных повреждений. И так, все что угодно, только не необходимая оборона.

Низшие суды боятся оправдательных приговоров и избегают их. Боятся идти на конфликт со следователями и прокурорскими работниками. Не забудем, что те вели следствие 2 месяца. Они работали... И судье нельзя перечеркнуть их работу. Это неписаное табу, обыкновение. Такова спайка и взаимоподдержка следователя, прокурора и суда. К сожалению, это практика. В этом спектакле участвуют и адвокаты.

Судьи: Дело порой не столько в аморфности формулировок ст. 37 УК, а в действиях, т.е. незаинтересованной позиции низших судов. Видимо, судьи давно усвоили эту хитрость или, как говорят, «обыкновение». Они прекрасно понимают, что действие подлежит квалификации по оправдательной ст. 37 УК. Тем не менее они квалифицируют его по обвинительным статьям. В судебной системе РФ, видимо, негласно принято внутреннее распределение функций. «Низшие» суды выносят обвинительные приговоры, а высшие (верховные, областные)

«подправляют» их на оправдательные. Похоже на игру в «злого — доброго» следователя или в «плохой — хороший» суд. Местный суд — плохой. А высший — хороший. Районные городские суды «ошибаются», а областные, республиканские и Верховный их «поправляют». Как видим, низшие не боятся «ошибаться», правда, всегда только в сторону обвинения. Потому-то мы и получаем из 100% приговоров 56,5% пересмотров и перекачификаций на необходимую оборону. Таково распределение задач и функций.

Следователю тоже непросто. Ведь вдобавок к «телесным повреждениям» или «неосторожному убийству» ему придется доказывать еще и наличие НО. Этим он удваивает себе работу и рискует не уложиться в положенные 60 дней следствия. К тому же доказательства самообороны, как правило, шаткие. Кому хочется подставляться? Суд ведь может и перечеркнуть его двухмесячный труд. А это брак в работе и выговор от начальства. Какая уж тут «необходимая оборона. Скорее бы избавиться от этого «довеска». Он мешает следователю как кость в горле. Поэтому лишь 10% дел оканчиваются «необходимой обороной». Добавим цифр: 23% опрошенных практических работников правоохранительных органов указали, что испытывают затруднения при определении наличия состояния НО, а 44% — при установлении ее допустимых пределов².

Адвокаты действуют в унисон со следователем и прокурором. Вместо доказывания наличия НО, они убеждают обвиняемого признать вину, обещая минимальное наказание. Пострадавший, находясь в состоянии определенного возбуждения и шока, соглашается. И действительно, все происходит именно так, как обещал адвокат — минимальный срок и все довольны. Печально, что справедливым такое решение считают и сами подзащитные, осужденные за превышение пределов НО. Это не значит, что участники процесса не видят грани между НО и превышением ее пределов. Видят, понимают, но всем так «удобно». Для судей это распределение функций. Для следователей — неприятный довесок. Для адвокатов — подыграть судье и следователю. Отсюда и правосознание населения, которое слышит, как вершится справедливость в «органах» и судах. Люди не уверены в защите государством честного человека и поступка. Но в советское время хоть была пропаганда преимуществ правоохранительной системы СССР. Выпускались кинофильмы о работе судей и необходимой обороне. Помните, с известным актером Жаковым в роли судьи? Граждан СССР старались научить пользоваться этим инструментом. Показывали справедливость судов. Теперь это «неактуально». Почему нельзя пользоваться ружьем, пистолетом, ножом, палкой, если тебе угрожают и если на твой участок пришли воры? Что в таких случаях делать, и почему в той же Германии собственник может убить даже мелкого вора? Почему в Италии жертва ограбления вправе стрелять в грабителя? Почему в Сингапуре жертва насилия не боится убить насильника?³ И почему это нельзя делать в РФ? Российскому садоводу, дачнику, владельцу мопеда или садовой лопаты остается разве что «договариваться» с грабителем, взывать к его совести или, как самое «устрашающее», — угрожать вызвать милицию. Преступности в постсоветские годы чувствительно мало поддается контролю со стороны государства. Оно не может обеспечить защиту даже права на жизнь. В таких условиях институт НО должен

2 Приводится по: Зуев В. Л., Стеснова Т. Н. Применение уголовно-правовых институтов необходимой обороны и крайней необходимости // Вестник МВД РФ. — 1996. — № 6. — С. 130.

3 По УК Сингапура (ст. 100) причинение смерти нападающему возможно в случае нападения с намерением убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилования, совершения иных насильственных сексуальных действий, похищения людей, насильственного лишения свободы. В некоторых случаях причинение смерти допускается и при особо опасных посяательствах на собственность (ст. 103) — разбое, грабеже со взломом ночью и т.п.

гарантировать возможность самозащиты жизни, здоровья, достоинства, неприкосновенности жилища и имущества.

Сравним нормы УК РФ с нормами Франции, Германии, Испании. УК Франции пользуется понятием «правомерная защита». В нем мы не увидим понятия «превышение защиты», хотя такое превышение имеется в виду в ст. 122–5 УК. Кодекс не определяет никаких юридических последствий превышения защиты, как это сделано в УК РФ. То есть француз не боится превысить меры защиты, а русский заранее знает, что любое его действие будет не в его пользу. В РФ законодатель «бьет по рукам» честного человека, ставшего жертвой посягательства. В РФ УК обставляет самозащиту красными флажками, рядом ограничений, условий и угроз. Государство говорит нам — вот что с тобой будет, если ты превысишь. Во Франции УК, напротив, поощряет самозащиту. Государство говорит французам: полиция на всех не хватает, защищайте себя сами, применяйте любые подручные средства — мы на вашей стороне. В РФ, чтобы защитить себя и при этом самому не попасть в тюрьму, надо сначала «разумно», хладнокровно и юридически профессионально взвесить соразмерность ответных действий — кулак на кулак, ремень на ремень, нож на нож, пистолет на пистолет, автомат на автомат, гранатомет на гранатомет, танк на танк. В РФ все досконально прописано. В УК РФ есть даже ряд специальных норм о нарушении условий правомерной защиты. Например, статьи 37, 108 (убийство при превышении пределов необходимой обороны); 114 (причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны); п. «ж» ч. 2 ст. 61 (смягчение наказания при нарушении условий правомерности необходимой обороны). Может показаться, что детализированность — это хорошо. Детально — значит лучше. А результат хуже. Почему? Видимо, потому, что у нас, чтобы взяться защищать себя от посягательства, надо быть если не академиком, то, как минимум, профессором уголовного права, и перед тем как начать защищать себя, жену, детей, свой дом, надо точно высчитать размер и «условия» правомерной защиты, чтобы вас самого не посадили как настоящего преступника. Практика судов (10%) свидетельствует именно об этом.

Необходимая оборона допустима не только против уголовных деяний, но и против административных правонарушений. Они также являются деяниями общественно опасными, хотя и в меньшей степени. И тут тоже видим угрозу со стороны государства. Статья 18 Кодекса об административных правонарушениях РФ вставляет ту же бьющую по рукам оговорку — «если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны». Законодатель загодя «охлаждает» честного человека — не берись защищаться, будь пассивен, оставайся рабом! Впрочем, стоит ли искать в этой беззащитности тайный умысел государства? Может быть, государству просто не до этого. Руки не доходят до «мелочей». В конце концов, с этим можно жить. А в советское время такая регламентация и вовсе соответствовала общегосударственному духу. Мы ее унаследовали, как унаследовали и методы следствия и защиты. Видимо, столь въевшиеся в плоть и кровь правоохранительной системы традиции одним днем не меняются.

В Германии и Франции жертва не связана никакими условиями и оговорками, никакими угрозами и предварительными расчетами «соразмерности». Например, УК Франции вообще не содержит ответа на вопрос, как квалифицировать превышение пределов защиты. УК РФ, напротив, четко и до последнего пункта детализирует все составы преступлений, совершенные по причине превышения пределов НО [лишение жизни, причинение тяжкого вреда здоровью]. Переводя на простой язык — Франция не уравнивает нападающего и обороняющегося. Защищающегося она ставит выше, не требуя от него никаких доказательств своей невиновности. Российская фемида, напротив, ставит нападающего и обороняющегося на равных. И тот преступник, и этот преступник. И это в лучшем случае. В этом — важнейшее достижение западного уголовного

права и ключевой и изъят российский. Именно лояльное отношение государства к превышению пределов самообороны делает эффективной защиту важных благ личности от опасных преступлений. Кодекс Франции выделяет также специальную статью о защите собственности от посягательства. Это очевидное достоинство. А в УК РФ вообще нет нормы о защите от посягательства собственности и жилища. Добавим, что ст. 122–6 УК Франции регулирует защиту от преступных посягательств на собственность и жилища, но при этом условия защиты не указаны (!). Никаких оговорок и «превышений». Сопоставляя разные статьи, заключаем, что защита может быть сопряжена и с причинением серьезного вреда посягающему, кроме лишения его жизни. Допустим любой ответный вред нападающему. Превышение пределов самозащиты допускается во Франции только в одном случае — явного несоответствия средств защиты тяжести преступления.

В УК ФРГ статья (параграф) 33 УК ФРГ специально посвящена превышению пределов НО. А теперь — внимание! — закон звучит так: «Если лицо превышает пределы необходимой обороны из-за замешательства, страха или испуга, то оно не подлежит наказанию». Вот вам и ответ на вопрос — почему там эффективно, а в РФ нет. В УК ФРГ, как и в УК Франции, не содержится специальных составов преступлений, например, лишения жизни или причинения вреда здоровью в результате превышения пределов НО. В ФРГ, как и во Франции, никак не карается превышение пределов самообороны. Никаких юридических последствий. Напротив, самозащита недвусмысленно поощряется освобождением от наказания. Высочайшим достижением является и то, что об этом прямо сказано в кодексе, а не выводится из судебной практики, либо иных принципов и презумпций. Ни там, ни там нет упоминания о нарушении каких-либо «условий правомерной защиты», как это сделано в российском УК, да еще столь детально. И это притом, что немцы — народ жесткий и, как известно, довольно садистичный. В России же мы узнаем странные вещи. Например, что такой влиятельный деятель, как Никита Михалков, ничего не может поделать с деревенскими ротозеями, упрямо лезящими в его нижегородскую усадьбу. Вместо ружья он, по сведениям СМИ, вынужден разбрасывать вокруг усадьбы гадюк, надеясь как-то заткнуть дыру в «импотентном» праве НО. Поэтому давно пора разрешить установку в помещениях «защитительных приспособлений», к которым могут быть отнесены как специальные технические средства, так и иные предметы — доступ в которые без разрешения собственника запрещен (капканы, «гадюки», отравленные продукты питания, напитки и т. п.).

Итак, УК ФРГ заранее считает любое посягательство на жизнь, здоровье, собственность преступным. А в РФ вам самим придется доказывать, что посягательство носило преступный характер, а не вы беспричинно жаждали хорошего прохожего вазой по голове (которую заранее приготовили). УК ФРГ не упоминает специально о возможности защиты собственности, ибо она подразумевается как само собой разумеющееся. Главное при квалификации — факт «посягательства», а не соразмерность ответного вреда. УК ФРГ не раскрывает сути превышения пределов необходимой обороны. Этим он только сузил бы рамки допустимого при самозащите и снизил ее эффективность. Заметим, что в РФ все эти пункты детализированы. Результат плачевный. УК ФРГ не содержит специальных норм об ответственности за причинение смерти или телесных повреждений в результате превышения пределов необходимой обороны. Вот так — полная свобода рук для защищающегося.

В УК Испании 1995 г. институт НО помещен в главе «Основания освобождения от уголовной ответственности». В нем «защита» рассматривается как основание для освобождения от уголовной ответственности. В этом принципиальное отличие взгляда законодателя Испании на НО от российского. УК РФ, напротив, не освобождает от ответственности даже при

признании действий лица «необходимой обороной». Однако УК Испании исключает «защиту», если нападение исходит от лица, не достигшего возраста уголовной ответственности или признанного невменяемым. Испания разрешает охранять собственность от посягательств, если она подвергается опасности или потерям. «Условий» в законе нет. Они раскрываются судебной практикой. УК Испании регулирует защиту жилища или построек от незаконного проникновения или пребывания в них (кража, грабеж, насильственное присвоение недвижимого имущества). Пределы самозащиты в Испании, как и в ФРГ, не оговариваются. Их определяет суд. То есть суды на западе более свободны в оценках. Защита, используемая для пресечения или предотвращения преступления, должна «соответствовать требованиям разумной необходимости». Содержание этого требования закон также не раскрывает, предоставляя это судам. В Испании также не употребляется выражение «превышение пределов защиты» и нет специальных норм об ответственности за превышение. Правомерна всякая защита. Это главное. Однако Испания имеет и особенность. Статья 21 ее УК имеет положение о так называемой «провокации» защиты. Ее наличие в действиях «защищающегося» исключает правомерности защиты. Такого положения в РФ нет.

В РФ самозащита — это потенциальное преступление. В ФРГ, Франции, Испании, США, Австралии самозащита — это полезное и главное одобряемое дело и заслуживает благодарности. Там принято считать, что при НО нет состава преступления. И других толкований их кодексы не допускают. В СССР и РФ, напротив, есть немало авторов, которые полагают, что нынешняя формулировка ст. 37 дает основание считать, что при необходимой обороне есть состав преступления. Практика подтверждает, что действительно есть. Он предполагается уже в самом содержании нормы ст. 37. Если перевести ее на простой язык — чуть оступился, и ты уже не обороняющийся, а преступник. Переволокнулся от приставленного к горлу ножа, ударил вазой в момент насилия — и вот уже ты «неосторожный убийца». Грань между самообороной и преступлением в РФ настолько тонка, что скорее можно сомневаться, что она вообще есть. Судебная практика (отмены приговоров) свидетельствует, что норма ст. 37 на самом деле почти не дает права на самозащиту. Рамки самозащиты в РФ узки до невыполнимости. В Западных странах — широки. Честный человек в ФРГ, Франции, Австралии, США уверен, что государство встанет на его сторону. В РФ честный человек уверен в обратном — что государство не встанет на его сторону, а обвинит и осудит. Поэтому если на ваш дачный участок придут непрошенные гости и на глазах станут собирать выращенную вами смородину, то в РФ вам лучше не мешать им, а сделать вид что вас нет или что вы этого не заметили. А в ФРГ, Франции, США, Австралии вы вправе смело снять ружье со стены и стрелять в грабителя на поражение. Там, закон и суд априори на стороне честного человека.

В РФ, если вы станете силой выгаливать грабителей со своей грядки или из своего дома, то вы уже не «обороняющийся», а «нападающий». То есть уже не он, а вы — «первоначальный преступник». И не он получит статью за «грабеж», а вы — честный человек — получите статью за нанесение ему «побоев». А если заикнетесь, что вы действовали в целях самозащиты, то следовательно, судья вас в лучшем случае поднимут на смех. А в худшем получите еще более тяжкую статью — хулиганство, телесные повреждения и т.п. (см. судебную практику). Российский закон и суд на стороне грабителя, вора, насильника. Думается, что дело не в неправильных нормах УК. У законодателя была и есть возможность исправить и «разработать» все, что нужно для эффективности НО. На эту тему защищены десятки диссертаций. Посмотрите сколько их в интернете! А дело ни с места. Все валить на «плохой» СССР тоже уже не получается. Есть новый кодекс. Уже он претерпел порядка 700 изменений. А нормы о НО все те же. Почему понятие НО остается столь же «антизащитным»? Почему правопримени-

тельная практика чуждается как огня этого уголовно-правового института? Недоработка, недочет законодателя, огрех депутатов Госдумы, случайность, ошибка? Время показало, что нет. Не стоит думать, что кто-то чего-то не понимает. Поэтому формально мы имеем иезуитскую общую формулировку ст. 37 УК, которая называется громко — «Необходимая оборона». Норма грозная, убедительная. Но из нее человек, собственник, не получает никакого права. Один пишем, два в уме. Высший юридический пилотаж — по форме — право, по содержанию — бесправие. Норма есть, а реального права нет. Думается, что мы вряд ли увидим содержательное изменение нормы ст. 37. Наводит на такое размышление и недавнее постановление ВС РФ о необходимой обороне, вышедшее в 2012 г. Читаем — именно так — постановление новое, а механизм все тот же.

Итак, западные государства избегают детализации института НО. УК РФ, напротив, максимально детализирует и прописывает все ее правила. УК РФ не оставляет на усмотрение судей ни одного вопроса. Западные страны, напротив, максимально все отдают на усмотрение и оценку судов. В РФ — исторически сложившееся недоверие к судам со стороны государства. Это большой минус для эффективности права на самозащиту. В РФ — желание все стороны жизни сохранить под контролем государства. Этот дух и буква УК почти не изменились за 20 лет. Отсюда и подробная детализация НО и ее пределов. Следователи и судьи боятся нарушить эту традицию и избегают оправдательной квалификации в своих решениях. Она и сложна, и опасна для них. Западные страны защищающегося ставят выше, не требуя от него никаких доказательств невиновности. Россия же уравнивает нападающего и обороняющегося. Оба — преступники. Там, лояльное и даже одобряющее отношение государства к превышению пределов самообороны делает эффективной защиту важных благ личности от преступлений. У нас отношение только карательное. Нельзя не согласиться с вице-спикером Госдумы РФ И. Лебедевым в том, что «граждане должны иметь право на любую степень обороны от любого насилия»⁴. Российские правоохранительные органы и суды не верят человеку. В западных странах в расчет принимается в основном объективно имеющее место нападение и не столь важно, была ли угроза реальной или самооборона была мнимой. Например, не имеет значения, был ли пистолет нападающего настоящим или игрушечным. У нас же, если человек в состоянии стресса ошибся, неадекватно оценил угрозу и несоразмерно ответил, то уже он, а не нападающий, получит срок за нанесение... У них посягательство должно быть лишь объективно общественно опасным. У нас же превалирует субъективная сторона. Однако как может переволновавшийся человек «объективно» и точно, за одну секунду взвесить все «за» и «против» самозащиты? Для западных законов важно восприятие обороняющимся ситуации, а не ее реальность. Наконец, у нас до сих пор нет защиты собственности в порядке НО. В СССР не любили собственность. И ныне нет нормы о НО собственности — традиция. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. необходимая оборона допускалась лишь для защиты своей личности или личности других; в УК РСФСР 1922 г. добавилась защита прав обороняющегося и прав других лиц; в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. круг объектов был расширен за счет интересов государства, а в 1958 г. к ним добавлены интересы общества. Но только не собственность граждан.

Ждем, когда государство проявит волю и даст нам, наконец, право защищать свое жилище, участок, машину, дачу, гараж, ферму, собаку, корову. В УК РФ проблема защиты собственности, жилища (в случае вторжения в него) не решена. Ее там просто нет. И это притом, что в РФ ежегодно

4 Госдума готова разрешить россиянам убивать ворвавшихся к ним в дом. Вице-спикер Госдумы готовит новый законопроект «О самообороне» [Электронный ресурс] // Общая газета.ru. Общество. — Режим доступа: <http://www.og.ru/articles/2014/10/09/35533.shtml>

регистрируется около 3 млн преступлений. Хищения и особенно кражи составляют более половины из них. Требуется принятие специальной нормы о защите собственности путем акта НО, как это сделал тот же французский законодатель. В самом деле — что делать, если в вашу квартиру ввалился пьяный сосед, вор, а то и полицейский и уходить не желают? Ждем, когда государство защитит нас от любого субъекта нападения, будь то малолетний, умалишенный или дееспособный. Действительно, применение силы к посягателю не может быть поставлено в зависимость от особенностей субъекта посягательства. Ждем, что исчезнут исключения из общественной опасности малозначительных преступлений. Действительно, степень общественной опасности посягательства не должна иметь никакого значения, размер ущерба не должен влиять на квалификацию степени общественной опасности. Закон РФ не приветствует сознательных и активных граждан, защищающих правопорядок самостоятельно. Доказать свою невиновность, как защищавшегося, жертве сегодня почти не удается. Обратим внимание, что даже ученые тиражируют негативный пафос российского понятия «необходимая оборона». Вместо наполненных позитивом словосочетаний типа: приветствовать необходимую оборону, поощрять, стимулировать, наши юристы пользуются негативным термином — допускать. Они «допускают» необходимую оборону и не более того. «Допускают» — звучит как мера вынужденная, исключительная и неохотная для следователя и судьи. Через силу. И практика подтверждает это, ведь чтобы «допустить» и признать вас обороняющимся от стража закона, сегодня требуется смелость.

Государство не одобряет самозащиту граждан. И, чтобы отношение к обороняющемуся изменилось с минуса на плюс, нормы о НО в РФ должны быть упрощены и избавлены от условий и оговорок. Посягающий уже из самого текста уголовного кодекса должен понять, что последствия использования против него силы могут быть любыми, вплоть до причинения смерти. И самое главное, что государство одобряет подобные действия обороняющегося. Количество оговорок и ограничений права на самозащиту должно быть сведено к минимуму, как это сделано в зарубежных УК. В законодательстве о НО формулировки нечеткие. Нечеткость влечет неодинаковое его понимание, как учеными-криминалистами, так и следователями, судьями, гражданами. Неясность формулировок ст. 37 УК, устанавливающих НО, и при этом жесткость норм, ограничивающих ее, выхолащивают российское право на самооборону.

Пристатейный библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1984. — № 5.
2. Зуев В. Л., Стеснова Т. Н. Применение уголовно-правовых институтов необходимой обороны и крайней необходимости // Вестник МВД РФ. — 1996. — № 6.
3. Госдума готова разрешить россиянам убивать ворвавшихся к ним в дом. Вице-спикер Госдумы готовит новый законопроект «О самообороне» [Электронный ресурс] // Общая газета.ru. Общество. — Режим доступа: <http://www.og.ru/articles/2014/10/09/35533.shtml>
4. Клемин А. В. О праве на самооборону в международном праве // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (78)

Абашидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получила степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает полный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском межуниверситетском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН), Член Исполкома Российской ассоциации международного права, Член Всемирной ассоциации международного права, Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации, Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Образовательный». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. — член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. — член Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека.

Под его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казахстане и т.д.) опубликовано более 300 работ.

А.Х. Абашидзе

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Москва
2012

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

А.Х. Абашидзе

Кешнер М. В. ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ И ПРИМЕНЕНИЕ САНКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ

В международной практике активно используется инструмент санкций в контексте вопросов признания/непризнания государств и правительств. В статье на основе анализа резолюций Совета Безопасности ООН обосновывается вывод, что введение Советом Безопасности ООН международных санкций в отношении отдельных государств следует рассматривать как акт коллективного непризнания со стороны международного сообщества легитимности движений, формирований, правительств в вопросах их прихода к власти. Отмечается влияние практики применения односторонних экстерриториальных санкций отдельными государствами (в отсутствие международных санкций) на последующие акты признания/непризнания как международных организаций, так и других государств.

Ключевые слова: признание государств и правительств, коллективное непризнание, международные санкции, международно-правовая ответственность, принудительные меры, односторонние меры принуждения, Совет Безопасности ООН.

Keshner M. V. THE RECOGNITION OF STATES AND THE APPLICATION OF SANCTIONS IN MODERN INTERNATIONAL PRACTICE

In international practice in the context of issues of recognition/non-recognition of states and governments the instrument of sanctions is actively used. Based on analysis of UN Security Council resolutions the author substantiates the conclusion that the introduction of the UN Security Council international sanctions against individual states should be regarded as an act of collective non-recognition by the international community of legitimacy of movements, formations and governments on issues of their coming to power. The impact of application of unilateral extraterritorial sanctions by individual states (in the absence of international sanctions) for subsequent acts of recognition/non-recognition as international organizations and other countries is noted.

Keywords: recognition of states and governments, collective non-recognition, international sanctions, international legal responsibility, coercive measures, unilateral coercive measures, the UN Security Council.

С каждым годом растет число мандатов, выданных Советом Безопасности ООН, на введение режима международных санкций. С момента образования ООН и до 1989 г. Совет Безопасности на основании главы VII Устава ООН применял международные санкции дважды: в отношении Южной Родезии (1966 г.) и ЮАР (1977 г.)¹. С 1990 г. и по настоящее время режимы международных санкций Советом Безопасности ООН введены в отношении следующих государств и образований: Ирак, Сомали, силы УНИТА в Анголе, Руанда, Сьерра-Леоне, Югославия, включая Косово, Гаити, Афганистан (Аль-Каида/Талибан), Эритрея и Эфиопия, Либерия, Конго, Кот-д'Ивуар, Судан, Корейская Народно-Демократическая Республика, Иран, Ливия, ЦАР, Йемен.

Диапазон заявленных целей введения международных санкций при этом непрерывно расширяется, охватывая отражение агрессии, защиту и восстановление демократических правительств, защиту прав человека, прекращение локальных войн, борьбу с терроризмом и поддержку мирных соглашений². Важно отметить в ряду целей введения режимов международных санкций — защиту и восстановление легитимных демократических правительств, восстановление конституционного правопорядка в результате совершения вооруженных переворотов. Такими целями Совет Безопасности обосновывал введение санкционных режимов в резолюциях в отношении Южной Родезии, Эритреи и Эфиопии, Южного Судана, Гвинеи-Бисау, Центральноафриканской Республики, Йемена.

1 Док. ООН: S/RES/232 (1966) от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

2 См.: Кешнер М. В. Экономические санкции в современном международном праве: Монография. — М.: Проспект, 2015. — С. 6.

Кешнер М. В.

Как известно, главная ответственность за поддержание всеобщего мира и безопасности в соответствии со ст. 24 Устава ООН возложена на Совет Безопасности ООН, который действует от имени всех государств — членов ООН и решения которого обязательны для выполнения каждым из них. Согласно ст. 39 Устава Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Рассмотрим квалификацию Советом Безопасности ООН ситуации, возникшей в Гвинеи-Бисау в результате вооруженного переворота, совершенного 12 апреля 2012 г. организацией «Военное командование», и ставшей основанием введения международных санкций.

В соответствии с резолюцией 2048 (2012)³, принятой 18 мая 2012 г., Совет Безопасности: «заявляя о своем решительном осуждении военного переворота, совершенного 12 апреля военным руководством и создания организаторами переворота «Военного командования» и «напоминая о единодушном осуждении военного переворота международным сообществом, в том числе Африканским союзом (АС), Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС), Сообществом португалоязычных стран (СПЯС), Европейским союзом (ЕС) и Комиссией по миростроительству (КМС)» выражает «сожаление по поводу того, что «Военное командование» по-прежнему отказывается внять требованиям Совета немедленно восстановить конституционный порядок, вернуть власть законному демократическому правительству Гвинеи-Бисау».

3 Док. ООН: S/RES/2048 (2012), 18 мая 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [37](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2048 (2012).</p></div><div data-bbox=)

Отмечая «гуманитарную ситуацию, вызванную военным переворотом и его отрицательным воздействием на экономическую активность в стране, случаи мародерства, включая разграбление государственного имущества, нарушений и ущемлений прав человека, включая произвольные задержания, подавления мирных демонстраций и ограничений свободы передвижения, введенных «Военным командованием» в отношении ряда лиц, как это было отмечено в специальном докладе Генерального секретаря о положении в Гвинеи-Бисау (S/2012/280), памятуя о своей главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности, действуя на основании статьи 41 главы VII Устава ООН, требует, чтобы Военное командование немедленно предприняло шаги для восстановления и соблюдения конституционного порядка, подчеркивает необходимость сохранения всеми национальными заинтересованными сторонами и международными двусторонними и многосторонними партнерами Гвинеи-Бисау приверженности задаче восстановления конституционного порядка».

Исследование резолюций Совета Безопасности ООН в части оснований введения (квалификации ситуации, угрожающей международному миру и безопасности) и содержания международных санкций по Южной Родезии, Эритрее и Эфиопии, Южному Судану, Гвинеи-Бисау, ЦАР, Йемену позволяет заключить содержание в них аналогичных формулировок.

Содержательный анализ данных резолюций приводит к следующему выводу: введение международных санкций Советом Безопасности ООН в вышеприведенных ситуациях следует рассматривать как акт коллективного международно-правового непризнания со стороны международного сообщества движений, формирований, правительств, пришедших к власти неконституционным путем. Аналогичный подход разделяет А. М. Ибрагимов: «Резолюции ООН создавали и создают правила непризнания или признания статуса рассматриваемых образований. Государства – члены ООН ориентируются на эти правила, предоставляя признание либо отказывая в нем вновь возникшим образованиям»⁴. Правилам непризнания, осуществлению которых способствовала ООН, также посвящено исследование Д. Дюгард «Признание и ООН»⁵.

И далее: международные санкции в этой связи выступают инструментом реализации ответственности объектов подобных международных санкций.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что резолюции Совета Безопасности ООН о введении режима международных санкций имеют особые правовые последствия, которые отличают их от других категорий актов международных организаций. Как было отмечено ранее, решение о введении международных санкций принимается Советом Безопасности на основании статей 41 и 42 Устава Организации, согласно которым Совет может «потребовать от членов Организации применения этих мер». В соответствии со ст. 25 Устава, члены Организации соглашаются подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их, ст. 103 установила преимущественную силу обязательств по уставу перед обязательствами по любому договору.

По общему правилу, государство, не являющееся членом международной организации, не может быть обязано принимаемыми ею постановлениями. Однако в случае введения Советом Безопасности ООН международных санкций для поддержания или восстановления международного мира и без-

опасности на основании главы Устава ООН, государство — не член ООН обязано если не участвовать в осуществлении санкционного режима против подобного объекта-правонарушителя, то, по крайней мере, не оказывать ему поддержки. Иное означает отказ такого государства сообразовать свое поведение с решением Совета Безопасности ООН по обеспечению особо значимой императивной нормы, что следует считать равнозначным несоблюдению этой нормы и, следовательно, создает предпосылки применения против него международных санкций. Тенденцией резолюций, принимаемых Советом Безопасности ООН в последние годы, является участие в осуществлении санкционного режима всех государств. Соответственно, имплементация государствами резолюций Совета Безопасности ООН о введении международных санкций подразумевает обязанность непризнания государствами — членами ООН объектов санкций.

Принципиальный момент: в резолюциях, в частности, 2048 (2012), 2127 (2013), 2140 (2014) и др., Совет Безопасности ООН, демонстрируя свою приверженность целям и принципам Устава ООН, верховенству права в международных делах⁶, посредством коллективного непризнания определенным образом формулирует и критерии признания государств и правительств. Однако можно с сожалением констатировать, что отмеченный подход Совета Безопасности ООН в вопросах применения международных санкций в связи с признанием/непризнанием государств и правительств не носит универсальный характер.

Следствием данной тенденции является произвол в вопросах применения санкций. На этом фоне «красной линией» проходит практика применения рядом государств односторонних санкций, в том числе экстерриториального характера. Так, международными санкциями именуется все неправомерные с точки зрения международного права действия отдельных государств, которыми они реагируют на определенные внутриполитические процессы в отдельных государствах⁷. На фоне активно складывающейся практики применения односторонних санкций происходит ослабление института международных санкций Совета Безопасности ООН по причине значительного снижения эффективности их режимов (в том числе «опоздание» реагирования Советом Безопасности на ситуации, угрожающие международному миру и безопасности) и, как

4 Ибрагимов А. М. Признание и непризнание государств: опыт комплексного международно-правового анализа понятий // Московский журнал международного права. — 2013. — № 3 (91). — С. 9.

5 См.: Grant Th. D. East Timor, the U. N. system, and enforcing non-recognition in international law In: Vanderbilt journal of transnational law. Band / Quelle. — 2000. — Vol. 33. — Nr. 2. — S. 280. О деятельности ООН по вопросам признания см. также: Курдюков Г. И. ООН о признании и непризнании в международном праве // Казанский журнал международного права. — 2008. — № 2. — С. 4–10.

6 Задача соблюдения международного принципа верховенства права обозначена в итоговых документах Всемирного саммита 2005 г., также в Декларации тысячелетия 2000 г., ежегодных с 2006 г. резолюциях Генеральной ассамблеи ООН «Верховенство права на национальном и международном уровнях», докладе Генерального секретаря ООН на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Распространение правосудия: программа действий по усилению верховенства права на национальном и международном уровнях» 2011 г. В этой связи, как отмечает С. Ю. Марочкин, сформировавшийся в реалиях современного миропорядка принцип верховенства права обрел качество нормоустанавливающего правила международного общения. См. Марочкин С. Ю. Верховенство права на внутривладевательном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. — 2013. — № 10. — С. 93–94; Каламкарян Р. А. Концепция господства права в современном международном праве // Государство и право. — 2003. — № 6. С. 50–57; Также: Ашавский Б. М. Понятия «правопорядок», «международный правопорядок» и «международный экономический правопорядок»: общее и особенное // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9 (76).

7 По вопросу односторонних санкций см.: Геворкян К. «Односторонние санкции» и международное право // Международная жизнь. — 2012. — № 8; Кешнер М. В. Легитимность международных санкций // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 10. — С. 67–78; Кешнер М. В. Верховенство права и применение международных санкций // Московский журнал международного права. — 2013. — № 4 (92). — С. 56–68.

результат, — подмена действий международной универсальной организации действиями отдельных государств. Как отмечается в Форталезской декларации, принятой по итогам шестого саммита БРИКС, «мы сталкиваемся с хронической политической нестабильностью и конфликтами в различных горячих точках планеты и новыми, нетрадиционными угрозами. С другой стороны, структуры международного управления, созданные в рамках иной конфигурации сил, демонстрируют все более явные признаки утраты легитимности и эффективности в условиях, когда все шире используются переходные и временные механизмы, зачастую в ущерб принципу многосторонности»⁸. Необходимо отметить, что тенденция однополярности, функционирования одного центра силы в международных отношениях усиливает международно-правовой нигилизм. Этот момент отмечается специалистами. Международное право «переживает» тяжелый кризис, «из мерила законности оно становится политическим инструментом, а интерпретации зависят от желаний заказчика»⁹.

Последние десятилетия XX и XXI вв. привнесли существенные изменения на политической карте мира. На вопросы международно-правового признания повлияли интеграционные и дезинтеграционные процессы, территориальные изменения: распад Югославии, СССР, Чехословакии, объединение Германии, проведение плебисцитов, в результате которых возникли новые государства — Эритрея, Тимор-Лешти, Черногория, Южный Судан.

В 2008 г. появились новые государства — Абхазия и Южная Осетия. Международно-правовое признание получило Косово: одновременно с существованием резолюции Совета Безопасности ООН 1244 от 10 июня 1999 г. о территориальной целостности Югославии и Сербии Международный суд ООН принял консультативное заключение от 22 июля 2010 г., согласно которому объявление Косовом независимости не составляет нарушение международного права¹⁰. В тоже время Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 68/262 о территориальной целостности Украины «призывает все государства, международные организации и специализированные учреждения не признавать любое изменение статуса Автономной Республики Крым и города Севастополя на основе референдума и воздерживаться от любых действий или шагов, которые можно было бы истолковать как признание любого такого измененного статуса» (п. 6 резолюции)¹¹.

Возникла ситуация с территориальными образованиями, претендующими на статус субъекта международного права и международно-правовое признание, например, Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), появилась новая практика восставших в борьбе за правительственную власть. 1 сентября 2011 г. Российская Федерация путем заявления МИД признала Переходный национальный совет Ливии в качестве действующей власти.

Одним из недавних примеров является признание сирийской оппозиции, которая стала участником международной конференции по Сирии (Женева-1, Женева-2). В связи с этим

8 Форталезская декларация, принятая по итогам шестого саммита БРИКС (г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf>

9 Мюллерсон Р. Два права — два мира? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dva-mira—dva-prava-16587>.

10 ООН единогласно призывает Сербию и Косово начать диалог [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/09/100909_un_serbia_kosovo.shtml.

11 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 от 27 марта 2014 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/&Lang=R.

постоянно возникают вопросы легитимности тех или иных правительств и их международно-правовое признание.

Оценивая практику подобного рода, представляется, что применение ООН и отдельными странами неоднозначных, непоследовательных стандартов в отношении признания и непризнания новых государств имеет самые негативные последствия для международного правопорядка.

Происходят изменения и в терминологии, связанной с практикой признания и непризнания: самопровозглашенное государство, новообразованные субъекты, законные и незаконные государства, фактически существующие режимы, фактические государства, сепаратистские территории, недееспособные и падающие режимы, государства со статусом неполного суверенитета, частично суверенные государственные образования, частично признанные государства.

В этой ситуации необходимо отметить сохраняющую актуальность проблему кодификации института международно-правового признания¹². Еще в 1949 г. Комиссия международного права ООН (КМП) включила в свою повестку тему о признании государств и правительств. Но она не разработана на данный момент — политическая целесообразность, различившая практика взяли верх. Настоятельная необходимость принятия данного международного акта обусловлена закреплением на универсальном международном уровне принципов и критериев международно-правового признания и непризнания государств.

Пристатейный библиографический список

1. Ашавский Б. М. Понятия «правопорядок», «международный правопорядок» и «международный экономический правопорядок»: общее и особенное // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9 (76).
2. Grant Th. D. East Timor, the U. N. system, and enforcing non-recognition in international law In: Vanderbilt journal of transnational law. Band / Quelle. — 2000. — Vol. 33. — Nr. 2.
3. Геворкян К. «Односторонние санкции» и международное право // Международная жизнь. — 2012. — № 8.
4. Ибрагимов А. М. Признание и непризнание государств: опыт комплексного международно-правового анализа понятий // Московский журнал международного права. — 2013. — № 3 (91).
5. Каламкарян Р. А. Концепция господства права в современном международном праве // Государство и право. — 2003. — № 6.
6. Кешнер М. В. Экономические санкции в современном международном праве: Монография. — М.: Проспект, 2015.
7. Кешнер М. В. Легитимность международных санкций // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 10.
8. Кешнер М. В. Верховенство права и применение международных санкций // Московский журнал международного права. — 2013. — № 4 (92).
9. Курдюков Г. И. ООН о признании и непризнании в международном праве // Казанский журнал международного права. — 2008. — № 2.
10. Лукашук И. И. Право международной ответственности. — М.: Волтерс Клаувер, 2004.
- 12 Труды основоположника казанской школы международного права доктора юридических наук, профессора Д. И. Фельдмана занимают ведущее место в исследовании проблем международно-правового признания. См. Признание в современном международном праве (Признание новых государств и правительств) / Под ред. Д. И. Фельдмана. — М., 1975; Фельдман Д. И. Признание государств в современном международном праве. — Изд-во Казанского университета, 1965; Фельдман Д. И. Признание правительств в международном праве. — Изд-во Казанского университета, 1961; Фельдман Д. И. Современные теории международно-правового признания. — Изд-во Казанского университета, 1963.

11. Марочкин С. Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. — 2013. — № 10.
12. Савчук К. Проблема международно-правового признания государств в контексте фрагментации международного права // РЮЖ. — 2013. — № 5.
13. Тарасова Л. Н. Правомерное принуждение в международном праве // Московский журнал международного права. — 2011. — № 3 (83).
14. Фельдман Д. И. Признание государств в современном международном праве. — Изд-во Казанского университета, 1965.
15. Фельдман Д. И. Признание правительств в международном праве. — Изд-во Казанского университета, 1961.
16. Фельдман Д. И. Современные теории международно-правового признания. — Изд-во Казанского университета, 1963.

Шушаева Т. А.
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ
(ПО ДОКУМЕНТАМ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН)

В статье рассматриваются документы Комиссии международного права ООН на предмет выявления прогнозирования в процессе международного нормотворчества в области права международных договоров. В докладах по темам «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», «Временное применение договоров» изучаются такие элементы прогнозирования, как: применение принципа предосторожности в процессе формирования нормы права и современное толкование договоров, отсутствие прогнозирования в процессе нормотворчества и эволютивное толкование договоров; предвидение в мотиве «предусмотрительности» как причина применения режима временного применения международных договоров. Разработаны некоторые вариации мотива «предусмотрительности».

Ключевые слова: право международных договоров, толкование договоров, эволютивный подход, современный подход, временное применение договоров, Комиссия международного права.

Шушаева Т. А.

Shushayeva T. A.
PROGNOSTICATION IN THE LAW OF TREATIES
(IN ACCORDANCE WITH THE DOCUMENTS OF UN INTERNATIONAL LAW COMMISSION)

The article deals with the documents of the UN International Law Commission to identify forecasting in the process of international rule-making in the field of international treaty law. The reports on «Subsequent agreements and subsequent practice in relation to treaty interpretation», «Provisional application of treaties» examine the elements of forecasting such as application of the precautionary principle in the formation of the rule of law and contemporaneous interpretation of treaties, lack of prediction in the rulemaking process and evolutive interpretation of treaties; foresight in the «precautionary» motif as a reason for the application of the temporary application of international treaties. Some variations of «precautionary» motif are developed.

Keywords: law of treaties, treaty interpretation, evolutive interpretation, contemporaneous interpretation, temporary application of treaties, International Law Commission

Согласно ст. 1 Положения о Комиссии международного права: «Комиссия международного права имеет своей целью содействие прогрессивному развитию международного права и его кодификации»¹.

Статья 15 Положения поясняет: «В последующих статьях выражение «прогрессивное развитие международного права» для удобства употребляется в смысле подготовки проектов конвенций по тем вопросам, которые еще не регулируются международным правом или по которым право еще недостаточно развито в практике государств. Равным образом выражение «кодификация международного права» для удобства употребляется в смысле более точного формулирования и систематизации норм международного права в тех областях, в которых уже имеются обширная государственная практика, прецеденты и доктрины». Следовательно, изначально в самой цели создания Комиссии (назначении) и ее функциях присутствует элемент прогноза, который выражается не только в кодификации норм международного права (хотя и в этом процессе присутствует прогноз, что будет обоснованно позже), но и в обязанности содействовать прогрессивному развитию, то есть разрабатывать новые нормы права, заполнять пробелы, изучать новую практику субъектов международных отношений и т. п.

На 66-й сессии Комиссии международного права ООН, которая проходила с 5 мая по 6 июня и с 7 июля по 8 августа 2014 г. в Женеве под председательством господина Кирилла Геворгяна (Российская Федерация), было рассмотрено десять основных тем, среди которых две из области права международных договоров: «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», «Временное применение договоров». В статье предлагается рассмотреть их

с позиции применения прогнозирования в международном нормотворчестве.

На 64-й сессии Комиссия решила изменить форму работы над темой «Договоры сквозь призму времени» и назначила Георга Нольте Специальным докладчиком по теме «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров». В докладе изучались два подхода в толковании международных договоров — современный и эволютивный.

Венская конвенция о праве международных договоров предусматривает, что последующие соглашения и последующая практика сторон при определенных условиях могут входить в число различных средств толкования, среди которых: телеологический метод, метод выявления сути и содержания нормы права, нормы договора, исходя из ее предмета и целевой направленности². Комиссия подчеркнула, что «важность такой последующей практики при применении договора, в качестве одного из элементов толкования, является очевидной, поскольку она является объективным доказательством понимания сторонами смысла договора»³. Докладчик утверждает, что возможная юридическая значимость последующих соглашений и последующей практики в качестве средства толкования также зависит от так называемого «интертемпорального права». Это касается вопроса о том, должен ли договор толковаться в свете обстоятельств на момент его заключения («современное толкование») или же в свете обстоятельств на момент его применения («эволютивное толкование») ⁴. Докладчик приводит аргументы с позиции практики Международного суда по делу о споре относительно судоходных и смежных прав (Коста-Рика против Никарагуа), в котором Никарагуа утверждала, что во время заключения договора и в течении длительного

1 HYPERLINK «<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/174%28II%29>» A/RES/174 (II) Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Учреждение Комиссии международного права, 1947 г.

2 Статья 31 (3) (a) и (b) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

3 См.: Ежегодник комиссии МП 1966, Часть II.

4 См. Док. ООН: С. 27 A/CN.4/660.

времени после этого термин «comercio» (торговля) толковался только по отношению к товарам, но не услугам (в частности, перевозки людей в туристических целях). Однако Суд посчитал, что договаривающиеся стороны при заключении договора предполагали его эволютивное толкование, что подтверждается молчаливым согласием и последующей длительной практикой. Докладчик сделал определенные заключения: «Решение в деле Коста-Рика против Никарагуа свидетельствует о том, что последующие соглашения и последующая практика сторон могут играть вспомогательную и ограничительную роль в плане возможности эволютивного толкования. Вспомогательное воздействие состоит в подтверждении того, что эволюционирующее понимание договора может основываться на последующей практике в качестве аутентичного средства толкования»⁵, — что сформулировал в проекте вывода 2 и 3: последующие соглашения и последующая практика в отношениях между сторонами договора являются аутентичным средством толкования, которое должно учитываться при толковании и договоров. Последующие соглашения и последующая практика сторон могут служить ориентиром для эволютивного толкования договора⁶.

Последующие соглашения и последующая практика в силу статей 31 и 32 могут помочь определить, заключалось ли предполагаемое намерение участников при заключении договора в том, чтобы придать какому-либо из используемых терминов значение, которое способно меняться с течением времени⁷. То есть Комиссия международного права оставляет возможность применения эволютивного или современного толкования права в зависимости от конкретных обстоятельств дела, намерений, практики и т.д., в подтверждение своей позиции приводит решения судов⁸.

На наш взгляд, такое явление, как эволютивное толкование права, появилось по причине отсутствия прогноза или наличия некачественного прогноза в процессе правотворчества. То есть в момент заключения договора не было проведено тщательного исследования в области прогнозирования развития явлений, отношений в ближайшем или отдаленном будущем. «Немаловажным фактором является то, что при разработке норм положений договоров необходимо учесть в будущем его надлежащее толкование и практичность нормы к применению в дальнейшем»⁹. Конечно, невозможно предвидеть всего, однако, в ситуации с вышеупомянутым договором между Коста-Рикой и Никарагуа можно было бы обойтись очень простым приемом:

- 1) проанализировать и установить изменение экономических и юридических терминов со временем;
- 2) спрогнозировать такую вероятность в будущем по заключаемому договору;
- 3) установить «терминологию договора», в которой прописать понимание основных терминов, в том числе понятие «торговля»;
- 4) договориться о современном понимании терминов.

На сегодняшний день существует много исследований относительно методов и подходов в толковании международных договоров, что свидетельствует о допущенных ошибках в момент заключения договора: неточности, отсутствие терминологии, многозначительность, общие понятия, отсутствие конкретизации и др. Такие упущения предлагают возместить сторонники целевого подхода (телеологического) в толковании договоров, несмотря на все его недостатки (обращение ко внетекстуальным

материалам, знания в областях внутригосударственного и международного права¹⁰, дефекты в объекте и цели договора¹¹). Мы соглашаемся с мнением Э. Л. Садыковой об эффективности применения целевого подхода на стадии заключения договора: «Понимание вопросов, связанных с целевым толкованием договоров... позволяет еще на стадии подготовки их к заключению обеспечить единообразное понимание сторонами основных условий, терминологий договора и путем закрепления в его содержании четко сформулированных общих и частных целей, добиться успешной их реализации»¹². Еще И. С. Перетерский отмечал, что «толкование любого договора направлено на уяснение общей воли сторон... то есть содержания установленных ими в договоре правил, определяющих их права и обязанности, и той цели, для достижения которой заключен данный договор»¹³.

В последнее время большим интересом и влиянием пользуется позиция Европейского суда по правам человека в области толкования норм международного права. Свою деятельность суд строит на цели, закрепленной в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. — «обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав»¹⁴. «Таким образом, он установил, что задача, которую на него возложили государства — участники Конвенции, состоит в том, чтобы защищать права и свободы не как что-то теоретическое и иллюзорное, а вполне конкретное и осязаемое. Тем самым требование эффективности Страсбургский суд превратил в безусловный приоритет, объясняющий и осязающий все, что он делает»¹⁵. Здесь М. Энтин называет права и свободы «иллюзорными» и «теоретическими», намекая на несовершенство международных норм, толкование которых в процессе применения судом должно восполнить их недостатки, в связи с чем применяется эволютивный подход. С этой целью ЕСПЧ пришлось разработать даже свой понятийный аппарат, который отражает современное понимание терминов и понятий в динамической, обновляющейся системе прав человека.

По мнению Е. А. Ершовой, эволютивное толкование судьями Европейского суда по правам человека Европейской конвенции по правам человека должно основываться не только на «развитии общества», не может быть субъективным и произвольным, носить характер злоупотребления правом: «Европейская конвенция о правах человека, во-первых, является только одним из многочисленных международных договоров. Во-вторых, кроме международных договоров имеются и иные формы международного права, в частности — общепризнанные принципы международного права и международные обычаи, которые, на мой взгляд, и должны применяться судьями в процессе системного толкования Европейской конвенции о правах человека как одного из международных договоров»¹⁶.

5 См. Док. ООН: С. 29 A/CN.4/660.

6 См. Док. ООН: проект Вывода 2 A/CN.4/660.

7 См. Док. ООН: Вывод 3, С.27 A/68/10.

8 См. Док. ООН: Глава IV Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров. A/68/10.

9 Кондыкорова К. Ж. Толкование норм международных договоров как один из способов их реализации // Наука и мир. Международный научный журнал. — 2013. — № 1 (1). — С. 350.

10 Зверев Е. А. Некоторые проблемы при толковании международных договоров национальными судами Украины // Международное публичное и частное право. — 2013. — № 2. — С. 26–28.

11 Гиршович М. Г. Толкование международных договоров апелляционным органом Всемирной торговой организации // Реформы и право. — 2013. — № 1. — С. 53–69.

12 Садыкова Э. Л. Проблема целевого толкования международных договоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 1994.

13 Перетерский И. С. Толкование международных договоров. — М., 1959. — С. 15, 22.

14 Преамбула Конвенции о защите прав человека и основных свобод, 1950 г.

15 Энтин М. Эволютивный подход в теории и практике ЕСПЧ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alleurpa.mgimo.ru/evolutivniy-podchod-v-teorii-i-praktike-espch-1>

16 Ершова Е. А. Европейская конвенция о правах человека // Трудовое право. — 2009. — № 2.

Ни для кого не секрет, что качество норм международного права, тем более пятидесятилетней давности (и старше), оставляет желать лучшего. И причины лежат не только в области юридической техники и технологии, но и в развитости международных политических отношений, от которых в большей степени зависит желание и намерения сотрудничать посредством международных договоров. Поэтому позиция Европейского суда по правам человека относительно применения эволютивного подхода в толковании норм права является мерой, которую рационально применять, когда нормы права по причине своего низкого качества могут трактоваться в ущерб правам и свободам человека, которые они призваны защищать. Сторонам договоров рекомендуется еще на стадии заключения соглашения позаботиться об эффективности нормы права, заложив в нее необходимый потенциал длительной актуальности, в этом случае эволютивный подход к толкованию договора не потребует.

На своей 64-й сессии (в 2012 г.) Комиссия решила включить тему «Временное применение договоров» в свою программу работы и назначила г-на Хуана Мануэля Гомес-Робледо Специальным докладчиком по этой теме. На 65-й сессии (в 2013 г.) Комиссии был представлен первый доклад (A/CN.4/664), в котором освещались вопросы цели и правового режима временного применения договоров. На 66-й сессии Комиссии был представлен второй доклад Специального докладчика (A/CN.4/675), в котором изучались правовые последствия временного применения договоров и их нарушения. Комиссия пришла к выводу о существовании нескольких мотивов и причин временного применения договоров: безотлагательность (необходимость принятия безотлагательных мер), гибкость (возможность модифицировать договор, не прибегая к поправкам), переход к предстоящему вступлению в силу (стремление заполнить правовые лакуны между параллельными договорными режимами), предусмотрительность и прочие (например, необходимость применения договоренностей до завершения конституционных процессов по ратификации).

Мотив «предусмотрительность» предполагает, что государства могут «соглашаться на временное применение договоров в тех случаях, когда они заключают весьма важные политические соглашения и хотели бы быть уверены в том, что в процессе ратификации договаривающиеся стороны не изменят своего намерения обеспечить вступление в силу соответствующего договора»¹⁷. Приводятся примеры документов, демонстрирующих практику временного применения договоренностей по предусмотрительности: Протокол о временном применении некоторых положений Договора об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г., Договор об открытом небе 1992 г. и Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1993 г. Лефебер указывает, что «стремление к принятию мер укрепления доверия, особенно в экономической сфере, как правило, лежит в основе принятия положений о временном применении»¹⁸. К примеру, Договор о торговле оружием¹⁹.

На наш взгляд, в основе мотива «предусмотрительности» лежит предположение, прогноз о:

1) возможном нарушении договоренностей в период до вступления договора в силу. То есть одна из сторон, сомневаясь в добросовестности намерений второй стороны по исполнению договора, может предложить ей временное применение договора. В этом случае вероятность исполнения обязательств возрастает, а практика временного применения договора будет являться проявлением намеренностей добросовестно выполнять принятые на себя обязательства.

2) внесении существенных изменений в договор. Такая мера оправдана как способ предупреждения вероятного внесения оговорок в договор. То есть сторона, принявшая ко временному исполнению договор, соглашается исполнять его в изначальном виде, не внося изменения и оговорки, что часто позволяет сохранить большую ценность договора²⁰.

3) вероятности невступления договора в силу по причине непроведения, затягивания процедуры ратификации. Иногда согласие о временном применении договора заключается по причине нестабильного внутривнутриполитического положения у сторон договора. Например, частая смена правительства, революции, приход к власти оппозиции — все это может мешать процедуре ратификации уже подписанного международного договора, тогда как, несмотря на внутрисударственные реформации, временно действующий договор будет реализовываться, исполняться.

4) возможном отказе от договоренностей подписанного, но не ратифицированного договора²¹. То есть, заранее предполагая свой последующий отказ от выполнения обязательств по договору, участник договора использует право «не ратифицировать договор, отложенное во времени», реализуя в этих целях временное применение договора. Односторонний отказ от участия в договоре часто затруднителен, однако предусмотрена абсолютно правомерная возможность в период временного применения договора отказаться от намерения стать участником договора²². Поскольку основной целью любого договора является (или должно являться) добросовестное исполнение договора, то временное применение договора — это скорее исключительная мера, которая «предусматривает ограниченный срок временного применения, в конечном счете, необходимо ратифицировать договор или прекратить его временное применение»²³. Возможность срочного временного договора в законодательстве РФ обозначена «косвенно»²⁴: «этот

20 Пункт 1 d) ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «“Оговорка” означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству».

21 Пункт 2 ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «Если в договоре не предусматривается иное или участвовавшие в переговорах государства не договорились об ином, временное применение договора или части договора в отношении государства прекращается, если это государство уведомит другие государства, между которыми временно применяется договор, о своем намерении не становиться участником договора».

22 См. п. 2 ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «Если в договоре не предусматривается иное или участвовавшие в переговорах государства не договорились об ином, временное применение договора или части договора в отношении государства прекращается, если это государство уведомит другие государства, между которыми временно применяется договор, о своем намерении не становиться участником договора».

23 Курдюков Г. И. Соглашение о временном применении международных договоров // Ученые записки Казанского университета. — Гуманитарные науки. — 2014. — Т. 156. — Кн. 4. — С. 36.

24 Пункт 2 ст. 23 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г.: «Если международный договор, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации подлежит в соответствии с настоящим Федеральным законом принятию в форме федерального закона, предусматривает временное применение договора или его части либо договоренность об этом достигнута со сторонами каким-либо иным образом, то он представляется в Государственную Думу в срок не более шести месяцев с даты начала его временного применения. По решению, принятому в форме федерального закона, в порядке, установленном

17 Krieger, note 24 above, p. 409. Цит. по С. 9 A/CN.4/664.

18 Lefeber, note 21 above, para. 2. Цит. по С. 9 A/CN.4/664.

19 См. Док. ООН: A/CONF.217/2013/L.3, Приложение.

срок (временного применения договора) может быть определен как в общей форме — до принятия решения об обязательности для себя данного договора компетентными органами государств-участников, так и в конкретной, путем указания определенного промежутка времени (три месяца, один год и т.д.)»²⁵.

Таким образом, руководствуясь одним из вариантов мотива «предусмотрительность», государства (стороны договора) могут использовать режим временного применения договора. В этом случае прогноз не закладывается в норму права (сам договор), но именно на основе прогноза развития политических, экономических, культурных и других международных отношений стороны могут обезопасить себя от недобросовестного выполнения обязательств, отказа от выполнения обязательств, внесения существенных изменений в обязательства по договору (оговорки) либо могут сами извлечь выгоду, оставляя за собой право одностороннего отказа от договора до вступления его в силу (обычно после ратификации).

Применяя мотив «предусмотрительность» стороны могут использовать временное применение договоров в двух целях:

– с целью усовершенствовать международное нормотворчество: эффективность самой нормы права, процесс обретения договором юридической силы, эффективная реализация нормы;

– преследуя политические цели: отложить ратификацию договора либо убедить вторую сторону в неотложности применения договора, предупредить затягивание ратификации договора и др.

Изучив документы Комиссии международного права, мы пришли к таким выводам:

1. Вопрос о преимуществах эволютивного либо современного подходов в толковании договоров, рассмотренный в докладах «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», остался открытым, актуальность подхода назначили определять в связи с учетом конкретных обстоятельств дела. Однако, на наш взгляд, современный подход должен применяться в случаях толкования качественной нормы права, в которой изначально заложен прогноз развития регулируемых отношений, тогда как эволютивный подход является оправданной мерой в случае толкования норм изначально низкого качества, которые не содержат в себе механизмы и методы, способствующие длительной актуальности.

2. Вопрос о предусмотрительном мотиве временного применения договоров освещался в докладах Хуана Мануэля Гомес-Робледо («Временное применение договоров»). Изучив доктрину и договоры, временное применение которых осуществлялось, в том числе, по причине предусмотрительности, мы пришли к выводу о нескольких возможных вариациях мотива предосторожности: сомнения о добросовестных намерениях по исполнению подписанных соглашений в период до вступления договора в силу; предположения о возможных намерениях внесения оговорок в уже подписанный договор; предвидение затягивания процедуры ратификации по причине нестабильного внутривнутриполитического положения; планирование отказа от договоренностей подписанного, но не ратифицированного договора. Несомненно, все эти мотивы

основываются на принципе должной осмотрительности, который, в свою очередь, включает разработку и применения прогнозов политических, экономических, культурных, дипломатических и других отношений.

Прогнозирование в различных его формах выступает составным элементом международного нормотворчества. Как видно из документов Комиссии международного права, ООН осознает эффективность такого опережающего подхода и стремится его реализовывать не только в области права международных договоров, но и в других институтах и отраслях права и политики, последовательно осуществляя концепцию прогрессивного развития международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950 г.
2. Венская конвенция о праве международных договоров, 1969 г.
3. A/RES/174 (II) Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Учреждение Комиссии международного права, 1947 г.
4. A/CONF.217/2013/L.3 Проект решения. Заключительная конференция Организации Объединенных Наций по договору о торговле оружием, 2013 г.
5. Ежегодник Комиссии международного права 1966, Часть II.
6. A/68/10 Доклад Комиссии международного права ООН, шестьдесят пятая сессия, 2013 г.
7. A/CN.4/660 Первый доклад по вопросу о последующих соглашениях и последующей практике в связи с толкованием договоров. Шестьдесят пятая сессия, 2013 г.
8. A/CN.4/674 Предварительный доклад по вопросу об охране окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами. Комиссия международного права. Шестидесят шестая сессия, 2014 г.
9. Федеральный Закон «О международных договорах Российской Федерации», 1995 г.
10. Зверев Е. А. Некоторые проблемы при толковании международных договоров национальными судами Украины // Международное публичное и частное право. — 2013. — № 2.
11. Гиршович М. Г. Толкование международных договоров апелляционным органом Всемирной торговой организации // Реформы и право. — 2013. — № 1.
12. Кондыкорова К. Ж. Толкование норм международных договоров как один из способов их реализации // Наука и мир. Международный научный журнал. — 2013. — № 1 (1).
13. Курдюков Г. И. Соглашение о временном применении международных договоров // Ученые записки Казанского университета. — Гуманитарные науки. — 2014. — Т. 156. — Кн. 4.
14. Марусин И. С. О порядке временного применения международных договоров Российской Федерации // Правоведение. — 1998. — № 3.
15. Перетерский И. С. Толкование международных договоров. — М., 1959.
16. Садыкова Э. Л. Проблема целевого толкования международных договоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 1994.
17. Энгин М. Эволютивный подход в теории и практике ЕСПЧ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alleuropa.mgimo.ru/evoliutivniy-podchod-v-teorii-i-praktike-espch-1>

статьей 17 настоящего Федерального закона для ратификации международных договоров, срок временного применения может быть продлен».

25 Марусин И. С. О порядке временного применения международных договоров Российской Федерации // Правоведение. — 1998. — № 3. — С. 129–133.

Гасымзаде А. Н. К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Бывшие советские, а ныне независимые республики столкнулись вместе с Ираном с последствиями распада СССР. Урегулированный когда-то между Ираном и СССР статус Каспийского моря перестал соответствовать действительности. Сегодня определение статуса Каспийского моря стало одной из важных и трудно решаемых проблем стран региона. Поиск нового решения необходим для эффективного использования каспийских нефтяных и газовых ресурсов, а также для сохранения уникальных богатств сокровищницы-жемчужины — Каспийского моря.

Ключевые слова: Каспийское море, статус, разделение, ресурсы, море, озеро.

Gasymzade A. N. TO THE QUESTION OF DELIMITATION OF THE CASPIAN SEA (HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS)

Ex-Soviet republics, but now independent states together with Iran face consequences of Soviet Union's collapse. Settled status of the Caspian Sea in a series of treaties between Iran and Soviet Union is no longer corresponds to the new reality. Today, finding the answer to solve the Caspian Sea legal status problem is one of the most important problems in the region. Finding the new solution is necessary to use oil and gas resources efficiently and also to save the unique wealth of the «pearl» — the Caspian Sea.

Keywords: Caspian Sea, status, separation, resources, sea, lake.

Гасымзаде А. Н.

Каспийское море как «море» упоминается в исторических документах и трудах древних авторов, например, историка Геродота (V в. до н.э.) под разными названиями: Хазарское, Хвалынское, Гирканское и др. Несмотря на то, что во всех этих источниках в его наименованиях есть слово «море», таковым оно не является¹. С точки зрения науки «физическая география» оно является озером, так как не имеет никакой естественной связи с мировым океаном. Это подтверждается и тем фактом, что уровень Каспийского моря на 28 метров ниже уровня мирового океана, чего не могло бы быть, если бы оно имело природную связь с мировым океаном. Только эти обстоятельства не дают права называть его морем. Тем не менее именно такое название прочно закрепилось за ним, и тому были веские причины, первая из которых — это геологические данные о его возникновении: в начале палеогена нынешний Каспий был соединен с Арктическим океаном и представлял одно целое с Черным, Азовским и Аральским морями, но в конце ледникового периода началось продолжительное понижение уровня воды в этой части мирового океана, приведшее сначала к отделению южной части океана от Арктики, а затем и от современного Черного и Аральского морей².

Морское происхождение Каспия подтверждают его размеры: с севера на юг его протяженность составляет около 1,2 тыс. км, ширина с запада на восток — от 200 до 435 км. По площади своей акватории Каспий немного уступает Балтийскому морю: первое — 370 тыс. кв. км, второе — 386, хотя еще в начале XX в. превышало на 35 тыс. кв. км. Объем воды — 78 тыс. куб. км, что составляет около 44% общих запасов озерных вод на земле³.

С морем Каспий сближает и соленость его воды, а также наличие среди его обитателей многих представителей не только речной, но и морской фауны.

С учетом приведенных выше фактов в предлагаемой статье мы будем называть Каспий «морем».

По своему географическому положению сам Каспий, в отличие от окружающих его сухопутных территорий, на протяжении многих веков не был объектом какого-либо целенаправленного внимания со стороны прибрежных государств. Только в начале XIX в. между Россией и Персией были заключены первые договоры: Гюлистанский (1813 г.)⁴ и Туркманчайский (1828 г.)⁵, подводившие итоги русско-персидской войны, в результате которой Россия присоединила к себе ряд закавказских территорий и получила исключительное право держать военный флот на Каспийском море. Русским и персидским купцам разрешалось свободно торговать на территории обоих государств и пользоваться Каспием для перевозки товаров. Туркманчайский договор подтвердил все эти положения и стал основой поддержания международных отношений между сторонами вплоть до 1917 г.⁶

После Октябрьской революции 1917 г. в ноте нового пришедшего к власти правительства России от 14 января 1918⁷ г. оно отказалось от своего исключительного военного присутствия на Каспийском море. Договор между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г.⁸ объявил недействительными все соглашения, заключенные до него царским правительством. Каспийское море стало водоемом общего пользования сторон: обоим государствам предоставлялись равные права свободного судоходства, за исключением случаев, когда в составе экипажей иранских судов могли быть граждане третьих стран, использующих службу в недружественных целях (ст. 7). Договор 1921 г. морской границы между сторонами не предусматривал.

1 Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Санкт-Петербург; 1890–1907 гг., [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.vehi.net/brokgauz

2 Там же.

3 Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.megabook.ru/article/Каспийскоеморе

4 Гюлистанский договор о мире и дружбе 12 (24) октября 1813 г.

5 Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном, 10 (22) февраля 1828 г.

6 Советский энциклопедический словарь. — М., 1982. — С. 358, 1376.

7 Нота Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) иранскому посланнику в Петрограде, 14 января 1918 г. // Документы внешней политики СССР. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1959.

8 Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией, 26 февраля 1921 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.doc20vek.ru

В августе 1935 г. был подписан следующий договор⁹, сторонами которого были новые субъекты международного права — Советский Союз и выступивший под новым наименованием Иран. Стороны подтвердили положения договора 1921 г., но ввели в соглашение новое для Каспия понятие — 10-мильную рыболовную зону, ограничившую для его участников пространственные пределы ведения этого промысла. Это было сделано в целях контроля и сохранения живых ресурсов водоема.

В условиях начавшейся Второй мировой войны, развязанной Германией, неожиданно возникла срочная необходимость заключения между СССР и Ираном нового договора о торговле и мореплавании по Каспию. Поводом для этого стало беспокойство советской стороны, вызванное интересом Германии к активизации своих торговых связей с Ираном и опасностью использования акватории Каспия в качестве одного из этапов транзитного пути. Подписанный в 1940 г. договор СССР с Ираном¹⁰ защитил Каспийское море от такой перспективы: в нем были повторены основные положения прежних соглашений, предусматривавшие пребывание в его водах судов только этих двух прикаспийских государств. Он также включал норму о его бессрочном действии.

Развал Советского Союза кардинально изменил региональную ситуацию на бывшем советском пространстве, в частности и в прикаспийском регионе. Среди большого количества новых проблем возникла и проблема Каспия. Вместо двух государств — СССР и Ирана, которые прежде в двустороннем порядке решали все возникающие вопросы морского судоходства, рыболовства и использования других живых и неживых его ресурсов, теперь их стало пять. Из прежних остался только Иран, место СССР на правах правопреемства заняла Россия, остальные три — это новые государства: Азербайджан, Казахстан, Туркменистан. Они и раньше имели выход к Каспию, но только в качестве республик Союза ССР, а не самостоятельных государств. Теперь же, став независимыми и суверенными, они получили возможность на равных с Россией и Ираном участвовать в обсуждении и принятии решений в рассмотрении всех названных выше вопросов. Это отразилось и на отношении этих государств к Каспию, так как в использовании его живых и неживых ресурсов проявили одинаковую заинтересованность все пять государств, имевших к нему выход. И это логично, а самое главное, оправдано: Каспийское море богато природными ресурсами, как запасами рыбы, так и черным золотом — нефтью и голубым топливом — газом. Разведка и добыча двух последних ресурсов надолго стали предметом самых горячих и затянувшихся переговоров. Но не только они.

Кроме наличия богатых минеральных ресурсов в водах Каспийского моря обитает около 120 видов и подвидов рыб, здесь находится мировой генофонд осетровых, добыча которых до недавнего времени составляла 90% их общего мирового улова¹¹.

Благодаря своему расположению Каспий традиционно и давно широко используется и для судоходства, выступая как своего рода транспортная артерия между народами прибрежных государств. По его берегам расположены такие крупные морские порты, как российская Астрахань, столица Азербайджана Баку, туркменский Туркменбашы, иранский Энзели и казахстанский Актау, между которыми давно проложены

маршруты движения торгового, грузового и пассажирского морского транспорта.

И все же главным объектом внимания прикаспийских государств выступают его минеральные ресурсы — нефть и природный газ, на которые каждое из них может претендовать в пределах тех границ, которые должны быть определены ими коллективно на основе норм международного права. А для этого им предстоит разделить между собой и акваторию Каспия, и его дно, в недрах которого скрыты его нефть и газ, и выработать правила их добычи с минимальным ущербом для весьма хрупкой окружающей среды, прежде всего морской среды и ее живых обитателей.

Основным препятствием в решении вопроса о начале широкой добычи минеральных ресурсов Каспия для прикаспийских государств продолжает оставаться его международно-правовой статус: считать ли его морем или озером? Сложность вопроса состоит в том, что решить его должны сами эти государства, а в их рядах согласия пока не наблюдается. Но при этом каждое из них стремится скорее начать добычу каспийской нефти и природного газа и сделать их продажу за границу постоянным источником получения средств для формирования своего бюджета.

Поэтому нефтяные компании Азербайджана, Казахстана и Туркмении, не дожидаясь окончания урегулирования имеющихся разногласий по территориальному разделу Каспия, уже начали активную добычу его нефти, в надежде перестать быть зависимыми от России, превратить свои страны в нефтедобывающие и уже в этом качестве начать строить собственные долгосрочные торговые отношения с соседями.

Тем не менее, вопрос о статусе Каспийского моря остается не решенным. Вне зависимости от того, согласятся прикаспийские государства считать его «морем» или «озером», к территориальному разделу его акватории и дна они должны будут применить соответствующие сделанному выбору принципы или выработать на этот случай собственные.

За признание Каспия морем выступал Казахстан. Такое признание позволит применить к разделу Каспия положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹² о внутренних водах, территориальном море, исключительной экономической зоне, континентальном шельфе¹³. Это бы позволило прибрежным государствам обрести суверенитет на недра территориального моря (ст. 2) и исключительные права на разведку и разработку ресурсов континентального шельфа (ст. 77). Но Каспий нельзя назвать морем с позиции Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., так как этот водоем является замкнутым и не имеет природной связи с мировым океаном¹⁴.

В этом случае исключается и вариант совместного пользования его акваторией и ресурсами дна.

В договорах СССР с Ираном Каспийское море рассматривалось как пограничное озеро. С приданием Каспийскому морю юридического статуса «озеро» предполагается его раздел на сектора, как это делается применительно к пограничным озерам. Но в международном праве нет нормы, обязывающей государства делать именно так: деление на сектора — это сложившаяся практика.

МИД России не раз делал заявления, что Каспий является озером, а его воды и недра — общим достоянием прибрежных государств¹⁵. Иран также с позиции, закрепленной еще

9 Договор между СССР и Ираном от 27 августа 1935 г. о поселении, торговле и мореплавании // Документы внешней политики СССР. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1973. — С. 786.

10 Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. // Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1-го января 1941 г. — М: Международ. кн., 1941. — С. 193.

11 Рогинок А. Интересы России на Каспии // Независимая газета. — 2001. — 16 октября.

12 Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.

13 Темирбулатов А. М. Правовой статус Каспийского моря: позиции прикаспийских государств // Геополитика и безопасность. — 2011. — № 4. — С. 77 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.geobez.ru

14 Мамедов Р. Разграничение Каспийского моря (международно-правовые вопросы). — Баку, 2006. — С. 52.

15 Кукушкина А. В. Проблема определения территориального статуса Каспийского моря и охрана его окружающей среды // Десять лет внешней политики. — М.: РОССПЭН, 2003, цит. По Аняно-

в договорах с СССР, рассматривает Каспийское море озером. Правительство страны считает, что этот статус подразумевает создание консорциума для единого управления добычей и использованием его ресурсов прикаспийскими государствами. С таким мнением выступают и некоторые авторы, например, Р. Мамедов считает, что при таком статусе добыча углеводородных ресурсов на Каспии этими государствами должна осуществляться совместно¹⁶.

В литературе высказывалось предложение о придании Каспийскому морю статуса озера «*sui generis*»¹⁷, а в этом случае речь идет об особом международно-правовом статусе такого озера и его особом режиме. Под режимом предполагается совместная выработка государствами собственных правил пользования его ресурсами.

Таким образом, признание Каспия озером не требует обязательного его раздела на сектора — каждому прибрежному государству свою часть. К тому же в международном праве вообще нет норм о разделе озер между государствами: это их добрая воля, за которой могут скрываться определенные внутренние интересы.

В настоящее время все прикаспийские государства признают, что современный правовой режим был установлен сложившейся практикой его использования, однако теперь Каспий находится в фактическом общем пользовании не двух, а пяти государств. Еще на проведенном 12 ноября 1996 г. в Ашхабаде совещании министров иностранных дел прикаспийские государства подтвердили, что статус Каспийского моря может быть изменен лишь при наличии согласия всех пяти прибрежных государств. Позднее это также подтвердили Россия и Азербайджан в совместном заявлении от 9 января 2001 г. о принципах сотрудничества¹⁸, а также в подписанной между Казахстаном и Россией Декларации о сотрудничестве на Каспийском море от 9 октября 2000 г.¹⁹

Но в ходе многочисленных каспийских переговоров, конференций и четырех саммитов прикаспийских государств (Ашхабадский саммит 23–24 апреля 2002 г., Тегеранский саммит 16 октября 2007 г., Бакинский саммит 18 ноября 2010 г. и Астраханский 29 сентября 2014 г.) согласия прикаспийским странам достичь так и не удалось.

Более продуктивными пока оказывается сотрудничество на двухстороннем и трехстороннем уровне. Еще в мае 2003 г. Россия, Азербайджан и Казахстан заключили соглашение о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря²⁰, в основу которого легли предшествовавшие двусторонние соглашения. В сложившейся ситуации Россия своим участием в этих соглашениях как бы подтвердила, что соглашения между СССР и Ираном устарели и не соответствуют существующим реалиям.

В Соглашении от 6 июля 1998 г.²¹ между РФ и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского

моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование было объявлено о разграничении дна моря между сопредельными и противолежащими сторонами по модифицированной срединной линии на основе принципа справедливости и договоренности сторон. На дно участка государства обладают суверенными правами, но при этом сохраняется их общее пользование водной поверхностью.

Иран воспринял это соглашение как сепаратное и нарушающее прежние Договоры с СССР 1921 и 1940 гг.²² Однако необходимо отметить, что в преамбуле соглашения 1998 г., сторонами которого были Россия и Казахстан, соглашение рассматривалось как временная мера в ожидании подписания конвенции всеми прикаспийскими государствами.

Позднее, 19 июля этого же года, Иран и Россия сделали совместное заявление, в котором предложили три возможных сценария делимитации Каспия²³. Первый: море должно быть общим на основе принципа кондоминиума. Второй сценарий сводится к тому, чтобы разделить акваторию, воды, дно и недра на национальные сектора. Третий сценарий, являющийся компромиссом между первым и вторым вариантом, предполагает разделить только дно между прибрежными государствами, а водную гладь считать общей и открытой всем прибрежным странам.

Существующие варианты делимитации Каспия, в том числе и названные выше, возможны только в случае наличия доброй политической воли сторон. Азербайджан и Казахстан четко выразили свою позицию с самого начала процесса многосторонних консультаций. Азербайджан считает Каспийское море озером, и, следовательно, оно должно подлежать разделу²⁴. Казахстан предлагает считать Каспий замкнутым морем, ссылаясь на Конвенцию ООН 1982 г. (статьи 122, 123), и, соответственно, выступает за его раздел в духе Конвенции²⁵. Туркменистан долго поддерживал идею совместного управления и пользования Каспием²⁶, но иностранные компании, уже разрабатывающие ресурсы у берегов Туркмении, оказали влияние на политику ее президента, который начал возражать против установления режима кондоминиума, поддерживая позицию раздела моря.

Первым из прикаспийских государств, в новых условиях начавших использовать углеводородные богатства Каспия, стал Азербайджан. После заключения в сентябре 1994 г. «Сделки века»²⁷ Баку изъявил желание прилежащий к нему сектор объявить составной частью своей территории. Это положение было закреплено и в Конституции Азербайджана, принятой

в целях осуществления суверенных прав на недропользование, Москва, 6 июля 1998 г.

22 Заявление Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран в связи с соглашением, подписанным 6 июля 1998 г. президентом Российской Федерации и президентом Республики Казахстан и касающимся правового статуса Каспийского моря, 10 августа 1998 г.

23 Joint statement of Islamic republic of Iran and Russian Federation on the Caspian Sea, 19 July 1998.

24 Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan, 10 December 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mfa.gov.az

25 Мамедов Р. Международно-правовая делимитация Каспийского моря // Право и политика. — 2001. — № 4.

26 Темирбулатов А. М. Правовой статус Каспийского моря: позиции прикаспийских государств // Геополитика и безопасность. — 2011. — № 4. — С. 78 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.geobez.ru

27 20 сентября 1994 г. в Баку было подписано Соглашение о разведке, разработке и долевом разделе добычи относительно разработки глубоководных месторождений «Азери», «Чираг», «Гюнешли». Этот документ получил название «Сделки века». В его подписании участвовало 13 крупнейших нефтедобывающих компаний мира, с рекордным объемом инвестиций — 11,5 млрд долларов США.

ва Е. С. Проблемы Каспийского моря в современном международном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010.

16 Мамедов Р. Разграничение Каспийского моря (международно-правовые вопросы. — Баку, 2006. — С. 72.

17 Мамедов Р. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра. — Баку, 2006. — С. 249.

18 Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море, Баку, 9 января 2001 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.news.kremlin.ru

19 Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море, 9 октября 2000 г.

20 Соглашение о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан, Алма-Ата, 14 мая 2003 г.

21 Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря

на референдуме 12 ноября 1995 г.²⁸ (ст. 11). Но такая радикальная позиция с самого начала не соответствовала интересам всех остальных прибрежных государств, в особенности России, которая высказывает опасения, что это откроет доступ к Каспийскому морю странам других регионов. Азербайджан согласился на компромисс. В Соглашении между РФ и Азербайджаном о разграничении сопредельных участков Каспийского моря 2002 г.²⁹ было закреплено положение, в котором раздел дна был проведен с использованием срединной линии, а акватория водоема осталась в совместном пользовании.

В отличие Азербайджана, выразившего желание полностью разделить Каспий, Иран предлагает оставить его недра и воду в совместном пользовании, но не возражает и против варианта раздела Каспия на 5 равных частей. Соответственно, каждому члену каспийской пятерки выделялось бы 20 процентов от общей территории водоема³⁰.

Точка зрения России претерпевала изменения. Москва долгое время настаивала на установлении кондоминиума, но желая выстроить долгосрочную политику с соседями, которым было не выгодно рассматривать Каспий в качестве достояния пяти прибрежных государств, изменила свою позицию. Это тогда и подтолкнуло государства начать новый этап переговоров, по завершении которых в 1998 г. было подписано указанное выше Соглашение, где Россия заявила, что «созрела» для раздела Каспия. Основным его принципом стало положение «вода общая — делим дно»³¹.

С учетом того, что между некоторыми прикаспийскими государствами, а именно Азербайджаном, Казахстаном и Россией, достигнуты договоренности об условном разграничении пространств на Каспии, можно сделать вывод, что их фактически устраивает уже сложившийся режим с разделом его дна вдоль модифицированной срединной линии и совместное использование поверхности водоема для судоходства и рыболовства.

Впрочем, отсутствие полной ясности и единства в позиции всех стран побережья мешает самим прикаспийским государствам в разработке добычи нефти. А нефть для них имеет ключевое значение. В отношении их запасов в Каспийском море однозначных данных нет. По данным Агентства энергетической информации США 2003 г., Каспий занимал второе место по запасам нефти и третье — по запасам газа³². Данные Российской стороны иные: они говорят об искусственном завышении западными экспертами энергетических ресурсов Каспийского моря. Расхождения в оценках обусловлены политическими и экономическими интересами региональных и внешних игроков³³. Фактором искажения данных стало геополитическое значение региона, с которым связаны внешнеполитические планы США и ЕС. Збигнев Бжезинский еще в 1997 г. высказал мнение о том, что этот регион является «Евразийскими Балканами».

28 Конституция Азербайджанской Республики, 12 ноября 1995 г.

29 Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря, Москва, 23 сентября 2002 г.

30 Дунаева Е. В. Подходы Исламской Республики Иран к решению проблемы правового статуса Каспийского моря // Иран и исламские страны. К 30-летию исламской революции в Иране. — М.: Институт востоковедения РАН. Посольство ИРИ, 2009 г. — С. 88.

31 Заявления для прессы и ответы на вопросы на совместной пресс-конференции президента России В. В. Путина и президента Азербайджана Г. А. Алиева, 23 сентября 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru

32 The Caspian, a giant in the making October 4, 2003; Oil and Gas Investor [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.oilandgasinvestor.com

33 Айвазян Д. Углеводородный потенциал Каспийского региона // Журнал теории международных отношений и мировой политики. — 2013. — Т. 11. — № 2 (33) май–август [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.intertrends.ru

Если традиционные Балканы представляют собой потенциальный геополитический объект притязаний в борьбе за европейское господство, «Евразийские Балканы» являются объектом притязаний для господства на всем континенте. Однако «Евразийские Балканы» гораздо более важны, поскольку обещают стать потенциальным экономическим выигрышем³⁴.

В регионе помимо важных полезных ископаемых, включая золото, сосредоточены огромные запасы природного газа и нефти. Несмотря на то, что существовавшие 15 лет назад ожидания превращения Каспийского региона в новый Персидский залив явно не оправдываются, дискуссии относительно количества каспийских ресурсов углеводородов в настоящее время продолжают.

Неопределенность со статусом Каспийского моря является серьезным препятствием и для установления эффективного режима охраны окружающей среды. В регионе существует множество экологических проблем. Среди таких выбросы токсичных веществ, загрязнение моря нефтью и промышленными отходами. На состояние экологии пагубно влияет и то, что Каспийское море — закрытый водоем. Процесс его самоочищения куда более длителен. Состояние флоры и фауны подвергается серьезной угрозе.

Каспийское море уникально, не зря его называют «жемчужиной». Только правильное отношение к его богатствам может привести к его сохранению. Попыткой решить данную проблему стала Рамочная конвенция по защите морской среды 2003 г.³⁵, но, как нам кажется, ее недостаточно, чтобы эффективно решить проблему.

В заключение, учитывая всю сложность решения главного вопроса — раздела Каспийского моря, стоит отметить, что определение его статуса крайне необходимо. Наилучшим вариантом решения является, как нам кажется, классификация Каспийского моря как озера, в силу его физико-географических особенностей, и установление для него особого режима с учетом его специфики. Однако долгие годы государственных переговоров к окончательному результату не привели. Дело в том, что конструктивный диалог возможен только при готовности к компромиссам всех его участников.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.
2. Конституция Азербайджанской Республики, 12 ноября 1995 г.
3. Гюлистанский договор о мире и дружбе, 12 (24) октября 1813 г.
4. Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море, 9 октября 2000 г.
5. Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией, 26 февраля 1921 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.doc20vek.ru
6. Договор между СССР и Ираном о поселении, торговле и мореплавании от 27 августа 1935 г. // Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — М.: Политиздат, 1973.
7. Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. // Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1 января 1941 г. — М: Международ. кн., 1941.
8. Заявление Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран в связи с соглашением, подписанным

34 Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М: Международные отношения, 1998. — С. 150.

35 Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря, Тегеран, 4 ноября 2003 г.

- 6 июля 1998 г. президентом Российской Федерации и президентом Республики Казахстан и касающимся правового статуса Каспийского моря, 10 августа 1998 г.
9. Заявления для прессы и ответы на вопросы на совместной пресс-конференции президента России В. В. Путина и президента Азербайджана Г. А. Алиева, 23 сентября 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru
 10. Нота Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) иранскому посланнику в Петрограде, 14 января 1918 г. // Документы внешней политики СССР. — Т. 1. — М.: Госполитздат, 1959.
 11. Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря, Тегеран, 4 ноября 2003 г.
 12. Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море, Баку, 9 января 2001 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.news.kremlin.ru
 13. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование, Москва, 6 июля 1998 г.
 14. Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря, Москва, 23 сентября 2002 г.
 15. Соглашение о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан, Алма-Ата, 14 мая 2003 г.
 16. Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном, 10 (22) февраля 1828 г.
 17. Айвазян Д. Углеродородный потенциал Каспийского региона // Журнал теории международных отношений и мировой политики. — 2013. — Т. 11. — № 2 (33) май-август [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.intertrends.ru
 18. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 1998.
 19. Дунаева Е. В. Подходы Исламской Республики Иран к решению проблемы правового статуса Каспийского моря // Иран и исламские страны. К 30-летию исламской революции в Иране. — М.: Институт востоковедения РАН. Посольство ИРИ, 2009.
 20. Кукушкина А. В. Проблема определения территориального статуса Каспийского моря и охрана его окружающей среды // Десять лет внешней политики. — М.: РОССПЭН, 2003.
 21. Анянова Е. С. Проблемы Каспийского моря в современном международном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010.
 22. Мамедов Р. Международно-правовая делимитация Каспийского моря // Право и политика. — 2001. — № 4.
 23. Мамедов Р. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра. — Баку, 2006.
 24. Мамедов Р. Разграничение Каспийского моря (международно-правовые вопросы). — Баку, 2006.
 25. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.megabook.ru/article/Каспийское_море
 26. Рогинко А. Интересы России на Каспии // Независимая газета. — 2001. — 16 октября.
 27. Советский энциклопедический словарь. — М., 1982.
 28. Темирбулатов А. М. Правовой статус Каспийского моря: позиции прикаспийских государств // Геополитика и безопасность. — 2011. — № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.geobez.ru
 29. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Санкт-Петербург; 1890–1907 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.vehi.net/brokgauz
 30. Joint statement of Islamic republic of Iran and Russian Federation on the Caspian Sea, 19 July 1998.
 31. Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan, 10 December 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mfa.gov.az
 32. The Caspian, a giant in the making October 4, 2003; Oil and Gas Investor [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.oilandgasinvestor.com

Кебурия К. О.

ПРАВО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В АФРИКАНСКОЙ И МЕЖАМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Автором данной статьи поставлена задача провести сравнительно-правовой анализ закрепления и защиты права на возмещение ущерба жертвам нарушений прав человека в рамках двух региональных правозащитных систем — межамериканской и африканской. Основными компетентными органами по рассмотрению сообщений о нарушениях прав человека и вынесению по ним рекомендаций или решений являются: Межамериканская комиссия по правам человека и Межамериканский суд по правам человека в рамках Межамериканской системы защиты прав человека и, соответственно, Африканская комиссия по правам человека и народов и Африканский суд по правам человека и народов — в Африканской системе защиты прав человека.

Ключевые слова: права человека, право на возмещение ущерба, нарушения прав человека, Африканская система защиты прав человека, Межамериканская система защиты прав человека.

Кебурия К. О.

Keburia Ch. O.

RIGHT TO REPARATION FOR THE VIOLATION OF HUMAN RIGHTS IN THE AFRICAN AND INTER-AMERICAN SYSTEMS OF THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Author of this article aims to make a comparative legal analysis of the normative consolidation and protection of the right to reparation for victims of human rights violations in the two regional human rights systems — Inter-American and African. The core competent authorities to review the reports concerning the violation of human rights and to make recommendations or decisions thereon are: the Inter-American Commission on Human Rights and the Inter-American Court of Human Rights within the framework of the Inter-American system of human rights protection and the African Commission on Human and Peoples Rights and the African Court on Human and Peoples Rights in the African human rights system, respectively.

Keywords: human rights, right to reparation, violation of human rights, African system of the protection of human rights, Inter-American system of the protection of human rights.

Международное право прав человека не только признает и защищает права человека, принадлежащие каждому от рождения без какой-либо дискриминации, но и возлагает на государства обязательства обеспечивать эффективное осуществление данных прав. Право на возмещение ущерба за нарушения прав человека закреплено во многих международных договорах по правам человека и подтверждено в практике международных судебных и квазисудебных органов. Не вызывает сомнений, что без возможности лица или группы лиц получить возмещение понесенного ущерба, включая восстановление в нарушенных правах, сама система защиты прав человека не только не была бы эффективной, но и не имела бы смысла. В случаях, когда жертвы правонарушений не могут получить от государства возмещения ущерба, они обладают возможностью обратиться в соответствующие региональные и универсальные международные механизмы рассмотрения жалоб по правам человека.

Постановления судов являются обязательными для исполнения всех заинтересованных сторон, участвующих в рассмотрении того или иного спора, тогда как решения квазисудебных органов носят исключительно рекомендательный характер. Отметим, что за почти 30 лет своей активной деятельности Африканская комиссия по правам человека и народов (далее — Африканская комиссия) рассмотрела примерно 500 дел¹, в то время как Межамериканская комиссия по правам человека (далее — Межамериканская комиссия), действующая с 1959 г., приняла более 2000 сообщений, более 450 заявлений о предоставлении мер предосторожности, а также более 12 дел передала на рассмотрение Межамериканского суда по правам человека (далее — Межамериканский суд).

Различные обязательства государства являются взаимодополняющими и не исключают друг друга. В этом ключе и высказали свое мнение Межамериканская комиссия и Межамериканский суд².

В Межамериканской системе защиты прав человека право на судебную защиту закреплено в ст. XVIII Американской декларации прав и обязанностей человека и в ст. 25 Американской конвенции о правах человека. Право на судебную защиту предполагает не только доступ к суду, как органу полномочному рассматривать дела и выносить по ним решения, но и быстрое и эффективное разбирательство. В свете этих положений Межамериканский суд с самого начала своей деятельности указал, что жертвы нарушения прав человека должны обладать доступом к средствам правовой защиты, в том числе, судебной, «применение которых должно быть обосновано в соответствии с правилами надлежащей правовой процедуры» (ст. 8 (1))³. Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство, заложенное в ст. 8, применимо к положениям о средствах правовой защиты по ст. 25⁴.

Африканская комиссия истолковывает право на эффективное средство правовой защиты в своих Принципах и ру-

1 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей африканской системы прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 2 (45). — С. 22–25.

2 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Дерендяева Э. Б., Музалева О. С. Межамериканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012. — С. 276–337.

3 Дело Веласкес-Родригез против Гондураса, решение от 29 июля 1988, Series C No 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www1.umn.edu/humanrts/iachr/b_11_12d.htm (дата обращения: 17.10.2014 г.).

4 Дело Бамака Веласкес против Гватемалы, решение от 25 ноября 2000 г., Series C No 79, пп. 184–196 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/iachr/C/70-ing.html> (дата обращения 28.10.2014 г.).

ководящих положениях о праве на справедливое судебное разбирательство и правовую помощь в Африке⁵, полагая, что «каждый человек имеет право на эффективное средство судебной защиты в соответствии с конституционными нормами, законом или Хартией, независимо от того, что противоправные действия предпринимаются официальными лицами» (п. а принципа С)⁶. Иными словами, под эффективными средствами правовой защиты Африканская комиссия понимает средства судебной защиты.

Отметим некоторое процедурное различие между африканской и межамериканской системами в отношении заявления предполагаемых жертвами нарушения прав человека своих требований по присуждению им возмещения причиненного ущерба. При необходимости Африканская комиссия может передать дело в Африканский суд по правам человека и народов (далее — Африканский суд)⁷, к примеру, при серьезных или массовых нарушениях прав человека или если Комиссия считает, что государство-ответчик не выполнило ее решения⁸. Аналогичная процедура и в Межамериканской системе по правам человека, где Межамериканская комиссия наделена мандатом передавать дела на рассмотрение в Межамериканский суд. Однако существует значительная разница в отношении процедурных прав заявителя при передаче дела: п. 3 ст. 44 Правил процедуры Межамериканской комиссии предусматривает положение, в соответствии с которым Комиссия должна информировать заявителя о возможности предоставления претензии к государству-ответчику по вопросам возмещения ущерба или любых других затрат, до передачи дела на рассмотрение Межамериканского суда⁹. После обращения в Межамериканский суд ст. 24 Правил процедуры предусматривает, что предполагаемые жертвы нарушений прав человека или их должным образом аккредитованные представители могут представлять свои состязательные бумаги и доказательства на протяжении всего судебного разбирательства.

Как в рамках Африканской системы защиты прав человека, так и в практике Межамериканской системы защиты прав человека жертвой правонарушения признается лицо, правам которого был причинен непосредственный ущерб действиями или же бездействием государства и его представителей¹⁰.

Положения о правах косвенных жертв и их связи с непосредственными жертвами нарушения прав человека также

нашли свое отражение в практике Африканской комиссии, которая, к примеру, принимала решения о выплате компенсации вдовам жертв незаконных казней¹¹. Межамериканский суд, в свою очередь, при возмещении ущерба признал наличие тесной взаимосвязи жертв различных категорий, в особенности, ближайших родственников, а именно матерей, отцов, детей, братьев и сестер, супругов и постоянных партнеров¹².

Правозащитные механизмы выработали различные критерии для определения групп, имеющих право на коллективное возмещение ущерба¹³. Африканская комиссия, например, считает, что для признания лиц в качестве народа необходимо определить «связь между этим народом, его землей и культурой; кроме того, самосознание лиц, как единого народа»¹⁴. Схожее положение наблюдается и в практике Межамериканского суда, который связывает коренные народы с их исконными землями, определяющими их культуру, образ жизни, верования и существование¹⁵.

Обратимся к положениям Основных принципов и руководящих положений, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права от 2005 г., которые предусматривают следующее: «Адекватное, действительное и быстрое возмещение ущерба призвано содействовать достижению справедливости путем восстановления пострадавшего в его правах, попраных в результате грубых нарушений международных норм в области прав человека или серьезных нарушений международного гуманитарного права. Возмещение должно быть соразмерным степени тяжести нарушений и нанесенного ущерба»¹⁶.

Межамериканский суд настаивает, что обязательство обеспечить адекватное и эффективное возмещение ущерба требует наличия причинно-следственной связи между фактами по делу, предполагаемым нарушением, доказанным причинным ущербом, а также мерами по восстановлению нарушенных прав¹⁷. В исключительных случаях Суд, принимая во внимание вышесказанное, может принять решение о назначении того или иного вида возмещения вреда, если даже об этом не заявляла ни одна из сторон, но в целях обеспечения адекват-

5 В 1999 г. Африканская комиссия учредила рабочую группу по созданию проекта Принципов и руководящих положений о праве на справедливое судебное разбирательство и правовую помощь в Африке в соответствии с нормами Африканской хартии. В том же году была принята соответствующая резолюция. Данный документ касается как гражданских, так и уголовных разбирательств.

6 Принципы и руководящие положения права на справедливое судебное разбирательство и правовую помощь в Африке от 2003 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.achpr.org/instruments/principles-guidelines-right-fair-trial/> (дата обращения: 24.10.2014 г.).

7 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Сираба Д., Конева А. Е., Петрова Н. А., Тимашкова Н. Е. Африканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012. — С. 170–275.

8 Правило 118 (п. 1) Правил процедуры Африканской комиссии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.achpr.org/files/instruments/rules-of-procedure-2010/rules_of_procedure_2010_en.pdf (дата обращения: 24.10.2014 г.).

9 Правило (п. 3) Правил процедуры Межамериканской комиссии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oas.org/xxivga/english/reference_docs/Reglamento_CIDH.pdf (дата последнего обращения: 17.10.2014 г.).

10 Солнцев А. М., Кебурия К. О. Право на правовую защиту и возмещение ущерба в Африканской системе защиты прав человека // Молдавский журнал международного права и международных отношений. — 2014. — № 2. — С. 16–25.

11 См.: Решение Африканской комиссии по правам человека в деле «Африканская Ассоциация Малави и другие против Мавритании» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/54-91.html> (дата обращения: 19.10.2014 г.).

12 См.: Решение Межамериканского суда по правам человека в деле «Блейк против Гватемалы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.univie.ac.at/bimtor/dateien/iacthr_1998_blake_vs_guatemala.pdf (дата обращения: 22.10.2014 г.).

13 См.: Решение по делу № 276/2003 «Народ эндоройс против Кении» от февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.achpr.org/communications/decision/276.03/> (дата обращения: 21.10.2014 г.).

14 См.: решение по делу № 276/2003 «Народ эндоройс против Кении» от февраля 2010 г., пп. 150–151 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.achpr.org/communications/decision/276.03/> (дата обращения: 21.10.2014 г.).

15 См.: Sandoval-Villalba C. The Concepts of «Injured Party» and «Victim» of Gross Human Rights Violations in the Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights: A Commentary on their Implications for Reparations. — P. 243–281, in Ferstman C., Goetz M., Stephens A. (eds) Reparations for Victims of Genocide, War Crimes and Crimes against Humanity- Systems in Place and Systems in the Making. — Martinus Nijhoff Publishers, 2009.

16 Принцип 15 IX Возмещение нанесенного ущерба.

17 См.: IACtHR, Ticona Estrada and others v Bolivia, Judgment (Merits, Reparations and Costs), 27 November 2008, para.110; IACtHR, González et al. (“Cotton Field”) v Mexico, Judgment (Preliminary Objection, Merits, Reparations, and Costs) of 16 November 2009, paras. 450–451.

ного возмещения ущерба¹⁸. Стоит особо отметить, что жертвы нарушений прав человека должны обладать равными условиями при присуждении им того или иного вида возмещения ущерба. Иными словами, не допустим дискриминационный подход, как в рамках национального права, так и универсальных и региональных договорах и системах.

Руководящие принципы справедливого судебного разбирательства и правовой помощи Африканской комиссии содержат некоторые положения по праву на возмещение ущерба, ориентированные на жертву нарушения прав человека, к которой необходимо проявить максимум сочувствия и уважения ее/его достоинства, а также обеспечить незамедлительный доступ к средствам возмещения причиненного ущерба¹⁹. Для того чтобы возмещение ущерба было адекватным и эффективным, важно понять положение конкретной жертвы, включая такие аспекты, как пол, культуру и обстоятельства жизни, и связь этих факторов с причиненным ущербом.

Виды возмещения ущерба в случае нарушения прав человека

Реституция. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права от 2005 г. определяют реституцию как возможность «восстановить первоначальное положение жертвы, существовавшее до совершения грубых нарушений международных норм в области прав человека» и «включает в себя соответственно: восстановление свободы, пользование правами человека, документов, удостоверяющих личность, семейной жизни и гражданства, возвращение на прежнее место жительства, восстановление на работе и возврат имущества» (принцип 19).

Африканская комиссия признала важность реституции и постановила, что государства при нарушении прав, закрепленных в Африканской хартии, должны «принять все меры для обеспечения жертвам нарушений прав человека эффективных средств правовой защиты, в том числе реституции и компенсации»²⁰. Межамериканский суд подчеркнул, что в случае осуждения человека в результате несправедливого судебного разбирательства он вправе требовать пересмотр судебного дела, признание обвинительного приговора недействительным, а также возместить понесенный ущерб²¹.

Такого же подхода правозащитные механизмы придерживаются и в случаях произвольного задержания. Так, в деле «Лойза Тамайо против Перу» Межамериканская комиссия передала дело в Межамериканский суд после обнаружения, что государство Перу не выполнило вынесенных Межамериканской комиссией рекомендаций и просила Межамериканский суд, в частности, «потребовать от Перу немедленно освободить жертву и предоставить ей соответствующее возмещение ущерба»²².

Африканская комиссия также разработала практику в данной сфере, в том числе рекомендуя государствам освободить лиц, находящихся в заключении на момент обнаружения Африканской комиссией ст. 6 Африканской хартии («право на свободу и личную неприкосновенность»).

Компенсация. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права от 2005 г. понимают под компенсацией средство возмещения ущерба, «поддающегося экономической оценке... в установленном порядке и соразмерно серьезности нарушения и обстоятельствам каждого случая, являющегося результатом грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права...». Таким образом, компенсация является денежной оценкой последствий нарушения прав человека, при том, что ущерб может быть как материальный, так и моральный.

Межамериканская комиссия и Африканская комиссия в своей практике не выработали факторов для подсчета суммы компенсации. Единственным прецедентом, в котором Африканская комиссия отошла от практики не определять конкретную сумму компенсации, является дело «Египетская инициатива за индивидуальные права Международный центр по правовой защите против Египта». Заявительницы (четыре женщины) обжаловали действия египетских властей, включая дискриминацию, унижение достоинства и жестокое обращение²³. Африканская комиссия, признав нарушение Египтом прав заявителек, определила сумму компенсации, однако не разъяснив методов вычисления²⁴.

Определение точной суммы компенсации является необходимым, хотя и сложно достижимым фактором в защите прав человека. Межамериканский суд выработал обширную практику присуждения конкретных сумм денежной компенсации, как в случае материального ущерба, так и морального. Межамериканский суд определяет сумму компенсации за нематериальный (моральный) ущерб на основах «разумности и справедливости»²⁵.

Реабилитация. Африканская комиссия рекомендует государствам, признанным нарушителями прав человека, выплачивать компенсацию за «физические и психологические травмы», без чего невозможно осуществить целостную реабилитацию. В деле «Пурохит и Мур против Гамбии» Африканская комиссия, признав нарушение государством ст. 5 Африканской хартии в отношении содержания под стражей в психиатрическом учреждении психически нездоровых людей, рекомендовала Гамбии привести в надлежащее состояние национальное законодательство в области охраны психического здоровья в соответствии с положениями Африканской хартии, а также предоставить медицинскую и материальную помощь людям, страдающим психологическими заболеваниями²⁶.

18 См.: *Rochela v Colombia, Judgment (Merits, Reparations and Costs)*, 11 May 2007, para. 286.

19 См.: African Commission, *Principles and Guidelines on the Right to a Fair Trial and Legal Assistance in Africa* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.achpr.org/instruments/fair-trial/>, Section N (a) (дата обращения: 17.10.2014 г.).

20 См.: African Commission, *Sudan Human Rights Organisation & Centre on Housing Rights and Evictions (COHRE) v Sudan, dispositif (para.229 (d))* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.worldcourts.com/achpr/eng/decisions/2009.05_SHRO_v_Sudan.htm (дата обращения: 22.10.2014 г.).

21 См.: IACtHR, *Loayza Tamayo v Peru, Judgment (Reparations)*, 27 November 1998, para. 122 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.univie.ac.at/bimtor/dateien/iacthr_1997_loayza-tamayo_vs_peru.pdf (дата обращения: 28.10.2014 г.).

22 См.: IACtHR, *Loayza Tamayo v Peru, Judgment*, 17 September 1997, paras. 1, 84 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.univie.ac.at/bimtor/dateien/iacthr_1997_loayza-tamayo_vs_peru.pdf

[univie.ac.at/bimtor/dateien/iacthr_1997_loayza-tamayo_vs_peru.pdf](http://www.univie.ac.at/bimtor/dateien/iacthr_1997_loayza-tamayo_vs_peru.pdf) (дата обращения: 21.10.2014 г.).

23 Солнцев А. М., Самаке А. Вклад межрегиональных и субрегиональных международных организаций в защиту прав женщин в Африке // *Евразийский юридический журнал*. — 2013. — № 5. — С. 48–51.

24 См.: African Commission, *Egyptian Initiative for Personal Rights and Interights v Egypt, Communication 323/06* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.achpr.org/files/sessions/9th-ec/communications/334.06_achpreos9_334_06_eng.pdf (дата обращения: 23.10.2014 г.).

25 См.: IACtHR, *Cantoral Benavides v Peru, Judgment*, 3 December 2001, para.53 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/iachr/C/88-ing.html> (дата обращения: 23.10.2014 г.).

26 См.: African Commission, *Purohit and Moore v The Gambia, Communication 241/2001, dispositif*. [Электронный ресурс]. — Ре-

Межамериканский суд по-разному оценивает медицинскую помощь как в рамках компенсации, так и, в ряде случаев, в мерах реабилитации. Так, в деле «Алоэбоетое» Межамериканский суд обязал государство построить медицинское учреждение в деревне, жители которой пострадали от грубых массовых нарушений прав человека²⁷.

Сатисфакция. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права от 2005 г., включают понятие сатисфакции. Правозащитные механизмы Африканской и Межамериканской систем защиты прав человека требуют от государств принять меры сатисфакции для восстановления правды, справедливости, достоинства человека, признать нарушенные права, а также взять на себя ответственность за исправление нарушения. Публичное признание нарушения прав человека в настоящее время не является характерной особенностью практики Африканской комиссии, хотя признание является важным психологическим моментом для жертвы правонарушения, кроме того, способствует преодолению систематического характера нарушения прав человека. Такое признание может включать в себя, к примеру, публичное заявление от лица государства, признающего факт нарушения прав человека. Подобные меры являются обычной практикой в Межамериканском суде²⁸. Африканская комиссия не включает в свои рекомендации возможность публичных извинений со стороны государства, как это предусмотрено в Основных принципах и руководящих положениях ООН.

Гарантии неповторения случившегося. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права от 2005 г., включают гарантии неповторения случившегося. Правила процедуры Африканской комиссии, в свою очередь, не предоставляют заявителям, в случае передачи дела в Африканский суд, возможность направлять отдельные заявления о возмещении причиненного ущерба. Кроме того, Правила процедуры Африканского суда предусматривают, что первоначальные заявления о возмещении ущерба могут быть рассмотрены, только если Суд сочтет это необходимым.

Универсальные и региональные механизмы защиты прав человека неоднократно призывали государства принять меры для гарантии недопустимости повторения нарушений прав

человека. Практика Африканской комиссии и Африканского суда, хотя и обладает тенденциями, схожими с аналогичными в Межамериканской комиссии и Межамериканском суде, однако, на данный момент, заметно уступает. Вероятно, данный факт в немалой степени обусловлен большим временем практики правозащитных механизмов в межамериканской системе защиты прав человека.

Африканская и межамериканская системы защиты прав человека являются активно развивающимися механизмами, обладающими определенной практикой в вопросе возмещения ущерба жертвам нарушения прав человека. Однако каждая из представленных правозащитных систем наделена и слабыми сторонами и исключительными особенностями. Представляется полезным взаимное изучение наработанной практики и применение некоторых мер, разумеется, в условиях местных особенностей.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей африканской системы правам человека и народов // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 2 (45).
 2. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Дерендяева Э. Б., Музалева О. С. Межамериканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012.
 3. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Сираба Д., Конева А. Е., Петрова Н. А., Тимашкова Н. Е. Африканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012.
 4. Солнцев А. М., Кебурия К. О. Право на правовую защиту и возмещение ущерба в Африканской системе защиты прав человека // Молдавский журнал международного права и международных отношений. — 2014. — № 2.
 5. Солнцев А. М., Самаке А. Вклад межрегиональных и субрегиональных международных организаций в защиту прав женщин в Африке // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 5.
 6. Bantekas I., Oette L. International Human Rights Law and Practice. — Cambridge University Press, 2013.
 7. Cavallaro J., Brewer S. E. Reevaluating Regional Human Rights Litigation in the Twenty-First Century: The Case of the Inter-American Court // The American Journal of International Law. — 2008. — Vol. 102.
 8. Sandoval-Villalba C. The Concepts of «Injured Party» and «Victim» of Gross Human Rights Violations in the Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights: A Commentary on their Implications for Reparations // Carla Ferstman, Mariana Goetz, Alan Stephens (eds) Reparations for Victims of Genocide, War Crimes and Crimes against Humanity. Systems in Place and Systems in the Making. — Martinus Nijhoff Publishers, 2009.
- жим доступа: http://www.univie.ac.at/bimtor/dateien/acomhpr_2003_purohit_andanother_v_gambia.pdf (дата обращения: 23.10.2014 г.).
- 27 См.: Case Aloeboetoe et al v Suriname (Reparations), Judgment of 10 September, 1993, Series C No 15, para 96 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/iachr/C/11-ing.html> (дата обращения: 17.10.2014 г.).
- 28 См.: Cavallaro J., Brewer S. E. Reevaluating Regional Human Rights Litigation in the Twenty-First Century: The Case of the Inter-American Court // The American Journal of International Law. — 2008. — Vol. 102. — P. 808.

Клюня А. Ю. СООТНОШЕНИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ERGA OMNES

Тесная взаимосвязь между правовой природой императивных норм международного права и нормативными характеристиками обязательств erga omnes предопределяет проблематику их соотношения. Примеры обязательств erga omnes и императивных норм в доктрине и практике применения современного международного права, как правило, аналогичны: запрет на ведение агрессивной войны, совершение актов геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности, нарушение права народов на самоопределение и др. При этом правовые последствия императивных норм общего международного права и обязательств erga omnes не тождественны. Настоящее исследование предполагает международно-правовой анализ содержания, сущности и правовых последствий норм jus cogens и обязательств erga omnes в их соотношении.

Ключевые слова: международное право, jus cogens, императивная норма, обязательство erga omnes, Международный суд ООН.

Клюня А. Ю.

Klunya A. Yu. THE INTERRELATION BETWEEN PEREMPTORY NORMS OF INTERNATIONAL LAW AND OBLIGATIONS ERGA OMNES

Close relations between the legal nature of peremptory norms of international law and normative characteristics of erga omnes obligations determines their ratio. The examples of erga omnes obligations and peremptory norms in the doctrine and the practice of contemporary international law are as a rule analogous: prohibition of aggressive war, acts of genocide, war crimes, crimes against humanity, violation of peoples' self-determination right etc. At the same time legal consequences of peremptory norms of general international law and obligations erga omnes are not identical. The present study suggests an international legal analysis of the content, nature and legal consequences of jus cogens norms and erga omnes obligations in their interrelations.

Keywords: international law, jus cogens, peremptory norm, erga omnes obligation, International Court of Justice.

Отсутствие в прошлом целостности и организованности системы международных правоотношений исключало наличие в международном праве императивных норм в связи с доминированием национальных интересов крупных государств над интересами всего международного сообщества, в результате чего международное право, являясь в большей мере диспозитивным, в качестве господствующего своего принципа предусматривало принцип свободы договоров как основание для отступления по взаимному соглашению между субъектами международного права от любой его нормы¹. Однако наукой последовательно обосновывался довод о наличии в международном праве носящих такой фундаментальный характер категории норм, отступление от которых недопустимо². Несомненно, концепция наличия в праве императивных норм возникла ранее современного международного права, так как была поднята еще в XIX в. такими видными юристами-международниками, как И. Блюнчли и И. Е. Холл, а уже впоследствии развита Д. Анцилотти, А. Фердроссом, Г. И. Тункиным и другими учеными³. Некоторые из юристов-международников начала XIX в. указывали, что договор является недействительным, если он противоречит нормам морали или некоторыми основными принципам международного права, поскольку противоречит нормам естественного права⁴.

Первым юристом, ссылавшимся в своих трудах по международному праву на концепцию «jus cogens», является немецкий юрист Ф. фон дер Хейт⁵. Однако одним из ученых, внесшим особо важный вклад в развитие концепции jus cogens, явился А. Фердросс, обращавший внимание на наличие у всего международного сообщества высших интересов, необходимость защиты которых диктует поддержание международного порядка⁶. Вместе с тем некоторые ученые начала XX в. все же отрицали существование в международном праве императивных норм. Так, в частности, по мнению Г. Кельзена, в доктрине международного права отсутствуют доказательства наличия императивных норм, подлежащих изменению заключенными договорами⁷. Дж. Шварценбергер в свою очередь утверждал о неизвестности международному праву каких-либо норм jus cogens⁸. В период возникновения концепции jus cogens императивные нормы международного права рассматривались в качестве неконсенсуального источника права, вытекающего из естественного права⁹. Сегодня в научных трудах ряда юристов подчеркивается естественно-правовая основа возникновения императивных норм международного права, в силу чего нормы jus cogens, будучи основаны на естественном праве, в иерархии норм международного права занимают высшее ме-

1 Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. II. Действие международных договоров: в 2 т. Рос. акад. наук. Ин-т государства и права. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — С. 143.

2 Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад исследовательской Группы Комиссии международного права. Док. ООН. ГА ООН. А/CN.4/L.682. 13 April 2006. — P. 196.

3 Таллалаев А. Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / Сост.: А. Н. Таллалаев (Коммент.); Отв. ред.: Н. В. Захарова (Предисл.). — М.: Юрид. лит., 1997. — С. 143.

4 Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law, seventh ed. Taylor & Francis Publisher. — NY, 1997. — P. 57.

5 Von der Heydte F. Die Erscheinungsformen des zwischenstaatlichen Rechts. Jus cogens und Jus dispositivum im Völkerrecht. //Zeitschrift für Völkerrecht. — Vol. 16. — 1932.

6 Verdross A. Forbidden Treaties in International Law. Comments on Professor Garner's Report on the Law of Treaties. The American Journal of International Law. — Vol. 31. — 1937. — P. 572.

7 Kelsen H. Principles in International Law. — N. Y., 1952. — P. 322.

8 Schwarzenberger G. International jus cogens? // Texas Law Review. — 1965. — P. 476.

9 Verdross A. Forbidden Treaties in International Law: Comments on Professor Garner's Report on «The Law of Treaties» // American Journal of International Law. — NY, 1937. — P. 571.

сто по сравнению с иными источниками, например, общими принципами права или международными договорами¹⁰.

Важными вехами в развитии концепции *jus cogens* явились прошедшая в 1966 г. по данной проблематике специальная научная конференция в Лагонисси (Греция)¹¹, а также включение после соответствующего обсуждения в КМП ООН на Венской конференции по праву международных договоров статей 53 и 64 в Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г. Особенно важную роль в развитии концепции *jus cogens* сыграла КМП ООН, включившая в Проект статей о праве международных договоров 1966 г. три проекта статей, регулирующих вопросы *jus cogens*, в частности статьи 50, 61 и 67, которые с определенными поправками и были приняты в рамках статей 53 и 64 Венской конвенции 1969 г. Впервые же в рамках КМП ООН концепция *jus cogens* была упомянута в Третьем докладе Специального докладчика по праву международных договоров Дж. Фитцмориса¹². За период после закрепления концепции *jus cogens* в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. императивным нормам международного права было уделено достаточно большое внимание в доктрине международного права¹³. КМП ООН в своей деятельности неоднократно затрагивала вопросы, связанные с концепцией *jus cogens*, в частности в комментариях к Проекту статей «Об ответственности государств за международно-противоправные деяния» 2001 г., Докладе исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права» 2006 г., а также в комментариях к Проекту «Руководящие положения об оговорках к международным договорам» 2008 г. С учетом обстоятельств развития концепции *jus cogens* КМП ООН в 2014 г. было принято решение включить данный вопрос в повестку своей деятельности¹⁴.

В комментариях к проекту статей «Ответственности государств за международно-противоправные деяния» 2001 г. КМП ООН прямо указала на признание международной практикой, правовой доктриной и судебными актами международных и национальных судебных учреждений концепции императивных норм международного права¹⁵. В настоящее время среди юристов-международников существуют споры в основном относительно теоретических основ концепции *jus cogens*.

Согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международ-

ного права, носящей такой же характер. Из закрепленного в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров определения следует, что норма *jus cogens* должна быть нормой общего международного права, в систему которого входят создаваемые государствами путем согласования воле всех или почти всех государств международного сообщества нормы, являющиеся, таким образом, универсальными и общепризнанными нормами международного права¹⁶. Учитывая изложенное, по смыслу данного в ст. 53 определения норма *jus cogens* не является партикулярной нормой международного права.

Следует особо отметить, что нормы *jus cogens* являются единственным источником, в отношении которого неприменим общий принцип добровольности принятия на себя государствами международных обязательств¹⁷. В комментариях к ст. 50 Проекта статей о праве международных договоров 1966 г. КМП ООН указала на то обстоятельство, что «становится все труднее придерживаться мнения о том, что не существует норм международного права, от выполнения которых государства могли бы освободиться по собственной воле»¹⁸.

Одна из особенностей императивных норм международного права заключается в их создании. При создании нормы *jus cogens* необходимо наличие дополнительного волеизъявления государств относительно императивности соответствующей нормы, а именно: достижение согласия о большей обязательности принимаемой нормы международного права, которое, как правило, бывает молчаливым¹⁹. Некоторые ученые считают, что в силу автономности и суверенности каждого государства какие-либо нормы, не предусматривающие согласие на их принятие государством, но обязательные для их исполнения, в международном праве отсутствуют²⁰. В качестве контраргумента сторонники противоположного подхода считают процесс признания норм *jus cogens* проистекающим из обычного международного права, которое постепенно становится обязательным для всех его субъектов²¹.

Одним из основных элементов нормы *jus cogens* согласно данному в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. определению является признание недопустимости заключения двусторонних или локальных многосторонних договоров, положения которых отступали бы от нормы *jus cogens*. Любые международно-правовые акты такого характера, положения которых идут вразрез с нормами *jus cogens*, являются ничтожными *ab initio*²². При этом нельзя обойти вниманием обстоятельство, что согласно правовой позиции Европейского суда по делу «Kadi», в случае противоречия Резолюций СБ ООН нормам *jus cogens*, Суд вправе осуществлять над такими резолюциями юрисдикционный контроль²³. Следует согласить-

10 Bianchi A. Human Rights and the magic of jus cogens. The European Journal of International Law Vol 19. 2008. P.492; O'Connell M. E. Jus Cogens: International Law Higher Ethical Norms. The Role of Ethics in International Law. D. E. Childress III (ed.). — Cambridge University Press, 2012. — P. 98.

11 Conference on International Law in Lagonissi. Papers and Proceedings. The concept of Jus Cogens in Interational Law. — Geneva, 1967.

12 G. G. Fitzmaurice. Yearbook of the International Law Commission. Volume II: Documents of the Tenth Session including the Report of the Commission to the General Assembly. Un doc. — New York, 1958. — P. 26–27.

13 Jerzy Sztucki. Jus Cogens and the Vienna Convention on the Law of Treaties. — Vienna: Springer-Verlag, 1974. Antonio Cassese. International Law, 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 199–200.

14 International Law Commission. Report on the work of its sixty-sixth session. Supplement No. 10 (A/69/10). Un doc. 2014. — New York. — P. 336–349.

15 Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. // Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии: док. ООН A/56/10. Нью-Йорк: ООН, 2001. — С. 282.

16 Таллалаев А. Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / Сост.: Таллалаев А. Н. (Коммент.); Отв. ред.: Н. В. Захарова (Предисл.). — М.: Юрид. лит., 1997. — С. 144.

17 Лютов Н. Л. Нормы Jus Cogens и международное трудовое право // Lex russica. — 2013. — № 5. — С. 497.

18 International Law Commission. Report on the work of its sixty-sixth session. Supplement No. 10 (A/69/10). Un doc. 2014. — New York. — P. 336.

19 Словарь международного права // Т. Г. Авдеева, В. В. Алешин, Б. М. Ашавский и др.; Отв. ред. С. А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014.

20 Danilenko G. International Jus Cogens: Issues of Law-Making// European Journal of International Law. — Vol. 2. — № 42. — 1991. — P. 53.

21 Byers M. Conceptualizing the Relationship between Jus Cogens and Erga Omnes Rules // Nordic Journal of International Law. — № 66. — 1997. — P. 211.

22 Витцтум В. Граф. Международное право. Вольфганг Граф Витцтум [и другие]; пер. с немецкого. — М.: Инфотропик Медиа. — 2011. — С. 103.

23 Kadi v. Council and Commission. ECHR. № T-315/01 // ECR II-3456.2005.

ся с мнением А. С. Исполинова, что указанная позиция ЕСПЧ является неубедительной в связи с неоправданно широким толкованием ЕСПЧ норм *jus cogens*²⁴.

В настоящее время какого-либо международно-правового акта, содержащего определение той или иной нормы в качестве *jus cogens*, не существует. Некоторые ученые связывают императивный характер норм *cogens* с закрепленными в Уставе ООН основными принципами международного права²⁵, другие — с Нюрбергскими принципами²⁶. Ряд юристов-международников считают императивными те нормы международного права, которые закрепляют запрет на применение силы, недопустимость актов геноцида, рабства, пыток, грубых нарушений права народов на самоопределение и расовой дискриминации²⁷. В решении по делу «Барселона Трэкшн» 1970 г. Международный суд ООН прямо указал на недопустимость совершения таких нарушений прав человека, как рабство, расовая дискриминация, агрессия и геноцид, которые вызывают «озабоченность всех государств»²⁸. По мнению П. Маланчука, указанные в данном решении Международного суда ООН нарушения прав человека являются нарушениями императивных норм международного права²⁹. Вместе с тем в консультативном заключении «О законности угрозы ядерного оружия или его применения» 1996 г. Международный суд ООН не нашел необходимости разрешения вопроса о возможности квалификации в качестве *jus cogens* недопустимости нарушения общепризнанных норм международного гуманитарного права³⁰.

При составлении текста Конвенции о праве международных договоров 1969 г. было принято решение не включать в положения ст. 53 Конвенции конкретный перечень норм *jus cogens* ввиду того, что наличие такого перечня могло бы повлечь за собой неправильное отношение к иным нормам международного права и вынудить КМП ООН и Конференцию приступить к работе, которая выходила бы за рамки представленных им мандатов³¹. В рамках голосования за ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. СССР сделал заявление о том, что императивные нормы включают в себя «прежде всего основные принципы современного международного права, а под ст. 53 подпадают все кабальные и другие подобные неравноправные договоры, заключенные в нарушение принципа суверенного равенства государств»³². В этой связи интерес представляет решение Большой коллегии суда ЕврАзЭС по делу «О Южном Кузбассе» от 08 апреля 2013 г., в котором суд квалифицировал принцип *parata sunt servanda* в качестве нормы *jus cogens*, указав, что любой акт или действие, направленные на ненадлежащее исполнение

судебного решения, юридически ничтожны³³. Как справедливо замечает А. С. Исполинов, правовая позиция Суда ЕврАзЭС во многом обусловлена традиционными и широко распространенными еще со времен советской науки международного права представлениями о когентности всех принципов международного права³⁴.

Необходимо особо отметить, что данное в Венской Конвенции 1969 г. определение нормы *jus cogens* сформулировано исключительно для целей данного международного договора и относится только к конвенционному праву международных договоров, но не к международному обычному праву, что обуславливает возможность несовпадения указанного в ст. 53 определения с тем, которое может быть дано норме *jus cogens* в других областях международного права, и включать или исключать отдельные элементы определения данной нормы в рассматриваемом положении Конвенции. Однако, как отмечает П. Маланчук, указанное в ст. 53 Конвенции определение универсально и в равной степени относится также и к международному обычному праву, что не нашло свое закрепление в положении данной статьи, поскольку целью Венской конвенции 1969 г. является кодификация договорных норм международного права³⁵. Данной позиции придерживается также и М. Шоу³⁶.

Решения по относительно новым судебным спорам показывают склонность международных судебных учреждений характеризовать правовую природу и содержание некоторых норм международного права, имеющих характер *jus cogens*. Так, в частности, в решении МС ООН по делу «О вопросах, касающихся обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование», суд квалифицировал запрет пыток в качестве составной части обычного международного права и императивной нормы *jus cogens*³⁷. Данный вопрос был проанализирован также Международным Трибуналом по бывшей Югославии в решении по делу «Прокурор против Анто Фурунджиа», в котором Трибунал прямо указал, что «вследствие важности ценностей, которые защищает запрет на применение пыток, этот принцип развился в императивную норму, или *jus cogens*, а именно норму, занимающую более высокую ступень в иерархии, чем договорное право и даже международное обычное право»³⁸. В решении по данному делу Трибунал указал, что представляющий собой норму *jus cogens* запрет пыток распространяется как на межгосударственный, так и на национальный уровни правоотношений, лишая любой законодательный, административный либо судебный акт, запрещающий пытки, юридической силы, делая его ничтожным. Данный вывод позволил развить в науке современного международного права точку зрения о применении концепции *jus cogens* в отношении норм национального права³⁹. Мнения о возможности вертикального применения концепции *jus cogens* придерживаются

24 Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. — 2014. — № 6. — С. 9.

25 Иваненко В. С. Основные принципы современного международного права // Международное право: учебник — 3-е изд., перераб. / Под ред. Б. П. Тузмухамедова, В. И. Кузнецова. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — С. 173; Weil P. Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. — 1983. — № 77. — P. 413; Christenson G. A. The World Court and Jus Cogens // AJIL № 81. — 1987. — P. 93.

26 Тункин Г. И. Теория международного права. — М., 1970. — С. 182.

27 Kühner R. Torture. — EPIL № 8. — 1985. — P. 510; Cassese A. International Law in a Divided World. — Oxford: Clarendon Press, 1986. — P. 179.

28 Barcelona Traction case. Belgium v. Spain // ICJ Reports. — 1970. — P. 3.

29 Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law. Seventh ed. Taylor & Francis Publisher. — NY, 1997. — P. 58.

30 International Court of Justice. Legality of the threat or use of nuclear weapons. Advisory opinion of 8 July 1996.

31 Алексидзе В. А. Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы *jus cogens*. — Тбилиси, 1982. — С. 307

32 Conference des Nations sur le droit des traits. Deuxieme session. — P. 111.

33 Решение Суда Евразийского экономического сообщества от 05.09.2012 «О признании не соответствующим международным договорам, действующим в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, п. 1 Решения Комиссии Таможенного союза» от 17.08.2010 № 335.

34 Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. — 2014. — № 6. — С. 10.

35 Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law. Seventh ed. Taylor & Francis Publisher. — NY, 1997. — P. 57.

36 Shaw M. International Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — P. 124.

37 Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite. Belgium vs. Senegal. — ICJ Reports. — 2012. — P. 99.

38 Prosecutor v. Anto Furundzija. Judgment of 10 December 1998. Case № IT-95-17/1. Trial Chamber II.

39 Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. — 2014. — № 6. — С. 11.

такие ученые, как Эрика де Ветт⁴⁰, А. Тринидад⁴¹ и др. Данная логика была положена в обоснование своей правовой позиции Верховным Судом Аргентины, изложенной им в своем решении об отмене указа президента Менема о помиловании, которым суд признал данный указ незаконным в связи с его противоречием положению о запрете преступлений против человечества, квалифицированном судом в качестве нормы *jus cogens*⁴².

Вместе с тем еще в 1958 г. итальянским юристом Дж. Спердуги было обращено внимание на существование в международном праве норм, рождающих совместные обязательства, нарушение которых является нарушением обязательства против всего международного сообщества⁴³. Такого рода обязательства определяются в настоящее время в доктрине международного права обязательствами *erga omnes* (по лат. «по отношению к каждому/всем»). Несмотря на отсутствие в современном международном праве единого подхода к определению правовой природы обязательств *erga omnes*, на доктринальном уровне все же предпринимаются попытки дать понятие такого рода обязательства. Так, например, Институт международного права в своей резолюции «Обязательства *erga omnes* в международном праве» 2005 г. определил обязательство *erga omnes* как «обязательство по общему международному праву, которое то или иное государство несет в каждом данном случае по отношению к международному сообществу, с учетом его общих ценностей и его заботы о соблюдении данного обязательства таким образом, что нарушение этого обязательства позволяет всем государствам принимать меры; или обязательство по многостороннему договору, которое государство-участник договора несет в каждом данном случае по отношению ко всем другим государствам-участникам этого же договора, с учетом их общих ценностей и его заботы о соблюдении, таким образом, что нарушение этого обязательства позволяет всем государствам принимать меры»⁴⁴. Как указывает М. Рагацци, причиной придания обязательствам *erga omnes* особых средств правовой защиты является необходимость выполнения данных обязательств всеми в силу их универсальности и наличия у каждого государства интереса в их защите⁴⁵.

По мнению некоторых ученых, основные характеристики норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* схожи⁴⁶. Примеры обязательств *erga omnes* и императивных норм международного права обычно идентичны: запрет на ведение агрессивной войны, геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, основные нормы международного гуманитарного права и прав человека, право народов на самоопределение⁴⁷. Основное отличие правовой природы обязательств *erga*

omnes от носящих характер *jus cogens* норм международного права заключается в том, что обязательства *erga omnes* определяются не столько своей нормативной силой, сколько сферой применения соответствующей нормы международного права и вытекающими из этого правовыми последствиями процедурного характера. В своем Докладе о фрагментации международного права КМП ООН прямо указала, что порождающие обязательства *erga omnes* нормы международного права охватывают международное сообщество в целом, и вне зависимости от заинтересованности того или иного субъекта международного права в конкретном вопросе в случае их нарушения субъект международного права, нарушивший данное обязательство, может быть призван к международной ответственности⁴⁸. Характер *erga omnes* у того или иного обязательства не свидетельствует о его явной преимущественной силе перед иными нормами международного права, поскольку важность такого рода обязательств не заключается в соответствующем иерархическом превосходстве, которая является одним из критериев для квалификации нормы международного права в качестве *jus cogens*. Как справедливо отмечает Ян Сайдерман, в силу отсутствия как в доктрине, так и в практике современного международного права конкретных критериев квалификации обязательства в качестве *erga omnes*, вопрос о нормативном содержании такого рода обязательств до настоящего времени является дискуссионным⁴⁹. Однако бесспорен тот факт, что сама концепция обязательств *erga omnes* и применимость ее в современном международном праве за последние годы достаточно серьезно укрепились как в доктрине, так и в практике международного права.

По мнению К. Л. Сазоновой, «концепция обязательств *erga omnes*, с одной стороны, усиливает категорию *jus cogens*, а с другой стороны — усложняет ее концептуальное осмысление»⁵⁰. На практике проблема наличия в международном праве обязательств *erga omnes* была поднята МС ООН в его решении по делу «Барселона Трэкшн», в котором Суд прямо указал, что «следует проводить существенно важное различие между обязательствами государства по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами по отношению к другому государству в области дипломатической защиты»⁵¹. По самой своей природе первое касается всех государств. Ввиду важности задействованных прав все государства могут рассматриваться в качестве имеющих правовой интерес в их защите; речь идет об обязательствах *erga omnes*⁵². Указанная правовая позиция Международного суда ООН, по мнению целого ряда ученых, является его неофициальным мнением (*obiter dictum*) в связи с отсутствием в решении ссылки на фактическое нарушение обязательства *erga omnes*⁵³.

В отличие от имеющих императивный характер норм международного права обязательства *erga omnes* характеризуются не столько особой значимостью защищаемого ими интереса, а скорее юридической неделимостью их содержания,

40 De Wett E. The Prohibition of Torture as an International Norm if *Jus Cogens* and Its Implications for National and Customary Law. *European Journal of International Law* № 15. — 2004. — P. 99.

41 Trindade A. *Jus cogens: the determination and the gradual expansion of its material content in contemporary international case-law* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oas.org/dil/esp/3%20-%20cancado.LR.CV.3-30.pdf>

42 Mazzeo and others. *Corte Supreme de Justicia de la Nacion. Recourse of Cassation and unconstitutionally*. — 13 July 2007.

43 Spertuti G. *Lezioni di diritto internazionale*. — Milan, 1958. — P. 140.

44 *Obligations and Rights Erga Omnes in International Law*. Institut de Droit International, the Krakow Session. *Annuaire de l'Institut de Droit International*, 2005.

45 Ragazzi M. *The concept of International Obligations Erga Omnes*. — Oxford: Clarendon Press, 1997. — P. 203.

46 Kadelbach S. *Jus Cogens, Obligations Erga Omnes and other Rules — The Identification of Fundamental Norms in Christian Tomuschat and Thouvenin (eds.) International Legal Order*. — Leiden: Nijhoff, 2006. — P. 27.

47 Elias O. T. *The Modern Law of Treaties*, Dobbs Ferry/London 1974. — P. 185; Sinclair I. *The Vienna Convention on the Law of Treaties*. — 2nd ed. — Manchester, 1984. — P. 213.

48 Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад исследовательской Группы Комиссии международного права. Док. ООН. ГА ООН. А/CN.4/L.682. — 13 April, 2006. — С. 209.

49 Seiderman D. Ian. *Hierarchy in International Law: The Human Rights Dimension*. Intersentia-Hart. — Oxford, 2001. — P. 123.

50 Сазонова К. Л. Ответственность государств и международных организаций за неправомерное применение силы в международном праве: теория и практика. — М.: ООО «НБ-Медиа», 2014. — С. 58.

51 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография. — М.: РУДН, 2012.

52 Case concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Ltd. (Belgium v. Spain). ICJ Reports. — P. 32.

53 Ragazzi M. *The concept of International Obligations Erga Omnes*. — Oxford: Clarendon Press, 1997. — P. 27.

поскольку имеют юридическую силу для всех государств, для всего международного сообщества в целом⁵⁴. Если имеющие характер *jus cogens* нормы международного права отличает их непреложность и ничтожность вступающих с ними в коллизию иных норм международного права, то правовая природа обязательств *erga omnes* определяется заинтересованностью всего международного сообщества в целом в их соблюдении. Доктринальные дискуссии относительно соотношения норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* сфокусированы на схожести категорий, которыми оперирует современная наука международного права при изучении двух указанных концепций в их взаимосвязи⁵⁵. Различие обязательств *erga omnes* и императивных норм международного права заключается в правовых последствиях, порождаемых ими. Действие императивной нормы предполагает ничтожность противоречащих ей договоров, не допускает никаких оговорок к ней⁵⁶. В то время как правовые последствия обязательств *erga omnes* предполагают особый механизм призвания к международной ответственности⁵⁷.

Логично предположить, что все государства заинтересованы в соблюдении не допускающих никаких отклонений императивных норм международного права. Таким образом, на наш взгляд, все имеющие характер *jus cogens* нормы международного права представляют собой обязательства *erga omnes*. Однако не все обязательства *erga omnes* представляют собой императивные нормы общего международного права. Из этого следует, что правовая квалификация международного обязательства в качестве *erga omnes* не лишает юридической силы вступающую с ним коллизию иную норму международного права. Только в случае коллизии с иной нормой международного права обязательство *erga omnes*, вытекающее из императивной нормы общего международного права, лишит последнюю юридической силы в связи с ее ничтожностью. Как указал МТБЮ в решении по делу «Фурунджи» 1998 г., «хотя только что упомянутый характер *erga omnes* относится к сфере международного правоприменения (*lato sensu*), то другой важной особенностью принципа запрета применения пыток является необходимость установления аспектов его взаимосвязи с иерархией норм в международном нормативном порядке»⁵⁸.

Отсутствие единых четко определенных иерархических связей между принципами, обязательствами и нормами международного права не означает отсутствие таких связей как таковых,

а предполагает их выявление в зависимости от конкретных международных правоотношений, в рамках которых они подлежат соотношению, порождая совершенно определенные правовые последствия. Если правовая квалификация нормы в качестве *jus cogens* предопределяет «вес» данной нормы, то обязательство *erga omnes* имеет отношение к ее процедурной «сфере охвата». Норма *jus cogens* всегда имеет сферу охвата *erga omnes*, но не каждое обязательство *erga omnes* имеет такой же «вес», как императивная норма общего международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. — Монография. — М: РУДН, 2012.
2. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Камо грядеши?.. К 60-летию Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. — 2009. — № 1 (73).
3. Витцтум В. Граф. Международное право. Вольфганг Граф Витцтум [и другие]; пер. с немецкого. — М.: Инфотропик Медиа, 2011.
4. Иваненко В. С. Основные принципы современного международного права. // Международное право: учебник — 3-е изд., перераб. / Под ред. Тузмухамедова Б. Р., Кузнецова В. И. — М.: Норма: Инфра-М, 2010.
5. Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. — 2014. — № 6.
6. Ключа А. Ю., Солнцев А. М. Вопросы развития института ответственности международных организаций // Вестник международных организаций. — М: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — 2013. — № 2.
7. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. — Т. II. Действие международных договоров: в 2 т. Рос. акад. наук. Ин-т государства и права. — М.: Волтерс Клаувер, 2006.
8. Сазонова К. Л. Ответственность государств и международных организаций за неправомерное применение силы в международном праве: теория и практика. — М.: ООО «НБ-Медиа», 2014.
9. Талалаев А. Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / Сост.: Талалаев А. Н. (Коммент.); Отв. ред.: Захарова Н. В. (Предисл.). — М.: Юрид. лит., 1997.
10. Тункин Г. И. Теория международного права. — М., 1970.
11. Kadelbach S. Jus Cogens, Obligations Erga Omnes and other Rules — The Identification of Fundamental Norms in Christian Tomuschat and Thouvenin (eds.) International Legal Order. — Leiden: Nijhoff, 2006.
12. Ragazzi M. The concept of International Obligations Erga Omnes. — Oxford: Clarendon Press, 1997.
13. Seiderman D. Ian. Hierarchy in International Law: The Human Rights Dimension. Intersentia-Hart. — Oxford, 2001.
14. Shaw M. International Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

54 Arangio-Ruiz Gaetano. Fourth Report of ILC. Yearbook of International Law. — Vol. II. — Part. 1. UN Doc, 1992. — P. 34.

55 Солнцев А. М., Ключа А. Ю. Вопросы развития института ответственности международных организаций // Вестник международных организаций. — М: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — 2013. — № 2. — С. 130–142.

56 Buergenthal T. The advisory practice of the InterAmerican Court of Human Rights. AJIL 79, 1985. — P. 25; Kühner R. Vorbehalte zu multilateralen völkerrechtlichen Verträgen. — Berlin et al. 1986. — ^ P. 138; Meron T. On a Hierarchy of International Human Rights // AJIL. — № 80. — 1986. — P. 17.

57 Annacker C. The legal regime of erga omnes obligations in international law. // Austrian JIL № 46. — 1994. — P. 13. Delbrück J. Laws in the Public Interest — Some observations on the foundations and identification of erga omnes norms in international law // Liber Amicorum Günther Jaenicke. — Berlin, 1998. — P. 17.

58 Prosecutor v. Anto Furundzija. Judgment of 10 December 1998. Case № IT-95-17/1. Trial Chamber II.

Дудин П. Н.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЯПОНСКИХ ГРАЖДАН И КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В МЭНЦЗЯНЕ

В статье анализируется правовое положение японских граждан, которые занимали посты в органах управления, занимались бизнесом или проживали на территории Мэнцзяна. Дается характеристика нормативно-правовой базы: законов и подзаконных актов, которые регулировали правовое положение государственных служащих с японской стороны, вопросы налогообложения, создания и деятельности предприятий и коммерческих организаций, осуществляющих снабжение японской армии и обеспечивающих японское военное присутствие в регионе.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, Мэнцзян, правовое положение, японские граждане, коммерческие предприятия.

Dudin P. N.

THE LEGAL STATUS OF JAPANESE CITIZENS AND BUSINESSES IN MENGJIANG

The article analyzes the legal status of Japanese citizens who held positions in government, were engaged in business or were residents in the territory of Mengjiang. The characteristic of the regulatory framework is given in the article: the laws and regulations that regulate the legal status of civil servants from the Japanese side, taxation, establishment and operation of enterprises and commercial organizations engaged in the supply of the Japanese army and providing the Japanese military presence in the region.

Keywords: Inner Mongolia, Mengjiang, legal status, Japanese citizens, businesses.

Дудин П. Н.

Под общим собирательным названием «Мэнцзян» понимают государствоподобное образование, созданное в 1930-х гг. на территории центральных аймаков Внутренней Монголии. Другое название (самоназвание) — Монгол-Го (Mongokuo или Mengkukuio) — Монгольское государство, государство монголов. Именно оно использовалось и в азиатской, и в западной прессе при описании процесса государственностроительства во Внутренней Монголии в 1930–1940-е гг.¹ Его создатели с монгольской стороны претендовали на лидерство в мире монголоязычных народов и на правопреемство от государственности Чингисхана². В свою очередь создатели с японской стороны рассматривали его, во-первых, как плацдарм для продвижения вглубь Китая и нападения на СССР, а во-вторых — в качестве ресурсной базы для обеспечения боеспособности Квантунской армии. В 1945 г. Мэнцзян прекращает свое существование с поражением японцев и вступлением войск СССР и МНР на территорию Внутренней Монголии.

Учитывая ключевую роль Японии в вопросе провозглашения независимости и дальнейшей судьбе Мэнцзяна, ее граждане пользовались особыми привилегиями и имели отличный от других правовой статус. Коммерческие предприятия и организации также могли рассчитывать на особенное отношение в связи с тем, что решали ключевую стратегическую задачу — экономически и финансово обеспечивали присутствие Японии на континенте. Японские привилегии имели давнюю историю. После завершения японо-китайской войны 1894–1895 гг. в апреле 1895 г. между враждующими сторонами был подписан Симоносекский договор, по которому Китай отказывался от Тайваня и Ляодунского полуострова, предоставлял японской стороне право на строительство промышленных предприятий на своей территории и ввоз промышленного оборудования. Последний пункт, в силу принципа наибольшего

благоприятствования, включенного в договоры Китая с другими державами, открывал широкие возможности для экономического проникновения иностранного капитала. И хотя Япония не сумела реализовать имеющиеся приобретения и была вынуждена отказаться от Ляодуна на тот момент, тем не менее, в июле 1896 г. между ней и империей Цин был заключен договор коммерческого судоходства, который обеспечил ее проникновение на континент. По условиям договора японские заводы и предприятия в Китае получили экстерриториальный статус, что исключало их из числа налогоплательщиков, в результате чего империя Цин понесла серьезный финансовый урон. Помимо этого, создавались специальные отряды милиции, которые были не подконтрольны китайским правоохранительным органам и имели свою юрисдикцию в отношении японских граждан, работающих на этих заводах и предприятиях. После Синьхайской революции ситуация изменилась, однако договорные отношения на официальном уровне никто пересматривать не торопился, чем и воспользовалась Япония после Мукденского инцидента 1931 г., когда перешла к поступательному захвату территорий Северо-Восточного Китая. На этих землях в 1932 г. было создано государство Маньчжоу-Го, а спустя 4 года — Монгол-Го, в результате чего ключевые промышленные районы Китая надолго перешли под контроль противника. Созданные государства активно поддерживали своего «патрона» и обеспечивали японскую военную машину всем необходимым: от продуктов питания и амуниции до полезных ископаемых и боеприпасов.

Для того чтобы продемонстрировать сближение с Японией, органы государственной власти Мэнцзяна стали внедрять японский стиль и наименования государственных учреждений. Значимость Японии и ее роль в создании нового государства подчеркивалась и в государственных символах. Утверждается новый флаг: синее полотнище, 4 горизонтальных полосы в левом верхнем углу, выше других — красная полоса, символизирующая японское присутствие и японский народ, затем — синяя, монгольский народ, желтая — народ хань, и белая — мусульманское население страны. В 1939 г. государственный флаг изменился, сохранив в себе основной набор цветов. Отныне по центру шла толстая красная полоса, символизирующая место и роль Японии в процессе государственностроительства, которую обрамляли сверху и снизу тонкие белые, с большим

1 New state // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. — 1933. — September 20. — P. 9; Work of Japanese? // The Straits Times. — 1933. — September 20. — P. 11; Crucial Mongolia // New York Times. — 1934. — May 13. — P. BR15; Second Manchoukuo... // New York Post. — 1936. — June 4. — P. 9; Japan Creates Of Mongokuo Puppet State // The Washington Post. — 1937. — March 17. — P. 1.

2 Дудин П. Н. Политическая история Мэнцзяна. — Улан-Удэ: Изд. Бурятского госуниверситета, 2014. — С. 8.

утолщением синие и желтые вертикальные полосы вдоль всего полотнища³.

Учитывая тесную связь с командованием Квантунской армии, которая позднее переросла в прямую зависимость, японцы, от крупных военачальников до рядовых граждан, всегда находились в Мэнцзяне на особом положении. В первую очередь это касалось группы представителей японской стороны, которые имели статус советников (консультантов) при органах государственной власти Монгольского государства. Советники имели собственную структуру в государственном аппарате и не подчинялись местным властям. Во главе корпуса советников находился руководитель, осуществлявший координацию действий своих подчиненных по соответствующим направлениям государственной политики: советника по военным вопросам, советника по вопросам финансов, советника по международным делам и советника по вопросам образования. В марте 1939 г. в Мэнцзяне открывается Представительство Японии, посредством которого и осуществляется координация монгольской государственной политики японской стороной. В ноябре 1942 г. оно преобразовывается, распространяя свои полномочия и на Синьцзян, вместе с тем расширяются его функции: Представительство фактически осуществляет полномочия посольства при правительстве Мэнцзяна, а глава Представительства состоит в ранге посла. Мэнцзян, претендуя на статус полноценного государства, сам обзавелся официальными представительствами в других государствах: в Китае (части Китая под управлением Ван Цзинвэя), Японии и Маньчжоу-Го. Несмотря на то, что монгольские государственные служащие на разных уровнях власти и в разных сферах государственной жизни отвечали каждый за собственные полномочия, они были объединены посредством сети советников, которые фактически стали сюзеренами или, как их называли на китайский манер, «Тайшан-хуан»⁴. Таким образом, вся система государственного управления находилась под полным контролем Японии.

Анализ действующего нормативного материала в области государственной службы говорит о том, что представители японской стороны пользовались гораздо большими благами и привилегиями, нежели граждане Мэнцзяна. Нормы Временных правил выплаты пособий и надбавок для лиц, работающих в отдаленной местности, определяли для гражданских служащих ниже 2 класса, в отличие от таких же служащих с японской стороны, меньшее денежное жалование, не всегда защищали их законом, не всегда позволяли им рассчитывать на качественное медицинское обслуживание и образование, а компенсации могли выплачиваться с задержкой. В соответствии с Правилами выплаты надбавок, если на надбавку претендуют гражданские служащие равного класса и чина, сначала выплате подлежит надбавка японскому гражданскому служащему⁵. Следовательно, не только высшее военное командование и японский дипломатический корпус, но и рядовые гражданские служащие — японцы пользовались определенными льготами и привилегиями.

Отдельного внимания заслуживает налоговая политика в Мэнцзяне по отношению к японским гражданам и организациям. С установлением власти японцев над большей частью Внутренней Монголии практика создания специальных отрядов милиции была возобновлена. Сельские отряды охраны правопорядка, которые назывались миньтуани, были призваны обеспечить безопасность японских граждан. На них же возлагалась и функция по сбору налогов с японцев. Их соз-

дание, реорганизация и упразднение проходили с участием японских правительственных структур, а весь процесс — под контролем лично министра иностранных дел Японии. Отряды миньтуаней создавались в Чжанцзякоу, Баотоу, Хух-Хото, Сюаньхуа, Хаююане, Чжанбэе, Пиндицюане, Сараци, Шосяне⁶ и других населенных пунктах. Таким образом, в разных уголках Мэнцзяна возникали экстерриториальные общины, которые пользовались особым статусом и привилегиями и нуждались в соответствующей защите, поскольку местное население было настроено против засилья японцев. К тому же, как было отмечено выше, и японские граждане, и японские предприятия были освобождены от уплаты налогов в монгольскую казну.

Однако Монгольская сторона была заинтересована в расширении финансовых поступлений и налогооблагаемой базы, в результате чего были предприняты меры по укреплению налоговой политики в отношении японских предприятий. Так, например, Управление железных дорог и ряд других стратегических предприятий были полностью освобождены от уплаты налогов. В связи с этим Монгольским правительством 7 апреля 1939 г.⁷ было принято решение о проведении оценки ситуации, по результатам которой были приняты ответные меры к расширению налогооблагаемой базы для японской стороны. В результате сложилась неоднозначная ситуация, когда подконтрольное Японии Монгольское государство начинает предпринимать самостоятельные шаги вопреки воле оккупационных сил.

По оценкам Генерального консульства Японии в Чжанцзякоу, на 26 февраля 1942 г. японские граждане, проживающие в Мэнцзяне, были вынуждены выплатить существенную сумму налогов на добычу, разведение сельскохозяйственных животных, убой скота, на товарооборот, табак, а также ряд местных налогов. По оценкам того же Генерального консульства, японские компании, работающие на монгольском рынке и ведущие добычу в разных отраслях промышленности, только налога на оборот продукции уплатили свыше 200 млн юаней, что составило 3% всех налоговых поступлений в государственный бюджет страны за исчисляемый период. В связи с этим Генеральное консульство выдвинуло требование о том, что, согласно принципу экстерриториальности, Монгольскому государству надлежит освободить японскую сторону от уплаты налогов. Завязался ожесточенный спор, в который было вынуждено вмешиваться Японское правительство, которое, к всеобщему удивлению, заняло позицию не собственного Генерального консульства, а Мэнцзяна, заявив, что ситуация диктует необходимость обеспечения устойчивости монгольской финансовой системы, в результате чего японцам надлежало платить указанные налоги в полном объеме⁸. Кроме того, с 1 марта 1942 г. для граждан Японии были введены новые налоги на продукты питания, а с 1 апреля того же года — налог на прибыль и подоходный налог от предпринимательской деятельности. И хотя сборы налоговых поступлений с японской стороны миньтуанями были увеличены в два, а в некоторых сферах — в три раза⁹, политика послаблений в отношении японской стороны продолжала вызывать недовольство среди монголов.

3 Дудин П. Н. Государственность Мэнцзяна: хронология становления // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — Вып. 7. — С. 110–115.

4 Дудин П. Н. Роль и место японских советников в системе органов государственной власти Мэнцзяна // Власть. — 2014. — № 7. — С. 104.

5 Дудин П. Н. Государственная гражданская служба в Мэнцзяне и ее правовое регулирование // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 4.

6 Фудао Ючэн (сост.). Ежегодник Мэнцзяна (японское издание) за 1943 г. Информационное агентство Мэнцзяна. — Чжанцзякоу, 1944. — С. 187. (福岛义澄编《蒙疆年鉴》1943年版,株式会社蒙疆新闻社,1944年,张家口:第187页).

7 Ежемесячный экономический журнал Мэнцзяна. — 1939. — Т. 1. — № 5, май // Налоговые исследования Банка Мэнцзяна. — Чжанцзякоу, 1939. С. 27. («重要日志》《蒙银经济月报》第1卷第5号,1939年5月,伪蒙疆银行调查课,张家口:第27页).

8 Ежемесячный экономический журнал Мэнцзяна. — 1941. — Т. 3. — № 7, июль // Налоговые исследования Банка Мэнцзяна. — Чжанцзякоу, 1941. — С. 20–21. («要录》《蒙银经济月报》第3卷第7号,1941年7月,伪蒙疆银行调查课,张家口:第20–21页).

9 Ежемесячный экономический журнал Мэнцзяна. — 1942. — Т. 4. — № 4, апрель // Налоговые исследования Банка Мэнцзяна. — Чжанц-

В силу сложившейся ситуации на Тихом океане Японское правительство было вынуждено предпринять ряд формальных действий в отношении нового Китайского правительства. Так, с приходом к власти в Китае правительства Ван Цзинвэя японская сторона предпринимает меры к осуществлению т. н. «нового курса» в отношении оккупированных китайских территорий. 9 января 1943 г. Япония выступила с заявлением об отказе от своих прав экстерриториальности в Китае и о передаче китайскому правительству японских концессий. Спустя 2 дня, 11 января, правительство Ван Цзинвэя объявило войну США и Великобритании. 9 февраля 1943 г. состоялась церемония передачи под контроль китайских властей свыше 1 тысячи объектов «вражеской собственности», захваченных японскими властями со времени начала войны на Тихом океане. 27 марта Япония отказалась от административных прав в международном селтльменте в Амое. В январе и июле в Шанхае в торжественной обстановке прошла церемония возвращения китайским владельцам в общей сложности 18 фабрик, конфискованных японскими военными властями.

3 июля того же года, после заседания специальной Комиссии при новом режиме, были отменены все налоговые нормы, касающиеся принципа экстерриториальности японских учреждений, 30 июля между министром иностранных дел Китая и послом Японии в Нанкине был подписан комплект документов, среди которых были Договор о налогообложении японских подданных в Китае, Дополнительное соглашение к нему и Перечень разъяснений к этим документам, а 30 октября состоялось подписание Союзного договора с Китаем, по которому Япония торжественно обязалась рассматривать Китай в качестве суверенной республики. Мэнцзян же входил в состав этой республики на правах автономии.

И хотя, согласно заключенным договоренностям, с 1 августа все объекты, находившиеся в японской собственности, попадали под китайское налогообложение, подписанные документы имели ряд оговорок и ограничений, что в значительной степени искажало ту ситуацию, на которую рассчитывала китайская сторона и которую имитировала сторона японская.

Для Мэнцзяна ситуация осложнялась еще и тем, что Монгольское государство признавалось частью Китая, в рамках которого новое правительство Ван Цзинвэя пыталось создать единое правовое и экономическое (в том числе налоговое) пространство. Полунезависимый статус и высокая степень автономии позволяли некоторое время сохранять признаки самостоятельности в этом вопросе, однако требовали уточнения, что и было сделано 10 сентября 1943 г. японским представителем в Чжанцзякоу Ивасаки, который информировал китайскую сторону о том, что японские граждане обязаны исполнять монгольское налоговое законодательство. Таким образом, подтверждалась самостоятельная политика Мэнцзяна в вопросе налогообложения. С 1 октября 1943 г. японские граждане и организации облагались следующими видами налога: подоходный налог, промысловый налог (налог с оборота), 11 видов местного налога, поземельный налог. К единым (общегосударственным) налогам относились: налог на алкогольную и табачную продукцию, гербовый сбор, налог на горнодобывающую деятельность, транзитный налог, налог на производство, на домашний скот, на убой скота, налог на товары, государственная пошлина при заключении купчей, земельный налог. К местным налогам, которые обязаны были платить японские граждане, относились налог на заключение договора, подоходный налог, налог на продукты питания для путешествующих иностранцев, налог на убой скота и ряд других¹⁰. Столь

резкая смена государственной политики была продиктована не заботой о равноправии граждан, а экономическими соображениями: для Японии театр военных действий складывался неудачно и она остро нуждалась в финансах, в связи с чем, откуда поступали налоги, существенного значения уже не имело.

Одна из ключевых привилегий, которые были предоставлены японской стороне, касалась организаций и учреждений, участвующих в реализации экономической политики в Мэнцзяне. В декабре 1938 г. Кабинет министров Японии во главе с Фумимаро Коноэ в целях усиления контроля над захваченными в Китае территориями основал подчиняющийся непосредственно Кабинету министров Японии Совет по развитию Восточной Азии, который был призван проводить в колониях свою политику. Председателем Совета стал непосредственно премьер-министр. 11 марта 1939 г. в городе Чжанцзякоу был основан Мэнцзянский Комитет Совета по развитию Восточной Азии. Он явился политическим органом, определявшим политику экономической экспансии на территории центральной части Внутренней Монголии. В составе Мэнцзянского Комитета находился Экономический отдел, который в сентябре 1940 г. был реорганизован в Управление экономики. Управление включало в себя 3 отдела: первый отдел занимался управлением финансов, валютой и контролем над организациями, осуществлением хозяйственной деятельности; второй отдел был ответственен за развитие горнорудной промышленности, земледелия и лесоводства, животноводства, а также за проведение коммерческих сделок в данных сферах; третий отдел занимался транспортом и коммуникациями, почтой и т. д. Кроме того, в Баотоу, Хоухэ, Датуне, хошуне Абга, сомоне Сисуннид, Байлинмяо и других были созданы филиалы Мэнцзянского Комитета.

Шерсть была одним из главных богатств региона. До инцидента на мосту Марко Поло в центральной части Внутренней Монголии торговлей занимались торговцы, которые непосредственно ездили по районам овцеводства и закупали шерсть, затем через магазины, лавки и склады шерсть консолидировалась в городах Баотоу, Гуйсуй, Датун, Чжанцзякоу, Долунь, Бэйцзымяо и поступала на рынок. После инцидента на мосту Марко Поло монгольская шерсть попала под японский контроль. Чтобы удовлетворить потребность военной промышленности в шерсти через местные власти, Япония ввела режим централизованного ее распределения (закупки, сбора и распределения). Еще в 1936 г. Япония направляла воинские формирования для осуществления закупки шерсти. А после начала войны в 1937 г. перешла к непосредственному контролю этого процесса, в том числе посредством Квантунской армии. В города Датун, Баотоу, Чжанцзякоу, Долунь, Бэйцзымяо и другие были направлены специальные представители, занимавшиеся закупкой шерсти, в остальные районы представители направлялись во время ее сезонной продажи.

После вторжения Японии большая часть шерсти, закупленной военными, через Тяньцзинь и Осаку попадала на переработку на подведомственные фабрики министерства обороны в Токио.

В январе 1938 г. в Чжанцзякоу Японией была создана Ассоциация продавцов овечьей шерсти, в которую вошли текстильная компания «Канэка», магазин компании «Канэмацу», компания «Дайкура», «Японская шерстяная компания», «Маньчжурско-монгольская шерстяная компания», «Маньчжурская компания по продаже продукции животноводства», компания «Мицуи» и компания «Мицубиси», всего 8 компаний с японским уставным капиталом. В городе Баотоу был открыт филиал Ассоциации, а в городах Хоухэ и Датун — представительства, также было организовано сотрудничество с компаниями из Пекина, Тяньцзиня и Осаки. Данная организация, находясь под контролем правительства Мэнцзяна и получая поддержку государственных органов, стала главной организацией, которая занималась ведением хозяйственной деятельности в сфере закупки шерсти. Поэтому японские компании, входившие

зякоу, 1942. — С. 26–27. («要录» 《蒙银经济月报》 第4卷第4号, 1942年4月, 伪蒙疆银行调查课, 张家口: 第26–27页).

10 Анализ налогооблагаемых сфер деятельности в отношении соотечественников // Монголия. — 1943. — декаб. / Союз дружественных организаций. — Токио, декабрь 1943. — С. 104–105. («邦人课税范围决定» 《蒙古》 第1943年12月号, 财团法人善邻协会, 东京: 第104–105页).

в данную Ассоциацию, немедленно начали заниматься скупкой шерсти в Баотоу, Датуне, Чжанцзякоу, Хоухэ и других городах. 26 декабря 1938 г. Ассоциация продавцов овечьей шерсти была упразднена, а закупкой шерсти снова занялись военные. Из-за того, что Япония, используя местное правительство, получала монопольный контроль над всеми звеньями производства и продажи шерсти, китайским торговцам запрещалось заниматься бизнесом в этой сфере. В результате данных мер, китайские торговцы быстро обанкротились.

В январе 1938 г. в Хух-Хото «Маньчжурско-монгольская шерстяная компания» построила «Мэнцзянскую фабрику по переработке шерсти», после этого часть шерсти стала поступать на эту фабрику для переработки и производства ткани, необходимой для военной промышленности. Позже в городе Хоухэ компанией «Дайкура» была построена фабрика по пошиву обмундирования, а также создан филиал компании «Нака», в городе Чжанцзякоу была создана шерстопрядильная фабрика и фабрика по изготовлению изделий из шерсти.

В целях последовательного усиления контроля над продажей шерсти и предотвращения сделок с торговцами из других регионов, в апреле 1940 г. правительство Мэнцзяна создало пункты скупки продукции животноводства при отделе по развитию животноводства аймаков Чахар и Шилин-Гол. 28 декабря 1940 г. были опубликованы «Тезисы Хаолисия (потребительских кооперативов)», которые, фактически являясь сводом корпоративных норм, определили порядок создания и деятельности этой группы организаций. Начиная с весны 1941 г. в каждом хошуне создавались филиалы «Хаолисия» с обязательным участием всего населения, которые специализировались на продаже, покупке и распределении продукции животноводства в монгольских хошунах. Поэтому во всех хошунах всех пяти аймаков были созданы потребительские кооперативы, в некоторых хошунах также создавались филиалы других кооперативов, а в городе Чжанцзякоу находилась штаб-квартира кооператива. Весь кооператив «Хаолисия» контролировался Советом по развитию Восточной Азии и правительством Мэнцзяна.

В сфере переработки шерсти были приняты некоторые дополнительные меры. Прежде всего, были разделены подконтрольные сферы деятельности японских компаний, занимавшихся переработкой шерсти и изготовлением изделий из них: «Маньчжурско-монгольская шерстяная компания» занималась производством войлока, а также головных уборов и обуви из войлока, компания «Тае» совместно с «Маньчжурско-монгольской шерстяной компанией» занималась производством плюша, компания «Нака» совместно с «Маньчжурско-монгольской шерстяной компанией» занималась производством изделий из плюша.

20 октября 1941 г. был утвержден Пятилетний план увеличения поголовья домашнего скота, в котором более подробно описывались меры по увеличению производства шерсти. При совместном финансировании Автономного правительства Объединенных монгольских аймаков и Восточно-азиатской ассоциации овцеводов в городе Чжанцзякоу было создано юридическое лицо — Ассоциация овцеводов Монголии, а на местах были созданы племенные станции разведения овец. Проводилась селекция путем завоза из Японии курдючной овцы либо отбора местных пород с наиболее высокой производительностью шерсти, кроме того, был предпринят целый ряд мер вспомогательного характера.

Для того чтобы обеспечить более четкую и системную работу организаций, осуществляющих закупки продукции животноводства, в феврале 1941 г. в Чжанцзякоу была создана Центральная биржа по продаже скота. Был принят Пятилетний план развития Биржи по продаже скота на 1942–1946 г., согласно которому в сферу деятельности Биржи были включены аймаки Шилин-Гол и Чахар, а в аймаках Баян-Тал, Улан-Цаб и Ихжу созданы центральный офисы и их подразделения. Для повышения эффективности закупок Япония объединила

закупку сельхозпродукции и распределение товаров повседневного потребления в единую систему. В монгольских хошунах весь поток товаров повседневного потребления проходил через Биржу по продаже скота, в том числе не только товары, продаваемые непосредственно жителям хошунов. Все торговые компании, продавцы и посредники также подчинялись Бирже, которая проводила жесткий контроль их деятельности, не допуская сделок со сторонними организациями и лицами, а также гарантируя то, что производители шерсти будут продавать ее только разрешенным торговым организациям. Сотрудники Биржи через потребительские кооперативы «Хаолисия», находившиеся в каждом хошуне, вели продажу необходимой продукции, закупали скот и шерсть и передавали их.

Биржа по продаже скота и потребительские кооперативы «Хаолисия» позволили Японии монополизировать рынок шерсти в данном регионе и предоставили массу других выгодных условий. Например, Япония заставила правительство Мэнцзяна подписать экономическое соглашение, согласно которому местные власти обязались через Биржу по продаже скота и потребительские кооперативы «Хаолисия» заключить с князем каждого хошуна контракт, который позволял закупать сельхозпродукцию по заниженным ценам либо заниматься неэквивалентным обменом; это, в свою очередь, позволило японским властям повсеместно скупать шерсть¹¹.

7 марта 1940 г. Объединенное автономное правительство Мэнцзяна опубликовало Положение «Об организациях, уполномоченных заниматься экспортом зерна». В данном документе определялось, что заниматься экспортом зерна за пределы Мэнцзяна имеют право следующие организации: Зерновое объединение Чанани, Ассоциация зерновых складов Хоухэ, Промышленное продовольственное объединение уездов аймака Баян-Тала, Продовольственная акционерная компания «Мицубиси», Торговая акционерная компания «Мицубиси», торговая компания «Сейка», торговая компания «Эйва», компания «Дайкура», компания «Мокае» («Мэнцзян»), торговая компания «Канемацу» и торговая компания «Тайко»¹², которые были назначены правительством официальными экспортными хлеба¹³.

10 ноября 1941 г. Министерство экономики опубликовало Распоряжение № 23 «Об организациях, уполномоченных осуществлять экспорт зерна», согласно которым заниматься экспортом зерна могли только 4 организации — Ассоциация зерновых уездных складов, Продовольственная ассоциация Чанани, Продовольственная ассоциация Цзиньбэя и Продовольственная ассоциация уездов аймака Баян-Тала.

В 1941 г. Министерство экономики издало Распоряжение № 1 «О системе контроля лиц, осуществляющих импорт товаров». В данном распоряжении говорилось, что Министерство экономики, в целях осуществления контроля над ввозом материальных ресурсов, устанавливает круг организаций, уполномоченных осуществлять ввоз товаров. Организации утверждаются на уровне местных администраций и администраций

11 Управление делами Объединенного Монгольского автономного правительства. Сборник «Обзор монгольских нормативных актов» (японское издание), том 1, раздел «Индустрия», подраздел «Организационная структура». Акционерное общество «Маньчжурское управление научными организациями», 1940. (蒙古聯合自治政府總務部. 編纂《蒙古法令輯覽》(日文)第1卷, 产业篇, 官制篇, 株式会社滿洲行政学会, 1940年).

12 Линму Цингань (сост.) Ежегодник Мэнцзяна (издание 16 года Сева) / Информационное агентство Мэнцзяна. — Чжанцзякоу, 1940. С.101,102. (鈴木清干. 蒙疆年鑑(昭和16年版). 张家口:蒙疆新聞社, 1940. 第101,102頁).

13 Фудзо Ючэн (сост.) Ежегодник Мэнцзяна (японское издание), Информационное агентство Мэнцзяна. — Чжанцзякоу 1941. С. 96,100,101,142. (福島澄編《蒙疆年鑑》(日文版), 蒙疆新聞社, 1941年版, 第96,100,101,142頁).

аймаков. Организации, которые не подходят под категории данного закона, не имеют права заниматься ввозом товаров.

Организации имели следующие обязанности:

- 1) осуществление сотрудниками организаций всех необходимых документальных формальностей, необходимых при ввозе товаров;
- 2) осуществление сотрудниками организаций импорта товаров;
- 3) осуществление общих мер сотрудниками организаций;
- 4) осуществление иных обязанностей, связанных с предыдущими пунктами.

В начале 1942 г. правительство Мэнцзяна утвердило Основные направления продовольственной политики на 1942 г. Были установлены показатели заготовки продовольствия. Основная нагрузка по выполнению задач заготовки была возложена на провинции Сюаньхуа Датун, аймак Баян-Тал и Чахарский аймак. Ко всем заготовщикам и перекупщикам в равной мере применялась система разрешения. «Мицубиси», «Мицуи», «Дайкура», «Канэмацу», «Сейка» были назначены правительством официальными заготовщиками. К тому же местные склады закупали у крестьян продовольствие, затем вносили налоги назначенным японским компаниям. Управление товарами происходило через японские компании посредством предотвращения утечки продовольственных ресурсов, а также через контроль за ресурсами, что гарантировало монопольное положение японских коммерческих предприятий в сфере экспорта продовольствия.

Для того чтобы контролировать легкую промышленность, 23 июня 1943 г. правительство Автономной Монгольской федерации опубликовало Общие положения по контролю над легкой промышленностью. В соответствии с этим распоряжением в указанных правительством отраслях в течение 3 месяцев со дня опубликования Положений, учредители организаций должны были совместно подписать устав и хозяйственный план, а также передать его на утверждение глав провинций, аймаков и городов с особым статусом в следующих отраслях:

- 1) индустрия по выделке кож;
- 2) индустрия по производству кожаных изделий;
- 3) индустрия по производству товаров из шерсти;
- 4) индустрия по переработке костей, копыт и рогов животных;
- 5) индустрия по производству мыла и свечей.

Организации, работающие в указанных отраслях, создавались на уровне провинций, аймаков и городов с особым статусом, а лица, занимающиеся хозяйственной деятельностью в указанных отраслях, должны были стать участниками данных организаций. При создании организаций, в целях контроля, они должны были лицензироваться Министерством экономики.

Участники организаций должны были производить все операции через указанные организации, а все наименования покупаемых и продаваемых товаров, их количество и стоимость также должны утверждаться Министерством экономики. Однако закупка шерсти, шкур и животных жиров должна была осуществляться только через ответственные организации, утвержденные правительством, покупка не могла осуществляться напрямую¹⁴. Эти меры позволили усилить контроль легкой промышленности и привели к тенденции по объединению предприятий.

Таким образом, в течение 3 лет японская сторона поставила под полный контроль все ключевые экономические сферы Мэнцзяна. Сделано это было посредством создания компаний

и предприятий, учредителем и владельцем которых были либо японские правительственные структуры, либо крупный японский бизнес. Этим организациям был предоставлен льготный режим налогообложения и монопольный статус для осуществления деятельности в выбранной ими отрасли экономики. Принятые законы, декреты и директивы обеспечивали правовую сторону их существования. Руководили предприятиями, как правило, граждане Японии — представляющие крупные промышленные и производственные структуры. Равно как и японские предприятия, они имели льготный правовой режим (т.н. режим наибольшего благоприятствования), что в значительной степени стимулировало рост притока японцев на континент и занятие ими китайских территорий.

Поскольку военные действия требовали существенных финансовых вливаний, Япония постепенно отходит от выбранного курса в отношении собственных граждан и предприятий. Этому способствует ситуация на Тихом океане в 1943 г., когда Япония теряет военное преимущество и вынуждена принимать меры по укреплению собственной обороноспособности. Решение об обложении японцев налогом в полном объеме было продиктовано не стремлением к справедливости, а необходимостью изыскивать дополнительные источники дохода для поддержания боеспособности армии, которая начинает проигрывать противнику как на море, так и на континенте. К этому времени собственные ресурсы Мэнцзяна и его населения были на исходе, и у японцев не было другого выхода, кроме как обеспечить финансовые поступления за счет собственных граждан и организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Анализ налогооблагаемых сфер деятельности в отношении соотечественников // Монголия. 1943. декаб. / Союз дружественных организаций. — Токио, декабрь 1943. («邦人課税範囲決定」《蒙古》第1943年12月号, 財団法人善邻协会).
2. Дудин П. Н. Государственная гражданская служба в Мэнцзяне и ее правовое регулирование // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 4.
3. Дудин П. Н. Государственность Мэнцзяна: хронология становления // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — Вып. 7.
4. Дудин П. Н. Политическая история Мэнцзяна. — Улан-Удэ: Изд. Бурятского госуниверситета, 2014.
5. Дудин П. Н. Роль и место японских советников в системе органов государственной власти Мэнцзяна // Власть. — 2014. — № 7.
6. Ежемесячный экономический журнал Мэнцзяна: каталог. — 1942. — Т. 4. — № 4, апрель // Налоговые исследования Банка Мэнцзяна. — Чжанцзякоу, 1942. («要录」《蒙银经济月报》第4卷第4号, 1942年4月, 伪蒙疆银行调查课, 张家口).
7. Ежемесячный экономический журнал Мэнцзяна: каталог. — 1939. — Т. 1. — № 5, май // Налоговые исследования Банка Мэнцзяна. — Чжанцзякоу, 1939. («重要日志」《蒙银经济月报》第1卷第5号, 1939年5月, 伪蒙疆银行调查课, 张家口).
8. Ежемесячный экономический журнал Мэнцзяна: каталог. — 1941. — Т. 3. — № 7, июль // Налоговые исследования Банка Мэнцзяна. — Чжанцзякоу, 1941. («要录」《蒙银经济月报》第3卷第7号, 1941年7月, 伪蒙疆银行调查课, 张家口).
9. Линму Цингань (сост.) Ежегодник Мэнцзяна (издание 16 года Сева) / Информационное агентство Мэнцзяна. — Чжанцзякоу, 1940. (铃木清干. 蒙疆年鉴(昭和16年版). 张家口: 蒙疆新闻社, 1940).

14 Фуао Ючэн (сост.) Ежегодник Мэнцзяна (издание 19 года Сева), Информационное агентство Мэнцзяна. — Чжанцзякоу 1943. (福岛义澄. 蒙疆年鉴(昭和十九年版). 张家口, 蒙疆新闻社, 1943.)

Шония А. О.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

В статье раскрываются особенности международного правового регулирования отношений банков-корреспондентов. Особое внимание уделяется положениям соглашений, заключаемых на региональном и локальном уровнях, а также актам международных организаций.

Ключевые слова: трансграничные корреспондентские отношения, межбанковские расчеты, международные финансовые санкции.

Shoniya A. O.

INTERNATIONAL REGULATION OF CROSS-BORDER CORRESPONDENT RELATIONS OF COMMERCIAL BANKS

The article reveals the peculiarities of international regulation of correspondent banks' relations. Special attention is paid to provisions of regional and local agreements and regulations of international organizations.

Keywords: cross-border correspondent relations, interbank payments, international financial sanctions.

Шония А. О.

Развитие межгосударственной унификации в области регулирования банковских обязательств включает этап «подъема универсализма»¹, который представлен унифицирующими актами, разработанными ЮНСИТРАЛ (в частности, Конвенция ООН о международных переводных векселях и международных простых векселях 1988 г., Конвенция ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах 1995 г.) и УНИДРУА (Конвенция о международном финансовом лизинге 1988 г., Конвенция о международном факторинге 1988 г.). Однако регулированию трансграничных корреспондентских отношений не свойственен универсализм, как представляется, ввиду строго подчинения режима корреспондентского счета национальному правопорядку или правопорядку, установленному в рамках валютных союзов (например, Еврозона).

Тем не менее международное правовое регулирование трансграничных корреспондентских отношений, устанавливаемых российскими уполномоченными банками, представлено на региональном (Соглашение стран СНГ «О создании Платежного союза государств — участников Содружества Независимых Государств»² (далее — Соглашение)), и локальном (двусторонние договоры об организации расчетов по внешнеэкономическим связям) уровнях.

Соглашение предусматривает возможность осуществлять международные расчеты как через корреспондентские счета центральных (национальных) (в случае возникновения обязательств между договаривающимися государствами), так и посредством уполномоченных коммерческих и иных банков (в случае возникновения обязательств между хозяйствующими субъектами договаривающихся государств). Ряд положений Соглашения относится к валютному регулированию: обязанность придерживаться режима единого валютного курса для всех видов внешнеэкономических операций; осуществление согласованных мер по поддержанию стабильности валютных курсов национальных валют; обеспечение либерализации режима обмена на национальную валюту других государств СНГ остатков средств на счетах нерезидентов в национальной валюте. Указанные нормы носят организационный характер,

поскольку напрямую не устанавливают права и обязанности договаривающихся сторон и их хозяйствующих субъектов.

В рамках международного частного права особый интерес вызывают положения Соглашения, которые рационально отнести к международным материальным нормам. Так, ст. 2 Соглашения предусмотрены требования к субъектному составу корреспондентских отношений: только уполномоченные коммерческие банки (таковыми в соответствии со ст. 3 Соглашения признаются банки, уполномоченные центральными (национальными) банками на осуществление операций в иностранной валюте) вправе осуществлять расчеты по внешнеэкономическим операциям, предоставлять кредиты банкам-корреспондентам и иным нерезидентам-участникам внешнеэкономических операций. Отдельно необходимо отметить, что Соглашением предусмотрено разграничение ответственности участников платежной системы: центральные (национальные) банки не несут ответственность по урегулированию возникающих обязательств коммерческих банков участвующих в Соглашении государств.

Ряд норм Соглашения представляется возможным квалифицировать в качестве международных коллизионных норм. Объем их достаточно широк: 1) порядок размещения денежных средств участником платежной системы в национальной валюте другой страны на ее внутреннем денежном рынке; 2) допуск нерезидентов на внутренний рынок какой-либо страны СНГ (в том числе при установлении корреспондентских отношений). Привязка указанных норм отсылает к праву страны, принимающей нерезидентов на внутренний рынок, т.е. национальному правопорядку. Указанное позволяет сделать вывод о преобладающем значении односторонних коллизионных норм в международном коллизионно-правовом регулировании трансграничных корреспондентских отношений. Их использование обусловлено тем, что указанные вопросы частично обладают публично-правовой природой.

Участниками Соглашения являются лишь некоторые страны СНГ: для Азербайджана, Туркменистана и Украины Соглашение так и не вступило в силу³. Соответственно, банки указанных государств, равно как и банки иных государств, при установлении корреспондентских отношений с российскими уполномоченными банками должны руководствоваться двусто-

1 Отдельные виды обязательств в международном частном праве // Н. Г. Доронина, В. А. Егиазаров, В. П. Звекон и др.; под ред. В. П. Звекон. — М.: Статут, 2008.

2 Соглашение стран СНГ «О создании Платежного союза государств-участников Содружества Независимых Государств» от 21.10.1994 // Бюллетень международных договоров. — 1997. — № 12.

3 Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/summary?doc=367> (дата обращения: 01.04.2015).

ронными договорами, заключенными центральными банками сторон (при наличии таковых).

Так, Соглашение между Банком России и Национальным банком Украины от 9 мая 1998 г. «О межбанковских расчетах и сотрудничестве банковских систем»⁴ регламентирует содержание договора об установлении корреспондентских отношений. В соответствии со ст. 4 договором корреспондентского счета «устанавливаются технический порядок и условия осуществления платежей и расчетов, в том числе и по поручениям клиентов». Дополнительно предусмотрена возможность открытия счетов уполномоченными банками (определение уполномоченных банков совпадает с закрепленным в Соглашении) как в одностороннем, так и в двустороннем порядке, а также совершение неограниченного перечня операций, в том числе в валютах третьих стран.

Аналогичные положения предусмотрены в Соглашении между Банком России и Центральным банком Монголии от 1 июля 2003 г. «Об организации расчетов по внешнеэкономическим связям»⁵: определение платежей и расчетов также предусматривает их осуществление «в валютах третьих стран с учетом норм законодательства, действующих на территории каждого государства»; приведены уточнения относительно форм корреспондентских отношений (уполномоченные банки открывают друг у друга или в одностороннем порядке счета) и содержания договора корреспондентского счета (технический порядок и условия осуществления расчетов).

Представляется необходимым упомянуть Соглашение между Центральным банком Российской Федерации и Народным Банком Китая о расчетах и платежах от 23 июня 2011 г.⁶, существенно изменившее порядок взаимодействия банков-корреспондентов, зарегистрированных в указанных государствах. Ранее действовавшее Соглашение о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах от 22 августа 2002 г.⁷ предоставляло право открывать корреспондентские счета и осуществлять расчеты в рублях и юанях только российским и китайским банкам, зарегистрированным/расположенным в определенных приграничных территориях. При этом расчеты в свободно конвертируемых валютах между банками государств осуществлялись без ограничений. В настоящий момент уполномоченные российские и китайские банки вправе открывать корреспондентские счета в национальных валютах договаривающихся стран, осуществлять расчеты с использованием принятых в международной практике форм расчетов и другие операции (в соответствии с национальным законодательством (ст. 3 Соглашения от 23 июня 2011 г.). Договор корреспондентского счета при этом должен регламентировать порядок осуществления расчетов и платежей (в частности, купли-продажи валют, взаимного кредитования в рублях и юанях) в соответствии с законодательством Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Особняком в международном правовом регулировании трансграничных корреспондентских отношений стоят акты

- 4 Соглашение между Банком России и Национальным банком Украины от 09.05.1998 года «О межбанковских расчетах и сотрудничестве банковских систем» // Вестник Банка России. — 1998. — 21 мая. — № 34.
- 5 Соглашение между Банком России и Центральным банком Монголии от 01.07.2003 года «Об организации расчетов по внешнеэкономическим связям» // Вестник Банка России. — 2003. — 18 августа. — № 46.
- 6 Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cbr.ru/today/ms/fo/Agreement_China.pdf (дата обращения: 01.04.2015).
- 7 Соглашение между Центральным банком Российской Федерации и Народным банком Китая о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах (заключено в г. Шанхае 22.08.2002). Документ опубликован не был. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».

международных организаций. Роль Резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в регулировании рассматриваемых отношений заключается в точечном ограничении банковской деятельности и корректировке правового статуса субъектов корреспондентских отношений. Так, в силу ст. 41 Устава ООН⁸ Совет Безопасности вправе определять меры, которые могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, и требовать от членов ООН их применения. В рамках данных полномочий были введены международные финансовые санкции в отношении ряда государств, в частности:

1) Корейская Народно-Демократическая Республика Резолюцией № 2094 Совета Безопасности ООН от 7 марта 2013 г.⁹ подвергнута санкциям в форме запрета финансовым учреждениям, находящимся на территории Российской Федерации или под ее юрисдикцией, открывать банковские счета в КНДР, если у России имеется информация, дающая разумные основания полагать, что это может способствовать осуществлению ядерной программы КНДР¹⁰;

2) в отношении Исламской Республики Иран (Резолюция № 1929 Совета Безопасности ООН от 9 июня 2010 года¹¹) санкции выражены в запрете установления и поддержания корреспондентских отношений с банками Ирана, чтобы не допускать предоставления финансовых услуг, если у России имеется информация, дающая основания полагать, что такие действия могут способствовать чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана¹².

Поскольку в силу п. 3 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. «О специальных экономических мерах»¹³ при принятии Президентом Российской Федерации решения о применении санкций уполномоченные банки обязаны реализовывать специальные экономические меры, все счета ЛОРО¹⁴ банков-корреспондентов были закрыты. Кроме того, были предприняты меры для предупреждения открытия счетов как банкам государств, в отношении которых введены санкции, так и в банках таких государств. Введение санкций международными организациями прямым образом отражается на возможности российских уполномоченных банков заключать договоры корреспондентского счета и осуществлять расчеты по ним.

- 8 Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. XII. — М., 1956. — С 14–47.
- 9 Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/253/08/PDF/N1325308.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.04.2015).
- 10 Указ Президента Российской Федерации от 02.12.2013 г. № 871 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2094 от 7 марта 2013 г.» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — 09 декабря. — № 49 (часть VII). — Ст. 6395.
- 11 Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929\(2010\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929(2010)) (дата обращения: 01.04.2015).
- 12 Указ Президента Российской Федерации от 22.09.2010 г. № 1154 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — 27 сентября. — № 39. — Ст. 4930.
- 13 Федеральный закон от 30.12.2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» // Российская газета. — 2007. — 10 января. — № 1.
- 14 В соответствии с Положением о правилах ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации, утвержденным Банком России 16 июля 2012 г. № 385-П (ред. от 19.08.2014), корреспондентский счет, открываемый в банке-корреспонденте банку-респонденту, является счетом «ЛОРО».

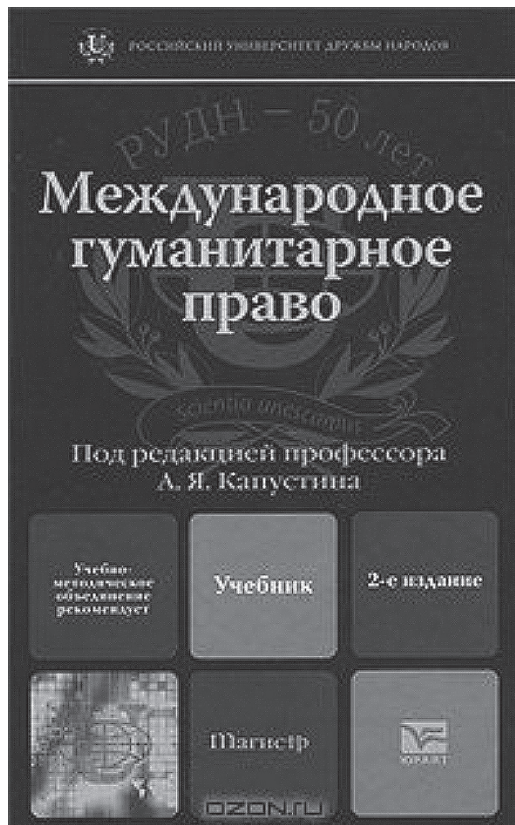
Анализ приведенных соглашений позволяет сделать вывод о «регионализме» в правовом регулировании трансграничных корреспондентских отношений и о стойкой тенденции подчинения режима корреспондентского счета национальному правопорядку. Отдельно необходимо отметить корректирующую роль актов международных организаций о введении санкций в регулировании рассматриваемых отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Отдельные виды обязательств в международном частном праве // Н. Г. Доронина, В. А. Егиазаров, В. П. Звекков и др.; под ред. В. П. Звекова. — М.: Статут, 2008.
2. Положение о правилах ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации (утв. Банком России 16.07.2012 № 385-П) (ред. от 22.12.2014) // Вестник Банка России. — 2012. — 25 сентября. — № 56–57.
3. Соглашение между Банком России и Национальным банком Украины от 09.05.1998 года «О межбанковских расчетах и сотрудничестве банковских систем» // Вестник Банка России. 1998. — 21 мая. — № 34.
4. Соглашение между Банком России и Центральным банком Монголии от 01.07.2003 года «Об организации расчетов по внешнеэкономическим связям» // Вестник Банка России. — 2003. — 18 августа. — № 46.
5. Соглашение между Центральным банком Российской Федерации и Народным банком Китая о межбанков-

ских расчетах в торговле в приграничных районах (заключено в г. Шанхае 22.08.2002). Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

6. Соглашение стран СНГ «О создании Платежного союза государств-участников Содружества Независимых Государств» от 21.10.1994 // Бюллетень международных договоров. — 1997. — № 12.
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.12.2013 г. № 871 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2094 от 7 марта 2013 г.» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — 09 декабря. — № 49 (часть VII). — Ст. 6395.
8. Указ Президента Российской Федерации от 22.09.2010 г. № 1154 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — 27 сентября. — № 39. — Ст. 4930.
9. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. XII. — М., 1956.
10. Федеральный закон от 30.12.2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» // Российская газета. — 2007. — № 1. — 10 января.

Солнцев А. М.

ДЕФЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Международное экологическое право, которое призвано содействовать сохранению и защите окружающей среды, не всегда в состоянии эффективно выполнять свою функцию и вносить вклад в поддержание устойчивого развития. Падение эффективности регулятивных возможностей правового воздействия связано с дефектностью образующих его компонентов. Сегодня создано огромное количество международных экологических соглашений, которые охватывают широкий круг вопросов охраны окружающей среды, включая регулирование опасных и химических веществ, предотвращение загрязнений и борьбу с ними, опустынивание, рациональное использование и сохранение природных ресурсов, биоразнообразие, сохранение дикой живой природы, а также защиту экологических прав человека. Здесь, на наш взгляд, и возникает существенный дефект в регулировании — чрезмерный нормативно-правовой массив, отсутствие вертикальной связи между нормами различных соглашений и слабая горизонтальная связь между ними. В силу юридической природы международного права вертикальную связь в данном случае не получается наладить, поскольку все соглашения юридически равны между собой. О методах усиления горизонтальных связей между международными экологическими соглашениями как средстве борьбы с дефектами международного экологического права мы и хотели бы поговорить в настоящей статье.

Ключевые слова: международное экологическое право, соблюдение международных договоров, синергия международных экологических соглашений, процедура несоблюдения.

Солнцев А. М.

Solntsev A. M.

DEFECTS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE ENVIRONMENTAL PROTECTION: SOME WAYS TO OVERCOME

International environmental law, which is intended to promote the conservation and protection of the environment, is not always able to effectively perform its function. Decrease in the efficiency of regulatory capabilities of legal influence is associated with the imperfection of its constituent components. Today a huge number of international environmental agreements is produced, which cover a wide range of environmental issues, including the management of hazardous and chemical substances, pollution prevention and combating, desertification, management and conservation of natural resources, biodiversity, wildlife conservation and protection of environmental human rights. There is a significant defect in the regulation — excessive regulatory body, the absence of vertical relationship between the provisions of the various agreements and weak horizontal relationship between them. Due to the legal nature of international law, it is impossible to establish a vertical relationship in this case, since all the agreements are legally equal. We would like to talk in this article about ways to strengthen horizontal relationship between international environmental agreements as a means of combating defects in international environmental law.

Keywords: international environmental law, compliance with international agreements, the synergy of international environmental agreements, non-compliance procedure.

Сегодня с сожалением приходится констатировать, что окружающая среда находится в стабильно деградирующем состоянии. Причин тому множество. Международное экологическое право, которое призвано содействовать сохранению и защите окружающей среды, не всегда в состоянии эффективно выполнять свою функцию и вносить вклад в поддержание устойчивого развития. Как отмечает Н. И. Хлуденева, «практика правового регулирования охраны окружающей среды, потенциал экологического права в обеспечении публичных и частных экологических интересов недостаточно высок»¹. Сегодня многие юристы отмечают, что падение эффективности регулятивных возможностей правового воздействия связано с дефектностью образующих его компонентов².

1 Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. — М., 2014. — С. 10.

2 Маслов В. Н. Дефекты Конституции Российской Федерации // 20-летие Конституции Российской Федерации: основные направления развития Российского государства и формирования гражданского общества: сборник научных статей. — Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014. — С. 113–118; Пресняков М. В. Ограничения на работу с несовершеннолетними: дефекты закона // Законодательство. — 2013. — № 5. — С. 48–55; Макарова Т. И. Системные дефекты правового регулирования экологических отношений и способы их преодоления // Аграрное и земельное право. — 2012. — № 5 (89). —

О некоторых дефектах международно-правового регулирования нам уже приходилось писать, в частности о важности создания Международной экологической организации, Международного экологического суда, всеобъемлющей экологической конвенции, которые явно способствовали повышению эффективности, развитию системности и упорядоченности правоприменительной практики³.

В рамках настоящей статьи представляется возможным отметить и обобщить некоторые пути повышения эффектив-

С. 26–29; Сулова Н. В. Дефекты права. Причины образования // Проблемы права. — 2013. — № 1. — С. 126–130; Краснов А. Н. Дефекты юридической техники экологического законодательства // Вестник Владимирского юридического института. — 2008. — № 1 (6). — С. 285–288.

3 Кодолова А. В., Солнцев А. М. Перспективы кодификации и прогрессивного развития международного права в сфере охраны атмосферы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 60–63; Копылов М. Н., Солнцев А. М. Международное экологическое право перед вызовами современности (Международная экологическая организация) // Евразийский юридический журнал. — М. — 2013. — № 1. — С. 56–58; Копылов М. Н., Солнцев А. М. Международное экологическое право перед вызовами современности // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 53–56.

ности регулятивного воздействия международного экологического права.

Международное экологическое право является одной из наиболее молодых и динамично развивающихся отраслей международного публичного права. При этом международный договор является основным источником международного экологического права, а количество их неуклонно растет. Сегодня принято более 1200 многосторонних международных экологических соглашений (МЭС) и более 1600 двухсторонних экологических соглашений⁴.

Действующие сегодня МЭС охватывают широкий круг вопросов охраны окружающей среды, включая регулирование опасных и химических веществ, предотвращение загрязнений и борьбу с ним, опустынивание, рациональное использование и сохранение природных ресурсов, биоразнообразие, сохранение дикой живой природы, а также защиту экологических прав человека. Стоит отметить, что МЭС интенсивно развиваются и со временем каждый МЭС образует международно-правовой режим, который состоит из существенного нормативно-правового массива, ряда научно-технических и контролирующих договорных органов. Здесь, на наш взгляд, и возникает существенный дефект в регулировании — чрезмерный нормативно-правовой массив, отсутствие вертикальной связи между нормами различных МЭС и слабая горизонтальная связь между ними. При этом поскольку в силу юридической природы международного права вертикальную связь в данном случае не получается наладить, так как все МЭС юридически равны между собой, то методах повышении горизонтальных связей между МЭС как средстве борьбы с дефектами международного экологического права мы и хотели бы поговорить в настоящей статье.

В зарубежной науке и практике международного экологического права эта проблематика стала рассматриваться на рубеже XX–XXI вв. Именно в 1999 г. прошла конференция, посвященная проработке взаимосвязей между МЭС с целью рационализации и повышения уровня управления защитой окружающей средой⁵. В действительности происходит нерациональное использование и финансов, и человеческих ресурсов, и снижение эффективности международно-правового регулирования защиты окружающей среды.

С тех пор количество МЭС не перестало ежегодно увеличиваться, а необходимость повышения эффективности растет с каждым днем.

В качестве примера можно привести проблематику синергизма или гармонизации международного права в области химической безопасности. Сегодня этот вопрос регулируется тремя конвенциями (Базельская конвенция, Роттердамская конвенция и Стокгольмская конвенция)⁶. С этой целью проводятся совместные заседания конференций сторон трех конвенций, регулирующих экологически безопасное обращение химических веществ и опасных отходов на глобальном уровне. Такие заседания прошли в 2010 г., 2013 г. и планируется в 2015 г. Уже можно отметить существенный прогресс, достигнутый в рамках совместных мероприятий по улучшению сотрудничества и координации трех химических конвенций, что позволило повысить эффективность расходования средств. На совместных заседаниях подчеркивается необходимость обмена

информацией и проведения совместных мероприятий между техническими органами Конвенций, а также эффективного участия экспертов и наблюдателей в совещаниях. В 2013 г. было принято решение разработать руководство для оказания сторонам Роттердамской конвенции и Комитету по рассмотрению химических веществ помощи в их работе в тех случаях, когда химическое вещество из списка Роттердамской конвенции является стойким органическим загрязнителем. Принято также решение вовлекать экспертов Базельской конвенции в работу Комитета по рассмотрению стойких органических загрязнителей, когда обсуждаются вопросы, касающиеся отходов. В ходе обсуждения вопросов синергизма было решено подготовить доклад об осуществлении совместных мероприятий, включая создание совместного информационно-координационного механизма для Базельской, Роттердамской и Стокгольмской конвенций, для рассмотрения конференциями сторон на их совещаниях в 2015 г.

Как отмечается, общее количество предварительных материалов на совместном совещании в 2013 г. составило более 150 документов и проектов, не считая тех, что появлялись в ходе пленарных заседаний и на рабочих и контактных группах и были доступны для обсуждения только в электронном виде. Наибольшее внимание Секретариат уделил вопросам формирования бюджета конвенций и финансированию, по которым весь период сессии работали контактные группы. В тоже время не удалось принять решения по вопросам контроля за выполнением конвенций, а также смысловым вопросам, таким как включение веществ, рекомендованных экспертами, оценка предлагаемых новых веществ для последующего включения под юрисдикцию конвенций⁷. Все это привело к тому, что по многим вопросам к концу сессии не был достигнут консенсус, и Секретариат вынужден был перенести запланированное обсуждение на следующее заседание, намеченное предварительно на 2015 г. Было также решено завершить подготовку руководящего документа по развитию региональных и национальных центров информационно-координационного механизма и разместить руководящий документ на веб-сайте конвенций⁸.

Проблематика усложняется еще и тем, что разные государства являются сторонами этих конвенций. Перечень международных документов в этой области периодически пополняется — так, в 2006 г. был принят всеобъемлющий документ по экологической безопасности — Стратегический подход к международному регулированию химических веществ (СПМРХВ), задача которого состоит во взаимодействии с другими МЭС по вопросам экологической безопасности, предусматривающий ограничение и экологический контроль за опасными химическими веществами. Плюс ко всему в 2013 г. была принята Конвенция Минамата по ртути, цель которой заключается в защите окружающей среды за счет ликвидации и снижения негативного воздействия антропогенных источников ртути и ртутных отходов, в сокращении общего количества ртути, циркулирующей в глобальной окружающей среде. Предполагается, что Конвенция Минамата должна способствовать минимизации выбросов ртути путем установления контроля за промышленными процессами, в ходе которых используется или выбрасывается ртуть; изъятия из оборота опас-

4 International Environmental Agreements. Database Project [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iea.uoregon.edu>.

5 Chambers Bradnee W. Interlinkages and the effectiveness of multilateral environmental agreements. — UNUP, 2008. — P. 8.

6 Конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22.03.1989); Конвенция о применении процедуры предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Роттердам, 10 сентября 1998 г.); Конвенция о стойких органических загрязнителях (Стокгольм, 22.05.2001 г.).

7 Цитцер О. Ю., Романов А. В., Сперанская О. А. О гармонизации международного законодательства в области химической безопасности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ecovestnik.ru/index.php/2013-07-07-02-13-50/nashi-publikacii/1796-o-garmonizatsii-mezhdunarodnogo-zakonodatelstva-v-oblasti-khimicheskoi-bezopasnosti>

8 Ordinary and extraordinary meetings of the conferences of the parties to the Basel, Rotterdam and Stockholm conventions [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://synergies.pops.int/2013COPsExCOPs/Overview/tabid/2914/mctl/ViewDetails/EventModID/9163/EventID/297/xmid/9411/language/en-US/Default.aspx>

ных ртутьсодержащих продуктов, включая сферу медицины; регулирования должным образом ртутьсодержащих отходов; разработки механизма ограничения поставок и торговли ртутью, мониторинга загрязнения ртутью объектов окружающей среды и представления информации о выбросах ртути. Российская Федерация является Стороной всех трех конвенций, участвует в СПМРХВ и подписала Конвенцию Минамата. Национальным координатором по перечисленным конвенциям и СПМРХВ является Минприроды России, по Роттердамской конвенции вторым Национальным координатором является также Минздрав России.

В связи с вышесказанным стоит вопрос укрепления сотрудничества между секретариатами МЭС, особенно в случае поступления просьб от государств — членов соответствующих МЭС⁹.

Сотрудничество между конвенциями является важным средством в повышении эффективности международно-правового регулирования защиты окружающей среды. Необходимо изучать также возможности соответствующих международных организаций и конвенций, которые могут оказывать содействие эффективному осуществлению потенциала.

Приведем другой пример. В 2006 г. была основана Инициатива «Экологическая таможня» (ИЭТ), в состав которой входят Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), секретариаты Базельской конвенции, Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), Стокгольмской конвенции по ликвидации стойких органических загрязнителей, Роттердамской конвенции о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле, Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, а также Управление ООН по наркотикам и преступности, Организации по запрещению химического оружия, Всемирной таможенной организации и Интерпол¹⁰. Цель Инициативы «Экологическая таможня» состоит в расширении возможностей сотрудников таможен и других соответствующих правоохранительных органов проводить мониторинг законной торговли и оказывать ей содействие, выявлять и предотвращать незаконную торговлю теми товарами или веществами, воздействующими на экологию, которые подпадают под действие соответствующих договоров. Цель инициативы предполагается осуществлять путем повышения осведомленности обо всех соответствующих международных соглашениях, а также предоставления уполномоченным органам инструментов создания потенциала. ИЭТ предназначена для дополнения и расширения существующей деятельности по профподготовке таможенных служащих в рамках соответствующих соглашений.

Информация и профподготовка, обеспечиваемые в рамках Инициативы «Экологическая таможня», образуют единый комплекс аспектов, связанных с торговлей, различных конвенций и процессов. Такая практика оказалась намного более рентабельной, эффективной и далеко идущей, чем проведение индивидуальной профподготовки в рамках каждого из отдельных соглашений. Инициатива обеспечивает, кроме того, возможность осуществления сотрудничества и обмена информацией среди партнеров.

Важным представляется секретариатам МЭС осуществлять сотрудничество с Всемирной торговой организацией (ВТО), которая нередко принимает решения, явно ненацеленные на защиту окружающей среды. Секретариаты вправе обратиться в ВТО за получением статуса наблюдателя в соответствующих

комитетах ВТО и продолжать следить за ходом переговоров и обсуждений в данных комитетах, в том числе путем поддержания связи с сотрудниками секретариата ВТО. Особенно большая нагрузка ложится на Комитет по торговле и окружающей среде. Получение статуса наблюдателя в Комитете ВТО по торговле и окружающей среде дает право принимать участие в работе очередных сессий Комитета, и на регулярной основе на официальных совещаниях специальной (переговорной) сессии Комитета.

Секретариат Картахенского протокола по биобезопасности осуществляет сотрудничество в рамках Меморандума о договоренности с Рабочей группой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по согласованию мер надзора за применением биотехнологии, вследствие чего ОЭСР будет автоматически передавать в секретариат документацию о решениях ее государств-членов касательно живых измененных организмов (ЖИО). Секретариат продолжает также сотрудничество с Международным центром геномной инженерии и биотехнологии (МЦГИБ). С этой целью обеспечена возможность проведения через МПБ поиска научных библиографических данных, поддерживаемых МЦГИБ. В процессе укрепления сотрудничества между секретариатами Конвенции о биологическом разнообразии (КБР) и Международной конвенции по защите растений (МКЗР) проводятся совместные совещания секретариатов, где в том числе обсуждаются следующие вопросы: разработка стандартов, представляющих взаимный интерес; совместные мероприятия по созданию потенциала и оказание технического содействия; дополнительные механизмы обмена информацией. Такие же совещания проводятся с секретариатом Орхусской конвенции.

Таким образом, можно сделать вывод: в процессе исследования выявлен дефект в международно-правовом регулировании защиты окружающей среды — чрезмерный нормативно-правовой массив, отсутствие вертикальной связи между нормами различных соглашений и слабая горизонтальная связь между ними. В качестве укрепления горизонтальных связей между международными экологическими соглашениями как средств борьбы с дефектами международного экологического права предлагается проведение на системной основе совместных заседаний секретариатов международных экологических соглашений и подписание меморандумов о взаимопонимании как между соглашениями, так и между секретариатами соглашений и международными организациями и их компетентными органами. Предложенные меры смогут повысить эффективность международного экологического права и, соответственно, способствовать устойчивому развитию международного сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Кодолова А. В., Солнцев А. М. Перспективы кодификации и прогрессивного развития международного права в сфере охраны атмосферы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12.
2. Копылов М. Н., Солнцев А. М. Международное экологическое право перед вызовами современности (Международная экологическая организация) // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 1.
3. Копылов М. Н., Солнцев А. М. Международное экологическое право перед вызовами современности // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 3.
4. Краснов А. Н. Дефекты юридической техники экологического законодательства // Вестник Владимирского юридического института. — 2008. — № 1 (6).
5. Макарова Т. И. Системные дефекты правового регулирования экологических отношений и способы их преодоления // Аграрное и земельное право. — 2012. — № 5 (89).

9 Synergies among the Basel, Rotterdam and Stockholm conventions [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://synergies.pops.int/>

10 The Green Customs Initiative [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.greencustoms.org/>

Гордеева Е. М.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЛЕСНОЕ ПРАВО: БЫТЬ ИЛИ... УЖЕ ЕСТЬ?

Если площадь лесов мира продолжит сокращаться также быстро, как в настоящее время, то через 775 лет человечество рискует потерять все леса на Земле. Несмотря на это, в международном праве до сих пор нет единого общеобязательного источника лесного права. Рассмотрение перспективы международного соглашения по лесам запланировано на май 2015 г. на 11 сессии Форума ООН по лесам. В преддверии мероприятия данная статья изучает вопросы обезлесения и деградации лесов в рамках глобальной экологической проблемы современности, анализирует причины отсутствия единого общеобязательного источника международного лесного права, кратко рассматривает международные правовые нормы, принципы и инструменты, которые уже регулируют лесные отношения на международном уровне.

Ключевые слова: международное право, экологическое право, международное лесное право, источники международного лесного права, принцип государственного суверенитета, всемирная конвенция по лесам, обезлесение и деградация лесов.

Гордеева Е. М.

Gordeeva Ye. M.

INTERNATIONAL FOREST LAW: TO BE OR... ALREADY THERE?

If the World's net forest area continues to decline at a present rate, it will take approximately 775 years to lose all forests on Earth. Despite of the alarming deforestation and forest degradation tendency a universal global convention on forests doesn't yet exist. A possible legally binding instrument on all types of forests will be considered during the eleventh session of the United Nations Forum on Forests in May, 2015. Prior to this event, the article studies deforestation and forest degradation as a global environmental problem, discusses the reasons for the absence of a universal global agreement on forests and briefly investigates some international law principles, norms and instruments, which already regulate forests on the international level.

Keywords: international law, environmental law, international forest law, sources of international forest law, principle of state sovereignty, global forest convention, deforestation and forest degradation.

История человечества — это история о том, как используются леса Земли и их разнообразная продукция. Лес — это источник строительного материала; источник пищи и топлива для ее приготовления; источник земель для городов и сельского хозяйства. Однако история человечества — это также и история о том, как истощаются леса Земли, и о тяжелых экологических последствиях, к которым ведут утрата лесов и их деградация.

По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО ООН) в настоящее время леса покрывают приблизительно 30% всей площади Земли. Общая площадь лесов составляет чуть более 4 миллиардов гектаров, при этом более половины от общей площади лесов приходится на 5 наиболее богатых лесами стран (Россия, Бразилия, Канада, США, Китай). В 54 странах или территориях лес покрывает менее 10% от общей площади земли. А десять стран или территорий вообще лишены такого ресурса (Гибралтар, Ватикан, Монако, Науру, Катар, Сент-Бартелеми, Сан-Марино, острова Шпицберген, Ян-Майен, а также Токелау и Фолклендские (Мальвинские) острова).

Ежегодно человечество теряет более пяти миллионов гектаров лесной площади, то есть приблизительно 140 квадратных километров в день. Если площадь лесов будет и в дальнейшем сокращаться также быстро, то теоретически через 775 лет исчезнут все леса мира. Ученые с иронией отмечают, что этого времени должно быть достаточно, чтобы обратить вспять тенденцию к утрате лесного покрова во всем мире и активизировать усилия по предупреждению деградации лесов¹.

Последствия обезлесения наиболее ощутимы на местном и региональном уровнях. К таким последствиям можно отне-

сти сокращение запасов питьевой воды; возникновение наводнений и/или засух; сокращение и/или утрату биологического разнообразия; уменьшение адгезии и эрозию почвы и др.

Однако последствия обезлесения и деградации лесов имеют также глобальное значение. Лес — источник существования для более чем 350 миллионов человек. Истощение лесов подрывает источник существования людей, ставит под угрозу само их выживание и может послужить одной из основных причин социальных волнений, угрозой миру и безопасности во многих частях мира.

Кроме того, леса являются одним из средств естественного противостояния чрезвычайным ситуациям и ослабления последствий изменения глобального климата. Мировые леса в одной только биомассе хранят 289 гигатонн углерода. В то время как устойчивое управление лесами, лесопосадки и восстановление лесов способствует сохранению или увеличению запасов углерода в лесах, обезлесение, деградация лесов и ненадлежащая лесохозяйственная практика, напротив, сокращают их, усиливая и без того опасное антропогенное влияние на состояние климата на Земле. В целом мировые запасы накопленного углерода в лесной биомассе в период с 2005 г. по 2010 г. ежегодно сокращались на 0,5 гигатонны, главным образом, вследствие сокращения общей площади лесов.

Учитывая, что экологические проблемы, к которым ведут обезлесение и деградация лесов, имеют не только локальное и региональное значение, но и приводят к тяжелым глобальным последствиям, мировое сообщество признает необходимость правового регулирования вопросов, связанных с охраной лесов на международном уровне. Так, например, в 1992 г. на Конференции по Окружающей Среде и Развитию в Рио-Жанейро были предприняты первые попытки принять Всемирную Конвенцию по Лесам. Такое общеобязательное глобальное соглашение, по мнению отдельных стран и международных организаций, могло бы стать максимально эффективным международным правовым инструментом в борьбе с обезлесением. В частности, ФАО ООН предлагала проект «Ос-

1 Писаренко А. И., Страхов В. В. устойчивое развитие и лесное хозяйство: двадцать лет глобализации. // Лесное Хозяйство. — 2011. — № 6. — С. 2-7.

новые возможные элементы для документа по сохранению и развитию мировых лесов». Однако по итогам конференции принято лишь «Не имеющее обязательной силы заявление с изложением принципов для глобального консенсуса в отношении рационального использования, сохранения и устойчивого развития всех видов лесов» («Принципы лесоводства», «Forest Principles» (1992 г.).

Попытки заключить международное общеобязательное соглашение по лесам предпринимались и после 1992 г. В 2007 г. результатом трехлетних интенсивных подготовительных переговоров стало принятие «Документа по всем видам лесов», являющегося вторым после «Лесных принципов» источником «мягкого» лесного права, т.е. имеющего добровольный характер.

Совсем недавно, в 2013 г., была предпринята попытка заключить «Юридически обязательное соглашение по лесам в Европе». В обсуждении принимали участие более 160 участников: делегаты из 38 стран и Европейского Союза; наблюдатели из США; представители пяти международных организаций и десяти неправительственных ассоциаций. Однако окончательный текст документа так и не был согласован.

Несмотря на предыдущие неудачные попытки, очередной раунд рассмотрения возможного варианта международного юридически обязательного документа по всем видам лесов запланирован под эгидой Форума ООН по лесам на май 2015 г.²

Стремление отдельных стран и международных организаций заключить общеобязательное глобальное соглашение по лесам понятно. Международные договоры, регулируемые международным правом, заключенные в письменной форме между государствами и иными субъектами международного права, являются основными источниками международного права. Несомненно, нормы «обязательного», «мягкого», а также частного международного права, регулирующие лесные отношения на международном уровне, уже существуют. Однако в настоящее время они находятся в бессистемном состоянии. Как правило, такие нормы встречаются в соглашениях, регулирующих иные, т.е. изначально «нелесные», международные отношения, например, в целях: сохранения биологического разнообразия на Земле; противодействия опасному антропогенному воздействию на климатическую систему и содействия стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере; охраны ареалов обитания диких птиц и животных и др. Единый международный юридически обязательный документ по всем видам лесов мог бы кодифицировать такие нормы. Более того, такой документ мог бы служить надежным источником международного лесного права в судах и международных трибуналах в случае возникновения международных споров.

Несмотря на все аргументы в пользу международного юридически обязательного документа по всем видам лесов, есть трудности, которые до сих пор не удалось преодолеть в целях подписания такого документа.

Прежде всего, лес — это источник древесины, экономически ценного природного ресурса. Согласно отчетным данным, глобальный объем заготовки древесины составляет примерно 3,4 миллиарда м³ в год (данные по состоянию на период с 2003 г. по 2007 г., при этом не учитываются объемы незаконно заготовленной древесины). В денежном эквиваленте ежегодные глобальные объемы заготовки древесины оцениваются в разных источниках по-разному, в среднем от 100 до 250 миллиардов американских долларов, что, согласно экспертным оценкам, в разы превышает ежегодный оборот от добычи золота и серебра³.

Лес — это объективно существующая часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные

границы, т.е. физически лес находится на территории конкретной страны, подпадая исключительно под юрисдикцию того государства, на территории которого он произрастает. Использование и охрана лесов осуществляется в соответствии с национальным законодательством. Поэтому лес — это экономически ценный природный ресурс для каждой отдельно взятой страны.

Вклад лесов в экономическое развитие оценивается по-разному в разных государствах. В зависимости от площади лесов, их возраста, породного и количественного состава, целей, задач, основных принципов ведения лесного хозяйства такой вклад может быть довольно значительный. Так, например, в России, где площадь лесов составляет более 800 миллионов гектаров, вклад лесов оценивается в 2,6% ВВП (2011); в Финляндии, где площадь лесов составляет примерно 23 миллиона гектаров — 35% ВВП (2009); в Европейском Союзе, с общей лесной площадью в 179 миллионов гектаров — 1,29% ВВП (2009). Поэтому государства дорожат своей свободой действий в отношении собственных лесов.

Суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и развития закреплено Уставом ООН и принципами международного права, в том числе, в «Принципах лесоводства» (1992) и «Не имеющем обязательной силы документе по всем видам лесов» (2007). Так, с позиций государственного суверенитета Малайзия и Группа 77, крупнейшая межгосударственная организация развивающихся стран, выступили против принятия общеобязательного международного инструмента в отношении лесов на Саммите Земли в 1992 г. И до сих пор далеко не все страны добровольно готовы отказаться и/или ограничить эксплуатацию экономически выгодного национального природного ресурса в интересах всего Человечества и признать, что леса имеют экологическое значение для всей планеты более важное, чем экономическое для отдельной страны.

Конечно, государственный суверенитет в отношении лесных ресурсов не абсолютен, он частично ограничен принципом «государства несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции». Тем не менее до сих пор принцип государственного суверенитета над своими природными ресурсами оказывал значительное влияние на развитие кодифицированного международного лесного права.

Второй важной причиной отсутствия в международном праве юридически обязательного документа по всем видам лесов можно назвать трудности, связанные с выделением причин глобального обезлесения и деградации лесов, и, как следствие, общеобязательных мероприятий по борьбе с данными экологическими проблемами. Так, например, в странах Южной Америки, где в период с 2000 по 2010 гг. наблюдались самые высокие темпы утраты лесного покрова, около 4 миллионов гектаров в год, основной причиной обезлесения явилось обширное обращение лесных земель в земли сельскохозяйственного назначения.

Второе место по ежегодным темпам утраты лесного покрова занимают Африканские страны (2005–2010). Там, в дополнение к обращению лесных земель в нелесные, еще одной причиной обезлесения можно назвать интенсивную заготовку древесины в энергетических целях (на которую направляется более 80% от общего объема древесины, используемой в регионе).

В Океании, где темпы обезлесения составляют около 700 000 гектаров в год (2005–2010), среди основных причин называются неблагоприятные погодные условия, засухи и лесные пожары.

Но в мире есть также и страны, где площадь лесов не изменяется или, напротив, даже увеличивается на протяжении десятилетий (страны ЕС, Китай, Россия и др.). Конечно, это

2 Форум ООН по Лесам. Доклад о Работе Десятой Сессии, E/2013/42-E/CN.18/2013/18. Резолюция 10/2. — С. 8.

3 United Nations Forum on Forests (UNFF). Economic Contributions of Forests. — Istanbul, Turkey, 2013. — P. 3.

не означает, что в таких странах не ведется заготовка древесины, или леса не подвержены чрезвычайным природным ситуациям. Это означает, что происходит восстановление лесных массивов или их естественная регенерация за сравнительно короткий период. Так, например, по данным ФАО ООН в Российской Федерации, крупнейшей лесной стране мира, в период с 2005 по 2010 гг. зафиксирован незначительный прирост лесов, главным образом, благодаря их естественной регенерации. Несмотря на это, среди основных причин утраты лесного покрова в России указываются неблагоприятные погодные условия, лесные пожары, а также незаконная заготовка древесины.

В очень общем виде среди причин глобального обезлесения и деградации лесов международные эксперты называют: незаконную торговлю древесиной; несовершенство национального законодательства и судопроизводства; национальную политику, которая поощряет обращение лесных земель в земли другого назначения, и многие другие причины⁴. Однако очевидно, что одновременно во всех частях мира обезлесение еще никогда не имело одинаковые масштабы и причины возникновения.

Так как причины обезлесения и деградации лесов специфичны для каждой отдельно взятой страны, мероприятия по борьбе с такой экологической проблемой должны разрабатываться в рамках национальной правовой системы. При этом необходимо учитывать, что даже на территории одного государства проблему обезлесения невозможно решить в рамках одного лишь лесного сектора. Правовые нормы в целях ведения устойчивого лесного хозяйства должны содержаться в законодательстве, регулирующем не только лесные сферы экономики, но и, в том числе, такие как промышленность, энергетика, сельское хозяйство и др. В таком случае для решения национальных вопросов обезлесения и деградации лесов международный юридически обязательный документ по всем видам лесов может быть просто неэффективен и не нужен.

В стремлении прийти к соглашению в отношении международного юридически обязательного документа по всем видам лесов не надо забывать и о том, что международное лесное право уже существует. Пусть оно не имеет своего «традиционного» с точки зрения международного права источника. Но, как, ссылаясь на Рони Липшутца, цитирует Е. А. Выстробец: «... международное лесное право существует... оно не выражено в принятой форме, как конвенция или протокол... нет глобального центра, который подобно правительству страны осуществлял бы управление лесным хозяйством мира, что не означает отсутствие транснационального регулирования»⁵.

Различные вопросы в отношении лесов, включая проблемы обезлесения и деградации лесов, уже регулируются различными международными режимами. Такие режимы представляют собой сочетание международных учреждений, норм, принципов, а также резолюций и формальных договоров, предписывающих действия государств в отношении конкретных предметов, проблем или регионов⁶. Например, существуют международные режимы сохранения биологического разнообразия; по борьбе с изменениями климата; и др., которые, преследуя свои специальные цели, оказывают значительное влияние на состояние глобальных лесов.

Исходя из вышеперечисленного, под международным лесным правом предлагается понимать совокупность принципов, норм и иных международных правовых инструментов, регулирующих отношения субъектов международного права с целью

«обеспечения неистощительного ведения лесного хозяйства»⁷, либо в иных, более специальных целях, (например, сохранение биологического разнообразия на Земле; противодействие опасному антропогенному воздействию на климатическую систему; охрана ареалов обитания диких птиц и животных; и др.), и одновременно предписывающих действия субъектов международного права в отношении лесов.

Сложившийся к настоящему времени международный лесной режим имеет довольно сложную структуру. Среди международных учреждений, которые играют важную роль в создании, развитии и осуществлении такого лесного режима, можно назвать: Форум ООН по лесам; Всемирную комиссию по лесам и устойчивому развитию; ФАО ООН, в том числе Департамент лесного хозяйства; Межотраслевую целевую группу по лесам (под эгидой Международной конвенции о сохранении биологического разнообразия); Программу ООН по окружающей среде; Программу ООН по развитию; Международный банк; Международный совет по тропической древесине; и др.

Сборник международных договоров ООН насчитывает как минимум 18 международных договоров, принципы и нормы которых так или иначе регулируют охрану и использование лесов. К таким международным договорам можно отнести Международное соглашение по тропической древесине (2006); Конвенцию о биологическом разнообразии (1992); Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (1992); Рамочную конвенцию ООН по борьбе с опустыниванием (1994); Конвенцию о международной торговле дикими видами фауны и флоры (1973); Конвенцию о водно-болотных угодьях (1971); Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия (1972); Лесные принципы (1992); Документ по всем видам лесов (2007); и др.⁸

В связи с отсутствием единого международного юридически обязательного документа по всем видам лесов, нормы лесного права имеют фрагментарный характер и содержатся в различных источниках международного права. Такие источники преследуют разные, не всегда «лесные», цели. Их несогласованность между собой в рамках международного лесного режима приводит к возникновению юридических конфликтов.

Согласно Комиссии международного права при Генеральной Ассамблее ООН, под юридическими конфликтами понимаются ситуации, в которых две нормы международного права устанавливают противоречивые правила поведения субъектов международного права. То есть реализация одного общеобязательного правила поведения ведет к нарушению другого. В рамках международного лесного режима примером юридического конфликта могут служить противоречия между целями, обозначенными в Документе по всем видам лесов (2007) и целями международного режима по борьбе с изменениями климата (1992). С одной стороны, Документ по всем видам лесов устанавливает глобальную цель «обратить вспять тенденцию к утрате лесного покрова во всем мире». С другой стороны, политика в области охраны глобального климата стимулирует интенсивное использование древесины, самого популярного источника возобновляемой энергии.

Наиболее ярко такие противоречия можно проиллюстрировать на примере Европейского Союза (ЕС). Для того чтобы выполнить международные климатические обязательства в ЕС, была принята Директива 2009/28/ЕС о стимулировании использования энергии из возобновляемых источников. По оценкам Европейской комиссии, если ЕС к 2020 г. в соответствии с Директивой 2009/28/ЕС достигнет двадцатипроцентной доли энергии из возобновляемых источников в валовом

4 ФАО. Состояние лесов мира 2012. — Рим, 2012. — С. 20.

5 Выстробец Е. А. Источники международного лесного права. Правовое регулирование использования и охраны лесов: тезисы докладов научно-практической конференции, г. Мытищи. — М.: МГУД, 2011. — С. 238–241.

6 Валева Р. М. Международное Экологическое Право. — М.: Статут, 2012. — С. 59.

7 Экономический и Социальный Совет ООН. Не имеющий обязательной юридической силы документ по всем видам лесов. Резолюция 2007/40. — С. 12.

8 Гордеева Е. М. Источники международного права лесов. Общество, политика, экономика, право: взаимоотношения и взаимовлияние. — Харьков, Украина, 2013. — С. 136–139.

конечном потреблении, то объем древесины, используемый исключительно на энергетические цели, будет эквивалентен всему современному объему заготовки древесины в ЕС. Кроме того, по оценкам Международного энергетического агентства, для замены 10% транспортного топлива биотопливом к 2020 г. потребуется дополнительное увеличение площадей земель сельскохозяйственного назначения на 38%, что может привести к переводу лесных земель в нелесные.

Экологи и юристы ЕС уже озабочены тем, как достичь юридически обязательных климатических целей и одновременно обеспечить ведение «неистощительного» лесного хозяйства. Несмотря на это, последствия климатической политики ЕС будут ощутимы и за его пределами, в том числе и в России, одним из основных экспортеров лесной продукции в ЕС. В целом, эксперты ФАО ООН предупреждают: стремительный рост объемов использования древесины в качестве источника энергии, особенно в Европе, приведет к драматичным для лесов последствиям.

Существуют и другие примеры, когда нормы международного права устанавливают противоречивые правила поведения субъектов международного права в отношении лесов. Противоречивость норм в рамках международного лесного права приводит к тому, что несмотря на правовые меры, уже предпринимаемые на международном уровне, темпы глобального обезлесения остаются на тревожно высоком уровне на протяжении многих десятков лет. Однако до тех пор, пока противоречия не будут урегулированы между уже существующими международными режимами, предписывающими действия субъектов международного права в отношении лесов, достижение консенсуса в отношении нового единого международного юридически обязательного документа по всем видам лесов вряд ли возможно.

С юридической точки зрения есть множество других причин отсутствия в международном праве общеобязательного соглашения по всем видам лесов: согласование нового международного договора — это всегда дорогостоящая и длительная процедура; определение организации, под эгидой которой такое соглашение будет достигнуто, проблематично; определение сторон возможного международного общеобязательного соглашения по всем видам лесов представляет проблему. Несомненно, основными субъектами международного права являются государства. Однако лесные вопросы затрагивают интересы широкого круга заинтересованных сторон: государств, международных, транснациональных, неправительственных организаций, а также частных владельцев и их объединений.

Данный список причин, объясняющих, почему до сих пор не существует единый юридически обязательный документ по всем видам лесов, не претендует на полноту. Наверное, этот список можно дополнить. Однако уже этот список причин наглядно объясняет, почему государствам и иным субъектам международного права не удалось заключить общеобязательное международное соглашение по лесам. Исходя из этих же причин появление общеобязательного международного соглашения по лесам маловероятно в будущем.

В заключение хочется еще раз обратить внимание на то, что темпы глобального обезлесения и деградации лесов остаются критически высокими. Важно то, что мировое сообщество пока еще обладает временем, чтобы обратить вспять тенденцию к утрате лесного покрова во всем мире и активизировать усилия по предупреждению деградации лесов. Конечно, в такой

ситуации, учитывая тяжелые экологические последствия глобального обезлесения, подписание единого международного юридически обязательного документа по всем видам лесов кажется логичным и доступным решением. Однако не стоит забывать о том, что до сих пор все попытки прийти к такому соглашению на международном уровне не увенчались успехом.

Эффективность решения международным правом экологических проблем оценивается не только фактом наличия либо отсутствия международного договора в какой-либо отрасли. Напротив, отсутствие международного договора может означать, что есть иные инструменты международного права, которые могут привести к достижению желаемого результата.

Международное лесное право уже существует⁹. Пусть его нормы не кодифицированы и фрагментарны, однако, безусловно, такие нормы влияют на состояние лесов мира. Возможно, при условии доработки, гармонизации и дальнейшего уточнения в рамках международного лесного режима уже существующих международно-правовых инструментов глобальная цель «обратить вспять тенденцию к утрате лесного покрова» и будет достигнута.

Пристатейный библиографический список

1. Абанина Е. Н. Охрана лесов в международном экологическом праве // Новая правовая мысль [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://legalconcept.org/wp-content/uploads/2013/09/5-%D0%90%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf>.
 2. Валеев Р. М. Международное Экологическое Право. — М.: Статут, 2012.
 3. Выстробец Е. А. Источники международного лесного права. Правовое регулирование использования и охраны лесов: тезисы докладов научно-практической конференции, г. Мытищи. — М.: МГУЛ, 2011.
 4. Гордеева Е. М. Источники международного права лесов. Общество, политика, экономика, право: взаимоотношения и взаимовлияние. — Харьков, 2013.
 5. Писаренко А. И., Страхов В. В. Устойчивое развитие и лесное хозяйство: двадцать лет глобализации // Лесное хозяйство. — 2011. — № 6.
 6. Экономический и Социальный Совет ООН. Не имеющий обязательной юридической силы документ по всем видам лесов. — Резолюция 2007/40.
 7. ФАО. Состояние лесов мира 2012. — Рим, 2012.
 8. Форум ООН по Лесам. Доклад о Работе Десятой Сессии, E/2013/42-E/CN.18/2013/18. Резолюция 10/2.
 9. United Nations Forum on Forests (UNFF). Economic Contributions of Forests. — Istanbul, Turkey, 2013.
- ⁹ Существует и иная точка зрения. Так, например, Е. Н. Абанина отмечает, что лес является объектом международной охраны; международные нормы и принципы, регулирующие вопросы рационального использования и охраны лесов, существуют; ответственность за несоблюдение обязательств устанавливается в международных соглашениях. Несмотря на это, по мнению Е. Н. Абаниной, «в настоящее время о «уже существовании международного лесного права» говорить пока рано». См., Абанина Е. Н. Охрана лесов в международном экологическом праве // Новая правовая мысль [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://legalconcept.org/wp-content/uploads/2013/09/5-%D0%90%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf>.

Остапович И. Ю.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН О НОРМАТИВНОСТИ СВОИХ РЕШЕНИЙ

В статье рассматривается практика органов конституционного контроля Республик Беларусь и Казахстан с точки зрения нормативности их решений. Отмечается, что нормативность их решений закреплена в национальном законодательстве и подтверждена практикой специализированных органов конституционного контроля указанных стран.

Ключевые слова: Конституционный Суд Республики Беларусь, Конституционный Совет Республики Казахстан, нормативность решений.

Ostapovich I. Yu.

THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE CONSTITUTIONAL COUNCIL OF THEIR REPUBLIC OF KAZAKHSTAN ABOUT NORMATIVITY OF THEIR DECISIONS

In article practice of bodies of the constitutional control of the Republics of Belarus and Kazakhstan from the point of view of a normativity of their decisions is considered. It is noted that the normativity of their decisions is enshrined in the national legislation and confirmed by the practice of specialized bodies of the constitutional control of the specified countries.

Keywords: Constitutional Court of Republic of Belarus, Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, normativity of decisions.

Остапович И. Ю.

Введение предварительного конституционного контроля в Республике Беларусь и Республике Казахстан обусловило формирование специфических позиций Конституционного Суда РБ и Конституционного Совета РК о нормативности своих решений. Указанные положения закреплены в ст. 3 Закона РБ «О конституционном судопроизводстве», ст. 72 Конституции РК. Среди выработанных в Республике Беларусь и Республике Казахстан доктринальных позиций можно отметить оценку обязательного предварительного контроля как способа повышения правового качества принятых законопроектов (А. А. Бержанин) или как гарантию защиты от выхода принятых законов за рамки конституционных положений (И. И. Рогов)¹. Юридическая сила постановленных решений подчеркивается тем, что законопроект, признанный не соответствующим конституции, не может приобрести, по общему правилу, статус закона. Не оспаривая указанные тезисы, следует обратить внимание на практику органов конституционного контроля этих стран.

За период 2008–2012 гг. Конституционным Судом РБ в порядке обязательного предварительного конституционного контроля было проверено 539 законов. Все они были признаны соответствующими Конституции Республики Беларусь. При проведении проверки использовались три критерия конституционности: соответствие норм закона нормам и принципам Конституции, правовая определенность и соразмерность ограничений прав и свобод граждан. В свою очередь, Конституционным Советом Республики Казахстан за период 1996–2012 гг. было рассмотрено более 180 обращений, из которых около половины поступило из парламента или от главы государства. В частности, по инициативе Президента РК Конституционным Советом РК рассматривались законы о политических партиях, о религиозных объединениях, о выборах. Неконституционными были признаны 26 проверяемых законопроектов. Выборочный предваритель-

ный контроль, таким образом, демонстрирует более высокое выявление несоответствия конституционным положениям принятых законов.

Конституционный Совет РК указывает на общеобязательность и безотлагательность исполнения своих решений. Окончателюность решения Конституционного Совета — неотъемлемое свойство юридической силы этого решения, свидетельствующее о завершенности конституционного производства принятием итогового постановления по вопросу, в связи с которым поступило обращение². Отсылка к «итоговому постановлению» позволяет предположить, что здесь признается нормативность самого постановления, а не заключенной в нем правовой позиции. Это представляется разумным, поскольку общеобязательное правило поведения создает принятый в особом процессуальном порядке акт, имеющий юридическую силу. Одновременно юридическую силу приобретает содержащаяся в нем позиция.

Конституционный Суд РБ отмечает, что его заключения и решения являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат; действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими государственными органами, иными организациями, должностными лицами. Конституционный Суд дает оценку позиции законодателя или иного нормотворческого органа, признавая нормативный правовой акт или его отдельные нормы соответствующими (не соответствующими) Конституции. В связи с этим значение заключений и решений Конституционного Суда определяется не только конституционно-правовым статусом данного органа, его независимым положением, но и принципом верховенства права³. В силу этой

1 См.: Бержанин А. А. Конституционный контроль в Республике Беларусь: понятие, практика применения // Проблемы управления. — 2008. — № 3. — С. 97–103; Рогов И. И. Тезисы выступления на II Всемирной конференции по конституционному правосудию «Разделение властей и независимость конституционных судов и эквивалентных органов» (Бразилия, 16–18 января 2011 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.venice.coe.int/wccj/Rio/Papers/KAZ_Rogov_RUS.pdf (дата обращения: 05.09.2014).

2 Постановление Конституционного Совета РК от 13.12.2001 № 19 об официальном толковании пунктов 1 и 5 статьи 52, подпункта 4 пункта 1 статьи 72 и пункта 3 статьи 74 Конституции Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1026637 (дата обращения: 11.02.2015).

3 Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 26 декабря 2013 г. № Р-878/2013 о соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей» [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.by/> (дата обращения: 11.02.2015).

позиции нормативность решений органа конституционного контроля сомнению не подлежит.

С точки зрения признания нормативности достаточно дискуссионной выглядит установленная в законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан возможность пересмотра решения органа конституционного контроля.

Неизменность правовой позиции органа конституционного контроля в российской правовой доктрине, например, рассматривается как одна из характеристик свойства нормативности (Е. В. Жучкова, С. А. Кажлаев), либо как специфическая правовая гарантия (И. А. Кравец, Н. И. Ярошенко)⁴. Более того, в силу ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» решение Конституционного Суда РФ окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно.

В законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан, напротив, ситуация сложилась совершенно иная. Так, в силу п. 1 ст. 39 Закона РК «О Конституционном Совете Республики Казахстан» нормативное постановление может быть пересмотрено, если изменились соответствующие нормы Конституции РК. На основании этого положения в 2011 г. было полностью отменено 6 и частично 9 нормативных постановлений Конституционного Совета РК⁵.

Статья 83 Закона РБ «О конституционном судопроизводстве» допускает пересмотр заключения или решения Конституционного Суда РБ не только в случае изменения конституционной нормы, но и по вновь открывшимся обстоятельствам. Такие прецеденты имели место всего дважды. Первый раз в 1995 г., когда Конституционным Судом было принято заключение, в соответствии с которым конституционным было признано снижение порога явки избирателей на повторные выборы⁶. Спустя три недели было принято решение о толковании этого заключения⁷, представляющее, по сути, пересмотр

ранее сформулированной правовой позиции. В другой раз — в решении Конституционного Суда РБ от 15 апреля 1997 г. № 3–56/97, предметом которого также были вопросы избирательного права.

Нормативность актов органа конституционного контроля при таких обстоятельствах в целом не изменяется, однако сама возможность их пересмотра определенным образом иллюстрирует их неокончательный, вопреки конституционным установлениям, характер.

Между тем, в правовой доктрине обеих стран подобная законодательная регламентация в целом одобряется без критической оценки. Более того, положительно оценивается возможность главы государства использовать право вето в отношении акта органа конституционного контроля (это предусмотрено в п. 4 ст. 73 Конституции РК)⁸. Это можно объяснить конституционно закрепленной возможностью преодоления вето главы государства квалифицированным большинством голосов членов Конституционного Совета РК.

Анализ правовых позиций органов конституционного контроля Республики Беларусь и Республики Казахстан о нормативности собственных решений позволяет сделать следующий вывод — на основании положений действующего законодательства этих стран решения органа конституционного контроля включены в иерархию нормативных правовых актов, вследствие чего их нормативность презюмируется.

Пристатейный библиографический список

1. Бержанин А. А. Конституционный контроль в Республике Беларусь: понятие, практика применения // Проблемы управления. — 2008. — № 3.
2. Жучкова Е. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного права и уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
3. Кажлаев С. А. Генезис правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. — 2007. — № 3.
4. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). — М.: ЮКЭА, 2002.
5. Рогов И. И. Тезисы выступления на II Всемирной конференции по конституционному правосудию «Разделение властей и независимость конституционных судов и эквивалентных органов» (Бразилия, 16–18 января 2011 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.venice.coe.int/wccj/Rio/Papers/KAZ_Rogov_RUS.pdf (дата обращения: 11.02.2015)
6. Ярошенко Н. И. Постановления Конституционного Суда РФ о толковании по юридической силе равны Конституции России // Современное право. — 2011. — № 11.
7. См.: Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 27.04.2011 № 4 о пересмотре некоторых решений Конституционного Совета Республики Казахстан // Казахстанская правда. — 2011. — 4 июня.
8. См.: Заключение Конституционного Суда РБ от 30.10.1995 О соответствии Конституции законов от 7 сентября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О выборах депутатов Верховного Совета Республики Беларусь»» и «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О выборах депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь»» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.by/> (дата обращения: 11.02.2015).
9. См.: Решение Конституционного Суда РБ от 22.11.1995 о толковании заключения Конституционного Суда РБ от 30.10.1995 о соответствии Конституции законов от 7 сентября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О выборах депутатов Верховного Совета Республики Беларусь»» и «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О выборах депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь»» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.by/> (дата обращения: 11.02.2015).
10. См.: Кирякова И. Н. «Право вето» президента как форма влияния на законодательный процесс (Республика Беларусь и зарубежные страны) // Проблемы и перспективы современной науки / Отв. ред. В. В. Гедранович. — Минск: Минский ин-т управления, 2014. — С. 23–25; Рогов И. И. Современная модель конституционного контроля в Республике Казахстан // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. — 2011. — № 11. — С. 40–45.

Манин С. Н.

КОНЦЕПЦИЯ СОГЛАСОВАННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ВОЗЗРЕНИЯХ Г. С. САПАРГАЛИЕВА

В данной статье рассматривается концепция согласованного функционирования органов государственной власти. Раскрывается принцип разделения власти на ветви. Г. С. Сапаргалиев дает свое определение системе сдержек и противовесов. Подробно проанализировав согласованное функционирование органов государственной власти, Г. С. Сапаргалиев формулирует основные принципы согласованного функционирования органов государственной власти, которые ранее в специальной литературе не прорабатывались.

Ключевые слова: согласованное функционирование органов государственной власти, принцип разделения власти на ветви, сдержки и противовесы.

Manin S. N.

THE CONCEPT OF AGREED FUNCTIONING OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE VIEWS OF G. S. SAPARGALIEV

In this article the concept of the agreed functioning of public authorities is discussed. The principle of separation of powers among the branches is revealed. G. S. Sapargaliyev gives definition of a system of checks and balances. Having analyzed in detail the agreed functioning of public authorities, G. S. Sapargaliyev formulates the basic principles of the agreed functioning of public authorities that previously in the literature were not researched.

Keywords: agreed functioning of public authorities, the principle of separation of power on branches, checks and balances.

Манин С. Н.

Принцип разделения власти известен мировому сообществу с давних времен и сыграл большую роль при рассмотрении эволюции современных государств. Государственная власть в любой стране осуществляется государственными органами, образующими единую систему. Если в государстве признается разделение власти, то внутри системы государственных органов тоже происходит ее разделение, что в совокупности составляет единую систему реализации власти.

Во всех теоретических исследованиях по данной проблеме указывается главная функция принципа разделения властей: в соответствии с провозглашенными приоритетами принцип разделения властей направлен на то, чтобы предотвратить возвышение одной ветви государственной власти над другой.

С этой функцией разделения властей согласны О. Е. Кутафин¹, Л. Б. Тиунова² и другие. Так, Н. М. Коркунов отмечает, что «взаимное сдерживание отдельных органов власти осуществляется не только при осуществлении различных функций власти различными органами, но точно также и при совместном осуществлении одной и той же функции несколькими органами. Однако этим не исчерпываются возможные способы установить взаимное сдерживание таких вольностей, которыми определяются и направляются действия государственной власти»³.

Эту точку зрения поддерживает и Г. С. Сапаргалиев, подчеркивая, что система сдержек и противовесов призвана свести к минимуму возможные ошибки в управлении, преодолеть односторонний подход к решаемым вопросам⁴. Лишь с определением понятий, отмечает Г. С. Сапаргалиев, можно раскрыть механизм согласованного функционирования органов государственной власти.

Энциклопедический словарь «Конституция Российской Федерации» определяет «разделение властей» как принцип организации и осуществления государственной власти⁵.

Академик Г. С. Сапаргалиев доказывает, что данный подход дает возможность «узкого» толкования в соответствии с конституционным законодательством каждой страны. Реальная же структура механизма государства шире, чем три ветви власти. В «широком» смысле к ветвям государственной власти можно отнести те самостоятельные органы, которые по Конституции страны не входят ни в одну из ветвей власти.

Теория разделения властей нашла свое признание в мировой науке и практике, но она осуществима, прежде всего, в плане общего принципа, начала, которым следует руководствоваться при создании структуры государственных органов и в определении пределов их полномочий.

Только в этом случае она будет создавать возможность для согласованного функционирования государственной власти. При этом следует учитывать, что процесс ее реализации в той или иной стране всегда будет зависеть от конкретно-исторических условий, от формы правления государства, формы государственного устройства, политического режима, национальных и политических традиций.

«В современных государствах намечается не только тенденция роста властей, сейчас мы имеем возможность наблюдать тенденцию взаимопроникновения властей»⁶.

Так, к примеру, в Республике Казахстан утверждение палатами Парламента многих должностных лиц, предложение о назначении судей Президентом и утверждение их Сенатом Парламента, полномочия конституционного суда свидетельствуют о ярко выраженном стремлении взаимопроникновения и взаимодействию властей.

В первую очередь это взаимодействие выражается в организационно-функциональном их сближении на основе закона, во вторую — в усилении элементов взаимоконтроля.

Об этом свидетельствует многообразие реализации системы сдержек и противовесов. В соответствии с п. 4 ст. 3 Конституции Республики Казахстан «государственная власть в Респу-

1 Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2006. — С. 115.

2 Тиунова Л. Б. Разделение властей в Российской Федерации; Конституционная модель. // Правоведение. — 1996. — № 4. — С. 46.

3 Коркунов Н. М. Указ и закон. — СПб, 1894. — С. 218.

4 Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — Алматы, 2006. — С. 16.

5 Энциклопедический словарь «Конституция Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rubricon.com>

6 Чиркин В. Е. Разделение властей социальные и юридические аспекты // Советское государство и право. — 1990. — № 8. — С. 73.

блике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия их между собой с использованием системы сдержек и противовесов»⁷.

Г. С. Сапаргалиев считает, что эта формулировка допускает возможность расширенного толкования принципа разделения властей.

Конституция не дает прямого толкования понятию «система сдержек и противовесов», она лишь закрепляет положение о том, что с ее помощью ветви государственной власти могут взаимодействовать между собой»⁸.

В юридических источниках есть определение системы сдержек и противовесов. Так, в энциклопедическом словаре «Конституция Российской Федерации» под системой сдержек и противовесов понимают разделение компетенции между органами государственной власти, которая позволяет им взаимно контролировать друг друга.

Казахстанский ученый, анализируя данное определение, указывает, что оно не совсем полно и точно, так как разделение компетенции между органами власти объективно обусловлено структурой государственного механизма, каждый из которых выполняет необходимые функции. К тому же не все ветви власти наделены контрольными функциями (например, Правительство Республики Казахстан не имеет полномочий по контролю за деятельностью Парламента или Верховного Суда).

Г. С. Сапаргалиев дает свое определение системе сдержек и противовесов — это «совокупность установленных в Конституции организационных и правовых норм, обеспечивающих деятельность ветвей государственной власти в рамках их полномочий, предусматривающих ответственность за их превышение»⁹.

Каждый орган, в соответствии с Конституцией, наделен соответствующими полномочиями, должен выполнять их и не должен вмешиваться в полномочия других органов. На это указывала и российский правовед Л. Б. Тиунова: «Разделение власти предполагает целую систему конституционно закрепленных механизмов, рычагов, «довесков», обеспечивающих уравновешенное состояние механизма, ее целостность, не за счет того, что одна власть «подминает» под себя обе другие, а за счет именно их дополняемости и взаимного контроля»¹⁰.

Академик Г. С. Сапаргалиев отмечает, что до сих пор в специальной литературе система сдержек и противовесов понималась лишь как организационно-правовой инструмент, касающийся деятельности только ветвей государственных органов. На самом деле система «... служит формированию и синхронному функционированию всего государственного механизма, преодолению трудностей, кризисных ситуаций, выполнению государством всех его функций»¹¹.

В своих трудах он доказывает, что сдержки и противовесы являются разными элементами системы. «Сдержки — это такие организационные и правовые средства, которые направлены на то, чтобы обеспечить законность в процессе формирования органов государства, не допускать нарушения органами государственной власти своих полномочий или исправление допущенных нарушений». «Противовесы — это такие орга-

низационные и правовые средства, которые создают условия для нормального функционирования ветвей государственной власти в целостном механизме правового регулирования»¹².

Таким образом, система сдержек и противовесов, по мнению ученого, выполняет две функции, которые проявляются по-разному:

1) функцию формирования органов государственной власти;

2) функцию обеспечения деятельности органов государственной власти в соответствии с положениями Конституции и законодательством.

При формировании органов государственной власти сдержки и противовесы направлены на реализацию конституционных положений о политическом и идеологическом многообразии, на обеспечение свободного волеизъявления избирателей, на создание легитимных органов власти, на недопущение нарушений конституционной законности. Необходимо отметить, что функции формирования и обеспечения деятельности органов государственной власти реализуются последовательно и органически связаны между собой.

Это взаимодействие и взаимовлияние осуществляется как на уровне формирования органов власти, так и в процессе их функционирования. Но факторы их реализации имеют отличительные признаки в каждой отдельной стране в зависимости от политического режима, формы правления, территориального устройства.

В процессе формирования органов государственной власти и ее осуществления избиратели применяют систему сдержек и противовесов. Существуют определенные конституционные издержки: основная масса граждан имеет право избирать и быть избранными в государственные органы и органы местного самоуправления, участвовать в республиканском референдуме, но не все граждане являются избирателями. Не имеют этого права недееспособные и содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Центральная избирательная комиссия обладает арсеналом сдержек и противовесов, которые призваны служить гарантией реализации избирательных прав с момента составления списков избирателей до подведения итогов выборов. К ответственности привлекаются члены избирательных комиссий, совершившие подлог избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов, нарушившие тайну голосования.

Конституционный Совет Республики Казахстан решает вопросы спора о правильности проведения выборов Президента Республики Казахстан по обращению Президента Республики, Председателя Сената, Председателя Мажилиса, не менее 1/5 от общего числа депутатов Парламента. В случае признания Конституционным Советом выборов не соответствующими на участках, где были нарушения, ЦИК принимает решение о признании их недействительными и проводит в них повторное голосование.

Таким образом, Конституция и избирательное законодательство устанавливает средства сдержек против нарушения правовых положений о выдвижении, регистрации, выборов в президенты, подведении итогов выборов, обеспечивающих законность и легитимность избрания Президента.

Граждане Республики Казахстан являются объектом воздействия установленных Конституцией сдержек и в отношении выборов в Сенат и Мажилис.

Следует отметить, что существуют факторы, которые порождают противоречия в государственных органах. К таким факторам Г. С. Сапаргалиев относит:

1) завышение полномочий, когда один орган вторгается в сферу деятельности другого;

7 Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya>

8 Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — Алматы, 2006. — С. 23.

9 Конституция Республики Казахстан: научно-правовой комментарий / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — 2-е изд. — Алматы, 2004. — С. 30.

10 Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности: методология и теории. — СПб, 1991. — С. 121.

11 Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — Алматы, 2006. — С. 25.

12 Там же. — С. 26.

2) возможный параллелизм в полномочиях различных государственных органов, тогда оба органа «сталкиваются» друг с другом;

3) пробел в компетенциях государственных органов, что приводит к снижению эффективности работы, либо служит поводом для вмешательства одного органа в деятельность другого;

4) непрофессионализм руководителей государственных органов, политических и административных государственных служащих, незнание ими статуса руководимых органов, нарушение законности, правил профессиональной этики;

5) издание противозаконных актов¹³.

Сбалансированное функционирование ветвей власти не означает, что все органы власти наделены одинаковым объемом полномочий. Сохранение баланса означает самостоятельное функционирование каждой ветви государственной власти, взаимодействие и взаимное сотрудничество. Это проявляется в том, что каждая ветвь власти выступает от имени народа, государство не должно выходить за пределы своих полномочий, быть ответственным за нарушение конституционных полномочий.

Подробно проанализировав согласованное функционирование органов государственной власти в Казахстане, Г. С. Сапаргалиев пришел к выводу, что оно основывается на принципах, для которых академик выводит основания их взаимодействия. Он утверждает, что они вытекают из природы государства из единства внутренних и внешних функций государства, в осуществлении которых участвуют все государственные органы сверху донизу¹⁴.

В условиях модернизации государственного строя суверенных государств СНГ при осуществлении конкретных политических реформ с целью создания действительно демократических и правовых государств важное место занимает вопрос солидарного, согласованного взаимодействия органов государственной власти. Теоретически он прорабатывался русскими неоператорами конца XIX начала — XX в. С. А. Котляревским, Б. А. Кистяковским, Л. И. Петражидским. С. А. Котляревский, будучи сторонником конституционализма и парламентаризма, сумел не только исследовать становление парламентаризма в различных странах, но и выявить некоторые специфические черты. Основой парламентаризма он объявлял солидарность Правительства и Представительства. Там, где нет солидарности, не может быть и Парламентаризма. «Солидарность Правительства и народного представительства, — писал он, — может быть только политической. Смысл этого положения заключается в том, что на главные вопросы текущей государственной жизни Правительство смотрит одинаково с народными представителями, то есть с его большинством»¹⁵.

Взаимодействие органов власти не является всеобъемлющим. Оно происходит только тогда, когда на решение определенных вопросов необходимы усилия всех государственных органов. Исходя из современных реалий, Г. С. Сапаргалиев формулирует основные принципы согласованного функционирования органов государственной власти:

1) принцип единства государственной власти в Республике Казахстан;

2) принцип согласованного сотрудничества и взаимодействия ветвей государственной власти и органов, не входящих в систему ветвей;

3) принцип разрешения коллизий между ветвями государственной власти, между ними и органами, не входящими в систему ветвей государственной власти;

4) принцип открытости и гласности государственных органов в процессе взаимодействия;

5) принцип демократизма во взаимодействии и сотрудничестве государственных органов;

6) принцип взаимной ответственности;

7) принцип взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций¹⁶.

Раскрывая принцип единства государственной власти в Республике Казахстан, академик отмечает, что нередко в юридической литературе говорят о существовании трех ветвей государственной власти как о различных областях. На самом деле это три ветви, вырастающие на одном дереве. Каждая из ветвей формируется и функционирует не только самостоятельно, но и взаимодействуя друг с другом, общими усилиями осуществляя внешние и внутренние функции государства. Каждая из ветвей государственной власти самостоятельна в осуществлении своих полномочий до тех пор, пока не нуждается в содействии других ветвей. Но при осуществлении общегосударственных функций они действуют согласованно своими методами, способами, присущими только им в силу специфического предназначения, определенного Конституцией.

Академик доказывает необходимость признания помимо трех ветвей власти власть Президента, Конституционного Совета, Прокуратуры, Центральной избирательной комиссии как единую систему государственной власти. Это связано с тем, что в процессе осуществления своих конституционных полномочий все они должны взаимодействовать как единая государственная власть.

Раскрывая сущность принципа согласованного сотрудничества и взаимодействия ветвей власти, органов, не входящих в систему ветвей, ученый доказывает, что все органы государственной власти при необходимости вступают во взаимодействие для выполнения конституционных и предусмотренных законодательством полномочий.

Эти полномочия Г. С. Сапаргалиев делит на «три группы:

1) полномочия, которые осуществляют органы самостоятельно, без взаимодействия с другими;

2) полномочия, которые реализуются совместными усилиями различных органов государственной власти;

3) полномочия, которые осуществляется различными органами совместно до определенной стадии»¹⁷.

Процесс согласования происходит не в инициативном порядке: вопросы, которые решаются в процессе взаимодействия, и процедура их решения регламентируются Конституцией и нормативно-правовыми актами разного уровня. Как принято почти во всех демократических государствах, на основе согласованного взаимодействия органов государственной власти решают следующие вопросы: 1. нормотворчества; 2. организационные; 3. кадровые.

Каждое государство в Конституции закрепляет согласованные действия органов государственной власти: кто участвует в законотворческой работе, какие органы имеют законодательную инициативу, где тот или иной законопроект обсуждается, кем утверждается.

Например, в Республике Казахстан законотворческий процесс начинается с согласованного плана работы Парламента и Правительства на определенный период. Прделанная работа по разработке законопроекта представляется на рассмотрение Мажилиса Парламента (нижней палаты), представителями Правительства. На этом заканчивается взаимодействие Правительства и Мажилиса Парламента. Далее начинается

13 Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — Алматы, 2006. — С. 39.

14 Там же. — С. 40.

15 Котляревский С. А. Сущность парламентаризма. Фрагменты // Юридический вестник. — 1913 г. // Новое время. — 1994. — № 14. — С. 58.

16 Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — Алматы, 2006. — С. 41–49.

17 Там же. — С. 42.

самостоятельная законодательная деятельность Мажилиса Парламента.

Между Парламентом и Президентом действует принцип согласованного взаимодействия следующим образом: Парламент дает согласие Президенту на назначение Премьер-министра Республики Казахстан, Председателя Национального банка; Сенат Парламента дает согласие на назначение Президентом Генерального Прокурора, Председателя Комитета Национальной Безопасности и так далее. Все это не формальные акты, а результат совместного согласованного взаимодействия.

В Конституции Российской Федерации (ст. 83) Президент назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства Российской Федерации, принимает решение об отставке Правительства, представляет Государственной Думе кандидатуру на назначение на должность Председателя Центрального банка, по предложению Председателя Правительства назначает на должность и освобождает от должности заместителей Председателя Правительства, федеральных министров, представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Конституционного Суда, Верховного Суда, а также кандидатуру Генерального Прокурора Российской Федерации¹⁸.

Третий принцип — принцип разрешения коллизий. В конституциях стран СНГ устанавлены процедуры разрешения конфликтных ситуаций. Так, в Республике Казахстан Президент имеет право определять приоритетность рассмотрения законов, а также объявить рассмотрение проекта закона срочным. Парламент его должен рассмотреть в течение месяца со дня его внесения. Если Парламент может не исполнить конституционные требования, то возникает конфликтная ситуация, разрешение которой предусмотрено Конституцией Республики Казахстан: Конституционные положения дают право Президенту Республики издать Указ, имеющий силу закона, который действует до принятия Парламентом нового закона.

Но Президент может не воспользоваться этим правом, тогда коллизия считается исчерпанной. Конституция предусматривает и бескомпромиссный характер решения коллизий: в случае, если парламент повторно отклоняет программу правительства, то это означает вотум недоверия.

В Конституции Российской Федерации в пп. 3, 4 ст. 111 указываются процедуры разрешения коллизий. Государственная Дума рассматривает представленную Президентом кандидатуру Председателя Правительства Российской Федерации в течение недели со дня внесения предложения о кандидатуре. После трехкратного отклонения кандидатур Председателя Правительства Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы. Это императивный, бескомпромиссный характер решения коллизий¹⁹.

Если между ветвями государственной власти и другими органами государства в процессе взаимодействия будет нарушена законность, то прокуратура должна принять меры воздействия.

В конституциях демократических государств провозглашается принцип открытости и гласности государственных органов в процессе взаимодействия. Предусматриваются совместные и отдельные заседания палат Парламента. Президент, Премьер-министр и члены Правительства, Председатель Национального банка, Генеральный Прокурор и другие должностные лица вправе присутствовать на любых открытых и закрытых заседаниях и имеют право быть выслушанными. Парламент и его палаты могут принять решение о необходимости присутствия на их заседаниях должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления.

18 Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.constitution.ru>

19 Там же.

Одним из принципов осуществления правосудия является открытость и гласность. Поскольку в демократических государствах высшими ценностями являются человек, его жизнь, права и свободы, то в конституциях реализацию принципа открытости и гласности деятельности государственных органов доводят до каждого гражданина. В Конституции Республики Казахстан в соответствии с п. 2 ст. 18 отмечается, что государственные органы и должностные лица обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомиться с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации²⁰.

В Конституции Российской Федерации (ст. 24) эта возможность также закреплена: «органы государственной власти и органы местного самоуправления и их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом»²¹.

Принцип демократизма во взаимодействиях и сотрудничестве государственных органов воплощается, по утверждению Г. С. Сапаргалиева, либо в решении вопросов на приоритетных началах, либо с учетом интересов, мнений сторон. Приоритетность проявляется или в правовой, или в организационных формах. Академик анализирует действие принципа согласованного взаимодействия ветвей власти на примере их функционирования и взаимодействия в Республике Казахстан. Так, например, обе палаты парламента (Сенат и Мажилис) при рассмотрении вопросов на совместном заседании выступают как равноправные. В этом случае действует принцип паритета и демократизма внутри законодательной ветви власти. Некоторые паритетные начала устанавливаются Конституцией и между органами власти. Например, между Президентом Республики Казахстан и Парламентом: Президент назначает ряд высших должностных лиц с согласия Парламента.

В других взаимоотношениях государственных органов рассматриваемые вопросы строятся по принципу иерархии: Мажилис — нижняя палата, а Сенат — верхняя, например, при обсуждении республиканского бюджета.

Принцип демократизма проявляется во взаимодействии Парламента и Правительства Республики Казахстан. Так, при обсуждении законопроекта, инициированного депутатами Парламента, предусматривающего сокращение или увеличение государственных доходов и расходов, могут быть вынесены на рассмотрение Мажилиса только при наличии положительного заключения Правительства Республики. Таким образом, это конституционное требование закрепляет преимущество Правительства.

Раскрывая сущность принципа взаимной ответственности в процессе согласованного взаимодействия органов государственной власти, ученый особо подчеркивает, «что взаимодействие органов государственной власти — это способ достижения эффективных результатов во всех сферах жизни общества, на которое оказывает воздействие государство»²².

Взаимодействие государственной власти тем эффективнее и результативнее, чем выше ее ответственность. В процессе взаимодействия органы государственной власти оценивают уровень и качество работы других органов государственной власти. Например, в Республике Казахстан качество законопроектной работы оценивает Сенат Парламента. Если Сенат отклоняет большинством голосов проект закона, то он возвращается в Мажилис. Если же повторно будет отклонен проект

20 Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya>

21 Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.constitution.ru>

22 Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — Алматы, 2006. — С. 46.

закона Сенатом, то в эту сессию проект закона не может быть внесен в Сенат на обсуждение.

В этом случае можно говорить о некачественной работе депутатов при разработке и обсуждении законопроекта, халатном отношении к обязанностям, недостаточном уровне парламентского профессионализма. Парламент может отклонить и программу Правительства, но при обязательном условии — указании оснований, по которым программа отклонена. Таким образом, в Республике Казахстан вопрос о взаимной ответственности органов государственной власти возникает на всех уровнях их функционирования.

Академик Г. С. Сапаргалиев считает одним из важных принципов взаимодействия органов государственной власти с общественными организациями. В Конституции Республики Казахстан на законодательном уровне закрепляются организационные формы, способы, процессуальные и процедурные вопросы взаимодействия государственных органов и общественных организаций. Так, при Президенте Республики Казахстан функционирует высший Судебный Совет Республики Казахстан, который является автономным, независимым учреждением. Как консультативно-совещательный орган при Президенте Республики Казахстан работает Национальная комиссия по вопросам демократии и гражданского общества. Целью Комиссии является выработка мер по совершенствованию политической системы демократизации общества.

Парламентарии считают данный принцип важным фактором совершенствования работы государственных органов: «в повышении эффективности законодательного процесса нам не обойтись и без дальнейшего укрепления взаимодействия власти с институтами гражданского общества, которые должны пропускать законопроекты как бы через общественную экспертизу»²³.

Предложения общественных организаций имеют только рекомендательный характер, но они дают возможность максимально учитывать общественное мнение, способствуют открытости деятельности государственных органов.

Вышеприведенный анализ показывает обоснованность научного интереса академика Г. С. Сапаргалиева к проблемам согласованного функционирования органов государственной власти и системе сдержек и противовесов, которую он разработал. В эволюции теории государств система сдержек и противовесов считается ключевым понятием.

Не потеряли своего значения и выводы ученого, связанные с выделением основания для определения ветвей власти, которые позволяют обосновать возможность функционирования новых ветвей власти: помимо законодательной, исполнительной и судебной Г. С. Сапаргалиев предлагает выделить в особые ветви власти Президента и его администрацию, Конституционный Совет, Прокуратуру, Центральную избирательную комиссию.

23 Дьяченко С. А. Законотворческая деятельность парламента, как условие политической стабильности общества и устойчивого развития государства // Материалы международной научно-практической конференции: Перспективы казахстанского парламентаризма как важнейшего института демократизации и устойчивого развития страны: 27 мая 2005 года. — Астана, 2005. — С. 13.

Изучая сущность взаимодействия ветвей власти и их согласованного функционирования, Г. С. Сапаргалиев затронул актуальную проблему современных демократических правовых государств: он вывел механизм правового регулирования и функционирования органов государственной власти, пределы их полномочий.

Следует отметить, что Г. С. Сапаргалиев творчески решил проблему согласованного взаимодействия и функционирования органов государственной власти, что может стать методологической основой для выработки механизма взаимодействия государственных органов при разработке модели правового, демократического государства.

Пристатейный библиографический список

1. Дьяченко С. А. Законотворческая деятельность парламента как условие политической стабильности общества и устойчивого развития государства // Материалы международной научно-практической конференции: Перспективы казахстанского парламентаризма как важнейшего института демократизации и устойчивого развития страны: 27 мая 2005 года. — Астана, 2005.
2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2006.
3. Конституция Республики Казахстан: научно-правовой комментарий / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — 2 изд. — Алматы, 2004.
4. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya>
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.constitution.ru>
6. Коркунов Н. М. Указ и закон. — СПб, 1894.
7. Котляревский С. А. Сущность парламентаризма. Фрагменты // Юридический вестник. — 1913 год // Новое время. — 1994. — № 14.
8. Манин С. Н. Концепция демократического государства в трудах академика Г. С. Сапаргалиева // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1.
9. Манин С. Н. Либертарно-юридические воззрения на право академика Сапаргалиева Г. С. // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2.
10. Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов / Под ред. Г. С. Сапаргалиева. — Алматы, 2006.
11. Тиунова Л. Б. Разделение властей в Российской Федерации: Конституционная модель // Правоведение. — 1996. — № 4.
12. Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности: методология и теории. — СПб, 1991.
13. Чиркин В. Е. Разделение властей социальные и юридические аспекты // Советское государство и право. — 1990. — № 8.
14. Энциклопедический словарь «Конституция Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rubricon.com>

Нечевин Д. К., Кирдяшова Е. В., Колодкин Л. М.
ДЕОНТОЛОГИЯ ПРАВА: НАУЧНО-ПРАВОВОЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ГЕНЕЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ МОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ (ЧАСТЬ II)

В научной статье деонтология права рассматривается в научно-правовом и историческом аспекте генезиса европейской морально-правовой мысли: правовая деонтология, этика права, исторические корни этики правовых норм.

Ключевые слова: юридическая деятельность, этика права, генезис европейской морально-правовой мысли.

Nechevin D. K., Kirdiashova E. V., Kolodkin L. M.
DEONTOLOGY OF LAW: SCIENTIFIC AND LEGAL AND HISTORICAL ANALYSIS OF
GENESIS OF THE EUROPEAN ETHICAL AND LEGAL THOUGHT (PART II)

The scientific article considers the deontology of law in the scientific and legal and historical aspects of genesis of the European ethical and legal thought: deontology of law, ethics of law, historical roots of the ethics of rules of law.

Keywords: legal activity, ethics of law, genesis of the European ethical and legal thought.

Приоритет общего блага продемонстрирован мыслителем и в работе «О государстве»: «Утверждаю одно: природа наделила человека столь великим стремлением поступать доблестно и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одерживала верх над всеми приманками наслаждений и досуга»¹. В книге III «Об обязанностях» философ также пишет: «Итак, у всех людей должна быть лишь одна цель: одна и та же польза для каждого в отдельности и для всех сообща; если каждый станет рвать ее себе, то вся общность человеческой судьбы будет нарушена. (27) Более того, если природа велит человеку хотеть, чтобы о другом человеке, кем бы он ни был, была проявлена забота уже по одной той причине, что он — человек, то, по велению все той же природы, польза должна быть общей для всех людей. Раз это так, то все мы подчиняемся одному и тому же закону природы, а если именно это так, то закон природы, несомненно, воспрещает нам посягать на интересы ближнего. Но первое справедливо; следовательно, справедливо второе»².

Необходимо подчеркнуть, что Цицерон видит источник соответствующей добродетели в самой природе человека.

Кроме того, не отрицая существования единого универсального объединения людей, подчиненных единому закону истинного разума, он (вероятно, учитывая внутренние и внешние факторы) находит место и для воспроизведения дилеммы «свой — чужой», объясняя наличие инаковости людей и формирование обособленных групп внутри «беспредельной» общности вполне объективными причинами: «XVII (53) И действительно, если оставить в стороне вышеупомянутое беспредельное общество, то существует более близкое нам, основанное на общности племени, народа, языка и теснейше объединяющее людей. Еще более тесные узы — принадлежность к одной и той же гражданской общине. Ведь у граждан есть много общего: форум, храмы, портики, улицы, законы, права, правосудие, голосование; кроме того, общение друг с другом и дружеские связи, а у многих и деловые отношения, установившиеся со многими людьми. Более тесны связи и узы между родными; исходя из вышеупомянутого неизмеримого общества человеческого рода, люди замыкаются в малое и тесное. (54) В то время как от природы общая черта всех живых

существ — желание продолжать свой род, первоначальные узы состоят в самом супружестве, далее — в появлении детей, затем в создании одного дома и общего имущества; это уже начало и как бы рассадник государства... Это появление и распространение потомства служит началом государства. Кровное родство связывает людей взаимной доброжелательностью и привязанностью. (55) Ведь великое дело — иметь одни и те же памятники предков, совершать одни и те же священнодействия, иметь общие места для погребения»³.

Но главное, Цицерон не обходит вниманием и общности, образованные единством нравов и интересов, обусловленных разного рода (в том числе новыми, неизвестными присваивающей экономике) общественными связями: «Но из всех обществ нет лучшего, нет более прочного, чем такое, где честные мужи, нравами своими один на других похожие, связаны дружескими отношениями; ведь нравственно-прекрасное, о котором мы часто говорим, даже если видим это в другом человеке, нас все-таки волнует и делает друзьями тому, кому оно, видимо, присуще»⁴.

При этом наибольшую ценность среди отдельных общностей «своих», объединяемых разного рода связями, имеет именно государственно-организованное общество: «(57) Но если взглянуть на все с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее

Нечевин Д. К.

Кирдяшова Е. В.

Колодкин Л. М.

1 Цицерон М. Т. О государстве. Книга I. Предисловие [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Античная литература». — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414870001>.

2 Цицерон М. Т. Об обязанностях. Книга III (VI) 26–27 // Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993. — С. 130.

3 Цицерон М. Т. Об обязанностях. Книга I XVII 53–55 // Цицерон М. Т. «О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993. — С. 72.

4 Там же.

дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей»⁵.

Говоря об общении внутри государства, он не ограничивает какой-то одной сферой, а признает его фактически универсальным. Однако, в отличие от универсальной общности, государственная организация объединяет людей по принципу согласия в вопросах права (договорно установленного) ради их общего блага.

Усложнение общественных связей потребовало от мыслителя усложнения системы «свой — чужой», известной, как уже отмечалось, еще догосударственному обществу. С одной стороны, Цицероном подтверждена и сохранена идентификация по принципу племени, языка, культа, крови, пришедшая из первобытного общества. С другой стороны, введены критерии формирования общностей нового порядка — добрые нравы, обоюдные услуги (сообщества друзей и экономических партнеров) — не отрицающие, но дополняющие первую группу и позволяющие при необходимости нивелировать разность, образованную по ее критериям. Наконец, самая значимая общность, по его мнению, представлена государством. Эта общность является максимально универсальной с точки зрения критериев идентификации, поскольку охватывает «все привязанности всех людей». Получается, что в государственно-организованном обществе могут реализовываться все социальные связи, известные человечеству.

В работе «О государстве» особо подчеркнута значимость этого политического объединения: «Итак, государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабаясть, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе. Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при избытке всего необходимого не ... [удаляться от подобных себе]»⁶.

Из этого следует, что Цицероном названы критерии идентификации государственно-организованного общества: согласие в вопросах права и морали, общность интересов. Все другие критерии принципиального значения не имеют, вернее, поглощаются этими двумя. Если принять во внимание универсальный характер закона, то получается, что достигнутые в конкретном коллективе договоренности относительно трансформации признаваемой законом общей собственности и выделения из нее ради общей пользы собственности частной и есть писаное (договорное, людьми установленное) право соответствующей общности, равно как и другие правовые договоренности, обеспечивающие в этом обществе устойчивый порядок. Следовательно, в отличие от закона, нравственным основанием которого является лишь истинный разум, писаное право для своей авторитетности требует также соответствия общим интересам, общей пользе, что само по себе справедливо.

Только в таком сочетании государство может ждать от свободного гражданина подчинения своей власти. В трактате «Об обязанностях» философ указывает, что «... человек хорошо одаренный от природы, соглашается повиноваться только человеку либо наставляющему, либо обучающему его, либо справедливо и законно повелевающему им для общей пользы»⁷.

Более того, он достаточно удачно совместил идеи коллективизма и общей пользы с пользой частных лиц (т.е. фактически

собственности общественной и собственности частной), а также обосновал значимость и нравственную авторитетность существующего права, связав его как с природой и разумом, так и с общей пользой, приоритет которой проистекает из самой природы и служит справедливости.

Предложенная им внутренняя дифференциация государственно-организованного общества отличается от обособления, существовавшего внутри первобытного коллектива, поскольку у каждой попавшей в орбиту государства группы есть свои собственные интересы, отличные от интересов других аналогичных (фактически — «чужих») общностей, образованных по аналогичным критериям (вспомним — «относиться к частной собственности — как к своей»), способных существовать достаточно автономно по отношению к себе подобным (отметим, что основным собственником в Древнем Риме являлся род — gens, и управление принадлежащей ему собственностью осуществлялось pater familias в интересах всех членов рода, т.е. по отношению к собственности другого рода это была собственность частная, а для членов рода — фактически общая). Но, с другой стороны, эти «чужие» по отношению друг к другу общности составляют единую общность «своих», но только более высокого государственного порядка, поскольку помимо критериев одного вида (родство, родовой культ) они объединены с другими частными собственниками по характеристикам иного уровня, например, общими нравами или услугами. Именно общая собственность объединения более высокого порядка (в первую очередь, общая собственность на землю) в свое время и была частично разделена между «своими» при помощи права, с сохранением в общей собственности «своих» определенных неделимых по тем или иным причинам объектов. Через эту общую собственность объединены между собой частные собственники и нечастные собственники. Получается, что существование общности этого уровня — залог существования частной собственности каждой ее внутренней («чужой») общности, поскольку именно на договоренности участников первой признается и защищается частная собственность вторых. Идеи роли нравственности в правовом регулировании получили дальнейшее развитие в трудах римского стоика Эпиктета М. Аврелия Сеиеки (I–II вв. до н.э.), который в письмах Луцию писал: «... возникла нужда в законах, которые вначале предлагали те же мудрецы (творившие нравы). Солон, основавший Афинское государство на законах справедливости, известен среди семи мудрецов своего века. Живи Ликург (9–8 в. до н.э.) в ту же пору, он вошел бы в то же священное число восьмью»⁸.

Пример практической реализации разработанных идей предложен Цицероном, в частности, при распределении обязанностей внутри государства: «(124) Вполне уместно поговорить и об обязанностях магистратов, частных лиц, граждан и чужеземцев. Итак, прямой долг магистрата — понимать, что он представляет городскую общину и должен поддерживать ее достоинство и честь, соблюдать законы, определять права и помнить, что они поручены его верности. А частному лицу следует жить среди сограждан на основании справедливого и равного для всех права, не быть ни приниженным и унылым, ни заносчивым, а в государственных делах желать всего того, что спокойно и прекрасно в нравственном отношении. Именно такого человека мы обыкновенно и считаем и называем честным гражданином. (125). Что касается чужеземца и поселенца, то их обязанность — заниматься только своими делами, не вмешиваться в чужие и менее всего интересоваться положением в чужом государстве»⁹.

Исполнение права — залог общественного порядка, общей пользы, справедливости. Право и закон представлены Цицероном как неподлежащие критике ввиду истинности, разумности и справедливости их основания, служения общей пользе.

5 Цицерон М. Т. Об обязанностях. Книга I. XVII 57 // Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993. — С. 72–73.

6 Цицерон М. Т. О государстве. Книга I. XXV 39 // Интернет-ресурс «Античная литература». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414870001>.

7 Цицерон М. Т. Об обязанностях. Книга I. IV 13 // Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993. — С. 61.

8 История политических и правовых учений. Часть I. Зарубежная политико-правовая мысль. Хрестоматия. — Воронеж, 2000. — С. 207.

9 Цицерон М. Т. Об обязанностях. Книга I XXXIV 124–125 // Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993. — С. 90.

Однако, уделяя изучению справедливости достаточное внимание, Цицерон воздерживается от ее определения, как и от определения, что есть настоящее право: «Но у нас нет подлинного и ясного представления об истинном праве и о настоящей справедливости, и мы пользуемся только их тенью и очертаниями. О, если бы мы следовали хотя бы им! Ведь они простекают из наилучших примеров, поданных нам природой и правдой»¹⁰.

Идеи античной философии были возрождены и развиты итальянскими гуманистами эпохи Возрождения в XV в. Рассуждая о праве и нравственности, они пытались выйти за рамки существовавших схоластических теорий (также, кстати, обращавшихся к древнегреческим и древнеримским мыслителям) и освободиться от догматического христианского восприятия окружающего мира.

Ранее упомянутая периодизация социально-экономических взаимоотношений человека и природы относит Средневековье и раннее Новое время к тому же этапу, что и античность. Вместе с тем следует обратить внимание на одно весьма принципиальное различие между ними в духовно-нравственной сфере. В IV в. Римская империя признала христианство в качестве государственной религии и все дальнейшие философские исследования стали осуществляться в рамках новой парадигмы, сделавшей ставку на индивидуализм и переосмысление места человека в окружающем мире. Как отмечает Отфрид Хеффе, «если античная философия затрагивала обе стороны [справедливости], Платон даже исходил из соответствия между личной и политической справедливостью, то христианское средневековье, равно как и исламское и иудейское, гораздо больше интересовалось личной справедливостью, при этом в т.н. государственных зеркалах, речь шла, прежде всего, о справедливых властителях. Политический либерализм Нового времени, напротив, больше полагается на справедливость институтов и на разделение властей. Однако ложным является предположение, будто современные общества могут отказаться от личной справедливости»¹¹.

В большинстве своем итальянские философы являлись представителями политической, экономической или культурной элиты экономически развитых городов-государств (в частности Флорентийской и Венецианской республик). Именно там наиболее четко проявились признаки нового, только зарождающегося уклада будущих буржуазных отношений, элементом которого являлось развитие товарного рынка, ремесленного производства, корпоративизма, конкуренции. Соответственно, новые «духовные» пороки развивающегося общества были заметны там наиболее отчетливо, что и потребовало их философского осмысления и попытки выработки новой идеальной модели общественных отношений. Кроме того, республиканские формы правления, используемые в этих городах, а также обращение к рецепции римского права сначала на научном, а затем и практическом уровнях существенным образом сближали и иные аспекты государственно-правовой действительности античного мира и мира раннекапиталистических отношений.

Именно итальянскими гуманистами была обоснована необходимость формирования нового направления научного исследования — моральной философии как средства поиска светского духовного идеала, направленного на совершенствование общества и борьбу с практическим положением дел (стяжательством, эгоизмом частнособственнического общества, прочими пороками формировавшихся отношений). Как отмечал Паджо Браччолини, «философия — учитель и наставник правильной жизни, она отыскивает добродетель, изгоняет по-

роки, она не защищает безнравственные поступки, но порицает их; она не дает силы преступлению, но отнимает ее и учит, к чему мы должны стремиться и чего должны избегать»¹². При этом моральная философия не замыкалась на межличностных отношениях и охватывала не только проблематику морального или гражданского долга, но и учение об обществе и государстве, а также науки о природе, что также сближало ее с учениями античных мыслителей.

Возрождались традиции греческих и римских философов, работы которых в большинстве своем были обнаружены, восстановлены в оригинальном виде и переведены с латыни, греческих или арабских языков итальянскими гуманистами, что обеспечило преемственность исследуемой проблематики и ключевые подходы к ее изучению, сделав акцент на общей пользе и общем благе, что было явно нетипичным для того времени и за что католическая церковь даже пыталась обвинять мыслителей в ереси¹³.

Приняв за основу нравственного совершенствования человека изучение работ античных философов, гуманисты предприняли масштабную попытку переломить культивируемый христианством индивидуализм и почувствовать связь членов общества между собой и с природой (однако не всегда эта связь имела для человека позитивное значение). Надо отметить, что изначально итальянское общество весьма снисходительно отнеслось к их изысканиям, благо в ту пору сложилась достаточно благоприятная и стабильная экономическая обстановка и разговоры о высоких идеалах импонировали весьма развитым в культурном плане участникам рыночных отношений.

Не следует также забывать, что итальянский гуманизм оказал серьезное влияние на формирование философской и политико-правовой мысли Испании, Германии, Франции, Англии и других стран, со временем породив и такие противоположности, как социальные утопии и макиавеллизм.

По мнению одного из авторитетнейших историков культуры Л. М. Брагиной, именно итальянскому гуманизму мы обязаны выработкой новых подходов к разработке государственно-правовой мысли¹⁴, изучавшей государство, общество, закон в контексте моральной философии.

Одно из наиболее популярных направлений итальянского гуманизма было представлено гражданским гуманизмом (Колуччо Салютати, Леонардо Бруни, Маттео Пальмиери, Аламманно Ринуччини, а также в определенные периоды Франческо Филельфо, Поджо Браччолини, Кристофо Ландино, Джованни Нези), ставившим знак равенства между правом, политикой и этикой.

В качестве ключевых тезисов это учение выдвигало обязательность труда (что весьма нетипично как для античности, так и для феодального общества), отказ от сословных привилегий (естественное благородство виделось не в происхождении и заслугах предков, а в нравственном совершенствовании и доблестных деяниях самой личности), республиканизм,

10 Цицерон М. Т. Об обязанностях. Книга III (XVII) (69) // Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993. — С. 141.

11 Хеффе О. Справедливость: Философское введение. — М., 2007. — С. 42.

12 Браччолини Поджо. Введение к застольному спору о жадности // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 93.

13 Лоренцо Вала в работе «Элегантии. Предисловие к шести книгам» писал: «Это обвинение в такой же мере касается настоящего сочинения, как и меня самого и остальных ученых, чьи занятия и изучение мирских сочинений вызывают осуждение... Великие боги, да неужто же в этих книгах нет ничего, кроме красноречия? Нет ни памяти о прошлом, ни истории народов, без которой всякий останется младенцем? Нет множества вещей, касающихся морали? Нет изложения всех наук?» // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — Предисловие к четвертой книге. — С. 129–130.

14 Брагина Л. М. Гуманистическая мысль Италии XV века // вступительная статья д.ист.н. Л. М. Брагиной к сборнику Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). — М.: Изд-во МГУ, 1985. — С. 14.

гражданскую активность и служение общему благу. Таким образом, гражданский гуманизм не только возрождал патриотизм и приоритет общественных интересов, весьма ценимые античной философией, но и являлся идеологическим средством борьбы с остатками феодализма, в частности, с сословным делением.

Наука о праве (наряду с медициной не входившая в число свободных искусств, но преподававшаяся в университетах) приобретала у гуманистов особое звучание. Во-первых, это было связано с тем, что правоведы оперировали текстами старых законов, а к писаному (причем древнему, латинскому) слову и возможности познания духа текстов у гуманистов было особое отношение.

Философ, филолог и историк Лоренцо Валла (1405 или 1407–1457) восторженно писал: «... я назвал бы блаженными тех, кто занимается правом; если бы они знали свое счастье! Поистине, какая другая наука (из тех, что преподаются публично) столь прекрасна и, если можно так сказать, столь драгоценна, как гражданское право? Может быть (начнем отсюда), «пonti-фикальное» право, которое называется каноническим и в значительной своей части является готическим? Может быть, философские сочинения, которых не понимают даже сами готы и вандалы?... Может быть, наконец, книги риториков, существующие донныне в великом множестве, способные научить говорить лишь на готский манер? Остается еще не тронутой и неприкосновенной, подобно Тарпейской скале среди разграбленного города, одна лишь наука о праве. И не галлы, но те же самые готы под видом дружеской заботы попытались осквернить и разрушить ее и продолжают это делать и поныне. Я сам, подобно М. Маилию Торквату, буду защищать ее, насколько хватит моих сил, да и все, кому дорого это имя, должны защищать ее. И когда они поступят так (а я надеюсь на это и мечтаю об этом), они превратятся из стряпчих в юристов»¹⁵.

Во-вторых, изучаемое древнее право неразрывно ассоциировалось со справедливостью — величайшей добродетелью, подтвержденной временем. Один из наиболее ярких представителей гражданского гуманизма и активный сторонник формирования новой гуманистической культуры Колюччо Салютати (1331–1406), рассуждая о достоинствах науки права, писал: «Юриспруденция определяется как знание божественных и человеческих предметов и наука о справедливом и несправедливом. Одна она, даже если ничто к ней не прибавлено, есть совершеннейшая мать всех добродетелей и надежное и неизменное их основание»¹⁶.

Л. М. Брагина отмечает, что «особое значение в гуманистическом учении Салютати обретает этика, которую он трактовал как главный компонент *studia humanitatis*, внутреннюю основу всего комплекса знаний, направляющих человека по пути к совершенству. Центральная мысль гуманиста — в ней можно видеть гражданственную направленность его этики — убеждение в том, что земная жизнь дана в удел людям и их собственная задача — построить ее в соответствии с природными законами добра и справедливости»¹⁷. Следует также отметить, что в целом итальянский гуманизм продемонстрировал веру в способности человека к нравственному совершенствованию, был практико-ориентированным.

Для лучшего понимания причин довольно воодушевленного отношения к правовой науке обратимся к работе ученика

и последователя К. Салютати Леонардо Бруни Аретино (1370 или 1374–1444) «Введение в науку о морали».

В ней философ дает определение нравственности, под которой понимает «то, что является хорошим и заслуживает похвалы и ведет происхождение от добродетели. Как считается исполненным безобразия и позора все то, что делается трусливо, или развратно, или же недостойным образом, так мы называем нравственным, почетным, прекрасным все то, что совершается с отвагой, воздержанностью и достоинством»¹⁸.

Леонардо Бруни Аретино также приводит классификацию добродетелей: «Изначально же разделение самих добродетелей заключается в том, что одни из них касаются нравов, а другие — разума. Объединяются же они тем, что все являются состояниями; различие между ними состоит в том, что моральные добродетели находятся в той части души, которая не имеет отношения к разуму, интеллектуальные же — в той, которая относится именно к разуму»¹⁹. Кроме того, моральные добродетели являются некоей серединой между излишеством и недостатком, интеллектуальные же пределов не имеют и не могут быть никакой серединой»²⁰.

И еще одно интересное наблюдение философа: «Добродетели противопостоят тому, к чему мы склонны по своей природе»²¹ (это разительное отличие от идеи прирожденного стремления к общей пользе, высказанной Цицероном, очевидно обусловлено сменой религиозных парадигм, господствующими индивидуалистическими началами).

Можно сделать вывод о том, что нравственность, по мнению Леонардо Бруни Аретино, позволяет нам оценить поведение с точки зрения добра и зла, а следование лежащим в ее основе добродетелям помогает человеку совершенствоваться в борьбе со своими природными пороками. Причем в отношении моральных добродетелей борьба эта не должна доходить до абсолюта — в качестве оптимального варианта принимается некая разумная середина между излишеством и недостатком.

А теперь возвращаемся к высокой нравственной оценке правовой науки, вернее, к справедливости и праву. Справедливость представляла собой одну из моральных добродетелей и, соответственно, требовала определения упомянутой выше середины. Для водораздела по-прежнему применялся критерий «общее благо (польза) — частное благо (польза)».

Сам Леонардо Бруни Аретино признавал наличие общих и частных интересов и отмечал: «Справедливость — двойственна. Одна справедливость — совершенная, и она включает в себя всякую добродетель. Вторая же справедливость является частной и представляет собой соразмерность»²². Соразмерность же заключается в том, чтобы не предпринимать ничего больше того, что нужно для достижения пользы и ничего меньше того, иначе возникли бы неудобства... Одна — это всеобщая добродетель, другая же — частная...»²³. При этом всеобщая справедливость непосредственно связана с законом: «Должно существовать некое соблюдение законов, законы же требуют проявления многих добродетелей и запрещают проявление любых пороков. Ведь те добродетели, которые имеют отношение к воздержанности, требуют, чтобы человек не совер-

15 Лоренцо Вала. Элегантности. Предисловие к шести книгам «элегантций»: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — Предисловие к четвертой книге. — С. 128.

16 Цит. по Уваровой О. А. Познавательная модель Колюччо Салютати: ранний гуманизм и позднесcholasticкая наука // От Средних веков к Возрождению: Сборник в честь профессора Л. М. Брагиной. — СПб., 2003. — С. 234.

17 Там же. — С. 310.

18 Леонардо Бруни Аретино. Введение в науку о морали: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 53–54.

19 Интеллектуальных добродетелей пять — мудрость, знание, опыт, понимание, искусство. Моральных гораздо больше, и к ним в т.ч. относится справедливость.

20 Леонардо Бруни Аретино. Указ. соч. — С. 56–57.

21 Там же. — С. 57.

22 Аристотель использует термин «равномерность» для характеристики этой «специальной» справедливости. Справедливость как вся добродетель именуется Аристотелем политической справедливостью, возможной лишь между свободными и равными, принадлежащими к одному обществу в целях самоудовлетворения.

23 Леонардо Бруни Аретино. Указ. соч. — С. 61–63.

шал измены, не делал низостей; те, которые имеют отношение к смелости, — чтобы человек не бежал с поля битвы, не покидал своего места в бою, не бросал бы оружия; те, которые касаются кротости, — чтобы не изрыгал ругательства, не дрался бы, не наносил оскорблений; и так во всем, что относится к добродетелям и порокам, — требуются одни и воспрещаются другие. Справедливым является то, что происходит в соответствии с законом. Следовательно, та часть справедливости, которая является стражем и блюстителем законов, всеобщая и относится к использованию всех добродетелей; и она называется совершенной не потому, что включает в себя все добродетели, а потому, что существует словно бы некая завершенная абсолютная добродетель»²⁴.

Именно закон государства априори рассматривается Леонардо Бруни Аретино как проявление всеобщей справедливости. При этом высшее благо философ отождествлял с полнокровным земным счастьем, когда человек получает наслаждение от многих конкретных осязаемых благ как личного, так и общественного характера. Такое видение высшего блага (добра) стало предметом острых дискуссий с современниками — Франческо Филельфо (бедность как довольствование малым, поскольку богатство тревожит и терзает душу)²⁵ и Лоренцо Валла (наслаждение в духе эпикурейского учения)²⁶. Может быть, именно признание в качестве высшего блага собственного земного счастья (включающего, однако, и общественное признание) и побудило Л. Бруни обратиться к вопросам частной, соразмерной справедливости.

Маттео Пальмиери (1406–1475) — еще один представитель гражданского гуманизма, рассуждая о справедливости, отмечал следующее: «Все крупнейшие философы сходятся в том, что справедливость состоит в наклонности души к сохранению общей пользы, к воздаянию каждому по его заслугам²⁷. Сама природа является первоначальной основой этой добродетели. Затем, появившись среди людей, она оказалась им полезной. Это подтверждается сложившейся традицией: недаром вначале Религия, а затем Справедливость свято установили и утвердили божественные и человеческие законы. Итак, существует два закона: первый — божественный закон природы; другой, сходный с этим природным законом, записан и одобрен людьми. Природный закон — это совершенный разум, укорененный в каждом, свойственный всем, истинный и вечный, везде, всегда и у всех народов один и тот же, бесконечный, неизменный и неоспоримый. От него брали начало и к нему сводились все хорошие записанные законы. От него происходят религия, обычаи и поклонение религиозным культам... Второй закон составлен и записан людьми так, чтобы обеспечить равное благополучие всем. Прежде чем он был установлен и утвержден, его нормы не были ни для кого обязательными, и можно было следовать им или пренебрегать ими. Сейчас, когда люди его одобрили, нарушение права считается настолько серьезным, насколько серьезным они его сами квалифицируют; и по их усмотрению устанавливаются соответствующие награды и наказания»²⁸.

Получается, что содержание закона человеческого весьма условно связано с божественным законом. Люди сами опреде-

ляют, что считать нормой, обеспечивающей требуемую природой общую пользу через равное благополучие (т. е. частную пользу) всех. Критерий общей пользы для нравственной оценки писаного закона Пальмиери не отрицает, но явно подчеркивает вариативность возможных решений и их договорозависимость. Не случайно им упоминаются «хорошие записанные законы».

В качестве таковых философ рассматривает законы Древнего Рима (Законы «Двенадцати таблиц», основой которых, по его мнению, являются законы, заимствованные римлянами у афинян, лакедемонян и многих других народов, пересмотренные «светлейшими умами признанных законодников»). Маттео Пальмиери пишет: «Наконец, они же, приспособленные нашими императорами, стали гражданскими законами, до сих пор действующими в качестве устрашающей узды для злых, на пользу и для поощрения добрых... без справедливости не может существовать не только город, но даже маленькая группа людей. Справедливость — основа согласия; согласие — основа порядка (*conservazione*); порядок — основа спокойной и мирной жизни. Справедливость — единственная добродетель, содержащая в себе все другие добродетели»²⁹.

При этом философ отмечает, что «добродетель справедливости намного больше всякой другой добродетели угодна всемогущему богу»³⁰.

При этом и Леонардо Бруни Аретино, и Маттео Пальмиери строго придерживались идеи подчинения личности требованиям гражданского долга, именно в этом, в первую очередь, видя нравственное совершенство человека. В отличие от них Леон Баттиста Альберти (1406–1472) (знарок канонического права и приверженец идеала гармоничной личности) отрицал такую необходимость. Политической деятельностью, по его мнению, можно даже пренебречь в угоду хозяйственным интересам семьи, поскольку благо семьи уравнивается с благом государства, т. к. семья — это не только основа предпринимательской деятельности, но и воспитатель нового поколения³¹. Можно заключить, что экономические интересы семьи (основного участника товарно-производственных отношений того периода) были не только уравнены с общей пользой, но и представлены в качестве ее основы. При этом философ осуждал чрезмерную страсть к стяжательству и эгоистическое отношение к самому богатству, коварство, грабежи, нечестие, подлость, а также лень и безделье³².

Дonato Аччайуоли обращал внимание на относительное единство в понимании справедливости в светской и религиозной культурах: «... юристы, философы и теологи в определении этой наиболее чтимой добродетели сходятся почти на одном и том же положении. Утверждая, что справедливость есть свойство, побуждающее наши души поступать праведно и воздавать каждому то, что ему полагается... Однако нам не следует забывать, что справедливость бывает разная. В одной случае она зовется основополагающей, или универсальной, и является упорядоченным соединением всех моральных добродетелей на благо другим и общее благо государства. В другом случае речь идет об особенной справедливости, одной из добродетелей, отличающейся по своей форме от всех других добродетелей и разделяющейся на справедливость

24 Там же. — С. 62–63.

25 Франческо Филельфо. Флорентийские беседы об изгнании. Книга третья: о бедности // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 120.

26 Там же. — С. 12, 19–20.

27 В данном случае, а также при различении справедливости на уравнительную и распределительную Пальмиери соглашается с Аристотелем.

28 Маттео Пальмиери. Речь, составленная Маттео Пальмиери, гонфалоньером компании, по приказу синьории, в которой ректоры и другие должностные лица побуждаются управлять справедливо: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 143–144.

29 Там же. — С. 144–145.

30 Маттео Пальмиери. Речь, составленная Маттео Пальмиери, гонфалоньером компании, по приказу синьории, в которой ректоры и другие должностные лица побуждаются управлять справедливо: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 145.

31 Там же. — С. 26–27.

32 Леон Баттиста Альберти. Рок и Фортуна // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 158–160.

распределительную и справедливость, относящуюся к обмену и обращению»³³.

Во взглядах Донато Аччайуоли опять чувствуется сильное влияние Аристотеля.

На уровне практической деятельности органов власти городов-государств внимание от основополагающей, всеобщей справедливости, обеспечивающей общее благо, все более смещается на справедливость частную, мера которой определяется субъективно государством. Если принять во внимание метафизические основания первой (природа, высший разум), то становится понятным, почему так происходит. Наиболее наглядно уход в практическую плоскость продемонстрирован Джанноццо Манетти (1396–1459) в «Речи, составленной мессером Джанноццо Манетти и произносимой другими перед высокой синьорией и ректорами во дворце, в коей они побуждаются управлять справедливо». Он говорил: «Любите справедливость, судьи земли... Поскольку мы будем говорить об этой знаменитой и необходимой добродетели справедливости, которой держится небо и управляется земля и ад, прежде всего нам следует знать, что есть справедливость сама по себе. Она является не чем иным, как вознаграждением добра и наказанием зла, что и делает господь наш бог; но вознаграждение дается им по милости, а наказание дается с состраданием...»³⁴

Можно сделать вывод о том, что большинство итальянских гуманистов справедливостью как всеобщей добродетелью считали рукотворное гражданское право (писанный закон), воспринимая его как некий абсолюте, проверенный временем. При этом они прекрасно осознавали рукотворность данного права. Цицерон же рассматривал гражданское право как порождение закона, источником которого является природа, разум. Справедливость являлась, по его разумению, свойством рукотворного закона, общего для всех и существующего вне зависимости от государства.

Никто из гуманистов не отрицал направленности высшей справедливости на общее благо, но практические вопросы распределения общего блага или перераспределения блага частного вызывали у них гораздо больший интерес. Именно в этом направлении осуществлялся поиск справедливости. В свое время Аристотель утверждал, что политическая справедливость возможна только между равными и свободными. Однако социальная структура общества города-государства было весьма неоднородна. Наряду с нобилиями на политическую арену пытались активно выйти низы. Поэтому при определении официальной меры справедливого соотношения общих и частных интересов надо было предложить новое видение «своих» и «чужих», не известное рабовладельческому и феодальному обществам (проблем в определении критериев различия между этими слоями не существовало). Эти «свои» должны были быть едины в понимании высшего блага, для оформления и защиты которого и нужно было их объединение. Один из вариантов предложил Аламанно Ринуччини. С одной стороны, он также как Аристотель провозгласил, что «... основой свободы является равенство граждан. Оно достигается в первую очередь тем, что богатые не угнетают бедных и, с другой стороны, богатые не испытывают насилия со стороны бедных, но каждый может надежно обезопасить свое добро

от притязаний других лиц»³⁵. С другой стороны, Аламанно Ринуччини констатировал поражение коллективистских традиций античного мира: «... наше государство лишается того блага, которое по словам Аристотеля, свойственно свободным государствам, а именно: быть словно одним телом, имеющим много голов, много рук и ног»³⁶. Поэтому философ разработал следующую модель организации жизни в государстве: «Более всего соответствует свободе и справедливости такой порядок, когда все, кто частным образом поддерживает республику уплатой налогов, пользуются благами и выгодами от нее»³⁷. Таким образом, высшим благом в государстве фактически была объявлена частная собственность³⁸.

Если сравнить с Аристотелем («тем, кто вкладывает большую долю для такого (государственного) общения, надлежит принимать в государственной жизни и большее участие, нежели тем, кто, будучи равен с ними или даже превосходя их в отношении свободного и благородного происхождения, не может сравниться с ними в государственной добродетели, или тем, кто, превосходя богатством, не в состоянии превзойти их в добродетели»)³⁹, становится очевидным, что государственная жизнь рассматривалась Аламанно Ринуччини как взаимовыгодное сотрудничество имущих.

Выработка нового принципа государственно-правового регулирования позволяла сгладить социальные, религиозные, национальные, языковые, профессиональные и прочие различия (хотя эти различия сохранили свою актуальность на уровне соответствующих корпораций, в изобилии известных средневековью) и устанавливала юридическое (формальное) равенство всех существовавших в государстве социальных групп, т.е. еще более «спланивала» их политической властью. Идеи Аламанно Ринуччини были весьма характерны для итальянского общества XV в.

Но все-таки надо отдать должное попыткам философов обосновать приоритет общей пользы и необходимость поиска разумного компромисса между частными и коллективными интересами в период развития индивидуалистических начал. Даже работы итальянских гуманистов свидетельствуют о том, что реальность была весьма и весьма далека от излагаемых ими гуманистических идей нравственного самосовершенствования. В процессе спора о ценности общего блага и критики церковной морали устами одного из оппонентов Поджо Браччолини отмечал: «На самом деле, кто пренебрегает собственной выгодой и ищет только общественного блага? Я до сегодняшнего дня не знаю никого, кто мог бы позволить себе сделать это безнаказанно. Утверждения философов, что общая польза превыше всего, являются скорее обманом, чем истиной. Мы не можем измерять жизнь смертных на весах философии. То, что нас больше волнует личные, а не общественные дела, вошло в обычай, принято всеми и повелось с основания мира. И мы все признали бы это, если бы не предпочитали обыденным словам громкие»⁴⁰.

В работе Леона Баттисты Альберти «Добродетель», взывая к помощи Меркурия, Добродетель говорила: «Не дай стать мне, пожалуйста, предметом насмешек и для смертных, если

33 Донато Аччайуоли. Речь, произнесенная Донато Ди Нери Ди мессер Донато Аччайуоли, гонфалоньером компании из финансистов: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 147–148.

34 Джанноццо Манетти (1396–1459). Речь, составленная мессером Джанноццо Манетти и произносимая другими перед высокой синьорией и ректорами во дворце, в коей они побуждаются управлять справедливо // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 138–140.

35 Аламанно Ринуччини. Диалог о свободе: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 171.

36 Там же. — С. 172.

37 Аламанно Ринуччини. Диалог о свободе: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 173.

38 Не следует забывать, что налогами в городах-государствах облагались далеко не все категории горожан.

39 Аристотель. Политика. Книга III. V 14–15 [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Библиотека Гумер». — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/03.php.

40 Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 90.

уж все вы, боги, мною пренебрегаете; ведь это будет позором и для всего сословия богов, если эти жалкие людюшки начнут презирать меня, богиню, хотя и самую низшую»⁴¹. Меркурий же отвечал, что она затеяла против Фортуны «слишком уж трудное и тяжелое дело», «поэтому, если хочешь быть разумной, живи незаметно среди простых богов, пока не утихнет ненависть Фортуны к тебе». Заканчивался диалог словами Добродетели: «Значит, мне придется скрываться веки вечные. Ну что ж, я удаляюсь, униженная и нищая»⁴².

С другой стороны, Леона Баттисту Альберти нельзя обвинить в пессимизме относительно нравственных качеств человека. Причины человеческих несчастий он видел в самом человеке, а значит, от человека зависело их устранение: «Но так уж у них (людей) повелось: как только по глупости своей и бездарности они навлекут на себя какие-то тяжкие несчастья, тотчас же обращаются к богам, при этом желая, чтобы боги отвратили то, что сами же люди начали; они, пожалуй, уже не столько просят чего-либо, сколько силою пытаются вырвать это. И ты, если хочешь уничтожить причину несчастий, никогда не жди, что какие-то боги отвратят от тебя несчастье, но, поняв, что сами люди приносят людям несчастье, вместо того чтобы молить богов о защите, старайся воздействовать на самих людей»⁴³.

Уже упоминавшийся Маттео Пальмиери, обнаружив идеал общественного устройства в догосударственном периоде с коллективной собственностью и понимая невозможность достижения справедливости как естественного закона разума в реальной жизни вслед за Цицероном поддерживал идею сочетания частной собственности с собственностью общественной.

В работах итальянских гуманистов продемонстрировано принципиально отличное от античной эпохи восприятие взаимоотношений человека, Бога и природы. Вера в возможность человека позволила позиционировать его, говоря словами Джанноццо Манетти, в качестве «смертного бога»⁴⁴. Не следует также забывать, что к XV в. схоластами уже было разработано учение о достоинстве человека. Высшее место, занимаемое человеком в иерархии божественных творений, согласно этому учению, обусловлено тем, что последний создан по образу и подобию божью, в отличие от других представителей тварного мира. Кроме того, природа в рамках христианской традиции рассматривалась как результат божественного творения, а не как условие жизни человека и богов, полноправный участник взаимного сосуществования, что было характерно для язычества. Природой отныне объяснялись, скорее, пороки и несовершенство человека, с которыми надо бороться, дабы приблизиться к Богу. Особенно это касалось моральных добродетелей. Бог же, а не природа позиционировались как источник высшей справедливости. Таким образом, природа постепенно начала выводиться за рамки отношений человека и Бога, а также людей между собой, занимать по отношению к ним подчиненное место, позволяющее, однако, раскрыть человеку заложенный в него потенциал. Без подобного переосмысления взаимодействия человека и природы невозможно было прийти к упоминавшейся ранее механистической картине мировосприятия.

41 Леон Баттиста Альберти. *Добродетель* // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 155.

42 Там же. — С. 155–156.

43 Леон Баттиста Альберти. *Добродетель* // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 153.

44 Джанноццо Манетти (1396–1459). Речь, составленная мессером Джанноццо Манетти и произносимая другими перед высокой синьорией и ректорами во дворце, в коей они побуждаются управлять справедливо // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985. — С. 138.

Несмотря на очевидно гуманистическую ориентацию, веру в нравственное совершенствование человека, итальянские философы эпохи Возрождения так или иначе заявили частное благо (пользу) и, соответственно, частную собственность как новый универсальный критерий, способный объединить лиц в государстве и дать им власть над обществом (естественно, для общей же пользы)⁴⁵.

Косвенным подтверждением этого вывода может служить и последовательно проводимая ими абсолютизация гражданского права как справедливости и высшей добродетели. Фактически с этой поры нравственность гражданского права становится неопровержимой презумпцией, поддерживаемой до настоящего времени. Можно предположить, что аналогичная презумпция не могла не поддерживаться теологами в отношении канонического права, а также цехами и гильдиями для цехового и гильдейского права, соответственно.

Еще один важный момент для обоснования нравственного содержания права мог заключаться и в том, что оно в большинстве своем было тесно связано с установившимися обычаями и традициями, являлось своеобразной исторической памятью традиционного общества. Давность (в условиях циклического восприятия развития общественных отношений) — достаточно убедительный аргумент, соответствующий предложенной Цицероном верности («делается так») как основанию справедливости.

Проведенный анализ показал, что и в античные времена, и в эпоху Возрождения существовали учения, позиционировавшие нравственные основания права, отмечавшие его прямую связь со справедливостью. Однако одновременно трансформировалось само понимание права, а также критерии определения его справедливости. Значительную роль в изменении обоснования нравственности права сыграли последовавшие за развитием экономических отношений усложнение социальной структуры общества и формирование новых общностей. Между критериями, объединяющими эти общности (и, следовательно, признаваемой и разделяемой ею системой ценностей и выработанных на их основе норм), и определением того, что является справедливым, а что — нет, существует устойчивая связь. Люди в рамках государства утверждают и защищают то, что их объединяет и соответствует их согласованным (взаимным, общим) интересам (речь идет не обязательно обо всех членах общества, а только о тех, кто в этом обществе имеет легальное право устанавливать общеобязательные нормы). Справедливость определяет меру сочетания интересов одного и всех прочих в сообществе «своих», позиционируемое как норму в отношении всех других в этом государстве. Само понимание высшего блага, объединяющего людей, может варьироваться в зависимости от конкретно-исторических условий и господствующего мировоззрения. Достигнутое соглашение относительно меры стандартно оформляется при помощи официального права, которое всегда позиционируется официальной властью как справедливое. Любая же критика справедливости действующего права неизбежно выходит на проблематику критериев объединения властного сообщества (общества в целом) и легитимности его императивности. Чем более универсальный и реальный критерий будет предложен для формирования общности, тем большее количество лиц этого государства окажутся вовлеченными и учтенными при определении меры поведения, являющейся справедливой.

Пока в качестве такого универсального и реального (а не формального) критерия объединения был предложен только правовой закон. Но, к сожалению, этот критерий является внешним по отношению к системе общественных отношений.

Дальнейшее развитие вопросов нравственного содержания правовых предписаний нашло отражение в работе Г. В. Гегеля

45 Богатые даже несли некие общие затраты, в которых не участвовали те, кто не являлся налогоплательщиком.

(1770–1831), который в «Философии права» обосновал и существенно обогатил идеи, высказанные в данной области Аристотелем, Гоббсом, Локком, Монтескье, Руссо.

Немецкий философ, основоположник немецкой классической философии Иммануил Кант (1724–1804) обосновал представление о человеке как свободном индивиде. Его своеволие ограничивается исключительно нравственным законом, увязывая нравственные и правовые требования в форме высшей моральной ценности «категорическим императивом»: «Поступай так, чтобы максима твоего поведения на основе твоей воли могла стать общим естественным законом».

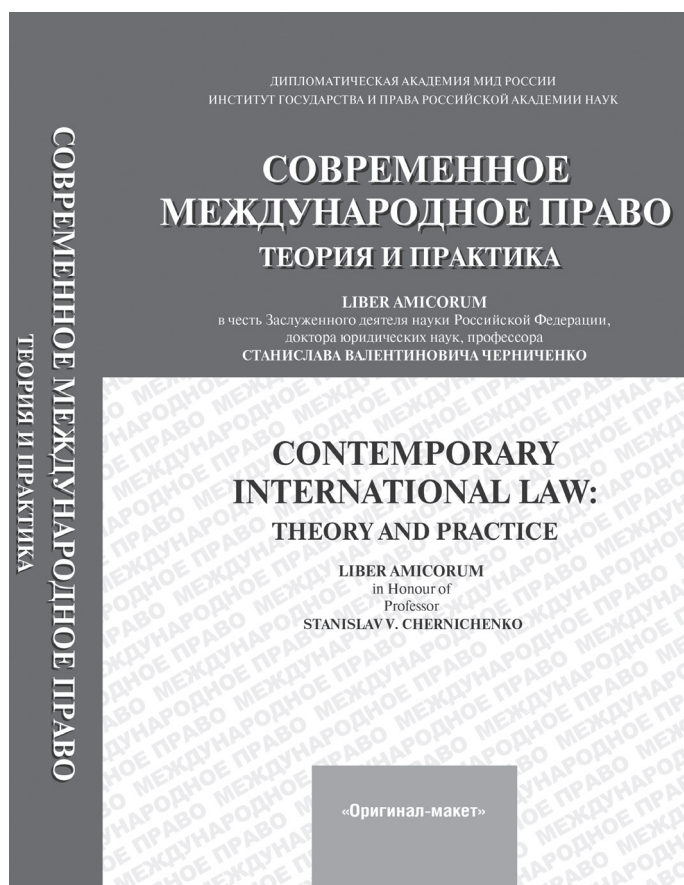
Несомненным научным подвигом И. Канта стала концепция всеобщего правового состояния и вечного мира между народами, что особенно значимо для современного времени. Но это предмет специального исследования.

Прав был Р. Эмерсон, сказавший, что истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и образования, не величие городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной.

Развитие идей правовой деонтологии в контексте немецкой классической философии — предмет специального исследования и самостоятельной публикации.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Политика. Книга III, V, 14–15 [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Библиотека Гумер». — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/03.php.
2. История политических и правовых учений. Часть I. Западная политико-правовая мысль. Хрестоматия. — Воронеж, 2000.
3. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. — М., 1985.
4. Уварова О. А. Познавательная модель Колуччо Салютати: ранний гуманизм и позднесcholasticкая наука // От Средних веков к Возрождению: Сборник в честь профессора Л. М. Брагиной. — СПб., 2003.
5. Хеффе О. Справедливость: Философское введение. — М., 2007.
6. Цицерон М. Т. О государстве. Книга I. Предисловие [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Античная литература». — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1414870001>.
7. Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993.

Нигматуллин Р. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: в статье рассматриваются международно-правовые основы регламентации сферы ядерной безопасности. Автором подробно изучены стандарты, заложенные в документах Организации Объединенных Наций и межгосударственных соглашениях. Также автор указывает на основные угрозы ядерной безопасности и определяет узловые проблемы развития межгосударственного сотрудничества в сфере обеспечения ядерной безопасности.

Ключевые слова: Генеральная Ассамблея ООН, международное ядерное право, «ядерный клуб», ядерное оружие, зоны, свободные от ядерного оружия.

Nigmatullin R. V.

CURRENT PROBLEMS OF NUCLEAR SAFETY TODAY

Annotation: The article deals with international legal basis on nuclear safety regulation. The author of a detailed study of the standards laid down in the documents of the United Nations and international agreements. The author also points to the major threats to nuclear safety and identifies key problems of international cooperation in the field of nuclear safety.

Keywords: The UN General Assembly, the international nuclear law, the «nuclear club» nuclear weapons-free zones nuclear weapons.

Нигматуллин Р. В.

Изобретение человечеством ядерного оружия многие десятилетия вполне обоснованно воспринималось как средство предотвращения глобальной войны. По мнению ведущих ученых-международников, значительную роль в том, что конфронтация Востока и Запада не переросла в третью мировую войну сыграло изобретение ядерного оружия, которое гарантировало взаимное уничтожение, ликвидировало институт победы в такой войне, сдерживало развязывание «центральной» войны между двумя ядерными полюсами¹. Вместе с тем вполне очевидно, что ядерное оружие многократно повысило уровень опасности как для участников международного конфликта, так и для международной безопасности в целом.

Первоначально ядерной проблемой озаботились державы, которые сегодня принято называть «ядерным клубом»: Россия, США, Великобритания, Франция и Китай. Долгое время, исходя из положений Договора о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года (ДНЯО), они считали себя единственными «легитимными» членами ядерного клуба. В пункте 3 статьи IX Договора 1968 года указано: «Для целей настоящего Договора государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 года»².

В последующем число государств, занимающихся ядерными исследованиями, значительно возросло. По оценке некоторых специалистов в настоящее время более двадцати государств являются нелегальными, «теневыми ядерными государствами» или располагают технологиями создания ядерного оружия.³ Активное исследование ядерной темы в теоретическом и практическом плане уже в короткие сроки поставило перед человечеством проблему обеспечения безопасности при использовании ядерной энергии в мирных и военных целях. Реакцией мирового сообщества на мирное использование ядерной энергии стало создание в 1956 году Международного агентства по атомной энергии — МАГАТЭ. Целью этой между-

народной организации, как это записано в ст. II Устава, является достижение более скорого и широкого использования атомной энергии для поддержания мира, благосостояния, здоровья людей во всем мире. Агентство также обеспечивает, чтобы помощь, представляемая им или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не была использована таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели⁴.

Борьба с разработкой, испытанием и размещением ядерного оружия, начавшаяся практически с его появлением, выразилась в принятии международных юридически обязывающих договоров. Краеугольным документом стал уже упоминавшийся Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года, который вступил в силу 5 марта 1970 года. Значимость Договора выражается еще в том, что после вступления его в силу была разработана полномасштабная система гарантий МАГАТЭ и начал работу Комитет ядерных экспертов⁵.

В настоящее время можно говорить о сложившейся системе ограничителей обращения с ядерной энергией. Ее правовую основу составляют международные договоры, которые можно сгруппировать по предмету регулируемых отношений:

1. В сфере борьбы с разработкой, испытанием и размещением ядерного оружия:

а) Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г.;

б) Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 24 сентября 1996 г.;

в) Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г.;

г) Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения от 11 февраля 1971 г.;

д) Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 20 января 1967 г.;

1 Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — М., 2012. — С. 417.

2 Договор о нераспространении ядерного оружия 1 июля 1968 г. / Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. — Том 2. — М., 1997. — С. 403.

3 Анненков В. И., Баранов С. Н., Хархалуп С. С. Ядерный терроризм: современные угрозы международному сообществу / Под общ. ред. проф. В. И. Анненкова. — М., 2013. — С. 58–60.

4 Устав Международного агентства по атомной энергии / Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. — Том 3. — М., 1997. — С. 292.

5 См.: Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Международное ядерное право // Международное право: Особенная часть / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. — С. 416–444.

е) Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.;

ж) Региональные международные договоры о создании районов, свободных от ядерного оружия (Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке от 14 января 1967 г. (Договор Тлателолко); Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана от 6 августа 1985 г. (Договор Раротонга); Пелиндабский договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке от 23 июня 1995 г. (Договор Пелиндаба); Договор о безъядерной зоне в юго-восточной Азии от 15 декабря 1995 г. (Бангкокский договор); Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии от 8 сентября 2006 г. (Семипалатинский договор);

з) двусторонние договоры между государствами относительно ядерного оружия.

II. В сфере борьбы с радиоактивным заражением планеты:

а) Международная конвенция о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. (с поправками 1994 г.);

б) Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г.;

в) Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии и о помощи в случае ядерной аварии или радиоактивной аварийной ситуации 1986 г.;

г) Конвенция о ядерной безопасности 1994 г.;

д) Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или аварийной ситуации 1986 г.;

е) Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами 1997 г.

III. В сфере ответственности за ядерную деятельность и защиту трудящихся:

а) Конвенция о защите трудящихся от ионизирующей радиации 1960 г.;

б) Конвенция об ответственности в отношении третьих лиц в области ядерной энергии 1960 г. (с поправками 1964, 1982 гг.);

в) Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г. (с поправками 1997 г.);

г) Конвенция об ответственности операторов ядерных судов 1962 г. (не действует);

д) Конвенция о гражданской ответственности в области морских перевозок ядерных материалов 1971 г.⁶

Вместе с тем необходимо отметить, что после распада мировой социалистической системы, реальным выражением чего с точки зрения обеспечения ядерной безопасности явилась ликвидация Организации Варшавского договора, а затем и после распада СССР, значительно изменилась структура ядерного сдерживания. Часть восточноевропейских государств и страны Балтии были приняты в НАТО, наследником «ядерного щита» СССР стала Россия. Череда военных конфликтов, прокатившаяся по планете с 1990-х годов по настоящее время, позволяет некоторым исследователям говорить о снижении порога применения силы в отношениях между ядерными державами и о технически и психологически более возможном прямом столкновении ядерных держав, чем это было двадцать или тридцать лет назад.⁷ В этой связи можно без преувеличения говорить о несомненной важности Конференции участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) по рассмотрению действия Договора, которая должна состояться с 27 апреля по 22 мая 2015 года в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

Председателем этой Обзорной конференции назначена посол Таус Ферухи (Алжир). В ходе работы конференции предполагается рассмотреть ряд ключевых вопросов, в том числе

придание Договору универсального характера; ядерное разоружение, включая конкретные практические меры; ядерное нераспространение, включая поощрение и укрепление гарантий, а также меры по достижению прогресса в мирном использовании ядерной энергии и обеспечении ядерной безопасности; региональное разоружение и нераспространение, осуществление резолюции 1995 года по Ближнему Востоку; меры, касающиеся вопроса о выходе из Договора; меры по дальнейшему усилению обзорного процесса и пути поощрения взаимодействия с гражданским обществом в укреплении норм, установленных ДНЯО, и в содействии просвещению в области разоружения.

По оценке МИД РФ — это очень ответственное мероприятие и было бы очень важно, чтобы Россия и США выступали на ней не вразнобой, а с позиций, которые бы помогли укреплению режима этого договора⁸.

Одним из важнейших международно-правовых документов в сфере борьбы с радиоактивным заражением планеты является Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 года. В июле 2005 года на Дипломатической конференции МАГАТЭ была принята Поправка к конвенции. Ее содержание направлено на противодействие ядерному терроризму, что выражается в значительном усилении системы мер оперативного реагирования в случае хищения ядерного материала, включающей информационное взаимодействие и оказание международной помощи. К сожалению Поправка в настоящее время в силу не вступила⁹.

Мировое сообщество также выражает широкую поддержку усилиям России и других государств по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы, что способствует улучшению международной обстановки в целом.

Зоны, свободные от ядерного оружия, представляют собой реальное воплощение усилий государств на пути к безъядерному миру. Как отмечалось выше, первая безъядерная зона была создана в Латинской Америке и Карибском регионе. В последующие годы были учреждены еще четыре зоны в южной части Тихого океана, в Юго-Восточной Азии, в Африке и Центральной Азии. Комиссия ООН по разоружению в своем докладе от 30 апреля 1999 года рекомендовала ряд принципов и руководящих положений по созданию зоны, свободной от ядерного оружия. В документе, в частности, отмечается:

– зоны, свободные от ядерного оружия, должны создаваться на основе договоренностей, добровольно заключенных между государствами соответствующего региона;

– инициатива по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, должна исходить исключительно от государств соответствующего региона и воплощаться в жизнь всеми государствами этого региона;

– с государствами, обладающими ядерным оружием, следует консультироваться в ходе переговоров о заключении каждого договора и его соответствующего протокола (ов) о создании зоны, свободной от ядерного оружия, с тем, чтобы способствовать подписанию и ратификации ими соответствующего протокола (ов) к договору, посредством чего они берут на себя требующие безусловного выполнения юридические обязательства в отношении статуса зоны и обязательства не применять и не угрожать применением ядерного оружия против государств-участников этого договора;

8 Интервью заместителя Министра иностранных дел России С. А. Рябкова информагентству «Россия сегодня», 2 марта 2015 года. Официальный сайт МИД России [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdcomp/ns_publ.nsf/cb8e241d18a8904ec3256fc7002ddc0e/44257b10005e0ca43257dfc00537d23!OpenDocument (20.03.2015).

9 Кожевников К. К. Международно-правовые основы физической защиты ядерного материала и Саммит по ядерной безопасности 2014 г.: современное состояние и перспективы // Международное публичное и частное право. 2014. № 4 (79). С. 21.

6 См.: Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Указ. соч. С. 416–444.

7 Фененко А. В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. — М., 2013. — С. 16.

– договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, должен предусматривать эффективный запрет в отношении разработки, производства, контроля, обладания, испытания, размещения и транспортировки государствами-участниками договора ядерных взрывных устройств любого типа с какой бы то ни было целью и должен содержать четкое положение о том, что государства-участники договора не позволяют никакому другому государству размещать какие бы то ни было ядерные взрывные устройства в пределах зоны;

– зона, свободная от ядерного оружия, не должны препятствовать использованию ядерной науки и технологии в мирных целях и могла бы также способствовать, если это предусмотрено в договорах о создании таких зон, двустороннему, региональному и международному сотрудничеству в мирном использовании ядерной энергии в пределах зоны в целях содействия социально-экономическому и научно-техническому развитию государств-участников¹⁰.

На 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2009 года президент России Д. А. Медведев призвал к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств его доставки. Эта инициатива России нашла поддержку мирового сообщества и Генеральная Ассамблея ООН на 67-й сессии в своей резолюции от 3 декабря 2012 года призвала все государства серьезно рассмотреть вопрос о принятии практических и срочных мер, необходимых для осуществления предложения о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока согласно соответствующим резолюциям Генеральной Ассамблеи, и в качестве средства достижения этой цели предложила соответствующим странам присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия.¹¹ Учитывая тот факт, что пять сформированных безъядерных зон уже охватывают территории более 110 государств, можно с уверенностью утверждать, что увеличение числа зон будет играть важную роль в достижении всеобщего и полного разоружения.

Как отмечают немецкие ученые, в современную эпоху защита безъядерных государств от действий ядерных государств и потенциальных новых ядерных государств все больше актуализируется¹². Необходимо добавить, что не отвергая это мнение, на наш взгляд, большей опасностью является распространение ядерного оружия, в том числе оружия массового поражения, в результате попадания его в руки негосударственных структур, в первую очередь — террористов. Так, в комментарии МИД России, опубликованном в марте 2015 года, упоминаются многочисленные сообщения о применении химических веществ антиправительственными террористическими группировками, базирующимися на территории Ирака и Сирии¹³. В этих условиях создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока может быть осуществлено только после установления государствами региона, такими как Ирак, Сирия, Ливия, полного контроля над своей территорией, которая в настоящее время подвергается нападкам радикальных группировок. В этих условиях Российская Федерация предлагает провести под эгидой ООН комплексный анализ проблем, способствующих усилению экстремизма и терроризма на пространстве Ближ-

него Востока и Северной Африки во всей их совокупности, включая арабо-израильский конфликт¹⁴.

Важным аспектом разоруженческой политики является деятельность мирового сообщества по предотвращению появления оружия в космосе. Россия в 2004 году на Генеральной Ассамблее ООН призвала не допустить превращения космоса в арену вооруженного противостояния и объявила о российско-китайской инициативе по заключению соответствующего договора¹⁵. В настоящее время российско-китайский проект международного договора о запрещении размещения оружия в космосе получил поддержку 126 стран, 33 государства считаются соавторами документа¹⁶. К сожалению, США, Украина и Грузия высказались против, а страны Европейского союза воздержались от голосования. Принятие юридически обязывающего договора стало бы серьезным шагом, препятствующим снижению порога применения ядерного оружия.

Как известно, Россия с 11 марта 2015 года приняла решение приостановить свое участие в заседаниях Совместной консультативной группы по ДОВСЕ¹⁷. Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан 19 ноября 1990 в Париже между странами НАТО и государствами-участниками Организации Варшавского договора. Общим группам государств-участников Договора разрешалось иметь равное количество обычных вооружений и боевой техники. После вступления в НАТО Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехии и Словакии он перестал отражать реальную расстановку обычных вооруженных сил в Европе. Назрела необходимость принятия нового соглашения, адекватного сегодняшней ситуации. Почему мы упомянули проблему обычных вооруженных сил? Дело в том, что обычные вооруженные силы могут иметь высокоточное оружие, в том числе крылатые ракеты, которые могут быть оснащены как ядерными, так и неядерными боеголовками.

Анализ сложившейся международно-правовой системы регулирования обращения с ядерной энергией позволяет сделать вывод о достаточных гарантиях обеспечения безопасности человечества. Однако необходимо отметить, что геополитические изменения породили новые вызовы, создающие реальные угрозы выполнению международно-правовых обязательств государствами.

В этой связи остается только приветствовать стремление большинства государств мира к вдумчивой, целенаправленной работе по снижению существующих рисков, активизацию деятельности международных межправительственных организаций. Значительная роль в этой деятельности отводится членам «ядерного клуба», в первую очередь России и США. Обеспечение ядерной безопасности также требует эффективной работы различных контрольных механизмов как договорного, так и политического характера.

Цифры, факты и цитаты сверены с первоисточником.

Пристатейный библиографический список

1. Док. ООН А/54/42.
2. Док. ООН А/RES/67/28.
3. Док. ООН А/59/PV.8.
- 14 Статья Министра иностранных дел России С. В. Лаврова «Приоритеты России в Европе и мире», опубликованная в январском номере сербского журнала «Горизонты». Официальный сайт МИД России. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/ns_publ.nsf/cb8e241d18a8904ec3256fc7002ddc0e/e468ec48f12d919143257deb005061fd!OpenDocument. (20.03.2015).
- 15 Док. ООН А/59/PV.8.
- 16 Интервью директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями М. И. Ульянова информагентству «Россия сегодня», 20 января 2015 года. Официальный сайт МИД России [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/ns_publ.nsf/cb8e241d18a8904ec3256fc7002ddc0e/44257b100055e0ca43257dd3005873c2!OpenDocument (23.03.2015).
- 17 Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 года.

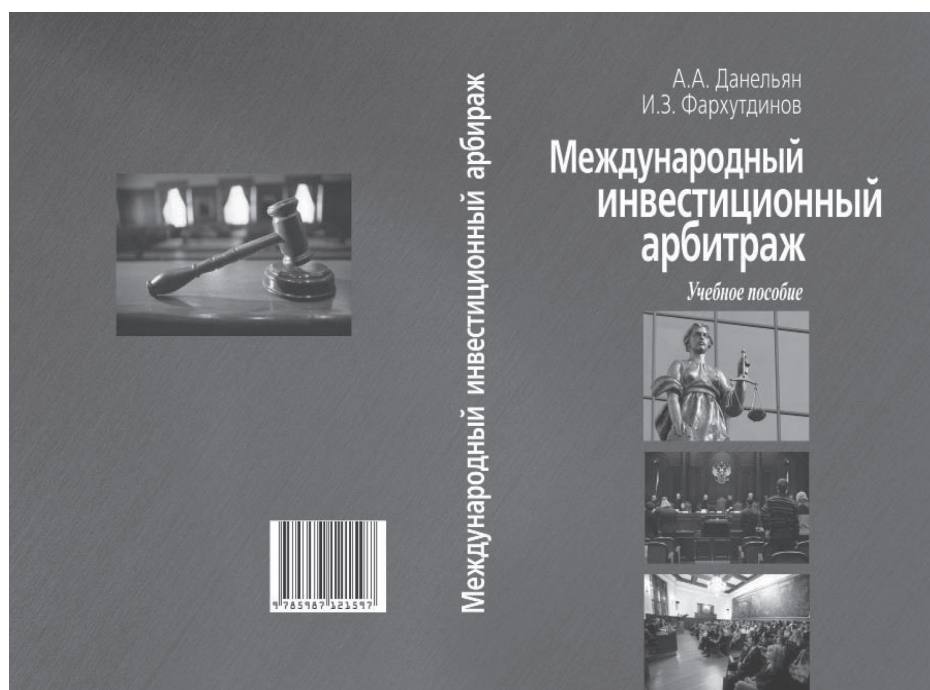
10 Док. ООН А/54/42.

11 Док. ООН А/RES/67/28.

12 Международное право. Вольфганг Граф Витцтум [и др.]; пер. с нем. / [В. Бергманн, пред., сост.] М., 2011. — С. 865–866.

13 Комментарий Департамента информации и печати МИД России относительно применения боевиками «Исламского государства» химических веществ на севере Ирака. Официальный сайт МИД России. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/93E4A98E6CE66C6643257E0A0045CA0C. (20.03.2015).

4. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Международное ядерное право // Международное право: Особенная часть / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013.
5. Анненков В. И., Баранов С. Н., Хархалуп С. С. Ядерный терроризм: современные угрозы международному сообществу / Под общ. ред. проф. В. И. Анненкова — М., 2013.
6. Договор о нераспространении ядерного оружия 1 июля 1968 г. / Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. — Том 2. — М., 1997.
7. Интервью заместителя Министра иностранных дел России С. А. Рябкова информагентству «Россия сегодня», 2 марта 2015 года. Официальный сайт МИД России. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/ns_publ.nsf/cb8e241d18a8904ec3256fc7002ddc0e/44257b100055e0ca43257dfc00537d23!OpenDocument (20.03.2015).
8. Интервью директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями М. И. Ульянова информагентству «Россия сегодня», 20 января 2015 года. Официальный сайт МИД России [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/ns_publ.nsf/cb8e241d18a8904ec3256fc7002ddc0e/44257b100055e0ca43257dd3005873c2!OpenDocument (23.03.2015).
9. Кожевников К. К. Международно-правовые основы физической защиты ядерного материала и Саммит по ядерной безопасности 2014 г.: современное состояние и перспективы // Международное публичное и частное право. 2014. № 4 (79).
10. Комментарий Департамента информации и печати МИД России относительно применения боевиками «Исламского государства» химических веществ на севере Ирака. Официальный сайт МИД России. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/93E4A98E6CE66C6643257E0A0045CA0C. (20.03.2015).
11. Международное право. Вольфганг Граф Витцтум [и др]; пер. с нем. / [В. Бергманн, пред., сост.] М., 2011.
12. Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — М., 2012.
13. Статья Министра иностранных дел России С. В. Лаврова «Приоритеты России в Европе и мире», опубликованная в январском номере сербского журнала «Горизонты». Официальный сайт МИД России. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/ns_publ.nsf/cb8e241d18a8904ec3256fc7002ddc0e/e468ec48f12d919143257deb005061fd!OpenDocument. (20.03.2015).
14. Устав Международного агентства по атомной энергии / Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. — Том 2, 3. — М., 1997.
15. Фененко А. В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. — М., 2013.

Тимонин А. Н.

ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА: ОТ ДЕТЕРМИНИЗМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ И ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ?

Статья посвящена критическому анализу наиболее популярной в отечественной юридической литературе трактовке происхождения государства, которая была разработана А. Б. Венгеровым. Изучив научную и учебную литературу, выявив основные концептуальные положения данной трактовки, автор по-новому атрибутирует эту теорию как дуалистическую (техно-экологическую) теорию происхождения государства.

Ключевые слова: происхождение государства, историко-материалистические концепции происхождения государства, «кризисная» теория происхождения государства, технологический детерминизм, экологический детерминизм, дуалистическая (техно-экологическая) теория происхождения государства.

Timonin A. N.

DUALISTIC THEORY OF THE ORIGIN OF THE STATE: FROM THE ECONOMIC DETERMINISM TO THE TECHNOLOGICAL AND ECOLOGICAL ONE?

The article is dedicated to the critical analysis of the theory of the origin of the state developed by A. B. Vengerov, which is one of the most popular in the national legal literature. Having studied scientific and educational literature, having revealed the basic conceptual provisions of this interpretation, the author attributes this theory in a new way as a dualistic (technical and ecological) theory of an origin of the state.

Keywords: origin of the state, historical materialistic concepts of the origin of the state, «crisis» theory of the origin of the state, technological determinism, ecological determinism, dualistic (technical and ecological) theory of the origin of the state.

Тимонин А. Н.

В Советском Союзе многие были убеждены в том, что труды классиков марксизма обладают непререкаемым авторитетом, что именно в них содержится единственно верное учение о государстве, праве, обществе в целом и их генезисе. Каким бы отклонением от генеральной линии не допускались и рассматривались в качестве еретических со всеми вытекающими отсюда последствиями. В результате наиболее важные труды Маркса, Энгельса и Ленина стали для советских ученых неким подобием священных библейских текстов. В соответствии с тогдашними представлениями классиками марксизма было открыто множество «истин», которые не могли быть пересмотрены чисто логическим путем. Их нельзя было опровергнуть, даже основываясь на новых фактах. Конечно же, из этого правила могли быть исключения. Но и тогда, когда целым рядом наук, так или иначе связанных с историей, были открыты целые цивилизации, неизвестные ни Марксу, ни Энгельсу, ни Ленину, когда сведения о них расходились с взглядами классиков, надо было исходить не из новых фактов, а руководствоваться во всем марксистскими идейно-теоретическими конструктами.

Вслед за Марксом и Энгельсом тогда многие были готовы повторять: «Мы знаем одну единственную науку — историю!» Но историзм как таковой в юридических трудах был большой редкостью. Юристы-теоретики советской эпохи за небольшим исключением не были заинтересованы в использовании исторического метода. Они даже не пытались сравнить содержание «Происхождения семьи, частной собственности и государства»¹ — всемирно известной работы Энгельса с трудами американских и других зарубежных ученых-эволюционистов «новой волны». Единственным авторитетным идейно-теоретическим источником для них оставалось все же «Происхождение...». Парадоксально, но факт — при всем почтении советских ученых-юристов к этой давно устаревшей работе весь ее текст не был изучен самым тщательным образом вплоть до мельчайших деталей. Задача внятно объяснить сам факт наличия взаимных противоречий, которые содер-

жались в «Происхождении...», тем более их комментирования, никем из отечественных теоретиков не ставилась и не решалась. То же самое можно сказать и о представителях «Истории политических и правовых учений». Хотя отдельные советские ученые досконально знали точное месторасположение каждой конкретной цитаты. Однако ни до, ни после крушения СССР концептуальное содержание данной работы Энгельса не было предметом специального и глубокого текстуального анализа. Сегодня стало ясно, что эта работа представляет собой собрание отдельных разбросанных по разным главам, порою неясных концептуальных положений, которые советские ученые пытались выдать за стройную и хорошо аргументированную теорию происхождения государства. Несмотря на прокламируемое единство взглядов, многие из советских ученых, совершенно искренне считавших себя подлинными марксистами, не стремились к достижению терминологического единства при изложении основ марксистской теории происхождения государства.

Нельзя сказать, что советские исследователи формулировали совершенно различные точки зрения и развивали абсолютно разные подходы к этагенетическим проблемам. Все они, так или иначе, апеллировали к хорошо известным трудам классиков марксизма-ленинизма, все подчеркивали историко-материалистическую направленность собственных трудов. Правда, из этого общего правила порой встречались отдельные исключения. Примером может служить творчество синоведа Л. С. Васильева. Одна из его статей² в свое время получила самую резкую отповедь со стороны коллег по научному цеху³. Конечно же, советские ученые-юристы стремились избегать столь резких обвинений и отрицательных последствий, с ними связанных, испытанных некогда Л. С. Васильевым. Но все же среди в чем-то различающихся между

1 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 21.

2 Васильев Л. С. Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. — Кн. I. /Отв. ред. Л. В. Данилова. — М., 1968. — С. 455–515.

3 См. напр.: Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции (на правах рукописи). — М., 1970. — С. 87.

собой взглядов и мнений обнаруживают себя два основных направления в юриспруденции советской эпохи.

Представители первого направления считали, что всякий юрист-теоретик, берущийся освещать проблему возникновения государства, обязан строго и неукоснительно следовать духу и букве «Происхождения...». Прежде всего, это требование касалось классической формы возникновения государства. На теоретическом фоне, а именно теоретический материал доминирует в этой работе Энгельса, заметно выделяются разделы, посвященные трем конкретным формам возникновения государства: афинской, римской и германской. Хотя среди трех конкретных форм возникновения государства только одна — афинская рассматривалась им в качестве образцовой формы, осветить их было невозможно без изучения эмпирических фактов.

Нельзя сказать, что советские ученые совершенно игнорировали сложные и запутанные вопросы, связанные с происхождением государства. Подобно В. И. Ленину они пытались выделять из множества второстепенных вопросов самые важные и опровергать аргументы идейных противников на основе логических ошибок и противоречий в доводах своих оппонентов. Было бы несправедливо обвинять их в том, что они не получали никаких эмпирических сведений о конкретных формах возникновения государства. Но в течение довольно долгого времени число подобных исследований было сравнительно невелико. Растущие научные потребности в новом научном знании не могли быть удовлетворены надлежащим образом и за счет массивного привлечения достижений зарубежной науки. Как уже упоминалось, ученые советской марксистской школы были в основном ограничены рамками, очерченными классиками марксизма. В обстановке монопольного господства марксистско-ленинской идеологии сколь угодно активные методологические контакты с зарубежной научной мыслью всячески пресекались. В результате подавляющее большинство советских ученых было вынуждено довольствоваться теми концептуальными положениями, которые давно утратили свою актуальность в глазах объективных ученых, исследующих те или иные формы возникновения государства даже на европейском материале. Зато приверженность марксизму-ленинизму позволяла им сохранять высокие позиции в научной иерархии, в советской системе образования вообще и в сфере подготовки юридических кадров в частности.

Тотальное господство марксизма-ленинизма во всех общественных науках нашей страны проявляло себя по-разному в различных науках. Оно опиралось в первую очередь на сочинения классиков марксизма, содержащие целый ряд идейно-теоретических конструктов. Ссылки на них, прежде всего, на «Происхождение...» Энгельса, тогда считались самым сильным аргументом в научном споре с любым идейным противником. Советские ученые были вынуждены неустанно говорить о научных заслугах Маркса, Энгельса и Ленина, каждый раз преподносить их труды как образцы подлинно научной деятельности. Однако порой стремление уточнить и скорректировать положения марксистско-ленинского учения о происхождении государства на основе достижений наук исторического профиля приводило к появлению обновленных историко-материалистических концепций. Так, например, А. Б. Венгеру удалось сформировать такую концепцию, которая до сих пор пользуется большим авторитетом у авторов многих учебников по теории государства и права⁴. Но удалось ли А. Б. Венгеру и его сторонникам творчески переработать и объяснить марксистско-ленинское учение о происхождении государства с учетом новых данных указанных наук? Ответы на этот вопрос разнятся. Одни, как,

например, В. Г. Афанасьев, склоняются к положительному ответу на этот вопрос и даже усматривают некий сдвиг (скачок) в развитии отечественной теории государства и права⁵. Но о каком же сдвиге может идти речь, если последователи А. Б. Венгерова в своих учебниках по-прежнему воспроизводят многие идеи Энгельса? На самом деле новые знания продолжают играть в юридической литературе на протяжении десятилетий довольно скромную роль в процессе теоретического познания происхождения государства.

Важнейшим теоретическим новшеством А. Б. Венгерова стала новая трактовка исторического соотношения классов и государства. С ней связана и наша прежняя атрибуция этой концепции — «новая» классовая теория происхождения государства⁶. Впрочем, и в данном случае мы сталкиваемся с относительной новизной. Внимательный исследователь творческого наследия К. Маркса должен заметить, что к началу 80-х годов прошлого столетия широкое классовое понимание, столь свойственное этому классическому, было основательно позабыто. Напомним, что Маркс дал миру образчик отождествления словесных и внутрисловесных отношений с борьбой общественных классов. Встав на эту позицию, А. Б. Венгер получил возможность включить любую социальную группу (точнее, социальный слой) в состав «ранних классовых структур». Казалось бы, в этом пункте он не слишком сильно расходится с Марксом, который, правда, вовсе не сводил все классовые различия к проявлениям общественного разделения труда. Более того, главным классообразующим фактором в марксизме считается не место в системе общественного производства, а именно отношение к средствам производства. Общеизвестно, что Маркс и Энгельс отрицали сам факт существования частной собственности в государствах Востока. Поэтому все рассуждения о классовых структурах, пусть даже ранних классовых структурах, лишаются всякого смысла с точки зрения классического марксизма. Кроме того, у А. Б. Венгерова появляется чужеродная для классового подхода идея о независимом от классового формирования государства генезисе. Кстати, это положение по-прежнему остается в силе и в наши дни, будучи включенным во многие новейшие учебники по теории государства и права.

Еще одно нововведение А. Б. Венгерова связано с внедрением в теорию государства и права археологической периодизации и ее важнейшего рубежа — «неолитической революции». Данный конструкт в глазах не только А. Б. Венгерова обладает настолько важным значением, что он наряду с археологической периодизацией до сих пор рассматривается в качестве действенного средства познания. Эвристические возможности этой периодизации остаются спорными и сегодня. Бесспорно другое — те или иные заимствования становятся избыточными тогда, когда их не удается ассимилировать в составе общей теории государства и права. Речь идет о заимствованиях биологического и даже геологического характера. Примером может служить гибель мамонтов и шерстистых носорогов, которая произошла в результате древнейшей экологической катастрофы — резкого потепления климата. Теоретическая археология немаловажна не только без артефактов, но и экофактов. Соответственно, археологические эпохи давно и успешно коррелируются и даже совмещаются с геологическими эпохами. Все это вполне естественно для теоретической археологии. Но для теории государства и права экофакты — заимствования фактологического характера из палеозоологии или же палеоботаники представляют определенную угрозу,

4 Впервые она была представлена в соответствующей статье: Венгер А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. — 1983. — № 3. — С. 28–36.

5 Афанасьев В. Г. Происхождение государства и права // Теория государства и права / Под ред. В. В. Лазарева, А. Г. Хабибуллина. — М., 2011. — С. 59.

6 См.: Тимонин А. Н. О «новой» классовой теории происхождения государства // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68).

так как размывают ее предметную зону и в перспективе могут привести к утрате ее дисциплинарной специфики.

Чем же объяснить заимствование такого рода? Быть может, оно осуществлено без всякой потребности в нем? Отвечая на этот вопрос, следует напомнить, что и в ранних работах А. Б. Венгерова каузальная схема не сводилась к «неолитической революции». Уделяя этому феномену столь много внимания, А. Б. Венгер не представлял его себе в качестве безначального начала. Напротив, он со всей определенностью отмечал «определяющую роль» географического, а в более широком смысле экологического фактора на этапе «неолитической революции»⁷. Однако экологическая причинная основа не только самой «неолитической революции», но и процесса возникновения первичного государства его читателями и последователями первоначально была оставлена без всякого внимания. Свою роль в подобном восприятии концепции А. Б. Венгерова сыграла его собственная оговорка. В ней он настаивал на том, что «... для перехода к производящей экономике необходимо было наличие соответствующих растений и животных, а также климатических условий»⁸. Поэтому в работах постсоветского периода он стремился исключить ошибочное восприятие своей концепции путем включения в каузальную схему дополнительного элемента — древнейшего экологического кризиса. С появлением явно отличного от общественного разделения труда настолько специфического члена причинной схемы она не только усложнилась, но и приобрела ярко выраженный дуалистический характер. Тем самым произошло окончательное «раздвоение» ранее казавшейся монолитной всей концепции А. Б. Венгерова. Погрузившись вглубь первобытной истории, он вместо «неолитической революции», как и в своей первой статье, вновь на роль первоначала выдвигает экологический фактор, но теперь уже в его кризисной форме. В результате этого кризиса человечеству пришлось преодолевать негативные последствия нового природного феномена — засухи. В засушливых регионах Земли охота на крупных животных — мамонтов и шерстистых носорогов стала невозможной. Поэтому в эпоху неолита первобытные охотники были вынуждены сменить род занятий и перейти к земледелию. Так «неолитическая революция» разделила роль первоначала с новым каузальным элементом — кризисом. Соответственно, в последних прижизненных изданиях учебника А. Б. Венгерова появляется новое словосочетание — «кризисная» теория возникновения государства⁹. Эта новелла не осталась без внимания наших современников — новейшие учебники по теории государства и права закрепили перечнями концепций генезиса государства, непременным атрибутом которых стала «кризисная теория возникновения государства».

Всякому непредвзятому исследователю вполне очевидно, что между гибелью мамонтов и возникновением первичных государств нет прямой связи. Очевидно и то, что когда явление или процесс с необходимостью не порождает государственности, то оно может претендовать только на роль предшествующего условия. Ошибки с определением роли и места кризиса в каузальной схеме А. Б. Венгерова приводят к упрощенной интерпретации его концепции в целом. Не случайно сам А. Б. Венгер порой заключал указанное словосочетание в кавычки и сохранил прежний вывод — первичное государство возникает на финальных этапах «неолитической революции». Именно этот вывод говорит в пользу «неолитической революции» как главной причины возникновения государства. Каузальная же роль кризиса, на наш взгляд, состоит в том, чтобы запустить процесс общественного разделения труда. С легкой руки В. Г. Чайл-

да этот процесс получил иное название — «неолитическая революция»¹⁰. Конечно же, и в слегка обновленном виде концепции А. Б. Венгерова нельзя отказать в логичности. Правда, с появлением «кризисной новеллы» внимание многих исследователей «переключается» на «кризис» как самый первый различенный член каузальной схемы, и они односторонне определяют эту концепцию в качестве «кризисной теории возникновения государства».

С не меньшим основанием она могла бы называться и технологической теорией происхождения государства. Действительно, А. Б. Венгер гораздо больше внимания уделял вовсе не классам и классовым антагонизмам, и даже не способу производства, а специфическим формам первобытного хозяйства. Подобно археологам, которые предпочитают способу производства иное понятие — понятие хозяйственно-культурного комплекса, А. Б. Венгер стал противопоставлять друг другу два вида первобытного хозяйства: «присваивающую экономику» и «производящую экономику». Любой марксист мог бы с удовлетворением констатировать примат экономического начала над всеми остальными сферами жизни позднепервобытного общества. Но никакой четкой информации о специфике исторического типа производительных сил и производственных отношений данного общества он бы не получил. Легко заметить, что в этой «многолинейной» схеме общественным классам и классовым конфликтам просто нет места. Марксист-традиционалист был бы разочарован, не увидев в ней какого-нибудь даже самого поверхностного анализа эволюции отношений собственности и эксплуатации. Впрочем, одного лишь упоминания форм собственности явно недостаточно и для марксиста-новатора. Вместо классовых бурь у А. Б. Венгерова всецело господствует сугубо эволюционное развитие, которое плавно, но неизбежно приводит позднепервобытные общества к цивилизации и государству. В такой схеме нет места и «политическим революциям», наподобие тех, которые Энгельс приписывал Солону и Сервию Туллию. «Неолитическая революция» заметно отличается от подобных скоротечных «политических революций», в особенности годичной «революции» Солона, хотя бы тем, что она носила исторически длительный — многовековой характер.

Более того, аналоги «неолитической революции» надо искать не в политической, а в технологической сфере. Такого рода «революции» не приводят к радикальной смене способа производства и появлению принципиально нового экономического базиса. Об этих категориях А. Б. Венгер вспоминает только тогда, когда на смену первичным государствам приходят государства вторичные, типологически определенные им в качестве государств азиатского, рабовладельческого и феодального способов производства. При таком подходе на первый план выходят нововведения технологического характера. С учетом данного обстоятельства первобытная «революция» выглядит неким подобием «промышленной революции», которая также была растянута во времени. Она так же, как «неолитическая революция», повлекла за собой определенные изменения в сфере политики и права. Налицо пресловутый технологический детерминизм, марксистский характер которого подвергался сомнению в литературе уже советского периода. Как бы то ни было, именно саморазвитие, самодвижение позднепервобытных обществ, использующих новые «неолитические» технологии, приводит, по мысли А. Б. Венгерова, к возникновению первых городов-государств. Если В. Г. Чайлду для объяснения подобного перехода потребовалось понятие «городской революции», а Н. Н. Крадину — «управленческой революции»¹¹, то у А. Б. Венгерова он

7 Венгер А. Б. Указ. соч. — С. 34–35.

8 Там же.

9 Теория государства и права: Часть 1. Теория государства / Под общ. ред. А. Б. Венгерова. — М., 1996. — С. 23–25.

10 Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок / Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. Предисл. и ред. В. И. Авдиева. — М., 1956.

11 Крадин Н. Н. Политическая антропология: Учеб. пособие. — М., 2001. — С. 129.

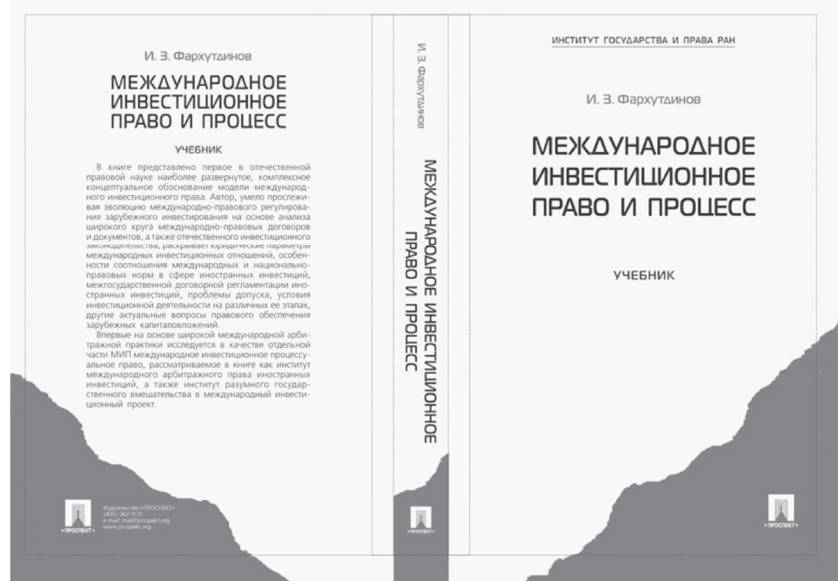
происходит в рамках все той же «неолитической революции». Ее технологические черты слишком заметны, чтобы не обнаружить их невооруженным глазом. Поэтому появляются основания именовать концепцию А. Б. Венгерова технологической теорией происхождения государства.

Впрочем, и эта атрибуция страдает неточностью — она не учитывает «кризисной», точнее экологической детерминанты А. Б. Венгерова. Поскольку технологический детерминизм и в постсоветское время дополнялся им экологическим детерминизмом, то напрашивается иное определение этой теории — техно-экологическая теория происхождения государства. С такой атрибуцией вряд ли согласился сам А. Б. Венгер, который настаивал на материалистическом характере своей концепции. Правда, его материализм тяготел к традиционному эволюционизму, который сводил те или иные стадии догосударственного и раннегосударственного развития человечества к тем или иным этапам хозяйственно-культурной эволюции. Внимательный читатель легко обнаружит отсутствие привычных для любого марксиста политэкономических понятий и категорий в стадийных построениях А. Фергюсона, Л. Г. Моргана и даже В. Г. Чайлда. Зато он также легко заметит идею о функциональном происхождении «ранних классовых структур» и первичных государств, которая сближает творчество А. Б. Венгерова не только с работами В. Г. Чайлда. Она обнаруживает себя в трудах Л. Мадьяра, Ж. Шено, Ф. Текеи, Л. А. Седова, М. А. Чешкова и других сторонников концепции азиатского способа производства. Наличие сложносоставной характер концепции возникновения первичных государств, разработанной А. Б. Венгером. В ней экологический (географический) и технологический детерминизм почти вытеснили детерминизм экономический. В позднейшей ее версии экологическая (географическая) доминанта была усилена «кризисной» новеллой. Так, сам А. Б. Венгер решил лишиться раз подчеркнуть определяющую роль экологического начала, рассматривая его в качестве первопричины возникновения самых ранних государств планеты. В своем отношении к экологическому детерминизму он превзошел даже американского антрополога и археолога Роберта Карнейро. Автор «ограничительной» теории происхождения

государства отводил экологии роль только «первичного условия», но никак не причины возникновения государства¹².

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев В. Г. Происхождение государства и права // Теория государства и права / Под ред. В. В. Лазарева, А. Г. Хабибуллина. — М., 2011.
 2. Васильев Л. С. Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. — Кн. I. / Отв. ред. Л. В. Данилова. — М., 1968.
 3. Венгер А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. — 1983. — № 3.
 4. Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции (на правах рукописи). — М., 1970.
 5. Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. — Волгоград, 2006.
 6. Крадин Н. Н. Политическая антропология: Учеб. пособие. — М., 2001.
 7. Теория государства и права: Часть 1. Теория государства / Под общ. ред. А. Б. Венгерова. — М., 1996.
 8. Тимонин А. Н. О «новой» классовой теории происхождения государства // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68).
 9. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок / Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. Предисл. и ред. В. И. Авдиева. — М., 1956.
 10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — М., 1957.
- 12 См. подр.: Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. — Волгоград, 2006. — С. 59–67.

Бодров Р. И.

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ КАК СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН (ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ)

Автор исходит из того, что правоспособность и правосубъектность — не только элементы объективного права, посредством которых формируется статус граждан, но и одновременно эти правовые категории являются средствами индивидуализации физических лиц. В целях аргументации авторской позиции анализируются законодательная база и имеющийся теоретический материал о правоспособности и правосубъектности граждан.

По итогам проведенного исследования делаются выводы о том, что правосубъектность — институт объективного права, которым наделяются все граждане, в том числе и недееспособные, но признаваемые субъектами права, от имени которых действуют другие лица, носящие их права и обязанности (законный представитель или опекун).

Правоспособность — институт объективного права, определяющий правовой статус лица, на котором формируются его субъективные права и обязанности как участника правовых отношений.

Правоспособностью наделяются все граждане за исключением недееспособных, которые являются квазисубъектами и обладают «правосубъектностью недееспособных», поскольку носителями их прав и обязанностей являются законные представители или опекуны.

Правосубъектность и правоспособность являются элементами правового статуса физического лица; правосубъектность и правоспособность соотносятся между собой как целое и его часть, при этом они не являются абстрактными правовыми категориями, так как обладают элементами индивидуализации физического лица в силу того, что совокупность норм объективного права, определяющая правовой статус лица, зависит от персональных качеств человека (возраста, психического состояния, уровня образования, места проживания и т.п.).

Ключевые слова: правоспособность, правосубъектность, квазисубъекты, физические лица, граждане, средства индивидуализации.

Bodrov R. I.

LEGAL CAPACITY AND LEGAL PERSONALITY AS MEANS OF THE INDIVIDUALIZATION OF CITIZENS (NATURAL PERSONS)

The author recognizes that legal capacity and legal personality are not only the elements of law by means of which the status of citizens is formed, but also at the same time these legal categories are the means of individualization of natural persons. For the argumentation of the author's position the legislative base and the available theoretical material on legal capacity and legal personality of citizens are analyzed.

Following the results of the conducted research the conclusions are made that legal personality is an institute of law which is vested to all citizens, including legally incapable but recognized as legal entities, on behalf of which other persons act, bearing their rights and duties (the lawful representative or the trustee).

Legal capacity is the institute of law defining legal status of the person on which its rights and duties as the participant of legal relations are based.

Legal capacity is allocated to all citizens except of legally incapable which are quasibjects and possess «legal personality of legally incapable» as a bearer of their rights and duties is a lawful representative or trustee.

Legal personality and legal capacity are the elements of legal status of the natural person; legal personality and legal capacity relate to each other as whole and its part, thus they are not the abstract legal categories as possess means of individualization of the natural person since the set of norms of law defining legal status of the person depends on personal qualities of the person (age, mental state, education level, place of residence, etc.).

Keywords: legal capacity, legal personality, quasibjects, natural persons, citizens, means of individualization.

Инновационное развитие общества, общение посредством сети Интернет, подача и получение электронных документов, электронный денежный оборот и многое другое обусловили не только активное использование традиционных средств индивидуализации граждан (имя, место жительства, паспортные данные), но и выявили необходимость модернизации уже имеющихся, а также применения новых средств индивидуализации граждан, которые учитывали бы достигнутый уровень научно-технического развития и позволяли идентифицировать субъекта, совершающего юридически значимые действия, без непосредственного контакта.

Как показала практика, определенные шаги в этом направлении уже сделаны, например, практически все экономически развитые страны, в том числе Россия, обладают правопорядком, в котором электронная подпись, идентификационный но-

мер налогоплательщика и другие средства индивидуализации детально регламентированы и активно применяются. Однако имеющиеся технологии позволяют создавать очень близкие к оригиналу копии средств индивидуализации и использовать их в противоправных целях. Поэтому в настоящее время актуален вопрос не только о создании и применении таких уникальных средств индивидуализации, которые могут формироваться (создаваться) только один раз, исключая тем самым возможности своего копирования, но и о традиционных институтах гражданского права — правоспособности и правосубъектности, которыми наделяются в соответствии действующим законодательством абсолютно все граждане РФ. При этом возникает вопрос, могут ли данные правовые институты рассматриваться как средства индивидуализации физических лиц?

Бодров Р. И.

Дело в том, что теория права и цивилистическая доктрина проводят дифференциацию между гражданином (человеком) и субъектом гражданского права. С точки зрения права человек — физическое лицо, потенциальный участник различных правоотношений, который наделен обществом совокупностью прав и обязанностей, образующих его правоспособность. Реализация же конкретным человеком предоставленных ему прав и исполнение возложенных на него обязанностей — проявление (осуществление) дееспособности.

Диалектика правоспособности и дееспособности человека очевидна. Обе эти правовые категории являют собой социальные возможности человека быть участником гражданских правоотношений. Отсюда, следует и другой вывод — человек — явление не только физиологическое, но и социальное, поскольку он (человек) формируется как под воздействием физиологических законов природы, так и постоянно длящейся связи между ним и обществом. В процессе своего физиологического роста и развития человек приобретает определенные индивидуальные черты и свойства, а также наделяется обществом правами и обязанностями, которые, с одной стороны, одинаковы для всех членов общества, так как зафиксированы в виде общих норм объективного права (скажем, право на жизнь, право на обучение, обязанность соблюдать законы и т. п.), а с другой стороны указанные права и обязанности — индивидуальные, поскольку хотя и предоставляются каждому физическому лицу, но в объеме, который зависит от индивидуальных свойств человека, например возраста.

Именно поэтому статья 6 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину обладание на ее территории всеми правами и свободами, а также возлагает равные обязанности. Эта конституционная гарантия конкретизирована в статье 17 ГК РФ, которая признает гражданскую правоспособность в равной мере за всеми гражданами. Поэтому с точки зрения закона каждый человек обладает одинаковым для всех граждан РФ статусом субъекта права. Иное дело, что каждый гражданин, исходя из своих субъективных интересов, руководствуясь личными потребностями и имеющейся совокупностью прав и обязанностей, установленных существующей правовой системой, реализует лишь часть предоставленных ему возможностей, вступая в различные правоотношения. На этой стадии реализации прав и обязанностей гражданин обретает юридическую индивидуальность — становится субъектом правоотношения, а его права и обязанности, получая реальное воплощение в действиях и поступках субъекта, становятся субъективными. Этот факт признается практически всеми юристами. По иному складывается ситуация с правоспособностью, которая была известна еще древним римлянам и до настоящего времени является традиционным институтом гражданского права. Многие поколения юристов проявляли к данной правовой категории особый интерес, формулировали определения, проводили классификацию и, применяя различные методы исследования, выработали точку зрения: правоспособность — исторически сложившийся абстрактный правовой институт, посредством которого граждане как члены общества наделяются правовым статусом, включающим в себя комплекс прав и обязанностей.

Здесь уместно вспомнить, что понятие «правовой статус» различными авторами квалифицируется по-разному. Так, по мнению А. Г. Бережнова, правовой статус, являясь составной частью правовой системы, выступает в качестве самостоятельного регулятора общественных отношений, которому присущи относительная стабильность и неизменность¹.

По своей сути правоспособность представляет собой право общего типа, обеспеченное государством материальными и юридическими гарантиями. Однако, наделив человека правами, государство возлагает на него и определенные обязан-

ности с тем, чтобы установить баланс возможных юридически значимых действий и ответственности за их совершение. Такая совокупность прав и обязанностей лица образует его правосубъектность (т. е. правовой статус), которая является следствием существования длящейся связи субъекта и государства. Именно в силу наличия такой связи на всякое правосубъектное лицо возлагаются обязанности принципиального характера — соблюдать законы и другие нормативные правовые акты, осуществлять субъективные гражданские права в соответствии с их социальным назначением и т. п.

Руководствуясь этими общими нормами, гражданин действует в тех пределах, которые установлены не только законом, иными нормативными правовыми актами, но и договорами, а также обычаями, принципами гуманности и морали. На этой стадии реализации имеющихся прав и исполнения обязанностей у гражданина возникают субъективные права и обязанности, т. е. только ему принадлежащие. С этой точки зрения можно сделать вывод, что совокупность субъективных прав и обязанностей индивидуализирует субъекта права, проявляясь в его действиях, которые совершаются в пределах имеющейся у лица дееспособности. Так, дееспособность малолетних граждан существенно отличается от иных возрастных групп населения. Эти различия установлены законом, к примеру, ст. 28 ГК РФ определяет следующий круг сделок, которые могут совершать несовершеннолетние, не достигшие четырнадцати лет:

- мелкие бытовые сделки;
- сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;
- сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

В то же время лица, достигшие 18 лет, если их физиологическое развитие не имеет отклонений, предусмотренных законом, могут своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять, т. е. обладают дееспособностью в полном объеме (ст. 21 ГК РФ).

Однако таких различий для установления индивидуального лица явно недостаточно, поскольку эти признаки присущим многим субъектам права. На этот факт еще в начале XX века обращал внимание известный цивилист И. А. Покровский. В частности, он писал, что конкретные живые люди бесконечно разнообразны в своем проявлении психических особенностей, внешности, положения в обществе и т. п. В то время как механизм действия гражданско-правовых норм покоится на предположении некоторого абстрактного человека, своего рода «гражданского человека», который представляет собой эмпирическое суммирование потребностей и качеств, свойственных среднему в данной социальной среде и в данное время человеку. Далее И. А. Покровский обращал внимание, что фигура этого абстрактного «гражданского» человека обладает некоторой совокупностью конкретных качеств. Поэтому она живее и конкретнее общего понятия «субъект права». Отсюда следует, что «гражданский человек», отражая в себе средние черты данной эпохи и данного народа, может служить законодателю лишь ориентиром средних потребностей, средних интересов и т. д. Это есть некоторый результат «моральной» статистики, который берется за основу при формулировании диспозитивных норм закона. В итоге сам по себе «гражданский человек» делается уже нормой, законом, а вместе с тем и прокрустовым ложем для живой человеческой личности. При этом не должен быть забыт конкретный человек, живая человеческая личность².

1 Общая теория государства и права. Академ. курс. В трех томах/ отв. ред. М. Н. Марченко. — 3-е изд., перераб. и доп. Том 1. — М.: — Норма, — 2007. — С. 475, 478.

2 Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права. — СПб., тип. тов-ва «Общественная польза»,

Поддерживая в принципе рассуждения уважаемого автора, отметим, что эти мысли и высказывания не утратили своей актуальности и значимости и в настоящее время. Действительно, разрабатывая концепции модернизации норм права, законодатель ориентируется на потребности «среднего» человека, принимает во внимание доход на «среднюю душу» населения, учитывает стоимость «средней» потребительской корзины и т.п. Однако, при этом следует учитывать, что нормы права будут применяться конкретными людьми и поэтому необходимо помнить о субъективных правах и обязанностях. Эти положения свидетельствуют, как справедливо заметил В. П. Павлов, о диалектически равновесной связи между обществом и индивидом. Такая связь в своем естественном состоянии заключается в том, что развитие общества возможно только через развитие самого индивида, а существование самого индивида как условие его развития в современном мире возможно только в рамках общества³.

Применительно к теме нашего исследования отметим, что правоспособность и дееспособность хотя и являются базой «платформой», на которой формируются субъективные права и обязанности, характеризующие индивидуальность каждого участника правоотношения, но, тем не менее, сама «платформа» также имеет индивидуализирующие признаки. Чтобы человек был наделен правоспособностью, необходимо в соответствии с действующим законодательством одно условие: он должен родиться живым, и тогда на протяжении всей жизни он будет носителем правоспособности, которая является неотъемлемым элементом статуса субъекта права.

Казалось бы, все просто — человек родился живым и получил в соответствии со ст. 17 ГК РФ правоспособность (стал способным «носить право»). Однако человек может родиться с такими отклонениями, при которых не будет воспринимать ни себя, ни окружающих (недееспособный), т.е. его жизнь состоит только из биологических процессов, но он совершенно справедливо остается членом общества, а принадлежащие ему права и обязанности за него реализуют его законные представители или опекуны. Это одно из проявлений принципа гуманности человеческого общества.

Однако в таких случаях отсутствуют основания признавать его способным носить права даже пассивно, поскольку сам термин «правоспособность» предполагает наличие у человека такой способности, которая позволяла бы ему осознавать себя человеком. Тем не менее, на протяжении многих десятилетий лица, не обладающие такой способностью, признаются правоспособными. С нашей точки зрения, этот факт свидетельствует, что, несмотря на свою значимость, правоспособности как правовому институту не уделяется должного внимания ни со стороны законодателя, ни со стороны ученых. Так, А. Ю. Белоножкин совершенно справедливо отметил, что современным отечественным цивилистам пока не удалось предложить нового учения о правоспособности. Поэтому практически все современные работы по данной теме посвящены анализу уже имеющихся точек зрения⁴. К примеру, М. М. Агарков разработал теорию динамической правоспособности, под которой понимал конкретную возможность для каждого лица в определенный момент иметь конкретные права и обязанности, совокупность которых формируется в процессе его взаимоотношений с другими лицами⁵.

Несмотря на, казалось бы, логическую завершенность, с этой теорией не соглашаются многие авторы. В частности,

С. Н. Братусь предложил теорию статической правоспособности. В обоснование своего мнения уважаемый ученый приводил аргументы о том, что правоспособность — это определенное общественное свойство, посредством которого лицу предоставляется возможность быть субъектом всех тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены объективным правом для каждого члена общества независимо от возраста и психологического состояния⁶.

Следует отметить, что теория статической правоспособности поддержана некоторыми известными авторами. К примеру, Ю. К. Толстым⁷, Н. И. Матузовым⁸. Кроме того, можно вспомнить диссертационное исследование Т. В. Исаевой, посвященное историческому аспекту данной темы, которая отмечает, что институты правоспособности и дееспособности, их правовая природа, содержание и сущность обсуждались в рамках кодификации гражданского права в 1809–1812 гг., а также в ходе создания Свода законов Российской Империи и его дальнейшей ревизии в 1833–1917 гг. При этом уважаемый автор обращает внимание, что до конца XIX в. цивилисты ограничивались только рассуждениями о сложившихся правовых нормах, которые в последствии будут юридически оформлены в такие сложные институты как правоспособность и дееспособность⁹, т.е. по сути, юридический анализ этих правовых категорий отсутствовал.

Если вспомнить историю развития отечественного гражданского права, то следует отметить, что институты правоспособности и дееспособности впервые нашли свое юридическое оформление в ГК РСФСР 1922 г., статья 4 которого содержала диспозицию: «В целях развития производительных сил страны РСФСР предоставляет гражданскую правоспособность (способность иметь гражданские права и обязанности) всем гражданам, не ограниченным по суду в правах».

Пол, раса, национальность, вероисповедание, происхождение не имеют никакого влияния на объем гражданской правоспособности». Последующие нормативные правовые акты времен социализма содержали, как правило, идентичные определения правоспособности, а ученые анализировали этот правовой институт лишь в связи с другими правовыми категориями, скажем, деликтоспособностью. Не стал исключением и ныне действующий ГК РФ, как отмечено выше, он содержит определение правоспособности предельно краткое, без каких-либо индивидуализирующих признаков, хотя на самом деле таковые имеются, и некоторые современные авторы проявили к ним интерес. Так, Т. Ю. Удовиченко обратилась к исследованию правоспособности физических лиц потому, что понятие, природа и объем правоспособности физических лиц волновали ученых давно, однако единое понимание этого вопроса отсутствует среди юристов и до настоящего времени. Однако по результатам проведенного исследования она не предложила нового учения о правоспособности и не внесла предложений об усовершенствовании этого правового института, хотя и признала: «Правоспособность недееспособных граждан не является одинаковой по объему с правоспособностью дееспособных и более ограничена по сравнению с правоспособностью граждан, признанных в установленном законом порядке ограниченно дееспособными. Как субъекты права недееспособные имеют правоспособность в неполном объеме. Они не обладают той способностью (возможностью) иметь всеобщие и равные для всех права и обязанности, которые могут быть осуществлены

1913. — С. 6–9.

3 Павлов В. П. Проблемы теории собственности в российском гражданском праве. Монография. — М., 2000. — С. 101–102.

4 Более подробно, см.: Белоножкин А. Ю. К вопросу о теоретическом и практическом значении понятия гражданской правоспособности // Российская юстиция. — 2014. — № 6. — С. 10–13.

5 Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИЮН, вып. III. М.: Юриздат, 1940. — С. 70.

6 Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. — С. 5, 18.

7 Толстой Ю. К. К теории правоотношения. — Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1959. — С. 12.

8 Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. — Саратов: Приволж. кн. изд., 1966. — С. 82.

9 Исаева Т. В. Становление и формирование институтов гражданской правоспособности и дееспособности в России XIX– начала XX века: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2010. — С. 3.

только лично и исполнение которых не может возлагаться на других лиц»¹⁰.

Зависимость правоспособности и субъективных прав отмечает и С. А. Сулейманова, которая приводит доводы о том, что правоспособность — это определенное субъективное право, а субъективное право всегда и неизбежно находится в рамках правоотношения¹¹.

Е. А. Флейшиц, анализируя соотношение правоспособности и субъективных прав, аргументировала вывод, что правоспособность есть юридическая мера способности лица участвовать в гражданских правоотношениях, которая определяет границы правомерного поведения. По мнению уважаемого ученого, правоспособность всегда абстрактна и должна быть абстрактной возможностью правообладания и несения обязанностей, именно правоспособность предопределяет поведение лица в различных жизненных ситуациях¹².

Оригинальной научной позиции придерживается А. Ю. Белоножкин, в частности, он говорит о том, что гражданская правоспособность является правовой характеристикой субъекта, которая носит абстрактный характер и поэтому предоставляет одинаковую для всех лиц возможность — обладать равными правами и нести равные обязанности. Отсюда следует, что все субъекты равны между собой. На этой основе А. Ю. Белоножкин полагает, что гражданскую правоспособность нельзя квалифицировать ни как субъективное право, ни как норму права, ни как правовое поведение лица¹³.

С нашей точки зрения, с мнением указанных авторов можно согласиться лишь частично. Дело в том, что правовая характеристика субъекта не может быть абстрактной, одинаковой для всех, так как она дается конкретному лицу и предопределяется его возрастом, психическим развитием и другими юридически значимыми фактами. К примеру, если человек недееспособен, то с правовой точки зрения ему нельзя дать правовую характеристику как субъекту права, поскольку он таковым не является. Такое лицо следует квалифицировать как квазисубъекта, а носителем совокупности принадлежащих ему прав и обязанностей, в том числе и субъективных, признавать законного представителя или опекуна. В связи с изложенным, полагаем, что термин «правоспособность» не может применяться к указанным лицам. Для того, чтобы различать собственную правоспособность законного представителя или опекуна и совокупность прав и обязанностей, принадлежащих квазисубъекту, предлагаем использовать для таких лиц термин «правосубъектность недееспособного». Думаем, что этот термин более точно отражает реальный юридический статус недееспособного лица, которое, не обладая способностью осознавать свои субъективные права и совершать соответствующие правам действия (т.е. правоспособностью), тем не менее признается субъектом права, от имени которого действует другое лицо, носящее его права и обязанности (законный представитель или опекун).

Таким образом, необходимо уточнить: правоспособностью обладает только человек, способный к определенному виду сознательной деятельности. В то же время правосубъектностью наделяются лица, которые признаются объективным правовым субъектами права, даже при отсутствии у них способности

осознавать свои права и обязанности. Интересно отметить, что этот вопрос обсуждался еще в середине прошлого столетия. Так, Е. А. Флейшиц писала, что С. Н. Братусь и некоторые другие авторы исходят из того, правоспособность и правосубъектность — равнозначные понятия. При этом уважаемая Екатерина Абрамовна отмечала, что не исследуется вопрос, есть ли такие субъективные права, которые существуют вне правоспособности? Этот вопрос либо вовсе не ставится, либо молчаливо признается решенным в том смысле, что правоспособность в качестве признанной законом абстрактной возможности или способности граждан и организаций иметь права и обязанности есть синоним самого правообладания и несения обязанностей¹⁴.

Аналогичной точки зрения придерживается Н. В. Витрук, который пишет: субъектом права может быть человек, способный осознавать свои действия и руководить ими, что находит юридическое выражение и закрепление в наделении его со стороны государства специальным юридическим качеством — правосубъектностью, которая презюмирует способность лица к определенному виду сознательной деятельности¹⁵. По выше изложенным причинам автор настоящей статьи не поддерживает эту позицию, так считает ее ошибочной.

Поводя итог проведенному анализу таких правовых институтов как правоспособность и правосубъектность, сформулируем авторскую точку зрения по данному вопросу:

Правосубъектность — институт объективного права, которым наделяются все граждане, в том числе и недееспособные, но признаваемые субъектами права, от имени которых действуют другие лица, носящие их права и обязанности (законный представитель или опекун).

Правоспособность — институт объективного права, определяющий правовой статус лица, на котором формируются его субъективные права и обязанности как участника правовых отношений.

Правоспособностью наделяются все граждане за исключением недееспособных, которые являются квазисубъектами и обладают «правосубъектностью недееспособных», поскольку носителями их прав и обязанностей являются законные представители или опекуны.

Правосубъектность и правоспособность являются элементами правового статуса физического лица; правосубъектность и правоспособность соотносятся между собой как целое и его часть, при этом они не являются абстрактными правовыми категориями, так как обладают элементами индивидуализации физического лица в силу того, что совокупность норм объективного права, определяющая правовой статус лица, зависит от персональных качеств человека (возраста, психического состояния, уровня образования, места проживания и т.п.).

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> — 05.05.2014
3. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВЮОН, вып. III. М.: Юридат, 1940. — 192 с.
4. Белоножкин А. Ю. К вопросу о теоретическом и практическом значении понятия гражданской правоспособности // Российская юстиция. — 2014. — № 6. — С. 10–13.
10. Удовиченко Т. Ю. Правоспособность физических лиц по российскому гражданскому праву: Дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2003. — С. 4, 10.
11. Сулейманова С. А. К вопросу о гражданской правоспособности физического лица // Проблемы современной цивилистики: Сборник статей, посвященных памяти профессора С. М. Корнеева / отв. ред. Е. А. Суханов, М. В. Телюкина. — М.: Статут, 2013. — С. 65–66.
12. Флейшиц Е. А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вестник гражданского права. — 2009. — № 2. — С. 263.
13. Белоножкин А. Ю. К вопросу о теоретическом и практическом значении понятия гражданской правоспособности // Российская юстиция. — 2014. — № 6. — С. 10–13.
14. Флейшиц Е. А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вестник гражданского права. — 2009. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
15. Более подробно см.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. — М.: НОРМА, 2008. — 448 с.

Газизов Р. Р.

ПУТИ ВЛИЯНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА РАЗВИТИЕ ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Многие российские «фабрики мысли» рассматривают себя исключительно как работающих по контракту наемников, честно отработывающих заказ, и принципиально не задумываются о последствиях победы их кандидата для общества. Но существуют Центры публичной политики, т.е. те «фабрики мысли», которые осознают последствия своих действий для общества в целом. Их деятельность направлена именно на становление публичной, ответственной власти. Предметом анализа данной статьи будут организации, деятельность которых может быть отнесена именно к Центрам публичной политики, и которые действуют на российской сцене уже десять и более лет.

Ключевые слова: «фабрика мысли», инфраструктурно-аналитический центр (институт), политика, право.

Gazizov R. R.

WAYS OF INFRASTRUCTURE-ANALYTICAL INSTITUTIONS' INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF THE STATE JURISDICTIONAL ACTIVITY

Many of the Russian «think tanks» view themselves only as contracted freelancers, which are honestly fulfilling their work according to the contract, and essentially do not think about the consequences of their candidate's election win for the society. But there are Centres of public politics, i.e. «think tanks», which realise the consequences of their actions for the society in general. Their activity is directed exactly on development of public, responsible authority. The subject of analysis of this article shall be organisations, activity of which could lay exactly in the field of Centres of public politics, and which are active in Russia for more than a decade.

Keywords: «think tank», infrastructure and analytical center (institute), politics, law.

Истоком одной из наиболее интересных и успешно работающих российских «фабрик мысли», точнее, целого архипелага «мозговых трестов», является кружок интеллектуалов-философов, возникший в Москве еще в первой половине 50-х гг. XX в., которые культивировали отличные от принятых в то время формы интеллектуальной работы. Лидером этого кружка был будущий эмигрант, суровый критик как коммунистического, так и посткоммунистического времени, писатель А. А. Зиновьев, в него также входили философ М. Мамардашвили, социолог Б. А. Грушин, а также физик и философ Г. П. Щедровицкий. Предложение последнего направить логику на разработку теории мышления не получило поддержки остальных участников Московского логического кружка.

Задача анализа, пусть даже и в кратком приближении, деятельности всех последователей Методологической школы 90-х гг. требует отдельной работы и не входит в нашу задачу. Мы остановимся здесь кратко только на деятельности П. Г. Щедровицкого, его сына и одного из учеников Г. П. Щедровицкого. В качестве канвы для такого анализа приведем здесь основные проекты, реализованные П. Г. Щедровицким в период 1991–1999 гг. Этот список составлен нами на основе его личной страницы, размещенной на сайте основанной им же Школы культурной политики:

1. Разработка концепции социальной и экономической адаптации г. Междуреченска Кемеровской области.
2. Новгородский проект: прорыв в постиндустриальное общество (совместно с фондом Горбачева и компанией АТТ).
3. Разработка антикризисной программы для Архангельской области РФ.
4. Разработка контуров программы управления проектами стабилизации и развития для Московской области РФ.
5. Разработка концепции реорганизации городского управления в г. Омске.
6. Разработка концепции, макета и серии учебных модулей по подготовке резерва высшего звена муниципального управления (г. Калининград, г. Ноябрьск, г. Новый Уренгой, г. Москва, совместно с консультационной группой ИМС и группой Т. Базарова, проект начат в 1994 г.).
7. Внешнее управление политической кампанией кандидата на пост мэра г. Красноярск П. Пимашкова (совместно с Е. Островским).

Газизов Р. Р.

8. Внешнее управление политической кампанией кандидата на пост Губернатора Амурской области Ю. Ляшко (совместно с Е. Островским).

9. Внешнее управление политической кампанией кандидата на пост Губернатора Красноярского края В. Зубова.

10. Комплексное проектирование и организационное сопровождение кампании кандидата в депутаты Верховной Рады Украины В. Хорошковского (совместно с Е. Островским).

11. Разработка контуров концепции нового позиционирования РФ в рамках СНГ (совместно с Е. Островским, проект начат в 1997 г.) и многие другие¹.

Среди направлений деятельности появляется и «внешнее» управление избирательными кампаниями мэров, губернаторов, а также политических партий. Таким образом, лидер школы культурной политики входит уже непосредственно в поле политической борьбы, в поле борьбы за власть.

Мы видим постоянное сочетание реализации практических проектов и развитие Школы культурной политики как университетской корпорации — структуры нового типа, в рамках которой происходит как подготовка новых квалифицированных участников практических проектов, так и осмысление достигнутого и качественное обсуждение проблем самой проектной деятельности, а также других фундаментальных проблем, например, проблемы развития.

Если Школа культурной политики развивалась на основе уже существующей методологической Школы и исходно никак не соотносила себя с существующими на западе «фабриками мысли», то Центр прикладных политических исследований ИНДЕМ («Информатика для демократии») исходно создавался как независимый «мозговой трест». Хотя он был официально зарегистрирован как независимая общественная научно-исследовательская организация только в октябре 1990 г., свою деятельность он начал годом ранее, когда после избрания Съезда народных депутатов СССР в Советском Союзе депутаты впервые стали голосовать не только в соответствии с «единственно правильной линией партии и правительства».

¹ Официальный сайт Школы культурной политики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.shkp.ru/> (дата обращения: 12.12.2014).

Однако корни появления Центра ИНДЕМ относятся к середине 70-х гг., когда состоялось знакомство математика Г. Сатарова и историка С. Станкевича, итогом которого стали совместные работы по изучению расстановки политических сил в Конгрессе США, в рамках которых математико-статистические методы и вычислительная техника применялись для анализа результатов голосований.

Отметим следующие свойства Центра и Фонда ИНДЕМ.

Основа команды, создавшей позже Центр ИНДЕМ, сложилась еще в 70-е гг. на основе междисциплинарного научного коллектива, объединившего математиков и представителей общественных наук.

Само возникновение Центра было связано с «десантированием» С. Станкевича во власть в результате демократических реформ, а также его хорошим знакомством, как ученого-американиста, с опытом зарубежных «мозговых трестов», что привело к востребованности Центра новой российской властью.

В развитии Центра важную роль сыграло пребывание Г. Сатарова в роли советника президента РФ, как в плане обеспечения заказов, так и приобретения опыта.

Центр и Фонд ИНДЕМ сыграл важную роль «посадочной площадки» для группы сотрудников президентской администрации после их прекращения работы в Кремле.

Международный благотворительный фонд политико-правовых исследований «Интерлигал» был зарегистрирован Министерством юстиции РФ в 1992 г., однако деятельность его началась на три года раньше, в виде Центра политико-правовых исследований, основанного в 1989 г. на базе редакции газеты «Московские новости» и юридического кооператива «Юстиция». По-видимому, наиболее значимым практическим результатом деятельности Фонда в середине 90-х гг. стало его активное участие в подготовке и лоббировании Закона РФ «Об общественных объединениях». Так, в 1994 г. Фонд принял активное участие в работе специальной группы, возглавляемой помощником Президента по политическим вопросам Георгием Сатаровым. Группа была создана с целью определения политики государства в отношении «третьего сектора». Эксперты «Интерлигал» совместно с представителями общественных организаций, президентских структур и депутатов обеих палат парламента организовали встречу-семинар по выработке согласованного подхода к созданию законов, регулирующих отношения государства и общества. Президент «Интерлигал» Нина Беляева сформировала рабочую группу по подготовке такого закона, который был принят и подписан Президентом РФ в мае 1995 г.

В рамках своей образовательной деятельности Фонд занимается организацией и проведением семинаров, конференций, тренингов по вопросам правового регулирования и управления деятельностью НКО. Цель проведения такого рода мероприятий — создание правовых моделей взаимодействия государства и гражданского общества, совершенствование правовой среды, создающей возможности для эффективной деятельности общественных объединений. Так, в 1992–1997 гг. было проведено около пятидесяти семинаров и тренингов в различных регионах России, в Казахстане, на Украине, в Болгарии и США.

Среди проектов, успешно реализованных фондом «Интерлигал» в конце 90-х годов, можно отметить создание широкой коалиции общественных объединений «Мы, граждане!», целью которой был контроль за чистотой избирательной процедуры. Эта коалиция охватывает широкий круг неправительственных организаций из различных регионов России. Стоит отметить, что для многих региональных лидеров этой коалиции во время избирательной кампании по выборам Президента РФ весной 2000 г. было большим сюрпризом узнать, что лидер коалиции и президент Фонда Нина Беляева стала доверенным лицом одного из кандидатов на пост Президента РФ, а именно — В. В. Путина.

Полтора года спустя Н. Ю. Беляева стала одной из семнадцати участников встречи представителей неправительственных

организаций с Президентом РФ В. В. Путиным 12 июня 2001 г., встречи, в ходе которой родилась идея проведения в ноябре 2001 г. в Москве Гражданского Форума. Сразу после этой встречи она начала активные поездки по регионам России с целью создания там региональных инициативных оргкомитетов в альтернативу официальных оргкомитетов Форума, которые уже начали повсеместно создаваться властными структурами.

Стоит отметить, что самостоятельная и ни от кого не зависимая позиция Н. Ю. Беляевой привела к тому, что в процессе подготовки Форума дважды ставился вопрос о выводе ее из Оргкомитета. Эта позиция стала, вероятно, также причиной и того, что Фонд Интерлигал не входит ни в одну коалицию или ассоциацию НКО, за исключением уже упомянутой коалиции «За честные выборы», где он играет лидирующую роль.

Появление фонда явилось результатом дискуссий в политических клубах периода перестройки, а также знаний о деятельности аналогичных структур в Америке и Западной Европе.

Центр, а затем Фонд изначально создавался как «фабрика мысли» особого типа — как «advocacy group», или Центр публичной политики, действующий для и в интересах общественных некоммерческих организаций. Эта же тенденция существует и для кафедры публичной политики. Фонд никогда не участвовал в сфере избирательного менеджмента.

В организационном плане Фонд представляет собой небольшую постоянную структуру привлекаемых экспертов, а также достаточно автономные филиалы в других городах и странах.

Особенностью организации является ее направленность на создание правового поля деятельности некоммерческих организаций, и фокусом деятельности — разработка законопроектов и лоббирование их в парламенте. В отличие от предыдущих случаев рассмотрение фундаментальных проблем или разработка технологий исследований не входит в фокус интереса.

Значительное внимание Фонд уделяет проведению семинаров и тренингов для лидеров НКО, этот опыт привел президента Фонда к созданию кафедры Публичной политики.

Ставя своей задачей оптимизацию взаимодействия структур гражданского общества и власти, Фонд тем не менее не участвует в создании каких-либо горизонтальных коалиций или ассоциаций.

Сравнивая между собой три рассмотренные организации, можно сделать вывод о том, что российским «фабрикам мысли», по крайней мере, тем из них, которые работают уже достаточно долгое время, свойственен инициативный путь их создания — они возникают не по инициативе властных или бизнес-структур, а как действительно самостоятельные организации российских интеллектуалов. При этом если Фонды ИНДЕМ и Интерлигал создавались с учетом опыта западных «мозговых трестов», то Методологическая школа возникла еще в советское время как достаточно оригинальное образование.

Различается у них и отношение к образовательной деятельности — если она заложена в самом названии Школы культурной политики, и активно используется Фондом Интерлигал, то для Фонда ИНДЕМ приоритетной является все же исследовательская работа в междисциплинарном поле.

Сотрудничество с властью характерно для всех трех организаций, однако во всех случаях инициатива исходит скорее от организации, чем от власти, и о каком-либо подчинении говорить не приходится. Это относится и к случаю фонда ИНДЕМ, лидер которого занимал ответственный пост в Администрации Президента, и существование фонда придавало Г. Сатарову определенную независимость, а также облегчило ему и его коллегам «выход из власти».

Можно надеяться, что рассмотренный отечественный опыт трех столь различных «фабрик мысли» окажется полезным для новых Центров публичной политики, которые должны помочь найти сложные ответы развития демократических преобразований в российских регионах.

Чекунов С. А.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПОНЯТИЯ ИНСТИТУТА РАТИФИКАЦИИ: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

В настоящей статье автором описывается развитие понятия института ратификации, различные взгляды зарубежных и отечественных юристов-международников с древности и до настоящего времени. Автор на основе анализа научной литературы формулирует новую наиболее полную дефиницию процесса ратификации международных договоров.

Ключевые слова: ратификация, право международных договоров, международное право, международные договоры, проблематика, Венская конвенция о праве международных договоров, Россия, РФ.

Chekunov S. A.

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE INSTITUTE OF RATIFICATION: PRACTICE AND PROBLEMS

In this article the author describes the development of the concept of the Institute of ratification, different views of foreign and domestic lawyers from antiquity to the present time. The author based on analysis of scientific literature formulates a new most complete definition of the process of ratification of international treaties.

Keywords: ratification, treaty law, international law, international treaties, issues, Vienna Convention on the Law of Treaties, Russia, Russian Federation.

Чекунов С. А.

В настоящее время в России проводится последовательный внешнеполитический курс, разработанный Президентом России, который создает благоприятные условия для развития широкого и взаимовыгодного международного сотрудничества. Сближение международно-правовой системы с внутригосударственной правовой системой России стало реальностью, и важнейшим шагом в этом направлении является достижение более высокого уровня совместимости национальных систем. Готовность государств вступать в договорные отношения друг с другом объясняется широко распространенным пониманием взаимных выгод. Число международных соглашений, заключенных с конца XX в., составляет в настоящее время более 10 тысяч, что свидетельствует о том, что государственные деятели убеждены в их необходимости.

При заключении международных договоров стороны исходят из того, что обязательство, принимаемые ими по принципу *pari causa sunt servanda*, подлежат выполнению, и права невыполнения договоров больше не существует. С позиции науки международного права и основ конституционного права необходимо всесторонне рассмотреть всеобъемлющее воздействие ратификации международных договоров на правовую систему России. Необходимо показать развитие понятия института ратификации наиболее полным образом, а также проблем и изменений, происходящих в настоящее время в международных отношениях.

Следует отметить, что международный договор — соглашение между государствами, устанавливающее их взаимные права и обязанности, заключенное в письменной форме между двумя или несколькими субъектами международного права, имеющее обязательную силу, и перед тем как ратифицировать договор, государство может заявить, что оно соглашается.

Представляется необходимым отметить, что институт ратификации как институт международного права договоров имеет длительную и непростую историю. Его формирование происходило в течение нескольких исторических периодов и шло параллельно с развитием других международно-правовых институтов и норм права. В этой связи можно говорить, что в международных договорах отражались особенности каждой исторической эпохи и международных отношений на всех этапах развития. Практика международных договорных отношений возникла несколько тысяч лет назад — вместе с расколом общества на антагонистические классы, с появ-

лением первых рабовладельческих государств и их внешних функций.

Ратификация международного договора — один из старейших институтов международного права, появившийся с началом межгосударственных отношений. Свое развитие ратификация получает в XVIII в., но лишь на протяжении XIX в. выработались и установились характерные черты института для современного периода. Усиление внимания к институту ратификации в настоящее время объясняется тем, что ратификация международного договора является и институтом конституционного права (парламентского права), так как парламент, как представительный и законодательный орган государства, стал единственным государственным органом, осуществляющим законодательный процесс по конституции государств. Рассмотрение и изучение в XXI в. института ратификации, направлений его развития, порядка и условий его взаимодействия с нормами национального права государств участниками международных договоров приводит к выявлению существующих теоретических и практических проблем.

Соглашение — основное средство для того, чтобы регулировать взаимодействие между государствами и отношения между ними в увеличивающемся наборе областей, включая: международные инвестиции, торговлю, защиту окружающей среды¹ и т.д. Они также касаются огромного диапазона опционов: от простых соглашений до сложных многосторонних международных договоров и от простых положений до рамочных конвенций. Договоры заключались государствами более сотни, если не тысячи лет.

История международного права содержит несколько основных разделов: 1) Древние века (XV–XIV вв. до н.э. — V в.н.э.); 2) Средние века (период феодализма VI–XV вв.) и переход от феодализма к капитализму XVI–XVIII вв.); 3) Новое время (1789–1917 гг.); 4) Новейшее время (от конца 1917 г. до наших дней).

Как отмечал российский теоретик международного права профессор А. Н. Талалаев, первые договоры появились в III

1 Кодолова А. В., Солнцев А. М. Перспективы кодификации и прогрессивного развития международного права в сфере охраны атмосферы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 60–63; Солнцев А. М. Современное международное право об окружающей среде и экологических правах человека. — М.: УРСС, 2013.

тысячелетия до н. э. в отношениях между рабовладельческими государствами Востока: Шумером, Эблой, Аккадом, Лагашем и другими государствами Двуречья².

По мнению юриста-международника Д. С. Лантиса, «самые ранние формы ратификации международных договоров представляли собой обмен заложниками или присягу, но процесс стал более формальным в Древней Греции и Римской империи»³. Так, в договорном праве Древней Греции можно отметить такие явления, которые представляют собой как бы прообраз процедуры утверждения (ратификации) международных договоров.

В период феодальной раздробленности субъектами международных отношений были монархи, и договоры заключались под религиозной клятвой, а вопросы о силе договоров подпадали под юрисдикцию церковной власти. В литературе международного права имеются указания на примеры «ратификации» в период раннего Средневековья. Например, в 561 г. между Юстинианом и Ксерксом был заключен договор, в котором предусматривалась обязательная ратификация⁴, а также в документе, инициированном Эдуардом I Английским, содержится изложение договора о союзе с графом Фландрским от 1296 г., а также заявление Эдуарда о том, что все установленное уполномоченным «мы приняли и одобрили, и принимаем и одобряем»⁵.

О. И. Литовченко правильно отмечает: «Ученые юристы прошлого уделяли большое внимание ратификации международных соглашений, что объяснялось особым значением этой стадии для договорной практики минувших веков, когда в условиях разобщенного мира, трудностей с получением немедленной информации о ходе переговоров по заключению договора, уполномоченные представители государств вынуждены были многое решать «на свой страх и риск», отступать, иногда существенно, от полученных инструкций»⁶. Таким образом, ратификация как стадия заключения договора имела в то время основной функцией проверку содержания договора, выяснение соответствия между записанным в договоре и волей суверена.

В XIV и XV вв. ратификация международных соглашений стала применяться чаще и вырабатывается единый тип ратификационной грамоты с определенной терминологией и формулами, устанавливается определенный церемониал обмена ратификационных грамот. Эта формальная сторона акта ратификации сохранилась без изменений до настоящего времени. Следует подчеркнуть, что в XVI в. международное право проникает в политику, увеличивается количество договоров, происходит формирование обычаев, которые государства стали юридически признавать. Однако было бы ошибкой отождествлять институт ратификации конца Средних веков и начала Нового времени с тем институтом ратификации, который существует в наше время.

В Российской империи ратификация известна с XVII, и особенно с XVIII в., когда термин стал использоваться в русском языке, и означает «утверждение». Вплоть до эпохи Петра I понятие «ратификация» не употреблялось, а факт осуществленной ратификации подтверждался в виде специального документа, который, начиная со времен Киевской Руси и до XVIII в., именовался «утвержденная грамота» или «подтвержденная

грамота», содержащая полный текст заключенного договора, подписанный и ратифицированный. Грамотами обменивались, что являлось подтверждением достигнутого и оформленного соглашения. Таким образом, утверждение международного договора называлось «подтверждением», а ратификационные грамоты, соответственно, именовались «подтвержденными грамотами».

На протяжении XIX в. выработались и установились характерные черты института ратификации современного периода. В это время исполнительная власть стала обладать полномочиями на заключение международных договоров, а законодательная власть — правом контролировать ее деятельность, в том числе и заключение международных договоров. Отсюда видно, что законодательная власть через процесс ратификации стала контролировать исполнительную власть.

Заметное усиление внимания к институту ратификации в современном ее понимании объясняется тем, что ратификация представляет собой утверждение международного договора высшим законодательным органом власти в соответствии с законом о ратификации международного договора, воплощенное в ратификационной грамоте, а также и тем, что до определенного времени институт ратификации международного договора развивался как институт международного права, а начиная с настоящего времени институт ратификации, становится также и институтом конституционного права (парламентского права) в связи с тем, что парламент, как представительный и законодательный орган государства, стал единственным органом, осуществляющим законодательный процесс по конституции государств⁷.

Необходимо отметить, что процесс ратификации представляет законодательную стадию мировой политики и может глубоко воздействовать на перспективы сотрудничества государств. Наиболее глубоко и всесторонне вопросы ратификации международных договоров рассматривались в Венской конвенции о праве международных договоров, а также на Венской конференции 1969 г.

Международные соглашения являются не только основным источником международных правовых норм, как отмечает американский ученый М. В. Янис (M. W. Janis), но и выступают предметом значительного пласта, названного международным договорным правом. Международные договоры являются оплотом международного сотрудничества в течение XX–XXI вв.⁸

Глагол «ратифицировать» происходит из вокабулы декадентской латыни: *ratificare*, который имеет классику выражений *ratum ducere*, *ratum habere*, *ratum facere*. Если сравнивать эти различные понятия, то буквально это означает «утверждение». *Ratum habere*, *ratum ducere* означают «держат для действительного», возвращают досягаемость ратификации к простому утверждению; а «*ratum facere*» обеспечивает действительное, функцию признания действительности⁹.

Каждое государство — отмечается в ст. 6 Венской конвенции о праве международных договоров — обладает способностью заключать международные договоры, что является важнейшей составляющей правоспособности каждого государства. Заключение международного договора представляет собой «процесс согласования воли государств, результатом которого является соглашение, воплощающееся в нормах договора»¹⁰.

Венская конвенция о праве международных договоров гласит, что «ратификация», «принятие», «утверждение» и «при-

2 Талалаев А. Н. Международное право. — М.: Изд-во «Высшая школа», 1970. — С. 99–100.

3 Lantis J. S. The Life and Death of International Treaties. — Oxford University Press, 2009. — P. 5.

4 Лисовской В. И. Международное право. Москва: Изд-во «Высшая школа», 1970. — С. 99.

5 Du Mont. Corps Universel Diplomatique du Droit des Gens. — Recueil des Traités, 1726. — Т. 1. — P. 1–297.

6 Литовченко О. И. Ратификация международных договоров // Ученые записки Саратовского юридического института. XIX. — Саратов, 1970. — С. 83–91.

7 Абашидзе А. Х. Конституции государств о статусе международных договоров (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. — 2012. — № 5. — С. 60–65.

8 Janis M. W. International Law. 4th Edition. — Wolters Kluwer. — 2008. — P. 9.

9 См. Freymond P. La ratification des traités et le problème des rapports entre le droit international et le droit interne. — Lausanne, 1947. — P. 45–51.

10 Тункин Г. И. Теория международного права. — М.: Международные отношения, 1970. — С. 59.

соединение» означают, в зависимости от случая, имеющий такое наименование международный акт, посредством которого государство выражает в международном плане свое согласие на обязательность для него договора. Таким образом, в договоре закрепляется воля каждого из заключивших его государств, воля, которая должна быть выражена вовне и надлежащим образом доведена до сведения другой стороны, т. е. воля, выявить которую может другое государство¹¹.

Кроме этого, для разъяснения юридического содержания процесса ратификации необходимо отметить, что оно понималось в прошлом зарубежными учеными различно. В связи с этим необходимо сказать, что в зарубежной науке получили распространение три теории: теория мандата (родоначальниками теории мандата были Г. Гроций, сторонниками — С. Пуффендорф, Викфор и Э. Ваттель из более поздних авторов — Клюббер, Г. Ф. Мартенс), теория ратификации как суспензивного условия (среди сторонников этой теории были И. Блюнчли, Л. Оппенгейм), и теория ратификации (В. П. Давневский, Г. Эллинек (G. Ellinek), Е. Ульман (E. Ulmann)) как волеизъявления, направленного на заключение международного соглашения, подлежащего ратификации.

В Комиссии международного права ООН при подготовке статей о праве международных договоров широко обсуждалась природа императивных норм. Французский профессор Д. Алланд (D. Alland) отмечал, что Венская конвенция о праве международных договоров впервые закрепила концепцию императивных норм и согласно Венским конвенциям о праве международных договоров 1969 и 1986 гг. под императивной нормой международного права понимается такая, которая «принимается и признается международным сообществом государств в целом»¹². Современное разделение процессов подписания и института ратификации можно проследить с периода американских и французских революций, когда эти страны предложили включить ратификацию в полномочия, даваемые своим представителям. Как отмечает американский юрист-международник К. А. Бредли (C. A. Bradley), многие международные юристы утверждают, что если страна подписывает соглашение, то она должна воздержаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели соглашения¹³.

Поиск эффективного решения проблемы института ратификации породил множество новых теоретических и практических вопросов в науке международного права, которые получили широкое освещение как в науке международного права, так и в многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных юристов-международников.

В международно-правовой литературе имеются различные точки зрения на понятие института ратификации. Понятия ратификации отражают разнообразные взгляды на юридическую природу ратификации, развитие договорных норм, устанавливающих правовой режим, и анализ международной литературы позволяет выделить наиболее распространенные из них. Так, австрийский правовед А. Фердросс отмечал: «... одобрение подписанного проекта международного договора уполномоченным органом на его заключение называется ратификацией (утверждением)»¹⁴. А известный зарубежный ученый Г. Кельзен (H. Kelsen) писал: «Ратификация производится высшими органами государства и является наиболее ав-

торитетным способом согласия государства с обязательностью условий по международному договору»¹⁵.

Австралийский ученый юрист-международник И. А. Шипер (I. A. Shearer) отмечал, что ратификация состоит в том, что есть современное соглашение, в котором все предусмотрено и полномочия полномочных представителей ограничены условием последующей ратификации, а также является утверждением главой государства или правительством подписи, поставленной под договором должным образом назначенными полномочными представителями государства¹⁶.

Западные юристы-международники Р. Уильямс (R. Williams) и М. Беджауи (M. Bedjaoui) указывали в связи с этим, что «ратификация — формальная сделка Главы государства, Правителя или Президента Республики, которая означает, что, рассмотрев соглашение, он одобряет его и намеревается его преданно соблюдать в полном объеме»¹⁷.

Представляется необходимым отметить, что в зарубежной литературе понятие «ратификация» может использоваться в различных значениях для целей международного и национального права. В своей работе 1934 г. известный международник Дж. Фицморис (G. Fitzmaurice) описал ратификацию как международный акт¹⁸, а в докладе 1956 г. он дал определение ратификации, основанное на критериях юридической силы: «Ратификация — подтверждение согласия на договор, уже временно подтвержденное подписью, и означает окончательное намерение государства, которым оно будет связано»¹⁹.

В настоящее время ратификация в национальном праве часто связывается с требованием получения одобрения законодательного органа до того, как государство вправе выразить в международном плане свое согласие на обязательность для него договора. Так, в подтверждение изложенного зарубежный ученый Ф. О. Вилькоккс (F. O. Wilcox) писал, что ратификация — международный акт, посредством чего государство выражает на международной арене свое категорическое согласие, которым будет связано в соответствии с соглашением²⁰.

М. Н. Шоу (M. N. Shaw) также отмечал, что «согласие на обязательность для государства договора, выраженное ратификацией, является наиболее популярным методом, принятым на практике»²¹.

Вместе с тем, по мнению других зарубежных юристов-международников, ратификация выступает как заключительное выражение согласия с действиями органов исполнительной власти, осуществляющих переговоры о заключении международных договоров. При этом в комментарии Комиссии к проекту статей, принятому в 1966 г., термин «ратификация» используется «исключительно в смысле ратификации в международном праве». Вместе с тем оговаривалось, что «“парламентская ратификация» ... договора в соответствии с внутренним правом, конечно, не изолирована от «ратификации» в международном праве, поскольку без нее необходимые конституционные полномочия совершить международный акт ратификации могут отсутствовать. Но остается верным, что международная и конституционная ратификация договора — различные процессуальные акты, осуществляемые в двух раз-

11 Benjaoui M. Droit international. — T.1. — 1991. — P.144.; Kaczorowska A. Public International Law. — Old Bailey Press, 2002. — P. 238.

12 Alland D. Droit international public. — Presses Universitaires de France. 2000. — P. 217.

13 Bradley C. A. Unratified Treaties. Domestic Politics, and the U. S. Constitution // Harvard

International Law Journal. — Vol. 48. — № 2. — 2007. — P. 309.

14 Фердросс А. Международное право. — М.: Иностранная литература, 1959. — С. 178.

15 Kelsen H. Principles of International Law. Rinehart and company. — Inc. New York, 1966. — P. 328.

16 Shearer I. A. Starke's International Law. 11th ed. — London, 1994. — P. 37.

17 Williams R. EL. V Les methods de travail de la diplomatie. Recueil des Cours de l'Academie de Droit international. — T. 4. — 1924. — P. 277.

18 Fitzmaurice G. Do Treaties Need Ratification? // BYBIL. — 1934. — P. 129.

19 Art. 2 (1) (a). (A/CN.4/101, YILC. — 1956. — Vol. II. — P. 113.

20 Wilcox F. O. The ratification of International Conventions: a study of the relationship of the ratification process to the development of international legislation. // The University of Toronto law journal. — Vol. 2. — № 1. — 1947. — P. 187.

21 Shaw. M. N. International Law. 5th ed. — Cambridge, 2003. — P.639.

ных планах»²². Следует отметить, что до 1969 г. доктрина права определяла процесс ратификации как внутригосударственный акт, а после принятия Венской конвенции о праве международных договоров стала определяться как сочетание внутреннего и международных актов. Так, согласно ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров, ратификация определяется как международный акт, посредством которого государство выражает в международном плане свое согласие на обязательность договора²³. Вместе с тем международное договорное право состояло из общепринятых правил международного права, и согласно практике ратификация была чрезвычайно необходима. Можно отметить, что институт ратификации представляет собой процесс выражения согласия высшего органа государства с международным договором и представлен в двух аспектах: международном (ратификационной грамоте) и внутригосударственном нормативном акте (законе, указе и т.п.), которые соответствуют двойному измерению ратификации — международным и национально-правовым требованиям.

А известный юрист Э. Ауст (A. Aust) отмечал, что ратификация является конституционным процессом и международным актом компетентного органа государства на международном уровне, хотя требуется парламентское одобрение²⁴. Кроме того, в международном аспекте процесс ратификации представляет процесс, с помощью которого это согласие обретает международно-правовое значение, порождает международные последствия²⁵.

Помимо этого, акт ратификации придает договору силу внутригосударственного закона тогда, когда он (договор) является общеполитическим и налагает на государство обязательство в целом²⁶. В соответствии с единством правовой системы данная проблема не может регулироваться только нормами внутригосударственного права, относящимися к выражению согласия (ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров), как писали Дж. Комбакау (J. Combacau) и С. Сур (S. Sur)²⁷.

Таким образом, можно резюмировать, что в международном плане ратификация является актом, с помощью которого государство выражает международному контрагенту готовность принять на себя обязательства по договору, как указывается в Венской конвенции о праве международных договоров²⁸. Ратификация выражается актом авторитетного государственного органа, подтверждающего согласие государства с обязательствами по международному договору²⁹.

Актуальность данного вопроса в теории права международных договоров подтверждается развернувшейся обстоятельной дискуссией по вопросу о сущности ратификации, которая состоялась на Венской конференции по праву международных договоров 1968–1969 гг. в Комиссии международного права³⁰. Иными словами, определение процесса ратификации, сформулированное Комиссией международного права, оказало

огромное влияние на договорную международную и судебную практику. Следовательно, важно различать понятия «международный процесс ратификации, выражающий государственное желание с обязательствами по договору, ранее подписанному сторонами, и внутригосударственным процессом, касающийся формирования воли государства» — отражено в решении Верховного Суда Израиля от 19 июня 1968 г.³¹

Вместе с тем в российской науке международного права имеется различия в понимании учеными-международниками сущности ратификации. Так, профессор Н. В. Миронов пишет, что ратификация договора с точки зрения международного права есть согласие на обязательность договора для данного государства, а также форма приведения в действие норм международных договоров и соглашений на территории государства³².

Также профессор Е. Т. Усенко считает, что опубликование внутригосударственных внутренних нормативных актов (так же как и актов ратификации), представляется как «способ осуществления международного права путем принятия государством внутренних нормативных актов...»³³. Кроме этого, профессор Е. А. Коровин подтверждает, что международные соглашения нуждаются в последующем утверждении — проведение ратификации со стороны верховной власти договаривающихся сторон, даваемой в формах, установленных соответствующим конституционным правом³⁴.

Кроме того, профессор Ф. И. Кожевников указывал, что «ратификацией называется акт, посредством которого орган государства (обычно верховный орган власти) утверждает данный договор как имеющий обязательную силу»³⁵. В договорной практике государств, чтобы обладать большим значением, чем простой акт подтверждения, необходимо представить формальное согласие государством как согласие на обязательность договора в соответствии с договором.

В современном юридическом слове понятие ратификации немного стабилизировалось и означает формальное требование, результат которого состоит в том, чтобы утверждать прежде начатые операции. Таким образом, процесс ратификации заключается в издании компетентным (высшим) органом власти акта, подтверждающим принятие на себя обязательств по договору данным государством³⁶.

Вместе с тем ряд авторов характеризуют процесс ратификации как внутренний акт, имеющий международные последствия³⁷. Ратификация рассматривается как обязательный акт для государства, который будет связывать государство обязательствами, если: договор предусматривает согласие государства, выраженное посредством ратификации; государства договорились на переговорах о необходимости последующей ратификации; или намерение государства подписать договор с условием ратификации с представителями, обладающими полномочиями, или решение о необходимости ратификации принято в процессе переговоров³⁸.

22 Лукашук И. И. Современное право международных договоров. — Том 1. — 2004. — С. 412.

23 Shearer I. F. *Starke's International Law*. 11 ed. — London, 1994. — P. 413.

24 Aust A. *Modern Treaty Law*. — Cambridge University Press. — 2007. — P. 103.

25 Лукашук И. И. Современное право международных договоров. — Т. 1. — 2004. — С. 412.

26 Миронов Н. В. Советское законодательство и международное право. — М.: Международные отношения. — 1968. — С. 69.

27 Combacau J., S. Sur. *Droit international public*. — Paris: Montchrestien, 1995. — 9th ed. — P. 122.

28 См. ст. 2 «b» и ст. 14. Юридический ежегодник ООН. Нью-Йорк, 1971. — С.194–198; Detter I. *Essays on the law of Treaties*. — Stockholm, London, 1967. — P. 17.

29 Hiller T. *Sourcebook on public International law*. — London, Sydney, 1988. — P.132.

30 См. YILC. 1951. — Vol. 1. — P. 24 et seq.; U. N. Conference on the Law of Treaties. First Session. — U. N., 1969. — P. 85.

31 *International Law Reports*. / Ed. by Lauterpacht G. — London, 1971. — P. 277.

32 *Международное право: нормы и их юридическая сила*. — М.: Юридическая литература, 1980. — С. 149.

33 Усенко Е. Т. *Формы регулирования социалистического международного разделения труда*. — М.: Международные отношения. — 1968. — С. 162.

34 Коровин Е. А. *Современное международное публичное право*. — Москва, Ленинград, 1926. — С. 92–97.

35 *Курс международного права*. — М.: «Международные отношения», 1966. — С. 345.

36 Dr. S. K. Kapoor. *International Law*. Central Law Agency. — Allahabad, 1996. — P. 422.

37 См. Аметистов Э. М. *Юридическая природа акта ратификации международных договоров* // СГП. — 1983. — № 5. — С. 85.

38 Wilcox F. O. *The ratification of International Conventions: a study of the relationship of the ratification process to the development of*

Важно подчеркнуть, что ратификация представлена международно-правовым актом, который взаимно связан с одобрением международного договора парламентом, правительством государства-участника договора как актом внутригосударственного права, но отличается от него, хотя без одобрения парламентом глава государства не имеет возможностей провести ратификацию, а если она совершается вопреки конституции, то ставится вопрос о действительности ратификации и международного договора в целом³⁹.

А. Н. Талалаев справедливо отмечал: «... ратификация делается высшими органами государства, она является наиболее авторитетной формой выражения его согласия на обязательность международного договора»⁴⁰.

Более точно определяет это понятие О. Э. Поленц: «Ратификация представляет собой воплощенное в специальном документе — ратификационной грамоте — утверждение международного соглашения высшим органом власти, который определяется внутренним правом государства»⁴¹.

Таким образом, анализируя вышеизложенное в международной и отечественной научной литературе, можно выделить различные точки зрения на определение и сущность процесса ратификации. Вместе с этим следует ратификацию рассматривать как разные процедурные действия: формальная сделка (отмечали Р. Уильямс (R. Williams), М. Беджауи (M. Bedjaoui), Дж. Комбакау (J. Combacau), С. Сур (S. Sur), С. К. Капур (S. K. Kapoor)), утверждение (отмечали И. А. Ширер (I. A. Shearer), Дж. Комбакау (J. Combacau), С. Сур (S. Sur), Г. Фицморис (G. Fitzmaurice), Нгуен Куок Дин (Nguyen Quoc Dinh), П. Дайллиер (P. Daillier), Ф. И. Кожевников, Н. М. Миронов, О. Э. Поленц, Е. Т. Усенко, Е. А. Коровин), одобрение (отмечали А. Фердросс (A. Verdross), П. Фреймонд (P. Freymond), С. К. Капур (S. K. Kapoor), А. Н. Талалаев), способ выражения согласия на обязательность договора (отмечали Г. Кельзен (H. Kelsen), М. Беджауи (M. Benjaoui), М. Н. Шоу (M. N. Shaw), И. С. Лантис (J. S. Lantis), Н. М. Миронов, А. Н. Талалаев, Ф. О. Вилькоккс (F. O. Wilcox), Д. Дэниел (D. Daniel), Дж. Браунли (J. Brownlie), а также ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров), зависимость ратификации от намерения государств, участвующих в переговорах (отмечали Р. Б. Ашур (R. B. Achour), И. Фрикха (I. Frikha), М. Снусси (M. Snoussi), Макнейр (McNair)), утверждение соглашения на внутригосударственном и международном уровне (отмечали Г. Фицморис (G. Fitzmaurice), Дж. Браунли (J. Brownlie), А. Н. Талалаев, И. И. Лукашук, В. А. Рияка).

Таким образом, конституционная процедура России позволяет также утверждать, что ратификация является и внутригосударственным актом.

Как показывает расширенный анализ отечественной и зарубежной научной юридической литературы, несмотря на довольно значительные изменения, происходящие в международном праве с начала 90-х гг. прошлого столетия, проблематика, связанная с двойным измерением требований института ратификации международных договоров, не была предметом специальных монографических исследований в теории права международных договоров и конституционного права⁴².

В своих исследованиях зарубежные и отечественные юристы-международники основное внимание уделяли изучению общих вопросов, относящихся к праву договоров, но определение полного понятия института ратификации международных договоров не указывали.

В связи с этим важно отметить, что следует согласиться с рядом отечественных и зарубежных юристов-международников в их определениях понятия и сущности процесса ратификации, и в то же время следует презюмировать, что в связи с отсутствием единого корневого понятия ратификации международных договоров в Венской конвенции о праве международных договоров, в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» необходима новая дефиниция.

Необходимо также презюмировать, что результат процесса ратификации есть внутригосударственный юридический акт национального права, которым уполномоченный государственный орган принимает решение в форме закона, указа об одобрении ранее заключенного международного договора, подписанного полномочными представителями государства, и позднее одобренный главой государства, правителем или президентом страны.

Кроме того, это не только внутригосударственный юридический нормативный акт национального конституционного права страны, но и наиболее авторитетная, популярная на международном уровне форма окончательного подтверждения категорического согласия государства с условиями международного договора, обретающая международно-правовое значение и порождающая международные последствия, имеющие обязательную силу для государства, приводящая в действие нормы международного договора, которыми государство будет связано и обязуется соблюдать их в полном объеме, и выражается международно-правовым актом — ратификационной грамотой. Говоря о юридическом содержании актов ратификации, следует отметить, что ратификация как международно-правовой институт представляет одобрение международного договора для обозначения документа, который необходимо подписать и обменять (подтвердительная грамота) — ратификационная грамота.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х. Конституции государств о статусе международных договоров (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. — 2012. — № 5.
2. Абашидзе А. Х. Право международных договоров // Международное право / Под общ. ред. А. Я. Капустина. — М: Гардарики, 2008.
3. Кодолова А. В., Солнцев А. М. Перспективы кодификации и прогрессивного развития международного права в сфере охраны атмосферы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12.
4. Солнцев А. М. Современное международное право об окружающей среде и экологических правах человека. — М.: УРСС, 2013.
5. Талалаев А. Н. Международное право. — М.: Изд-во «Высшая школа», 1970.
6. Alland D. Droit international public. — Presses Universitaires de France, 2000.
7. Aust A. Modern Treaty Law. — Cambridge University Press, 2007.
8. Janis M. W. International Law. 4th Edition. — Wolters Kluwer, 2008.
9. Lantis J. S. The Life and Death of International Treaties. — Oxford: Oxford University Press, 2009.
10. Shaw. M. N. International Law. 5th ed. — Cambridge, 2003.

international legislation. The University of Toronto law journal. — 1947. — Vol. 2. — No. 1. — P. 188–189.

39 Dr. Kapoor S. International Law. Central law Agency. — Allahabad, 1996. — P. 423.

40 Талалаев А. Н. Право международных договоров. — М.: Международные отношения, 1980. — С.13.

41 Поленц О. Э. Ратификация международных договоров. — Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950.

42 Абашидзе А. Х. Право международных договоров // Международное право / Под общ. ред. А. Я. Капустина. — М: Гардарики, 2008. — С. 241–265.

Юсупов Р. М.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИЙ

Статья посвящена проблематике, связанной с трудностями определения понятия «общечеловеческие ценности». Автор рассматривает данное понятие с позиций общей теории прав человека.

Ключевые слова: международное право, права человека, общая теория прав человека, базовые ценности, общечеловеческие ценности, ценностные ориентации.

Yusupov R. M.

UNIVERSAL HUMAN VALUES IN THE CONTEXT OF A GENERAL THEORY OF HUMAN RIGHTS: PROBLEMS OF DEFINITIONS

Article is devoted to issues related to the difficulties in determining the concept of «universal values». The author examines this concept from the standpoint of the general theory of human rights.

Keywords: international law, human rights, the general theory of human rights, core values, universal values, values.

На современном этапе глобализации человечество оказалось перед весьма непростым выбором: обеспечить безопасность государств и права человека на основе соблюдения Устава ООН и укрепления Организации Объединенных Наций или бороться с терроризмом и другими нарушениями прав человека путем односторонних действий с применением вооруженной силы и дальнейшим ограничением основных прав и свобод человека¹.

Права человека являются одной из так называемых «вечных» проблем исторического, социально-культурного развития человечества, неизменно находившихся в фокусе внимания политико-правовой, этической, религиозной, философской мысли. Как утверждают авторы коллективной монографии «Общая теория прав человека», история наглядно показывает, что каждому поколению нужно защищать права личности, что человечеству еще неизвестна ситуация, при которой не требовались усилия для поддержания и защиты прав и свобод индивида. Каждое поколение по-своему отвечает на вечный вызов истории, связанный с отстаиванием таких великих ценностей, как свобода и права человека².

Таким образом, непосредственно права и свободы человека представляют собой ценности. На данное обстоятельство однозначно указывает известный юрист-международник профессор В. А. Карташкин, особо подчеркивая, что права человека имеют в своей основе не только определенные ценности, но и представляют ценность сами по себе³.

Одна из ключевых аксиом современной доктрины международного права заключается в том, что безопасным мир может стать только при соблюдении прав человека. Данная связь четко закреплена в ст. 28 Всеобщей декларации прав человека, в которой подчеркивается, что «каждый индивид имеет право

на такой социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в Декларации, могут быть полностью осуществлены»⁴.

Особую роль в деле обеспечения и защиты прав и основных свобод человека играют общечеловеческие ценности, которым уделяет существенное внимание Совет ООН по правам человека в контексте того, каким образом более глубокое понимание таких традиционных ценностей человечества, как достоинство, свобода и ответственность, лежащих в основе международных норм и стандартов в области прав человека, может содействовать поощрению и защите прав человека и основных свобод⁵.

Сложность данной проблемы заключается в том, что среди ученых и дипломатов существуют различные подходы к определению обсуждаемых понятий и их толкованию по существу⁶.

Следует подчеркнуть, что в научном сообществе предметом острых дискуссий являются не только аспекты, непосредственно связанные с ролью и значением общечеловеческих ценностей, но и само содержание данного понятия, его структура и критерии. Так, например, профессор Чикагского университета Р. Инглхарт, утверждая, что число ценностей в мире практически бесконечно, считает, что, во-первых, большинство из них (70%) являются достаточно близкими, а во-вторых, они эволюционируют в одном направлении. Израильский социолог Ш. Шварц выделяет десять базовых ценностей, признаваемых, по его мнению, во всех культурах. В данном смысле, с его точки зрения, они могут быть названы «традиционными (универсальными)», поскольку отвечают трем главным видам потребностей человеческого существования: биологическим потребностям (например, продолжение рода), потребностям социального взаимодействия (например, честность, равенство), потребностям эффективного функционирования и выживания социальных общностей (например, национальная безопасность, мир во всем мире). В свою очередь, американский психолог М. Рокич выявляет 36 социальных ценностей, которые он делит на два типа: терминальные ценности (или цели существования), и инструментальные ценности (или образ поведения) в достижении цели. К числу первых указанной ученый относит и социетальный универсализм: равенство (братство, равенство

1 Карташкин В. А., Юсупов Р. М. Воздействие традиционных (общечеловеческих) ценностей человечества на обеспечение прав человека // Материалы II Международного конгресса правоведов «Инновационное формирование правовой среды». 25–26 апреля 2013 г., город Москва. Часть III / Отв. ред. д. ю. н., проф. О. И. Чердаков. — М.: Международный юридический институт, 2013. — С. 134.

2 Общая теория прав человека. Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор доктор юридических наук Е. А. Лукашева. — М.: Издательство НОРМА, 1996. — С. IX–X.

3 Предварительное исследование по вопросу о поощрении прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей человечества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/AdvisoryCom/Session9/A.HRC.AC.9.2_ru.pdf

4 Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. Пreamбула [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr

5 Doc. A / HRC / 16 / 26. 18 March 2011.

6 Doc. A / HRC / 16 / 37. 13 December 2010.

шансов для всех), мир во всем мире (мир без войн и конфликтов), мир прекрасного (красота природы и искусства)⁷.

Российские ученые В. С. Магун и М. Г. Руднев в своей статье «Базовые ценности – 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами» приводят следующее определение понятия «ценности». С точки зрения названных авторов, «ценности определяются как убеждения человека в значимости (или важности) лично для него некоторого объекта или явления; базовые ценности – те конечные, целевые ценности человека, на основе которых формируется все множество инструментальных (оперативных, текущих) ценностей, направляющих его жизне-деятельность»⁸.

Понятие «ценность» является фундаментальным для социальной философии и социологии, этики и юриспруденции, психологии и антропологии, культурологии и педагогики. Ценности определяют правила индивидуального и группового поведения человека, лежат в основе обычаев, традиций и культур народов, выступают источниками юридических законов⁹.

Не вызывает сомнений тезис, согласно которому исчерпывающего перечня традиционных ценностей человечества не существует. На различных этапах исторического развития они неодинаковы. К ним нельзя относиться противоречащие человеческому достоинству и нарушающие права человека практику, даже укоренившуюся в традициях, а также ценности, характерные только для одного или нескольких народов и цивилизаций, но не принятых на мировом уровне. Будучи одним из ключевых понятий современной общественной мысли, понятие «ценность» используется для обозначения объектов и явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих, благодаря этому, как эталон должного¹⁰.

Так, Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г., подчеркивает, что «существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей» (пункт 6 раздела I «Ценности и принципы»). К ним Декларация относит свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, а также общую обязанность народов мира по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, устранению угроз международному миру и безопасности.

«Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями», принятая резолюцией 56/6 Генеральной Ассамблеи от 9 ноября 2001 г., содержит в себе следующие словосочетания: «основные ценности», «единные ценности», «универсальные человеческие ценности»¹¹.

Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. говорит о «ценности различных инициатив в отношении диалога между культурами и цивилизациями» (п. 144), подчеркивая, в то же время, что «общие основные ценности, включая свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение всех прав

человека, уважение к природе, и общая ответственность имеют важнейшее значение для международных отношений» (п. 4)¹².

Таким образом, общечеловеческие ценности с позиций общей теории прав человека являются достоянием всего человечества. В качестве ключевых составляющих их специфики выступают общепринятость и общепризнанность в мировом масштабе, позитивная коннотация. Исходя из изложенного ранее, можно сделать вывод обобщающего плана о том, что к общечеловеческим ценностям относятся общепринятые и общепризнанные исторически устойчивые нематериальные категории позитивного характера, адекватным образом отражающие общественные отношения на соответствующих этапах развития социума.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. Преамбула [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr
2. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями, принятая резолюцией 56/6 Генеральной Ассамблеи от 9 ноября 2001 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dac_agenda.shtml
3. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
4. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., принятый резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005
5. Карташкин В. А., Юсупов Р. М. Воздействие традиционных (общечеловеческих) ценностей человечества на обеспечение прав человека // Материалы II Международного конгресса правоведов «Инновационное формирование правовой среды». 25–26 апреля 2013 г., город Москва. Часть III / Отв. ред. д.ю.н., проф. О. И. Чердаков. — М.: Международный юридический институт, 2013.
6. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. — М., 2009.
7. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности — 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03. Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
8. Общая теория прав человека. Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор доктор юридических наук Е. А. Лукашева. — М.: Издательство НОРМА, 1996.
9. Предварительное исследование по вопросу о поощрении прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей человечества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/AdvisoryCom/Session9/A.HRC.AC.9.2_ru.pdf
10. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П. А. Цыганкова. — М.: Издательство Московского университета, 2012.
11. Doc. A / HRC / 16 / 37. 13 December 2010.
12. Doc. A / HRC / 16 / 26. 18 March 2011.

Далгатова А. О.
СУБЪЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
ПОЛНОМОЧИЯМИ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с определением места и роли МВД России как субъекта предупреждения злоупотребления полномочиями.

Ключевые слова: предупреждение, злоупотребление полномочиями, интересы службы.

Dalgatova A. O.
SUBJECTS OF ABUSE OF POWER PREVENTION
IN COMMERCIAL AND OTHER ORGANIZATIONS

This article deals with topical issues related to the definition of the place and role of the Ministry of Interior of Russia as a subject of preventing the abuse of power.

Keywords: prevention, abuse of power, the interests of the service.

Далгатова А. О.

Одним из элементов системы предупреждения преступлений является субъект предупредительной деятельности. Обращая внимание на субъекты предупреждения злоупотребления полномочиями, отметим, что этим, как правило, занимаются государство и институты гражданского общества, государственные и негосударственные органы и организации, юридические лица и граждане. Более точное определение субъектов предупреждения дает В. Д. Малков: «Это органы государственной власти и органы местного самоуправления, ведомства, должностные лица, общественные организации и граждане, целенаправленно осуществляющие на различных уровнях и в различных масштабах руководство, планирование мероприятий по предупреждению преступлений, их непосредственную реализацию, обеспечение этой реализации; имеющие в этой сфере определенные права и обязанности и несущие ответственность за достижение возложенных задач»¹.

В данном случае, применительно к рассматриваемому преступлению, остановимся на следующем субъекте предупреждения злоупотребления полномочиями — подразделениях по борьбе с экономическими преступлениями системы МВД.

Указанные подразделения занимают особое место в системе субъектов борьбы с преступлениями в сфере служебной деятельности в коммерческих и иных организациях, так как представляют собой наиболее многочисленные и технически оснащенные государственные учреждения исполнительной власти, наделенные в значительной степени специальными универсальными полномочиями по выявлению преступлений и применению к ним мер, установленных законодательством Российской Федерации.

Однако в ходе опроса сотрудников УБЭП МВД по РД установлено, что они не являются специализированными субъектами предупреждения преступлений против интересов службы, поскольку не обладают для этого необходимыми полномочиями.

Это объясняется принятием Федерального закона от 26.12.2008 г. № 293-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся субъектов предпринимательской деятельности»², где установлено, что органы внутренних дел были лишены некоторых прав, в том числе:

осматривать производственные, складские, торговые и иные служебные помещения, другие места хранения и использования имущества;

изучать документы, отражающие финансовую, хозяйственную, предпринимательскую и торговую деятельность;

изымать с обязательным составлением протокола отдельные образцы сырья, продукции и товаров, необходимые для проведения исследований или экспертиз;

требовать при проверке имеющихся данных, указывающих на признаки преступления, обязательного проведения в срок не более тридцати дней проверок и ревизий финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности, а также самостоятельно проводить в указанные сроки такие проверки и ревизии, изымать при производстве проверок и ревизий документы либо их копии с обязательным составлением протокола и описи изымаемых документов либо их копий и др. Тем самым, если и ранее у сотрудников милиции было недостаточно прав по предупреждению преступлений, то с принятием указанного Федерального закона их вообще не стало.

Сказанное вовсе не означает, что правоохранительные органы не должны принимать участия в обеспечении безопасности деятельности хозяйствующих субъектов. В данном случае речь идет о распределении обязанностей по защите прав организаций между государственными органами и лицами, выполняющими управленческие функции.

К тому же Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года было сказано, что «кроме мер собственно законодательного порядка нам надо совершенствовать и систему государственных органов, оптимизировать и конкретизировать их полномочия» и то, что «профилактика... безусловно, является общенациональной задачей»³.

В вопросе субъекта предупреждения злоупотреблений полномочиями интересной представляется позиция Исаева О. Ю. и Ларичева В. Д., указывающих, что в современных условиях защита экономических интересов лежит не только на государственных органах, но и в первую очередь на собственниках имущества. Получение экономической самостоятельности предполагает и определенную долю ответственности за организацию и осуществление мер защиты своего бизнеса. Исходя из того, что все права по распоряжению собственностью принадлежат собственнику, он и является главным субъектом предупреждения преступлений в отношении своего имущества⁴. Как

1 Криминология: Учебник для вузов / А. Ф. Агапов, Л. В. Барина, В. Г. Гриб и др.; под ред. В. Д. Малкова. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2008. С. 129.

2 СЗ РФ от 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6248.

3 Российская газета. 06.11.2008. № 230.

4 Исаев О. Ю., Ларичев В. Д. Понятие и характеристика основных субъектов предупреждения преступлений в сфере экономики в со-

справедливо указывает В. Е. Эминов, к числу частично специализированных субъектов предупреждения преступности относят также юридическую службу предприятий, учреждений, организаций независимо от форм собственности⁵.

Таким образом, можно обозначить следующее: защита интересов службы в коммерческих и иных организациях лежит не только на государственных органах, но и в первую очередь на собственниках имущества. Получение экономической самостоятельности предполагает и определенную долю ответственности за организацию и осуществление мер защиты своего бизнеса.

Исходя из того, что все права по распоряжению собственностью принадлежат собственнику, он и является главным субъектом предупреждения преступлений в отношении своего имущества.

Непосредственно же вопросы предупреждения злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях должны входить в круг обязанностей сотрудников подразделения по борьбе с экономическими преступлениями системы МВД.

Тем самым, применительно к предупреждению злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях, субъектами являются органы, на которых законом

временных условиях // Общество и право. 2010. № 1. С. 201.

5 См.: Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб и доп. — М.: Норма, 2009. С. 472.

возложены задачи и функции по выявлению, устранению, нейтрализации причин и условий, способствующих совершению указанных преступлений, а также органы, лица, выполняющие управленческие и иные функции в организациях, руководители предприятий и организаций, отдельные их подразделения, которые, осуществляя контрольные, надзорные и иные свои профессиональные функции, предупреждают появление условий, способствующих совершению злоупотреблений полномочиями, либо устраняют или нейтрализуют их.

Пристатейный библиографический список

1. СЗ РФ от 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6248.
2. Приказ МВД РФ от 17.01.2006. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений».
3. Криминология: Учебник для вузов / А. Ф. Агапов, Л. В. Барина, В. Г. Гриб и др.; под ред. В. Д. Малкова. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2008.
4. Исаев О. Ю., Ларичев В. Д. Понятие и характеристика основных субъектов предупреждения преступлений в сфере экономики в современных условиях // Общество и право. 2010. № 1.
5. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб и доп. М.: Норма, 2009.
6. Российская газета. 06.11.2008. № 230.

Исаев Н. А. **ОТКАЗ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ** **В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РСФСР 1922 ГОДА**

В статье автор рассматривает исторические аспекты формирования и объема понятия уголовной репрессии посредством рассмотрения такого института уголовного права, как отказ от реализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, отказ от реализации, история уголовного права, уголовная репрессия.

Isayev N. A. **ABANDONMENT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY** **IN THE RSFSR CRIMINAL CODE OF 1922**

The author considers the historical aspects of the formation and denotation of criminal repression by reviewing such institution of criminal law as a refusal to the implementation of criminal responsibility.

Keywords: criminal responsibility, non-implementation, the history of criminal law, criminal repression.

Исаев Н. А.

Уголовный закон РСФСР 1922 г. по сравнению с дореволюционным уголовным законодательством не содержал широкого перечня правовых оснований отказа от реализации уголовной ответственности. Информация об отказе от ответственности была сформулирована лаконично и имела небольшой объем. В Уголовном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, введенном в действие Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 1 июня 1922 г. (далее — УК РСФСР 1922 г.), присутствовали нормы о запрете применения отказа от реализации уголовной ответственности, которые не были систематизированы. Ряд норм Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. были только сходны с правовыми основаниями отказа от ответственности, они указывали на правомерные деяния, которые не были следствием правонарушения.

Первым основанием отказа от реализации уголовной ответственности, закрепленным в ст. 12 УК РСФСР 1922 г., следует считать приготовление к преступлению как вид неоконченного преступления, которое наказывалось, только если самостоятельно образовывало преступление: «Приготовление к преступлению карается лишь в том случае, если оно само по себе является наказуемым действием».

Следующим основанием отказа от реализации уголовной ответственности в соответствии со ст. 14 УК РСФСР 1922 г. был добровольный отказ от доведения покушения до конца: «... покушение же, не доведенное до конца по собственному побуждению покушавшегося, карается как то преступление, которое фактически им совершено».

Статья 17 УК РСФСР 1922 г. содержала два основания отказа от ответственности — это невменяемость и психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, а также запрет на использование названных оснований в случае опьянения лица: «17. Наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или вообще, в таком состоянии, когда совершившие его не могли давать себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения или приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К таковым лицам могут применяться лишь меры социальной защиты, указанные в ст. 46 Уголовного кодекса».

Действие настоящей статьи не распространяется на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления».

«47. Если, согласно ст. 17 Уголовного кодекса, суд не применяет к обвиняемому наказания, но вместе с тем считает пребывание его на свободе опасным для общества, суд выносит постановление о принудительном помещении обвиняемого в учреждение для умственно или морально дефективных или в лечебное заведение».

Недостижение возраста уголовной ответственности также закреплялось в качестве основания отказа от реализации уголовной ответственности: «18. Наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия».

Правовыми основаниями отказа от реализации уголовной ответственности были необходимая оборона (статьи 19, 158 УК РСФСР 1922 г.), крайняя необходимость (ст. 20 УК РСФСР 1922 г.), истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности (статьи 20, 21, 22 УК РСФСР 1922 г.): «19. Не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посяательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны».

«158. Насилие над личностью, если оно вызвано равным или более тяжким насилием, приравнивается к необходимой обороне».

«20. Не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраненным благом».

21. Наказание не применяется, когда со времени совершения преступления, за которое Уголовным кодексом, как высшее наказание, определено лишение свободы на срок выше одного года, прошло не менее пяти лет или когда со времени совершения менее тяжелого преступления прошло три года, — при условии: 1) если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу и 2) если совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого преступления.

22. Давностные сроки, установленные ст. 21, удваиваются, если привлеченный к следствию или суду скрылся или иным способом уклонился от таковых».

Законодатель отказывался от реализации уголовной ответственности в случае возможности применения к преступнику

условного осуждения, а также устанавливал запрет на применение условного осуждения: «36. Когда преступление, по которому определено наказание в виде лишения свободы, совершено осужденным впервые, при тяжелом стечении обстоятельств в его жизни, и когда степень опасности осужденного для общества не требует обязательной изоляции его и даже назначения ему принудительных работ, суд может применить к нему условное осуждение, т.е. постановить о неприведении обвинительного приговора в части, касающейся лишения свободы, в исполнение при условии несовершения осужденным тождественного или однородного с совершенным преступления».

Присоединенное в приговоре к лишению свободы дополнительное наказание в виде денежного или имущественного взыскания приводится в исполнение на общих основаниях, независимо от того, что основное наказание этим приговором назначено условно.

Когда суд определяет, что последствием осуждения данного обвиняемого должно явиться поражение его прав, суд не вправе применять к нему условного наказания».

В пунктах «в» и «г» ст. 46 УК РСФСР 1922 г. предусматривалась возможность отказа от реализации уголовной ответственности с заменой ее мерами социальной защиты, состоящими в лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и в высылке, которые назначались по произвольному решению суда: «46. К другим мерам социальной защиты, заменяющим по приговору суда наказание или следующим за ним, относятся:

- а) помещение в учреждения для умственно или морально дефективных;
- б) принудительное лечение;
- в) воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом;
- г) удаление из определенной местности».

В Уголовном законе подробно описывались обстоятельства применения условно-досрочного освобождения: «52. К отбывающим наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, обнаруживающим исправление, может быть применено условно-досрочное освобождение.

53. Условно-досрочное освобождение выражается либо в полном освобождении от отбываемого наказания, либо в переводе на принудительные работы без содержания под стражей на весь остающийся срок наказания или часть его и применяется судом, вынесшим приговор.

54. Если досрочно освобожденный совершит в течение неотбытого срока наказания тождественное или однородное преступление, то неотбытая им часть наказания присоединяется к наказанию за новое преступление приговором суда, разбиравшего дело по обвинению в последнем, с тем, однако, что общий срок подлежащего отбытию лишения свободы не должен превышать десяти лет.

55. Ходатайство о досрочном освобождении может быть возбуждено самим осужденным, его близкими, организациями, учреждениями и должностными лицами, но не ранее отбытия осужденным половины срока наказания. Судебные учреждения не имеют права возбуждать вопроса о досрочном освобождении».

Особенная часть Уголовного закона устанавливала правовые основания отказа от реализации уголовной ответственности при совершении конкретных преступлений. В ст. 114 УК РСФСР 1922 г. основанием отказа от ответственности было заявление лица о вымогательстве взятки или его содействие в раскрытии преступления: «Лицо, давшее взятку, не наказывается лишь в том случае, если своевременно заявило о вымогательстве взятки или оказало содействие раскрытию дела о взяточничестве».

В примечании к ст. 143 УК РСФСР 1922 г. содержалась норма об отказе от ответственности в случае совершения убийства по просьбе убитого из чувства сострадания: «Убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается».

Таким образом, можно сделать вывод, что в Уголовном законе 1922 г. законодатель не экономил уголовную репрессию, и поэтому перечень правовых оснований отказа от уголовной ответственности невелик, напротив, в ряде норм законодатель установил запрет на реализацию отказа от ответственности.

Верховодов Е. В., Курзенин Э. Б., Цыганов В. И. «СВОБОДОМЫСЛИЕ» КРИСТОФЕРА МАРЛО И ЭДВАРДА ГЕРБЕРТА КАК ПРЕДВЕСТНИК АНГЛИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

В статье анализируется творчество малоизвестных политических деятелей Англии периода раннего нового времени Кристофера Марло, Эдварда Герберта, Томаса Брауна, критиковавших католицизм и заложивших идейную основу для будущего течения либерализма, бывших идейными предвестниками политики религиозной толерантности, получившей развитие только в новейшее время.

Ключевые слова: свободомыслие, Кристофер Марло, Эдвард Герберт, Томас Браун, либерализм.

Verkhovodov E. V., Kurzenin E. B., Tsyganov V. I. «FREETHOUGHT» OF CHRISTOPHER MARLOWE AND EDWARD HERBERT AS A HARBINGER OF ENGLISH LIBERALISM

The article is devoted to the works of Christopher Marlowe, Edward Herbert, Thomas Brown, those little-known political figures of the early modern period of English history, who criticized Catholicism and laid the ideological foundation for the future flow of liberalism, being ideological forerunners of religious tolerance policy developed only in contemporary times.

Keywords: freethought, Christopher Marlowe, Edward Herbert, Thomas Brown, liberalism.

Как известно, именно Англия стала первым правовым государством Старого Света. Этому предшествовали века государственно-правовых преобразований, революций, социальных потрясений, и конечно, развития политико-правовых идей. Наиболее плодотворным в этом отношении явился XVII в.

Вторая половина XVI и весь XVII в. явились временем бурного развития Англии. Капиталистические отношения победили в важнейших отраслях ее экономики. Сотни и тысячи пролетариев трудились, не разгибая спин, во имя прибылей хозяев многочисленных мануфактур, овцеводческих ферм, шахт и т. д.) Опираясь на все возрастающую экономическую мощь, английская буржуазия и «новое» (обуржуазившееся) дворянство в ходе классовых битв двух революций (1640–1660 и 1688 гг.) сломали сопротивление феодальной аристократии и захватили политическую власть.

Разгромив своих торговых соперников — Испанию, Голландию и Францию, Англия надолго превратилась во владычицу океанских просторов¹. Певец английской революции Джон Мильтон писал: «Умственным очам моим является доблестная и могущественная нация, просыпающаяся бодрой и свежей ото сна подобно сильному человеку, разом вставшему и потрянутому кудрями; она представляется мне орлом, который вновь стал молодым и сильным»².

Быстрый прогресс производства и торговли был тесно связан с развитием науки. Научные достижения давали убедительные аргументы в руки критиков богословно-схоластических теорий. Создание Гарвеем теории кровообращения, химические опыты Бойля, изучение земного магнетизма Джильбертом и особенно гениальные открытия Ньютона в области механики и математики составили замечательную эпоху в истории мировой науки. Однако для того времени особенное значение имели достижения в области философии, служившей теоретической и методологической основой гуманитарных знаний и естественнонаучных поисков. В конце XVI и начале XVII вв. создавал свои труды Френсис Бэкон. Его произведение «Новый Органон» стало манифестом новой, свободной от влияния

античных и средневековых авторитетов науки³. Бэкон в названной работе выступает смертельным врагом схоластики и смелым пропагандистом новой науки, основанной на экспериментальном изучении природы. В его работах видна вера в силу человеческого разума, призыв к изучению тайн природы, презрение к слепому преклонению перед авторитетами⁴. «В Британии того времени политическая жизнь во многом определялась экономическим прогрессом, но не только. Интеллектуальное развитие британского общества в изучаемое время было впечатляющим и имело жесткое императивное влияние на динамику политических отношений. Всплеск продуктивных идей о государстве и праве, экономике и политике, появление новых имен, которым суждено было изменить ход английской политической истории»⁵. «Передовые люди того времени постепенно пришли к пониманию необходимости секуляризовать

Верховодов Е. В.

Курзенин Э. Б.

Цыганов В. И.

1 Остроумов С. В., Остроумов Н. В., Романовская В. Б. Идейно-политические и правовые течения в Англии XIX века // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1 (80). — С. 117.

2 Мильтон Дж. Речь о свободе печати. Ареопагитика. — Казань, 1907. — С. 48.

3 Курзенин Э. Б., Сальников В. П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 121.

4 Минеева Т. Г., Романовская В. Б. Английское государство позднего средневековья: правовые основы экономической и финансовой политики: Монография. — Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2006.

5 См.: Кондратьева А., Романовская В. Б., Федюшкина А. И. Идеи о праве в работах европейских мыслителей начала Нового времени // Юридическая наука: история и современность. — 2013. — № 11.

научный поиск, вывести его за рамки теологии. Выдающиеся ученые позднесредневековой Европы стремились к автономии богословия от науки, что не могло не способствовать быстрому развитию последней»⁶.

Однако не только научные достижения определили специфику английского свободомыслия. Свежий ветер революции, всколыхнувший английское общество, оказал могучее воздействие на мировоззрение миллионов людей, принадлежащих к различным классовым группам. Революционная борьба английской буржуазии, а также крестьянства и горожан была направлена не только против политической власти и экономических привилегий феодалов, но и против идеологических основ их сословных привилегий. Мировоззрение народных масс находилось под влиянием различных религиозных учений. Поэтому идеологическая борьба не только в период Реформации XVI в., но и в революционную эпоху XVII в. с неизбежностью приняла характер столкновений различных конфессиональных позиций. Каждая из тех социальных групп, которые вступили в революцию с надеждой добиться осуществления своих стремлений, имела свое идеологическое знамя, освященное авторитетом Библии. Это были католики, пресвитериане-кальвинисты и многообразные разветвления так называемых индепендентов — независимых религиозных течений. Обилие различных сект и реформистских течений свидетельствует о сложности классового состава революционного лагеря. В Англии того времени существовало больше сотни церковных школ и сект. Их вожди рьяно доказывали правильность своего понимания священных книг (и, следовательно, своей социально-политической программы) и «еретичность» воззрений противников.

Однако среди этого моря церковных распрей и библейских диспутов возникло и развилось принципиально новое идеологическое направление — свободомыслие. Правда, число его сторонников было еще невелико, но именно ему принадлежало будущее. Оно зародилось среди представителей интеллигенции, овладевших вершинами тогдашней науки и поэтому сумевших намного глубже, чем их современники, проникнуть в сущность разрывавшихся событий.

Хотя «нечестивые взгляды» проникали на Британский остров уже с XIV в., в чем можно убедиться, читая «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, однако истинным началом «собственного» английского свободомыслия принято считать деятельность сложившегося к концу 80-х гг. XVI ст. в Кембриджском университете кружка молодых преподавателей и студентов. По позднему признанию расквашенного в грехах юности члена кружка Габриэля Гарви, «они не страшались ни доброго малого Сатаны, ни мастера Вельзевула, ни сэра Священника, ни самого милорда Правительство: по их мнению — о, гнусный атеизм! — ад лишь пугало, а святые небеса — только диковинная тряпка...»⁷.

Среди кембриджских вольнодумцев наиболее известен Кристофер Марло (1564–1593). О его короткой жизни известно мало. Сын сапожника из Кентербери⁸, которому посчастливилось получить образование в Кембриджском университете (1580–1586), приобрел славу поэта и драматурга, слыл среди своих набожных современников кем-то вроде главаря целой секты безбожников. Один из пуританских проповедников Томас Берд (будущий учитель Оливера Кромвеля), оправдывая убийство Марло, утверждал, что тот отрицал Бога, его сына Иисуса Христа и не только богохульствовал на словах против

троицы, но даже писал такие книги, в которых доказывал, что спаситель — обманщик, а Моисей — фокусник и колдун, что Библия есть собрание пустых и нелепых сказок, а религия — изобретение политики⁹. Свидетельские показания королевского шпиона Ричарда Бейнза и близкого знакомого драматурга Томаса Кида позволяют конкретизировать это утверждение Берда. Марло доказывал, что многие дела, которые приписываются божьему всемогуществу, могут совершаться волей людей. Христос и другие новозаветные персонажи лишались им божественных черт и ореола святости; Иисус — незаконнорожденный сын плотника, отношения его с апостолом Петром — содомистский грех, Павел-фокусник, женщина из Самарии и ее сестра — публичные женщины, не оставившие свое ремесло после знакомства с Иисусом¹⁰.

Марло рассказывал о вопиющих противоречиях в библейских книгах¹¹.

Когда знакомишься с его пьесой «Мальтийский еврей», то создается впечатление, что обвинители Марло вряд ли грешат против истины. В прологе пьесы он выводит Макиавелли, в уста которого вкладывает такие знаменательные слова: «Религию считаю я игрушкой и утверждаю: нет греха, есть бедность» (пер. Ф. Рождественского)¹². Произведение Марло «Трагическая история доктора Фауста» пронизывает широко распространенная среди гуманистов идея независимости морали от религии. В словах Фауста: «Да, вечной смерти мы обречены» — содержатся сомнения в бессмертии души и страшном суде¹³. Главный герой пьесы «Тамерлан» — великий полководец Азии «Тамерлан — господень бич» сжигает священные книги мусульман, издевается над бессилием пророка Магомета. Непокоримой верой в беспредельность человеческой мощи звучат слова Тамерлана, обращенные к своим воинам:

— Поднимем к небу черные знамена

И в битве страшной истребим богов... (Пер. Е. Полонской)¹⁴.

Взгляды Марло нашли отклики у современников. В 1594 г. «Высокая комиссия», орган, созданный королевской властью для борьбы с инакомыслием, вела следствие по поводу «нечестия» Томаса Гериота и его покровителя, известного политического деятеля рыцаря Уолтера Рэли — правда, дело не дошло до репрессий¹⁵.

Следующий шаг в развитии религиозного вольнодумства в Англии сделал Эдвард Герберт, лорд Чербери (1581–1648). Сын небогатого уэльского дворянина, он в молодости много странствовал по Европе, зарабатывая себе хлеб нелегким ремеслом наемного солдата. Когда на смену бесшабашной юности пришла мужественная зрелость, Э. Герберт оказался среди государственных деятелей монархии первых Стюартов. Его назначили на важный дипломатический пост — послом во Францию. Королевская власть высоко оценила оказываемые им услуги; он становится пэром Англии, получает титул барона Чербери. Впрочем, это не помешало ему отказаться от активной поддержки Карла I, когда тот вступил в ожесточенную борьбу с восставшим парламентом.

6 Романовская Л. Р., Романовская В. Б. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2014. — № 4. — С. 173.

7 Цит. по: Buckley G. T. *Atheism in the English Renaissance*. — N. Y., 1965. — P. 85.

8 См.: Парфенов А. Т. Кристофер Марло, 1564–1593. — М., 1964. — С. 23, 24 и др.

9 Имеется в виду написанный в 1597 г. памфлет «Зрелище божьего правосудия». — Buckley G. T. *Atheism in the English Renaissance*. — N. Y., 1965. — P. 90.

10 Ibid. — P. 129–131. Ср. Парфенов А. Т. Кристофер Марло, 1564–1593. — М., 1964. — С. 62–65.

11 Buckley G. T. *Atheism in the English Renaissance*. — N. Y., 1965. — P. 131–132.

12 Марло К. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1961. — С. 281.

13 Там же. — С. 215.

14 Марло К. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1961. — С. 203, 198, 199 и др.

15 Buckley G. T. *Atheism in the English Renaissance*. — N. Y., 1965. — P. 137–138.

В годы дипломатической деятельности Герберт выступает с несколькими философскими трудами, которые обнаруживают богатый жизненный опыт и разностороннюю эрудицию их автора¹⁶.

Во взглядах Герберта на религию ясно различаются две стороны. Во-первых, он отрицательно относится ко всем вероисповеданиям. Главный удар он направил против учения об откровении, этого исходного пункта каждой из «мировых» религий. Герберт утверждал, что человек может верить откровенно только тогда, когда он сам пережил его. Письменные или устные рассказы об откровениях — это всего лишь традиция, которая, как и всякая другая, подлежит изучению человеческого разума. Поскольку нельзя проверить истинность библейских откровений, то их святость и боговдохновенность ставились под сомнение. Во-вторых, Герберт, отвергнув существующие системы религиозных взглядов, пытался сконструировать свою религию, которую он называл «истинно всеобщей католической». В отличие от существовавшего католицизма и так называемых реформированных церквей, его религия строится на основе разума, а не откровений, записанных в древних книгах. Ее суть выражали пять принципов:

- существует некое высшее бытие, первопричина всего существующего в мироздании;
- его следует почитать как некое обезличенное начало всей природы, которое обнаруживает себя через ее гармонию и красоту;
- важнейшей частью почитания является добродетель;
- ошибки, нарушающие добродетель, люди должны исправлять покаянием;
- добродетель и покаяние должны спасти человека в день, когда каждому будет воздано по его заслугам¹⁷.

Борясь с католицизмом, Герберт, как явствует из этих принципов, все же не был атеистом, и догмат о воскресении мертвых и страшном суде вошел в его рациональную веру. Однако основная суть его концепции изложена в двух первых положениях.

Он лишил Бога всех тех атрибутов, которыми его наделяло богословие, превратив его в некую обезличенную причину мироздания. Ни посредством откровения, ни каким-либо иным путем вступать в контакт с этим «высшим бытием» человек не может, он только догадывается о его существовании, познавая целесообразность окружающих его явлений природы. Эту враждебную религии сущность взглядов Герберта прекрасно понял теолог, приклеив ему, как Гоббсу и Спинозе, ярлык «великого обманщика».

Таким образом, Герберт — первый «свободный мыслитель», пять принципов которого послужили своеобразным кредо новой системы взглядов на религию, обычно называемую деизмом. Не являясь последовательно атеистической, философско-религиозная система деизма в течение почти двух столетий играла серьезную роль в развитии политико-правовых учений Англии.

В 1642 г. в Лондоне анонимно вышла небольшая книга под названием «Религия врача». Ее ожидал редкий успех. В том же году вышло ее второе издание. На следующий год — третье, исправленное, на титульном листе которого уже красовалось имя автора — Томас Браун (1605–1682). В короткий срок она была переведена на французский, немецкий, голландский и латинский языки. В многочисленных отзывах одни называли автора полукатоликом, другие причисляли его к «забывшим бога»

богохульникам типа Ванини и Кампанеллы, третьи превозносили его терпимость, кротость и благоразумие¹⁸.

В отличие от Герберта, Браун был типичным представителем английской буржуазной интеллигенции. Молодость он провел не на полях сражений, а в учебных аудиториях и за письменным столом. Он изучал юриспруденцию, медицину, древние и новые языки, богословие в Англии, Франции и Италии. После получения в 1633 г. степени доктора медицины в Лейденском университете он прочно осел в древнем Нориче на востоке Англии, где счастливо и безбедно прожил до конца своей жизни, занимаясь врачебной практикой.

Браун предпочитал не вмешиваться в политическую борьбу, был лоялен к сильному миру сего и сочувствовал казненному Карлу I. Роялистские симпатии Брауна были оценены Карлом II, который пожаловал ему дворянский титул. Любовь к науке, вера в творческие силы человеческого разума, которыми проникнуты его лучшие книги, сочетаются в нем с благоразумной осторожностью¹⁹.

Браун — единомышленник Герберта, хотя пути их к деизму различны. Браун — ученик Кардано, Парацельса и Галилея; многолетние занятия медициной и другими естественными науками дисциплинировали его ум, пробудили трезвое отношение ко всему, с чем он сталкивался в жизни.

Теоретический багаж Герберта скуднее, но зато за его плечами большой опыт политика. Но и тот, и другой равно чувствуют фальшь существующих вероучений. Характерно, что в начале своей книги Браун роняет слова, которые мог бы сказать и его старший современник Гоббс: христианская церковь утратила свою «прирожденную красоту», дискредитировала себя из-за «дурных склонностей принцев, гордости и жадности прелатов и фатальной коррупции времени»²⁰. Поэтому, по мнению Брауна, нужно реконструировать веру на основе принципов разума. Впрочем, он оговаривает, что признает и «священное писание», и предписания «святой англиканской церкви». Это осторожное «признание» не мешало практическому уму Брауна сомневаться в целесообразности веры в страшный суд и воскресение. В этом вопросе он делает шаг вперед по сравнению с Гербертом: ад не страшит его, и он отважно оправдывает Эпикура, Лукиана, Макиавелли и даже автора «трактата о трех обманщиках», ибо взгляды этих мыслителей отнюдь-де не принадлежат к атеистическим доктринам²¹.

Характерна для его взглядов проповедь религиозной терпимости. Прямым отзвуком окружавшей его действительности звучат слова Брауна: «Каждая секта хочет занять ворота небес, вытеснить прочь другие». Браун протестует против избранности, исключительности приверженцев христианской религии и призывает быть милосердным к иноверцам и язычникам. Он открыто пишет о том, что посещал католическую церковь, молился с католиками и даже «за них». В условиях той ненависти к католицизму, которую старательно культивировали в среде своих приверженцев англиканская церковь и многочисленные руководители сект, это выступление, бесспорно, делает честь мужеству Брауна.

Заметим, что именно эти тенденции, тогда еще очень слабые и редкие, спустя три столетия стали основой религиозной толерантности в Европе новейшего времени.

Пристатейный библиографический список

1. Верховодов Е. В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Ниж-

16 О его жизни см.: Herbert E. The Autobiography of Edward, lord Herbert of Cherbery, with introduction, notes, appendices and a continuation of the life by S. Lee. — L., 1906.

17 Mauthner F., Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande, B.2, Stuttgart und Berlin, 1922. — S. 383–386; Herbert E. The Autobiography of Edward, lord Herbert of Cherbery, with introduction, notes, appendices and a continuation of the life by S. Lee. — L., 1906. — P. 39.

18 Mauthner F., Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande, B.2, Stuttgart und Berlin, 1922. — S. 391–392.

19 Верховодов Е. В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2001.

20 Browne Th. Religio Medici. Cambridge, 1952. — P. 3.

21 Ibid. — P.13, 26, 49.

- ний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2001.
2. Кондратьева А. Н., Романовская В. Б., Федюшкина А. И. Идеи о праве в работах европейских мыслителей начала Нового времени // Юридическая наука: история и современность. — 2013. — № 11.
 3. Курзенин Э. Б., Сальников В. П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12.
 4. Марло К. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1961.
 5. Мильтон Дж. Речь о свободе печати. Ареопагитика. — Казань, 1907.
 6. Минеева Т. Г., Романовская В. Б. Английское государство позднего средневековья: правовые основы экономической и финансовой политики: Монография. — Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2006.
 7. Остроумов С. В., Остроумов Н. В., Романовская В. Б. Идеино-политические и правовые течения в Англии XIX века // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1.
 8. Парфенов А. Т. Кристофер Марло, 1564–1593. — М., 1964.
 9. Романовская Л. Р., Романовская В. Б. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2014. — № 4.
 10. Buckley G. T. Atheism in the English Renaissance. — N. Y., 1965.
 11. Herbert E. The Autobiography of Edward, lord Herbert of Cherbery, with introduction, notes, appendices and a continuation of the life by S. Lee. — L., 1906.
 12. Mauthner F., Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande, B. 2 — Stuttgart und Berlin, 1922.

ВЕРХОВЕНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

LIBER AMICORUM
В ЧЕСТЬ ПРОФЕССОРА К. А. БЕКАШЕВА

Настоящее издание представляет собой сборник статей по актуальным проблемам международного публичного права. Оно подготовлено к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заведующего кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук, профессора К. А. Бекашева. Авторами сборника — учеными-международниками, коллегами и учениками профессора К. А. Бекашева — освещаются концептуальные проблемы развития современного международного права и его отдельных отраслей.

Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся проблемами современного международного права.

Издательство «ПРОСПЕКТ»
480 031 02 02
www.prospekt.org

ВЕРХОВЕНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

LIBER AMICORUM
В ЧЕСТЬ ПРОФЕССОРА К. А. БЕКАШЕВА

Юлдашов С. О.

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ К ОБРАЩЕНИЯМ ГРАЖДАН ПРИ ГОСУДАРСТВЕ АНУШТАГИНОВ-ХОРЕЗМШАХОВ (1097–1231)

В статье освещен порядок приема физических и юридических лиц, отношение к обращениям в период правления династии Ануштагинов-Хорезмшахов.

Ключевые слова: обращение, династия, шах, султанат.

Yuldashov S. O.

ANALYSIS OF ATTITUDE TO CITIZENS' ADDRESSES AT THE STATE OF ANUSHTIGINIDS-KHWARAZM SHAHS (1097–1231)

This article focuses on disclosing the attitude to addresses in Anushtakin Khwarezmshah's empire, the organizing order and problems of reception of physical and legal entities.

Keywords: address, dynasty, shah, sultanate.

Из истории узбекского народа известно, что Алауддин Атсыз ибн Кутбаддин Мухаммад (1097–1156) учредил могучее государство Хорезмшахов. Потомки его династий Тажиддин Эль Арслан ибн Алауддин Атсыз (1156–1172), Алауддин Такаш ибн Тажиддин Эль Арслан (1172–1200), Алауддин Мухаммад ибн Алауддин Такаш (1200–1220) и Жалалиддин Мангуберды ибн Алауддин Мухаммад (1220–1231),¹ расширив территорию владычества, довели до его величайшего могущества.

В эти периоды в стране были осуществлены огромные изменения в социально-экономической, политической и других направлениях.

В частности, в социальной сфере нашли свое отражение значительные решения вопросов по обращению физических лиц частного характера и по поводу ведения государственной деятельности.

Таким образом, существуют источники, где упоминаются рассмотрения подобных обращений во владычестве времен правления самим шахом Алауддином Мухаммадом, его матерью Туркан Хатун, визирями (визирь являлся руководителем центрального управления государства и считался самым высшим должностным саном), хакимами вилайатов (после нашествия монголов Алауддин Мухаммад упразднил службу визирей и ввел должность хакимов),² казиями, шихнами (начальники полицейской стражи), кадхудо (аксакалы кишлаков)³ и другими должностными лицами.

Как записано в источниках, Хорезмшах Такаш относился с особым вниманием даже к обращениям обычных граждан. Однажды с письмом к нему обращается какой-то человек: «Как мусульманин — я твой брат! Подари мне часть своей казны!». Несмотря на дерзость содержания просьбы, Такаш приказывает выдать ему шестнадцать динаров. После получения динаров этот человек, с явным сарказмом, опять пишет ему письмо: «Я твой брат. Если твоя казна, выплачиваемая народу, равна шестнадцати динарам, считай меня удовлетворенным». Такаш опять проявляет терпение и с достоинством отвечает ему следующим: «Если каждый мой брат потребует свое вознаграждение, тебе и этого не достанется».⁴ Данное обращение было признано в качестве «прошения» и продемонстрировало искусное удовлетворение просьбы, не забывая о необходимости экономии в использовании средств казны.

В одном из хорезмских вилайатов Каримиддин ат-Тайфури был амиром Султана. В Хорезме правителя налоговщиков вилаята называли амил вали. «Насириддин (визирь) призывает его к себе и требует выплаты большой суммы. Каримиддин освобождается из под его власти и идет на службу к Султану Мовераннахра и жалуется на недостойное поведение Насиридина»⁵. Следовательно, надо отметить, что во времена хорезмшахов были обращения также и в виде «жалоб».

Классифицируя жалобы данного временного периода, необходимо признать тот факт, что они носили не только частного характера, но были и государственного значения.

Султан в основном занимался обращениями государственного характера, приемом иностранных представителей, визирей (и их детей, назначенных хакимами), хакимов.

Когда самаркандский хаким собирался начать войну против караханийского султана Мухаммада Арсланхана (1102–1130), население (подданные и духовенство) Мавераннахра направило Кутбиддину Хорезмшаху письмо, то есть обратилось с просьбой о помощи в предотвращении данного конфликта. Тогда Хорезмшах, удовлетворив просьбу Мухаммада Арсланхана, достиг устранения этой междуусобицы между ханом и Султаном Санжаром мирным путем.

Как известно из источников, после похода Хорезмшаха на Мовераннахр власть в Бухаре захватил сын торговца щитами Санжар, который возглавил повстанцев. Санжар, преследуя «уважаемых людей», изгнал из Бухары садыра (садр — чиновник, ведавший вакуфными и религиозными делами) и его близких, конфисковал их имущество и объявил себя маликом (правителем)...

Несмотря на то, что бурханиды призвали на помощь каракитайцев (бурханиды направили жалобу хакиму каракитайцев, после чего хаким по этому поводу направил несколько приказов Санжару, которые он, в свою очередь, просто проигнорировал. — С. О.), они не смогли предотвратить восстание. Затем садыры отправили обращение шаху Хорезма, впоследствии весной 1207 г. шах направил свои войска в сторону Бухары. При содействии городской аристократии Хорезмшах занял Бухару. Восстание было подавлено, малик Санжар был схвачен и выслан в Гургенч, там он вместе с другими 27 пленными хакимами и беками принял участие в наубе Македонского (пиршество в честь победителя) в честь Мухаммада Хорезмшаха⁶. Тем самым был продемонстрирован факт небезразличия Султана Хорезмшаха к соседнему государству — Бухаре, уважения к обращениям высокопоставленных особ, а также, гуманности и взаимоподдержки.

1 Вахидов Ш., Кадыров А. Знаменитые династии Востока. — Ташкент: «Академнашр», 2013. — С. 188.

2 Буниедов З. Государство Ануштагинов Хорезмшахов. — Ташкент: издательство «Адабиет ва санъат» имени Г. Гуляма, 1998. — С. 124–127.

3 Исмаилов М., Шаропов А., Словарь исторических терминов. — Ташкент: «Академнашр», 2013. — С. 193.

4 Буниедов З. Указ. соч. — С. 9–83.

5 Шихабиддин Мухаммад ан-Насави. Жизнь султана Джалолиддина Мангуберди. — Ташкент: «Ўзбекистон», 2006. — С. 52.

6 Буниедов З. Указ. соч. — С. 99.

Существуют источники, где упоминаются случаи, когда Султан лично принимал у себя обычных граждан, обратившихся к нему с вопросом государственной важности. К примеру, «Кара Бургут (гражданин) протянул Султану Мухаммаду Хорезмшаху послание. Весть о восстании в Самарканде и нападении на его дочь поразила его и он тотчас же приказал военачальнику собраться в поход для подавления восстания и наказания повстанцев и на джигита боле не стал обращать внимания»⁷.

Необходимо отметить, что во времена правления Ануштагинидов вопрос приема посетителей с обращениями имел свою особенность. А именно: при султанате была введена должность «киссадара», он в течение всей недели должен был собирать всю депешу с обращениями и жалобами на имя правителя и вечером каждой пятницы предоставлять их ему для рассмотрения. Затем он направлял каждому адресату соответствующие ответные письма. Назначение на эту должность происходило после тщетного отбора. Ибо не всякому дано добросовестно служить благим звеном соединения между правителем и обычным народом, оповещая об их нуждах и состоянии быта⁸.

Согласно историческим данным киссадар Султана Алауддина Мухаммада — Нажибиддин Шахризур — был при нем на этой должности со времен, когда правитель был еще военачальником (сахибул-джайшем) в Хорасане при султане Санжаре. Эта должность была очень весомой, ибо в мирное время она приносила очень большую прибыль своему владельцу⁹. Следовательно, прием обращений, своевременное оформление ответов на них и надлежащее решение проблем были признаны фактором определения стабильности отношений между населением и государством, признаком спокойной жизни и мирного сосуществования.

Интересна еще одна особенность. Во время приема хорезмские шахи сажали своих визирей по правую от себя сторону¹⁰. Таким образом уделялось серьезное внимание тому, чтобы и визири были осведомлены о происходящих в стране событиях, дабы те вносили свой вклад в разрешение проблем, верша правосудие.

Наряду с этим хотелось бы обратить внимание на одну особенность, которая была свойственна не всем государствам. «Для формирования в сознании своих детей и внуков такого понятия, как ответственность при справедливом рассмотрении обращений подданных, хорезмшахи устраивали наглядные приемы, где присутствовали молодые наследники их престола с правом высказывания своих предложений по решению обсуждаемого вопроса. Как-то раз Алауддин Мухаммад Хорезмшах, именовавший себя «Султаном великим»¹¹ и «Хорун ар-Рашидом», в пятничный вечер, согласно списку «гордости и пронизательности салтаната», составленного Туркан хатун, собрал от мала до велика всех наследных принцев, а также сыновей своих братьев и визиря Низама ал-Мулка, внуков Шахобиддина Хиваки и нескольких городских казиев (судей). Затем, глядя на изумленного верховного казиев, он сказал, что теперь они будут решать проблему двух женщин, которые обратились с жалобой к султану друг на друга и просили рассудить их. В залу вошли две женщины, лица которых были скрыты чадрой, и с ними трехлетний малыш, из-за которого и возник спор. Одна из них, со слезами и причитаниями, утверждала, что это ее ребенок, которого она потеряла еще в младенческом возрасте. Другая же, тоже не переставая плакать, заявляла, что

это ее родной ребенок, что она сама его родила и воспитывала до сегодняшнего дня. Тогда султан обратился к молодым наследникам и предложил дать ему совет, как справедливо рассудить сей спор. После некоторого молчания один из молодых людей — хаким Ходжента — Тимур Малик ответил, что он сможет решить эту проблему, в том случае, если ему дадут полную свободу в праве действия. Султан пообещал, что всего его действия будут признаны законными. Тогда он предложил разрубить ребенка на две части и отдать каждой из женщин по половине тела. Все присутствовавшие были изумлены, а женщины ужаснулись и замолчали. В тот момент, когда Тимур Малик вынул из ножен саблю и взмахнул ею над головой мальчика, одна из женщин бросилась к его ногам и взмолилась, говоря, что согласна с тем, что это не ее сын, чтобы его отдали другой женщине, но только бы оставили ребенка в живых. И тогда всем стало ясно, кто из них истинная мать мальчика. И его отдали этой женщине...¹² В данном рассуждении подчеркивается тот факт, что каждый чиновник, и судья тоже, а также те, кто собираются ими стать, должны чувствовать ответственность за справедливое вынесение приговора по решению любого обращения своих граждан.

Мать Султана Мухаммада Хорезмшаха — Туркан Хатун — тоже была очень мудрой женщиной. Она могла самостоятельно рассматривать обращения как своих подданных, так и вопросы государственного значения, и выносить свое решение. Как пишут историки, она с необычайной кропотливостью изучала любое обращение, будь то жалоба, заявление или прошение, и каждый раз справедливо решала любую проблему¹³.

Также в истории отмечены рассмотрения обращений и от предпринимателей. По этому поводу Закария Казвини, со слов одного торговца, написал следующее: «Из Гургенча вышел в путь большой торговый караван. Когда мы достаточно отделились от Гургенча, мамлуки (наемная стража) взбунтовались. Мамлуков было больше, чем торговцев. Сговорившись между собой, они стали стрелять по нам из луков. Мы у них спросили: «Какова ваша цель?» Они ответили: «Мы вас уьем, отнимем ваш товар, продадим его, купим себе снаряжение и оружие и пойдем на службу к султану Алауддину Мухаммаду». Торговцы им ответили: «Вы не сможете продать эти красные ткани, лучше вы оставьте их нам, а мы вам дадим денег, наш человек пойдет с вами в Гургенч и купит для вас лошадей и оружие. Один из вас будет амиром, и вы поступите на службу к султану». Мамлуки согласились. Наш человек, как только дошел до Гургенча, сообщил об этом случае городскому шихне (главе миршабов — полицейской службы). Через несколько дней шихна во главе с миршабами пришел и арестовал мамлуков. Караван вернулся в Гургенч. Для поучения мамлуки были повешены перед народом»¹⁴.

В рассматриваемом нами периоде существовали и устные обращения. Как мы уже подчеркивали ранее, Хорезмшахи относились с отдельным вниманием и к приему хакимов (своих детей). К примеру, во времена монгольского нашествия Мухаммад Хорезмшах принимает у себя своего сына Джалалиддина Мангуберды и говорит о том, что он поедет в Ирак, соберет войско и затем приступит к делу. Джалалиддин возражает отцу и говорит: «Если Султан едет в Ирак, пусть он оставит войско в моем попечении. А я буду стоять на берегу Джайхуна. Если другую сторону реки займут монголы, я не позволю им перейти на эту сторону. Это самый верный путь»¹⁵.

Во времена правления Хорезмшахов имели особое значение случаи приемов лиц с выездом на места. В первоисточниках повествуется о том, как в те времена хакимы время от времени

7 Ян В. Чингиз-хан. — Ташкент: Издательство художественной литературы, 1966. — С. 222.

8 Азамат Зиё. История узбекской государственности. — Ташкент: «Шарк», 2000. — С. 144.

9 Буниедов З. Указ. соч. — С. 133.

10 Там же. — С. 125.

11 История Турана, социально-исторический, научный, научно-популярный сборник, IV–VI части. — Ташкент, 2009. — С. 78.

12 Мирмухсин. Тимур Малик. — Ташкент: «Шарк», 1996. — С. 38–40.

13 Шихабиддин Мухаммад ан-Насави. Жизнь султана Джалалиддина Мангуберды. — Ташкент: «Ўзбекистон», 2006. — С. 64–65.

14 Буниедов З. Указ. соч. — С. 135–136.

15 Мирза Улуғбек, История четырех улусов. — Ташкент: издательство «Чўлпон», 1993. — С. 136.

выезжали в кишлаки для ознакомления с реальным бытом своих граждан, посещали их дома и устраивали выездные приемы на местах.

Например, «Хаким Ходжента Тимур Малик... въехали в кишлак Куркат. Из нищенской лачуги у края дороги слышался женский плач. Они остановились у низенькой стены хижины. Увидев вооруженных людей у своего дома, из толпы, которая собралась вокруг, печально вышел им навстречу хозяин дома, и приветствуя, предложил войти во двор и посадил их на айване (открытая веранда), где уже был накрыт стол. Куркаты сочли их за вельмож, державших путь на Самарканд. После краткой молитвы Тимур Малик обратился к старцу с вопросом: «Кто у вас умер?» Тогда дехканин, расплакавшись, поведал ему о том, как его жена, оставила своего годовалого младенца в бешике (люльке) и понесла ему обед в поле, где он работал, пока она вернулась, волки, об обитании поблизости которых они не знали, сгрызли его дитя. Они были безутешны. Тогда придворный Шахмурад Кухистани представил ему Тимура Малика как хакима Ходжента и сказал от его имени, что скорбит вместе с ним и желает ему терпения. Тимур Малик велел отсчитать десять золотых и отдать их дехканину. Дехканин со слезами на глазах поблагодарил и благословил его. После этого они тронулись с места и взяли путь на кишлак Курганча¹⁶». Одним словом, мы можем быть очевидцами того, как уже с тех времен хакимы были небезразличны к судьбам своих граждан и, интересуясь их бытом, выезжали на места, посещали их дома, ради их благополучия оказывали посильную помощь и выделяли средства из своих личных фондов.

Приемы правителей, установленные во владычестве Хорезмшахов, не потеряли своего значения и в последующие исторические периоды.

В частности, знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута в своем произведении «Сайехатнома» рассказывает о своеобразности приема жалоб амиром Кутлудумуром в Хорезме во времена правления монголов (1220–1370). Он описывает отдельную комнату, специально отведенную для приема граждан, имеющих жалобы. «В комнате присутствуют казий, один из главных амиров, восемь человек из числа старших тюркских амиров и шейхи, именуемые «писарями». Люди обращаются к этим чиновникам со своими заявлениями или жалобами. Если дело касается шариата, то его решает казий, если вопрос другого характера, тогда кто-либо из амиров, который ответственен за данное направление. Решения амиров и казиев бывает ясным и справедливым»¹⁷.

Данный метод целевой переадресации обращений граждан во время приема существует в регламенте хакимов районов и городов Узбекистана и по сей день. Так, выбирается один день недели, назначается время (обычно это происходит после полудня), которое остается стабильным. Граждане заблаговременно проходят регистрацию, где кратко излагают цель своего посещения и, в зависимости от содержания вопроса, на приеме вместе с хакимом присутствуют ответственные заместители,

начальники служб и других подразделений районной администрации. Подобная организация процедуры приема проводится во имя избежания бюрократизма и незамедлительного разрешения проблем, затрагиваемых в обращении граждан.

Итак, подводя итоги, мы можем сказать, что обращения граждан в органы государственной власти с древних времен служили механизмом «обратной связи», необходимой государству, и в этом качестве они будут востребованы до тех пор, пока оно существует.

Следовательно, отношение к рассмотрению обращений оказывает огромное влияние на формирование социально-экономической и политической сфер государства. Особенно своеобразным и значимым оно было и в изучаемом нами периоде — XII–XIII вв. — во времена правления государства Ануштагинов-Хорезмшахов, наследие которых в данном направлении было мало исследовано.

Изучение исторического опыта организации работы с обращениями граждан в государственных органах власти играет немаловажную роль для проведения сравнительного анализа и разработки предложений, а также оптимизации отбора обращений граждан.

Научное исследование исторически сложившихся тенденций становления, развития и совершенствования организации работы с обращениями граждан времен Хорезмшахов позволит нам выявить и систематизировать новые подходы в документационном обеспечении работы с обращениями граждан в современной системе государственного управления.

Пристатейный библиографический список

1. Вахидов Ш., Кадыров А. Знаменитые династии Востока. — Ташкент, «Академнашр», 2001.
2. Буниядов З., Государство Ануштагинов Хорезмшахов. — Ташкент: издательство «Адабиет ва санъат» имени Г. Гуляма, 1998.
3. Исмаилов М., Шаропов А. Словарь исторических терминов. — Ташкент, «Академнаш», 2013.
4. Шихабиддин Мухаммад ан-Насави, Жизнь султана Джалолиддина Мангуберди. — Ташкент: «Ўзбекистон», 2006.
5. Ян В. Чингиз-хан. — Ташкент, Издательство художественной литературы, 1966.
6. Азамат Зие, История узбекской государственности. — Ташкент: «Шарк», 2000.
7. История Турана, социально-исторический, научный, научно-популярный сборник. — IV–VI части. — Ташкент, 2009.
8. Мирмухсин, Темур Малик, издательство. — Ташкент: «Шарк», 1996.
9. Шихабиддин Мухаммад ан-Насави, Жизнь султана Джалолиддина Мангуберди. — Ташкент: «Ўзбекистон», 2006.
10. Улуғбек М. История четырех улусов. — Ташкент: издательство «Чўлпон», 1993.
11. Мирмухсин, Темур Малик. — Ташкент: «Шарк», 1996.
12. Ибн Баттута, Саяхатнаме. — Ташкент: «SHARQ», 2012.

16 Мирмухсин. Указ. соч. — С. 90–91.

17 Ибн Баттута. Саяхатнаме. — Ташкент: Издательство «SHARQ», 2012. — С. 361–362.

Дибирова А. И., Керимханова А. Б.
СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА. ВЫБОРЫ
В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1906 г.

В статье рассматривается проблема становления российского парламентаризма на примере проведения выборов в первую Государственную думу на Северном Кавказе.

Ключевые слова: парламентаризм, избирательная кампания, Государственная дума, политические партии, Северный Кавказ, депутаты.

Dibirova A. I., Kerimhanova A. B.
FORMATION OF THE RUSSIAN PARLIAMENTARISM.
ELECTIONS TO THE FIRST STATE DUMA IN THE NORTH CAUCASUS IN 1906

The problem of formation of the Russian parliamentary system by the example of elections to the first State Duma in the North Caucasus.

Keywords: the parliamentary system, electoral campaign, the State Duma, political parties, the North Caucasus, deputies.

В настоящее время, как и в начале XX в., в Думе вокруг вопроса о власти ведутся бурные дебаты между различными политическими партиями. Пересмотр принципов социально-экономического развития, острое идейное противостояние, межнациональные и социальные конфликты снова стали реальностью дня сегодняшнего Северного Кавказа, как и России в целом. Разумеется, всякие исторические аналогии условны, но историческое сходство форм и содержания этих процессов требует к себе серьезного внимания и научного анализа.

В современной общественной российской ситуации имеется много черт, сходных с характеристиками обстановки начала XX в.: переходный период социально-экономического развития, противостояние различных идейных течений, отсутствие развитой политико-правовой базы общественного развития, та же нерешенность политических проблем.

Первые попытки становления российского парламентаризма пришлось на начало XX в., отмеченное крайней социальной нестабильностью: три революции, повлекшие за собой кровопролитную гражданскую войну. Одной из главных их причин была неспособность правительства решить вопрос о власти.

В современных условиях, когда вырабатываются основы новой социальной политики страны, когда Государственная дума стала одной из палат высшего законодательного органа России, особенно актуально изучение опыта становления парламентаризма, анализ трансформации взглядов политических партий на политические проблемы государства в высшем представительном учреждении царской России.

Начало XX в. ознаменовалось в политической истории России подъемом революционного движения и активизацией общественных сил за проведение демократических преобразований в стране. Решение этого вопроса почти все общественно-политические силы и простой народ связывали с Государственной думой, на нее возлагались большие надежды. По поводу открытия I Думы В. Струве в своей статье «Народ и Дума» охарактеризовал ее как начало новой эпохи в истории России. «До сих пор, — пишет он, — страна жила помыслами о Думе, надеждами на нее, верой в нее. Теперь Дума должна жить верой и помыслами страны, в них черпая и смысл своего существования и силы для выполнения своего призвания. Вопреки всем злым силам старого строя, Дума восстает перед нами как воплощение новой народной России. Создавая Думу, ведя за нее борьбу, русский народ и все народы, связанные с ним общей политической судьбой, сплачивались в духовное целое, сознающее себя самоопределяющейся и властной силой, складывались в нацию»¹.

Правительство намеревалось предложить 1-й Думе регулирование вопросов аренды, расширение переселений, при-

знание наделных земель собственностью их владельцев и установление порядка выхода крестьян из общины. Эти направления были одобрены Николаем II, они предвосхищали будущую аграрную программу П. Столыпина.

Создание Думы не изменило и не могло изменить природу государственной власти. Избирательный закон от 11 декабря 1905 г. и вся система выборов в Думу носили антинародный характер. Закон обманул надежды либеральной оппозиции, хотя по сравнению с законом от 6 августа все же представлял собой шаг вперед. Избирательный ценз стал менее суровым: 25 млн человек получили право голоса. Но от участия в выборах были отстранены женщины, лица моложе 25 лет, военнослужащие, батраки-крестьяне, не являвшиеся домохозяевами, лица, не являвшиеся квартирантимастерами, часть рабочих, а также «иностранцы». Выборы были непрямыми и неравными.

Для проведения выборов членов Государственной думы вся страна была разделена на округа, в том числе Кавказ — на 6 избирательных округов. На Северном Кавказе же отдельные округа составляли Кубанская, Терская область с Черноморской губернией, Дагестанская область с Закатальским округом. Депутатов должно было избирать собрание выборщиков следующим порядком:

1. В Кубанской области с Черноморской губернией избиралось 100 выборщиков, из них от крестьян — 10, от казачьих станиц — 45, от землевладельцев — 31, от горожан — 14².

2. В Терской области избиралось 49 выборщиков, из них 10 — от крестьянства, 15 — от казачьих станиц, 18 землевладельцев и 6 горожан.

3. В Дагестанской области и Закатальском округе всего избиралось 33 выборщика, из них 24 — от крестьян, 4 землевладельца и 5 горожан³. Из приведенных данных мы видим, что удельный вес крестьян из общего количества выборщиков был больше всего по дагестанскому округу.

Скорее всего, это объяснялось условиями выборов в горожан и крестьянскую курию, а главное, тем, что подавляющее большинство населения в крае составляли крестьяне. В курию

2 Избирательный закон в Государственную Думу по Кавказу (3 июня 1907 г.). — С. 15.

3 Первая Государственная Дума. Правила о выборах. — СПб., 1905. — С. 60.

1 Дума. — 1906. — 27 апреля. — № 1.

Дибирова А. И.

Керимханова А. Б.

горожан попадали только лица, владеющие не менее года недвижимым имуществом, предприятием, квартирой и получающие на государственной службе содержание или пенсию. Естественно, в эту категорию жителей всего 3 городов Дагестана попадало гораздо меньше, чем сельских жителей. Тем более что малоземелье создавало в крае большую концентрацию горцев, чем в других областях Кавказа. А это давало дополнительное число выборщиков т.к. по положению: «каждое село, аул или колония, за исключением Батумской и Карской областей, выбирает на каждые 10 дворов по одному выборному. Поселения, имеющие менее 10 дворов, выбирают одного выборного»⁴.

Выборы в I Государственную думу явились одним из средств борьбы царизма с нарастающим революционным движением. Новый закон представлял избирательные права главным образом представителям имущих классов. В правилах выборов уполномоченных края говорилось, что «участие в избрании выборщиков в губернские избирательные собрания представляется рабочим тех губерний, городов и предприятий фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, в коих общее число рабочих мужского пола не менее пятидесяти»⁵. На Северном Кавказе преобладали в основном мелкие предприятия, поэтому рабочие края не получили избирательных прав.

В Дагестанской области избирательная кампания в I Государственную думу фактически провалилась. Население ряда округов оказалось под влиянием социал-демократов. Большевики, как известно, объявили бойкот Думы (так же, как и Булыгинской), выступили против участия в выборах, разоблачая их реакционную сущность.

Меньшевики придерживались несколько иной тактики — участвовать в выборах, используя их для революционной агитации, и только на последней ступени — областном съезде выборщиков — бойкотировать их. Иногда они даже заключали блоки с кадетами. Так, армавирские меньшевики выступали с призывом голосовать за кадетов. «В крайнем случае, — говорилось в их обращении, — голосуйте за тех кандидатов, которые стоят не правее конституционалистов-демократов»⁶.

В ряде округов почти все население отказалось от избрания выборщиков уже на первой ступени. В Дагестане, например, все села Гунибского и Андийского округов. Не состоялись выборы в ряде областей Кубанской и Черноморской губерний. Кубанские большевики в своей листовке назвали выборы «позорной комедией»⁷. Бойкотировали выборы большевики Новороссийска, Ставрополя, Темир-Хан-Шуры, Владикавказа.

На Северном Кавказе из-за ограниченности времени партийные организации провели своих кандидатов в Думу не успели. Но избирательная кампания использовалась ими в революционных целях. Например, на предвыборных собраниях в апреле и мае руководители Темир-Хан-Шуриной социал-демократической организации М. Дахадаев, Д. Коркмасов, П. Ковалев и др. выступали с разоблачением выборов, требовали демократических свобод, конфискации помещичьих и казачьих земель.

Под лозунгами бойкота Думы социал-демократы проводили митинги во многих областях Северного Кавказа. Так, кубанские большевики в специальной листовке, разоблачая реакционный характер проводимых выборов, писали: «Взрывом глубокого негодования ответим мы на призыв царского правительства принять участие в выборах. Мы должны громко заявить, что не примем участия в этой позорной комедии выборов в Государственную Думу...»⁸ В Дагестане распространя-

лись листовки бакинской большевистской группы с призывом к вооруженному восстанию, бойкоту Думы и с требованием созыва Учредительного собрания. Ставропольский комитет партии большевиков вынес резолюцию об использовании предстоящих выборных собраний для агитации против участия в выборах в Думу. Как доносили губернские власти, здесь произошли вооруженные столкновения с агитаторами.

На Северном Кавказе в это время также был отмечен рост активности крестьянского движения, причиной которого, как сообщалось в донесениях жандармского управления, была агитация революционеров.

В отличие от многих горных округов, бойкотировавших выборы, в городах Дагестана кампания проходила более активно. Так, корреспонденты из Темир-хан-Шуры и Дербента сообщают о том, что выборы идут спокойно. «Темир-хан-Шура, 5 мая — от земледельцев округа избран выборщиком отставной полковник Хасбулатов — бек, националист... Из 1071 избирателя подали бюллетень 441. Сильно агитировали в пользу кандидата Коркмасова, выборы прошли спокойно.

В Государственную думу первого созыва намечалось избрать 524 человека. Ко дню открытия Думы 27 апреля 1907 г. в Петербург съехалось 440 депутатов, в июле уже было 449. По партийным спискам они распределялись следующим образом: кадеты — 182, члены национальных партий — 60, левые — 47, прогрессисты — 36, октябристы — 26, правые — 8, демократические реформаторы — 4, члены торгово-промышленной партии — 2, беспартийные — 83»⁹.

В списке избранных депутатов I Государственной думы от Северного Кавказа и Дона. — 24 человека, большинство из них — 12 депутатов от Войска Донского, по 4 от Ставропольской и Кубанской губерний, 3 от Терской области и 1 от Ростова-на-Дону¹⁰.

Анализ партийности депутатов несколько затруднен ввиду расплывчатости формулировок в документах, но все же позволяет сделать определенные выводы — большинство избранных — 11 человек — кадеты, 6 — беспартийных, 3 — трудовика, 1 — октябрист, а трое депутатов фигурируют как «умеренные прогрессисты». Отсутствие социал-демократов объясняется их тактикой бойкота.

Государственная дума России отличалась от западных парламентов крайней ограниченностью в правах. Главная причина была в нежелании царизма делить свою власть с кем бы то ни было, а также в неспособности выборных от народа этой властью воспользоваться. Требования либералов дать стране полноценную Думу, парламентскую демократию при всеобщем равном, прямо и тайно голосовании не соответствовало уровню развития государства.

Пристатейный библиографический список

1. Алфавитный список членов Государственной Думы. С указанием партии и места избрания депутатов. — Саратов, 1906.
2. Избирательный закон в Государственную Думу по Кавказу (3 июня 1907 г.).
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). — М.: Наука, 1988.
4. Первая Государственная Дума. Правила о выборах. — СПб, 1905.
5. Сидельников С. М. Образование и деятельность I Государственной думы. — М., 1962.
6. Шигабуудинов М. Ш. Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905–1907 гг. — Махачкала, 1964.
4. Первая Государственная Дума. Правила о выборах. — СПб., 1905. — С. 5.
5. Шигабуудинов М. Ш. Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905–1907 гг. — Махачкала, 1964. — С. 189.
6. Шигабуудинов М. Ш. Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905–1907 гг. — Махачкала, 1964. — С. 190.
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). — М.: Наука, 1988. — С. 457.
8. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). — М.: Наука, 1988. — С. 461.
9. Сидельников С. М. Образование и деятельность I Государственной Думы. — М., 1962. — С. 23.
10. Шигабуудинов М. Ш. Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905–1907 гг. Махачкала, 1964. — С. 190.

Кабанова Ю. С.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ЗАЩИТЕ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Статья посвящена исследованию деятельности властей Российской империи по защите ценностей культуры в XIX — начале XX вв. Ключевым моментом является рассмотрение нормативных правовых актов в части, касающейся культурных прав, а также рассмотрение проектов нормативных правовых актов, выдвинутых археологическими обществами для более детальной защиты культурных ценностей в Российской империи.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, культурные ценности, право человека и гражданина на доступ к культурным ценностям.

Kabanova J. S.

THE ACTIVITIES OF THE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE FOR THE PROTECTION OF CULTURAL VALUES IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

The article is devoted to the study of the activities of the authorities of the Russian Empire for the protection of cultural values in the 19th — early 20th centuries. The key points are the review of normative legal acts in the part concerning cultural rights, as well as consideration of draft regulations put forward by the archaeological societies for more detailed protection of cultural property in the Russian Empire.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, cultural values, the right of man and citizen to access to cultural values.

Кабанова Ю. С.

Культурные ценности — это неотъемлемая часть мировой культуры и, несомненно, всего общества. Защита ценностей культуры начинает зарождаться еще в XIII в., однако осознание защиты памятников именно как ценностей культуры приходит к властям Российской империи лишь в XIX в. Рассмотрим основные вехи защиты ценностей культуры в указанный период.

10 марта 1806 г. вышел именной указ Александра I на имя главнокомандующего Экспедицией кремлевского строения, Мастерской и Оружейной палатой П. С. Валуева, в котором император обращал внимание на необходимость правильного управления и сохранения числящихся на балансе данных учреждений, культурных ценностей. Также императором было обращено внимание на отрицательную практику прежних начальников этих учреждений, касающуюся выпадавших из предметов древностей обломков золотых и серебряных вещей, а также жемчуга и камней, которые уничтожались. Руководителям предписывалось, чтобы «впредь всякий вывалившийся из своего места камень или жемчуг тотчас был вставлен и поврежденная часть исправлена без наималейшего отлагательства»¹. Данный указ ознаменовал поворот власти к оценке древностей с патриотической точки зрения и осуществлению их реставрации. Это были первые шаги, которые относились к наиболее чтимым российским святыням, но не затрагивали иных памятников старины.

После войны 1812 г. возникла необходимость заботы об архитектурных памятниках старины, в основном касающаяся сгоревшей и восстанавливаемой столицы. 5 мая 1813 г. образовалась Комиссия для строения в Москве и Комиссия для рассмотрения прошений от обывателей столицы и московской губернии, потерпевших разорение от неприятеля. В конце сентября того же года Александр I лично сделал замечания на подготовленный восстановленный план Москвы, которые касались не только благолепия города, но и затрагивали архитектурные шедевры. Они должны были быть не только поддерживаемыми «в первобытном их положении», но и открытыми для эстетического восприятия населения².

1 Полное собрание законодательства Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. — Т. XXIX. — № 22054.

2 Чукова И. М. Государственно-правовая охрана церковных памятников старины в дореволюционной России: Дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2006. — С. 20.

Особенностью дальнейших мер российского правительства в области права и практики становится законодательная инициатива, реализация которой передается административно-полицейскому учреждению, первое место при этом присуждалось Министерству внутренних дел, одним из предметов ведения которого являлось наблюдение за сооружением памятников в честь высочайших особ, именитых и государственных мужей и исторических событий, а следовательно, и сбережение данного культурно-исторического наследия, впоследствии — памятников старины вообще.

30 мая 1826 г. был объявлен губернаторам царский указ «О доставлении описей достопамятных вещей», в котором говорилось, что государю «угодно иметь сведения о всех вообще вещах, принадлежащих императорской фамилии, какие только со времен императора Петра Великого, как достопамятные, поступили для хранения по разным казенным зданиям в государстве», Министерству внутренних дел предписывалось разослать по губерниям распоряжения о составлении описей о всех подобных вещах, где указать, в каких именно местах они находятся, с какого времени и по чьему указу туда отправлены³.

В декабре того же года появляется циркуляр Министерства внутренних дел, где губернаторам было велено доставлять сведения о памятниках архитектуры и запрещалось их разрушать. За их сохранность ответственность несли начальники городов и местных полиций. Местные власти должны были регистрировать остатки «древних замков и крепостей и других зданий древности» и сообщать, в каком состоянии они находятся. В свою очередь министр внутренних дел давал наставления подчиненным искать в архивах, присутственных местах информацию, опрашивать знающих людей о древних памятниках зодчества, а именно, о времени постройки и из чего сделаны, по какому случаю возведены и кем, их особенности и достоинства, в каком состоянии находятся и можно ли их починить, не изменяя внешнего вида. Впоследствии это привело к скоплению в Министерстве внутренних дел множества описаний и планов зданий из разных губерний.

В 1837 г. Министерство внутренних дел публикует Общий наказ губернаторам, где еще раз подчеркивалась необходимость сохранять по возможности остатки старинных зданий,

3 ПСЗ РИ. Собр. II. — Т. I. — № 376.

крепостей, замков и других памятников древности, и сообщать о вновь найденных в министерство. В том же году именным указом император предписал губернаторам немедленно доносить обо всех древностях Министерству внутренних дел.

За сохранностью памятников истории и культуры следил не только департамент общих дел Министерства внутренних дел, но и другие департаменты: Департамент полиции исполнительной, занимавшийся вопросам надзора за благоустройством, Хозяйственный департамент — в случаях, когда древние здания, угрожающие разрушением, находились в черте города, Техничко-строительный комитет, ведавший строительной частью, а также Центральный статистический комитет, собиравший различные сведения по этнографии⁴. Все эти действия по сбережению памятников не были исключительной инициативой министерства, так как оно являлось лишь исполнителем воли Императора.

В 1859 г. создается Императорская археологическая комиссия при Министерстве императорского двора, главной задачей которой выступала забота о памятниках древности. В нашей стране это была одна из первых организаций, обязанностями которой являлись: 1) поиск предметов древности, в основном относящихся к жизни и истории народов отечества, располагающихся в прошлом на территории, занимаемой ныне Россией; 2) составление реестра сведений о памятниках древности как народных, так и других, расположенных в государстве; 3) оценка вновь открытых древностей с позиции науки⁵.

При создании Археологической комиссии учитывались две цели: контроль над всеми археологическими раскопками; научная опека над древностями. Но осуществлять опеку было трудно в связи с тем, что в качестве одной из функций комиссии не предусматривались создание каталогов и описание найденных памятников, при всем при этом опеку комиссия распространяла лишь на памятники, находящиеся на казенной и общественной земле, памятники, обнаруженные на частной земле, к комиссии не относились.

21 марта 1869 г. на обсуждение Первого археологического съезда по инициативе Московского археологического общества выносятся проект положения об охране древних памятников. По проекту положения предполагалось решить две проблемы: учет и охрану. Для решения первой проблемы предполагалось разделить все памятники древности на четыре категории: памятники архитектуры (каменные деревянные здания, валы, городища и курганы); памятники письменности (старопечатные книги и рукописи); памятники живописи (иконны, стенописи и др.); памятники резьбы, валяния, изделия из железа, меди, серебра и золота. А в части, касающейся практических мер по составлению списков памятников, создателями проекта было решено, что необходимо разделить Российскую империю на пять археологических округов: Петербургский, Московский, Киевский, Казанский и Одесский. Вторую проблему предполагалось решить с помощью специально обученных людей, так называемых блюстителей, избираемых на три года и отнесенных к государственной службе.

Произошло обобщение законодательной и правоприменительной практики, существовавшей в России, с помощью первой комплексной попытки сохранения отечественных памятников. Этот проект не был принят, впоследствии выходили новые проекты, и в итоге на Втором археологическом съезде 12 декабря 1871 г. был принят окончательный вариант проекта, со всеми вышеперечисленными функциями дополненный лишь пятой категорией памятников — древними тканями, одеждой и прочими предметами старины.

Несмотря на перечисленные нормативные правовые акты и строгую административную требовательность, деятели

науки все же жаловались на «равнодушие местной администрации» в деле сохранения памятников старины. Приведем в пример деятельность особой комиссии, состоящий из членов Московского и Петербургского археологических обществ, которые проанализировали правительственные распоряжения и министерские циркуляры, касавшиеся вопросов охраны памятников. Члены особой комиссии пришли к выводу, что все эти документы «не достигли своей цели», по их мнению, законодательство не работало по двум причинам: «оценка достоинства и хранение древних памятников большей частью возлагалось на таких лиц, которые очень мало, а иногда и вовсе не были подготовлены к занятиям подобного рода», а также по причине отсутствия в правительственных актах «прямых указаний на то, что именно должно подлежать охранению»⁶.

6 сентября 1901 г. появляется предписание Министерства внутренних дел губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам о предоставлении в министерство списков памятников старины. В нем говорилось о необходимости сосредоточения в министерстве внутренних дел сведений обо всех существующих в государстве памятниках, в том числе и новейшего времени. Министр также просил своих подчиненных к 1 апреля 1902 г. доставить ему точные списки имевшихся в губерниях древностей с их подробным описанием и сведения, касавшиеся времени постройки, кем был построен и на чьи средства, нуждается ли в ремонте и если да, то сколько приблизительно денег потребуется для этого.

К указанному в циркуляре сроку Министерство внутренних дел получило сведения из 51 градоначальства, области, губернии. Окончательные списки министерство получило лишь к 1905 г. В соответствии с этими данными в России Свод памятников старины включал 4108 единиц, из них здания и сооружения составили 2456 единиц, исторические памятники, считая и памятники «нового времени», — 1652 единицы⁷.

Следующий законопроект об охране отечественных древностей вышел из недр Министерства внутренних дел в 1904–1905 гг., разработанный Комиссией по пересмотру законодательства об охране исторических памятников, в состав которой вошли известные ученые. Составители проекта, ориентируясь на законодательства ряда европейских стран, приняли во внимание предложения императорского Московского археологического общества 1869–1871 гг. и Комиссии 1877 г. по созданию центрального органа охраны, по делению территории страны на археологические округа и оценке памятников по двум категориям: местного и государственного значения. Местная служба охраны памятников возлагалась на новые учреждения, наделенные наблюдательными и исполнительными функциями. Однако и этот проект из-за поступивших многочисленных негативных отзывов остался недоработанным и нереализованным.

В 1911 г. межведомственная комиссия под председательством министра внутренних дел И. Я. Гурлянда внесла в Государственную думу еще один проект положения об охране древностей. В соответствии с законопроектом охрана древностей в России возлагалась на Комитет по охране древностей при Министерстве внутренних дел, в состав которого должны были войти лица, делегированные различными государственными ведомствами, в том числе духовным.

Необходимость действенного закона была осознана правительством во время Первой мировой войны, когда участились случаи расхищения, вывоза и уничтожения памятников

4 ПСЗ РИ. Собр. II. — Т. XIII. — Отд. 1. — № 10303.

5 Охрана памятников истории и культуры в России. XVII — начало XX в.: Сб. документов. — М., 1978. — С. 115.

6 Охрана памятников истории и культуры в России. XVII — начало XX в.: Сб. документов. — М., 1978. — С. 95–96.

7 Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.: Т. I. / Сост.: Л. В. Карпова, Н. А. Потапова, Т. П. Сухоман: Хрестоматия. — М., 2000. — С. 187–189.

истории и искусства. Срочно потребовалось объявить все предметы старины в стране национальной собственностью.

Оценивая процесс становления и формирования законодательства в сфере защиты культурных ценностей в России, следует отметить, что благодаря высокой активности ученых и представителей художественной общественности в XIX — начале XX вв. была проделана колоссальная работа по выявлению и систематизации памятников истории и культуры, давших богатейший материал для отечественной исторической науки и культуры. Были определены основные теоретические позиции по проблеме защиты культурных ценностей, разработаны организационные принципы охранного дела, многие из которых вошли в современные нормативные правовые акты. К сожалению, все государственные законопроекты не преодолели ведомственные преграды в рамках решения

определенных задач, что и стало причиной их несостоятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.: Т. I. / Сост.: Л. В. Карпова, Н. А. Потапова, Т. П. Сухоман: Хрестоматия. — М., 2000.
2. Охрана памятников истории и культуры в России. XVII — начало XX в.: Сб. документов. — М., 1978.
3. Полное собрание законодательства Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. — Т. XXIX. — № 22054.
4. Чукова И. М. Государственно-правовая охрана церковных памятников старины в дореволюционной России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2006.

Пономаренко С. И.

СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В работе исследуется правовой статус подозреваемого в условиях советского государства. Автор анализирует влияние различных нормативно-правовых актов данного периода на статус подозреваемого, меняющийся в зависимости от изменения политико-правовой ситуации в обществе.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, уголовный процесс, законодательство, советский период, орган дознания.

Ponomarenko S. I.

STATUS OF THE SUSPECT IN THE CONTEXT OF THE SOVIET PERIOD OF DOMESTIC STATEHOOD DEVELOPMENT

In paper the legal status of the suspected under the Soviet state conditions is investigated. The author analyzes the influence of various normative legal acts of this period on the status of the suspect that changes depending on political and legal situation in society.

Keywords: suspect, accused, criminal trial, legislation, the Soviet period, body of inquiry.

Пономаренко С. И.

Значительным периодом развития теоретических и законодательных основ отечественного института подозреваемого явился советский период уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики 1923–1990 гг.

Созданная 10 ноября 1917 г. рабоче-крестьянская милиция была наделена функциями производства дознаний по преступлениям и проступкам. Органы милиции имели право проводить неотложные следственные действия, задерживать подозреваемых и препровождать их в местные народные суды или следственные комиссии по принадлежности, под руководством и по указаниям которых они проводили дознание и розыск. О каждом случае задержания советская милиция должна была составить протокол с точным обозначением места, дня и часа задержания, а равно основания применения этой меры, хотя сами основания не были конкретизированы в Инструкции «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» от 12 октября 1918 г.

УПК РСФСР 1922 г., восприняв подходы Устава уголовного судопроизводства (УУС) к регламентации процедур предварительного следствия и дознания, тем не менее, более четко разграничил компетенцию органов дознания и предварительного следствия. Дознание здесь рассматривалось как следующий непосредственно за возбуждением уголовного дела этап производства, осуществляемый органом дознания, в случае необходимости, безотлагательно, пока к расследованию не приступил следователь. Он был обязан закрепить доказательства и задержать подозреваемое лицо. Таким образом, само производство дознания по УПК 1922 г. во многом напоминало производство, предусмотренное статьями 257, 258 УУС. Основные черты производства данного вида использовались в недавнем прошлом УПК РСФСР 1960 г. (ст. 119) и используются в действующем УПК РФ в форме производства органами дознания неотложных следственных действий по делам, относимых к компетенции следователя (ст. 157).

Принятие УПК РСФСР в 1923 г. и последующее внесение в него изменений и дополнений привело к определенному размытию различий между следствием и дознанием. Однако, несмотря на то, что сам термин «подозреваемый» широко использовался законодателем в УПК 1922 г. и УПК 1923 г., их нормы не определяли понятия данного участника предварительного расследования и основания признания его таковым. В ст. 100 УПК РСФСР 1923 г. устанавливались только основания задержания лица по подозрению в совершении преступления, практически оставшиеся неизменными и в действующем ныне законодательстве (ст. 91 УПК РФ). В ст. 145

УПК РСФСР 1923 г. говорилось об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого до предъявления обвинения.

Статья 102 УПК РСФСР 1923 г. с изменениями и дополнениями от 16 октября 1924 г. наделила орган дознания и следователя правом избрания мер пресечения в зависимости от результатов допроса подозреваемого. При этом допрос лица в качестве подозреваемого как при производстве дознания, так и предварительного следствия на практике из исключения превратился в норму. Стало обычным, что сначала лицо допрашивалось как подозреваемый, а затем — при подтверждении подозрения — привлекалось и допрашивалось уже в качестве обвиняемого¹. В то же время подозреваемый оставался бесправным участником уголовного процесса. На органы предварительного расследования даже не возлагалась обязанности разъяснять подозреваемым сущность подозрения. Наряду с необеспеченностью прав лиц, подвергавшихся уголовному преследованию, подобная практика приводила к многочисленным следственным ошибкам.

Приняв во внимание отмеченные обстоятельства, Прокуратура СССР издала Циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26 со следующими предписаниями: «При допросе граждан, подозреваемых в совершении преступления, не допускать наименования их «подозреваемыми» и вообще устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении «подозреваемого». Если в отношении того или иного лица имеются данные, указывающие на совершение им преступления, привлекать это лицо к уголовной ответственности и допрашивать в качестве обвиняемого».

Исследователями правового статуса подозреваемого данного периода неоднократно ставился вопрос о необходимости законодательного расширения оснований появления в уголовном деле. При этом многие авторы считали желательным, чтобы соответствующее лицо признавалось подозреваемым путем вынесения специального постановления органом расследования, как это свойственно для иных участников уголовного судопроизводства, имеющих собственный интерес в деле².

1 Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. — М., 1951. — С. 277.

2 См., например: Бекешко С. П., Матвиенко Е. П. Подозреваемый в советском уголовном процессе. — Минск, 1993. — С. 34, 36–37; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития уголовного процесса. — Воронеж, 1980. — С. 127; Короткий Н. Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого

Позиция руководства страны позднего советского периода на восприятие демократических правовых ценностей западного типа привела к тому, что 13 ноября 1989 г. были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве³. В ч. 1 ст. 14 этого законодательного акта было установлено, что подозреваемый имеет право обеспечивать свою защиту путем участия защитника с момента задержания, ареста или предъявления обвинения. Этот шаг существенным образом укрепил процессуальный статус подозреваемого. Тем самым защитник получил возможность участвовать в производстве по уголовному делу на начальном этапе предварительного расследования, в том числе в форме дознания. Начала состязательности таким образом были распространены и на досудебное производство. Одновременно законодатель уделил повышенное внимание укреплению правового статуса лиц, подвергаемых заключению под стражу и задержанию по подозрению в совершении преступлений. Этот процесс завершился принятием в 1995 г. Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который значительно расширил права подозреваемого заключенного под стражу.

Нормы ст. 14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве напрямую применялись в практике органов предварительного расследования. Лишь 23 мая 1992 г. был принят Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», который воспринял эти нормы и одновременно уточнил, что защитник допускается к участию в деле с момента объявления протокола задержания. Этим же законом закреплено право подозреваемого на обжалование в суд законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей.

Как верно отмечено В. С. Шадриним, данный Циркуляр интересен не только как свидетельство реакции органа высшего надзора за законностью на сложившуюся порочную практику расследования, но и как образец отражающего колорит той эпохи волевого решения, ставящего указания ведомственного нормативного акта выше требований закона⁴. Тем не менее данная позиция Циркуляра не привела ни к каким изменениям и дополнениям в действующий тогда УПК применительно к нормам, упоминающим подозреваемого. Исполнение же этой установки на практике вызвало эффект гораздо более негативный, чем ранее. Лица, подозреваемые в совершении преступления, стали повсеместно допрашиваться в качестве свидетелей, т.е. попросту понуждались к даче показаний, не обладая правом на защиту. Не случайно в указанный период проблема подозреваемого стала одной из наиболее актуальных в теории и практике уголовного процесса. Дискуссия сводилась к необходимости разрешения вопросов о понятии подозреваемого, целесообразности существования этой процессуальной фигуры вообще и о порядке допроса лиц, подозреваемых в совершении преступления. Некоторые авторы призывали вообще отказаться от термина «подозреваемый»⁵, другие предлагали привлекать заподозренных лиц к даче объяснения по уголовному делу без присвоения им какого-либо процессуального звания либо допрашивать подозреваемых по правилам допроса свидетелей и т.п. Отстаивалась также позиция о необходимости

сохранения фигуры подозреваемого в случае ее появления в результате задержания заподозренного лица либо применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения.

Наиболее прогрессивной и дальновидной точкой зрения являлась та, согласно которой пороки сложившейся практики признания граждан в качестве подозреваемых усматривались в отсутствии у подозреваемого прав, и высказывалось предложение о необходимости наделения его правами: давать объяснения и возбуждать ходатайства перед органами расследования о получении тех или иных доказательств; присутствовать и давать объяснения при производстве некоторых экспертиз и осмотров; обращаться за помощью к защитнику. Тем не менее, с учетом официальной позиции Прокуратуры СССР, обсуждение проблемы подозреваемого было практически свернуто.

В послевоенные годы дискуссия о понятии подозреваемого вновь актуализировалась. Возобладала точка зрения профессора М. С. Строговича — считать подозреваемыми только тех, в отношении кого при производстве по уголовному делу до привлечения в качестве обвиняемого применяется задержание или одна из мер пресечения, и допрашивать такое лицо в качестве подозреваемого. Эту позицию разделили другие ученые процессуалисты.

В связи с подготовкой нового уголовно-процессуального законодательства во второй половине 50-х годов дискуссия о фигуре подозреваемого приобрела новую остроту. Многие авторы возражали против сохранения фигуры подозреваемого, считая, что это неминуемо приведет к нарушениям законности и привлечению граждан по подозрению в уголовном процессе без достаточных оснований. Другие авторы, наоборот, выступали не только за сохранение подозреваемого, но и за расширение оснований его появления в деле.

Так, Л. М. Карнеева предлагала считать подозреваемым «лицо, по поводу действий которого производится расследование до предъявления ему обвинения в связи с недостаточностью собранных по делу доказательств». Процессуальным актом, посредством которого обосновывалось бы появление подозреваемого в деле, по ее мнению, должно являться постановление о возбуждении уголовного дела против определенного лица⁶.

Высказывалась точка зрения об излишестве специального акта о признании лица подозреваемым и возможности допроса такого лица в качестве подозреваемого во всех случаях, когда имеются данные, уличающие его в совершении преступления. При этом подозреваемый должен наделаться тем же объемом прав, что и обвиняемый⁷.

В итоге дискуссии возобладала точка зрения М. С. Строговича, пользовавшегося огромным авторитетом в науке, возглавившего комиссию Президиума Верховного Совета РСФСР по подготовке нового Уголовно-процессуального кодекса⁸. 25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик⁹. Этот законодательный акт содержал Раздел II: «Участники процесса, их права и обязанности», в котором подозреваемый не упоминался. Видимо, это в определенной мере было обусловлено научной позицией М. С. Строговича, который исключал подозреваемых из числа подвергаемых уголовному преследованию, к каковым он относил только обвиняемых¹⁰.

и обвиняемого в стадии предварительного расследования. — М., 1981. — С. 29; Колосович С. А., Парий А. В. Правовой статус подозреваемого и проблемы его совершенствования. — Волгоград, 1997. — С. 20–21, 42–43.

3 См.: Ведомости Народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1989. — № 23. — С. 441.

4 Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. — М., 2000. — С. 105.

5 Раскольников Н. О подозреваемых и обвиняемых // Сов. юстиция. — 1936. — № 28.

6 Карнеева Л. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. — 1954. — № 12. — С. 32.

7 Арзуманян Т. О фигуре подозреваемого // Соц. законность. — 1956. — № 10. — С. 21.

8 Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. — М., 2000. — С. 106.

9 См.: Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1. — Ст. 15.

10 Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. — М., 1951. — С. 111, 113.

Тем не менее, в этом акте впервые были сформированы основы процессуального статуса подозреваемого. Статья 32 Основ именовалась «Задержание подозреваемого в совершении преступления». В ней приводился перечень оснований для задержания, который в дальнейшем был полностью воспроизведен в ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. В ч. 3 ст. 32 Основ наконец-то были указаны элементы статуса подозреваемого: «Лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, имеет право обжаловать действия лица, производящего дознание, следователя или прокурора, давать объяснения и заявлять ходатайства». В ч. 4 этой же статьи устанавливались гарантии обоснованности задержания.

Согласно ч. 2 ст. 33 Основ, в исключительных случаях мера пресечения могла быть применена в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, и до предъявления ему обвинения. В этом случае обвинение должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента применения меры пресечения. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, мера пресечения отменяется. В соответствии с ч. 3 этой же статьи лицу, заключенному под стражу в отменном порядке, представлены те же права, что и задержанному по подозрению в совершении преступления.

Во исполнение предписания рассматриваемого законодательного акта о поручении Верховным Советам союзных республик привести законодательство республик в соответствие с Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Третьей сессией Верховного Совета РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г. принимается Закон «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР»¹¹. Он был введен в действие с 1 января 1961 г. и применялся (с учетом многочисленных изменений и дополнений) вплоть до 1 июля 2002 г.

Глава третья УПК РСФСР «Участники процесса, их права и обязанности» в ч. 1 ст. 52 впервые в отечественной истории права напрямую отнесла подозреваемого к участникам уголовного судопроизводства и сформулировала его понятие: «Подозреваемым признается: 1) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления; 2) лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения». В ч. 2 ст. 52 подозреваемый был наделен правами, которыми ранее, согласно ч. 3 ст. 32 Основ, наделялся задержанный. Помимо этих прав общего характера, подозреваемый также наделялся достаточно обширными правами специального характера, закрепленными в других нормах УПК. Например, право знать, в чем он подозревается, вытекало из положений ч. 3 ст. 122 и ч. 2 ст. 123 УПК и т. п. Тем самым правовое положение подозреваемого было очерчено достаточно четко. Однако он является кратковременным (на срок не более 10 дней) и необязательным участником предварительного расследования. В отличие от подозреваемого, обвиняемый обладал гораздо большими процессуальными правами, что позволяло разграничивать статусы этих лиц. С малозначительными изменениями подобное положение подозреваемого в уголовном судопроизводстве сохранялось вплоть до 90-х годов. В то же время на уровне уголовно-процессуального законодательства союзных республик указание на подозреваемого как на участника процесса (вплоть до распада СССР) содержалась только в УПК РСФСР (ст. 52), УССР (ст. 43), Армянской ССР (ст. 47 (1)), Литовской ССР (ст. 59), Таджикской ССР (ст. 53 (1)). Тем не менее реальная правоприменительная практика в других союзных республиках фактически признавала подозреваемого.

Несмотря на кажущуюся однозначную определенность понятия подозреваемого, проблема его процессуального положения оказалась неисчерпанной. Постоянно давала о себе знать тенденция к расширению оснований появления в уго-

ловном деле подозреваемого. Лиц, в отношении которых имелись данные, позволяющие предполагать их причастность к совершению преступления, но не дающие оснований применять к ним задержание или меру пресечения при производстве расследования, зачастую допрашивали в качестве свидетелей. При этом перед началом допроса они предупреждались об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний, а полученные показания фиксировались в протоколе допроса свидетеля. В результате возникла парадоксальная ситуация, когда заподозренному в известной мере выгоднее было оказаться в положении задержанного по ст. 122 УПК РСФСР и тем самым приобрести его право для защиты от подозрения, в том числе, права не давать показания, чем под угрозой уголовного наказания изобличать самого себя в инкриминируемом деянии¹².

Исследователями правового статуса подозреваемого данного периода неоднократно ставился вопрос о необходимости законодательного расширения оснований появления в уголовном деле. При этом многие авторы считали желательным, чтобы соответствующее лицо признавалось подозреваемым путем вынесения специального постановления органом расследования, как это свойственно для иных участников уголовного судопроизводства, имеющих собственный интерес в деле¹³.

Позиция руководства страны позднего советского периода на восприятие демократических правовых ценностей западного типа привела к тому, что 13 ноября 1989 г. были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве¹⁴. В ч. 1 ст. 14 этого законодательного акта было установлено, что подозреваемый имеет право обеспечивать свою защиту путем участия защитника с момента задержания, ареста или предъявления обвинения. Этот шаг существенным образом укрепил процессуальный статус подозреваемого. Тем самым защитник получил возможность участвовать в производстве по уголовному делу на начальном этапе предварительного расследования, в том числе в форме дознания. Начала состязательности таким образом были распространены и на досудебное производство. Одновременно законодатель уделил повышенное внимание укреплению правового статуса лиц, подвергаемых заключению под стражу и задержанию по подозрению в совершении преступлений. Этот процесс завершился принятием в 1995 г. Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который значительно расширил права подозреваемого заключенного под стражу.

Нормы ст. 14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве напрямую применялись в практике органов предварительного расследования. Лишь 23 мая 1992 г. был принят Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», который воспринял эти нормы и одновременно уточнил, что защитник допускается к участию в деле с момента объявления протокола задержания. Этим же законом закреплено право подозреваемого на обжалование в суд законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей. Пленум Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. в постановлении № 6 разъяснил, что задержанное по подозрению в совершении преступления лицо также обладает правом на обжалование в судебном порядке законности и обоснованности задержания. Тем самым в России закрепились практика применения процедуры «Habeas Corpus

11 См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.

12 Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. — М., 2000. — С. 106.

13 См., например: Бекешко С. П., Матвиенко Е. П. Подозреваемый в советском уголовном процессе. — Минск, 1993. — С. 34.

14 Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1989. — № 23. — С. 441.

Акт», давно известной уголовному процессу западных стран, что также способствовало укреплению процессуального статуса подозреваемого.

Таким образом, институт подозреваемого в советский период отечественной государственности имел в своем развитии четыре основных этапа:

Первый этап (1917–1937 гг.). На данном этапе используются еще подходы Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

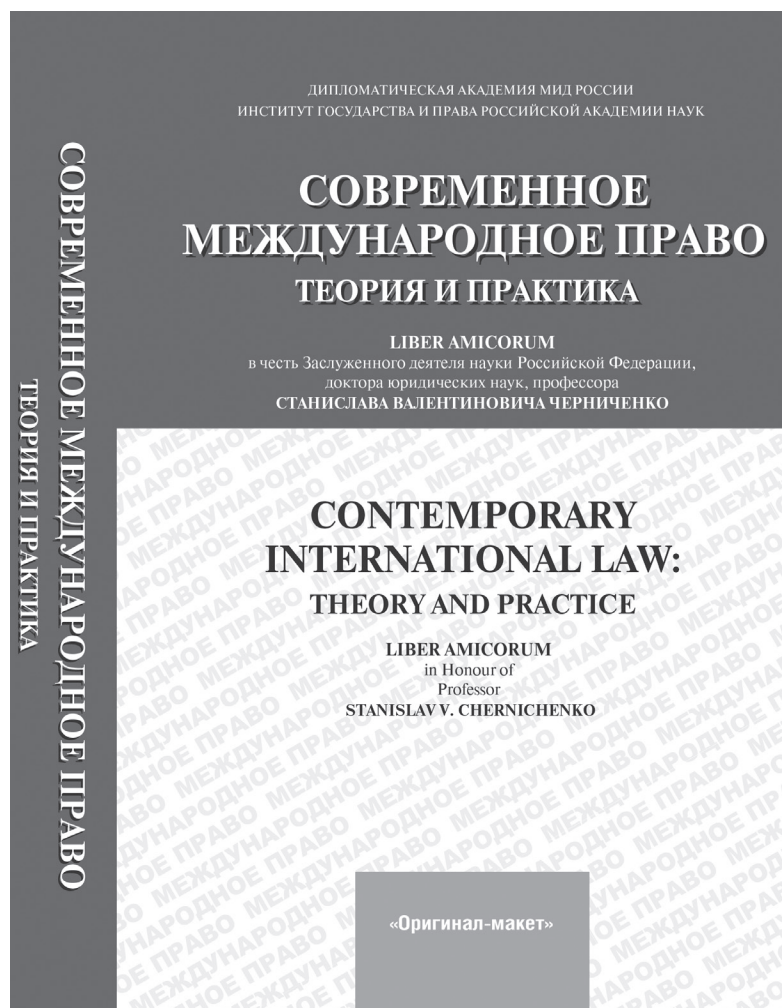
Второй этап (1937–1959 гг.) характеризуется предпринятой на ведомственном уровне попыткой ликвидировать институт подозреваемого.

Третий этап (1959–1990 гг.) явился наиболее продуктивным ввиду законодательного определения понятия подозреваемого и формирования его процессуального статуса.

Четвертый этап (1990–1994 гг.) характеризуется серьезным расширением прав подозреваемого и приведением его статуса в соответствие с мировыми стандартами прав личности в уголовном судопроизводстве.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития уголовного процесса. — Воронеж, 1980.
2. Арзуманян Т. О фигуре подозреваемого // Соц. законность. — 1956. — № 10.
3. Бекешко С. П., Матвиенко Е. П. Подозреваемый в советском уголовном процессе. — Минск, 1993.
4. Закон «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.
5. Карнеева Л. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. — 1954. — № 12.
6. Колосович С. А., Парий А. В. Правовой статус подозреваемого и проблемы его совершенствования. — Волгоград, 1997.
7. Короткий Н. Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования. — М., 1981.
8. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1989. — № 23. — С. 441.
9. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1. — Ст. 15.
10. Раскольников Н. О подозреваемых и обвиняемых // Сов. юстиция. — 1936. — № 28.
11. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. — М., 1951.
12. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. — М., 1951.
13. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. — М., 2000.

Алиева А. Б.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ «ИМПЕРСКОЙ» АДМИНИСТРАЦИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТЬЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье рассматриваются вопросы государственного управления имперской администрации Дагестанской областью во второй половине XIX в., процесс включения территорий Северного Кавказа в целом и Дагестанской области в частности в состав России и подготовки перехода всей существующей судебной системы в русло общероссийской правовой структуры, предусматривающей единообразие в судопроизводстве для всех губерний и областей Российской империи.

Ключевые слова: военно-народное управление, Дагестанская область, Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом, судебная реформа.

Alieva A. B.

STATE CONTROL OF «IMPERIAL» ADMINISTRATION OF DAGESTAN REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article considers the issues of state control of the Imperial administration of Dagestan region in the second half of the nineteenth century, the process of involving the territories of the Northern Caucasus and Dagestan region, particularly in Russia and prepare the transition of all existing court system in the direction of the Russian legal framework providing for uniformity in the procedure for all the provinces and regions of the Russian Empire.

Keywords: military, people power, Dagestan region, regulations on the management of Dagestan region and Zakatala district, reform.

Алиева А. Б.

В России накоплен немалый исторический опыт государственного управления территориями Северного Кавказа, особенно в условиях подготовки и проведения судебной реформы 1860-х гг., поскольку именно тогда закладывались основные принципы российского государственного управления на территориях Северного Кавказа¹. До 1860-х гг. не было найдено оптимального решения вопроса об управлении Северным Кавказом вообще, не удалось подчинить действию российских законов кавказские народы в частности. Воспользоваться уроками российским властям удалось уже во второй половине XIX в., когда на территориях Северного Кавказа сложилась так называемая система военно-народного управления, явившаяся закономерным результатом политического развития всего Кавказа, которое складывалось под воздействием продолжительных военных действий. С небольшими изменениями, внесенными в него после подавления антироссийского восстания 1877 г., военно-народное управление просуществовало до 1917 г.² Начало системе военно-народного управления положила государственная деятельность князя М. С. Воронцова, который с 1844 г. занимал должность наместника Кавказа. Именно он первым пришел к осмыслению того, что сложившийся веками общественный строй, сложные сословные связи, запутанность поземельных отношений, применение в судопроизводстве принципов адата и шариата и их несоответствие российским законам, но уважительное отношение со стороны местного населения, — все это были причины, которые вызвали необходимость привлечь само местное население к управлению, внедрив, таким образом, в повседневную жизнь особую систему народного представительства.

В программе наместника Кавказа князя А. И. Барятинского «Особая инструкция для управления горцами» и в «Положении о Кавказской армии» от 1 апреля 1858 г., которое включало в себя особый раздел «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления» перечислялись следующие основные положения военно-народной системы:

- 1 Бабич И. Л. Правовая действительность и ее исторические корни на Северном Кавказе // Россия и Кавказ сквозь два столетия. — СПб., 2007. — С. 213.
- 2 Бобровников В. О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь два столетия. — СПб., 2001; РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–7.

а) создавался народный суд и народная полиция, которые возглавлялись представителями от царской администрации (как правило, русскими офицерами);

б) народное право бралось под охрану государственной властью;

в) создавались благоприятные условия для естественного процесса возникновения государственности и формирования гражданственности у народов Кавказа³.

Известно, что 5 апреля 1860 г. высочайшим указом царя Александра II по представлению Главнокомандующего Кавказской армией, наместника Кавказа князя А. И. Барятинского было утверждено «Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». Согласно «Положению» в состав Дагестанской области вошел бывший Прикаспийский край из Кубинского уезда, входивший в Бакинскую губернию, и весь горный Дагестан. Следует отметить, что территория равнинного Дагестана между реками Терек и Сулак была включена в состав Терской области как Хасавюртовский округ⁴. В Дагестанской области было введено военно-народное управление с разделением ее на четыре военных отдела: Верхний Дагестан с включением Бежтинского округа; Северный — куда вошли Даргинский округ с Сюргинским обществом, шамхальство Тарковское, Мехтулинское ханство и наибство Присулакское; Средний — в составе Гунибского и Казикумухского округов и ханство Аварское и, наконец, Южный Дагестан, куда вошли Кайтаго-Табасаранский и Самурский округа и ханство Кюринское. Кроме военных отделов в составе Дагестанской области было создано и два гражданских управления — Дербентское градоначальство, состоящее из города Дербента и Улусского магала, и управление портовым городом Петровск. Все округа делились на наибства, и их количество к концу XX в. достигло до 42.⁵ Таким образом, управление Дагестанской областью согласно новому «Положению» делилось на военное и гражданское. Военное — подразделялось на управление войсками и местным населением, гражданское — на управление

- 3 Омаров А. И. Административно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе в XIX в.: автореф., к. и. н. — Махачкала, 1993. — С. 18–22.
- 4 Алиева А. Б. Административно — территориальное устройство Дагестана: от Дагестанской области до Республики Дагестан. Монография. — Махачкала, 2011. — С. 20.
- 5 Там же. — С. 25.

ханствами. Как военные управления, так и гражданские подчинялись начальнику Дагестанской области, назначаемому исключительно из числа царских генералов. Начальник области был одновременно командующим войсками, а по гражданской части он приравнивался к губернатору центральных губерний России. Система судебной власти, согласно Положению от 5 апреля 1860 г., разделялась на три звена:

- 1) комиссии военного суда — при частях войск, расположенных в Дагестанской области;
- 2) Дагестанский областной суд;
- 3) Дагестанский народный суд, окружные и словесные суды.

Все они выполняли одну стратегическую задачу — обеспечение как можно более безболезненного включения территорий Северного Кавказа в состав России и подготовки перехода всей существующей судебной системы в русло общероссийской правовой структуры, предусматривающей единообразие в судопроизводстве для всех губерний и областей Российской империи. В пределах военно-административной власти начальнику Дагестанской области было предоставлено право: 1) применять оружие против «возмутившегося» населения и упорствующих в сопротивлении властей, 2) предавать военному суду за измену, недовольство делами правительства и поставленных ими вестей в округах, за неповиновение начальству и хищение казенного имущества, 3) высылать из области в административном порядке «вредных» и «преступных» элементов, 4) утверждать приговоры окружных судов. По Положению о военно-народном управлении города Дербент и Порт-Петровск управлялись по общероссийским законам, а по остальной части территории Дагестанской области управление осуществлялось на основе традиций и обычаев горцев. В ходе административных реформ второй половины XIX в. система военно-народного управления распространялась на ханства, лишая их, таким образом, реальной власти. Введенная в 1867 г. в Дагестанской области военно-народное управление, продолжало действовать вплоть до 1917 г.⁶ Военно-народная система управления рассматривалась российскими властями как необходимая форма сохранения военной администрации в мирное время в тех районах, где население еще не было подготовлено к гражданскому управлению и применению российского законодательства. Военно-народное управление сохранялось во всех округах Дагестанской области за исключением города Петровска и Дербентского градоначальства, упраздненного в 1883 г. Постепенно вместо ханств создавались округа: в 1864 г. — Аварский в 1866 г. — Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский, в 1867 г. — вместо упраздненных шамхальства Тарковского, ханства Мехтулинского и наибства Присулакского был образован Темир-Хан-Шуринский округ. Значительно раньше были образованы округа: Самурский в 1839 г., Гунибский и Даргинский — 1846 г. и Андийский — в 1861 г. Таким образом, в 1867 г. в Дагестанской области были созданы 9 округов, разделенных на 42 наибства и одно приставство. Начальниками округов назначались царские офицеры, которые обладали широкими правами. На них возлагались строгий негласный надзор над населением округа, наблюдение за деятельностью судов, распределение натуральных повинностей, строительство и содержание дорог, разрешение гражданских исков, рассмотрение спорных дел по земельному вопросу, мелким преступлениям и т.д. В связи с ликвидацией ханств, ханской власти 26 апреля 1868 г. было утверждено «Положение о сельском управлении в Дагестане», согласно которому вопросы сельского общества решал сельский сход

(джамаат). По «Положению» в сельских обществах вводились должности старшин и их помощников, кадий и сельских судей. Администрация области, начав утверждать старшин, резко повысила его роль как главной фигуры низового органа «военно-народного» управления. По новому «Положению» политическая власть беков формально была ликвидирована, хотя фактически она существовала до 1913 г., т.е. до ликвидации феодально-зависимых отношений в Дагестане. В Дагестанской области «военно-народное» управление, окончательно утвержденное в 1874 г. изданием Положения и штатов военно-народного управления Закатальского округа и Дагестанской области продолжало действовать. Институт старшин, бывший в 1860–1870-х годах выборным, в 1880-е гг. становится назначаемым. Постепенно ограничивается участие в сельском управлении местного элемента, замена его представителями центральной администрации. Упразднение системы военно-народного управления было признано необходимым кавказским начальством еще в 1883 году в новом «Положении по управлению Кавказом»⁷. Однако Государственный Совет России ограничился его упразднением в центральных губерниях России. В 1890 г. был выработан законопроект, устанавливавший государственную оброчную подать и поземельный налог для всех землевладельцев, без различия сословий, сообразно с количеством земли. Несмотря на многочисленные проекты, блок аграрных проблем, являвшийся определяющим во всей экономической и политической жизни населения на Северном Кавказе, так и не был решен. В противовес злоупотреблениям со стороны местной власти, центральная администрация решила сделать ставку на сельские суды, которым предписывалось разрешать сложнейшие спорные вопросы сельского общества. Но расчеты не оправдались. Положение горских народов усугублялось тем, что местное сельское самоуправление все больше становилось средством для взимания налогов и податей. Судебная система руководствовалась при внесении приговора тремя основаниями: обычаями, общими законами империи и «личными убеждениями», что не могло не сказаться на общих настроениях местного общества. В декабре 1899 г. наибства были ликвидированы и преобразованы в участки. Их стало на три больше. В пределах участков административные функции осуществляли начальники участков, бывшие наибы. На сельских сходах (джамаатах) рассматривались вопросы о выборе сельских должностных лиц, распределении общественных и казенных податей и повинностей, проведении сельскохозяйственных работ, строительстве и ремонте дорог. Сельские старшины и их помощники назначались начальниками округов и плату за службу в администрации начальника округа получали от царских властей, сельский кадий, избранный на сходе сельского джамаата и утвержденный властями, жалованье получал от джамаата. Властям удалось, на наш взгляд, найти очень удачную формулу, благодаря которой в судебной системе на Северном Кавказе (в начале 1860-х гг.) в целом и в Дагестанской области, в частности, сочетались и элементы военного судопроизводства, и — структуры центральной власти, и — местные традиции и обычаи. Такой подход должен был обеспечить невозможность возникновения конфликтных ситуаций, мирное разрешение спорных вопросов. Процесс этот был не сиюминутным, он требовал терпения со стороны «реформаторов» и тех, кто осуществлял правосудие на местах, дабы не подорвать и не уничтожить торопливостью те первые результаты пробного реформирования судебной системы только одной административной единицы — Дагестанской области; результаты, которые складывались благодаря Положению от 5 апреля 1860 г.

6 Губаханова Р. А. Военно-народная система управления в Дагестане после окончания Кавказской войны // Материалы конференции «Дагестан в составе России: эволюция государственно-правового статуса: Махачкала, 1997. — С. 148.

7 Рамазанов А. Х. Управление в Дагестане в XIX–XX вв. Народы Дагестана // Общественно-политический журнал. — 2007. — № 1. — С. 29–31.

**Безносова Я. В., Кондратьева А. Н.,
Романовская В. Б., Романовская Л. Р.,
Федюшкина А. И.**

ВЕДОВСТВО, МАГИЯ И РЕЛИГИЯ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Ведовство, колдовство, магия, суеверия и религиозная вера играли важную роль в формировании социального правосознания народов западной Европы. Авторы обращаются к теме ведовства и магии в контексте их связи с религией и правом. В статье рассматриваются вопросы развития юридической ответственности за колдовство и ведовство в Европе периода раннего Средневековья. Уделяется внимание вопросам соотношения колдовства, магии и религии. Авторы анализируют нормы права различных раннесредневековых европейских государств, направленные на искоренение указанных явлений в целях обеспечения идеологического единства общества и защиты государственной религии.

Ключевые слова: религия, магия, колдовство, ведовство, юридическая ответственность за религиозные преступления.

**Beznosova Ya. V., Kondrateva A. N.,
Romanovskaya V. B., Romanovskaya L. R.,
Fedyushkina A. I.**

WITCHCRAFT, MAGIC AND RELIGION IN THE EARLY MEDIEVAL EUROPE

Witchcraft, sorcery, magic, superstition and religious faith played an important role in shaping the social sense of justice of the peoples of Western Europe. The authors refer to the subject of witchcraft and magic in the context of their relationship with religion and law. The article examines the development of the legal responsibility for sorcery and witchcraft in Europe early Middle Ages. Attention to the ratio of witchcraft, magic and religion is paid. The authors analyze the law of various early medieval European countries aimed at eradicating these phenomena in order to ensure the ideological unity of society and the protection of religion.

Keywords: religion, magic, witchcraft, sorcery, legal responsibility for religious crimes.

Феномен ведовства имеет большое значение для понимания истории жизни народа, заселившего просторы некогда могучей Римской империи. Современные западноевропейские государства, возникшие в ее пределах, стали наследниками великой античной культуры, восприняв от нее не только латиницу и философию, но и множество других самых разнообразных культурных феноменов, в том числе нумерологию, магию, астрологию¹, календарь, суеверия и пр. Явление ведовства можно рассматривать как находящееся на стыке религии и магии. Последняя, как самостоятельный способ миропонимания и мировосприятия, была распространена повсеместно, и на всех континентах. Существует она и сейчас, в эпоху научно-технического прогресса, достижений науки и секуляризации всех социальных и государственных институтов.

Часто магию ассоциируют с суеверием, как и тысячи лет назад, понимая под этим невежество и людскую глупость. Многие ученые, особенно атеистического мировоззрения, обозначают этим термином все, что не вписывается в картину материалистического мира и что невозможно объяснить в его рамках. Другие исследователи,двигающиеся по направлению сближения науки и религии, опираясь на альтернативные методы познания, исследуя те или иные феномены «паранор-

1 F. H. Cramer. *Astrology in Roman Law and Politics*. — Philadelphia, 1954.

Безносова Я. В.

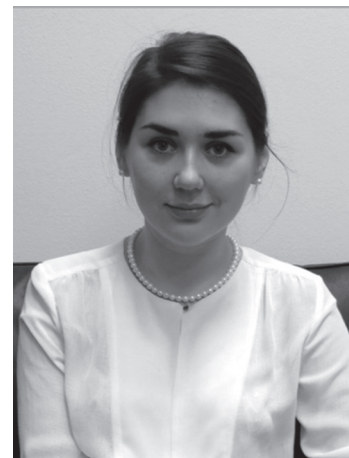
Кондратьева А. Н.

Романовская В. Б.

Романовская Л. Р.

Федюшкина А. И.

мальности», не связывают их с суевериями. Сегодня существуют научные работы, где с различных позиций (исторических, социальных, психологических, политических) исследуются феномены магии и ведовства².

Связь ведовства с магией на протяжении всей истории европейской цивилизации была очевидна. Подтверждение находится в религиозных, литературных, фольклорных источниках³. Корни западноевропейской магии стоит искать в вавилонской нумерологии и астрологии, философских идеях Пифагора и древних греков, в традициях Персии (откуда и пошло слово «маги», т.е. мудрецы, провидцы), в древнееврейской каббале. Считалось, что есть магия высокая, которая служит средством приобщения к богам. Другая разновидность магии — низкая или быто-

2 см. напр.: Джеффри Бартон Рассел. *Колдовство и ведьмы в Средние века*. — М.: Изд Евразия, 2001.

3 Julio Cara Baroja. *The World of the Witches*. — Chicago, 1965. — P. 17–40.

Безносова Я. В., Кондратьева А. Н., Романовская В. Б., Романовская Л. Р., Федюшкина А. И.

вая — имеет целью получение практического результата, например, вызвать дождь, устранить или причинить боль и пр. В языческий период эти практики были достаточно распространены. В Римской империи дохристианского периода, отличавшейся толерантностью к разным религиям⁴ и традициям, сосуществовало множество культов, сопряженных с гаданиями, ворожбой, магическими практиками⁵. Заметим, что никакого государственного преследования за подобную практику в те времена не было. Римское право не содержало норм о наказании магов, за исключением случаев, если был нанесен реальный имущественный ущерб.

Многие исследователи отрицают связь высокой магии с религией и проводят четкую грань между ними. Другие же, напротив, считают, что связь такая присутствует, поскольку на практике часто молитвы служат заклинаниями, а таинства церкви сродни магии. К тому же люди обычно не чувствуют разницы между чудом и колдовством. С точки зрения историко-правового исследования необходимо акцентировать внимание на том, что именно христианская церковь всеми силами старалась подавить магию, в то время как ученые и философы часто сами занимались магическими практиками, в частности алхимией. Можно утверждать, что начало химии, физики, биологии и других естественных наук можно найти в магических практиках древности и раннего Средневековья.

Историки и правоведы неоднократно обращались к изучению феноменов колдовства и ведовства, поскольку их история есть часть истории европейской цивилизации, причем не лучшая ее часть. Трехсотлетний кошмар, длившийся с 1450 г. до 1750 г., четко ограничен католической Западной Европой, что само по себе есть материал для размышления. Уточним, что протестантская церковь ничуть не уступала своему католическому оппоненту в вопросах преследования инакомыслия и ведовства. Большое количество трудов английских, американских, немецких исследователей было посвящено именно этому периоду, однако не меньший интерес может представлять и более ранний период истории, предшествующий тотальному обличению ведовства и магии.

Интересно проследить процесс развития негативного отношения к этим явлениям со стороны государственной власти, приведший в итоге к средневековой инквизиции. Заметим, что религия и право в средневековой Европе были очень тесно связаны и взаимно влияли друг на друга⁶. Одним из наиболее часто встречающихся преступлений против христианской религии в раннесредневековом обществе было колдовство и ведовство⁷.

Неверно было бы полагать, что эти составы появились только в христианский период. На самом деле уже самые ранние источники права в древних государствах упоминают о колдовстве как об опасном деянии. Еще в древнем Египте «околдование человека магическими знаками и заклинаниями» считалось опасным преступлением, за которое следовала смертная казнь. Британский египтолог Джеральдина Пинч из Кембриджского университета рассматривает связи между мифом и магией, отмечая важность их изучения и анализа⁸.

Древнеиндийские дхармашастры признавали грехом «чародейство и колдовство посредством корней» (Дхармашастра Ману, XI. 64)⁹. В ветхозаветных нормах мы также встречаем неоднократное упоминание об опасности ворожбы и колдовства (Втор. 18:9–11 «Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых»), как и у античных римлян, и, конечно, у германских и скандинавских народов.

Древние германцы, предки тех, что заполнили пространство Римской империи и создали на ее основе новое государство франков, подобно другим первобытным народам верили в существование разных сверхъестественных существ. Они олицетворяли силы природы, полагая, что эти существа могут оказывать помощь человеку или вредить ему. Древние народы верили в волшебство и различали доброе чародейство (белых магов) и злое колдовство (черных магов). К первым относились с почтением, а вторых боялись и ненавидели¹⁰. Люди верили в оборотней, их способность превращаться в зверей и птиц, изводить человека посредством различных действий, причинять телесные повреждения, бесплодие, лишать рассудка, наносить разную порчу, используя мази, травы, амулеты, кольца и пр.¹¹ Причем лечение мазиями, травами, настоями от болезней считалось хорошим делом, а использование тех же ингредиентов для других целей — колдовством. Люди считали, что колдуны могут привораживать, возбуждать страсть напитками, заговорами. Еще в дохристианскую эпоху люди боялись ведьм, причинявших, по их мнению, большой вред здоровью¹². Интересным обстоятельством являлось то, что тайные искусства, в том числе и ведовство, в сознании древних германцев, равно как и римлян, были тесно связаны с отравлениями¹³. Считалось, что занимались этим преимущественно женщины¹⁴. Вообще в народе подобное искусство считалось позорным и преступным. Законы германских племен назначали разные наказания за причинение смерти или порчи людям или хозяйству зельем или другими волшебными действиями, так, к примеру, Рипуарская и Салическая правды назначали за это высшую пеню — 200 солидов. Вестготская правда и право северных народов, а также англосаксонские правовые обычаи были еще суровее и допускали в определенных случаях смертную казнь¹⁵.

Неудивительно, что в христианскую эпоху подобного рода деяния не остались незамеченными. Они стали рассматриваться как составная часть идолопоклонства, т.е. приверженность языческому культу, который активно истреблялся. Франкские короли активно боролись против идолопоклонства и языческих обрядов, среди которых распространенными были почитание святых источников, деревьев и рощ, а также гадания, предсказания, сожжение тел умерших и др.¹⁶. Согласно учению

4 Svallwood E. M. *The Jews under Roman Rule*. — Leiden, 1976.; J. N. Sevenster. *The Roots of Pagan Anti-Semitism in the Ancient World*. — Leiden, 1975.

5 Буасье. Римская религия от Августа до Антонинов. / Пер. Корсак. — М., 1878.

6 Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского Государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2014. — Т. 20. — № 4. — С. 172.

7 Du Bois. *Histoire du droit criminel des peuples Europeens*. — T. 1. — 2 edit. — P. 55, 58; Loiseau J. *Les crimes et les peines*. — Librairie de L. Hachette. — P. 2, 107.

8 Pinich G. *Magic in Ancient Egypt*. — London, British Museum Press, 1994. — P. 191.

9 Законы Ману / Пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. — М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 10.02.2015).

10 Стрингольм. Походы викингов. — Ч. 2. / Пер. с нем. Шемякина. — Гамбург, 1861. — С. 23

11 Wilda W. E. *Das Strafrecht der Germanen*. — Kessinger Publishing, 2010. — S. 962–963.

12 Thonisser. *L'organisation judiciaire, le droit penale et la procedure penale de la loi silique*. — 2 edition, 1882. — P. 353–354.

13 Wilda W. E. *Das Strafrecht der Germanen*. — Kessinger Publishing, 2010. — 964–965.

14 Thonisser. *L'organisation judiciaire, le droit penale et la procedure penale de la loi silique*. — 2 edition, 1882. — P. 350.

15 Сборник законодательных памятников древнего западно-европейского права / Под ред. П. Г. Виноградова и В. Р. Владимировского. — Буданова, в 1–3, К., 1906–1908.

16 Там же. — С. 68.

христианской церкви ведовство было связано с действиями дьявола, который, как считалось, всячески содействовал ведьмам, придавая им нечеловеческую силу и различные умения, в частности, не чувствовать физическую боль. Заметим, что идея связи с дьяволом получила развитие именно в христианской теологии. Появляются специалисты в «диагностике» этой связи, так называемые демонологи. И специальная отрасль теологии — демонология. Интересно, что ничего похожего не встречается в дохристианскую эпоху и у других народов. Так называемая связь с дьяволом делала ведовство опаснейшим преступлением и тяжелым грехом. В период Высокого Средневековья данное преступление считалось отпадением от Бога и подлежало суровому наказанию. С XIII века колдовство начинает трактоваться как религиозное преступление. В более позднее время эта тенденция продолжилась и получила грандиозные масштабы, начиная с периода Высокого Средневековья и вплоть до начала Нового времени. Именно идеологам католической церкви принадлежит ведущая роль в создании самой «научной» системы демонических сил, системы, против которой она и боролась. Каноническое право римской католической церкви содержало большое количество норм, регулирующих ответственность за ведовство и колдовство, а также процессуальных правил ведения расследования по этим категориям дел. Нельзя не отметить огромную положительную роль канонического права в развитии юриспруденции¹⁷, но в вопросах о ведовстве здравый смысл у теоретиков отказывал. Подавляющее большинство демонологических трактатов принадлежало перу церковных авторов тех времен¹⁸.

«Золотой век» религиозной терпимости Римской империи закончился с триумфом христианства в Европе, и почти полторы тысячи лет вопрос о религиозной терпимости в Европе не ставился. Лишь протестантская Реформация вновь актуализировала эту тему, но не привела к ее разрешению. Понятно, что прямой связи между суевериями, гаданиями, ведовством, колдовством и религиозной толерантностью отнюдь не существует. Католическая Европа и Европа протестантская соревновались друг с другом в вопросе преследования ведьм. Однако как связь опосредованная, латентная, она может быть обозначена и обнаружена. По крайней мере, в государствах

с высокой степенью толерантности преследования ведовства или не было вовсе, или оно носило эпизодический и более мягкий характер.

Пристатейный библиографический список

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Преступление против религии в важнейших государствах Запада. — Ярославль, 1886.
2. Буасье. Римская религия от Августа до Антонинов. / Пер. Корсак. — М., 1878.
3. Джеффри Бартон Рассел. Колдовство и ведьмы в Средние века. — М.: Изд. Евразия, 2001.
4. Законы Ману / Пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. Джеффри Бартон Рассел. Колдовство и ведьмы в средние века. — М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 10.02.2015).
5. Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского Государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2014. — Т. 20. — № 4.
6. Сборник законодательных памятников древнего западно-европейского права / Под ред. Р. Г. Виноградова и В. Р. Владимирского. — Буданова, в 1–3, К., 1906–1908.
7. Стрингольм. Походы викингов. — Ч. 2. / Пер. с нем. Шемякина. — Гамбург, 1861.
8. Шафикова Г.Р., Бондаренко Г.В. История психологии нравственности: монография. — Уфа, 2007.
9. Du Bois. Histoire du droit criminel des peuples Europeens. — Т. 1. — 2nd edit.; Loiseleur J. Les crimes et les peines. — Librairie de L. Hachette, 1863.
10. Cramer F. H. Astrology in Roman Law and Politics. — Philadelphia, 1954.
11. Julio Cara Baroja. The World of the Witches. — Chicago, 1965.
12. Pinich G. Magic in Ancient Egypt. — London, British Museum Press, 1994.
13. Svallwood E. M. The Jews under Roman Rule. — Leiden, 1976.; Sevenster J. N. The Roots of Pagan Anti-Semitism in the Ancient World. — Leiden, 1975.
14. Thonisser. L'organisation judiciaire, le droit penale et la procedure penale de la loi silique. — 2 edition. — 1882.
15. Wilda W. E. Das Strafrecht der Germanen. — Kessinger Publishing, 2010.
16. Александровский Ю. А. Глазами психиатра. — М., 1985.

¹⁷Романовская В. Б., Кондратьева А., Федюшкина А. И. Становление университетского образования как катализатор развития канонического права в средневековой Европе // Юридическая наука: история и современность. — № 11. — 2013. — С. 41–45.

¹⁸A Dialogue Concerning Witches and Witchcraftes, by George Gifford. Oxf., 1931 репринтное издание с первого издания 1593 г.); R. Ambelain. Le crystal magique or la magie de Jehan Tritheme. Paris, 1962, p.7

Мусаева А. Г.
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЗАКОНА «О ЗАЩИТЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ПОСЛЕДСТВИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБАКА»

В данной статье проведен анализ Закона «О защите здоровья населения от последствий потребления табака». 12 февраля 2014 г. Госдума рассмотрела и приняла «антитабачный» законопроект в третьем чтении. По данным исследований, первое место в мире по уровню потребления табака принадлежит России. По словам Д. Медведева, Россия — самая курящая страна в мире. По данной проблематике высказывались известные политики, общественные деятели, считающие предлагаемые меры в нынешних условиях наиболее приемлемыми. Не остались в стороне от обсуждения и представители молодежной среды.

Ключевые слова: Россия, закон, защита, здоровье, население, последствия, потребления табака.

Musaeva A. G.
LEGAL ASSESSMENT OF THE LAW «ON HEALTH PROTECTION OF POPULATION FROM CONSEQUENCES OF TOBACCO CONSUMPTION»

In this article the analysis of the Law «On health protection of population from consequences of tobacco consumption» is made. On the 12th of February, 2014, the State Duma considered and adopted the «anti-smoking» bill in the third reading. According to research, the first place in the world for tobacco use belongs to Russia. According to D. Medvedev, Russia is the most smoking country in the world. Well-known politicians, public figures have spoken on this subject, and they consider the proposed measures in present circumstances the most appropriate. The representatives of youth also advance an opinion in the discussion.

Keywords: Russia, law, protection, health, population, consequences of tobacco consumption.

Мусаева А. Г.

12 февраля 2014 г. Госдума рассмотрела и приняла «антитабачный» законопроект в третьем, окончательном, чтении. По данным исследований, первое место в мире по уровню потребления табака принадлежит России. По словам Д. Медведева, Россия — самая курящая страна в мире. Мы занимаем второе место по производству и реализации табачной продукции, в стране курят около 39% населения — это примерно 44 млн человек. Ежегодно от болезней, вызванных курением, умирает около 400 тыс. россиян. По последней информации Всемирной организации здравоохранения, в России курят более 3 млн подростков: 2,5 млн юношей и 0,5 млн девушек. Ситуация усугубляется еще и тем, что дети всегда смотрят на взрослых как на пример для подражания, и никакие уговоры, доводы и убеждения не помогают. Также имеет место еще более пугающая статистика: в последнее время «баловство» детей переходит в настоящую зависимость. По данным Роспотребнадзора, среди молодежи 33% учащихся средних учебных заведений употребляет табак ежедневно. В день юноши и девушки выкуривают в среднем 12 и 7 сигарет соответственно. Среди молодежи 14–17 лет курение стало излюбленным времяпрепровождением. В этой возрастной категории есть уже заядлые курильщики с 5-летним стажем. Между тем установлено, что люди, начавшие курить до 15-летнего возраста, умирают от рака легких в 5 раз чаще. Уже давно очевидно, что алкоголизм и табакокурение — это негативные социальные явления, представляющие угрозу здоровью нации и ее генофонду. Инициатива Д. Медведева не только административными, но и законодательными мерами ограничить реализацию табачной продукции посредством введения экономических барьеров должна исправить сложившуюся ситуацию. В ближайшие несколько лет, благодаря изменению акцизной политики государства, стоимость пачки сигарет достигнет 140 рублей, однако тем подросткам, которым сегодня приходится не по карману пачка сигарет, останется доступной поштучная реализация данного товара. Законодателям следует отразить и этот момент, а правоохранительным органам — усилить контроль за исполнением федерального законодательства по вопросам реализации алкогольной и табачной продукции несовершеннолетним лицам.

Значительная роль в этом отводится, в том числе, органам Минздрава. Только благодаря объединению усилий всех ветвей власти можно будет переломить ситуацию в этой сфере. Необходимо изменение культуры поведения, особенно молодежи. Курение должно перестать быть символом «крутости» и «взрослости», в обществе необходимо сформировать представление о данном разрушительном для человеческого организма явлении как о чем-то сверхнегативном и перенять опыт стран Западной Европы по размещению на пачках сигарет фотографий больных раком. Безусловно, следует ограничить употребление табака в общественных местах, как это давно сделано в большинстве цивилизованных стран.

Нельзя не упомянуть еще об одной проблеме. Существует так называемое пассивное, или вынужденное, курение. И дома, и в общественных местах некурящий человек часто вынужден находиться рядом с курильщиком и вдыхать табачный дым. В этой ситуации некурящий человек получает даже большую дозу вредных веществ, чем сам курильщик.

Потому новый законопроект призван защитить права в первую очередь этой категории населения.

Федеральный закон принят в целях реализации в российском законодательстве положений Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака, ратифицированной Российской Федерацией в 2008 г., и регулирует отношения, возникающие в сфере охраны здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

С 1 июня 2013 г. нельзя продавать сигареты и папиросы поштучно, а также в пачках, которые содержат менее 20 сигарет. Запрещается розничная торговля табачными изделиями на территориях учреждений образования, культуры, молодежной политики, физкультуры и спорта, здравоохранения, на всех видах транспорта, в помещениях, занятых органами государственной власти, органами местного самоуправления. Также нельзя продавать сигареты на расстоянии менее чем сто метров от образовательных учреждений.

Категорически запрещено продавать табак несовершеннолетним, а также вовлекать детей в процесс курения.

Конечно, всем понятно, что борьба с курением не принесет ощутимого результата в том случае, если она будет проводиться лишь на законодательном уровне. К этой проблеме

необходимо привлечь и широкую общественность: ТВ, киноиндустрию, на примере родителей воспитывать негативное отношение к данному явлению. Помимо вышеупомянутых ограничений, чиновники решили побороть курение и в кинематографе: авторам картин отныне придется доказывать, что выкуренная в кадре сигарета является «неотъемлемой частью художественного замысла». Что касается новых аудиовизуальных записей для детей, то тут демонстрация употребления табака оказывается под тотальным запретом. Кроме того, разработчики закона предлагают ввести запрет на стимулирование продажи табака и спонсорства со стороны табачных компаний.

В Минздраве уверены, что все предложенные меры смогут сократить смертность от курения в России примерно на 150–200 тыс. человек в год.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15 «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» // ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС"», 2015.
2. Мусаева А. Г. Примирительное правосудие у народов Дагестана. // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА

Байтеева М.В.
**ЯЗЫК
И ПРАВО**

Монография / М.В. Байтеева.
Казань: Изд-во «Отечество», 2013.- 253с.

В предлагаемой книге исследуются проблемы правового языка из междисциплинарной перспективы: с позиций структурализма, феноменологии и герменевтики. Автор рассматривает также возможности обновления методов понимания права с позиций феноменологической герменевтики.

Афанасьев И. В.

СОГЛАШЕНИЕ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СЕРВИТУТА: ФОРМА И УСЛОВИЯ

В статье анализируются форма и условия соглашения об установлении сервитута. Приводятся правовые позиции судов, а также примеры из судебной практики. Исследуются положения Проекта изменений ГК, касающиеся соглашения об установлении сервитута и его условий.

Ключевые слова: сервитут, соглашение, договор, существенные условия, предмет, срок, цена.

Afanasyev I. V.

THE AGREEMENT ON THE ESTABLISHMENT OF SERVITUDE: THE FORM AND TERMS

The form and terms of the agreement on the establishment of servitude are analyzed in this article. Legal positions of courts, as well as examples of judicial practice are provided. The provisions of the Draft Civil Code changes relating to the agreement on the establishment of a servitude and its conditions are investigated.

Keywords: servitude, agreement, contract, essential terms, subject, term, price.

Афанасьев И. В.

Частный сервитут, по общему правилу, устанавливается путем заключения соглашения, которое никак не регламентируется в современном российском законодательстве. В Проекте изменений ГК (далее — Проект)¹ сделана попытка такой регламентации, где содержится целая система вещных договоров², в которую входит и договор о сервитуте.

В свою очередь судебная практика признает, что по своей правовой природе соглашение об установлении частного сервитута является разновидностью договора³, а следовательно, к такому соглашению применяются общие положения о договорах, установленные в ГК. Однако в ГК не предъявлены даже малейшие требования к форме такого соглашения. Очевидно, что соглашение должно быть письменным документом, подписанным сторонами. В других формах добровольно установить частный сервитут нельзя. Например, нельзя установить такой сервитут нормативным актом государственных (муниципальных) органов. Так, в одном из дел арбитражного суда оспаривалось постановление мэра города об установлении сервитута в пользу юридического лица. Суд пришел к выводу, что оспариваемое постановление мэра не порождает, не изменяет и не прекращает гражданских прав и обязанностей, следовательно, не может рассматриваться как основание возникновения сервитута⁴. В другом деле признано, что распоряжение администрации города само по себе не может служить доказательством установления сервитута в отношении имущества⁵. Также нельзя установить сервитут в протоколе общего собрания собственников помещений. Истец, ссылаясь на то, что протокол является договором об установлении сервитута, обратился в суд о признании такой сделки недействительной. Суд в иске отказал и указал на то, что соглашение собственников, достигнутое решением общего собрания, к числу договоров

отнести нельзя. Участвуя в общем собрании, собственники не противопоставлены друг другу в качестве сторон, поэтому их воля выражается путем участия в голосовании, а не путем участия в заключении договора⁶. Не допускается установление сервитута односторонними сделками, например завещанием. Это объясняется тем, что отношения, возникшие из акта последней воли наследодателя, устанавливаются «помимо, а иногда и против воли наследника, тогда как сервитут устанавливается по воле сторон»⁷. Задолго до этого В. И. Синайский отмечал, «что сервитут не может быть установлен по завещанию, ибо наследник может лишь обязываться установить сервитут. Обязанность же эта есть обязательственное право, а не вещное»⁸.

В Проекте предусматривается, что договор об установлении сервитута должен быть составлен в форме одного документа, подписанного сторонами. Несоблюдение данного требования влечет недействительность договора об установлении сервитута.

Попытаемся определить существенные условия, присущие такому договору. Необходимость регламентации данного вопроса служит, прежде всего, для защиты «слабой» стороны договора⁹, которой в данной ситуации, без сомнения, является собственник служащей вещи — нельзя забывать, что сервитут должен быть наименее обременителен для служащей вещи, а соответственно, и для субъективного права лиц на нее.

Действующее законодательство содержит перечень существенных условий соглашения лишь в рамках установления сервитута на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности.

Статья 39.25 Земельного Кодекса РФ относит к ним: 1) кадастровый номер земельного участка, в отношении которого предполагается установить сервитут; 2) учетный номер части земельного участка, применительно к которой устанавливается сервитут; 3) сведения о сторонах соглашения; 4) цели и основания установления сервитута; 5) срок действия сервитута; 6)

1 Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2 Витрянский В. В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ, 2012. — № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2012 по делу № А62-5200/2011.

4 Постановление ФАС Дальневосточного округа от 08.07.2005 № Ф03-А51/05-1/1277 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Определение ВАС РФ от 24.12.2010 № ВАС-14633/10 по делу № А70-7694/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Решение Арбитражного суда Свердловской области от 27 декабря 2010 г. по делу № А60-38390/2010-С1 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Бобровская О. Н. Завещательный отказ как основание возникновения жилищного правоотношения // Наследственное право. — 2008. — № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

8 Синайский В. И. Русское гражданское право. — М.: Статут, 2002. — С. 258.

9 Яковлев В. Ф. Избранные труды. Гражданское право: История и современность. Книга 2. — Москва: Статут, 2012. — С. 96.

размер платы; 7) права лица, в интересах которого установлен сервитут, осуществлять деятельность, в целях обеспечения которого установлен сервитут; 8) обязанность лица, в интересах которого установлен сервитут, вносить плату по соглашению; 9) обязанность лица, в интересах которого установлен сервитут, после прекращения действия сервитута привести земельный участок в состояние, пригодное для его использования в соответствии с разрешенным использованием¹⁰.

Вопрос возможности применения данного перечня при установлении сервитута в отношении частных земель пока остается открытым.

В Проекте, определяя существенные условия для договоров об установлении эфитевзиса и суперфиция отдельными статьями, составители отвели один пункт (п. 5) статьи «О содержании сервитута» (ст. 301.1) условиям соглашения о сервитуте. При этом не уточняется, какие условия считать существенными.

В целях упорядочения законодательства, а также разрешения проблем о существенных условиях договора о частном сервитуте, необходимо закрепить аналогичную статью о договоре об установлении сервитута. Такое регулирование можно встретить, например, в ГК Киргизии или законе о вещных правах КНР, где согласно ст. 157 договор о предоставлении сервитута может включать: имена (наименования) и местонахождение сторон; расположение служебной и господствующей вещи; цели и способы использования; срок использования; сумму и условия платежа; способы разрешения споров.

Для более детального выяснения условий соглашения о сервитуте по российскому законодательству целесообразно обратиться к литературным источникам и судебной практике. Условие о предмете является существенным для всех договоров, в том числе и об установлении сервитута, а с точки зрения некоторых специалистов его единственным существенным условием¹¹. Но что считать предметом договора об установлении частного сервитута? Можно встретить позицию о необходимости разграничивать предмет и объект договора об установлении сервитута¹². Под предметом договора об установлении сервитута данные авторы понимают действия собственника обремененной недвижимости, а под объектом — земельный участок обязанного лица (чужое недвижимое имущество)¹³.

В Проекте требуется, чтобы в соглашении об установлении сервитута содержались лишь вид устанавливаемого сервитута и условия его осуществления (место в границах служебной вещи и время, в том числе периодичность осуществления). Безусловно, включение этих элементов оправданно, так как сервитут раскрывает свое содержание через конкретные виды, и должен прописываться порядок пользования. Например, в соглашении можно предусмотреть использование участка в определенное время (с 8 ч. до 20 ч.)¹⁴, предусмотреть требования, предъявляемые к транспорту фирмы при проезде через участок, предложить свои условия по контролю за проездом

транспорта¹⁵. Но этих двух условий явно не достаточно для того, чтобы определить предмет соглашения об установлении сервитута. Предмет договора должен быть дополнен как минимум сведениями (условиями) о служащей и господствующей вещах.

В судебной практике к предмету договора о сервитуте относятся: наименование сервитута и его конкретное содержание, сведения об обремененном участке и участке, для обеспечения пользования которым устанавливается сервитут (адрес, кадастровый номер и т. п.), а также другие сведения, конкретизирующие предмет сделки: указание конкретного объекта, который будет использоваться, и его местонахождение (тропинка, дорога и др.), виды работ (если сервитут устанавливается для проведения ремонтных, мелиоративных или иных работ) и т. п.¹⁶. Данная позиция представляется верной и полной и должна быть взята за основу регулирования предмета договора об установлении сервитута.

Итак, к предмету соглашения об установлении сервитута следует отнести то, по поводу чего возникают договорные отношения. Прежде всего это: 1) условия об ограниченном праве пользования, раскрываемые через вид и конкретное содержание сервитута; 2) условия о служащей и недвижимой вещах, как неотъемлемых частях сервитутных отношений.

Помимо предмета к существенным условиям можно отнести положения п. 2 ст. 41 Земельного кодекса РФ, согласно которому в договоре должны содержаться права лиц, использующих земельный участок на основании сервитута. Думается, что это условие либо будет включаться в конкретное содержание сервитута, либо совпадать с содержанием сервитута вообще как вещного права. Однако включение в договор положений о содержании сервитута является актуальным лишь для современного законодательного регулирования сервитутов, которое практически не содержит норм о содержании данного права, а тем более отдельных видов сервитутов. Содержание вещного права должно быть известно третьим лицам посредством отражения в законодательстве и не может быть изменено по воле сторон. Необходимость закрепления содержания вещных прав нашла отражение в Проекте.

В ряде источников высказывается мнение о том, что к существенным условиям следует отнести цель установления сервитута¹⁷. В условиях современного законодательного регулирования сервитутов, когда не содержится закрытого перечня видов сервитута, такое предложение выглядит оправданным. Если же, по Проекту, в законодательстве будет закреплён закрытый перечень видов сервитутов, то потребность в таком условии отпадет, так как конкретные виды содержат в себе целевую направленность (строительные сервитуты — для строительства и т. п.).

Отнесение срока договора к существенным условиям вызывает некоторые трудности. Не сложилось и единой практики по данному вопросу¹⁸. Вероятно, это зависит от вида сервитута. С одной стороны, необходимость установления сервитута подразумевает его бессрочность. Например, при праве прохода либо подачи воды не имеет смысла устанавливать сроки, так как данные необходимые свойства служащей вещи будут необходимы всегда, тем более, такие сервитуты могут вовсе не стеснять собственника служащей вещи. С другой сторо-

10 Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

11 Останина Е. А. Правовые последствия договора об установлении сервитута // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 19 (200). — Право. Вып. 24. — С. 53–59; Сирота Е. Г., Гонгало Ю. Б., Чайка И. Г. Практика применения норм о сервитутах (правах ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ekateri.nburg.arbitr.ru/files/userfiles/СТ/pr24.htm>

12 Ларин Д. В. Сервитуты в российском и зарубежном законодательстве: сравнительно-правовой анализ: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 59.

13 Ананьев А. Г. Договор об установлении сервитута // Юрист. — 2013. — № 18 // СПС «КонсультантПлюс».

14 Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2012 по делу № А65–19103/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

15 Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2009 № 15АП-584/2009 по делу № А53–19471/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

16 Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 10.07.2012 по делу № 33–4774 // СПС «КонсультантПлюс».

17 Дерюгина Т. В. Гражданско-правовое регулирование института сервитута в России: Дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2002. — С. 8.

18 Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.06.2006 № Ф04–3493/2006 (23453-А46-10) по делу № 7–164/05; Определение Кемеровского областного суда от 03.02.2012 по делу № 33–863 // СПС «КонсультантПлюс».

ны, если имеет место строительный сервитут, который может значительно стеснять право собственности, то имеет смысл установить срок действия данного сервитута на период такого строительства. По данному пути пошли составители Проекта (п. 3 ст. 301), в котором прописано, что сервитут по общему правилу бессрочен, если законом не установлено иное.

Неоднозначно обстоят дела и с включением цены, а точнее — размера платы за сервитут в перечень существенных условий. В судебной практике нет единого мнения по данной проблеме¹⁹.

Законодательство (п. 5 ст. 274 ГК) предусматривает право собственника служащей вещи требовать плату с лиц, в чьих интересах установлен сервитут. Толкуя буквально ГК (данную норму), можно согласиться, что собственник служащей вещи «обладает диспозитивной возможностью требовать соразмерной платы, а не императивной обязанностью сервитутария платить за осуществляемое пользование»²⁰.

Неясность данной формулировки привела к различным точкам зрения. Одна из них гласит: «Вызывает возражение и утверждение о том, что цена — существенное условие возмездного договора о сервитуте»²¹. В таком договоре «существенным является условие о возмездности, а не о размере платы»²². Согласно другой, цена является существенным условием такого договора, поскольку «применить к ним правило п. 3 ст. 424 ГК РФ не представляется возможным»²³.

Действительно, «определить цену, обычно взимаемую при сравнимых обстоятельствах за пользование чужим земельным участком, не представляется возможным»²⁴. Во-первых, в силу неразвитости, нераспространенности самого института сервитута. Во-вторых, не случайно в законодательстве при сделках с недвижимостью цена практически всегда является существенным условием договора (п. 1 ст. 555, п. 1 ст. 654 ГК РФ). Ее определение составляет значительные трудности, и она может отличаться не только в рамках одного города, но и в рамках одного района. Исключением не является и плата за сервитут. В-третьих, непонятно, что понимать под соразмерной платой. В настоящее время вопрос определения соразмерной платы за сервитут решается по-разному:

1. Она может быть определена путем проведения экспертизы²⁵. Если сервитут устанавливается в судебном порядке, размер платы определяется судом, который может как руководствоваться проведенной экспертизой, так и не согласиться с приведенными в ней доводами. Так, суд решил, что «установление сервитута с одновременной выплатой нецелесообразно, так как использование земельного участка истца носит длящийся характер»²⁶. Суд может руководствоваться и другими критериями, исходя из обстоятельств дела. Например, «определяя размер платежей, суды обоснованно исходили из када-

стровой стоимости земельного участка, площади обременения и ставки земельного налога»²⁷.

2. Можно воспользоваться «временными методическими рекомендациями по оценке соразмерной платы за сервитут»²⁸. Этот документ не имеет обязательной силы, однако суды и эксперты довольно часто учитывают его положения²⁹. Под соразмерной платой за сервитут в данных рекомендациях понимается плата, величина которой равна размеру убытков, причиненных собственнику обремененного сервитутом земельного участка или иного объекта недвижимости, в связи с ограничением его прав в результате установления сервитута. Таким образом, плата за сервитут приравнивается к понятию «убытки». В таком соотношении правомочно говорить о нарушении права (ст. 15 ГК РФ). К сервитуту данная формула не вполне приемлема.

3. Согласно позиции Президиума ВАС плата за сервитут ставится в сравнении с «материальной выгодой», которую мог получить собственник служащей вещи, если бы земельный участок не был обременен сервитутом (например, при аренде части участка, используемого для проезда и прохода)³⁰. Суды не принимают применительно к сервитутам расчет, аналогичный расчету арендных платежей. Например, ФАС Уральского округа не принял расчет платы за пользование земельным участком применительно к размеру арендной платы, указывая на то, что «ограничение в виде сервитута значительно менее обременительно для собственника земельного участка, нежели право аренды, и не связано с выбытием имущества из его владения и пользования, в связи с чем плата за данные пользования не может быть равнозначной»³¹.

На размер платы за сервитут могут влиять характер и интенсивность использования земельного участка. Важно учитывать, «продолжает ли собственник обремененной вещи использовать часть вещь, находящуюся в границах сервитута, или этой частью вещи пользуется только сервитутарий»³².

Подводя итог сказанному относительно включения размера платы за сервитут к существенным условиям соглашения, предлагаем обратить внимание на следующее. «Подлежит рассмотрению вопрос об установлении сервитута на возмездных или безвозмездных началах»³³, на что указал Верховный Суд РФ в своем определении. Исходя из ст. 423 ГК, договор предполагается возмездным, если иное не вытекает из правового акта, содержания договора или его существа. Из норм ст. 274 ГК однозначно не следует вывод о безвозмездности сервитутных отношений. Напротив, прямо указывается право требовать плату за сервитут. Иными словами, условие о безвозмездности должно быть указано сторонами в соглашении, в противном случае он будет презюмироваться как возмездный. Если сторонами договора являются предприниматели, то безвозмездность таких отношений исключается, т.к. «безвозмездные сделки, совершаемые предпринимателями, по общему правилу проти-

19 Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2009 № 15АП-584/2009; Постановление ФАС Центрального округа от 29.03.2010 по делу № А68-4211/09. СПС «КонсультантПлюс».

20 Ананьев А. Г. Договор об установлении сервитута // Юрист. — 2013. — № 18 // СПС «КонсультантПлюс».

21 Малеина М. Н. Договор о частном сервитуте // Вестник гражданского права. — 2008. — № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

22 Остапенко А. Г. Договор об установлении частного сервитута // Общество и право. — 2010. — № 5. — С. 73–75.

23 Копылов А. В. Вещные права на землю. — Москва, 2000. — С. 68.

24 Ким Д. Ч. Проблемы теории и практики применения частного сервитута // Журнал российского права. — 2008. — № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

25 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 05.11.2014 по делу № А48-845/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

26 Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 27.03.2012 по делу № 33-56872 // СПС «КонсультантПлюс».

27 Постановление ФАС Уральского округа от 24.07.2013 № Ф09-11097/12 по делу № А60-26754/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

28 Временные Методические рекомендации по оценке соразмерной платы за сервитут (утв. Росземкадастром 17.03.2004) // СПС «КонсультантПлюс».

29 Постановление ФАС Московского округа от 29.01.2014 № Ф05-16200/2013 по делу № А41-7905/13; Постановление ФАС Центрального округа от 21.01.2014 по делу № А14-758/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

30 Постановление Президиума ВАС РФ от 28.02.2012 № 11248/11 по делу № А45-12892/2010.

31 Постановление ФАС Уральского округа от 24.07.2013 № Ф09-11097/12 по делу № А60-26754/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

32 Малеина М. Н. Плата за частный сервитут: определение размера, порядок изменения, последствия неуплаты // Гражданское право. — 2013. — № 5. — С. 11–13.

33 Определение Верховного Суда РФ от 16.08.2011 № 4-В11-25 // СПС «КонсультантПлюс».

воречат смыслу их деятельности»³⁴. «Существенным условием практически всякого договора в сфере предпринимательства является условие о цене»³⁵.

По мнению Президиума ВАС РФ, «в тех случаях, когда в деле имеются основания для предоставления права ограниченного пользования чужим имуществом, судам необходимо ... определить размер платежей, подлежащих внесению собственнику обремененного земельного участка»³⁶.

Следовательно, если сервитутные отношения носят возмездный характер, то соглашение о сервитуте должно содержать не только условие о соразмерной плате, но должен быть определен и ее размер.

В Проекте используется другой подход к определению возмездности и цены в соглашении об установлении сервитута:

1) четко установлена обязанность собственника господствующей вещи вносить плату за сервитут (п. 1 ст. 301.2). Если сервитут не связан с осуществлением собственниками господствующей и служащей вещей предпринимательской деятельности, то договором может быть предусмотрено, что сервитут является безвозмездным (п. 2 ст. 301.2).

2) прямо прописано, что договор об установлении сервитута должен содержать указание о размере платы за сервитут (п. 5 ст. 301.1). При этом размер платы подлежит указанию в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество (п. 2 ст. 301.2). Если договор не содержит такого условия, то он будет считаться незаключенным (п. 3 ст. 224).

3) не указано, что размер платы должен быть соразмерным. Выходит, что стороны вправе сами определять плату за сервитут и зафиксировать ее в договоре. В случае если возникнет спор по поводу цены, то в суде будет определяться ее соразмерность. Такой подход в полной мере отражает принцип свободы договора.

Договор о частном сервитуте необходим для государственной регистрации сервитута в Едином государственном реестре прав. При этом сам договор регистрации не подлежит, регистрируется само право ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом. После регистрации сервитут считается вступившим в силу.

Итак, сервитут возникает на основании соглашения, которое представляет собой особый гражданско-правовой договор о создании ограниченного вещного права. К существенным условиям такого договора следует относить предмет и размер платы.

34 Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А. П. Сергеева. — М.: Проспект, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

35 Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — Кн. 1. — 3-е издание, стереотипное. — М.: Статут, 2001 // СПС «КонсультантПлюс».

36 Постановление Президиума ВАС РФ от 28.02.2012 № 11248/11 по делу № А45-12892/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Пристатейный библиографический список

1. Ананьев А. Г. Договор об установлении сервитута // Юрист. — 2013. — № 18 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бобровская О. Н. Завещательный отказ как основание возникновения жилищного правоотношения // Наследственное право. — 2008. — № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Витрянский В. В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — Книга 1. — 3-е издание, стереотипное. — М.: Статут, 2001 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Дерюгина Т. В. Гражданско-правовое регулирование института сервитута в России: Дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград. — 2002.
6. Копылов А. В. Вещные права на землю. Москва, 2000 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Ким Д. Ч. Проблемы теории и практики применения частного сервитута // Журнал российского права. — 2008. — № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А. П. Сергеева. — М.: Проспект, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Ларин Д. В. Сервитуты в российском и зарубежном законодательстве: сравнительно-правовой анализ: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
10. Малеина М. Н. Плата за частный сервитут: определение размера, порядок изменения, последствия неуплаты // Гражданское право. — 2013. — № 5.
11. Малеина М. Н. Договор о частном сервитуте // Вестник гражданского права. — 2008. — № 4 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Остапенко А. Г. Договор об установлении частного сервитута // Общество и право. — 2010. — № 5.
13. Останина Е. А. Правовые последствия договора об установлении сервитута // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 19 (200). — Право. — Вып. 24.
14. Синайский В. И. Русское гражданское право. — М.: Статут, 2002.
15. Сирота Е. Г., Гонгалю Ю. Б., Чайка И. Г. Практика применения норм о сервитутах (правах ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ekaterinburg.arbitr.ru/files/userfiles/СТ/pr24.htm>.
16. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Гражданское право: История и современность. Книга 2. — М.: Статут, 2012.

Магомедова М. М.

ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В СВЕТЕ ВНЕСЕНИЯ НОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В данной статье автором рассматриваются различные виды юридических фактов, имеющих сделкосодержащую природу. Проводится попытка осмыслить их правовую природу, в частности, дифференцировать решения собраний от сделок. Кроме того, автор рассматривает изменения в форме сделок и анализирует новые статьи, введенные законодателем.

Ключевые слова: юридические факты, сделки, решения собраний, существенные заблуждения, юридически значимые сообщения, участники гражданско-правового сообщества.

Magomedova M. M.

FEATURES OF SEPARATE TYPES OF THE LEGAL FACTS IN THE LIGHT OF INTRODUCTION OF NEW AMENDMENTS INTO THE CIVIL LEGISLATION

In this article different types of the legal facts with the nature of deals are considered. Attempt to comprehend their legal nature, in particular to differentiate decisions of meetings from deals is carried out. Besides, the author considers changes in a form of deals and analyzes the new articles introduced by the legislator.

Keywords: legal facts, deals, decisions of the meeting, substantial errors, legally relevant statement, members of civil legal community.

Магомедова М. М.

Юридические факты пронизывают все сферы жизнедеятельности физических и юридических лиц. Постоянное, систематическое внесение изменений в основные отрасли российского права, в частности, в гражданское право, вызывает необходимость по-новому взглянуть на систему юридических фактов в свете появления новых их видов, таких как «решения собраний», «государственная регистрация прав», и видоизменения в структуре старой (прежней) классификации юридических фактов.

Напомним, что в ст. 8 ГК РФ дан общий перечень юридических фактов¹. Нововведением является введение подпункта 11 «из решений собраний в случаях, предусмотренных законом»². Подпункт 2 — административные акты, предусмотренные законом, в том числе государственная регистрация прав на имущество, утратил силу, но законодатель ввел новую ст. 81 «Государственная регистрация прав на имущество».

Законодатель не только внес изменения в ст. 8 ГК РФ, но и дополнил подраздел 4, назвав его «Сделки. Решения собраний. Представительство». И это не случайно, появление нового юридического факта, обладающего определенной спецификой, требует дифференцировать его от сделок. С этой целью разработчики инициировали создание новой главы 9.1. «Решения собраний», которая призвана решить поставленную задачу. Решения собраний, имея сделкосодержащую природу, обладают своей основной особенностью, которая выражается в том, что они порождают обязательные последствия для всех участников данного сообщества независимо от того, участвовали ли они в принятии данного решения или голосовали против решений общества. Договорные отношения распространяются на определенное обязанное лицо, т.е. на стороны в договоре, и порождают для них правовые последствия, обязательные для исполнения.

Если говорить о правовом регулировании сделок, то разработки затронули и эту сферу, дополнив главу 9 «Сделки» новой ст. 157.1 «Согласие на совершении сделки», которая ре-

гламентирует, что если на совершение сделки в силу закона требуется согласие третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, о своем согласии или об отказе в нем третье лицо или соответствующий орган сообщает лицу, запросившему согласие, либо иному заинтересованному лицу в разумный срок после получения обращения лица, запросившего согласие³. В соответствии с рассматриваемой статьей согласие может быть как предварительное, так и последующее. Предварительное согласие может быть отозвано (если это не запрещено законом или договором), и лицо, отзывавшее согласие, может нести ответственность в связи с неблагоприятными последствиями, вызванными таким отзывом. Если согласие запрашивается с указанием срока на ответ или такой срок установлен законом, а также если согласие не было получено в разумный срок, то молчание лица не будет считаться согласием. Для сравнения: п. 4. ст. 468, п. 2 ст. 549 и п. 2. ст. 621 под молчанием понимают согласие.

Изменения в гражданском законодательстве затронули и форму совершения сделок. Так, Гражданский кодекс, так же как и Уголовный, отказался от привязки к МРОТ и заменил его в статьях конкретной твердой денежной суммой. Так, например, еще в 2008 г. законодатель регламентировал изменения в форме договора дарения (ст. 574); запрет дарения, который раньше не должен был превышать 5 МРОТ, в этом году не должен превышать 3 тыс. рублей. Аналогичная ситуация происходит и с формой простой письменной сделки. Если раньше закон разрешал совершать эти сделки физическим лицам в устной форме, если сумма сделки не достигает 10 МРОТ, то теперь этот размер понижен до 10 тыс. рублей⁴, что, на наш взгляд, вполне обосновано в связи с распространенностью заключения различных сделок в современном обществе и необходимостью разрешения возникших в связи этим гражданско-правовых споров. Для сравнения, законодатель заменил санкцию во всех статьях УК РФ, которые раньше выражались в МРОТ, а теперь штрафы, исправительные, обязательные и принудительные

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

2 Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (с изменениями и дополнениями)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — 31 декабря. — № 53. — Ст. 7627.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации. Комментарий к последним изменениям / Под ред. Г. Ю. Касьяновой. — М: АБАК, 2014. — С. 136.

4 Федеральный закон Российской Федерации от 7 мая 2013 г. N 100-ФЗ г. «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2013. — 13 мая. — № 6075.

работы (новый вид наказания) выражаются только в твердой денежной сумме.

Появилась новая статья — «юридически значимые сообщения», т.е. сообщения, с которыми закон или сделка связывают гражданско-правовые последствия для другого лица. Такие сообщения считаются полученными с момента их доставки адресату. Если же сообщение было направлено, но не было получено по причинам, зависящим от получателя, то оно считается доставленным.

Были внесены изменения во второй параграф 9 главы. Это регламентирование оспоримых, ничтожных сделок, изменены последствия сделок, противных основам правопорядка и нравственности. Дано определение и полная характеристика понятия «существенное заблуждение» (ст. 178 ГК РФ). Нововведением является законодательное регламентирование понятия обмана как намеренного умолчания об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота.

Появляются две новые статьи 173.1 и 174.1. Так, оспоримой является сделка, совершенная без согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, необходимость получения которого предусмотрена законом. А ничтожной является сделка, совершенная с нарушением запрета или ограничения распоряжения имуществом, вытекающих из закона, в частности из законодательства о несостоятельности (банкротстве), в той части, в какой она предусматривает распоряжение таким имуществом.

Новая глава «Решения собраний» состоит из 5 статей, причем все они под номером 181. Законодатель вводит участников гражданско-правового сообщества, под которыми подразумеваются сосособственники, участники юридических лиц, кредиторов при банкротстве и т.д.

Также исследователи рассматривают изменения общих требований, предъявляемых к оформлению решений собраний. Так, ст. 181.2 устанавливает, что решение собрания считается принятым, если за него проголосовало большинство участников собрания, и при этом в собрании участвовало не менее 50% от общего числа участников соответствующего гражданско-правового сообщества, т.е. кворум. Данная норма потребует соответствующих изменений и в жилищном законодательстве, например, в ст. 146 ЖК РФ решение вопроса о распоряжении общим имуществом принимается 2/3 от общего числа голосов членов ТСЖ, также потребуется внести дополнения в главу 4 «Юридические лица».

В ст. 181.2 ГК РФ рассматривается процедура и требования к принятию решения посредством очного и заочного принятия решения. Нерешенным остается вопрос с волеизъявлением участников гражданско-правового общества в рамках принимаемых решений. В связи с этим П. З. Иваньшин справедливо предлагает изменить действующую редакцию, внося в нее следующую конкретику: «Каждое из рассматриваемых на собрании решений должно отражать волеизъявление участников собрания, выражаемое посредством собственноручной подписи участника или его представителя по соответствующему вопросу, если иное не предусмотрено законодательством и не вытекает из существа отношений (тайное голосование)»⁵. Автором проведен серьезный и профессиональный анализ рассматриваемой главы, который мог бы быть использован законодателем при дальнейшем ее правоприменении и совершенствовании.

Статьи 181.3, 181.4 и 181.4 ГК РФ раскрывают основания признания недействительными решений собраний в силу их оспоримости или ничтожности. Фактически они воспроизводят положения о недействительных сделках, предусмотренных

параграфом 2 анализируемой главы. Следует критически относиться к замыслу разработчиков по опубликованию сообщений о признании судом решения собрания недействительным, которое должно быть опубликовано на основании решения суда в том же издании за счет лица, на которое в соответствии с процессуальным законодательством возлагаются судебные расходы. Если провести аналогию, это напоминает обязанность публикации «опровержения» в СМИ, что на наш взгляд является не совсем корректным и заслуживает особого рассмотрения.

Сомнительным выглядит возложение обязанности по нести расходов по такой публикации на лицо, по чьей инициативе суд вынес решение о признании решения недействительным⁶. Если интересы лица и так были нарушены в связи с принятием незаконного решения, то нет никакого смысла в дополнительных расходах по публикации за свой счет решения суда о признании решения собраний недействительным.

Необходимо отметить и тот факт, что признание недействительным решения собрания было внесено в способы защиты гражданских прав, дополнив тем самым ст. 12 ГК РФ. Примечательно то, что этот способ защиты известен и раньше гражданскому законодательству. Так, в соответствии с п. 7 ст. 49 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» акционер вправе подать заявление о признании недействительным решения общего собрания акционеров.

Статья 181.4 предусматривает основания оспоримости решений собраний судами, которые не являются исчерпывающими. К ним относятся существенные нарушения порядка созыва, подготовки и проведения собрания, влияющие на волеизъявление участников собрания; отсутствие полномочий у лица, выступавшего от имени участника; существенное нарушение правил составления протокола (п. 3 ст. 181.2 ГК РФ). К иным основаниям недействительности принятого на собрании решения может стать нарушение формальных правил созыва, подготовки и проведения собрания, которое влияет на волеизъявление участника общества. Отдельно в качестве одного из оснований выделено отсутствие полномочий у лица, выступающего от имени участника собрания (подп. 2 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ). Нельзя оспорить решение общего собрания, оспоримое в связи с нарушением порядка его принятия, если оно впоследствии (до признания его судом недействительным) было подтверждено решением последующего собрания. Требовать признания решения собрания недействительным могут также участники собрания, голосовавшие за его принятие или воздержавшиеся от голосования, если докажут, что их волеизъявление при голосовании было нарушено.

Последняя статья данной главы регламентирует основания ничтожности решений собрания в случаях, когда оно принято по вопросу, не включенному в повестку дня (правило не действует, если в собрании участвуют абсолютно все участники соответствующего сообщества); принято при отсутствии необходимого кворума. Так, из материалов судебной практики следует, что решения общего собрания участников ООО не имели юридической силы, так как были приняты в отсутствие кворума, определенного уставом общества в редакции, действующей на момент проведения собрания, наличие 60 процентов голосов принимавших участие в собрании участников являлось недостаточным для принятия решения по вопросу о распределении чистой прибыли общества⁷.

Кроме того, ничтожным является решение собрания, принятое по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания

6 Там же. — С. 10.

7 Постановление ФАС Московского округа от 17.12.2012 N А40-100365/11-48-837 «О признании недействительными решений, принятых на общем собрании участников ООО» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=AMS; n=174351>

5 Иваньшин П. З. Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Гражданское право. — 2011. — № 2. — С. 9.

и противоречащее основам правопорядка или нравственности (последнее основание является новым). Из анализа данной статьи следует, что основания являются исчерпывающими, следовательно, нарушения решений собраний являются оспоримыми.

Проявляя солидарность с мнением других авторов, считаем, что предложенная формулировка ст. 181 не является удачной, содержит тавтологические обороты и поэтому нуждается в совершенствовании. Предлагается следующая ее редакция: «решение собрания — это волеизъявление собственников, участников юридических лиц, кредиторов при банкротстве и др. (участников гражданско-правового сообщества), выраженное в виде юридического акта (протокола собрания), направленное на создание гражданско-правовых последствий, для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании, а также для иных лиц, осуществленное по заранее обусловленным вопросам (повестке собрания), или вытекающих из существа отношений, в порядке, предусмотренном законом».

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья, и четвертая. — М: КноРус, 2014.
2. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) //Собрание законодательства РФ. — 2012. — 31 декабря. — № 53. — Ст. 7627.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ г. «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2013. — 13 мая. — № 6075.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Комментарий к последним изменениям / Под ред. Г. Ю. Касьяновой. — М: АБАК, 2014.
5. Иванишин П. З. Решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Гражданское право. — 2011. — № 2.
6. Постановление ФАС Московского округа от 17.12.2012 № А40-100365/11-48-837 «О признании недействительными решений, принятых на общем собрании участников ООО» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AMS;n=174351>

Присяжнюк Ю. П., Присяжнюк Д. О.
МУЗЫКАЛЬНЫЙ РИТОРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ
В ПРАВОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

В статье, написанной кандидатами юридических наук и искусствоведения, затрагивается проблема интегративного взаимодействия возможностей и методов риторического анализа при рассмотрении произведения искусства (в частности, музыкального) как объекта права. Сформулировано рабочее определение музыкального риторизма. Указанная проблематика рассмотрена в контексте заимствования художественного текста, плагиата, применения цитатной идеи.

Ключевые слова: музыкальный риторизм, заимствование, цитата, плагиат, художественный текст, риторическая эмблема.

Prisyazhnyuk Yu. P., Prisyazhnyuk D. O.
MUSICAL RHETORIC AS A TOOL IN THE LEGAL CLASSIFICATION OF WORKS OF ART

The article written by the candidates of jurisprudence and art history addresses the issue of integrative interaction of possibilities and methods of rhetorical analysis when considering works of art (including music) as an object of law. A working definition of musical rhetoric is formulated. These problems are considered in the context of drawing artistic text, plagiarism, use of quotational ideas.

Keywords: musical rhetoric, borrowing, quote, plagiarism, literary text, rhetorical emblem.

Вопросы, стоящие ныне в сфере защиты интересов авторов — создателей произведений искусства, видятся все более злободневными. Контрастная многоликость эстетических манифестов XX в. — основы для возникновения арт-продукции сегодня, фактическое исключение из обихода понятия «функционирующий макростиль», включение в орбиту искусства новых, доселе неприемлемых явлений — все это серьезно усложняет и без того непростую ситуацию в области авторских и смежных прав. Неудивительно, что правовая база регламентирующих процесс защиты авторских прав нормативных документов, все чаще оказывается если не полностью несостоятельной, то, во всяком случае — недостаточной. Речь идет о затруднительности включения в единый правовой алгоритм грандиозного полилогического спектра, именуемого современным искусством. Принадлежащие многочисленным направлениям и стилям, говорящие на языках различных видов искусства, художественные тексты противятся порой формально-юридической трактовке, требуя более пристального, иногда — без преувеличения бережного отношения.

Оставляя в стороне чрезвычайно значимую для искусствоведов, но, увы, — вторичную с точки зрения юриспруденции проблему художественных достоинств конкретного текста, напомним лишь, что с точки зрения права она не существенна. Арт-продукт как результат индивидуально реализованной интеллектуальной деятельности защищается авторским правом по факту возникновения такого продукта. По результатам анализа имеющейся судебной практики, а также споров, решенных мировым соглашением в досудебном порядке, можно констатировать, что конфликт интересов здесь в схеме сводим к двум достаточно разветвленным категориям. Первая из них, более очевидная с точки зрения правовой квалификации, а равно — и более многочисленная в количественном плане — это споры, возникающие по факту использования художественного произведения (или его части) без согласия автора (правообладателя) вне личных целей, зачастую — ради приобретения коммерческой выгоды. Данному кругу вопросов посвящена солидная исследовательская литература. В предлагаемой далее статье мы намеренно не касаемся этой проблематики.

Другая сфера представляется куда менее изученной. Мы говорим о случаях вторжения в оригинальный авторский текст, (не) осознанной эксплуатации отдельных его фрагментов, элементов, структур, о включении их в пространство иного художественного текста. Иными словами, речь ведется о фак-

тах заимствования индивидуальным образом организованных структур с целью формирования нового, ранее не существовавшего художественного феномена.

Разумеется, сам факт заимствования (кроме очевидных случаев примитивного интеллектуального воровства) доказать бывает весьма не просто. Традиционный тезис «право в искусстве защищает не идею, не образ, но форму» (конкретную индивидуально выполненную комбинаторику знаков, принадлежащих определенному виду или видам искусства) оставляет немало вопросов. Особенно эти вопросы актуальны, когда заимствование не осознается, либо маскируется нарушителем. Тогда, несущественно нарушив такую комбинаторику, можно легко уходить от ответственности, поскольку базовая установка на незыблемость позиций возникшей новой структуры формально соблюдается. Сложностей добавляет и собственно художественный текст — макроструктура, в начале XXI в. пронизанная интертекстуальными связями, параллелями, в которых сплетены воедино голоса эпох, стилей, времен... Тем важнее искать юридически более определенные точки отсчета, бесспорные (насколько это вообще возможно в искусстве) и актуальные именно сегодня аналитические механизмы, позволяющие при необходимости исследовать произведение искусства с правовых позиций.

Отметим сразу, что юридические работы подобного рода встречаются в отечественном правоведении, но, чаще всего, они оставляют больше вопросов, чем дают ответов. Здесь сказывается как сложность анализируемой материи, так и недостаточная осведомленность пишущих именно в области искусствознания. В свое время один из авторов этих строк предложил особый подход к квалифицированию произведений искусства, выступающих в качестве объекта права¹.

Присяжнюк Ю. П.

Присяжнюк Д. О.

1 Присяжнюк Ю. П. Правоведы дореволюционной России о произведении искусства как объекте права (на примере музыкальных произведений). Дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2002. — С. 106.

Начнем с того, что проблема заимствования в отечественном и европейском искусстве возникла достаточно давно. В разные эпохи она то актуализировалась (XX столетие), то уходило на второй план (анонимное творчество мастеров Средневековья), но не исчезала совсем, благополучно существуя и в нынешнем веке. Одной из показательных и наиболее часто встречающихся на практике форм взаимодействия произведений искусства на уровне заимствования индивидуально организованных текстовых структур стал принцип цитатности, а также принцип аллюзии. Если второй из них «работает в зоне намека», скорее отсылая к исходному тексту, чем воспроизводя его фрагменты, то цитата прямо ориентирована на конкретику «чужого» текста, встраиваемого в новую форму.

Отметим также следующее: в искусстве (и, соответственно, — в искусствознании) цитатность давно осмыслена как художественный прием, позволяющий порой завязать увлекательную интеллектуальную игру, вызвать иронический эффект, стать составляющей «художественного приношения» одного автора другому² и т.д. На уровне права цитатный принцип также осознается. Но точка приложения интересов здесь иная, поскольку принцип цитатности есть вторжение в зону заимствования чужого текста. Фактически и квалификация того же плагиата зачастую зависит от признания заимствования цитатой, либо отказе в таком определении. Выявление границ цитаты (т.е. ее размер, художественно достаточный для цели цитирования), ее «удельный вес» в структуре нового текста — все это тонкие вопросы, которые почти в каждом отдельном случае требуется решать индивидуально (что, разумеется, не просто практически осуществить).

Указанная проблема носит комплексный характер, и, понятно, не может быть решена в рамках одной статьи. При ее разрешении необходимо взаимодействие и искусствоведов и юристов³. Но — лишь обозначая проблему — мы готовы в качестве рабочей гипотезы выдвинуть идею о том, что далеко не всегда удовлетворительный результат разрешения споров во многом происходит именно оттого, что не во всех случаях проблему можно решить, пребывая в рамках исключительно юридических категорий. Перспективным в этой связи представляется, опираясь на правовой аналитический аппарат, привлекать терминологические и креативные возможности эстетики и практики того вида искусства, о котором идет речь в определенном споре. При этом можно задействовать элементы структуры, стиля, целые методологические поля, разработанные искусствоведами с целью всестороннего изучения конкретного вида искусства и определенного текста в нем. Далее можно попытаться «инкрустировать» ряд искусствоведческих понятий в профессионально-юридическую терминологию, соответствующим образом адаптировав их. Одним из явлений искусства, которое, кажется, может претендовать на «продолгацию своих полномочий» за грань прекрасного, может стать риторизм.

Риторизм как явление восходит к античным временам. Прежде всего, под ним понимается искусство действенной речи, наука о красноречии, навык убеждения слушателя. По Аристотелю «риторика» есть умение достичь правдоподобия. Иными словами, речь идет о стремлении высказаться «красиво» и при этом быть максимально конкретно понятым, что стало одной из задач при формировании барочной музыкальной лексики.

Как известно, в греческой риторике со временем на первый план выходят изящество художественной формы и установка

на достижение внешних эффектов. Этой тенденции противостоит римское красноречие, ратующее (в лице Катона Старшего) за примат глубины конкретного содержания. Тем не менее римляне переняли греческую риторику как элемент образовательной системы. Взаимодействие различных тенденций привело к расцвету римского искусства красноречия (Цицерон). Требования языковой правильности, уместности и украшенности (соответственно, *latinitas*, *artum*, *ornatus*) кристаллизуются здесь в своем классическом состоянии, а украшения речи образуют ядро учения о стиле, детально разработанного в учебниках риторики.

В этой исторической справке для нас важен момент, когда эффективность стилистической формы фактически начинает преобладать над иными параметрами. Данный факт, вроде бы смещающий информативно-содержательный аспект на периферию восприятия, акцентирует внимание на имманентной выразительности знака самого по себе (как бы вне обозначаемого им). Здесь закладывается база функционирования многих символических явлений культуры, а интерес к знаку как таковому провоцирует к привлечению при изучении риторики средств синтаксического анализа.

Как свидетельствуют многие источники, важнейшей составной частью риторики и одной из основных задач оратора является придание речи необходимой степени стилистической оформленности. *Elocutio* как «словесная орнаментация»⁴ стало частью античного риторического канона (наряду с *inventio* и *dispositio* — «поиском аргумента» и «поиском порядка аргумента»). Сохраняя подобную структуру, риторика перешагивает границы античности, функционируя в Средние века как искусство украшения речи. Распространяясь не только на устную речь, но и на письменную традицию, она продолжает жить в эпоху Ренессанса, а в XVII в. проникает в Россию. Это, в основном, труды европейских теоретиков; известен также более поздний отечественный учебник риторики (1748), принадлежащий перу М. В. Ломоносова. При этом важно, что европейская традиция восприятия риторики практически полностью предала забвению получившую распространение во времена Цицерона четвертую составляющую ораторского искусства — «инсценирование речи», красноречие «голоса и жеста». Тем не менее этот аспект крайне любопытен: здесь фиксируется момент выхода риторики за пределы собственно речи, обращение к языкам иных (жест) искусств — тенденция, характерная и для музыкального риторизма.

Повышенный интерес риторики к «чистой форме», несущей самодостаточную выразительность, весьма показателен. Он сопутствовал риторике и в XVIII–XIX вв., когда она, постепенно сливаясь с поэтикой и стилистикой, начинает подвергаться серьезной (прежде всего со стороны романтиков) критике за излишнюю дидактичность, схоластизм, неспособность к взаимодействию с идеями историзма. Однако, именно эта «внеисторичность», «фотографирующая» явление, сохраняющая его независимость, смысловую фиксированность и стерильность, определила особое место риторики в последующем развитии языков культуры, стимулировала всплеск интереса к «риторической» проблематике в прошлом веке.

Зародившись в искусстве красноречия, риторика формировалась как способ ясно, убедительно, эффективно и эффективно доносить свою мысль до воспринимающего, делая ее максимально понятной и очевидной. Шествуя по векам, риторика актуализировалась в различные эпохи искусства⁵ (барокко,

2 В XX и начале XXI вв. версии обращения к чужому тексту множатся, образуя в рамках определенных техник и стилей («неостили», «полистилистика», бесчисленные вариации явления в постмодернистской эстетике и др.) целые разветвленные системы.

3 Искусствоведческая экспертиза весьма громоздка, время ее осуществления тормозит процесс, затягивая рассмотрение дела. Предлагаемый далее в основном тексте подход призван позволить профессиональному юристу в ряде случаев обойтись своими силами.

4 Энциклопедический словарь по культурологии. — М., 1996. — С. 330.

5 Процветала она, кстати говоря, и в юриспруденции — в связи с искусством публичных выступлений на процессах. Подробному изучению исходных риторических фигур в музыке посвящен солидный корпус исследований. Среди них, например, Захарова О. Риторика и западноевропейская музыка XVII — первой половины XVIII вв. — М., 1983.

романтизм); в XX в. актуальность риторики привела даже к выдвинутому тезису о «риторическом типе творчества» (С. Авринцев). В этом сложном многоаспектном явлении применительно к нашей теме важно понять, что такой тип творчества глубоко укоренен в принцип исторической преемственности ряда форм и способов художественного высказывания. Появляясь во все новых художественных текстах⁶, эти формы в любой момент готовы к актуализации «чувства культурной памяти», провоцируя к восприятию как творческому диалогу. Особое качество конкретности, присущее риторическому символу, позволяет слушателю адекватно считывать желаемую автором информацию, даже если таковая выходит за рамки конкретного вида искусства. Риторический оборот (прием), будучи когда-то созданным индивидуально, ныне обрел статус устойчивого лексического образования с «повышенно выразительной» семантикой. Такой оборот (вне индивидуального художественного контекста, разумеется) стал доступен для всеобщего применения. Качество универсальности риторики дает основания привлекать элементы риторической логики и риторизма как метода, на этой логике основанного, и в наши дни. В особенности сказанное эффективно в аспекте «свое-чужое».

Разумеется, для проверки эффективности последующих адаптаций искусствоведческой методологии к аспектам защиты прав авторов необходима практика. Осуществить ее в первое время целесообразно на примере одного вида искусства — зато самого сложного для юридической аналитики в силу специфики особенностей объекта — музыки. Непредметность, непонятность, непередаваемость на языки иных видов искусства, с каждым из которых музыка при этом готова синтетически взаимодействовать — делает искусство звуков идеальным плацдармом для реализации высказанных выше идей.

Коротко сформулируем определение музыкального риторизма. Итак, под ним сегодня подразумевается:

1) Знако-языковая система, функционирующая на стыке художественных символов, пронизывающих языковые структуры, и их понимания (восприятия). Как правило, данная система обращена к языкам иных искусств и способна развиваться не только на уровне входящих в нее оборотов и приемов, но и между различными языковыми принципами.

2) Один из методов (техник) композиции XX в. Специфичность данной техники в том, что, сохранив присущие прошлым эпохам подходы к риторической традиции, она мобилизовала историческую память известных оборотов, обретя небывалую временную глубину. Учет «памяти» знака или приема часто служит для воплощения текстовых либо контекстуальных трансформаций, способствующих созданию эффекта диалога между исходными и приобретенными характеристиками. Особенность риторического подхода — его универсальная (благодаря многочисленным «разнокоординатным» связям) готовность к такому диалогу, а отсюда — особое качество «вневременности» этого вида техники, всегда обращенной в прошлое, и при этом способной стать актуальной (нивелировав или обострив какой угодно исторический интервал) в любом настоящем.

3) Являющаяся базой для применения риторического метода эстетическая платформа, особый тип мировоззрения, основанный на принципе синкретизма искусств, на идее уни-

версальности устоявшихся лексем и взаимосвязи культурных времен и пространств. Схожий смысл термин «риторизм» имеет и в значении «традиция восприятия мира сквозь призм воздействующих на любой артефакт культуры семантических «полей», знаков и приемов прошлого». Этот, основанный на принципе историзма, подход является отражением присущей XX в. парадигмы мышления.

Соответственно сказанному, к музыкальной риторике мы будем относить определенный структурный, формообразующий элемент или параметр (нота, интервал, мотив, фраза, аккорд, форма и ее части, тип фактуры, особая трактовка жанра и т.д.), семантические корни которого чаще лежат за пределами «чистой» музыки и могут быть (в соответствии с определенной традицией восприятия) истолкованы «программно». Образец музыкальной риторики есть явление, призванное (или когда-либо выступавшее в таком качестве) обозначить, отразить, уточнить и конкретизировать за пределами музыкальной содержательности вектор смысла, связанный с семантическим рядом других искусств или их элементов — слова, пластики линии, жеста и др.⁷

Применение при анализе «зон заимствования» элементов риторического подхода может помочь, например, в плане квалификации собственно заимствования, отличия его от цитатного метода и т.д. Залогом плодотворности привлечения возможностей риторизма при анализе музыкальных произведений как объектов права становится особое качество музыкальной риторики — эмблематичность ее символов. Данное качество, предполагающее буквальное воспроизведение оборота в пространстве музыкального текста, дает весомую дополнительную характеристику степени самостоятельности последнего — достаточно взглянуть на «оригинал» оборота.

Таким образом, работая в конкретном тексте, риторическая эмблема, с одной стороны (как «историческая память») связана с устоявшейся и очевидно воспринимаемой лексикой прошлых веков, а, с другой — действует в рамках конкретного решения формы, принадлежащей данному автору (момент индивидуального прочтения). Являясь очевидной, бросающейся в глаза, узнаваемой эмблемой, риторическая символика срабатывает и как элемент сравнения⁸, и как индикатор индивидуального авторского решения. Если же иметь в виду, что риторическая лексика даже в ортодоксальном варианте насчитывает значительное число различных легко узнаваемых фигур, степень ее полезности при учете указанных особенностей текста возрастает в разы: аналитику-правоведу достаточно вооружиться базовыми справочными знаниями.

Мы привели лишь один пример применения возможностей риторического метода анализа музыки в практическом правоведении. Поневоле за границей этого разговора остался существенный и актуальнейший в практическом плане аспект анализа-мониторинга на предмет авторства той продукции, что в изобилии производит массовая культура. Да и в русле академической традиции проблема лишь поставлена. Как уже говорилось, специальной адаптации потребует и терминологический аппарат. Это, как и практическое иллюстрирование возможностей нового синтетического подхода — задача будущего.

6 Отметим, что здесь и в ходе изложения мы трактуем понятие «художественный текст» применительно к произведению в любом виде искусства. Подробнее об этом см. Арановский М. Музыкальный текст. Структура и свойства. — М., 1998. Юридические характеристики музыкального текста затрагиваются, в частности, в следующих работах: Иванов Н. Авторские и смежные права в музыке. — М., 2009. Кряжев В. Как подтвердить авторское первенство на музыкальные произведения // Хозяйство и право. — 2012. — № 1.

7 См. об этом Присяжнюк Д. О. Музыкальный риторизм и композиторская практика XX века: Дисс. ... канд. искусствоведения. — Нижний Новгород, 2004.

8 Тонкость состоит в том, что более или менее существенное отклонение от «оригинала» разрушает символическую эмблематику элемента, препятствуя считыванию немзыкальной информации, и при этом очевидно меняя структуру текста. Сознательно заимствующий, таким образом, будет вынужден либо сохранить легко узнаваемый риторический индикатор, либо отказаться от буквального воспроизведения чужого текста.

Зиновкин Н. С.

ПРИНЦИП «ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ ПЛАТИТ»: ИСТОРИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В настоящей статье рассмотрена история становления принципа «загрязнитель платит», его отличительные черты, изначальная интерпретация, данная ему Организацией экономического сотрудничества и развития и получившие в дальнейшем свое развитие другие формы его реализации. Автором сделан вывод о том, что в Российской Федерации де-факто применяется принцип «загрязнитель платит», при этом он до сих пор не получил должного легального закрепления в нормативных правовых актах.

Ключевые слова: окружающая среда, загрязнение, принцип «загрязнитель платит», плата за негативное воздействие на окружающую среду, экологический сбор, организация экономического сотрудничества и развития, возмещение вреда, торговля квотами на выбросы.

Zinovkin N. S.

POLLUTER PAYS PRINCIPLE: HISTORY, INTERPRETATION, IMPLEMENTATION INTO NATIONAL LAW

In the present article the author analyzes the history of evolution of polluter pays principle, its distinctive features, the first interpretation developed by OECD and other forms of principle realization. The author concludes that in the Russian Federation this principle has no the official legal definition in normative acts, but despite that it's used de facto.

Keywords: environment, pollution, polluter pays principle, fee for a negative impact on the environment, environmental fee, OECD, compensation for damage, emissions trading.

Зиновкин Н. С.

Принцип «загрязнитель платит» является одним из основополагающих экологических принципов, закрепленных в Декларации Рио-Де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. (далее — Декларация Рио). Он является органичным воплощением концепции устойчивого развития, которая в настоящий момент представляет единственный способ совмещения таких антиномий, как экономическое развитие, охрана окружающей среды и социальное благосостояние.

В условиях рыночной экономики административно-командные методы регулирования общественных отношений далеко не всегда дают необходимый результат, поэтому внедрение более гибких, отвечающих современным условиям экономических механизмов, является насущной необходимостью.

Подобный механизм и предусматривает принцип «загрязнитель платит», являясь при этом своеобразным компромиссом между экологией и экономикой, однако в российской правовой системе он до сих пор так и не получил должного правового закрепления.

Свое юридическое оформление указанный принцип стал обретать на заре становления экологического права в качестве самостоятельной отрасли права. Как на международном уровне, так и в России этот процесс начался в 70-х годах прошлого века, и «точкой отсчета» межгосударственного сотрудничества в этой сфере можно считать Стокгольмскую конференцию по проблемам окружающей человека среды 1972 г.

Как отмечает М. Н. Копылов, «впервые вопрос о создании единой институциональной основы международного природоохранного сотрудничества был поставлен еще в конце 60-х — начале 70-х годов XX в. Обсуждение вопросов, связанных со статусом и функциями предполагаемого международного органа (или организации), началось сразу после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2398 (XXIII) от 3 декабря 1968 г., в которой содержалось решение о созыве в 1972 г. Стокгольмской конференции по проблемам окружающей человека среды»¹. Декларация, принятая по итогам данной конференции, заложила основы концепции устойчивого развития, а Декларация Рио впоследствии закрепила все основные экологи-

правовые принципы, которыми руководствуется по настоящее время и Российская Федерация².

Содержательный фундамент одного из главнейших принципов экологического права — «загрязнитель платит», был заложен гораздо раньше 70-х годов прошлого столетия, несмотря на то, что формально его концепция была освещена в документе, подготовленном Организацией экономической сотрудничества и развития (далее — ОЭСР), а именно в Рекомендации Совета о руководящих принципах, касающихся международных экономических аспектов экологической политики³ от 26 мая 1972 г.

В ней говорится следующее: «Принцип, используемый для распределения расходов на предотвращение загрязнения и контроль мер стимулирования рационального использования ограниченных природных ресурсов во избежание диспропорций в международной торговле и инвестировании, это так называемый «принцип загрязнитель платит». Этот принцип означает, что загрязнитель должен нести расходы по проведению вышеуказанных мер, принятых государственными органами для обеспечения приемлемого состояния окружающей среды. Другими словами, издержки по этим мерам должны быть отражены в цене товаров и услуг, которые вызывают загрязнение в сфере производства и/или потребления. Таким мерам не должны сопутствовать субсидии, которые создают серьезный перекос в международной торговле и инвестировании»⁴.

Практически сразу после появления этой рекомендации, в 1973 г. Европейские сообщества включили принцип «загрязнитель платит» в первую программу действий по охране окружающей среды⁵.

2 См. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

3 Environmental and Economics: Guiding Principles Concerning International Economic Aspects of Environmental Policies, Annex 1, OECD Doc. C (72) 128, (May 26, 1972), available at 1972 WL 24710.

4 Перевод автора.

5 Council and Governments of the Member States Declaration, of 22 November 1973, on the programme of action of the European Communities on the environment, OJ 1973 C 112.

1 Международное экологическое право: Учебник / Отв. ред. П. М. Валеев. — М.: Статут, 2012. — С. 35.

В 1974 г. ОЭСР рекомендовала⁶ странам-участницам про-должать стремиться к единообразию применения принципа с учетом того, что главным остается правило не предоставлять предприятиям-загрязнителям какую либо помощь в виде субсидий, налоговых послаблений или и т.д. Однако интересным является то, что такое правило уже могло быть в некоторых случаях ограничено.

В 1975 г. Советом Европейских сообществ была издана рекомендация⁷, посвященная детальному применению данного принципа, некоторые положения которой во многом схожи с особенностями системы нормирования и взимания экологических платежей в Российской Федерации, существовавшей до принятия Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В 1989 г/ ОЭСР выпустила рекомендацию о применении принципа «загрязнитель платит» в случае аварийного загрязнения⁸, расширив тем самым его сферу применения на случаи, связанные с деликтной ответственностью.

Однако окончательное правовое закрепление данный принцип получил лишь двадцать лет спустя после появления первой рекомендации ОЭСР: в 1992 г. в Рио-Де-Жанейро Организацией Объединенных Наций (далее — ООН) была принята Декларация по окружающей среде и развитию, принцип 16 которой гласил, что «национальные власти должны стремиться содействовать интернализации экологических издержек и использованию экономических средств, принимая во внимание подход, согласно которому загрязнитель должен, в принципе, покрывать издержки, связанные с загрязнением, должным образом учитывая общественные интересы и не нарушая международную торговлю и инвестирование».

Данное событие означало, что принцип признан основополагающим для экологического права в целом, что в свою очередь открыло широкие перспективы его дальнейшей имплементации в национальные законодательства разных стран. При этом из указанного определения можно вычлени-ть «номинальное» толкование принципа: «загрязнитель должен, в принципе, покрывать издержки, связанные с загрязнением». Руководствуясь этим базовым положением, закрепленным в национальной правовой системе, возможно последовательно разрабатывать различные формы реализации принципа.

Основополагающая идея связана с механизмом «интернализации». Поскольку этот термин — калька с английского «internalization», не имеющего своего самостоятельного аналога в русском языке, необходимо, в целях лучшего уяснения содержания принципа «загрязнитель платит», раскрыть его суть.

В самом широком смысле «интернализация» означает трансформацию внешнего во внутреннее. В литературе, посвященной экономической теории, можно найти следующее определение данного понятия: «Интернализация — включение оценки внешних для компании положительных и отрицательных эффектов, обусловленных деятельностью других компаний, организаций, лиц, в затраты или доход производителей этих эффектов в целях возможности осуществления их рыночного регулирования. Например, предъявление штраф-

ных санкций за внешнее загрязнение территории компании, предприятия»⁹.

К этому определению стоит добавить то, что «интернализация» тесно связана с так называемыми налогами Пигу. Английский ученый-экономист Артур Сесил Пигу в 1920 г. впервые предложил использовать инструменты налогообложения при конфликтах, связанных с социально значимыми, трудно поддающимися денежной оценке и являющимися «внешними» для рынка эффектами. Такие эффекты принято называть «экстерналиями»¹⁰.

Применительно к отношениям, связанным с охраной окружающей среды, общественно значимый интерес в сокращении загрязнения является экстерналией, лежащей вне интересов участников рынка. Государство для удовлетворения запросов общества может использовать в данном случае два инструмента: установить «жесткое» императивное правило, определяющее верхнюю границу загрязнения для предприятий (такой подход находит свое отражение в существовании системы экологического нормирования), и применить «гибкий» подход, обложив налогом такое загрязнение. Во втором случае проявляет себя стимулирующий механизм, согласно которому меньшее загрязнение будет экономически оправдано. Это и есть налог Пигу — своеобразный «переходный мостик» между экологией и экономикой или между общественным и частным интересом.

В этом смысле он определяет стоимость загрязнения окружающей среды, предоставляя предприятиям возможность включения экологических издержек (экстерналий) в число общих затрат, и для такой организации эти издержки уже будут являться внутренними, то есть интернальными¹¹.

То есть интернализация означает, что загрязнитель может включать расходы, связанные с охраной окружающей среды, в стоимость своей продукции или своих услуг, что в целом соответствует первому определению принципа «загрязнитель платит», которое содержится в рекомендации ОЭСР 1972 г.

Стоит отметить, что де-факто в Российской Федерации такой механизм реализован в п. 7 Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 августа 1992 г. № 632, где сказано, что «платежи за предельно допустимые выбросы, сбросы загрязняющих веществ, размещение отходов, уровни вредного воздействия осуществляются за счет себестоимости продукции (работ, услуг), а платежи за превышение их — за счет прибыли, остающейся в распоряжении природопользователя».

То есть формально нигде не закрепляя принцип «загрязнитель платит», законодатель фактически применил одну из форм его реализации, которая в России получила название «плата за негативное воздействие на окружающую среду». Интересно, что правовым фундаментом для нее послужил принцип «платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде», закрепленный в ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — Федеральный закон «Об охране окружающей среды»). Представляется, что использованный принцип не отражает в полной мере особенности, присущие именно загрязнению, а не использованию природных ресурсов с целью извлечения экономической выгоды: природопользование предполагает невозобновляемость некоторых ресурсов, а извлечение само по себе ограничивает возможное стимулиро-

6 Recommendation on the Implementation of the Polluter-Pays Principle [adopted by the OECD Council on 14th November 1974, C (74) 223 final].

7 75/436/Euratom, ECSC, EEC: Council Recommendation of 3 March 1975 regarding cost allocation and action by public authorities on environmental matters.

8 Recommendation on the Application of the Polluter Pays Principle to Accidental Pollution [adopted by the OECD Council on 7 July 1989, C (89) 88 final].

9 Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М., 2008.

10 Кочуров Б. И., Юлинов В. Л. Экономика природопользования: Учеб. пособие. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — С. 45.

11 См. об этом: Холина В. Н. Основы экономики природопользования: Учеб. для вузов. — СПб.: Питер, 2005. — С. 404.

вание природоохранной деятельности, поскольку во многом заключается только в сокращении объема такого извлечения. В этом случае принцип платности природопользования носит фискальный характер, в то время как «загрязнитель платит» всегда предполагает компенсационный элемент, направлен на восстановление окружающей среды. В связи с этим можно сделать вывод о том, что закрепление принципа «загрязнитель платит» в Российской правовой системе должно вносить фундаментальное разделение природопользования и загрязнения окружающей среды. При этом конкретные формы реализации этого принципа не следует ограничивать одной платой за негативное воздействие на окружающую среду.

Со времен принятия Декларации по окружающей среде принцип «загрязнитель платит» трансформировался, расширив свое содержание. И хотя его определение встречается в актах международного права, смысловое наполнение на практике варьируется от страны к стране, поскольку, в принципе, основополагающей является идея соотношения ответственности за загрязнение с тем субъектом, который это загрязнение допустил¹². Сам механизм возложения такой ответственности на загрязнителя нигде четко не прописан, отчего возникает вариативность в реализации принципа на практике.

В зарубежной литературе, посвященной принципу «загрязнитель платит», («polluter pays principle»), встречается несколько его интерпретаций¹³:

- стандартная (standard interpretation);
- расширенная (extended interpretation);
- справедливая (the equitable polluter pays principle);
- дополнительная ответственность производителей (the extended producer's responsibility);
- торговля квотами (emissions trading; tradable permits).

Стандартная интерпретация требует от соответствующих субъектов платить за контролируемое загрязнение в пределах допустимой нагрузки на окружающую среду, но не за сам экологический ущерб, причиненный таким загрязнением. Фактически такая модель обеспечивает предприятиям «право на загрязнение» в рамках установленных нормативов, возлагая на них лишь бремя внесения экологических платежей, соотнося их с чистыми количественными показателями сбросов, выбросов и прочих видов негативного воздействия. При таком подходе не решается проблема восстановления окружающей среды¹⁴, так же как остается открытым вопрос о соотношении необходимой и реально взимаемой для этих целей сумме платежей.

Расширенная интерпретация — более прогрессивная по сравнению со «стандартной», она подразумевает взимание с загрязнителей платы за расходы на возмещение нанесенного окружающей среде ущерба, а не за «право загрязнять». В этом случае начинает работать «стимулирующий эффект», который выражается в заинтересованности предприятий в снижении загрязнения окружающей среды, поскольку это напрямую влияет на их собственные экологические издержки.

Развитие расширенной интерпретации привело в дальнейшем к возникновению идеи применения в рамках принци-

па «загрязнитель платит» концепции «оптимального уровня загрязнения» (the optimal level of pollution). Ее содержание составляет представление о том, что предельные издержки на снижение загрязнения должны быть равны предельным выгодам от такого загрязнения. Точка эквивалентности, где сходятся эти два параметра, и является оптимальным уровнем загрязнения¹⁵. Такой подход означает снижение загрязнения до максимального экономически целесообразного уровня.

«Справедливая» интерпретация подразумевает под собой содержание, которое в меньшей степени завязано на экономических аспектах природоохранной деятельности и больше ориентировано на юридические вопросы определения субъекта-загрязнителя и его степени его вины. Понятие справедливости в данном контексте восходит к английскому праву, где с XV по XIX вв. существовала отдельная правовая система, основанная на прецедентах, именуемая «правом справедливости». Ее призванием было служить более гибким инструментом разрешения споров, «смягчая суровость общего права».

В отношении принципа «загрязнитель платит» справедливость означает то, что загрязнитель отвечает за уменьшение своего «природоохранного» вклада в каждой конкретной ситуации, связанной с негативным воздействием на окружающую среду. Главным элементом данного механизма является «пропорциональность» распределения экологических издержек между несколькими загрязнителями, а также между загрязнителями и пострадавшими от загрязнения. Каждый должен отвечать именно за свой объем нанесенного ущерба.

Так, в деле Стендли¹⁶, рассматриваемом Европейским судом в 1999 г., «пропорциональное» применение принципа «загрязнитель платит» позволило фермерам избежать возложения на них бремени возмещения «лишнего» экологического ущерба: кроме используемых ими нитратов река загрязнялась нитратами различных предприятий.

Дополнительная ответственность производителей по своему смыслу означает ответственность производителя за судьбу собственной продукции. На него ложится бремя утилизации использованных продуктов. Предполагается, что такая мера служит стимулом для минимизации расходов на переработку посредством создания более «экологически чистой» продукции.

Торговля квотами на загрязнение известна прежде всего в качестве инструмента международного экологического права, предусмотренного Киотским протоколом к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата¹⁷ (далее — Киотский протокол). Являясь прямым следствием применения теоремы Коуза к сфере экологии производства, торговля квотами получила распространение в качестве инструмента сокращения ущерба, наносимого окружающей среде, и на региональном уровне¹⁸.

Ее смысл заключается в том, что субъекты экономической деятельности способны договариваться между собой и рационально использовать имеющиеся ресурсы в областях с традиционно сильным государственным контролем, если права собственности четко определены.

Фактически речь идет о применении права собственности в отношении ассимиляционного потенциала окружающей

12 Эта идея отображает экологическое начало принципа с точки зрения права. Однако она не охватывает полностью экономическую составляющую, что была преобладающей в момент зарождения принципа.

13 Mann I. A comparative study of the polluter pays principle and its international normative effect on pollutive processes. — Forbes Hare British Virgin Islands, 2009.

14 Проблема не решается в том смысле, что сам хозяйствующий субъект исключается из непосредственной природоохранной деятельности. Ею, как правило, в итоге занимается государство, что само по себе означает сильную зависимость состояния окружающей среды от меняющегося политического курса.

15 Подробнее см.: Environmental policy: An economic approach to the polluter pays principle by R. Kerry Turner. CSERGE Working Paper PA 92-04, p. 6.

16 Case 239/97, The Queen v Secretary of State for the Environment and Minister of Agriculture Fisheries and Food ex parte H. A. Standley and Others and D. G. D. Metson and Others, [1999] ECR I-02603.

17 Бюллетень международных договоров. — 2005. — № 5. — С. 3–23.

18 См. например Directive 2003/87/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 2003 establishing a scheme for greenhouse gas emission allowance trading within the Community and amending Council Directive 96/61/EC (Text with EEA relevance).

среды, а не отдельных природных ресурсов, где оно обычно применяется.

Применительно к выбросам загрязняющих веществ это означает создание рынка квот, подразумевающего под собой существование так называемых «климатических бирж», где предметом купли-продажи являются разрешения на загрязнение в обозначенных объемах. На практике это означает, что если предприятие, сократившее выбросы в атмосферный воздух, «не выбирает» квоту, выданную ему государством, то оно может продавать этот «остаток» предприятию, которое, наоборот, выходит за рамки установленных для него квот.

На данный момент в Российской Федерации, как уже было отмечено, отдельный самостоятельный принцип «загрязнитель платит» не установлен нормативными правовыми актами, хотя де факто он находит свое отражение в некоторых нормах экологического права:

1. Главным образом он выражен через плату за негативное воздействие на окружающую среду. Необходимо отметить, что экологическая доктрина Российской Федерации¹⁹ подразумевает реализацию принципа «загрязнитель платит» в полной мере, однако раскрывает это положение через простое «обеспечение зависимости размеров платы за выбросы и сбросы от их объема и опасности для окружающей среды и здоровья населения», что никак нельзя признать полным отражением данного принципа.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду на данный момент представляет собой стандартную интерпретацию принципа «загрязнитель платит».

2. Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 458-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» введены понятия экологического сбора и нормативов утилизации.

Предполагается, что он будет уплачиваться всеми производителями и импортерами товаров, которые не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от использования товаров.

Исключение допускается только в отношении товаров, которые подлежат утилизации и вывозятся из Российской Федерации. При этом экологический сбор тесно связан с новой группой нормативов — нормативами утилизации. Хозяйствующие субъекты, которые достигают выполнения таких нормативов, самостоятельно утилизируя свою продукцию, не уплачивают сбор.

Можно заключить, что обязательство утилизировать продукцию соответствует дополнительной ответственности производителя, являющейся одной из форм реализации принципа «загрязнитель платит», а экологический сбор по своему содержанию является еще одной разновидностью «стандартной интерпретации» и, хоть и выделен отдельно, в сущности представляет собой плату за негативное воздействие на окружающую среду.

3. Россия является участницей Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, которым предусмотрены так называемые «механизмы гибкости», в том числе и торговля квотами на выбросы парниковых газов в атмосферный воздух.

В научной литературе при этом отмечается, что «особенностью развития углеродного рынка в Российской Федерации считается отсутствие соответствующей государственной политики. По оценкам экспертов, Россия отстает в создании углеродного рынка от иных государств, подписавших Киотский протокол. В результате принятия ряда подзаконных норма-

тивных актов обеспечена система зачета единиц снижения выбросов парниковых газов между Российской Федерацией и зарубежными странами путем реализации проектов совместного осуществления. Однако национальная система торговли квотами в настоящее время не сформирована»²⁰.

Кроме того, справедливо отметить, что в настоящий момент под эгидой ООН началась работа над новым международным договором по проблеме изменения климата²¹ и, вероятно, рано говорить о существовании полноценного рынка квот в Российской Федерации, но при этом принцип «загрязнитель платит», безусловно, мог бы стать той фундаментальной правовой основой, что необходима для его создания.

4. В Российской Федерации возмещение вреда окружающей среде традиционно связано с деликтной ответственностью, что в какой-то мере соответствует использованию «справедливой» интерпретации. Как отмечает профессор И. О. Краснова, «при решении вопроса о компенсации экологического вреда необходимо установление причинной связи между действиями субъекта и наступившими последствиями в виде деградации природных объектов или повреждения здоровья. Установление такой причинной связи является достаточно сложным делом. Это связано с тем, что между правонарушением и его негативными последствиями для здоровья или состояния окружающей среды нередко существует разрыв по времени и по расстоянию. Кроме того, последствия могут быть вызваны деятельностью сразу неопределенного круга источников»²².

С аналогичными проблемами сталкивался и Европейский суд в делах, связанных с возмещением ущерба окружающей среде, поэтому опыт применения им принципа «загрязнитель платит» в качестве инструмента «пропорционального» распределения издержек мог бы быть использован в российской правоприменительной практике.

В настоящий момент в судебных делах о возмещении вреда окружающей среде акцент смещается в сторону гражданского законодательства. Отсылки к принципу «загрязнитель платит» в них просто не встречаются. В свою очередь это означает необоснованное сужение сферы действия экологического права с присущей ему спецификой.

Таким образом, на основании вышесказанного можно констатировать, что принцип «загрязнитель платит» на данный момент достаточно разносторонен, не имеет единого и четкого определения и допускает различные формы реализации в национальных законодательствах.

Однако сказанное не отменяет необходимости имплементации принципа в российское законодательство, поскольку, во-первых, даже в своем «номинальном» толковании он мог бы стать «фундаментом» или отправной точкой для любых общественных отношений, связанных с загрязнением окружающей среды, помимо этого выполняя интеграционную функцию посредством гармонизации российского экологического законодательства с законодательством стран, где такой принцип нашел свое отражение. Во-вторых, можно говорить о том, что в России законодательно закреплена его стандартная интерпретация и дополнительная ответственность производителей. В стадии развития находится система торговли квотами, а возмещение ущерба окружающей среде в целом может соответствовать «справедливой» интерпретации.

20 Кичигин Н. В., Хлуденева Н. И. Правовой механизм реализации Киотского протокола в России. Научно-практическое пособие. — М.: ИЗИСП, 2009. — С. 43.

21 От решения проблем изменения климата зависит успех устойчивого развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/climatechange/ru/blog/2015/02/> (дата обращения: 1 марта 2015 г.)

22 Краснова И. О. Правовое регулирование возмещения экологического вреда // Экологическое право. — 2005. — № 4.

19 Одобрена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Российская газета. — 2002. — № 176.

Все это позволяет утверждать, что в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» требуется включение принципа «загрязнитель платит» в следующем виде: «покрытие загрязнителем издержек, связанных с загрязнением окружающей среды».

Пристатейный библиографический список

1. Авдеева Т. Г., Алиев А. И., Амирова Р. Р. Международное экологическое право: Учебник / Отв. ред. Р. М. Валеев. — М.: Статут, 2012.
2. Кичигин Н. В., Хлуденева Н. И. Правовой механизм реализации Киотского протокола в России. Научно-практическое пособие. — М.: ИЗИСП, 2009.
3. Кочуров Б. И., Юлинов В. А. Экономика природопользования: Учеб. пособие. — М.: ЛЕНАНД, 2015.
4. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2008.
5. Холина В. Н. Основы экономики природопользования: Учеб. для вузов. — СПб.: Питер, 2005.

6. Краснова И. О. Правовое регулирование возмещения экологического вреда // Экологическое право. — 2005. — № 4.
7. Bleeker A. Does the Polluter Pay? // European Energy and Environmental Law Review, 2009.
8. Bugge H. C. The polluter pays principle: dilemmas of justice in national and international contexts. — Cambridge University Press, 2009.
9. Grossman M. R. Agriculture and the Polluter Pays Principle: an introduction // Oklahoma Law Review. — 2006. — № 1.
10. Kerry Turner R. Environmental Policy: An economic approach to the polluter pays principle CSERGE Working Paper / Centre for Social and Economic Research on the Global Environment, 1992.
11. Mann I. A comparative study of the polluter pays principle and its international normative effect on pollutive processes. — Forbes Hare British Virgin Islands, 2009.
12. Sands P., Peel J. Principles of International Environmental Law. — 3rd ed. — Cambridge University Press, 2012.

Об авторе

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абашидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University van Amsterdam, Нидерланды, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательская группа **URSS**

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56. Телефон / факс: +7(499) 724 25 45

Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>
E-mail: URSS@URSS.ru

Опыт в издательском деле, а также обширный опыт работы в сфере экологии и права. Мы предлагаем вам лучшие книги на рынке. <http://URSS.ru>

Хайруллина Н. Г., Щербаков Г. А.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются проблемы перераспределения полномочий в социальной политике и практике между федеральными, региональными органами власти и местным самоуправлением, анализируются законодательные документы, выявляются недостатки. Показано, что основная часть противоречий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации сосредоточена в сфере межбюджетных отношений. По мнению авторов, реализация законодательства по распределению социальных полномочий еще требует отработки четкого механизма взаимоотношений между местными и федеральными бюджетами.

Ключевые слова: правовое регулирование, публичная власть, государственная власть, федеральный центр, региональная власть, местное самоуправление.

Khairullina N. G., Scherbakov G. A.

DELIMITATION OF POWERS IN SOCIAL POLICY

The article deals with the problem of redistribution of social policies and practices between the federal, regional authorities and local self-government, legislative documents are analyzed, and the shortfalls are identified. It is shown that most of the conflicts between federal authorities and the state authorities of the Russian Federation are concentrated in the area of intergovernmental relations. According to the authors, the implementation of legislation on the distribution of social powers still requires working out a clear mechanism for the relationship between the local and federal budgets.

Keywords: legal regulation, public authority, state power, federal center, regional authorities, local self-government.

В начале 2000-х годов в Российской Федерации было положено начало проведению масштабной работы по перераспределению полномочий в социальной политике и практике между федеральными, региональными органами власти и местным самоуправлением. Одной из причин проведения такой работы явилась нечеткость в разграничении полномочий между уровнями публичной власти. Данная проблема имеет прямое отношение к одной из важных функций государства — социальному обслуживанию населения. В последние годы сложилась определенная система разграничения правового регулирования и финансового обеспечения полномочий органов власти разных уровней.

Вместе с тем выявились и недостатки: отсутствие системности и неполное соответствие существующему законодательству; отсутствие ответственности, возлагаемой на различные уровни и ветви публичной власти; возложение полномочий по предметам ведения Российской Федерации на органы государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления; чрезмерно детальное регулирование полномочий субъектов РФ по предметам совместного ведения нормативными правовыми актами федеральных органов государственной власти; перегруженность законодательства декларативными, устаревшими и нереализуемыми нормами; вмешательство государства в регулирование вопросов местного значения и наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями без предоставления финансового обеспечения; наличие многочисленных натуральных льгот (по оплате жилья и коммунальных услуг, услуг связи, проезда на общественном транспорте...), не позволяющих разграничить финансовую ответственность за их предоставление¹.

Основная часть противоречий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации сосредоточена в сфере межбюджетных отношений. В их числе: чрезмерная централизация финансовых потоков на федеральном уровне; несба-

1 Зверева Т. Л. Разграничение государственных социальных полномочий между уровнями власти: основные тенденции и проблемы //Налоги. Инвестиции. Капитал. — 2006. — № 1–3.

Хайруллина Н. Г.

Щербаков Г. А.

лансированность между расходными обязательствами и доходными источниками бюджетной системы; нестабильность распределения налоговых доходов между уровнями бюджетной системы, размывающая ответственность органов публичной власти перед населением; отсутствие законодательно установленных критериев и механизмов выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований².

Наделение органов государственной власти субъектов Российской Федерации, особенно органов местного самоуправления, крайне ограниченными формальными (законодательно установленными) полномочиями по формированию доходов и расходов обусловило ряд негативных последствий. Это замедляет темпы проведения социальных реформ и, в частности, совершенствование социального обслуживания населения и развитие системы социальной защиты. Кроме того, существующая система породила недостаток ответственности за проведение на местах рациональной социальной политики и увеличивает нагрузку на федеральный бюджет³.

Становление трехуровневой системы власти (федеральный центр, региональная власть, местное самоуправление) означает принципиальный переворот в системе социальной политики Российской Федерации. В данном исследовании выявлено, что в настоящее время влияние федерального центра на реализацию социальной политики на местах значительно снизилось (не более 20%), тогда как региональные власти играют здесь

2 Афанасьев С. В. Инновации подходов к механизму госрегулирования социально-экономических процессов в современной России // Социальная политика и социология. — 2004. — № 2 (22) — С. 121–125.

3 Хайруллина Н. Г., Щербаков Г. А. Роль социологических технологий в деятельности органов власти, образования и бизнеса // Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика. — 2008. — № 4. — С. 44–46.

важнейшую роль (70%); а вот местное самоуправление весьма ограничено в своих возможностях: степень влияния местных органов власти на реализацию социальной политики на местах составляет сегодня не более 10%⁴.

Основные подходы к разграничению полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов определены Конституцией Российской Федерации⁵ и Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁶.

Результаты нашего исследования доказывают, что основным критерием передачи полномочий с одного уровня власти на другой является исключительно фактор рациональности их осуществления на конкретной территории, как с точки зрения удовлетворения интересов проживающего там населения, так и с учетом эффективности деятельности органов публичной власти⁷.

С целью совершенствования федеративных отношений и местного самоуправления, начиная с 2002 г. в Российской Федерации проводится административная реформа, которая реализуется поэтапно. На первом этапе реформы подготовлены и приняты изменения и дополнения в федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»⁸ и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁹. Эти изменения определили структуру и полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, принципы их финансового обеспечения, новую территориальную организацию местного самоуправления. На втором этапе реформы Правительством РФ разработана Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации и приняты изменения и дополнения в Бюджетный и Налоговый кодексы РФ, что позволило установить разграничение бюджетных и налоговых полномочий, расходных обязательств и доходных источников, определить формы и механизмы финансовой поддержки бюджетов всех уровней власти.

В целях реализации Концепции на территории Тюменской области реализован переход на нормативное подушевое планирование и реорганизация бюджетных учреждений, как основные предпосылки для внедрения новых форм бюджетного финансирования и повышения качества и доступности предоставляемых бюджетных услуг.

Переход на нормативное финансирование осуществлялся поэтапно. На региональном уровне проведена работа по оптимизации сети бюджетных учреждений, преобразованию бюджетных учреждений в иные организационно-правовые формы, предоставляющие бюджетные услуги, разработаны

отраслевые системы оплаты труда, нормативно-правовая база о введении расчетных нормативов на финансовое обеспечение расходов по предоставлению бюджетных услуг для межбюджетного регулирования.

Дальнейшим шагом явилось внедрение нормативного финансирования на муниципальном уровне. Это позволило муниципальным образованиям регулировать бюджетные отношения с учреждениями в рамках определенных нормативов бюджетного финансирования на одного потребителя услуг, применяя при этом индивидуальные поправочные коэффициенты, учитывающие специфику учреждений (наличие малоклассных классов, классов компенсирующего обучения, наполняемости классов и др.). На муниципальном уровне также проведена работа по изменению организационно-правовых форм бюджетных учреждений. Это позволило создать конкурентоспособную среду по предоставлению услуг населению и повысить заинтересованность организаций в расширении видов услуг и улучшении их качества¹⁰.

На третьем этапе реформы стояла задача приведения регионального законодательства в соответствие с федеральными законами, а также воплощение в жизнь нормативной и финансовой основы новой системы государственного устройства и управления в Российской Федерации.

Рассмотрим, какими полномочиями в социальной сфере в настоящее время наделены федеральный, региональный и муниципальный уровни власти.

В соответствии со ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находятся следующие вопросы социальной сферы:

- регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; регулирование и защита прав национальных меньшинств;

- установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации.

Таким образом, на федеральном уровне принимаются концептуальные, основополагающие решения в области социальной политики, то есть определяется социальная стратегия государства.

Федеральным законодательством к полномочиям федеральных органов и соответственно финансированию из федерального бюджета отнесены полномочия по поддержке Героев СССР, Героев России, Героев Социалистического Труда, участников и инвалидов Великой Отечественной войны, участников боевых действий, членов семей погибших военнослужащих граждан, пострадавших от воздействия радиации, доноров, а также социальной защиты и социальной реабилитации инвалидов всех групп.

В соответствии с федеральными законами конкретизированы полномочия субъектов Российской Федерации в таких сферах, как пользование недрами и природными ресурсами, обеспечение жильем, здравоохранение, воспитание, образование, наука, социальное обеспечение, культура, миграционная политика, борьба с катастрофами, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий и в других областях, отнесенных в соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Субъекты Российской Федерации наделены новыми полномочиями, выполняемыми ими самостоятельно за счет средств региональных бюджетов в сфере образования и науки, здравоохранения, искусства и культуры, социального обслуживания и социальной поддержки, безопасности граждан, охраны

4 Власова Э. Д. Стратегия формирования региональной социальной политики в современной России (на примере Ставропольского края): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2007.

5 Конституция Российской Федерации. Официальный текст с историко-правовым комментарием [авт. историко-правового комментария Б. А. Страшун]. — М.: Норма, 2008.

6 Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ (с изменениями от 03 июня 2006 года), Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

7 Хайруллина Н. Г. Правовые основы управления персоналом, учебное пособие. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.

8 Там же.

9 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

10 Пан Л. А. Социальная направленность — основа бюджетного финансирования // Налоги. Инвестиции. Капитал. — 2007. — № 1-4. — С. 62-64.

окружающей среды и недропользования, сельского хозяйства и транспортного обслуживания.

Передача значительного объема полномочий субъектам Российской Федерации привела к росту самостоятельности и побудила регионы увеличить свои бюджетные расходные обязательства.

Смысл внесения изменений в законодательство о местном самоуправлении заключается в проведении реформы на местном уровне. Этот институт самоорганизации населения играет, по мнению автора, исключительную роль в реализации социальных гарантий для граждан. Согласно Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В то же время Конституция допускает использование административной инфраструктуры местного самоуправления для осуществления государственной политики. В соответствии с Конституцией РФ органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств.

Нововведения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» касаются структуры и функций органов местного самоуправления, а также межбюджетных отношений, формирования доходных и расходных полномочий местного уровня.

В заключение отметим, что обновленное законодательство по разграничению полномочий между уровнями государственной власти и местным самоуправлением вызвало очень много вопросов. Закономерно встает вопрос и о функционировании системы социальной защиты. В настоящее время проводится большая нормотворческая работа, предусматривающая внесение изменений и дополнений в правовые акты, обеспечивающие выполнение этих законов.

Реализация законодательства по распределению социальных полномочий еще требует отработки четкого механизма взаимоотношений между местными и федеральными бюджетами. Разграничение полномочий между уровнями власти проводится таким образом, чтобы обеспечить оптимизацию использования государственных ресурсов, способствовать привлечению других финансовых источников, всех структур гражданского общества к решению социальных проблем в интересах граждан — потребителей социальных услуг. Все это

требует значительной организационной, методической и разъяснительной работы. В дальнейших работах проанализируем, как распределение полномочий отразилось на особенностях правовой и нормотворческой деятельности центра и регионов в сфере формирования и реализации социальной политики и стратегии.

Пристатейный библиографический список

1. Зверева Т. Л. Разграничение государственных социальных полномочий между уровнями власти: основные тенденции и проблемы // *Налоги. Инвестиции. Капитал*. — 2006. — № 1–3.
2. Афанасьев С. В. Инновации подходов к механизму регулирования социально-экономических процессов в современной России // *Социальная политика и социология*. — 2004. — № 2 (22).
3. Хайруллина Н. Г., Щербаков Г. А. Роль социологических технологий в деятельности органов власти, образования и бизнеса // *Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика*. — 2008. — № 4.
4. Власова Э. Д. Стратегия формирования региональной социальной политики в современной России (на примере Ставропольского края): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2007.
5. Конституция Российской Федерации. Официальный текст с историко-правовым комментарием [авт. историко-правового комментария Б. А. Страшун]. — М.: Норма, 2008.
6. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ (с изменениями от 03 июня 2006 года).
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ.
8. Хайруллина Н. Г. Правовые основы управления персоналом: Учеб. пособие. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
9. Пан Л. А. Социальная направленность — основа бюджетного финансирования // *Налоги. Инвестиции. Капитал*. — 2007. — № 1–4.

Тимербаев Р. Р., Кадымов А. А.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье раскрывается сущность общественных объединений как элементов гражданского общества. Анализируется законодательная база, определяющая правовой статус общественных объединений. Характеризуется механизм взаимодействия общественных объединений и органов государственной власти в процессе формирования гражданского общества и правового государства в современной России.

Ключевые слова: общественные объединения, органы государственной власти, законодательство об общественных объединениях, гражданское общество.

Timerbaev R. R., Kazymov A. A.
PUBLIC ASSOCIATIONS AS STRUCTURAL ELEMENTS OF CIVIL SOCIETY

The article reveals the essence of public associations as elements of civil society. The legal framework determining the legal status of public associations is analyzed. The interrelation mechanism of public associations and public authorities in the process of formation of society and the rule of law in contemporary Russia is characterised.

Keywords: public associations, public authorities, legislation on public associations, civil society.

Общественные объединения выступают как важный элемент гражданского общества, функционально включены в систему властных отношений и выступают связующим звеном между государством и гражданами. В процессе формирования общественных объединений возрастает их роль в функционировании социума как целого в его движении к гражданскому обществу. Место общественных объединений в общей системе гражданского общества — центральная проблема, из которой вытекают все остальные. Место и роль общественных объединений в современной России как в стране, не имевшей до сих пор опыта в качестве гражданского общества, является наиболее значимым.

Теоретическое осмысление понятия общественных объединений в современной России связано с необходимостью рассмотрения его в качестве многоуровневого, динамичного, открытого социального образования, социальной формы, встроеной в систему целого общества.

В процессе формирования гражданского общества актуальным становится целый комплекс проблем. Наряду с иными, особое значение приобретают вопросы определения сущности, роли и места общественных объединений в рамках позитивного развития гражданского общества и правового государства в России, а также вопросы установления взаимодействия между общественными организациями и органами государственной власти. Именно общественные объединения, с одной стороны, способствуют формированию личностных и коллективных интересов, а с другой — выражают их во взаимоотношениях с государством.

Общественные объединения формируются на основе добровольного участия граждан в их деятельности. Базовым для всех форм и видов организованной негосударственной деятельности (деятельности в сфере гражданского общества) является Федеральный закон «Об общественных объединениях», вступивший в силу 25 мая 1995 г. Принятием Федерального закона «Об общественных объединениях» (ред. от 28 декабря 2013 г.) заложены правовые основы формирования и деятельности общественных объединений, их виды и формы, созданы предпосылки для строительства гражданского общества и укрепления государственности Российской Федерации.

Данный закон носит либеральный характер, защищая свободу граждан и общественных объединений, предоставляя им дополнительные права. Среди них — право легального существования без государственной регистрации, что не снимает ответственности таких объединений за совершенные ими про-

тивноправные деяния, а также право самостоятельного выбора общественными объединениями своей организационно-правовой формы из перечня, предложенного в законе. Четко разделив сферу государственной деятельности и общественной инициативы, закон кардинально меняет правовую основу отношений между государством и гражданским обществом, препятствуя государственным органам бесконтрольно становиться учредителями любых видов общественных объединений, оказывая влияние на управление ими¹.

Под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Право граждан на создание общественных объединений реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица — общественные объединения².

Учредителями, членами и участниками общественных объединений могут быть граждане, достигшие 18 лет, молодежных общественных объединений — достигших 14 лет, детских общественных объединений — достигших 8 лет, а также юридические лица — общественные объединения. Условия и порядок приобретения, утраты членства, включая условия выбытия из членов общественных объединений по возрасту, определяются уставами соответствующих общественных объединений.

Общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм:

- общественная организация;
- общественное движение;

1 Парасюк Е. А. Общественные объединения и органы государственной власти в России: становление и развитие механизма взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2005. — № 4. — С. 187–189.

2 «Об общественных объединениях» от 14.03.1995 № 82-ФЗ. — ст. 5 (ред. от 28.12.2013)

Тимербаев Р. Р.,

Кадымов А. А.

- общественный фонд;
- общественное учреждение;
- орган общественной самодеятельности;
- политическая партия.

Общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан.

Общественным движением является состоящее из участников и не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения.

Общественный фонд является одним из видов некоммерческих фондов и представляет собой не имеющее членства общественное объединение, цель которого заключается в формировании имущества на основе добровольных взносов, иных не запрещенных законом поступлений и использовании данного имущества на общественно полезные цели. Учредители и управляющие имуществом общественного фонда не вправе использовать указанное имущество в собственных интересах.

Общественным учреждением является не имеющее членства общественное объединение, ставящее своей целью оказание конкретного вида услуг, отвечающих интересам участников и соответствующих уставным целям указанного объединения.

Органом общественной самодеятельности является не имеющее членства общественное объединение, целью которого является совместное решение различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы или учебы, направленное на удовлетворение потребностей неограниченного круга лиц, чьи интересы связаны с достижением уставных целей и реализацией программ органа общественной самодеятельности по месту его создания³.

Согласно частям 1, 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Идеологическое многообразие понимается как право отдельной личности, социальных групп, политических партий и общественных объединений:

1) беспрепятственно разрабатывать теории, взгляды, идеи относительно экономического, политического, правового и иного устройства Российской Федерации, зарубежных государств и мировой цивилизации в целом;

2) пропагандировать свои взгляды, идеи с помощью средств массовой информации: прессы, радио, телевидения, а также

путем издания монографических и научно-популярных работ, трудов, статей и т.п.;

3) вести активную деятельность по внедрению идеологии в практическую сферу: разрабатывать программные документы партии, готовить законопроекты, иные документы, предусматривающие меры по совершенствованию, переустройству социального и политического строя Российской Федерации;

4) публично защищать свои идеологические воззрения, вести активную полемику с иными идеологиями;

5) требовать по суду или через иные органы государства устранения препятствий, связанных с реализацией права на идеологическое многообразие.

Гражданское общество в России возможно при многочисленных свободных ассоциациях граждан с многообразными взаимосвязями между ними, уважающих законы государства, умеющих и желающих влиять на эти законы и не позволяющих вмешиваться в свою повседневную деятельность никаким государственным чиновникам.

Ключевым понятием гражданского общества является понятие «гражданин». Гражданином является «субъект жизни общества, активно влияющий на процесс его изменений». В рамках гражданского общества, понимаемого как коммуникативный процесс, понятие «гражданин» раскрывается через понятие «участие», т.е. через его деятельность в различных общественных организациях и институтах⁴.

Таким образом, практика последних лет показала, насколько необходима развитая система общественных объединений. С их помощью люди могут совместно решать общие проблемы, удовлетворять и защищать свои потребности и интересы в сфере политики, экономики, культуры, во всех областях общественной жизни. Это независимые от государства организации, способные влиять на государственные институты и в то же время ограждать от их необоснованного вмешательства в общественную жизнь.

Пристатейный библиографический список

1. Парасюк Е. А. Общественные объединения и органы государственной власти в России: становление и развитие механизма взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2005. — № 4.
2. «Об общественных объединениях» от 14.03.1995 № 82-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СПС КонсультантПлюс.
3. Сунгуров А. Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. — 1999. — № 6.
4. Сунгуров А. Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. — 1999 г. — № 6 — С. 34–48.

3 Там же. — Ст. 8–12.

Посулихина Н. С.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ПРОЦЕДУР ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены тенденции развития процедур лицензирования медицинской деятельности в Российской Федерации, зарубежный опыт правового регулирования процедур лицензирования, концепция лицензирования профессиональной деятельности медицинских работников, система врачебного самоуправления и корпоративной ответственности.

Ключевые слова: лицензия, медицинская деятельность, процедура, профессиональная деятельность, врачебное самоуправление.

Posulikhina N. S.

IMPROVING ADMINISTRATIVE LEGAL PROCEDURES OF LICENSING MEDICAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses development tendencies of medical activity licensing procedures in the Russian Federation, foreign experience of legal regulation of licensing procedures, concept of licensing of professional activity of health workers, the system of medical self-government and corporate liability.

Keywords: license, medical activity, procedure, professional activity, medical self-government.

Посулихина Н. С.

Институт лицензирования является одним из наиболее динамично развивающихся институтов административного права¹. С одной стороны, общепризнана необходимость сокращения административного вмешательства в предпринимательскую деятельность. С другой стороны, как подчеркивал один из классиков политической экономики Адам Смит, только государство в интересах нации может ограничить алчность монополистов, авантюризм банкиров и эгоизм торговцев². При этом лицензирование является одним из основных инструментов государственного регулирования предпринимательской деятельности, традиционно используемых с целью охраны общезначимых интересов³.

Осуществление государственной власти всегда связано с реализацией функций государства. Одной из важнейших функций государства, в особенности социального, которым согласно ст. 7 Конституции РФ⁴ провозглашается Россия, является создание системы независимой оценки качества социальных учреждений, в том числе в сфере здравоохранения. Неотъемлемым элементом такой системы является функционирование эффективного отлаженного механизма лицензирования медицинской деятельности, закономерные тенденции развития которого должны отражать современные потребности общества в обеспечении условий для демократизации лицензионного процесса, его открытости и доступности для физических и юридических лиц.

С учетом этого положения актуальной и сложной для науки административного права представляется проблема административно-правового регулирования в сфере здравоохране-

ния. Развитие рыночного сектора экономики актуализирует проблему поиска современных механизмов государственного управления, которое проявляется не столько в форме прямого командного воздействия, сколько в других формах государственного регулирования, к которым, в частности, относятся административно-правовые процедуры лицензирования медицинской деятельности.

В русле реформирования лицензионно-разрешительной системы в сфере здравоохранения (формирования современной правовой базы, оптимизации образовательной программы, направленной на повышение квалификации медицинских работников, обновления требований к материально-техническому оснащению медицинских организаций) и в целях создания эффективно действующего механизма оценки уровня квалификации медицинского работника обозначены приоритетные направления дальнейшего совершенствования процедур лицензирования медицинской деятельности. Качество оказываемой медицинской помощи в значительной мере предопределяется профессионализмом медицинского работника. Как отмечал в Послании Федеральному Собранию РФ В. В. Путин, несмотря на все технические новации в медицине, всегда ценились именно личные качества врача⁵. В этой связи одной из приоритетных задач программы «Развитие здравоохранения»⁶ является обеспечение системы здравоохранения высококвалифицированными и мотивированными кадрами. В то же время глава государства констатировал возможность и необходимость дальнейшего прогресса в реализации демографических программ и, как следствие, достижения новой качественной динамики в снижении смертности⁷. В последние годы многое удалось сделать. В России отмечается естественный прирост населения. Ожидается, что по итогам 2014 г., с учетом Крыма и Севастополя, численность населения России

1 Шишов М. А. Актуальные вопросы лицензирования отдельных видов деятельности // Административное право и процесс. — 2013. — № 8. — С. 57–61.

2 Соколова Э. Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. — М.: Юриспруденция, 2009.

3 Субанова Н. В. Лицензирование предпринимательской деятельности: правовое регулирование, ответственность, контроль: монография. — М.: Статут, 2011.

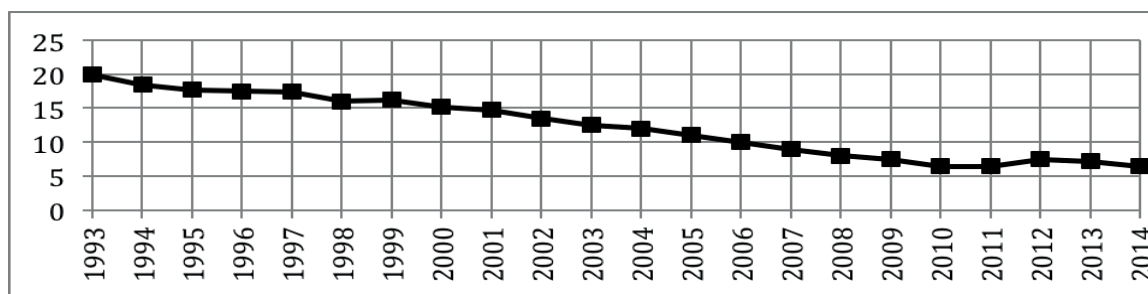
4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. — № 31. — Ст. 4398.

5 Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. // Парламентская газета. — 5–11 декабря 2014 г. — № 43.

6 Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства РФ. 28.04.2014. — № 17. — Ст. 2057.

7 Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. // Парламентская газета. — 5–11 декабря 2014 г. — № 43.

Рис. 1. Динамика уровня младенческой смертности в Российской Федерации

превысит 146 млн человек⁸. Непосредственное влияние на демографические показатели оказывает уровень младенческой смертности, в связи с чем данная характеристика приобретает особую социальную значимость. Младенческая смертность является общепризнанным критерием оценки эффективности репродуктивно-демографического развития и индикатором социально-экономического благополучия общества⁹. Анализ динамики общероссийских показателей младенческой смертности в Российской Федерации свидетельствует о неуклонном ее снижении (рис. 1).

В то же время данные перинатальной смертности в учреждениях одного уровня родовспоможения в сравнимых районах в значительной степени отличаются друг от друга (рис. 2), что свидетельствует о наличии системных дефектов в механизме организации родовспоможения женщинам в учреждениях с наихудшими показателями¹⁰.

С учетом этого осуществляется реформа, связанная с реструктуризацией коечного фонда стационаров, работающих в системе обязательного медицинского страхования, и созданием мощных многопрофильных клиник, где будут сконцентрированы койки для интенсивного лечения пациентов с острыми состояниями и обострениями хронических заболеваний¹². Стратегия модернизации стационарного звена направлена на оптимизацию оказания медицинской помощи в стационарных условиях на основе интенсификации занятости койки с учетом ее профиля, развития стационарозамещающих технологий, а также модернизации структуры сети путем объединения маломощных больниц и поликлиник

с целью организации окружных (межкрупных) специализированных центров¹³.

В этой связи анализ общих сведений о состоянии перинатальной смертности актуализирует необходимость всестороннего изучения и использования рекомендаций организационного характера с целью повышения качества медицинской помощи, обусловленного совершенствованием приемов, методов и средств, обеспечивающих эффективное осуществление административно-правовых процедур лицензирования медицинской деятельности.

В современных условиях не сформирована централизованная система государственного контроля за качеством работы медицинских организаций, в том числе система оценки качества работы медицинских работников в структуре лечебных учреждений¹⁴. Как следствие — комплекс мер по реформированию системы здравоохранения должен отражать корреляционную связь с обозначенным ведущим направлением государственной политики. Фундаментальный вклад в реализацию поставленных главой государства задач позволит внести разработка концепции лицензирования профессиональной деятельности медицинских работников как одного из базовых механизмов государственного управления качеством оказываемой медицинской помощи.

Основными аргументами, к которым прибегает автор в целях формирования доказательственной базы, оправдывающей идею введения процедуры лицензирования профессиональной деятельности медицинских работников, целесообразно считать следующие положения:

1. Необходимо подчеркнуть, что среди научных и практических деятелей неоднократно высказывались соображения

8 См.: Там же.

9 Суханова Л. П., Бушмелева Н. Н., Сорокина З. Х. Младенческая смертность в России с позиций достоверности ее регистрации // Социальные аспекты здоровья населения. — 2012. — № 6.

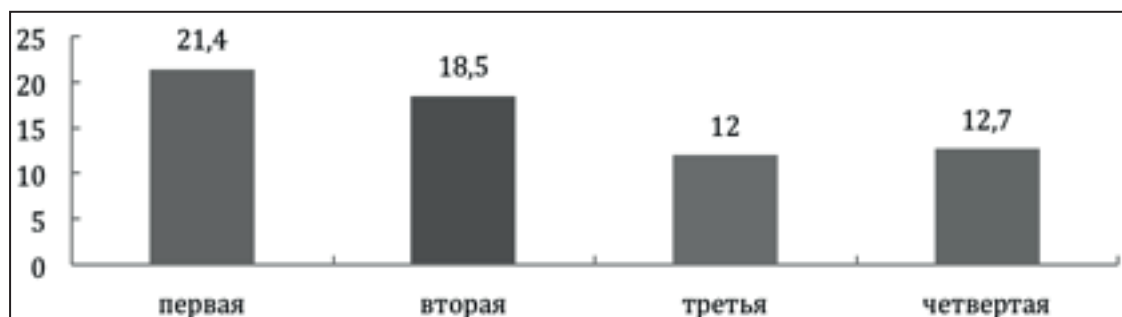
10 Ветров В. В., Петренко Ю. В., Иванов Д. О., Сукманюк С. Ю. Анализ причин перинатальной смертности в одном из регионов Российской Федерации // Вестник Росздравнадзора. — 2014. — № 4. — С. 16.

11 См.: Там же. — С. 15.

12 Главный приоритет ближайшей перспективы — реструктуризация коечного фонда столичных стационаров // Здравоохранение. — № 12. — 2014. — С. 10.

13 Постановление Правительства Московской области от 01.10.2014 № 823/38 «Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения, направленные на повышение эффективности в сфере здравоохранения Московской области на 2014–2018 гг.» // Ежедневные новости. — Подмосковье. 07.11.2014. — № 207.

14 Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. // Парламентская газета. — 5–11 декабря 2014 г. — № 43.

Рис. 2. Показатели перинатальной смертности в четырех родильных отделениях ЦРБ первого уровня родовспоможения¹¹.

подобного рода. Подтверждением тому могут служить материалы Всероссийской научно-практической конференции «Медицина и качество — 2009», организованной Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения и социального развития совместно с Всероссийской организацией качества.

В работе конференции приняли участие более тысячи специалистов органов и учреждений системы здравоохранения, в том числе депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, представители законодательной и исполнительной власти субъектов, Генеральной Прокуратуры РФ, ученые Российской академии медицинских наук, руководители и специалисты научно-исследовательских институтов и медицинских образовательных учреждений, лечебно-профилактических и аптечных организаций. Автор уделяет особое внимание данному мероприятию в связи с его масштабностью и научно-практической значимостью. Результатом состоявшегося обсуждения вопросов улучшения качества медицинской помощи участниками пленарного заседания явилось определение стратегических направлений модернизации системы здравоохранения в Российской Федерации, одним из которых стал вопрос о лицензировании не только деятельности учреждений здравоохранения и индивидуальных предпринимателей, но и деятельности врача как специалиста¹⁵.

2. Анализируя зарубежный опыт правового регулирования лицензирования, в первую очередь в США, нельзя не обратить внимание на ключевую роль профессиональных сообществ во введении лицензирования различных видов деятельности, в том числе медицинской. Несмотря на то, что исторический путь развития института лицензирования в Российской Федерации значительно отличается от американской модели, тем не менее в отечественной научной литературе встречаются мнения о повышении роли профессиональных сообществ в механизме лицензирования. Например, профессор А. Ф. Ноздрачев в одной из своих работ отмечает, что в обеспечении прав граждан на качественную и доступную медицинскую помощь важнейшая роль отводится контролирующим органам федерального и регионального уровня, эффективность деятельности которых на сегодняшний день не отвечает всем предъявляемым к ним требованиям и ожиданиям гражданского общества. В связи с этим изменение существующей ситуации возможно с помощью активного вовлечения профессионального сообщества и структур гражданского общества к проведению контроля в сферах здравоохранения¹⁶.

3. При анализе перспектив реализации концепции лицензирования профессиональной деятельности медицинских работников необходимо обратиться к документам Всемирной медицинской ассоциации, а именно — к Мадридской декларации о профессиональной автономии и саморегулировании (Мадрид, октябрь 1987 г.). Согласно Мадридской декларации профессиональная автономия заключается в том, что врачи могут свободно осуществлять свое профессиональное суждение в уходе и лечении своих пациентов. Это — важный принцип медицинской этики. Из права на профессиональную автономию следует необходимость саморегулирования медицинской профессии на постоянной основе. В дополнение к любому другому источнику регулирования, которое может быть применено к индивидуальным врачам, сама медицинская профессия должна отвечать за регулирование профессионального поведения и действия врачей¹⁷. Тезис о повышении влияния

профессиональных врачебных объединений и медицинских организаций на принятие решений в сфере здравоохранения нашел свое отражение в прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. как одно из направлений стратегического планирования развития Российской Федерации¹⁸. Существенный импульс активизации взаимоотношений врачебного сообщества и Минздрава России обеспечило принятие приказа № 105¹⁹ в целях развития государственно-общественных форм управления. Приказом утвержден Регламент взаимодействия, согласно которому все проекты нормативных правовых актов, разрабатываемых министерством и касающихся профессиональной деятельности медицинских работников, согласуются с Национальной медицинской палатой. С учетом изложенного следует сделать вывод, что принятие указанного регламента — это не просто организационная мера воздействия, направленная на повышение прозрачности государственного управления, но и нормативно выраженное намерение государства расширять возможности непосредственного участия врачебного корпуса в государственной политике в сфере здравоохранения. Выявленные тенденции предопределяют необходимость разработки новой концепции качественного изменения уровня вовлеченности профессионального сообщества в процесс лицензирования медицинской деятельности. Данная задача может быть решена посредством использования процедуры лицензирования профессиональной деятельности медицинских работников.

4. Еще одним аргументом, подтверждающим состоятельность выдвинутого автором постулата о введении процедуры лицензирования врачей-специалистов, является тот факт, что отсутствие указанного механизма лицензирования создает предпосылки для ограничения развития организаций здравоохранения негосударственной формы собственности, несмотря на законодательное закрепление такой возможности. В качестве примера следует рассмотреть деятельность медицинских учреждений по психиатрическому и наркологическому освидетельствованию граждан. В соответствии с Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 мая 2012 г. № 566н²⁰ медицинскую помощь в виде освидетельствования врачом-психиатром можно получить не только в медицинских учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения, но и в кабинете врача-психиатра медицинской организации частной формы собственности, имеющей лицензию на соответствующий вид деятельности. Для полноценного обследования пациента врач-психиатр должен не просто произвести внешний осмотр, но и сделать запрос в психоневрологический диспансер по месту жительства освидетельствуемого с целью выяснения, не состоит ли данное

15 Резолюция V юбилейной всероссийской научно-практической конференции «Медицина и качество — 2009» // Вестник Росздравнадзора. — 2010. — № 1. — С. 4–5.

16 Правовое регулирование государственного контроля: монография / Отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013.

17 Романовский Г. Б. Правовой статус профессиональных некоммерческих организаций // Правовые вопросы в здравоохранении. — 2014. — № 9. — С. 66.

18 Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (разработан Минэкономразвития РФ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. — Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06.

19 Приказ Минздрава России от 13.03.2014 № 105 «О взаимодействии Министерства здравоохранения Российской Федерации с Некоммерческим партнерством «Национальная Медицинская Палата» при подготовке нормативных правовых актов, касающихся профессиональной деятельности медицинских работников» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/8046>.

20 Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 мая 2012 г. № 566н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» // Российская газета. — 25.07.2012. — № 168.

лицо на учете в специализированном лечебном учреждении²¹. Важно отметить, что со стороны работодателя не представляется возможным осуществлять тотальный контроль за производством соответствующих запросов и получением ответов на них. В связи с чем профессиональная ответственность за добросовестность в работе врача-психиатра, осуществляющего медицинское освидетельствование, ложится на самого доктора. Тем не менее факт выявления некавалифицированных действий со стороны врача-специалиста уполномоченными органами исполнительной власти является основанием для привлечения к административной ответственности не врача-исполнителя, а его работодателя. Следовательно, создаются условия для увеличения риска привлечения к административной ответственности медицинской организации и минимизации ответственности врача за недобросовестную работу. Все это тормозит предоставленную законодателем возможность развития частного сектора в сфере здравоохранения.

5. Для подтверждения прогрессивности предлагаемых автором мер по реформированию процедуры лицензирования медицинской деятельности целесообразно обратиться к зарубежному опыту, в частности к опыту Германии. Для осуществления медицинской деятельности в Германии каждому врачу необходимо выполнить ряд условий, а именно:

- получить диплом о высшем профессиональном образовании;
- получить разрешение на врачебную деятельность в Германии (аккредитация выдается Земельной врачебной палатой);
- получить сертификат врача-специалиста, выданный врачебной палатой;
- получить допуск Ассоциацией врачей больничных касс к врачебной деятельности в частной практике (лицензия). Среди документов, необходимых для получения разрешения на клиническую деятельность, важно отметить следующие: справка о несудимости; трудовая книжка и др.

В то же время отечественная практика построения модели профессионального саморегулирования на примере успешного функционирования адвокатских и нотариальных палат должна служить главным ориентиром в процедуре реализации концепции лицензирования профессиональной деятельности медицинских работников.

С учетом изложенного обозначим основные гипотезы проведенного исследования:

1) познание в рамках административного права и процесса сущности государственного управления предполагает разработку и реализацию наиболее эффективных, научно обоснованных практических рекомендаций по совершенствованию административно-правовых процедур лицензирования медицинской деятельности;

2) на современном этапе развития административного процесса существуют объективные предпосылки практической реализации правовой процедуры лицензирования профессиональной деятельности медицинских работников в общей системе административных процедур, что будет способствовать проведению эффективной оценки уровня квалификации специалистов, и как следствие — повышению качества предоставляемой медицинской помощи, а также решению целого ряда стратегических задач, отмеченных в прогнозе социально-эконо-

мического развития Российской Федерации²², среди которых: существенное улучшение демографических показателей и показателей состояния здоровья населения; снижение общего коэффициента смертности, в том числе среди трудоспособного населения; увеличение средней продолжительности жизни; создание системы здравоохранения, способной конкурировать со здравоохранением развитых европейских стран; повышение влияния профессиональных врачебных объединений и медицинских организаций на принятие решений в сфере здравоохранения;

3) алгоритм реализации представленной авторами концепции должен найти отражение в специальном законе «О лицензировании профессиональной деятельности медицинских работников»;

4) рассматриваемая концепция призвана стать основой системного подхода к повышению уровня открытости федеральных органов исполнительной власти в процессе лицензирования медицинской деятельности, включающего в том числе создание методологической основы для дополнения и совершенствования действующей правовой базы.

Таким образом, вышеуказанные обстоятельства обуславливают актуальность рассмотренной проблематики в рамках анализа форм государственного регулирования в сфере здравоохранения.

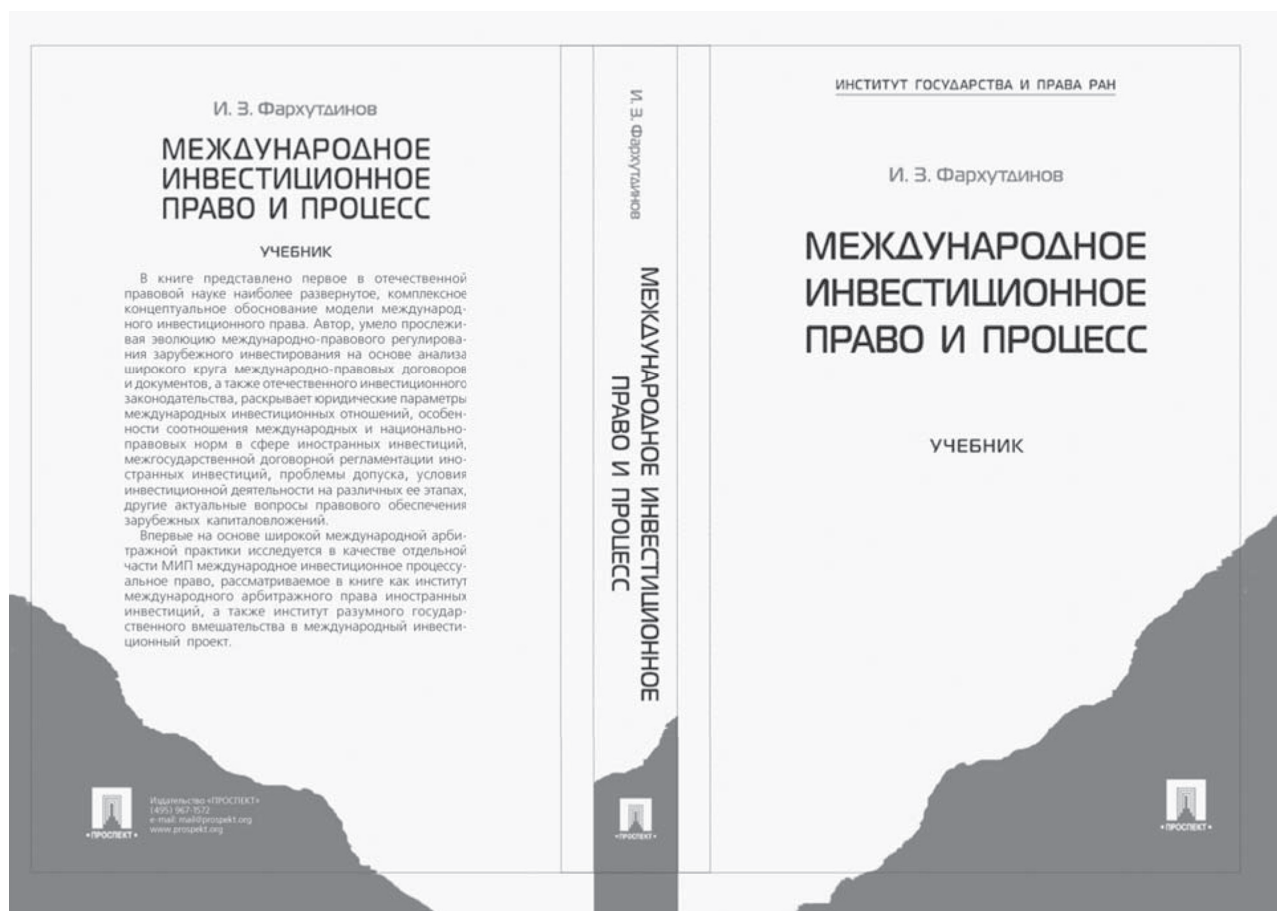
Пристатейный библиографический список

1. Ветров В. В., Петренко Ю. В., Иванов Д. О., Сукманюк С. Ю. Анализ причин перинатальной смертности в одном из регионов Российской Федерации // Вестник Росздравнадзора. — 2014. — № 4.
2. Главный приоритет ближайшей перспективы — реструктуризация коечного фонда столичных стационаров // Здравоохранение. — 2014. — № 12.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. — № 31. — Ст. 4398.
4. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. // Парламентская газета. 5–11 декабря 2014 г. — № 43.
5. Постановление Правительства Московской области от 01.10.2014 № 823/38 «Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения, направленные на повышение эффективности в сфере здравоохранения Московской области на 2014–2018 годы» // Ежедневные новости. Подмосковье. 07.11.2014. — № 207.
6. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства РФ. 28.04.2014. — № 17. — Ст. 2057.
7. Правовое регулирование государственного контроля: монография / Отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013.
8. Приказ Минздрава России от 13.03.2014 № 105 «О взаимодействии Министерства здравоохранения Российской Федерации с Некоммерческим партнерством

21 Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 апреля 2011 г. № 302н «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда» // Российская газета. — 28.10.2011. — № 243 (без приложений 1 и 2); 04.04.2012. № 73 (Приложения 1–2).

22 Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (разработан Минэкономразвития РФ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. — Режим доступа: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06.

- «Национальная Медицинская Палата» при подготовке нормативных правовых актов, касающихся профессиональной деятельности медицинских работников» // Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/8046>.
9. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 мая 2012 г. N 566н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» // Российская газета. — 25.07.2012. — № 168.
 10. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 апреля 2011 г. № 302н «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда» // Российская газета. 28.10.2011. № 243 (без приложений 1 и 2); 04.04.2012. № 73 (Приложения 1–2).
 11. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (разработан Минэкономразвития РФ) // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06.
 12. Резолюция V юбилейной всероссийской научно-практической конференции «Медицина и качество — 2009» // Вестник Росздравнадзора. — 2010. — № 1.
 13. Романовский Г. Б. Правовой статус профессиональных некоммерческих организаций // Правовые вопросы в здравоохранении. — 2014. — № 9.
 14. Соколова Э. Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. — М.: Юриспруденция, 2009.
 15. Субанова Н. В. Лицензирование предпринимательской деятельности: правовое регулирование, ответственность, контроль: монография. — М.: Статут, 2011.
 16. Суханова Л. П., Бушмелева Н. Н., Сорокина З. Х. Младенческая смертность в России с позиций достоверности ее регистрации // Социальные аспекты здоровья населения. — 2012. — № 6.
 17. Шишов М. А. Актуальные вопросы лицензирования отдельных видов деятельности // Административное право и процесс. — 2013. — № 8.

Илюхина И. Б., Самородова Е. М.
ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ
БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются необходимость и подходы к экономико-правовому регулированию банковской сферы в условиях экономической и геополитической нестабильности в мире. Отмечается взаимосвязь макрорегулирования банковской сферы с регулированием всех макроэкономических процессов, связанных с денежно-кредитными отношениями.

Ключевые слова: банковский сектор, финансовые рынки, государственное регулирование, банковское законодательство.

Ilyukhina I. B., Samorodova E. M.
APPROACHES TO STATE REGULATION
OF THE RUSSIAN BANK SPHERE IN MODERN CONDITIONS

In article the need and approaches to economical legal regulation of the bank sphere in the conditions of economic and geopolitical instability in the world are considered. The interrelation of macroregulation of the bank sphere with regulation of all macroeconomic processes connected with the monetary relations is noted.

Keywords: banking sector, financial markets, state regulation, banking legislation.

Необходимость государственного регулирования банковского сектора давно признана всеми экономическими системами и во всех странах мира. Причина такого единодушия в первую очередь связана с проблемой потенциальной нестабильности отдельного банка и банковской системы в целом. Постоянно существующая проблема надежности банковского сектора вытекает из самой природы банков и их ведущего положения на финансовых рынках. Высокий уровень финансовой взаимозависимости, высокая доля в капитале банка быстро изымаемых денежных средств, многократное превышение активов над величиной собственного капитала могут явиться в случае ухудшения конъюнктуры финансовых рынков причиной потери ликвидности банка и кризиса платежеспособности.

В теории принято выделять три уровня регулирования банковской сферы: международный, национальный и микроуровень (саморегулирование). В конце 60-х годов XX в. в мировой банковской практике возникла идея создания системы международного контроля за деятельностью мировых финансовых рынков. Однако решение о создании Наблюдательного комитета, который был назван Базельский конкордат, было принято в начале 80-х годов. В настоящее время Комитет регулирует отдельные вопросы бухгалтерского учета, разрабатывает методы формирования резервов с целью покрытия долгов и методы контроля ликвидности банковских учреждений, а также дает рекомендации по ряду других проблем. При этом следует отметить, что межгосударственные соглашения в банковской сфере направлены лишь на гармонизацию норм и правил национального регулирования, либерализацию деятельности банковского сектора и регламентацию требований к ним в разных странах. Определяющим в регулировании банковской сферы все-таки является национальный уровень.

Макрорегулирование банковской сферы связано с регулированием государством всех макроэкономических процессов, связанных с денежно-кредитными отношениями. При этом воздействие государства осуществляется на все структурные элементы банковской системы. В рамках макроэкономического государственного регулирования принимаются основные направления единой государственной денежно-кредитной политики, осуществляются иные меры, прямо или косвенно влияющие на состояние банковской системы и внутреннюю политику в государстве.

Ведущее место в государственном регулировании банковской сферы занимает банковское законодательство. Как и любой вид предпринимательской деятельности, банковская сфера

нуждается в адекватной современным экономическим условиям правовой базе. Особенностью российского банковского законодательства является множество различных нормативных актов. В настоящее время в России комплекс экономических отношений в банковской сфере регулируется более чем сотней законов и более чем двумя тысячами подзаконных правовых актов. При этом количество правовых актов не является показателем достаточного уровня развития банковского законодательства.

Конечно, в последние годы велась активная работа по приведению банковского законодательства РФ в соответствие с рекомендациями Базельского комитета и общемировыми тенденциями в банковской сфере. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, многие проблемы законодательного обеспечения развития банковского сектора российской экономики остаются нерешенными.

Примером пробелов в банковском законодательстве является отсутствие на данный момент в Российской Федерации норм регулирования эмиссии кредитных карт и операций по ним на уровне федерального закона. Часть аспектов данного вопроса регулируются смежными нормативными актами, а конкретные вопросы регулирования эмиссии кредитных карт и операций с ними банки осуществляют в соответствии с собственными внутренними правилами. Проект Федерального закона «Об использовании платежных карт в Российской Федерации» существует с 1998 г., но до сих пор не принят. Мы считаем, что отсутствие федерального закона, регулирующего операции по кредитным картам, в некоторой степени сдерживает распространение кредитных карт среди населения, так как до сих пор к кредитным картам некоторые слои населения относятся со значительной долей осторожности.

Кроме того, по мнению многих специалистов, необходимо в ближайшее время определиться с вопросами нормативного регулирования коллекторской деятельности. До сих пор в стадии проекта находится закон о деятельности по взысканию просроченной задолженности с физических лиц. Целью такого закона должно стать усиление гарантий прав потребителей

Илюхина И. Б.

Самородова Е. М.

и построение эффективной системы мер по борьбе с недобросовестными взыскателями. Еще одной проблемой российского банковского законодательства является отсутствие правовых норм, регулирующих процедуру синдицированного кредитования. При этом данный финансовый становится все более востребованным инструментом финансового рынка.

Однако нормативная база не единственный способ государственного регулирования банковской сферы. Такого рода регулирование осуществляется и через разработки адекватных современной экономической ситуации концепций развития банковской системы и программы их реализации.

Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г. была принята в период выхода банковской системы России из кризиса и предполагаемого вхождения в период восстановления и роста. В то же время для российского банковского сектора прошедший 2014 г. стал одним из самых сложных за все время существования банковской системы России. По прогнозам специалистов, 2015 г. будет, возможно, сложнее предыдущего и, безусловно, российскому сектору потребуется поддержка государства.

Одной из важнейших задач Стратегии-2015 явилось обеспечение финансовой устойчивости банковской системы России. Однако решению обозначенных в стратегии задач помешала сложившаяся в 2014 г. экономическая и геополитическая обстановка в мире. В первой половине 2014 г. были введены секторальные санкции со стороны ЕС и США, которые имели целью ограничить возможности взаимодействия кредитной сферы России с внешними финансовыми рынками. Органам кредитно-денежного регулирования пришлось пересмотреть разработанную ранее стратегию развития банковского сектора и в ноябре 2014 г. ЦБ РФ был принят окончательный вариант Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов.

Конечно, любая стратегия развития не является нормативным документом, субъекты, на которых направлен данный документ, имеют широкие возможности ее понимания, трактовки и использования в практике. Однако неверное стратегическое позиционирование банка в национальной банковской системе может привести к проблемам для него, его клиентов, сотрудников, акционеров.

Важной проблемой российских банков в 2014 г. явилась ликвидность. Чистый отток капитала из России в 2014 г., согласно представленной ЦБ оценке платежного баланса, составил \$151,5 млрд. В сентябре 2014 г. ведущий российский экономист Сергей Глазьев в интервью «Газете.Ru» заявлял, что сохраняя свободный режим для капитальных операций, ЦБ способствует вывозу капитала. При этом, если учитывать объем валютных резервов, потраченных с начала 2014 г. на поддержание курса рубля, то, по мнению экономиста, российский финансовый рынок лишился более 4 трлн рублей. С. Глазьев открыто предлагал законодательно ограничить вывоз капитала из России. Подобную позицию озвучил и президент ассоциации «Россия» депутат Анатолий Аксаков. В интервью «Банки.ру» он отмечал, что необходимы меры вплоть до принятия «тяжелого» закона об определенных ограничениях на трансграничное движение капитала, как это сделано в Китае.

В то же время многие отечественные аналитики высказывались в том плане, что законодательные ограничения на вывоз капитала из России будут иметь негативные последствия для российских банков. В частности, это приведет к дефициту ликвидности, учитывая, что часть вкладчиков и инвесторов могут предпочесть держать средства вне банковской системы.

Правительство России в целях нормализации финансово-экономической ситуации в стране пошло в другом направле-

нии. Уже в начале декабря 2014 г. активно стал обсуждаться вопрос о проведении амнистии капиталов. Из истории известно, что «экономические амнистии» способствуют укреплению банковской системы. Одной из успешных в мировой практике экономических амнистий является амнистия, проводимая Правительством Казахстана. Следует отметить, что третья «волна» этого процесса проводится в стране в настоящее время. Власти Казахстана рассчитывают, что в ходе кампании, которая продлится до 31 декабря 2015 г., казахстанцы легализуют имущество на 10–12 млрд долларов. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в апреле 2014 г. поручил провести амнистию капитала перед введением всеобщего декларирования, которое планируется начать с 1 января 2017 г. По его мнению, легализация позволит влить дополнительные средства в экономику страны, в том числе в банковский сектор¹.

Закон об амнистии капиталов в России предполагается принять до 1 июня 2015 г. Самый важный и проблемный вопрос предстоящей амнистии, по мнению специалистов, — гарантии безопасности ее участникам. К сожалению, ни в одном из предлагаемых законопроектов (а их было представлено в Госдуму уже несколько) этот вопрос не проработан детально².

В заключение следует отметить, что в условиях экономической и политической нестабильности необходимо усиление государственного регулирования банковской сферы. Это объясняется тем, что банки могут являться проводником государственной политики по поддержке экономики страны. Они имеют возможность эффективно участвовать в разработке и реализации антикризисных мер, таких как кредитование приоритетных отраслей экономики, поддержка финансового сектора, кредитование и реструктурирование долгов крупнейших предприятий, кредитование малого и среднего бизнеса, поддержка процессов консолидации в экономике и т. д.

Пристатейный библиографический список

1. В Казахстане стартовала амнистия капитала [Электронный ресурс] // ИА Новости-Казахстан. — Режим доступа: <http://www.nur.kz/329257.html> (дата обращения: 22.03.2015.)
 2. Россия потеряла сто триллионов рублей. Интервью «Газеты.Ru» с советником президента РФ Сергеем Глазьевым [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gazeta.ru/growth/2014/09/04_a_6203541.shtml (дата обращения: 19.03.2015.)
 3. С десяток крупных российских банков находятся на пределе показателя достаточности капитала. Интервью «Банки.Ru» с президентом ассоциации «Россия» А. Аксаковым [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/interview/?id=6966431> (дата обращения: 19.03.2015.)
 4. Сазонов В. Как России провести амнистию капиталов [Электронный ресурс] // РБК Электронная ежедневная деловая газета. — Режим доступа: <http://pics-mf-mrr04.v4.rbcdaily.ru/economy/562949994199801> (дата обращения: 25.03.2015.)
-
- 1 В Казахстане стартовала амнистия капитала [Электронный ресурс] // ИА Новости-Казахстан. — Режим доступа: <http://www.nur.kz/329257.html> (дата обращения: 22.03.2015.)
 - 2 Сазонов В. Как России провести амнистию капиталов [Электронный ресурс] // РБК Электронная ежедневная деловая газета. — Режим доступа: <http://pics-mf-mrr04.v4.rbcdaily.ru/economy/562949994199801> (дата обращения: 25.03.2015.)

Михалева А. Е.

ЮРИДИЧЕСКОЕ СТРАХОВАНИЕ, ФИНАНСИРОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ И «ГОНОРАР УСПЕХА» КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье анализируются средства повышения финансовой доступности квалифицированной юридической помощи, судебной защиты нарушенных прав граждан и организаций, широко практикуемые в зарубежных странах (в Великобритании, Германии, США, Австралии и др.). Характеризуются юридическое страхование как способ защиты интересов физических и юридических лиц от риска возникновения непредвиденных расходов на оплату юридических услуг; финансирование судебных расходов, посредством которого инвестор предоставляет одной из сторон процесса денежные средства на ведение судебного разбирательства, подлежащие возврату в определенной части только в случае принятия судом благоприятного решения по делу; «гонорар успеха», являющийся одним из условий договора об оказании юридических услуг, предусматривающим дополнительное вознаграждение юриста при достижении им процессуальной победы, и рассчитываемый либо от присужденной клиенту суммы, либо от фиксированной договором «базовой стоимости» юридической помощи. Автор приходит к выводам о том, что указанные механизмы имеют общую цель, направлены на обеспечение субъектам права дополнительной экономической возможности отстаивать свои интересы за счет привлечения внешних ресурсов при одновременном перенесении финансовых рисков на других лиц. В то же время юридическое страхование, финансирование судебных расходов и «гонорар успеха» различаются между собой по субъектному составу возникающих правоотношений, порядку заключения и оформления каждого из договоров, сфере их применения и способам минимизации рисков, используемых страховщиками, инвесторами или юристами. Рассматриваемые инструменты по общему правилу не конкурируют между собой, не являются взаимозаменяемыми, а дополняют друг друга, обеспечивая максимальную правовую защищенность граждан и организаций, гарантируя беспрепятственную реализацию их прав и законных интересов. Опыт зарубежных стран представляет ценность для отечественной правовой системы и может быть заимствован для совершенствования правообеспечительных механизмов в правовом регулировании конституционного права на квалифицированную юридическую помощь и судебную защиту.

Ключевые слова: страхование расходов на юридическую помощь, квалифицированная юридическая помощь, юридические услуги, судебная защита, финансирование судебных расходов, «гонорар успеха», правовое регулирование, правовая жизнь.

Mikhaleva A. Ye.

LEGAL EXPENSES INSURANCE, LITIGATION FUNDING AND «SUCCESS FEE» AS WAYS TO INCREASE THE ACCESSIBILITY OF LEGAL ASSISTANCE IN FOREIGN COUNTRIES

The article analyzes and compares different ways to increase the financial accessibility of qualified legal assistance and means of judicial protection of citizens' and organizations' violated rights, widely used in such foreign countries as the UK, Germany, the USA, Australia, etc. Legal insurance is characterized as a method of protecting individuals and legal entities from different risks, connected with probability of unpredictable legal expenses occurrence; litigation funding is described as an instrument used by a funder to provide financing to the litigant, who is obliged to share the compensation with his investor only in case the favorable court's decision is achieved; a «success fee» is considered as an additional award, paid to a lawyer if the case is won, amount of which is determined either by the sum of client's compensation or by «normal fee», fixed in the agreement. The author comes to conclusions that mentioned mechanisms have the same target that consists of giving to subjects of law an opportunity to defend their interests by using external resources and transferring financial risks to the third party. Legal insurance, litigation funding and «success fee» could be distinguished by subjects' structure of legal relations, requirements for drawing an agreement, spheres of its application and techniques of risk minimization, used by insurers, funders or lawyers. The described instruments generally do not compete, are not the substitutes, but complement each other, providing the highest level of legal protection for citizens and organizations, full implementation of their rights and legitimate interests. The experience of foreign countries is valuable for domestic legal system and could be borrowed in order to improve the mechanisms of constitutional rights to qualified legal assistance and judicial protection guaranteeing.

Keywords: legal expenses insurance, qualified legal assistance, legal services, judicial protection, litigation funding, «success fee», legal regulation, legal life.

На сегодняшний момент финансовая доступность квалифицированной юридической помощи выступает одной из важнейших гарантий беспрепятственной реализации прав и законных интересов граждан и организаций, является фактором успешного разрешения правовых проблем, возникающих в ходе многообразных юридических взаимодействий. В зарубежных странах (например, в Великобритании, Германии, США, Австралии и др.) экономическая возможность субъектов права своевременно получать помощь компетентных специалистов по различным правовым вопросам обеспечивается такими средствами, как юридическое страхование, финансирование судебных расходов и «гонорар успеха», которые, однако, не получили должного распространения в отечественной юридической практике.

Юридическое страхование («legal insurance») представляет собой договор, который заключается между страховате-

Михалева А. Е.

лем, уплачивающим определенную сумму страховой премии, и страховщиком, принимающим на себя обязательство в предусмотренных полисом страховых случаях компенсировать понесенные застрахованным лицом затраты на юридические услуги, связанные с защитой его интересов и их представительством в судебных разбирательствах по гражданским, административным, уголовным и иным делам¹.

Финансирование судебных расходов («litigation funding»), набирающее все большую популярность в течение последнего

1 Council Directive 87/344/EEC of 22 June 1987 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.expertasig.ro/legi/directive-eec-asigurari/CouncilDirective-87.344.php> (дата обращения: 27.12.2014).

десятилетия², осуществляется по соглашению финансирующей организации, которая предоставляет денежные средства на ведение судебного процесса (в т. ч. на услуги юриста, проведение всевозможных экспертиз, оплату государственных пошлин и т. п.), и клиента, обязующегося вернуть инвестору определенный процент от присужденной суммы исключительно в случае принятия судом благоприятного решения по делу³.

«Гонораром успеха» («success fee») называется дополнительное вознаграждение, выплачиваемое юристу за процессуальную победу, «осуществление квалифицированных юридически значимых действий, связанных с отстаиванием интересов доверителей в судах и иных государственных органах»⁴.

Указанные механизмы имеют общее назначение, единую цель — обеспечение субъектам, которые претерпели нарушение своих прав, но при этом не располагают денежными средствами, необходимыми для покрытия затрат, связанных с участием в судебных процессах, возможности защитить свои интересы за счет привлечения внешних ресурсов при одновременном перенесении финансовых рисков на других лиц.

Юридическое страхование, финансирование судебных расходов и договоры об оказании юридических услуг с условиями о «гонораре успеха» при определенных обстоятельствах могут конкурировать между собой, однако преимущественно выступают комплиментарными (дополняющими друг друга) институтами, нежели субститутами (взаимозаменяемыми инструментами): при их сопоставлении становится очевидным, что количество отличительных признаков существенно превышает число схожих черт.

Во-первых, существенное различие заключается в субъектном составе правоотношений, возникающих на основании каждого из упомянутых соглашений.

При заключении договора юридического страхования одной из его сторон является страховщик (субъект оказания страховой услуги), в роли которого может выступать как страховая организация, занимающаяся предоставлением таких специализированных полисов (что характерно для большинства европейских стран)⁵, так и коллективные объединения, аналогичные по принципам своей деятельности существующим в России обществам взаимного страхования, которые формируют общий страховой фонд и с его помощью защищают интересы своих членов при возникновении предусмотренных в соглашении случаев (широко практикуется в США)⁶.

Второй стороной договора — страхователем (субъектом получения страховой услуги) — чаще всего становится физическое лицо (но также имеются программы юридического страхования, разработанные для организаций). Страхование расходов на юридическую помощь основывается на принципе свободы договора, предопределяющем отсутствие каких-либо ограничений по кругу субъектов, уполномоченных вступать

во взаимодействие со страховщиками, или по категориям дел, подлежащих рассмотрению, что выгодно отличает юридическое страхование от системы предоставления бесплатной (субсидируемой) юридической помощи, доступной крайне малому числу лиц вследствие скрупулезной проверки каждого претендента на соответствие законодательно установленным критериям (оценки нуждаемости лица, перспектив дела, возможных расходов на его ведение и др.⁷).

Важнейшим фактором эффективного функционирования системы юридического страхования, обеспечения защиты интересов клиентов является финансовая устойчивость страховых компаний, вследствие чего при заключении каждого страхового договора страховщики вынуждены, обращаясь к статистическим данным, дифференцировать размеры страховых премий в зависимости от возраста, рода занятий, семейной истории страхователя, частоты его предыдущих обращений за получением страховой выплаты (например, опыт Швеции показывает, что молодежь или малоимущие граждане наиболее часто пользуются услугами юриста по своим полисам)⁸.

Кроме того, в страховые отношения могут включаться и иные лица, на которых распространяется действие полиса: на практике часто встречаются договоры семейного страхования⁹, предоставляющие защиту не только страхователю, но и членам его семьи. При этом по условиям страхования расходов на юридическую помощь выгодоприобретателем может быть только страхователь (застрахованный), в отличие от полиса страхования ответственности, в рамках которого правом на страховую выплату (за причиненный вред) наделяется третье лицо.

Наконец, участником рассматриваемых взаимодействий является юридический помощник, возможность обратиться к которому и обеспечивается посредством юридического страхования. Однако его отношения со страховщиком и страхователем могут строиться совершенно по-разному: юрист нередко выступает штатным работником страховой компании, если таковая предусматривает самостоятельное предоставление юридических услуг своим клиентам («provision of services»)¹⁰, или, будучи организационно обособленным, доплачивает страховщику за направление клиентов в его фирму¹¹, или же внешний специалист абсолютно независим, поддерживает связь исключительно со страхователем.

При заключении договора финансирования судебных расходов одним из субъектов выступает финансирующая организация (инвестор, спонсор), которая должна иметь достаточный фонд и резервы для исполнения своих обязательств (так, капитал одной из наиболее успешных британских компаний — Harbour Litigation Funding Ltd. — составляет 180 млн фунтов стерлингов¹²). В Австралии, к примеру, для осуществления этой финансовой деятельности также требуется

2 Morgan J. Third party Funding — Legal Aspects. — P. 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.39essex.com/docs/articles/JMO_Third_Party_Funding_March2008.pdf (дата обращения: 27.12.2014).

3 Thai L. Commercial litigation funding: the need to impose regulations to improve the outcome of the shareholder class actions // Journal of the Australasian Law Teachers Association, 2011. — P. 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.alta.edu.au/resources/PDFs/JALTA/2011/Commercial%20Litigation%20Funding_Thai.pdf (дата обращения: 27.12.2014).

4 Микрюков В. А. Пределы ограничения права адвоката на «гонорар успеха» // Адвокат. — 2011. — № 11. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Riad? What is that? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://riad-online.eu/about-us/riad-what-is-that/> (дата обращения: 27.12.2014).

6 American prepaid legal service institute online [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aplsi.org/legal/#what> (дата обращения: 27.12.2014).

7 Legal Aid in Europe: Nine Different Ways to Guarantee Access to Justice? — P. 32 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hiil.org/data/sitemanagement/media/Hiil%20Legal%20Aid%20in%20Europe%20Nine%20Different%20Ways%20to%20Guarantee%20Access%20to%20Justice.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).

8 Sher J. For richer and poorer: compulsory legal insurance and access to justice // POLICY. Summer 2009–10. — Vol. 25. — № 4. — P. 15–16.

9 Regan F. Whatever happened to legal expense insurance? // Alternative law journal. — 2001. — Vol. 26. — № 6. — P. 294.

10 Kilian M. Alternatives to Public Provision: The Role of Legal Expenses Insurance in Broadening Access to Justice: The German Experience // Journal of law and society. — 2003. — Vol. 30. — № 1. — P. 34–35.

11 Bello L. In case of emergency. Consumer analysis of legal expenses insurance, 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consumerfocus.org.uk/files/2011/08/In-case-of-emergency.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).

12 Harbour Litigation Funding Ltd. About us [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.harbourlitigationfunding.com/about-us> (дата обращения: 27.12.2014).

обязательное получение специальной лицензии, соблюдение профессиональных и этических стандартов, представление отчетов о своей работе в комиссию, занимающуюся вопросами инвестирования¹³.

Второй стороной договора, соответственно, является клиент, нуждающийся в денежных средствах на оплату судебных расходов (с наибольшей вероятностью, как свидетельствует зарубежная практика, таковыми становятся коммерческие организации). Юрист в этом случае либо приглашается клиентом по предварительному соглашению, либо финансирующая организация занимает активную позицию и самостоятельно подбирает команду представителей для каждого отдельного дела¹⁴.

Если заключается соглашение с условиями о «гонораре успеха», то в правоотношение вовлекаются лишь два субъекта — юрист и его клиент¹⁵, т.е. в отличие от функционирования иных инструментов обеспечения финансовой доступности юридической помощи, присутствие каких-либо посредников или лиц, не являющихся одной из сторон договора, в таких юридических взаимодействиях не допускается.

Во-вторых, предусмотрен различный порядок заключения и оформления каждого из договоров.

Юридическое страхование осуществляется либо на условиях «до события» («before the event legal expenses insurance — VTE LE»), когда полис распространяет свое действие на ситуации, которые могут возникнуть лишь с определенной степенью вероятности, характеризуются рисковостью и случайностью, либо на условиях «после события» («after the event legal expenses insurance — ATE LE»), т.е. применительно к конкретному делу, имеющемуся правовому спору, в отношении которого остается неизвестным, какое именно решение примет суд¹⁶. Также возможно оформить полис юридического страхования отдельно («stand-alone») или же добавить страхование расходов на юридическую помощь в качестве одного из условий в основной договор страхования, например, автомобиля или домашнего имущества («add-on»)¹⁷. При этом для получения страхового полиса страхователь вносит определенную страховую премию, размер которой в среднем составляет около 175–200 евро на один год¹⁸.

Договоры финансирования судебных расходов и договоры об оказании юридических услуг, предусматривающие выплату «гонорара успеха», не могут заключаться на будущее время, применяются только к уже существующим правовым проблемам. Предварительно какие-либо денежные средства с клиента не взимаются, определенная договором сумма выплачивается лишь по факту принятия судом благоприятного решения по делу.

При финансировании судебных расходов клиент обязуется передать инвестору 25–30% присужденной ему компенсации¹⁹ (устанавливаемый договором процент зависит от величины предполагаемых судебных и иных издержек, наличия или отсутствия процессуальных преимуществ, предварительного прогноза о временных затратах на рассмотрение правового спора в суде²⁰), а последний в свою очередь рассчитывает, что его прибыль в три раза превысит понесенные расходы²¹. Однако, если дело разрешается неблагоприятным образом, то права требования возврата переданных клиенту средств у финансирующей организации не возникает.

«Гонорар успеха» функционирует на основе принципа «без победы нет оплаты» («no win — no fee»). Механизм его действия может строиться в двух основных вариантах, в зависимости от того, какая сумма становится основой исчисления дополнительного вознаграждения юридического помощника.

С одной стороны, юристу может полагаться доля от средств, присужденных клиенту вынесенным по делу решением (обычно одна треть при досудебном урегулировании конфликта, 40% за выигрыш дела в суде первой инстанции, 50% — в апелляции²²), итоговый размер которой не известен заранее («contingency fee», наиболее распространено в США)²³.

С другой стороны, договором может быть установлена «базовая» стоимость юридических услуг, от которой в случае процессуальной победы рассчитывается повышенная выплата юридическому помощнику, величина которой тем самым предварительно согласовывается субъектами возникающих правоотношений («conditional fee agreement», применяется в Великобритании, Австралии и др.)²⁴.

В-третьих, разграничение исследуемых правовых средств возможно провести по сферам их применения.

Так, услуги юридического страхования предоставляются для защиты от широкого спектра страховых рисков, связанных с возникновением непредвиденных расходов на получение квалифицированной юридической помощи по делам, вытекающим из различных видов гражданско-правовых договоров, трудовых и налоговых споров, из деликтов, уголовного преследования и др.²⁵. Однако достаточно часто страховые организации не рискуют брать на себя обеспечение интересов клиента в судебных процессах по клевете или по разбирательствам семейно-правовых споров, исход которых практически не предсказуем, признавая такие опасности исключенными²⁶.

13 Hobson T., Allen B., Moran J. Contingency fee arrangements and tighter controls for litigation funders: proposed reforms [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nortonrosefulbright.com/knowledge/publications/116720/contingency-fee-arrangements-and-tighter-controls-for-litigation-funders-proposed-reforms (дата обращения: 27.12.2014).

14 Hodges C., Peysner J., Nurse A. Litigation funding: status and issues. Research report. Centre for Socio-Legal Studies, Oxford. — P. 84 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.csls.ox.ac.uk/documents/ReportonLitigationFunding.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).

15 When you need a lawyer. Legal fees and expenses [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.americanbar.org/groups/public_education/resources/law_issues_for_consumers/lawyerfees_contingent.html (дата обращения: 27.12.2014).

16 Kilian M. Там же. — P. 33.

17 Там же. P. 33–34.

18 Velthoven B. C. J., Haarhuis C. M. K. Legal aid and legal expenses insurance, compliments or substitutes? The case of the Netherlands // Journal of Empirical Legal Studies. — 2011. — Vol. 8. — № 3. — P. 605.

19 Veljanovski C. Third Party Litigation Funding in Europe. — P. 17 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.masonlec.org/site/files/2011/07/Veljanovski-Third-Party-Funding-of-Litigation-in-Europe-31-October-2011.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).

20 Barker J. R. Third party litigation funding in Australia and Europe // Centre for Law and Economics. ANU College of Law. Working Paper. — 2011. — № 2. — P. 29–30.

21 Mechanics of Third-Party Funding Agreements: A Funder's Perspective. — P. 28 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.calunius.de/media/2244/pages-from-nieuwveld-and-shannon.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).

22 Emons W. Conditional versus contingent Fees [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://staff.vwi.unibe.ch/emons/downloads/oep_eng.pdf (дата обращения: 27.12.2014).

23 When you need a lawyer. Legal fees and expenses [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.americanbar.org/groups/public_education/resources/law_issues_for_consumers/lawyerfees_contingent.html (дата обращения: 27.12.2014).

24 Contingency fees or damages-based agreements (DBAs) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hsfnotes.com/litigation/jackson-reforms/contingency-fees-or-damages-based-agreements-dbas/> (дата обращения: 27.12.2014).

25 Bello L. Там же. — P. 21.

26 Regan F. The Swedish legal services policy remix: the shift from public legal aid to private legal expense insurance // Journal of law and society. 2003. — Vol. 30. — № 1. — P. 52–53.

Финансирование судебных расходов осуществляется по делам, подлежащим рассмотрению в гражданском или арбитражном процессе по спорам, возникающим из неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, недобросовестной конкуренции, нарушения исключительных прав, коммерческой тайны, мошенничества различных видов и иных вопросов, преимущественно связанных с коммерческой деятельностью субъектов права²⁷.

Выплата «гонорара успеха» включается в договор оказания юридических услуг по соглашению между клиентом и его юристом, но при этом, например, в США по общему правилу установление подобного условия не допустимо, если юридическая помощь предоставляется по уголовным делам или бракоразводным процессам и связанным с ними вопросам выплаты алиментов детям или бывшему супругу, раздела имущества²⁸.

В-четвертых, во всех случаях финансовые риски клиента переносятся на вторую сторону заключаемого договора — на страховщика, инвестора или юриста, которые используют разные способы для их минимизации.

Договоры включают в себя условия, предусматриваемые профессиональными участниками рынка для ограничения возможных злоупотреблений со стороны контрагентов, снижения отрицательного эффекта отдельных негативных экономических явлений, которые влияют на правовые взаимодействия в области финансового обеспечения доступности квалифицированной юридической помощи.

Так, на отношения в сфере юридического страхования существенное воздействие оказывает «неблагоприятный отбор» страхователей («adverse selection»), т.е. тенденция приобретения страховых полисов преимущественно теми лицами, которые склонны часто попадать в ситуации, признаваемые страховыми случаями, неоднократно обращаясь к страховщику за получением страховой выплаты вследствие несения расходов на получение юридических услуг. Подобное положение дел в результате может привести к удорожанию страховки для всех клиентов или вообще к отказу страховой организации от оказания услуг по страхованию определенных категорий рисков²⁹.

Опасность для страховщиков представляет феномен «субъективного риска» («moral hazard»). Сущность этого явления заключается в менее ответственном отношении страхователей к своей деятельности, определенном легкомыслии, закономерным следствием которых опять же может стать вынужденное увеличение размера страховых премий с целью поддержания устойчивости страхового фонда, а значит и последующее снижение спроса на услуги страхования, способное повлечь экономический спад на страховом рынке.

В контексте юридического страхования негативный эффект «субъективного риска» обнаруживается в следующем.

С одной стороны, застрахованные лица, уверенные в доступности квалифицированной юридической помощи, демонстрируют большую активность в правовой сфере, готовность к вступлению в юридические конфликты, в меньшей степени опасаются отстаивать свои права в судебном процессе, максимально используя преимущества страхового договора.

С другой стороны, страховщик может столкнуться с аналогичным поведением юридического помощника, который, полагаясь на наличие у клиента дополнительных внешних ресурсов финансирования, способен принимать не вполне взвешенные

решения, особенно злоупотребляя этими возможностями в условиях почасового режима оплаты своих услуг³⁰.

Однако по данным социологических исследований, влияние «субъективного риска» в сфере страхования расходов на юридическую помощь не столь значительно: например, в Нидерландах застрахованные обращаются в суд лишь на 8% чаще, нежели лица, не имеющие такого полиса³¹.

Также в рассматриваемом виде страхования неизбежно присутствие «положительного внешнего эффекта» («positive externalities»), вызывающего возникновение так называемой «проблемы безбилетника» («the free rider problem»).

По общему правилу страхование не влечет за собой появление каких-либо дополнительных благ для третьих лиц, однако юридическое страхование выступает своего рода исключением: граждане, пользующиеся полисами страхования расходов на юридическую помощь, имеют, по крайней мере, большую финансовую возможность для получения квалифицированных юридических услуг, обращения в суд за защитой своих прав и законных интересов, что учитывается потенциальным правонарушителем, опасаясь привлечения к ответственности, и служит дополнительным средством сдерживания противоправного поведения, снижая вероятность причинения вреда не только застрахованному лицу, но и другим людям, которые таким образом извлекают выгоду из того, за что сами не платят³².

Среди мер, применяемых страховщиками для минимизации указанных выше препятствий бездефектному развитию страховых взаимодействий, можно особо выделить включение в условия полиса франшизы, определяющей часть ущерба, не компенсируемого страховщиком, выраженную абсолютной величиной (например, в Германии — 150 евро³³) или долей (20% от расходов на юридическую помощь в Швеции³⁴). Кроме того, возможно установление временного периода с момента заключения договора, лишь по истечении которого последний начинает действовать, либо ограничение количества заявлений о выплате страховых возмещений, которые возможно подать на рассмотрение в страховую компанию (так, в Германии договор со страхователем может быть расторгнут на основании превышения им фиксированного лимита обращений по страховым случаям за год³⁵).

Индустрия финансирования судебных расходов в целях обеспечения стабильного развития своего бизнеса выработала ряд правил, позволяющих выгодно вкладывать денежные средства в те или иные судебные процессы, не опасаясь понести серьезные убытки (что наглядно иллюстрируется статистическими данными, согласно которым финансирование предоставляется в среднем лишь 5% обратившихся³⁶): учитывается цена иска (например, минимальный приемлемый размер может составлять от 100 тыс. евро до 3 млн евро³⁷); обоснованность правовой позиции (вероятность принятия судом благоприятного решения должна быть как минимум 60%³⁸); платежеспособность процессуального оппонента; пропорциональность

27 Commercial litigation funding. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://trimarklegalfunding.com/commercial/commercial-litigation.htm> (дата обращения: 27.12.2014).

28 Tigueros A. Contingency Fee Lawyers. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.legalmatch.com/law-library/article/contingency-fee.html> (дата обращения: 27.12.2014).

29 Faure M. G., Mot J. P. B. Comparing Third Party Financing of Litigation and Legal Expenses Insurance // Journal of Law, Economics and Policy. — 2012. — Vol. 8. — № 3. — P. 759–761.

30 Там же. P. 762–763.

31 Velthoven B. C. J., Haarhuis C. M. K. Там же. — P. 596.

32 Faure M. G., Mot J. P. B. Там же. — P. 765–766.

33 Kilian M. Там же. — P. 38.

34 Sher J. Там же. — P. 14.

35 Kilian M. Там же. — P. 38.

36 Hodges C., Peysner J., Nurse A. Там же. — P. 42.

37 The Litigator. Edition 10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mills-reeve.com/files/Publication/e92db0da-7b11-46aa-856c-ab6ac8d734a7/Presentation/PublicationAttachment/3b57c94a-2659-4b03-a769-ad1c555c7b7b/2458.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).

38 High Court finds litigation funder was entitled to terminate funding agreement. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hsfnotes.com/litigation/2013/09/18/high-court-finds-litigation-funder-was-entitled-to-terminate-funding-agreement/> (дата обращения: 27.12.2014).

соотношения между возможными затратами и полученной компенсацией³⁹.

При принятии решения о возложении на себя обязательства по ведению дела на условиях «гонорара успеха» юристы тщательно просчитывают возможные риски, поскольку в ином случае временные, финансовые и иные затраты попросту не окупятся. Так, к вниманию принимается позиция ответчика (т.е. насколько просто будет доказать, что процессуальный оппонент должен выплатить определенную сумму), размер возможных компенсаций (например, средний минимум по делам, связанным с дорожно-транспортными происшествиями, составляет 5 тыс. долларов⁴⁰), реальная способность ответчика платить по долгам⁴¹.

Юридическое страхование, финансирование судебных расходов, «гонорар успеха» направлены на обеспечение высокого уровня правовой защищенности граждан и организаций посредством предоставления дополнительных гарантий доступности квалифицированной юридической помощи и судебной защиты нарушенных прав и законных интересов. Представляется, что именно их сочетание может дать наибольший положительный эффект, поскольку при помощи рассматриваемых правовых инструментов разрешаются проблемы разного уровня, затрагивающие как интересы отдельной личности, так и государства и общества в целом:

– страхование расходов на юридическую помощь предназначено для предоставления правовой защиты наиболее широкому кругу лиц, характеризуется массовостью, поскольку в целях формирования устойчивого страхового фонда и оптимального распределения рисков требуется привлечение как можно большего количества страхователей (например, в Великобритании по состоянию на 2008 г. полисы юридического страхования имелись у 59% граждан⁴²), а сам страховой договор может быть заключен практически каждым, отдельные характеристики клиента влияют лишь на размер страховой премии, подлежащей уплате. Особенность юридического страхования заключается в возможности его применения в правовых спорах, не затрагивающих имущественных интересов, а также в выполняемой им функции стабилизации социально-правовых взаимодействий, т.е. нивелировании опасений субъектов права по поводу неопределенности негативных последствий тех или иных неподконтрольных и непредсказуемых событий, способных оказать воздействие на их нормальную жизнедеятельность;

– финансирование судебных расходов — средство индивидуальной защиты (преимущественно для коммерческих организаций), поскольку инвесторы работают с каждым отдельным случаем в особом порядке, отсутствуют какие-либо единые стандартизированные подходы. Возможность заключить договор финансирования расходов на судебное разбирательство позволяет активизировать предпринимательскую деятельность, поддерживать рыночную конкуренцию, поскольку в таком случае даже небольшие компании получают возможность отстаивать свои интересы в дорогостоящих и затяжных процессах, оплачивать услуги компетентных специалистов. Кроме того, только финансирующая организация обладает достаточными ресурсами, чтобы покрыть очень высокие судебные издержки,

в чем и состоит преимущество подобного соглашения перед всеми остальными;

– «гонорар успеха» также представляет собой единичное явление, т.к. готовность юриста работать без предварительной оплаты и на определенный результат зависит от частных характеристик каждого конкретного дела. При этом включение в договор условия о дополнительном вознаграждении юридического помощника позволяет избежать какого бы то ни было внешнего вмешательства в отношении между клиентом и его юристом (со стороны страховщика или инвестора, например), стимулировать последнего на приложение максимальных усилий к удовлетворению интересов своего доверителя. «Гонорар успеха» способен обеспечить финансовую доступность судебной защиты и квалифицированной юридической помощи по таким делам, в отношении которых субъекты отказываются от защиты своих нарушенных прав лишь вследствие затратности ведения процесса.

Думается, что лучшие образцы зарубежного опыта должны быть восприняты отечественным законодателем и положены в основу совершенствования обеспечительных механизмов права на квалифицированную юридическую помощь в российской правовой системе.

Пристатейный библиографический список

1. American prepaid legal service institute online [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aplsi.org/legal/#what> (дата обращения: 27.12.2014).
2. Barker J. R. Third party litigation funding in Australia and Europe // Centre for Law and Economics. ANU College of Law. Working Paper. — 2011. — № 2.
3. Bello L. In case of emergency. Consumer analysis of legal expenses insurance, 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consumerfocus.org.uk/files/2011/08/In-case-of-emergency.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).
4. Commercial litigation funding [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://trimarklegalfunding.com/commercial/commercial-litigation.htm> (дата обращения: 27.12.2014).
5. Contingency fees or damages-based agreements (DBAs) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hsfnotes.com/litigation/jackson-reforms/contingency-fees-or-damages-based-agreements-dbas/> (дата обращения: 27.12.2014).
6. Council Directive 87/344/EEC of 22 June 1987 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.expertasig.ro/legi/directive-eec-asigurari/CouncilDirective-87.344.php> (дата обращения: 27.12.2014).
7. Emons W. Conditional versus contingent Fees [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://staff.vwi.unibe.ch/emons/downloads/oep_eng.pdf (дата обращения: 27.12.2014).
8. Faure M. G., Mot J. P. B. Comparing Third Party Financing of Litigation and Legal Expenses Insurance // Journal of Law, Economics and Policy. — 2012. — Vol. 8. — № 3.
9. Harbour Litigation Funding Ltd. About us [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.harbourlitigationfunding.com/about-us> (дата обращения: 27.12.2014).
10. High Court finds litigation funder was entitled to terminate funding agreement [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hsfnotes.com/litigation/2013/09/18/high-court-finds-litigation-funder-was-entitled-to-terminate-funding-agreement/> (дата обращения: 27.12.2014).
11. Hobson T., Allen B., Moran J. Contingency fee arrangements and tighter controls for litigation funders: proposed reforms [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nortonrosefulbright.com/knowledge/publications/116720/contingency-fee-arrangements-and-

39 Our case criteria [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.harbourlitigationfunding.com/our-case-criteria> (дата обращения: 27.12.2014).

40 Krizer H. M. Contingency fee lawyers as gatekeepers in the american civil justice system // Judicature. — 1997. — Vol. 81. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://users.polisci.wisc.edu/kritzer/research/conf/fee/gatekeep.htm> (дата обращения: 27.12.2014).

41 Is your business litigation case right for a contingent fee arrangement? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ssdlaw.com/is-your-business-litigation-case-right-for-a-contingent-fee-arrangement/> (дата обращения: 27.12.2014).

42 Bello L. Там же. — P. 8.

- tighter-controls-for-litigation-funders-proposed-reforms (дата обращения: 27.12.2014).
12. Hodges C., Peysner J., Nurse A. Litigation funding: status and issues. Research report. Centre for Socio-Legal Studies, Oxford [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.csls.ox.ac.uk/documents/ReportonLitigationFunding.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).
 13. Is your business litigation case right for a contingent fee arrangement? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ssdlaw.com/is-your-business-litigation-case-right-for-a-contingent-fee-arrangement/> (дата обращения: 27.12.2014).
 14. Kilian M. Alternatives to Public Provision: The Role of Legal Expenses Insurance in Broadening Access to Justice: The German Experience // Journal of law and society. — 2003. — Vol. 30. — № 1.
 15. Krizer H. M. Contingency fee lawyers as gatekeepers in the American civil justice system // Judicature. — 1997. — Vol. 81. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://users.polisci.wisc.edu/kritzer/research/contfee/gatekeep.htm> (дата обращения: 27.12.2014).
 16. Legal Aid in Europe: Nine Different Ways to Guarantee Access to Justice? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hiil.org/data/sitemanagement/media/Hiil%20Legal%20Aid%20in%20Europe%20Nine%20Different%20Ways%20to%20Guarantee%20Access%20to%20Justice.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).
 17. Mechanics of Third-Party Funding Agreements: A Funder's Perspective [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.calunius.de/media/2244/pages-from-nieuwveld-and-shannon.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).
 18. Morgan J. Third party Funding — Legal Aspects. — P. 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.39essex.com/docs/articles/JMO_Third_Party_Funding_March2008.pdf (дата обращения: 27.12.2014).
 19. Our case criteria [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.harbourlitigationfunding.com/our-case-criteria> (дата обращения: 27.12.2014).
 20. Regan F. The Swedish legal services policy remix: the shift from public legal aid to private legal expense insurance // Journal of law and society. — 2003. — Vol. 30. — № 1.
 21. Regan F. Whatever happened to legal expense insurance? // Alternative law journal. — 2001. — Vol. 26. — № 6.
 22. Riad? What is that? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://riad-online.eu/about-us/riad-what-is-that/> (дата обращения: 27.12.2014).
 23. Sher J. For richer and poorer: compulsory legal insurance and access to justice // POLICY. Summer 2009–10. — Vol. 25. — № 4.
 24. Thai L. Commercial litigation funding: the need to impose regulations to improve the outcome of the shareholder class actions // Journal of the Australasian Law Teachers Association, 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.alta.edu.au/resources/PDFs/JALTA/2011/Commercial%20Litigation%20Funding_Thai.pdf (дата обращения: 27.12.2014).
 25. The Litigator. Edition 10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mills-reeve.com/files/Publication/e92db0da-7b11-46aa-856c-ab6ac8d734a7/Presentation/PublicationAttachment/3b57c94a-2659-4b03-a769-ad1c555c7b7b/2458.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).
 26. Tigueros A. Contingency Fee Lawyers [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.legalmatch.com/law-library/article/contingency-fee.html> (дата обращения: 27.12.2014).
 27. Veljanovski C. Third Party Litigation Funding in Europe [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.masonlec.org/site/files/2011/07/Veljanovski-Third-Party-Funding-of-Litigation-in-Europe-31-October-2011.pdf> (дата обращения: 27.12.2014).
 28. Velthoven B. C. J., Naarhuis C. M. K. Legal aid and legal expenses insurance, compliments or substitutes? The case of the Netherlands // Journal of Empirical Legal Studies. — 2011. — Vol. 8. — № 3.
 29. When you need a lawyer. Legal fees and expenses [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.americanbar.org/groups/public_education/resources/law_issues_for_consumers/lawyerfees_contingent.html (дата обращения: 27.12.2014).
 30. Микрюков В. А. Пределы ограничения права адвоката на «гонорар успеха» // Адвокат. — 2011. — № 11. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Алексеева Е. Н., Ефремова С. М.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОСТА КАРЬЕРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

В статье рассматриваются условия формирования социально-педагогической среды для обеспечения роста карьерной компетентности выпускников вузов в современных условиях. Особое внимание уделяется вопросу гармонизации и способам развития профессиональных компетенций в соответствии с требованиями современного рынка труда.

Ключевые слова: социально-педагогическая среда, карьерная компетентность, карьерные возможности, карьерные ориентации.

Alexeeva E. N., Efremova S. M.

FORMATION OF SOCIO-PEDAGOGICAL ENVIRONMENT FOR ENSURING THE GROWTH OF UNIVERSITY GRADUATES' CAREER COMPETENCY

In this paper the conditions of formation of socio-pedagogical environment ensuring the growth of career competency of university graduates in modern conditions is considered. Particular attention is paid to the problem of harmonization and to the ways of developing the professional competences according to the requirements of the modern labour market.

Keywords: socio-pedagogical environment, career competency, career opportunities, career orientations.

Актуализация вопросов роста карьерной компетентности выпускников высших учебных заведений определяется сегодня двумя базовыми аспектами: экономическим и правовым. Экономический аспект диктует необходимость быстрой адаптации молодого специалиста к требованиям рынка труда. Правовой аспект выступает в качестве гаранта обеспечения соответствия выпускника требованиям современного рынка труда.

В соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» «высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации»¹. В Государственной программе РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы «приоритетом решения проблемы массовой подготовки специалистов для рынка труда» названо «внедрение образовательных программ, направленных на получение прикладных квалификаций, предполагающих обучение «на рабочем месте». При этом следует отметить, что главная цель Госпрограммы-2020 — «обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития российского общества и экономики»².

Все это повышает ответственность сотрудников высшей школы за результаты своей деятельности, требует создания более благоприятных условий для стимулирования их личностного и профессионального вклада в развитие профессиональной и карьерной компетентности студентов и выпускников.

Вместе с тем в практической деятельности высших учебных заведений имеется ряд противоречий между:

– ростом потребности общества в мотивированных к профессиональному и социальному карьерному росту молодых специалистах и недостаточной как теоретической, так и практической проработанностью педагогических основ, обеспечивающих в процессе обучения формирование таких компетенций у студентов;

– сформировавшейся системой обучения студентов и несоответствием ее современным условиям рынка труда, требующим изменения профессионального мышления субъектов образовательного процесса;

– ориентированностью образовательной политики высшего образования на высокие достижения преподавательского состава и недостаточной разработанностью процесса проектирования ими научно-обоснованной стратегии своего профессионального и карьерного роста;

– потребностью в формировании личности будущего выпускника высшей школы с высоким уровнем готовности к реализации профессиональных задач и функций и недостаточного полным концептуальным обоснованием сопровождения его профессионально-личностного самоопределения в карьероориентированном образовательном процессе.

Можно выделить два основных подхода к формированию личности выпускника как специалиста в рамках высшего профессионального образования. Первый подход ориентирован на формирование профессионально важных качеств выпускника. При этом преподавательская деятельность строится в соответствии с нормативно-правовыми документами, профессионально-квалификационными характеристиками, определяющими модель будущего специалиста.

С точки зрения представленного подхода целесообразно создать условия, которые будут обеспечивать формирование мотивов выбора конкретной профессии, профессионального мышления, дисциплинированности, работоспособности и т. п.

Второй подход предполагает перестройку и развитие иерархии «профессиональных» ценностей выпускника. Приоритетными здесь будут такие характеристики выпускника, как трудолюбие, ответственность, значимые для любого вида профессиональной деятельности.

Анализ работ по проблемам развития профессионализма выпускников вуза (М. В. Александрова, М. Д. Ильязова, Т. А. Каплунович, Р. М. Шерайзина и др.) позволяет выделить наиболее важные характеристики их профессионально-личностного

Алексеева Е. Н.

Ефремова С. М.

1 Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015 г.).

2 Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы от 22 ноября 2012 г. 2148-р.

развития, такие как: карьерные компетентности, карьерные возможности, карьерные ориентации?

Карьерную компетентность студента и выпускника целесообразно рассматривать как способность и готовность его планировать свой индивидуальный карьерный маршрут как на этапе обучения в вузе, так и после его окончания.

Карьерные возможности предполагают обоснованность выбора путей успешной самореализации как в вузе, так и в жизни.

Карьерные ориентации рассматриваются как направленность выпускника вуза на профессиональные достижения.

Управление образовательным процессом по стимулированию профессионального и личностного развития реализуется сегодня в условиях ориентации выпускника на рынок и конкуренцию. С этой позиции формирование социально-педагогической среды для обеспечения роста карьерной компетентности выпускников вызов должна быть построена с учетом таких принципов как:

- принцип социальной инициативности и индивидуальности (развитие инициативы выпускника как источника познания окружающей реальности с целью ее преобразования и включения в процесс социально-педагогического проектирования, совместный поиск карьерных ориентиров, личностно-ориентированных ценностей);

- принцип диалога и обратной связи (создание возможности на паритетных началах участвовать в решении социально-образовательных задач и проблем с целью получения как коллективного, так и индивидуального продукта их решения);

- принцип публичности и постоянства (создание условий для непрерывного творческого развития, свобода творческого и культурного самоопределения, вариативность личностной организации образовательной и культурной деятельности);

- принцип единства (обеспечение взаимодействия всех компонентов социально-педагогической среды формирования карьерной компетентности выпускников вузов).

Социально-педагогическая среда формирования карьерной компетентности выпускника вуза предполагает⁴:

- осуществление совместного планирования и использование мер, способствующих организации карьероориентированной учебной работы, преимущественное применение интегративных форм организации учебной и воспитательной деятельности, мотивирующих к карьерному росту;

- обеспечение поддержки и развития функций социально-педагогической среды.

Дискуссионным остается вопрос критериальной оценки эффективности вузовской системы социально-педагогической среды. С позиции социальной среды представляется уместным в качестве критерия оценки выделить такие параметры, как:

- соответствие выбора карьерной стратегии целевому заказу на выпускников;

- востребованность выпускников.

Выбранные критерии вполне соответствуют Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 56).

3 Ильязова М. Д. Методические аспекты проблемы формирования модели выпускника вуза // Современные проблемы науки и образования. — 2007. — № 6. — С. 76–79; Шерайзина Р. М., Каплунович Т. А., Александрова М. В. Развивающее сопровождение карьерного роста педагога. — Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2011. — С. 103.

4 Александрова М. В., Шерайзина Р. М. Концепции ведущих научных школ управления в образовании, сравнительный контекст: Учебно-методическое пособие. — Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2013. — С. 14.

С точки зрения педагогической среды приоритетна карьерная компетентность выпускников вузов.

Кроме того, целесообразно разграничивать понятия «карьерный потенциал» выпускников вуза и «достижения вуза». Последние оцениваются по показателям качества высшего образования, образовательным программам и условиям их осуществления. Карьерный потенциал студентов и выпускников университета оценивается по сформированности карьерной ориентации, результатам трудоустройства выпускников.

В ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» создана и постоянно развивается социально-педагогическая среда для обеспечения роста карьерной компетентности выпускников. В ходе карьероориентированной учебной и внеучебной работы в университете проектируются конкретные «достижения» студентов и выпускников, преподаватели и студенты вовлекаются в реализацию социально-образовательных и профессиональных проектов, позволяющих отследить совместно с работодателями формирование их карьерной компетентности. Рейтинговая оценка востребованности выпускников за 2009–2014 гг. (по шкале от 0 до 25 баллов) по показателям трудоустройства выпускников по специальности и количеству их обращений в службу занятости составила 24 балла⁵. Уровень востребованности выпускников на рынке труда за рассмотренный период составил в среднем 98%. Опрос работодателей за последние пять лет (в опросе принимало участие 138 работодателей) показал соответствие профессиональной подготовки выпускников требованиям, предъявляемым к рабочему месту, на 89%, уровень социальной адаптированности составил 92%, карьерные амбиции реализовали 53% выпускников.

Положительная динамика карьерного потенциала выпускников университета в достаточной мере подтверждается результатами анализа сформировавшейся социально-педагогической среды, ростом результативности карьероориентированной учебной и воспитательной работы.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп. вступ в силу с 01.03.2015 г.)
2. Гайсина Л.М. Управление персоналом как предмет социологического исследования // Аспирантский вестник Поволжья. — 2010. — № 5-6.
3. Алексеева Е. Н. Методика оценки востребованности выпускников вуза на рынке труда через анализ их трудоустройства // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — № 2 (36).
4. Ильязова М. Д. Методические аспекты проблемы формирования модели выпускника вуза // Современные проблемы науки и образования. — 2007. — № 6.
5. Шерайзина Р. М., Каплунович Т. А., Александрова М. В. Развивающее сопровождение карьерного роста педагога. — Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2011.
6. Александрова М. В., Шерайзина Р. М. Концепции ведущих научных школ управления в образовании, сравнительный контекст: учебно-методическое пособие. — Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2013.
- 5 Алексеева Е. Н. Методика оценки востребованности выпускников вуза на рынке труда через анализ их трудоустройства // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — № 2 (36). — С. 17.

Гаджиева Х. И. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы правовой социализации подростков в современном мире. Основными агентами правовой социализации в подростковом возрасте являются семья, школа и группа сверстников, они также являются важнейшими социализирующими факторами личности подростков.

Ключевые слова: социализация, подросток, личность, развитие, проблемы социализации, возраст, подростковый возраст.

Gadzhieva Kh. I. PROBLEMS OF LEGAL SOCIALIZATION OF ADOLESCENTS IN THE MODERN WORLD

This article discusses some of the current problems of legal socialization of adolescents in the modern world. The main agents of legal socialization in adolescence are family, school and peer group, they are also the most important socializing factors of adolescents' personality.

Keywords: socialization, teen, personality, development, problems of socialization, age, adolescence.

Гаджиева Х. И.

Тема социализации подрастающей личности, вхождение личности в общество всегда находилась в поле зрения ученых различных направлений: философов, социологов, психологов, педагогов. Важным этапом для социализации личности является подростковый и юношеский возраст. Говоря о подростках, нельзя не задать вопрос: «Кого мы будем определять как подростка?». Подросток — мальчик или девочка в переходном возрасте от детства к юношеству в возрасте 12–16 лет. В этом возрасте происходят важные физиологические изменения, которые влекут за собой определенные психологические сдвиги: подчеркнутое стремление к независимости и самостоятельности, агрессивность, зачастую немотивированная, проявляется склонность к необдуманному риску и неумение оценить степень его опасности. Психофизиологические изменения не могут не повлиять на ход и содержание социализации.

Жизнь человека в обществе подчинена множеству писаных и неписаных законов. Усвоение этих законов, правовых знаний и требований, определяющих меру возможного и должного поведения, постепенное овладение необходимыми социальными навыками, осознание своих прав и способов их реализации, понимание сложных взаимоотношений между различными людьми и социальными институтами — все это называется процессом правовой социализации.

Процесс правовой социализации включает в себя, во-первых, усвоение критериев оценок юридически значимых ситуаций; во-вторых, изучение законов и правил как таковых, безотносительно к самому себе; в-третьих, обучение тому, как пользоваться этими правилами. «Человек должен не только уяснить, что в обществе действуют конкретные законы, ему необходимо еще и отнести их к самому себе, т. е. осознать, что они означают для него, что ему позволено, а что не позволено, какие наказания он может понести за нарушение законов, каковы способы защиты своих законных прав и т. д.»¹.

Процесс усвоения правовых норм, стандартов правового поведения протекает последовательно, согласно жизненным циклам, этапам (стадиям) социализации личности. Самая очевидная цель правовой социализации — обеспечение правомерного поведения, что предполагает формирование у личности такого интегрального правового образования, как правосознание.

Формирование у личности в процессе правовой социализации законопослушного поведения, безусловно, является

наиболее желательной целью. Однако в процессе правовой социализации возможны социально-негативные отклонения — от совершения незначительных правонарушений до преступлений.

В литературе отмечается, что самыми криминогенно-опасными элементами процесса социализации являются дефекты в структуре общения, в социальном контроле, в выполнении социальных ролей, что в конечном итоге приводит к формированию у личности искаженной (деформированной) структуры потребностей. Наиболее опасны эти дефекты в подростковом возрасте, когда закладываются основы личности.

Как известно, важнейшими агентами правовой социализации в этом возрасте являются семья, школа, группа сверстников.

Утрата положительного влияния семьи, неудачи в школе и сближение с негативной группой сверстников могут иметь различную последовательность, но почти во всех случаях, предшествующих антисоциальному поведению несовершеннолетних, наблюдается взаимодействие этих трех моментов. Семья, школа, группа сверстников — естественная среда для всех детей, подростков. Они являются важнейшими социализирующими факторами личности несовершеннолетних, подростков.

Подростковый возраст составляет важный и сложный этап в общем процессе социализации. В это время у подростков формируется сознательное поведение, нравственные представления и социальные установки. С одной стороны это заключительный период детства, а с другой — подросток стоит на пороге взрослой жизни. Достигнутый уровень психического развития, возросшие физические и духовные возможности вызывают у подростка потребность в самостоятельности, самоуверженности, признании со стороны взрослых. В подростковом возрасте развивается самосознание, активизируется ценностно-ориентационная деятельность.

Анализ концепций социализации сводится к двум подходам. Сторонники первого рассматривают социализацию как процесс адаптации индивида к обществу, при этом предполагают пассивную позицию личности в социализации. Типичным представителем этого направления является французский социолог конца XIX века Э. Дюркгейм. Суть позиции Э. Дюркгейма — признание за обществом активного начала и приоритета его перед человеком в процессе социализации.

Исследователи, стоящие у истоков теории социального развития, полагали, что социализация представляет собой лишь аккумуляцию индивидом социальных ролей, норм

1 Еникеев М. И. Основы юридической психологии: Учебник. — М., 2001. — С. 76.

и ценностей того общества, к которому он принадлежит. Американский ученый Т. Парсонс определял социализацию как интернализацию культуры общества. Согласно его взглядам, человек «вбирает» в себя общие ценности в процессе общения со «значимыми другими». По Т. Парсонсу, социализированный индивид может не только исправно функционировать в общественной системе, но и находит в этом функционировании удовлетворение своих индивидуальных потребностей. Сторонники второго направления подчеркивают активную позицию человека в процессе социализации. Основателями этой теории можно считать американских ученых Ф. Знанецкого, Ч. Х. Кули, У. И. Томаса, Дж. Г. Мида.

Социологи (П. Бурдьё, В. Л. Сандригайло и др.) называют социализацией индивида процесс включения в систему общественных отношений посредством надления его общественными свойствами, процесс духовного воспроизводства и развития общества с помощью социального становления молодого поколения. В «Энциклопедическом социологическом словаре» социализация определяется как «процесс включения индивида в социальную практику, усвоение образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, приобретение им социальных качеств, необходимых для успешного функционирования и развития в данном обществе»².

Представленное многообразие точек зрения на проблему социализации свидетельствует о сложности данного социального феномена. Можно выделить следующие черты в данных определениях:

– во-первых, социализация понимается как процесс взаимодействия личности и общества;

– во-вторых, констатация того, что человек в ходе социализации усваивает, приобретает качества, позволяющие ему приобщиться к сложившимся формам общественной жизни.

Существует много различных концепций социализации личности: социологические, социально-психологические, антропологические, культурологические и др. Среди социологических можно назвать теорию перенятия социальных ролей, структурно-функциональную, теорию социального действия, теорию социальной дифференциации и интеграции и др.

Итак, результаты анализа отечественной и зарубежной литературы позволяют сделать вывод о том, что обычно социализацию рассматривают, с одной стороны, как процесс усвоения социальных связей, с другой — как процесс воспроизводства личности социального опыта.

Мысль о том, что человек не может жить вне общества, теперь уже ни у кого не вызывает сомнения. А значит, и цивилизованное существование человека невозможно вне окружающей его культуры. Рождаясь, человек не выбирает своих родителей, ту культурно-историческую среду, в которой ему предстоит прожить свой век. Условием для нормальной жизнедеятельности подростка в обществе является овладение накопленными в ходе истории знаниями, умениями, ценностями, поскольку каждый человек — необходимое связующее звено в эстафете поколений, живая связь между прошлым и будущим человечества.

2 Самыгин П. С. Девиантное поведение молодежи. — Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС», 2006. — С. 686.

Любому обществу, любой культуре безразлично, какой выбор сделает личность, поэтому во все века и поныне подростка самыми разными способами учат, наставляют, упрашивают, подстрекают, угрожают, бранят, поощряют, берегут, подавляют, заставляют. ... Если бы подросток в такой «пестрой среде» культурного воздействия подчинился бы всем призывам и любому нажиму, то он неизбежно был бы вовлечен в вихрь хаоса, духовно расколот на сотни и тысячи частей. Но этого не происходит.

Сохранить свою неповторимость, остаться самим собой даже в исключительно противоречивых условиях подросток может лишь в том случае, если он сформировался как личность. Быть личностью — значит иметь способность ориентироваться в многообразии знаний и ситуаций и нести ответственность за свой выбор, уметь противостоять многим отрицательным воздействиям.

Чем сложнее мир и богаче палитра жизненных устремлений, тем актуальнее проблема свободы выбора собственной жизненной позиции. Не нужно особого воображения, чтобы представить, сколь мощный поток информации обрушивается сегодня на подростка, с какой силой воздействует он на его сознание и чувства. В этой ситуации особое значение приобретает избирательное отношение к источникам информации, к ее содержанию, а такое отношение напрямую зависит от мировоззрения личности, степени развития ее мышления, системы ценностных ориентаций.

Суть заключается в новой постановке коренных вопросов. Если прежде был вопрос: «Какой человек нужен обществу?», то сегодня к нему прибавляется еще один: «Какое общество должно быть в современном мире, чтобы дать подростку, как представителю будущего поколения, тот багаж знаний, который так необходим ему для нормального сосуществования с другими людьми, не нанося ущерб его человеческому достоинству?». Специалисты разных областей ищут ответ на этот вопрос.

Процесс правовой социализации подростка протекает в основном под влиянием группового опыта. При этом подросток формирует свой «Я»-образ на основании того, как о нем думают, как оценивают другие. Для того чтобы такое восприятие было успешным, подросток принимает на себя роли других и глазами этих других смотрит на свое поведение и свой внутренний мир. Формируя свой «Я»-образ, подросток социализируется. Однако не существует ни одного одинакового процесса социализации и ни одной одинаковой личности, так как индивидуальный опыт каждой из них уникален и неповторим.

Пристатейный библиографический список

1. Еникеев М. И. Основы юридической психологии: Учебник. — М., 2001.
2. Морозов В. В., Скробов А. П. Противоречивость социализации и воспитания молодежи в условиях реформ // Социально-политический журнал. — 1998. — № 1.
3. Салтыкова-Волкович М. В. Социализация подростков в сфере неформального общения. — М.: ГрГУ, 2003.
4. Самыгин П. С. Девиантное поведение молодежи. — Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС», 2006.

Сейнян А. О.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООЗАЩИТНЫХ ИНСТИТУТОВ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье проводится анализ деятельности правозащитных институтов в сфере защиты прав налогоплательщиков в Российской Федерации, а также рассматривается зарубежный опыт в данной сфере.

Ключевые слова: права налогоплательщика, правозащитные институты, налоговый суд, налоговый кодекс.

Seinyan A. O.

ACTIVITY OF HUMAN RIGHTS INSTITUTES IN THE MECHANISM OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF TAXPAYERS. DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

In article the analysis of activity of human rights institutes in the sphere of protection of the rights of taxpayers in the Russian Federation is carried out, and also foreign experience in this sphere is considered.

Keywords: rights of the taxpayer, human rights institutes, tax court, tax code.

Сейнян А. О.

Современное законодательство Российской Федерации предоставляет налогоплательщику выбор между судебным и административным порядком обжалования решений налоговых органов. Могут быть обжалованы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) или в суд акты налоговых органов, действия или бездействие их должностных лиц. Подача жалобы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) не исключает права на одновременную или последующую подачу аналогичной жалобы в суд (ст. 138 Налогового кодекса Российской Федерации). Как отмечает О. А. Борзунова, «в российском законодательстве не соблюдается принцип альтернативности административного и судебного обжалования, что представляется крайне расточительным отношением к ресурсам юрисдикционных органов»¹.

Следовательно, положение ст. 138 Налогового кодекса Российской Федерации соответствует Конституции России, а также служит дополнительной гарантией в механизме защиты прав налогоплательщиков.

Согласно ст. 137 Налогового кодекса Российской Федерации каждый налогоплательщик или налоговый агент имеет право обжаловать акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц, если, по мнению налогоплательщика (налогового агента), такие акты, действия или бездействие нарушают его права.

Статьей 138 НК РФ закреплены два порядка обжалования актов налоговых органов, действий или бездействия их должностных лиц — судебный и административный.

Могут быть обжалованы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) или в суд акты налоговых органов, действия или бездействие их должностных лиц. Отметим, что ранее действовавшее налоговое законодательство не предусматривало права на обжалование бездействия должностных лиц налоговых органов. В настоящее время в НК РФ предусмотрено, что любое бездействие должностных лиц налоговых органов, нарушающее права налогоплательщиков, может служить основанием для подачи налогоплательщиком жалобы в вышестоящий налоговый орган или в суд. Так, налогоплательщик может обратиться с жалобой в суд или вышестоящий налоговый орган на бездействие должностного лица налогового органа по возврату или зачету излишне уплаченных или излишне взысканных сумм налогов, пеней и штрафов в порядке, предусмотренном НК РФ.

Не исключает права на одновременную или последующую подачу аналогичной жалобы в суд подача жалобы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу). Судебное обжалование актов (в том числе нормативных) налоговых органов, действий или бездействия их должностных лиц организациями и индивидуальными предпринимателями производится путем подачи искового заявления в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством. В то же время судебное обжалование актов (в том числе нормативных) налоговых органов, действий или бездействия их должностных лиц физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, производится путем подачи искового заявления в суд общей юрисдикции в соответствии с законодательством об обжаловании в суд неправомерных действий государственных органов и должностных лиц.

Что касается зарубежных государств, то там существуют различные концепции защиты прав налогоплательщиков, а также созданы административно-налоговые процедуры, которые определяют режим взаимоотношений налогоплательщиков и налоговых органов. Необходимо отметить, что стремление урегулировать взаимоотношения налогоплательщиков с налоговой администрацией во многих индустриально развитых государствах привело к принятию специальных законов. Так, во Франции в 1982 г. был принят Свод фискальных процедур, в США — кодекс внутренних доходов, именуемый «Процедура и администрация», в Германии процедурные нормы сосредоточены в Положении о налогах и сборах, кроме этого, в Германии существует специальный закон «О финансовых судах». В Швеции налоговые споры разрешаются в соответствии с Административно-процессуальным кодексом².

Исследование защиты прав налогоплательщиков в зарубежных государствах показывает, что в этом вопросе интересен опыт Дании. В 2005 г. в Дании проживало около 6 млн 300 тыс. человек, а количество налогоплательщиков составляло около 5 млн 500 тыс. В интересах налогоплательщика в Дании действует четкий порядок обжалования решений налоговых органов. Сначала налогоплательщик обязан обратиться в местный муниципалитет. Иерархия дальнейших инстанций следующая: местный налоговый трибунал (особый орган в системе налоговой службы), национальный налоговый суд, а затем обычный суд. Национальный налоговый суд состоит из 24 судей, 11

1 Борзунова О. А. Зарубежный опыт разрешения налоговых конфликтов // Налоговые споры: теория и практика. — 2003. — № А. — С. 55.

2 Винницкий Д. В. Проблемы правовой регламентации процедурных (и процессуальных) отношений в российском налоговом праве // Налоги и налогообложение. — 2005. — № 1. — С. 15.

из которых направляются парламентом, 13 — Министерством налогообложения. За подачу жалобы в Национальный налоговый суд взимается пошлина 600 датских крон. Согласно официальной статистике менее 10% обращений в Национальный налоговый суд решается в пользу налогоплательщика³.

В Канаде в целях защиты прав налогоплательщиков принята Декларация прав налогоплательщиков. В США, Великобритании, Канаде, ЮАР других зарубежных государствах существуют хартии налогоплательщиков. Хартии налогоплательщиков упорядочивают взаимоотношения налоговых органов и налогоплательщиков и тем самым способствуют защите прав последних. В настоящее время привлекают внимание правовые механизмы защиты прав граждан-налогоплательщиков, сформированные в Германии⁴. В основе гражданского и налогового законодательства Германии лежит концепция противодействия злоупотреблению правом. По сути, эта норма выполняет функцию разграничения легальных и нелегальных способов минимизации налогов⁵. В разделе 42 НК Германии закреплено положение о том, что налогоплательщик, который при проведении операции злоупотребил нормами законодательства, обязан уплатить налог так, как если бы подобная операция была проведена без такого злоупотребления⁶.

В США важное значение придается соблюдению налогового законодательства, в частности своевременной уплате налогов. Налоговое законодательство США носит достаточно сложный характер, однако, несмотря на это, оно считается лучшим в мире.

Несмотря на то, что американцы придают соблюдению налогового законодательства весьма существенное значение, тем не менее, во взаимоотношениях между гражданами, юридическими лицами — налогоплательщиками возникают налоговые

споры. В этой связи для их разрешения создан специальный орган — Налоговый суд. Как отмечается в научной литературе, количество налоговых споров в стране не уменьшилось и ведущую роль в их разрешении играет Налоговый суд США.

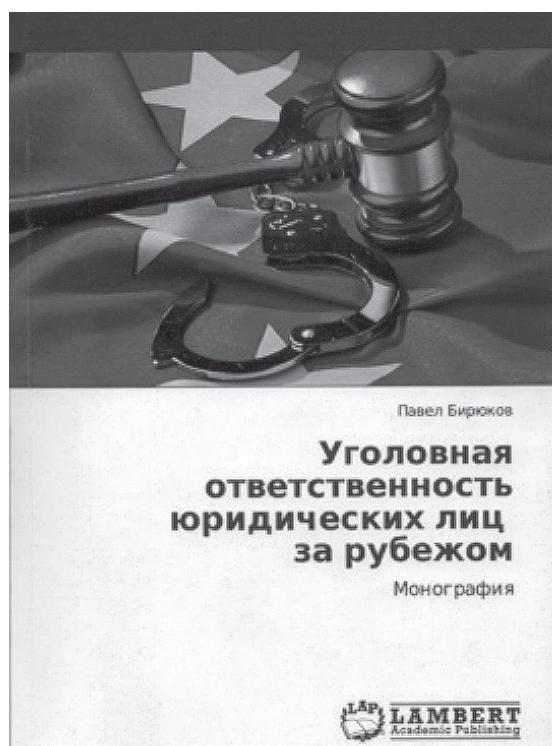
Налоговый суд США заседает более чем в 80 городах США. Главный Налоговый суд США находится в Вашингтоне.

В ряде развитых государств существуют особенности защиты прав налогоплательщиков. Так, в Австралии, Новой Зеландии, Италии, Турции перед обращением в суд налогоплательщик должен полностью исполнить оспариваемое налоговое обязательство, однако налогоплательщик имеет право на возврат уплаченной суммы с процентами в случае вынесения судом решения в пользу налогоплательщика. Во Франции и Португалии исполнение требования об уплате налога на период его обжалования приостанавливается только при условии предоставления достаточных гарантий со стороны налогоплательщика.

Пристатейный библиографический список

1. Борзунова О. А. Зарубежный опыт разрешения налоговых конфликтов // Налоговые споры: теория и практика. — 2003. — № А.
2. Винницкий Д. В. Проблемы правовой регламентации процедурных (и процессуальных) отношений в российском налоговом праве // Налоги и налогообложение. — 2005. — № 1.
3. Воловик Е. Обслуживание налогоплательщиков в Дании // Налоговый вестник. — 1996. — № 1.
4. Зоммерманн К. — П., Стариков Ю. Н. Административное судопроизводство (юстиция) в Германии: история развития и основные черты // Государство и право. — 1999. — № 7.
5. Бурцева А. М. Легальная и нелегальная минимизация налогов за рубежом // Российский налоговый курьер. — 2005. — № 5.
6. Остерло Л., Тостен Джобс А. Конституционные принципы налогов и сборов в ФРГ // Налоговед. — 2004. — № 7.
7. Сейнян А. О. Правозащитные институты в Российской Федерации. Реализация принципов деятельности // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2.

3 Воловик Е. Обслуживание налогоплательщиков в Дании // Налоговый вестник. — 1996. — № 1. — С. 40.
 4 Зоммерманн К. — П., Стариков Ю. Н. Административное судопроизводство (юстиция) в Германии: история развития и основные черты // Государство и право. — 1999. — № 7. — С. 70
 5 Бурцева А. М. Легальная и нелегальная минимизация налогов за рубежом // Российский налоговый курьер. — 2005. — № 5. — С. 73.
 6 Остерло Л., Тостен Джобс А. Конституционные принципы налогов и сборов в ФРГ // Налоговед. — 2004. № 7. — С. 61 и др.

Шамилова Г. З.

АРЕСТ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО П. «С» Ч. 1 СТ. 5 КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 Г.

В статье раскрываются основные моменты ареста и заключения под стражу лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, по п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; рассматривается законность ареста и заключения под стражу лиц, их права и свободы. Особое внимание уделяется изучению изложенных правовых позиций Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: арест, заключение под стражу, права на свободу и личную неприкосновенность (безопасность), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейский суд по правам человека.

Shamilova G. Z.

THE ARREST AND COMMITMENT OF PERSON WHO IS ALLEGED OF CRIMINAL OFFENCE ACCORDING TO THE POINT «С» PART 1 ARTICLE 5 OF CONVENTION FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS 1950

The article reveals the basic issues of the arrest and commitment of person who is alleged of criminal offence according to the point «С», part 1, article 5 of Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 1950; the legality of person's arrest and commitment, its rights and freedoms are analyzed. Special attention is given to study of legal position of European Court of Human Rights.

Keywords: arrest, commitment, the right to liberty and security, the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms 1950, European Court of Human rights.

Шамилова Г. З.

Право на свободу и личную неприкосновенность (безопасность) — одно из важнейших прав, входящих в перечень международно признанных прав и свобод человека. С точки зрения общепринятой в теории права и российского конституционного праве, а также в теории международного права классификации, рассматриваемое право относится к категории гражданских (личных) прав. В связи с этим право на свободу и личную неприкосновенность можно охарактеризовать как право, имеющее естественный характер и вытекающее из самой природы человека¹.

Главной отличительной чертой закрепленного в ч. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция)² положения является включение в нее перечня подлежащих ограничительному толкованию правовых оснований лишения свободы. Значение данной черты заключается, с одной стороны, в ограничении свободы усмотрения государств по осуществлению вмешательства в право на свободу и личную неприкосновенность (безопасность), а с другой стороны, в том, что она позволяет более полно раскрыть цель гарантии данного права и избежать тех трудностей, которые возникают при толковании. Далее остановимся на одном из этих положений ч. 1 ст. 5 Конвенции, которое, на наш взгляд, является наиболее важным.

Пункт «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции регулирует арест и содержание под стражей лиц, с целью применения норм уголовного права. Это — средство, с помощью которого можно возбудить уголовное дело. Безусловно, право производить арест является необходимым элементом системы уголовного судопроизводства, однако для того, чтобы соответствовать ст. 5 Конвенции, оно должно надлежащим образом изменяться.

Пункт «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции разрешает законный арест или задержание лица в трех случаях:

1) с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения;

2) в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения;

3) чтобы помешать лицу скрыться после его совершения³.

Любой арест, согласно п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, должен производиться в порядке, установленном законом, и быть «законным». Кроме того, п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции должен толковаться в сочетании с ч. 3 ст. 5 Конвенции. Таким образом, все лица, арестованные и заключенные под стражу согласно п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, имеют право незамедлительно предстать перед компетентным юридическим органом, а также право на судебное разбирательство в течение разумного срока, или на освобождение до суда. Значение слов «компетентные юридические органы» равносильно формулировке «судья или иное должностное лицо, наделенное, согласно закону, судебной властью», содержащейся в ч. 3 ст. 5 Конвенции. Необходимо, чтобы соответствующий суд обладал юрисдикцией для рассмотрения дела, был независим от всех участников судопроизводства и уполномочен выносить имеющие обязательную силу решения об освобождении.

По смыслу п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции «арест» означает первоначальный акт задержания лица по подозрению в совершении им уголовного преступления, и, соответственно, ст. 5 Конвенции применима с этого момента. Также хочется отметить, что значение данного термина в п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции не всегда совпадает со значением, принятым во внутригосударственном праве. Поскольку приоритет отдается значению, принятому в Конвенции, а не его толкованию во внутригосударственном праве, необходимо чтобы власти государства понимали значение термина «арест» в смысле п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции. Это бывает очень важным моментом при рассмотрении жалоб данной категории.

Кроме того, также бывают трудности при установлении значения других понятий. Европейский суд по правам человека

1 Теория государства и права: учебник / Отв. ред. А. В. Малько. — М., 2010. — С. 105.

2 Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

3 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней (правовой комментарий) / Шайхутдинова Г. Р. — Казань: Академия управления «ГИСБИ», 2004. — С. 37.

(далее — Суд) нередко обращался в своих решениях к определению термина «правонарушение». В целях п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции «правонарушение» должно быть «определенным и конкретным»⁴. В своем решении по делу *Guzzardi v. Italy* («Гуццарди против Италии») (1980 г.) Суд постановил, что слово «правонарушение» не охватывает в целом меры профилактики преступности, направленные против определенной категории лиц⁵, которые представляют опасность по причине общей склонности к преступной деятельности.

Таким образом, термин «правонарушение» имеет независимое значение, тождественное значению термина «уголовное правонарушение», содержащегося в ст. 6 Конвенции. Классификация правонарушений в соответствии с национальным законодательством является одним из факторов, который необходимо учитывать. Однако характер разбирательства и тяжесть соответствующего наказания тоже имеют значение⁶. Определение термина «правонарушение» должно быть точным и конкретным: превентивное заключение под стражу лиц не допускается⁷.

Также необходимо отметить, что большинство дел, представленных в Суд на основании п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, касались обоснованных подозрений в совершении правонарушения; на другие же два основания полагаются достаточно редко. Так или иначе, они являются избыточными, поскольку формулировки того и другого основания предполагают совершение уголовного преступления (попытку или умысел совершения преступления и преступление как свершившийся факт).

Подозрение должно относиться к произведенным в прошлом действиям, которые могут представлять собой определенное уголовное преступление. Само по себе подозрение в намерении совершить правонарушение не может служить основанием обвинений, по которым данное лицо предстанет перед судом, если только его действия при осуществлении намерения не являлись стовором с целью совершения уголовного преступления либо попыткой совершения уголовного преступления. Таким образом, арест по подозрению в намерении совершить правонарушение не соответствует предписанной цели п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции и является ее нарушением⁸.

При этом если допрос подозреваемого, содержащегося в заключении, опровергает обоснованные подозрения, то органы, осуществляющие содержание под стражей, обязаны его освободить. По той причине, что в рамках п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции основанием для заключения под стражу служит обоснованное подозрение, поэтому в тот момент, когда обоснованное подозрение рассеяно, основание для задержания, первоначально законное, уже таковым не будет. Освобождение задержанного без доставки в компетентный судебный орган отнюдь не значит, что арест или содержание под стражей не имели законной силы. При условии, что лицо задержано в порядке, установленном п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, и освобождено в разумные сроки, его задержание не может быть успешно обжаловано на основании ст. 5 Конвенции⁹.

Следует обратить внимание на то, что уровень подозрения, согласно требованию п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, должен быть «обоснованным подозрением», что следует понимать в значении Конвенции. В случаях, когда уровень подозрения, требуемый внутригосударственным правом, не выдерживает проверки в Суде, ставшее его следствием предварительное заключение является нарушением ст. 5 Конвенции. «Наличие «обоснованного подозрения» подразумевает существование фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что данное лицо могло совершить преступление»¹⁰.

Таким образом, степень необходимого подозрения не подразумевает, что следственным органам следует получить достаточные доказательства для предъявления обвинений в момент ареста, или даже тогда, когда лицо уже находится под стражей. К тому же от сотрудника, производящего арест, не требуется убежденности в том, что преступление действительно было совершено. Как отметил Суд, рассмотрев дело *Margaret Murray v. United Kingdom* («Маргатет Мюррей против Соединенного Королевства») (1994 г.)¹¹, целью допроса во время содержания под стражей после ареста является: «Дальнейшее продвижение уголовного расследования путем подтверждения или устранения конкретного подозрения, обосновывающего арест».

При этом обоснованность будет в некоторой степени зависеть от конкретных обстоятельств дела. Соответственно, аресты в контексте борьбы с терроризмом подпадают под отдельную категорию. Об обоснованности подозрения, оправдывающей арест в связи с террористической деятельностью, не всегда можно судить, используя те же принципы, что и в «общеуголовных» преступлениях. В деле *Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom* («Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства») (1990 г.)¹², согласно действовавшему в то время законодательству, основанием для ареста и задержания с целью допроса подозреваемых в терроризме служили «реальные и добросовестные подозрения». Государство-ответчик утверждало, что из соображений безопасности не могло раскрыть секретную информацию, которая стала основанием для арестов. Установив факт нарушения п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, Суд признал, что примененные в данном случае внутригосударственные стандарты оказались ниже уровня «обоснованного подозрения». Суд заявил, что применяя п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, не следует создавать несоразмерные трудности правоохранительным органам государств — участников Конвенции для принятия мер эффективного противодействия организованному терроризму. В данных обстоятельствах Суд отметил, что государствам не требуется раскрывать конфиденциальные источники информации или даже факты, которые могут указать на такие источники либо установить их. Вместе с тем необходимо предоставлять некоторые данные, которые позволят установить наличие оснований для обоснованного подозрения¹³. Сведения, которые послужили опорой в данном деле (предыдущие осуждения, связанные с терроризмом, и данные допроса во время содержания под стражей, относящегося к конкретным террористическим актам) оказались недостаточными для того, чтобы установить обоснованность

4 *Guzzardi v. Italy* («Гуццарди против Италии»), 6 ноября 1980 г., серия А, № 39, п.102.

5 В данном случае — участников мафии.

6 *Benham v. the United Kingdom* («Бенхэм против Соединенного Королевства»), 10 июня 1996 г., «Отчеты о постановлениях и решениях» 1996-III, п. 56.

7 *Guzzardi v. Italy* («Гуццарди против Италии»), 6 ноября 1980 г., серия А, № 39, п. 102; *Ciulla v. Italy* («Чиулла против Италии»), 22 февраля 1989 г., серия А, № 148, п. 40; *M. v. Germany* («М. против Германии»), № 19359/04, ЕСПЧ, 2009 г., п. 89; *Shimovolov v. Russia* («Шимоволов против России»), № 30194/09, 21 июня 2011 г., п. 54.

8 *Lawless v. Ireland* (no. 3) («Лоулесс против Ирландии (№ 3)»), 1 июля 1961, серия А, № 3.

9 *Brogan and Others v. the United Kingdom* («Броуган и другие против Соединенного Королевства»), 29 ноября 1988 г., серия А, № 145-В.

10 *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom* («Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства»), 30 августа 1990 г., серия А, № 182.

11 *Margaret Murray v. United Kingdom* («Маргатет Мюррей против Соединенного Королевства») (1994) (Appl. no. 14310/88. 28 October 1994).

12 *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom* («Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства»), 30 августа 1990 г., серия А, № 182.

13 *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom* («Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства»), 30 августа 1990 г., серия А, № 182, п. 34.

подозрения. Таким образом, имело место нарушение ч. 1 ст. 5 Конвенции.

Например, дело *Margaret Murray v United Kingdom* («Маргетат Мюррей против Соединенного Королевства») (1994 г.)¹⁴ также служит примером относительно низкого уровня «обоснованности» подозрения, необходимого в делах, связанных с терроризмом, когда арест подозреваемых непродолжителен. Мюррей была арестована военным служащим, который сообщил ей, что ее арестовывают «на основании ст. 14». В тот момент никакой дополнительной информации ей не сообщили. Ее поместили под стражу и удерживали чуть более двух часов (соответствующее положение законодательства предусматривало задержание на срок, не превышающий четырех часов); при этом ее допрашивали о причастности к террористической деятельности. Мюррей спросили о контактах с двумя ее братьями, которых незадолго до того осудили в США за приобретение огнестрельного оружия для террористической организации ИРА (Ирландская республиканская армия). Затем ее освободили, не предъявив обвинений. Заявительница жаловалась, что ее арест не производился на основании обоснованного подозрения в совершении правонарушения. Государство-ответчик опиралось на те факты, что братьев заявительницы лишь незадолго до того осудили в США за преступления, связанные с террористической деятельностью, и что заявительница ездила в США и там контактировала со своими братьями. Кроме того, оно утверждало, что получило информацию из надежного, но секретного источника, которая и послужила основанием для подозрений. Суд учел продолжительность задержания заявительницы, а также максимально допустимый срок содержания под стражей. Приняв во внимание «острую необходимость расследования террористических преступлений», он пришел к выводу, что Мюррей была арестована по «обоснованному подозрению» в причастности к террористической деятельности.

Однако, хотя Суд признает особые трудности, которые стоят перед властями при расследовании террористических преступлений, это не означает, что власти обладают полной свободой действий — арестовывать подозреваемых и содержать их под стражей в полиции, без эффективного контроля со стороны национальных судов. Если государство не заявило об отступлении от данного положения на основании ст. 15, под всецелую защиту ст. 5 Конвенции также подпадают предполагаемые террористы и прочие лица, опасные для государства. Суд заявил, что даже в случае отступления он вправе рассмотреть вопрос о строгой необходимости определенной меры в чрезвычайных обстоятельствах¹⁵.

Кроме того, Суд рассматривал ряд дел и устанавливал по ним нарушения требований п. 1 ст. 5 Конвенции в случаях, касавшихся практики содержания обвиняемых под стражей исключительно на том основании, что дело с обвинительным заключением было передано в суд первой инстанции. Европейский Суд постановлял по этим делам, что практика содержания обвиняемых под стражей без конкретного правового обоснования или четких норм, регламентирующих их положение, — с тем результатом, что такие обвиняемые могут быть лишены свободы на неограниченный срок без санкции суда — вступала в противоречие с принципами правовой определенности и охраны личности от произвола властей, каковые принципы являются общими связующими нитями Конвенции и верховенства права¹⁶.

Несомненно, п. «с» ч. 1 ст. 5 и ч. 3 ст. 5 Конвенции не только служат защите от произвольного ареста и заключения под стражу, но также составляют часть арсенала прав, защищающих физическую неприкосновенность задержанного. Строго регулируемое содержание под стражей помогает снизить риск того, что помещенное под стражу лицо подвергнется обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции (пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение), скончается под стражей или исчезнет, в нарушение ст. 2 (право на жизнь). Кроме того, указанные статьи дополняют право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. При строго регулируемом предварительном заключении снижается опасность того, что обвиняемого вынудят дать признательные показания; как бы то ни было, признания в таких случаях, как известно, ненадежны. Строгое регулирование предварительного заключения также обеспечивает проведение властями государства необходимых уголовных расследований в отношении задержанных лиц в кратчайшие сроки.

В соответствии с п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции содержание под стражей утрачивает обоснованность в день, когда решается вопрос о виновности лица по предъявленному обвинению. Если данное лицо осуждено в законном порядке, то дальнейшее содержание его под стражей регулируется п. «а» ч. 1 ст. 5 Конвенции, а если оправдано, то его надлежит освободить. В деле *Labita v Italy* («Лабита против Италии») (2000 г.)¹⁷ Суд рассмотрел случай, когда заявитель удерживался под стражей в течение двенадцати часов после вынесения оправдательного приговора. Суд признал, что хотя в рамках п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции содержание под стражей утрачивает обоснованность в день, когда решался вопрос о виновности лица, и, следовательно, содержание под стражей после вынесения оправдательного приговора уже не подпадает под действие этого положения, задержка с исполнением решения об освобождении задержанного зачастую неизбежна, однако она должна быть минимальной. Однако Суд отметил, что в данном случае задержка с освобождением заявителя была лишь отчасти вызвана необходимостью уладить соответствующие административные формальности. Причиной дополнительной задержки стало отсутствие сотрудника, ведающего регистрацией. Проверить наличие оснований для дальнейшего содержания заявителя под стражей и выполнить прочие административные формальности, необходимые для освобождения, смогли только после его возвращения. Таким образом, дальнейшее содержание заявителя под стражей после вынесения оправдательного приговора не являлось первым этапом исполнения решения о его освобождении, а значит, не подпадало под действие пункта «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции или иного п. ч. 1 ст. 5 Конвенции. Соответственно, по этой причине имело место нарушение ч. 1 ст. 5 Конвенции.

Что касается двух остальных случаев законного ареста или задержания лица, то дела обстоят следующим образом. Суд в деле *Eriksen v Norway* («Эриксен против Норвегии») (1997 г.)¹⁸ заявил, что задержание лица с целью предотвращения совершения им правонарушения, предусмотренное п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, требует не только того, чтобы имел место риск совершения нового правонарушения в будущем, но также чтобы имелось обоснованное подозрение в подготовке и совершении конкретного правонарушения. Соответственно, задержание по этому положению должно быть основано на недавнем по-

14 *Margaret Murray v United Kingdom* («Маргетат Мюррей против Соединенного Королевства») (1994) (Appl. no. 14310/88. 28 October 1994).

15 *Demir and Others v Turkey* («Демир и другие против Турции») appl. nos. 21380/93, 21381/93 and 21383/93, 23 сентября 1998 г., п. 48.

16 Постановление Европейского суда от 8 июня 2006 г. по делу «Корчуганова против России», жалоба № 75039/01, § 57; постановление Европейского суда от 2 марта 2006 г. по делу «Нахманович против

России», жалоба № 55669/00, § 67–68; «Худоев против России», жалоба № 6847/02, § 146–148, Сборник постановлений и решений Европейского суда по правам человека ECHR 2005; постановление по делу «Иечиус против Литвы», § 60–64, постановление по делу «Барановский против Польши», § 53–58.

17 *Labita v Italy* («Лабита против Италии») [Большая Палата], № 26772/95, ЕСПЧ 2000-IV.

18 *Eriksen v Norway* («Эриксен против Норвегии») (1997) (Appl. no. 17391/90, 27 May 1997).

ведении лица. Решения судов не упоминали какого-либо конкретного правонарушения, совершение которого надо было бы предотвратить, а указывали только на общий риск опасного насильственного поведения заявителя в связи с его психической болезнью¹⁹. В этих обстоятельствах задержание не могло основываться на п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, которая должна толковаться узко, как это подчеркивалось в деле «Гуццарди против Италии»²⁰.

Законный арест или задержание лица с целью помешать ему скрыться после совершения правонарушения рассматривались Судом в ряде дел. В решении по делу «Вемхофф против ФРГ» (1968 г.) Суд счел возможным оправданием содержания под стражей, если можно получить «гарантии» его явки в суд. По делу «Стогмюллер против Австрии» (1969 г.) Суд заявил: «... опасность, что обвиняемый скроется, не возникает только потому, что он может пересечь границу или ему легко это сделать; должен существовать целый комплекс обстоятельств, в частности ожидаемый суровый приговор, особое отвращение обвиняемого к пребыванию под стражей либо отсутствие прочих связей в стране, которые дают основания предположить, что последствия и опасности бегства покажутся ему меньшим злом по сравнению с дальнейшим тюремным заключением»²¹.

Оценивая возможность бегства обвиняемого, «следует учитывать, в частности, характер лица, о котором идет речь, его моральный облик, имущество, связи с государством, в котором он преследуется, и международные контакты»²². Хотя иногда риск бегства оправдывает дальнейшее содержание под стражей, другие характеристики обвиняемого могут свидетельствовать о целесообразности освобождения. Среди них — неспособность совершить новые правонарушения подобного рода, плохое состояние здоровья и незначительная вероятность бегства²³.

Таким образом, проанализировав основные положения п. «с» ч. 1 ст. 5 Конвенции, необходимо сказать, что не представляет сомнения, что данная норма имеет исключительно важное значение для правоприменительной практики, защиты прав человека в целом. Поскольку ст. 5 усиливает защиту человека от произвольного лишения свободы, а именно защищает личность от произвольного нарушения государством²⁴. Эта защита выражается в том, что задержанному на понятном для него языке обязаны сообщить причины его ареста и также незамедлительно доставить его к судье или должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции. Также законность ограничения права на свободу и личную неприкосновенность (безопасность) по Конвенции предполагает соблюдение материальных и процессуальных норм внутригосударственного права, с учетом соответствия данных норм прин-

ципу верховенства права, а также соблюдения цели ст. 5 Конвенции, который заключается в защите лица от произвола.

Пристатейный библиографический список

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней (правовой комментарий) / Шайхутдинова Г.Р. — Казань: Академия управления «ТИСБИ», 2004.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
3. Постановление Европейского суда от 8 июня 2006 г. по делу «Корчуганова против России», жалоба № 75039/01, § 57.
4. Постановление Европейского суда от 2 марта 2006 г. по делу «Нахманович против России», жалоба № 55669/00, § 67–68; «Худоеров против России», жалоба № 6847/02, § 146–148 // Сборник постановлений и решений Европейского суда по правам человека ECHR 2005.
5. Постановление по делу «Йечиус против Литвы», § 60–64, постановление по делу «Барановский против Польши», § 53–58.
6. Теория государства и права: учебник / Отв. ред. А.В. Малько. — М., 2010.
7. Benham v. the United Kingdom («Бенхэм против Соединенного Королевства»), 10 июня 1996 г., «Отчеты о постановлениях и решениях» 1996-III.
8. Brogan and Others v. the United Kingdom («Броуган и другие против Соединенного Королевства»), 29 ноября 1988 г., серия А, № 145-В.
9. Ciulla v. Italy («Чиулла против Италии»), 22 февраля 1989 г., серия А, № 148.
10. Demir and Others v Turkey («Демир и другие против Турции») appl. nos. 21380/93, 21381/93 and 21383/93, 23 сентября 1998 г.
11. Eriksen v Norway («Эриксен против Норвегии») (1997) (Appl. no. 17391/90, 27 May 1997).
12. Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom («Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства»), 30 августа 1990 г., серия А, № 182.
13. Guzzardi v. Italy («Гуццарди против Италии»), 6 ноября 1980 г., серия А, № 39.
14. Labita v. Italy («Лабита против Италии») [Большая Палата], № 26772/95, ЕСПЧ 2000-IV.
15. Lawless v. Ireland (no. 3) («Лоулесс против Ирландии (№ 3)»), 1 июля 1961, серия А, № 3.
16. M. v. Germany («М. против Германии»), № 19359/04, ЕСПЧ, 2009 г.
17. Matznetter v. Austria («Мацнеттер против Австрии»), 10 ноября 1969 г., серия А, № 10.
18. Margaret Murray v United Kingdom («Маргатет Мюррей против Соединенного Королевства») (1994) (Appl. no. 14310/88. 28 October 1994).
19. McKay v. the United Kingdom («Маккей против Соединенного Королевства») [Большая Палата], № 543/03, п. 30, ЕСПЧ 2006-Х.
20. Shimovolos v. Russia («Шимоволос против России»), № 30194/09, 21 июня 2011 г.
21. Stogmuller v. Austria, решение от 10 ноября 1969 г. (№ 9) 1 EHRR 155.
22. W. v. Switzerland, решение от 26 января 1993 г. (№ 254-Ф), 17 EHRR 60.

19 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней (правовой комментарий). / Шайхутдинова Г.Р. — Казань: Академия управления «ТИСБИ», 2004. — С. 38.

20 Guzzardi v. Italy («Гуццарди против Италии»), 6 ноября 1980 г., серия А, № 39

21 Stogmuller v. Austria, решение от 10 ноября 1969 г. (№ 9) 1 EHRR 155, п. 33.

22 W. v. Switzerland, решение от 26 января 1993 г. (№ 254-Ф), 17 EHRR 60, п. 33.

23 Matznetter v. Austria («Мацнеттер против Австрии»), 10 ноября 1969 г., серия А, № 10., п.76.

24 McKay v. the United Kingdom («Маккей против Соединенного Королевства») [Большая Палата], № 543/03, п. 30, ЕСПЧ 2006-Х.

Зайдова М. У.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ПРАВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Институт Уполномоченного по правам человека играет важную роль в охране прав человека, как на уровне Российской Федерации, так и на уровне субъектов. Необходимость в институте Уполномоченного с каждым годом возрастает. Основное назначение Уполномоченного — содействие реализации основных прав граждан.

Ключевые слова: Уполномоченный, охрана прав, человек, гражданин, Конституция, омбудсмен.

Zaidova M. U.

THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS AS ONE OF THE LEGAL REMEDIES (ON EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

The Ombudsman plays an important role in the protection of human rights, both at the level of the Russian Federation and of the constituent entities. The need for the Ombudsman Institute is growing every year. The main purpose of the Commissioner is to contribute to the fulfillment of the fundamental rights of citizens.

Keywords: Commissioner, protection of the rights of man and citizen, the Constitution, the Ombudsman.

Зайдова М. У.

Институт омбудсмана или государственного правозащитника, выступающего в роли своеобразного адвоката общества перед государством, возник как один из важных механизмов общественного контроля над тем, как государство соблюдает свои обязательства в сфере прав и свобод человека.

Становление института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации — одно из важнейших достижений демократических реформ в нашей стране. Правовая основа института Уполномоченного по правам человека (омбудсмана) в России была заложена Декларацией прав и свобод человека и гражданина РФ от 22 ноября 1991 г. Следующим шагом по введению должности российского Уполномоченного (омбудсмана) стали статьи 45 и 103 Конституции РФ (принятой в 1993 г.). Статья 45 Конституции гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в РФ, а ст. 103 наделяет парламент правом назначения на должность и освобождения от должности Уполномоченного по правам человека.

Уполномоченный по правам человека действует на федеральном уровне, а также на уровне субъектов РФ в соответствии с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», п. 1 ст. 5 которого гласит: «Конституцией (уставом), законом субъекта Российской Федерации может учреждаться должность Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации»¹.

Необходимость в институте Уполномоченного по правам человека с каждым годом становится все более актуальной. Это связано с тем, что повсеместно наблюдается нарушение прав и свобод граждан именно представителями органов государственной власти, с которыми рядовые граждане сталкиваются практически ежедневно. Все это вызывает законное возмущение граждан. А плохое администрирование в виде недоработанных нормативных актов, принятых без учета общественного мнения, произвол чиновников, волокита, коррупция порождают акции протеста среди населения, утрату доверия к органам власти, неверие, что власть может пойти навстречу человеку, «разобравшись» с собственным неэффективным аппаратом управления².

В целом институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации служит своеобразным связующим мостом между властью и обществом, поскольку он разрешает конфликты государственных и индивидуальных интересов, выравливает «баланс сил» государства и общества в области защиты прав и свобод. В то же время Уполномоченный не претендует на то, чтобы заменить собой традиционные органы и механизмы контроля. Основа его работы — критическое сотрудничество с органами власти различных уровней. Уполномоченный противостоит попыткам подорвать или исказить правовой характер государства.

Основная цель деятельности Уполномоченного — это содействие реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации³.

Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в субъектах — это своеобразный вызов сложившимся стереотипам легистского правопонимания роли государства и человека, где на первом месте стоит государство как олицетворение власти и закона, дающее, защищающее и отбирающее права, руководствующееся при этом принципом политической целесообразности и зачастую пользующееся принудительной силой⁴.

Институт Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан, как государственный орган правозащиты, состоялся и получает дальнейшее развитие на принципах гласности, диалога с государственными и общественными организациями.

Важная задача уполномоченного — правовое просвещение. Зачастую права человека нарушаются потому, что о своих правах люди попросту мало осведомлены. Одна из основных стратегических целей уполномоченного заключается в том, чтобы граждане в отношениях с властями могли более ясно, четко

1 Федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» № 1-ФКЗ от 26 февраля 1997 // СЗ. РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011.

2 Там же. — Ст. 115.

3 Башимов М. С. Становление и перспективы института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2008. — № 7.

4 Маркелова Е. Г. Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, экспертные советы и административная реформа: точки соприкосновения // Экспертное обеспечение деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ: Материалы научно-практического семинара, Голицыно, 27.02–1.03.2006 / Под ред. А. Ю. Сунгурова. — СПб.: Норма, 2006.

и с достоинством отстаивать свои права, а власти вынуждены были с этим считаться.

Важным направлением деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан была и остается работа с обращениями граждан.

Одним из средств обеспечения реализации права гражданина на обращение к Уполномоченному является проведение выездных приемов. Выездные приемы позволяют Уполномоченному непосредственно встречаться с гражданами республики на местах, давать подробные разъяснения о правовых формах и методах защиты своих интересов, принимать неотложные меры по восстановлению нарушенных прав граждан. Приведем несколько интересных примеров: В ходе выездного заседания граждан в Табасаранском районе к Уполномоченному по правам человека в Республике Дагестан поступила коллективная жалоба жителей с. Ничрас на нарушение права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Как следует из обращения, заведующий ФАП нередко отказывал пациентам в оказании первой медицинской помощи, ссылаясь на различные причины, в том числе нахождение в отпуске. В свою очередь, его супруга, работающая там же санитаркой, проявляла грубость и неуважительное отношение к пациентам. Кроме того, заявители указывали на случаи возмездного предоставления медицинских услуг жителям села. Несмотря на неоднократные обращения жителей с. Ничрас, главный врач ЦРБ Табасаранского района не принимал должных мер в отношении указанных медицинских работников. По данным фактам нарушения права на охрану здоровья и медицинскую помощь жителей данного села Уполномоченным было направлено сообщение в Министерство здравоохранения Республики Дагестан. По результатам проведенной Минздравом РД комиссионной проверки факты частично подтвердились. Заведующий ФАП с. Ничрас Табасаранского района переведен на должность фельдшера врачебной амбулатории в с. Тураг.

Другой пример: для проверки достоверности публикаций в средствах массовой информации о голодовке отдельных подследственных СИЗО-1 УФСИН России по Республике Дагестан посетили Уполномоченный по правам человека в Республике Дагестан Умумпазиль Омарова и старший помощник прокурора г. Махачкалы Мурад Гаджимагомедов.

Умумпазиль Омарова выслушала жалобы подследственных, касающиеся условий содержания в следственном изоляторе (лекарственное обеспечение, питание). Уполномоченным по правам человека были разъяснены заключенным их права и обязанности при содержании в СИЗО, обращено внимание руководства следственного изолятора на более тщательное ознакомление с правами и обязанностями подследственных. От одного подследственного уполномоченным по правам человека была получена жалоба, касающаяся применения в отношении него спецсредств, с последующим помещением в карцер. (Спецсредства были применены в связи с отказом выполнять законные требования представителей администрации учреждения).

Обращения и жалобы подследственных взяты на контроль Уполномоченным по правам человека и прокурором г. Махачкалы. О результатах рассмотрения жалоб и обращений и принятых мерах будет сообщено заявителям.

В аппарат Уполномоченного ежедневно поступают телефонные обращения от граждан с просьбой дать разъяснения по интересующим их вопросам. Консультации гражданам по телефону даются Уполномоченным и сотрудниками ап-

парата, сообщается информация о днях и часах проведения консультативных приемов в аппарате Уполномоченного, даются разъяснения о порядке обращений в государственные, муниципальные, правоохранительные и судебные органы. Так, в ходе работы «горячей» телефонной линии по вопросам защиты прав детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, к Уполномоченному по правам человека в Республике Дагестан обратился выпускник школы-интерната. Как следует из его заявления, при поступлении в ГОУ НПО «Профессиональное училище № 21» ему не было предоставлено место в студенческом общежитии. Также в местном военкомате заявителю отказывали в постановке на воинский учет по причине отсутствия в его паспорте отметки о регистрации. Кроме того, он сообщил о невыплате стипендии за некоторые месяцы. В результате вмешательства Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан заявителю предоставили комнату в общежитии, зарегистрировали по месту жительства, поставили на воинский учет и выплатили задолженность по стипендии.

Институт омбудсменов состоялся, укрепился в России и востребован обществом. Именно здесь люди находят поддержку в защите своих социальных, трудовых, жилищных, экономических и политических прав. Уполномоченными накоплен огромный опыт работы с людьми, они знают, как действуют механизмы общественной поддержки, как объединить граждан для решения многих вопросов и насущных проблем. Однако существует необходимость актуализации нормативной базы деятельности уполномоченных. Это обусловлено тем, что Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» был принят еще в 1997 г. В настоящее время в субъектах РФ сложилось различное понимание правового статуса регионального уполномоченного по правам человека. В этой связи, по мнению Президента России, в закон необходимо включить положения, направленные на повышение статуса региональных омбудсменов и укрепление гарантий их работы.

Пристатейный библиографический список

1. Башимов М. С. Становление и перспективы института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2008. — № 7.
2. Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Противодействие коррупции: правовые нормы и морально-этические аспекты проблемы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9.
3. Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Эволюция антикоррупционного законодательства в России (социально-философский анализ): правовые нормы и морально-этические аспекты проблемы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10.
4. Маркелова Е. Г. Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, экспертные советы и административная реформа: точки соприкосновения // Экспертное обеспечение деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ: Материалы научно-практического семинара, Голицыно, 27.02–1.03.2006 / Под ред. А. Ю. Сунгурова. — СПб.: Норма, 2006.
5. Федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» № 1-ФКЗ от 26 февраля 1997 // СЗ РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011.

Охлопкова А. С.

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В статье раскрывается система международных стандартов прав человека в российском уголовном процессе. Рассматриваются такие документы, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод. Статья посвящена изучению роли международных документов в сфере отправления уголовного правосудия для национальной законотворческой деятельности и правоприменительной практики производства по уголовным делам.

Ключевые слова: государство, право, уголовный процесс России, права человека.

Okhlopkova A. S.

SYSTEM OF THE INTERNATIONAL STANDARDS OF HUMAN RIGHTS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

In article the system of the international standards of human rights in the Russian criminal trial is revealed. Such documents as the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, the Convention of the Council of Europe for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms are considered. The article is devoted to study of a role of the international documents in the sphere of criminal justice administration for national legislative activity and law-enforcement practice of proceedings on criminal cases.

Keywords: state, law, Russian criminal procedure, human right.

Охлопкова А. С.

Обеспечение реализации и защиты прав человека на современном этапе развития общества является приоритетным направлением в государственной политике. Обусловлено это тем, что права человека как комплексная дефиниция являются разносторонним правовым явлением.

Права человека являются неотъемлемой частью культуры наций, высшим проявлением нравственно-правовых идеалов человечества. Среди духовных ценностей современного мира они занимают одно из наиболее значимых мест.

Термин «права человека» появился в международно-правовой лексике после американской войны за независимость и принятия американской Декларации независимости 1776 г. В то время в соответствующих внутригосударственных актах говорилось о правах человека и гражданина. В Уставе ООН говорится лишь о правах человека.

Права человека являются высшей ценностью человеческой цивилизации, охватывающей различные стороны индивидуального и общественного бытия. Юристы¹ вкладывают в определение понятия прав человека различные элементы, которые можно объединить следующим образом. Права человека по своей природе — это:

– неотъемлемые свойства и возможности, устанавливающие сферу свободы и самоопределения личности, ее автономию, закрепленные в правовых нормах;

– установленные правом пределы осуществления государственной власти с целью предотвращения неоправданного вмешательства государства в сферу прав и свобод человека;

– стабилизатор отношений в обществе на основе выработанных международным сообществом общепризнанных международных стандартов в области прав человека;

– показатель уровня взаимоотношений личности и государства, ответственности последнего за деятельность личности и ее безопасность.

Таким образом, права человека — это система принципов, норм, правил и традиций взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающая индивиду, во-первых, возможность действовать по своему усмотрению (эта часть прав обычно называется свободами) и, во-вторых, получать опре-

деленные материальные, духовные и иные блага (собственно права).

В настоящее время сложился весьма значительный комплекс прав как социального, политического, так и культурного характера. Особое место в данном механизме занимают права человека, связанные с процедурой осуществления правосудия, получившие закрепление в таких международных актах, как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.)².

Нормы Всеобщей декларации прав человека и других глобальных универсальных актов со временем стали учитываться государствами во внутреннем конституционном праве и законодательстве, касающемся прав человека и их правовой защиты. Такого рода нормы стали рассматриваться как общепризнанные демократические стандарты в области прав человека.

На основе таких подходов в науке сложилась точка зрения, что международные стандарты прав человека — это нормы современного международного права, предусматривающие такие общедемократические требования и обязанности государств по признанию, соблюдению и защите прав человека, которые они должны с учетом особенностей своего общественного строя, национального развития и т. п. воплотить и конкретизировать в своих системах³.

Всеобщая декларация прав человека, принятая и провозглашенная резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., по сути, явилась одним из первых документов ООН, устанавливающих единые стандарты, к которым необходимо стремиться государствам, и, как отметил К. Ф. Гуценко и Е. Г. Ляхов, — это стало одним из первых эффективных шагов, предпринятых ООН по международно-правовому

1 См.: Право и права человека / Под ред. Е. Н. Рахмановой. — М., 2000. — Кн. 3. — С. 22.

2 Ягофаров С. М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Оренбург, 2005. — С. 13.

3 Стремюхов А. В. Международные стандарты прав человека: определение и классификация // Международное право и права человека. — 2014. — № 5 (80). — С. 3.

закреплению основных прав и свобод человека⁴. В стандартах, содержащихся в Декларации, по выражению О. А. Зайцева, воплощены те общечеловеческие ценности, которые необходимы для достойного развития каждого человека, обеспечения его прав и законных интересов. Они выражают опыт, накопленный мировым сообществом, и определяют ту планку, ниже которой государства, считающие себя цивилизованными, не могут опускаться⁵.

Положения, изложенные в Декларации:

- право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность (ст. 3);
- запрет пыток и другого унижающего достоинство обращения (ст. 5);
- эффективное восстановление нарушенных прав (ст. 8);
- запрет произвольного ареста и задержания (ст. 9);
- право на справедливый независимый и беспристрастный суд (ст. 10);
- презумпция невиновности (ст. 11);
- право на неприкосновенность личной и семейной жизни (ст. 12);

Центральное место в системе международно-правовых актов занимает Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., где закреплены многие права и свободы граждан, в том числе вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Ценностное содержание данного документа заключается в том, что разработчики Пакта постарались наиболее подробно, как это было возможно на данном этапе научного развития теории прав человека, раскрыть положения стандартов, изложенных ранее в декларации. Пакт, в отличие от декларации, носил уже не рекомендательный характер, а имел обязательную силу для стран-участниц рассматриваемого соглашения.

В Пакте, в отличие от декларации, закреплен ряд статей, специально посвященных правовому статусу обвиняемого, представляющих собой обязательный минимальный перечень правомочий указанного участника уголовно-процессуальных отношений и содержащих следующие права:

- быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявленного ему обвинения;
- иметь достаточно время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником;
- быть судимым без неоправданной задержки;
- быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника;
- допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него;
- пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке;
- не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным;

– помещаться отдельно от осужденных; на предоставление отдельного режима, отвечающего их статусу неосужденных лиц⁶.

В связи с вступлением России в Совет Европы правовое значение для России приобрела и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в 1950 г. и ратифицированная Государственной Думой в феврале 1998 г. О Конвенции необходимо сказать особо, поскольку права, зафиксированные в Конвенции, подлежат защите не только в российских судах, но и в Европейском суде по правам человека. Поэтому после ратификации Россией Конвенции российские граждане получили право подавать жалобы в Европейский суд на нарушение своих прав, предусмотренных Конвенцией, и этим правом они стали достаточно активно пользоваться. Право на подачу жалобы в Европейский суд возникает после того, как гражданин исчерпал внутринациональные средства правовой защиты, т.е. после того, как в результате обращения во все предусмотренные законом судебные инстанции он не смог защитить принадлежащее ему право и добиться справедливости. Поскольку ответчиком по международным обязательствам выступает государство, то в случае признания Европейским судом жалобы обоснованной, государство должно возместить гражданину присужденный Судом ущерб, причиненный нарушением его прав и свобод⁷.

Включение европейских стандартов по правам человека в российскую правовую систему существенно повышает меру ответственности всех правозащитных механизмов⁸, в том числе и в рамках уголовного судопроизводства, одновременно расширилось представление о правах человека.

Как верно отмечает О. Н. Малиновский, европейские стандарты в области прав человека не только находятся в полной гармонии с универсальными принципами, но и расширяют их границы, создавая тем самым более высокий порог защищенности личности и ограждая сферу ее интересов от бесконтрольного вмешательства со стороны государства⁹.

Целью Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод было создание правового пространства для сотрудничества между европейскими государствами, в которых конституции строятся на основе демократии и равенства перед законом. Причиной создания Конвенции послужило огромное количество неправомочных и несправедливых судебных решений, принятых в период между двумя мировыми войнами и в ходе Второй мировой войны. Кроме того, Конвенция, уже став непререкаемым авторитетом, позволяет успешно проводить политику по закреплению и последующей реализации новых возможностей для развития личности и ограждения ее от необоснованного государственного вмешательства¹⁰.

Конституция РФ — первый в отечественной практике документ, воплотивший широкий перечень прав человека, который сформировался как под воздействием законодательства демо-

4 Гуценко К. Ф., Ляхов Е. Г. Устав ООН, его цели и принципы, и актуальные проблемы разработки и применения международных норм, касающихся уголовного правосудия. — М., 1980 — С. 9.

5 Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. — М., 2001. — С. 95.

6 Ягофаров С. М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Оренбург, 2005. — С. 39–40.

7 См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // БВС. — 2003. — № 12. П. А

8 Нафиев С. Х., Васин А. Л. Европейские стандарты обеспечения конституционных прав личности при расследовании преступлений. — Казань, 1998 — С. 3 — ссылка по Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. — Казань, 2004. — С. 296.

9 Малиновский О. Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовного-процессуального права: Дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2003.

10 Ягофаров С. М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Оренбург, 2005.

кратических зарубежных государств, так и международных стандартов в сфере прав и свобод¹¹.

Положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, являющиеся одной из основ конституционного строя, вывели Конституцию РФ в вопросе соотношения международного и внутригосударственного права в число передовых и подняли правовую систему Российской Федерации на качественно новый уровень, сделав ее максимально открытой международному праву. Они самым существенным образом затронули уголовный процесс и стали новым этапом его развития, так как значительная часть норм международного права, посвященных вопросам прав человека в сфере уголовного судопроизводства, является самоисполнимой и способна непосредственно регулировать уголовно-процессуальные отношения. Закрепленные в данных нормах права и свободы согласно Конституции РФ должны признаваться, соблюдаться и защищаться государством.

В России высшей ценностью провозглашены права и свободы человека (ст. 2 Конституции РФ). Защита прав человека является приоритетной задачей деятельности органов предварительного расследования и суда. Проявления нарушений прав человека в уголовном судопроизводстве многообразны: недостаточная реализация права на защиту подозреваемого, обвиняемого; отсутствие педагога при допросе несовершеннолетнего обвиняемого; прекращение уголовного дела и отказ в восстановлении прав потерпевшего, а также иные негативные проявления уголовно-процессуальных отношений.

В положениях Уголовно-процессуального кодекса РФ с 2001 г. его задачи не определяются, вместе с тем в ч. 1 ст. 6 назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Не менее важными направлениями в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда являются обеспечение и защита прав и свобод участвующих в судопроизводстве граждан, установление в процессе производства по уголовным делам преступления, лиц, его совершивших, а также масштабов уголовной ответственности¹².

Вступление Российской Федерации в 1996 г. в Совет Европы и последовавшее за ним вхождение в национальную правовую систему комплекса европейских региональных норм стало очередным этапом развития уголовного процесса и поставило перед уголовно-процессуальной наукой и практикой новые проблемы.

Кардинальные изменения, происходящие в национальной правовой системе, составной частью которой стали общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, коснулись всех ее элементов, включая юридическую практику и правовую идеологию, и потребовали теоретического переосмысления некоторых подходов к вопросам соотношения международного и внутригосударственного права. Этот процесс уже привел к ощутимым результатам, однако они далеко не всегда сразу сказываются на практике. Поэтому и сегодня крайне важна задача обеспечения более тесного, скоординированного взаимодействия международного права, правосознания и правоприменительной деятельности. Только в таком взаимодействии могут быть достигнуты цели ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 3 ст. 1 УПК РФ¹³.

О роли общепризнанных принципов и норм международного права в области прав человека говорится в ряде статей Конституции РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Это дает основание считать, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются самостоятельным источником российского права, в том числе и права уголовно-процессуального¹⁴.

Общепризнанные принципы и нормы международного права о правах человека обладают особым статусом и образуют обособленную группу источников уголовно-процессуального права. Часть их выступает в качестве принципов уголовного процесса. Общепризнанные принципы и нормы о правах человека независимо от их формы должны обладать приоритетом над нормами УПК РФ и иных законов по вопросам уголовного судопроизводства.

В этой связи странам предлагается учитывать следующие направления для эффективного развития системы уголовного судопроизводства, основанные на уважении и соблюдении прав человека:

- следует изучать новые направления и подходы, касающиеся концепций, мер, процедур и учреждений в области уголовного правосудия. Изучение проблем уголовного правосудия должно проводиться в непосредственной связи и с учетом концепции прав человека;

- следует постоянно уделять внимание совершенствованию систем правосудия в целях укрепления их способности реагировать на изменения общественных условий и потребностей.

- уголовное правосудие должно эффективно содействовать благотворному и справедливому развитию с должным учетом факторов, связанных с правами человека и социальной справедливостью, обеспечивать независимость от личных или групповых интересов при отправлении судебных функций;

- следует исключать неоправданные задержки в отправлении правосудия.

Нормы по вопросам уголовного судопроизводства, содержащиеся в актах

международных организаций, выступают в уголовном процессе как:

- а) приоритетные материалы, которые должны быть положены в основу дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства;

- б) вспомогательный материал, используемый в целях толкования и эффективного применения норм уголовно-процессуального законодательства;

- в) нравственные начала уголовного судопроизводства. Акты международных организаций выступают и в качестве формального источника, закрепляющего общепризнанные принципы и нормы международного права¹⁵.

Таким образом, обеспечение реализации и защиты прав человека на современном этапе развития общества должно стать приоритетным направлением государственной политики России.

11 См.: Карташкин В. А., Лукашева Е. А. Вступительная статья // Международные акты о правах человека: сборник документов. — М., 1999. — С. XV.

12 См.: Уголовный процесс: Учеб. для вузов / Под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. — М.: Высшее образование, 2008. — С. 23.

13 Малиновский О. Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права: Дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2003.

14 См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // БВС. — 2003. — № 12.П.А.

15 Малиновский О. Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права: Дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2003.

Абдулмуслимова Л. Г.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИИ

Данная статья посвящена коррупции. Здесь раскрыто понятие коррупции и ее виды. Указаны причины и последствия коррупции, методы борьбы с ней.

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, деловая коррупция, коррупция верховной власти, влияние коррупции, экономика, социально-политические процессы, общество, государство.

Abdulmuslimova L.G.

TO A QUESTION OF DEFINITION OF THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF CORRUPTION

This article focuses on corruption. There was disclosed the concept of corruption and corrupt types. There are indicated the reasons and consequences of corruption, methods of dealing with it.

Keywords: corruption, household corruption, business corruption, corruption of the Supreme power, corruption influence, economy, socio-political processes, society, state.

Коррупция выступает как сложное социальное явление, которое зародилось в глубокой древности и продолжает существовать в настоящее время практически во всех странах мира.

На протяжении всей истории взяточничество традиционно существовало в нескольких формах, изначально это были взятки, получаемые за правомерные деяния, либо за неправомерные. Затем начали появляться другие градации и формы коррупции.

Коррупция демонстрирует полное безразличие государственных должностных лиц к общественной пользе, к закону, к народу. Она представляет собой слияние монополии власти, неограниченных полномочий государственных служащих в принятии решений и отсутствия жесткой правовой подотчетности и подконтрольности чиновников.¹

В наиболее общем виде коррупцию (от латинского глагола «*gumpere*», означающего «нарушить что-либо») можно определить как использование должностным лицом своего положения в целях получения личной выгоды. Проявлений коррупции — великое множество. Это и неформальные платежи в отношениях власти и бизнеса («деловая» коррупция), и межфирменные подкупы работников коммерческих фирм («корпоративная» коррупция), и бесконечные подарки и подношения населения обслуживающим инстанциям («бытовая» коррупция), и отстаивание интересов бизнеса через теневое финансирование партийных боссов («партийная» коррупция). Но во всех этих случаях мы имеем дело с единым в сущности явлением. В общем виде потенциал коррупции прямо зависит от монополии определенных субъектов на выполнение некоторых видов деятельности, от их бесконтрольности, но обратно зависит от вероятности и тяжести наказаний за злоупотребления. Реализация же потенциала — результат сложного сочетания факторов, далеко выходящих на пределы калькулируемых оснований деятельности.²

Различают следующие виды коррупции:

Бытовая коррупция порождается взаимодействием рядовых граждан и чиновников. В неё входят различные подарки от граждан и услуги должностному лицу и членам его семьи. К этой категории также относится кумовство (непотизм).

Деловая коррупция возникает при взаимодействии власти и бизнеса. Например, в случае хозяйственного спора, стороны могут стремиться заручиться поддержкой судьи с целью вынесения решения в свою пользу.

Коррупция верховной власти относится к политическому руководству и верховным судам в демократических системах. Она касается стоящих у власти групп, недобросовестное по-

ведение которых состоит в осуществлении политики в своих интересах и в ущерб интересам избирателей.

Современная актуальность темы коррупции связана с разнообразием ее последствий. Помимо прямого влияния на экономические процессы, коррупция имеет выход в социально-политическое пространство. В чем именно состоит это влияние, нам предстоит разобраться.³

Негативное влияние коррупции на экономику. Шведский экономист Г. Мюрдаль, основоположник экономических исследований коррупции, обобщая опыт модернизации стран Третьего мира, заклеил в 1960-е гг. коррупцию как препятствие экономическому развитию. Эту позицию разделяют многие современные исследователи, ставящие в вину коррупции следующее:

- средства, аккумулируемые с помощью взяток, как правило, оседают в форме недвижимости, сокровищ, сбережений (желательно, в иностранных банках);

- предприниматели вынуждены расходовать время на диалог с нарочито придирчивыми чиновниками, даже если удается избежать взяток;

- поддерживаются неэффективные проекты, финансируются раздутые сметы, выбираются неэффективные подрядчики;

- коррупция стимулирует создание чрезмерного числа инструкторов, чтобы затем за дополнительную плату «помогать» их соблюдать;

- из государственной службы уходят квалифицированные кадры, морально не приемлющие систему взяток;

- возникают препятствия для реализации макроэкономической политики государства, поскольку коррумпированные низшие и средние звенья системы управления искажают передаваемую правительству информацию и подчиняют реализацию намеченных целей собственным интересам;

- коррупция деформирует структуру государственных расходов, т. к. коррумпированные политики и чиновники склонны направлять государственные ресурсы в такие сферы деятельности, где невозможен строгий контроль и где выше возможность вымогать взятки;

- увеличиваются затраты для предпринимателей (в особенности, для мелких фирм, более незащищенных перед вымогателями). Взятки превращаются своего рода дополнительное налогообложение;

- коррупция и бюрократическая волокита при оформлении деловых документов тормозят инвестиции (особенно, зарубежные);

Впрочем, четкой отрицательной корреляции между уровнем коррупции и уровнем экономического развития все же нет, эта связь заметна лишь как общая закономерность, из которой есть много исключений.

1 Природа и структура коррупции в России. Отчет Института общественного проектирования. — 2008. — С. 24

2 Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. — 2000. — № 6.

3 Богданов И. Я., Калинин А. П. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. — М., 2001. — 240 с.

Негативное влияние коррупции на социально-политические процессы прослеживается в следующем:

- усиливается социальная несправедливость в виде нечестной конкуренции фирм и неоправданного перераспределения доходов граждан. Ведь дать более крупную взятку может не самая эффективная фирма, или даже преступная организация. В результате растут доходы взяткодателей и взяткополучателей при снижении доходов законопослушных граждан;

- коррупция в системе сбора налогов позволяет богатым уклоняться от них и перекладывает налоговое бремя на плечи более бедных граждан;

- коррупция в высших эшелонах власти, становясь достоянием гласности, подрывает доверие к ним и, вследствие этого, ставит под сомнение их легитимность;

- коррумпированный управленческий персонал психологически не готов поступаться своими личными интересами ради развития общества;

- коррупция дискредитирует правосудие, поскольку правым оказывается тот, у кого больше денег и меньше нравственных самозапретов;

- коррупция создает угрозу демократии, поскольку лишает население нравственных стимулов к участию в выборах;

- лозунг борьбы с коррупцией способен легитимировать поворот к диктатуре и отказу от рыночных реформ;

- коррупция в аппаратах, отвечающем за правоприменение (армия, полиция, суды), позволяет организованной преступности расширять свою деятельность в частном секторе, и даже создавать симбиоз организованной преступности и этих организаций;

- коррумпированные режимы редко пользуются «любовью» граждан, а потому они политически неустойчивы. Репутация советской номенклатуры как коррумпированного сообщества в значительной степени легитимировала свержение советского строя. Поскольку, однако, в постсоветской России советский уровень коррупции был многократно превзойден, это привело к низкому авторитету режима Б. Н. Ельцина в глазах большинства россиян.

Позитивная функция коррупции как амортизатора институциональных сдвигов. Участниками дискуссий о коррупции выдвигалось мнение, что коррупция имеет не только негативные, но и позитивные последствия. Одним из первых на это указал в начале XX в. знаменитый немецкий социолог М. Вебер. Отказавшись от ранее распространенной традиции морализаторства, он показал место коррупции в процессе формирования рациональной бюрократии как исторически переходящей формы управления. Тем самым была заложена основа функционального подхода, рассматривающего коррупцию как механизм снятия напряжения между нарождающимися и устаревшими нормами⁴.

Некоторые современные исследователи часто склоняются к частичному оправданию коррупции если не с моральной, то с функциональной точки зрения — как возможности перераспределить ресурсы старой элиты в пользу новой, избегая прямого столкновения между ними. Коррупция рассматривается ими как рациональная альтернатива вооруженной борьбы за власть. Коррупция тем масштабнее, чем кардинальнее смена общественного курса, чем отчетливее расхождение норм и намерений уходящего и нарождающегося порядка. На примере сначала развивающихся, а потом и развитых стран был показан позитивный вклад коррупции в пластичность и бесконфликтную трансформацию институтов. Благодаря такому подходу коррупция предстала не как вариант отклоняющегося поведения, а как расхождение ранее сформированных норм и вызванных новыми условиями моделей поведения⁵.

4 Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. // Под. ред. В. В. Лунеева. — М.: Изд. «Юрист», 2001. — С. 185.

5 Яни П. С. Взятничество и должностное злоупотребление: уголовно-правовая ответственность. — М., 2002.

Согласно логике функционалистов, коррупция отмирает сама собой по мере ослабления противостояния двух нормативных систем, когда новые правила вытесняют старые и одна элита сменяет другую. Другими словами, коррупция 1990-х годов в России объяснима неотлаженностью, а зачастую и вакуумом институтов, мешаниной институциональных систем старого и нового типа. И в этом смысле коррупция реализовывала свой позитивный потенциал, компенсируя многочисленные институциональные сбои и создавая компромиссное равновесие уходящей и нарождающейся элиты. Согласно этой логике, по мере институционального строительства и уничтожения «двоевластия» элит, что стало достижением 2000-х годов, коррупция, исчерпав свой позитив, должна уйти со сцены. Эмпирика сопротивляется такому выводу. В постсоветской России с окончанием периода бурных социально-политических и экономических перемен не произошло исчезновения или кардинального уменьшения коррупции. Аналогично, во многих развивающихся странах коррупция не уменьшилась после завершения модернизационного рывка. Появились сомнения в правомочности идеи об эволюционном отмирании коррупции по мере исчерпания ее функциональности, понимаемой как способность примирять конкурирующие нормативные системы в переходные периоды⁶.

Коррупция выступает как сложное социальное явление, которое зародилось в глубокой древности и продолжает существовать в настоящее время практически во всех странах мира. Она представляет опасность не только отдельным институтам общества, но и обществу в целом и государству.

Оценивая перспективы антикоррупционной борьбы, надо заметить, что не плохое государство порождает коррупцию, а государственность как таковая с присущей ей бюрократической формой управления. Любое государство вынуждено мириться с определенным уровнем коррупции. Однако различие институциональных систем приводит к варьированию масштабов коррупции.

Для того, чтобы уровень коррупции в нашей стране начал хотя бы маленькими шагами снижаться, надо действовать систематически и прогрессивно. Надо усовершенствовать наше законодательство. Надо создать уполномоченный орган по противодействию коррупции, координирующего и направляющего антикоррупционную деятельность. Самое главное надо формировать антикоррупционное мировоззрение у российских граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов И. Я., Калинин А. П. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. — М., 2001. — 240 с.
2. Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Противодействие коррупции: правовые нормы и морально-этические аспекты проблемы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9.
3. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление. // Законность. — 2000. — № 6.
4. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. // Под. ред. В. В. Лунеева. — М.: Изд. «Юрист», 2001. — С. 185.
5. Милов В., Немцов Б. Коррупция разъедает Россию // Лоббист. — 2008. — № 1.
6. Природа и структура коррупции в России. Отчет Института общественного проектирования. — 2008.
7. Яни П. С. Взятничество и должностное злоупотребление: уголовно-правовая ответственность. — М., 2002.

6 Милов В., Немцов Б. Коррупция разъедает Россию // Лоббист. — 2008. — № 1.

Бабкина Е. В., Никитин Д. А.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Возрастающие масштабы организованной преступности представляют реальную угрозу безопасности государства и общества, так как она усиливает свои позиции через монополизацию многих видов преступной деятельности, используя отсутствие надежных механизмов защиты рыночных отношений, активно внедряется в новые экономические структуры, стремится сохранить господствующее положение в распределительной сфере. В данной статье рассматриваются проблемы предупреждения организованной преступности, а именно искоренение коррупции, как неотъемлемого признака организованной преступности, и обеспечение надежной защиты участников уголовного процесса по преступлениям, связанным с организованной преступной деятельностью.

Ключевые слова: организованная преступность, безопасность участников уголовного процесса, коррупция, наркобизнес, экстремизм, терроризм, транснациональная преступность.

Babkina E. V., Nikitin D. A.
ABOUT SOME PROBLEMS OF THE PREVENTION OF ORGANIZED CRIME

The increasing scales of organized crime pose a real threat to security of the state and society as it strengthens the positions through monopolization of many types of criminal activity, using lack of reliable mechanisms for protection of the market relations, actively takes root into new economic structures, seeks to keep an ascendent position in the distributive sphere. In this article problems of the prevention of organized crime, namely corruption eradication, as integral sign of organized crime and ensuring reliable protection of participants of criminal trial on the crimes connected with organized criminal activity are considered.

Keywords: organized crime, safety of participants of criminal trial, corruption, drug trafficking, extremism, terrorism, transnational crime.

На современном этапе развития нашего общества одну из главных угроз национальной безопасности и социально-экономической стабильности России представляет организованная преступность. Исходящая от организованных преступных групп опасность влечет за собой необратимые последствия, чем создает обстановку нервозности граждан, их неуверенности в своей безопасности и возможностях государственной власти по ее обеспечению.

Основным направлением государственной политики в области национальной обороны, государственной и общественной безопасности, устойчивого развития России, является обеспечение национальной безопасности нашего государства. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹ определяет понятие национальной безопасности как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»². Анализируя данное понятие, можно сделать вывод, что ключевой составляющей является «обеспечение безопасности личности, общества и государства...», что и является основной и главной задачей деятельности правоохранительных органов.

Основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются:

– деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти;

– экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране;

– деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ;

– сохраняющийся рост преступных посягательств, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, а также связанных с коррупцией;

– активизация трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через государственную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей, организации каналов незаконной миграции³.

Данные источники угроз являются основными формами и видами проявлений организованной преступности. На ее состояние, структуру, уровень и динамику заметное влияние оказывают сотни различных факторов, поэтому при противодействии организованной преступности необходим комплексный подход, предполагающий согласованное применение экономических, политических, правовых и других общественных мер. Для этого необходимо детальное исследование механизма противодействия организованной преступности, его основных элементов и их взаимодействия.

К основным проблемам предупреждения деятельности организованной преступности справедливо можно отнести следующие:

1 Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 20. — Ст. 2444.

2 См. п. 6 Указа Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537.

3 См. п. 37, п. 41 Указа Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537.

Бабкина Е. В.

Никитин Д. А.

- коррупция в органах государственной власти;
 - ненадежащее обеспечение безопасности участников уголовного процесса;
 - транснациональный характер организованной преступности;
 - преступления экстремистской направленности;
 - преступления террористического характера;
 - торговля людьми;
 - наркобизнес;
 - нелегальная торговля оружием;
 - незаконная миграция;
 - рейдерство.
- Остановимся на рассмотрении некоторых из них.

1. Коррупция как неотъемлемый признак организованной преступности

В своем выступлении Президент России Владимир Владимирович Путин отметил: «Коррупция, прежде всего, влияет не на экономическое развитие, а на общественно-политическое состояние в стране, так как теряется доверие людей к органам власти. Если люди считают, что органы власти коррумпированы, то это доверие стремится к нулю».

Организованная преступность и коррупция, проникнув в представительные, исполнительные и правоохранительные структуры государства, практически заявляют о своих претензиях контролировать государство, поэтому проблемы противодействия указанным преступным проявлениям стали как минимум общенациональными, требующими участия каждого гражданина и государства в целом.

Современной тенденцией организованной преступности, несомненно, является укрепление связей организованных преступных групп с коррумпированными должностными лицами и осуществление своей деятельности в легальном режиме. Действительно, уровень коррупции неуклонно растет, несмотря на все предпринимаемые государством меры в последние годы. Ученые отмечают, что организованная преступность в России развивается благодаря коррупции. Существует прямая зависимость между уровнем организованной преступности и коррупции в стране⁴.

Эффективность и продолжительность деятельности организованного преступного сообщества (преступной организации) напрямую зависит от наличия коррупционных связей среди судей, сотрудников правоохранительных органов, политиков и т.д. Организованная преступность осуществляет установление коррупционных связей для обеспечения своей безопасности и безнаказанности от действий государственных органов.

Коррупция среди правоохранительных органов, которые играют важную роль в противодействии организованной преступности, значительно уменьшает возможность правоохранительных органов выполнять свои основные задачи, что влечет разрастание и усиление влияния преступных сообществ и понижение доверия гражданского общества ко всей правоохранительной системе.

Обобщив вышеуказанное, можно сделать закономерный вывод, что коррупция представляет собой одно из наиболее серьезных препятствий для эффективного противодействия организованной преступности.

Таким образом, совершенствование деятельности по борьбе с коррупцией надо связывать с комплексным осуществлением правовых, политических, организационных, технических и финансовых мероприятий, обеспечивающих развитие необходимых механизмов, реализация которых позволит создать серьезные предпосылки для коренного изменения ситуации в сфере противодействия масштабным проявлениям коррупции.

4 Христюк А. А. Современные тенденции и основные направления противодействия организованной преступности // Криминологический журнал БГУЭП. — 2013. — № 3.

2. Проблемы обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей

Говоря о проблемах борьбы с организованной преступностью, нельзя оставить без внимания вопрос об обеспечении надежной защиты участников уголовного процесса, в большей степени это касается потерпевших и свидетелей.

Участники организованных преступных групп не стесняются в выборе средств и методов, совершают противоправные деяния в отношении свидетелей и потерпевших, сопровождающиеся особой жестокостью и цинизмом, с целью противодействия осуществлению правосудия. Зачастую они действуют открыто и нагло, так как обладают высокой степенью уверенности в своей безнаказанности.

Привлечение лиц, являющихся участниками организованных преступных групп, к уголовной ответственности нередко сопровождается оказываемым на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также на членов их семей давлением с целью недопущения реализации их прав и обязанностей при осуществлении правосудия в России⁵.

К добросовестным участникам уголовного процесса все чаще применяются изощренные, тщательно спланированные и умело реализуемые приемы физического и психического воздействия.

Принятая Государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы⁶ направлена на продолжение борьбы с организованной преступностью в рамках защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству.

Правоохранительные органы ведут активную работу по защите участников уголовного процесса, но, тем не менее, деятельность организованных преступных групп изобретает новые способы давления на них, результатом чего становятся многочисленные случаи отказа и уклонения от участия в доказывании по уголовному делу.

Существует множество пробелов в отношении практического применения мер безопасности, указанных в законодательстве (переселение на другое место жительства, изменение внешности, применение псевдонима на предварительном следствии, личная охрана). Пробелы связаны как с механизмом применения данных мер, так и с коррупционной составляющей недобросовестных сотрудников правоохранительных органов, что и приводит к недоверию гражданского общества ко всей системе правосудия.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что существующие правовые средства не могут в полной мере защитить граждан от преступлений, а также посткриминального на них воздействия и требуется расширить сферу применения мер безопасности, а также усовершенствовать вопросы использования оперативно-розыскных сил и средств для обеспечения надлежащего производства по уголовным делам, связанным с организованной преступностью.

При проведении комплексного исследования проблем коррупции и ненадлежащей защиты участников уголовного процесса, которые лежат в основе криминальных проявлений организованной преступности, можно сделать вывод, что предупреждение коррупции и надлежащая защита участников уголовного процесса в значительной степени и является борьбой с организованной преступностью и наоборот. Однако приведенные взаимосвязи не являются исчерпывающими.

5 Тимошенко А. А. Насилие над свидетелями и потерпевшими в аспекте разложения общественной нравственности // Преступность и духовность. — М., 2008. — С. 64.

6 Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — Ст. 3965.

Каримова Г. Ю.
ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА,
ПРИЧИНЯЮЩЕГО ВРЕД ЗДОРОВЬЮ

В статье раскрываются особенности личности несовершеннолетнего преступника, причиняющего вред здоровью. В результате анализа особенностей личности несовершеннолетних, причинивших вред здоровью, условно сформированы типы преступников.

Ключевые слова: личность преступника, несовершеннолетние, преступления против здоровья, типы преступников

Karimova G. Yu.
THE PERSONALITY OF JUVENILE OFFENDER WHO CAUSE HARM TO HEALTH

The article reveals the personality characteristics of juvenile offenders causing harm to health. The analysis of the characteristics of a person of a minor who caused the harm makes it possible to conventionally form the types of criminals.

Keywords: the identity of the offender, minors, crimes against health, types of criminals.

Каримова Г. Ю.

Учение о личности преступника вызывает большой интерес в криминологии. На сегодняшний день не сформировано единой и совершенной теории личности. Особое значение имеют вопросы, возникающие в связи с изучением личности несовершеннолетнего преступника. С учетом индивидуальных нравственных и психологических особенностей несовершеннолетнего суд должен назначить справедливое наказание за совершенное преступление и в то же время обеспечить воспитательное воздействие на личность подростка, нуждающегося в особой защите.

Сведения о личности несовершеннолетнего преступника информируют о картине самой преступности несовершеннолетних: возрастном, половом, социальном составе, образовательном уровне, семейном положении, общественно полезной деятельности, духовно-нравственных и психологических характеристиках.

Особенности личности несовершеннолетних, совершающих преступления против здоровья, определяются, в первую очередь, возрастом и мотивацией.

Возрастная характеристика преступников позволяет сделать выводы о криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп¹. Мотивация преступного поведения включает в себя совокупность объективных и субъективных причин поведения несовершеннолетнего. Распространена так называемая криминальная «полимотивация»² — например, причинение тяжкого вреда здоровью по мотиву мести, ненависти и одновременно самоутверждения перед сверстниками.

По мнению выдающегося русского криминалиста С. В. Познышева³, для устрашения человека путем мести и запугивания нет необходимости в детальном изучении личности, а в целях воспитательного воздействия на преступника нужно познать многое о нем, что достигается в результате постоянного научного наблюдения.

Такой подход актуален и по сей день. Изучение личности несовершеннолетнего преступника должно носить комплексный характер, затрагивать различные сферы его интересов. Личность в самом общем виде представляет собой субъекта общественных отношений и познания. Она обладает признака-

ми, индивидуализирующими и отличающими ее от остальных людей.

Следует отметить, что до совершения несовершеннолетним первого умышленного преступления имеет место период времени, связанный с деформацией его нравственных идеалов, психологических и правовых установок. Таким образом, мотивация преступного поведения подростка представляет собой не одномоментный, а продолжительный по времени процесс. Считается, что заложенная в возрасте 10–12 лет программа формирования личности⁴ накладывает отпечаток и на дальнейшее ее развитие и становление либо как законопослушного гражданина, либо как преступника.

По мнению Г. М. Миньковского и К. Е. Игошева, 20–25% лиц, совершивших правонарушения в возрасте от 10 до 14 лет, имеют тенденцию к преступному поведению в будущем, им свойственно усиление асоциальной мотивации и возможность противоправного поведения⁵.

Изучение отличительных особенностей несовершеннолетних, совершивших преступления против здоровья, способствует выработке научно обоснованной структуры личности, включающей в себя социально-демографические и уголовно-правовые признаки, нравственные свойства, психологические особенности⁶. Эту структуру личности преступника можно условно поделить на подструктуры, в которые включаются неодинаковые признаки личности⁷.

4 Колидзе Э. А. Психология подростков, склонных к девиантному поведению // Юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 3.

5 Игошев К. Е., Миньковский Г. М. Семья, дети, школа. — М., 2008. — С. 265.

6 См.: Антонян Ю. М. Преступник как предмет криминологического изучения // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 34. — М., 1981. — С. 46; Блувштейн Ю. Д. Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1968. — С. 7–8; Яейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. — Л., 1968. — С. 126–127; Личность преступника. — М., 1975. — С. 31–32; Личность преступника (уголовно-правовое и криминологическое исследование). — Казань, 1972. — С. 9–11; Платонов К. К. Психологическая структура личности. Личность при социализме. — М., 1968. — С. 69–70 и др.

7 См.: Платонов К. К. Психологическая структура личности. Личность при социализме. — М., 1968. — С. 69–70; Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. — Владивосток, 1970. — С. 52, 61–70; Антонян Ю. М. Системный подход к изучению личности преступников // Советское государство и право. — М., 1974; Антонян Ю. М. Преступник как предмет кри-

1 См.: Антонян Ю. М. Криминология: избранные лекции. — М.: Логос, 2004. — С. 80.

2 См.: Лунеев В. В. Криминология: учебник для бакалавров. — М.: Юрайт, 2014. — С. 638.

3 См.: Познышев С. В. Криминальная психология. — Л., 1926. — С. 177.

Психологический портрет преступника характеризуется присущими ему антиобщественными взглядами, отрицательным отношением к нравственным ценностям и идеалам, выбором общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявлением необходимой активности в предотвращении отрицательного результата⁸. В данном случае предметом изучения являются личностные качества и черты характера человека, побудившие его к совершению преступления. Например, ценностные ориентации несовершеннолетних преступников характеризуются следующим: стремлением к постоянному получению желаемого независимо от средств его достижения, игнорированием норм морали, узким кругом интересов, легкостью перехода к употреблению алкоголя и наркотиков, тягой к азартным играм, примитивным развлечениям, безучастием к общественным и государственным проблемам, отсутствием чувства ответственности, долга перед семьей и друзьями и т. д.

Несовершеннолетнего преступника отличает социальная деформация его личности. Она, как правило, происходит с течением определенного периода времени, изменяя все больше духовно-нравственные и социальные составляющие личности. Этот процесс может усугубить попадание несовершеннолетнего в криминальную молодежную «субкультуру», ценностями которой являются употребление алкоголя, наркотиков, половая раскрепощенность, азартные игры, или к криминогенным взрослым, приобщающим молодежь к преступному поведению.

Правовые признаки характеризуется фактом совершения преступления, характером и степенью тяжести совершенных преступлений, длительностью преступной деятельности, формой вины и др., которые могут служить основанием применения к преступнику меры наказания, в том числе с учетом несовершеннолетнего возраста.

Личность преступника является значимым элементом всего механизма преступного поведения. Такая личность реально существует и обладает свойствами, отличающими ее от других людей. Ее особенности, порождающие такое поведение, должны быть непосредственным объектом предупредительного воздействия⁹.

Личность несовершеннолетнего преступника, причинившего вред здоровью, отличается, прежде всего, своей агрессивностью и мотивацией. Мотивом преступления выступают внутренние побуждения, вызванные потребностями и запросами конкретного человека, которые формируют у него желание и решимость совершить преступление.

В настоящее время отмечается увеличение удельного веса преступных посягательств на личность, сопровождающихся элементами цинизма, дерзости, садизма. Среди несовершеннолетних возрастает жестокость, которая свойственна современной насильственной преступности. Следует согласиться с мнением Н. А. Барановского, считавшего, что в межличностных конфликтах находили проявление следующие чувства (влечения) и мотивы поведения: озлобление — 52%, месть — 20%, гнев — 10%, ревность — 3%, жестокость и обида — 2%¹⁰. Именно конфликт, по мнению большинства исследователей,

лежал в основе 78% тяжелых телесных повреждений, совершаемых в семье и быту¹¹.

За последние годы значительно изменился социальный состав преступников. Эти изменения были связаны с кризисом производства, развитием частного сектора экономики, оттоком значительного числа работников из государственных в частные структуры, ростом безработицы, увеличивающей ряды лиц, не имеющих постоянного источника дохода. Именно эта категория граждан играет сейчас основную роль в криминализации общества¹².

Сравнительные исследования условий и отношений в семье подростков-правонарушителей и благополучных школьников показывают, что «трудные» дети воспитывались в более неблагоприятных условиях, чем их благополучные сверстники. К ним относятся неполная семья, аморальный образ жизни родителей, их низкий общеобразовательный уровень, педагогическая несостоятельность семьи, эмоционально-конфликтные отношения в семье. Так, более 4 тыс. несовершеннолетних в 2005 г. не посещали образовательные учреждения по причине тяжелого материального положения родителей¹³.

Изучение статистики зарубежных стран показывает, что более 40% преступников — выходцы из нищих слоев населения, 75–80% убийц, по заключению судебной медицинской экспертизы, имеют отклонения в психике¹⁴. Статистика свидетельствует о том, что большинство преступников совершает свое первое преступление именно в подростковом возрасте.

Противоправное поведение несовершеннолетних зачастую формируется под влиянием мнения взрослых о том, что совершение ими правонарушений — это результат возрастных особенностей, что временно присуще любому человеку. Объясняют склонность к противозаконному поведению как проявление незрелости, озорства, несерьезности, то есть фактически отсутствует применение мер предупреждения и контроля такого поведения. Взрослые в силу занятости и других причин оставляют без внимания негативные поступки подростков. Отсюда и высок уровень латентности их правонарушений¹⁵. Довольно часто преступниками становятся несовершеннолетние, которые принимают смягчение моральных и правовых норм в обществе за их отсутствие.

Несовершеннолетние, совершившие преступление, как правило, характеризуются низкой успеваемостью, утратой интереса к учебе и работе, недобросовестным отношением к ним. Часть подростков, участвующих в совершении преступлений, не имеет даже начального образования.

Для несовершеннолетних характерно совершение преступлений в группе, по отдельным видам оно наиболее высокое по России; каждый пятый из них совершает преступление в состоянии опьянения (алкогольного или наркотического). Состояние и показатели преступности несовершеннолетних в значительной степени зависят от профилактики и уровня социального контроля (который практически в России утрачен) за времяпрепровождением подростков. Поэтому в субъектах Федерации со сходными экономическими, демографическими, социально-психологическими условиями ее показатели могут различаться в 2 и более раз, а амплитуда колебаний больше,

минологического изучения // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 34. — М., 1981. — С. 46; Криминология: Учебник. — М.: Юрид. лит., 1979. — С. 111–112; Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 261–266.

8 См.: Рахматшаева В. А. Психология взаимоотношений. — М.: Академический проект, 1996. — С. 56.

9 См.: Антоян Ю. М. Криминология: избранные лекции. — М.: Логос, 2004. — С. 74.

10 Барановский Н. А. Социальные потребности личности и преступное поведение: Автореф. дис ... канд. юрид. наук. — М., 1978. — С. 13.

11 Ревин В. П. Криминальное насилие в сферах семьи, быта, досуга // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 8. — М., 1995. — С. 147.

12 См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. А. И. Долговой. — М., 1999. — С. 42.

13 Калинкина М. Ю., Гирфанов Р. М. Подростковая преступность и ее профилактика на уровне местного сообщества (российский и зарубежный опыт) // Вопросы ювенальной юстиции. — 2007. — № 2.

14 Гуров А. И. Защита потерпевших — важная государственная задача // Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений. — М.: Фонд имени Конрада Аденауэра, 2003. — С. 24.

15 См.: Омигов В. И. Преступность несовершеннолетних: ее характеристика // Вопросы ювенальной юстиции. — 2012. — № 3. — С. 13–16.

чем для преступности взрослых. Как правило, 4 из 5 преступлений несовершеннолетних совершаются недалеко от места жительства, работы или учебы. 3 из 5 случаев преступления совершаются ими в группе (группы в основном из 2–3 человек; по времени нестойкие — до 3 месяцев; много смешанных групп со взрослыми; половина групп имеют в своем составе лицо с опытом преступной деятельности). Доля рецидива у них ниже, чем у взрослых, и составляет около 10%. Как правило, преступления совершаются с 16 до 24 часов (82%); наблюдается по возрастным параметрам специализация: в возрасте 14–15 лет — хищения; а в возрасте 16–17 лет больше иных преступлений¹⁶.

Различные неблагоприятные явления, окружающие подростков в семье, школе, институте, отрицательно влияют на формирование личности несовершеннолетнего. Считается, что те негативные черты и элементы, которые заложены с детства в личности молодого человека, обязательно в скором времени проявятся и на последующих этапах жизни, в том числе в трудовой деятельности. Об этом свидетельствуют статистические данные о преступности, совершенной в отношении несовершеннолетних по России за 2008 г.: вовлечение их в преступную деятельность — 6689; вовлечение в антиобщественную деятельность — 540; неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего — 5877¹⁷.

Личностные свойства несовершеннолетних, умышленно причинивших тяжкий, средней тяжести или легкий вред здоровью, как и любого другого преступника, зависят от возрастных, образовательных, профессиональных и иных криминологических особенностей. Выделяемая система свойств представляет собой криминологическую структуру личности преступника, условно состоящую из подструктур.

В результате анализа особенностей личности несовершеннолетних, причинивших вред здоровью, можно условно сформировать типы преступников.

1. Несовершеннолетние, которые положительно характеризуются по месту жительства, учебы, работы, совершили преступление в результате случайного стечения обстоятельств.

2. Несовершеннолетние, для которых характерна вспыльчивость, импульсивность, неустойчивость психики, совершившие преступления в результате попадания в определенную ситуацию.

3. Несовершеннолетние, характеризующиеся отрицательно по месту жительства, учебы, работы, совершающие различные правонарушения, в том числе и уголовно наказуемые деяния. При этом не имеют стойкой антиобщественной направленности.

4. Лица антиобщественной направленности, с пренебрежительным отношением к окружающим, совершившие преступления неоднократно.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю. М. Криминология: избранные лекции. — М.: Логос, 2004.
2. Антонян Ю. М. Преступник как предмет криминологического изучения // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 34. — М., 1981.
3. Антонян Ю. М. Системный подход к изучению личности преступников // Советское государство и право. — М., 1974;
4. Барановский Н. А. Социальные потребности личности и преступное поведение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1978.
5. Блувштейн Ю. Д. Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1968.
6. Гуров А. И. Защита потерпевших — важная государственная задача // Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений. — М.: Фонд имени Конрада Аденауэра, 2003.
7. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. — Владивосток, 1970.
8. Игошев К. Е., Миньковский Г. М. Семья, дети, школа. — М., 2008.
9. Калинкина М. Ю., Гирфанов Р. М. Подростковая преступность и ее профилактика на уровне местного сообщества (российский и зарубежный опыт) // Вопросы ювенальной юстиции. — 2007. — № 2.
10. Колидзе Э. А. Психология подростков, склонных к девиантному поведению // Юридическая психология. — 2008. — № 1.
11. Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1999. — С. 42.
12. Криминология: Учебник. — М.: Юрид. лит., 1979.
13. Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. — М.: Юрид. лит., 1985.
14. Личность преступника (уголовно-правовое и криминологическое исследование). — Казань, 1972.
15. Платонов К. К. Психологическая структура личности. Личность при социализме. — М., 1968.
16. Лунеев В. В. Криминология: Учеб. для бакалавров. — М.: Юрайт, 2014.
17. Омигов В. И. Преступность несовершеннолетних: ее характеристика // Вопросы ювенальной юстиции. — 2012. — № 3.
18. Познышев С. В. Криминальная психология. — Л., 1926.
19. Рахматшаева В. А. Психология взаимоотношений. — М.: Академический проект, 1996.
20. Ревин В. П. Криминальное насилие в сферах семьи, быта, досуга // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 8. — М., 1995.
21. Яейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. — Л., 1968.

16 См.: Там же. — С. 13.

17 См.: Омигов В. И. Преступность несовершеннолетних: ее характеристика // Вопросы ювенальной юстиции. — 2012. — № 3. — С. 13–16.

Фролов К. А. ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ УБИЙЦЫ-РЕВНИВЦА

В статье рассматриваются основные отличительные черты личности убийцы-ревнивца. Кроме того, затрагиваются их непосредственное проявление в механизме убийства и причины этого проявления. Автором также проведен статистический анализ распространенности той или иной особенности.

Ключевые слова: личность, особенности, убийца-ревнивец, проявление, психическая защита, измена.

Frolow K. A. CRIMINAL OF PASSION'S FEATURES

The article describes the main features of the criminal's personality. Besides it touches upon their demonstration in the mechanism of crime and the reasons for it. The author also conducts the statistical analysis of the occurrence of a certain feature.

Keywords: personality, features, criminal of passion, demonstration, psychological defense, betrayal.

Фролов К. А.

Любой человек имеет определенные личностные особенности, определяющие его поведение в той или иной ситуации, или же именно из-за подобных особенностей он способствует ее формированию. Разумеется, и ревнивцам, совершившим убийство, присущи такие особенности. Изучение особенностей их личности вызывается тем, что эти специфические черты обуславливают поведение в механизме преступления или даже, более того, благодаря им убийство и совершается. Знание же этих особенностей является базой для создания мер предупреждения убийств по мотиву ревности.

В качестве же первой отличительной черты такого убийцы необходимо указать неумеренное употребление алкоголя. При этом имело место как злоупотребление, бытовое пьянство, с пагубными последствиями, так и непосредственно алкоголизм, вплоть до второй стадии. Стоит также отметить, что из всех лиц, виновных в убийстве из ревности и находящихся в момент преступления в состоянии алкогольного опьянения, лишь 15,5% страдали алкоголизмом.

Повышенное внимание к употреблению алкоголя ревнивцами и последствиям этого обуславливается колоссальным объемом убийств, совершенных ими в состоянии опьянения — 77%. Поэтому, без сомнения, злоупотребление алкоголем и алкоголизм играют одну из главных ролей, обуславливающих негативные черты личности преступника, способствовавшие совершению убийства.

Первым аспектом бытового пьянства/алкоголизма убийцы является то, что основное число деяний совершено им в семье. Учитывая же вызванные алкоголизацией изменения личности преступника, данный момент приобретает особую значимость.

В условиях семьи приобщение одного из ее членов к алкоголю часто сочеталось с неумением других правильно построить с ним взаимоотношения. И это нередко влекло проявление жестокости, «чаще всего по отношению к жене»¹. Известно, что алкогольное опьянение является своего рода катализатором, прямо влияющим на совершение любого насильственного преступления, в том числе и убийства на почве ревности. В ряде случаев в день совершения преступления убийца и жертва (чаще всего — супруги) совместно проводили время, именно распивая спиртные напитки — 36% случаев.

Кроме вышесказанного, нужно обратить внимание на то, что у 1/3 лиц, совершивших убийство из ревности и вступивших в брак, алкоголизация усиливалась. Более того, ни в одном случае в семьях, в которых было совершено убийство из ревности, не наблюдалось обратного явления. Причем лица, у которых алкоголизация после вступления в брак усилилась «и которые в дальнейшем совершили убийство из ревности, были именно мужья ревнивцы»².

В зависимости же от того, с чем связано опьянение ревнивца, бытовое пьянство или алкоголизм, изменения личности преступника были определенной тяжести и глубины. В отдельных случаях эти изменения настолько разительно меняли личность преступника, что жертве начинало казаться, будто ревнивец стал другим человеком. Именно подобным образом те, кто выжил при покушении, и характеризовали изменение к ним отношения со стороны преступника, вызванные алкоголем — «стал другим человеком». Происходила деградация личности.

При рассмотрении ревнивцев, которым свойственно неумеренное употребление алкоголя, естественно, необходимо коснуться непосредственных качеств их личности. Эти отличительные черты показывают, что возникает на месте тех элементов личности, на которые оказывает влияние алкоголь, во что они трансформируются.

Подобным алкоголизированным убийцам свойственны подозрительность и недоверчивость, которые способствуют возникновению сомнений в верности. Кроме этого, им присуща повышенная мнительность, способствующая как тем же сомнениям в верности, так и создающая почву для возникновения образа мнимого соперника. Стоит также отметить, что повышенная мнительность и мнительность вообще присуща тревожной личности.

Кроме того, вышеназванные особенности личности рассматриваемого преступника, вызванные неумеренным употреблением алкоголя, часто способствовали возникновению необоснованной ревности, становящейся главной движущей силой в совершенном убийстве. Именно необоснованная ревность лежит в основе значительного числа убийств из ревности, совершенных особо цинично и жестоко. Более того, в отдельных случаях такие преступления были совершены общественно опасным способом

1 Шестаков Д. А. Ситуация супружеского убийства // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью: Межвузовский сборник. / Под ред. Н. А. Беляева и Д. А. Шестакова. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. — С. 26.

2 Соболева С. Б. Виктимологический аспект конфликтных ситуаций в семье // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 25. — М., 1980. — С. 37.

Формированию беспочвенной ревности у подобных убийц способствует и свойственная им готовность к болезненной фиксации ошибочных утверждений. И в результате этого «ревность могла возникнуть из-за одного неудачного или не вовремя сказанного слова»³.

Помимо вышесказанного особую роль в обусловленности личных особенностей ревнивца, совершившего убийство, неумеренное употребление алкоголя занимает и из-за того, что оно значительно снижает нормативный контроль. В таком состоянии крайне резко возрастает вероятность насильственных преступных действий, особенно учитывая то, что большинство алкоголиков и лиц, злоупотребляющих алкоголем, агрессивны.

Это, обращая внимание на огромный объем убийств из ревности в состоянии опьянения (77%), позволяет нам рассмотреть агрессивность как следующую особенность личности такого убийцы. Стоит также добавить, что агрессивность присуща и тем, у кого не было отмечено неумеренного употребления спиртного. Естественно, что у таких ревнивцев ее уровень был значительно ниже.

Злоупотребление алкоголем, и тем более алкоголизм, порождали и/или повышали вероятность агрессии. Связано это с тем, что у человека исчезает возможность адекватно, корректно интерпретировать происходящую ситуацию. И в таких условиях определенные обстоятельства, как реальные, так и лишь мнимые убийцей, представлялись преступнику угрозами ему и его достоинству. Проявление же агрессии было ничем иным, как защитой от этих угроз.

Подобная особенность выражалась и оказывалась особенно критичной в момент конфликта, вызванного ревностью. В таких условиях несвоевременные действия или лишь неудачно сказанное слово потерпевшего могли разжечь ревность убийцы, бывшую вначале вполне приемлемой, до угрожающих масштабов. И агрессия преступника здесь становилась средством обезопасить себя от потери объекта своего внимания, или же средством устранения соперника.

«Многочисленные исследования свидетельствуют о существовании взаимосвязи между употреблением алкоголя и вербальной агрессией, агрессивными мыслями, насилием в семье, насильственным травматизмом, сексуальной агрессией, убийствами и самоубийствами. Согласно различным данным от 40 до 60% случаев насилия совершается в состоянии алкогольного опьянения»⁴. Учитывая же, что большинство убийств из ревности совершается именно в состоянии алкогольного опьянения, прямо способствующего агрессии, о ней можно говорить не просто как об одном из отличий такого преступника, а как об одном из ведущих.

Помимо прочего, агрессивность также способствует формированию у ревнивца насильственной установки при решении большинства проблем. Следствием этого является то, что «у преступника, задолго до совершения убийства из ревности, подсознательно фиксируется приемлемость способа насильственных действий»⁵. Более того, из-за приемлемости такого поведения этот способ применяется снова и снова, в любой аналогичной ситуации. И именно поэтому значительное число убийств по мотиву ревности происходило, когда преступник переусердствовал с «обычными» избиениями «неверной» жены.

Озвученная выше установка на решение любых сложных проблем насильственным способом проявляется во многих конфликтах из ревности. Эти конфликты по своей сути, механике и развитию крайне схожи. И эта схожесть обуславливается именно насильственной установкой — преступник приемлет

для себя лишь одно средство их разрешения — насилие. Более того, крайне часто этот способ приобретает в глазах преступника дополнительную весомость из-за алкогольного опьянения.

В качестве следующей черты личности преступника, совершившего убийство из ревности, нам бы хотелось рассмотреть «недостаточность социальных контактов, и особенно их пропажу, исчезновение (“потерю любви”)⁶. Такая недостаточность со стороны ревнивца проявляется в случае убийства соперника. То есть происходит уничтожение того, кто может сделать так, что наиболее дорогой или даже единственный социальный контакт исчезнет, произойдет «потеря любви». Убийство же должно предотвратить такую потерю. И, кроме того, это также говорит о весьма узком круге социальных контактов убийцы.

Таким образом, особенностью личности данного преступника также являются крайне узкий круг социальных контактов, влекущий небольшое количество мотивов к действию, малообщительность и слабая психосоциальная адаптация.

Рассматривая далее эту особенность, нужно коснуться ее аспекта, играющего для ревнивца ключевую роль — это его мотивационная сфера. Она «по широте связей и отношений с миром характеризуется заметной узостью и существенным сдвигом к примитивным побуждениям, часто выходящим за рамки социальных норм человеческих отношений»⁷. В первую очередь это касается стремления убийцы в отношениях с объектом ревности главенствовать, превосходить, переносить чувство собственности на другого человека и властвовать над ним. И весьма часто для этого преступник прибегает к насилию, в том числе и к его крайним формам, особенно когда ощущает, что теряет или может потерять объект своего внимания.

В таких условиях криминогенное значение приобретает именно недостаточное число мотивов, их немногочисленность. У рассматриваемых убийц, «в сравнении с законопослушными людьми, крайне узок перечень мотивов и то, как они могут быть реализованы»⁸. Блокировка хотя бы одного, а в случае убийства из ревности — часто и единственного из наиболее важных побуждений, при и так их скудной совокупности, «влечет не только психотравмирующие переживания, но и гораздо большее отчуждение от окружающей среды и норм, регулирующих поведение»⁹. Разблокировка же важного побуждения осуществляется криминальным путем. Он, в сложившихся условиях, видится преступнику максимально быстрым и эффективным.

В качестве следующей черты личности ревнивцев, виновных в убийстве, мы рассмотрим часто присущее им состояние тревожности. При таком переживании «человек не знает, чего он собственно боится, что часто обуславливается неосознаваемостью источника опасности»¹⁰. Подобное состояние имеет место, например, при сомнениях ревнивца в верности объекта его внимания, когда преступник подозревает или лишь предполагает наличие измены и очень ее боится. Постоянное же ожидание измены в сфере личных отношений и вызывает неоснованную ревность.

Тревожность же преступники крайне часто пытались снять алкоголем, оказывающим обратное воздействие. Состояние тревожности усиливалось и интенсивно развивалось. Частое же употребление алкоголя в таких ситуациях обуславливалось тем, что он выступал в роли средства снятия неуверенности

3 Антонян Ю. М., Гульдман В. В. Криминальная патопсихология. — М.: Наука, 1991. — С. 54.

4 Журнал «Медицинские новости». — 2005. — № 10. — С. 25.

5 Джекебаев У. С., Ражимов Г. Г., Судакова Р. Н. Мотивация преступления и уголовная ответственность. — Алма-Ата, 1987. — С. 160.

6 Антонян Ю. М. Насильственная преступность в России / РАН. ИНИОН и др. — М., 2001 г. — Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом / Ред. кол. сер.: Ананиан Л. Л. (отв. ред. сер.) и др., 2001. — С. 71.

7 Дунеев В. В. Мотивация преступного поведения. — Москва: «Наука», 1991. — С. 96.

8 Антонян Ю. М. Причины преступного поведения. — М.: Академия МВД РФ, 1992. — С. 207.

9 Там же. — С. 207.

10 Антонян Ю. М. Психология убийства. — М: Юристъ, 1997. — С. 304.

и тревоги. Именно из-за этого рассматриваемые убийцы в большинстве своем часто и злоупотребляли спиртным.

Кроме того, такие черты преступника, как подозрительность и недоверчивость, способствовали постоянному ожиданию измены и сопутствующему ей чувству тревоги от того, что она может произойти в реальности. Помимо этого, о наличии тревожности у лиц, совершивших убийство из ревности, говорит и то обстоятельство, что им присуща повышенная мнительность. У лиц, обладающих этим качеством, особенно в избытке наличествует тревожность.

Тревожность же, как свойство личности, выражается в субъективно серьезных опасениях за свое как биологическое, так и социальное существование. Ревность, особенно достигшая своих крайних форм, и является подобным опасением, страхом, а убийство же в таком случае играет роль защитного механизма.

Касаясь тревожности преступников, совершивших убийство из ревности, необходимо затронуть и их эмоциональную сферу. Необходимость эта обуславливается мотивом совершенного деяния, в котором эмоции играют ведущую роль.

В процессе исследования данного аспекта нами была отмечена такая черта личности ревнивцев, как эмотивность — «чувствительность, уязвимость, ранимость в сфере межличностных отношений и глубоких реакций в области эмоций»¹¹. Это качество у исследуемых нами преступников является одним из наиболее ярко выраженных и относится к защитной функции, о которой говорилось выше. Непосредственную же роль защиты, при наличии такой черты, как эмотивность, для преступника играют подозрительность, мнительность, злопамятность и агрессивность.

Помимо вышесказанного, подозрительность, злопамятность и повышенная чувствительность в межличностных отношениях свидетельствуют о наличии у убийцы такого качества, как ригидность. Ригидность, будучи «неспособностью личности изменить свое поведение в соответствии с изменившимися ситуациями»¹², говорит о приверженности преступника к одному и тому же типу действий, несмотря на то, что внешние условия стали другими. Кроме этого, она предполагает и такие особенности личности, как фиксацию на однообразных объектах и неизменение их эмоциональной значимости.

Для рассматриваемого преступника подобным объектом с неизменяющейся эмоциональной значимостью является лицо, вызвавшее ревность. Его же неверность или даже открытый уход к другому лицу представляет собой ту изменяющуюся ситуацию, к которой преступник никак не может приспособиться. И поэтому его действия снова и снова направляются либо на объект внимания, с целью возврата, и при неудаче которого последний гибнет, либо на ликвидацию соперника, покусившегося на этот объект, либо же на пресечение всей психотравмирующей ситуации сразу.

Рассматривая далее особенности личностей, совершивших убийство из ревности, нужно коснуться того аспекта, что 27% таких преступников обладали теми или иными психическими аномалиями.

Психические аномалии — это «более легкие, по сравнению с психическими болезнями, нарушения психики, без расстройств отражения реального мира и без существенных изменений поведения»¹³. Именно эти аспекты психических аномалий, их отличия от психических болезней и являются ключевыми.

У ревнивцев с психическими аномалиями преобладающими являются нормальные психические явления и процессы. И именно поэтому подобные лица, в подавляющем большинстве, сохраняют свои социально полезные связи, хотя они могут

быть и крайне узкими, а также являются трудоспособными, дееспособными и вменяемыми.

Несмотря на меньший вред, чем от психических болезней, психические аномалии все же оказывают воздействие на поведение преступника. Это воздействие выражается во влиянии на определенные негативные черты характера, делая их гораздо более выраженными. И, в свою очередь, это способствует возникновению ревности, в особенности беспричинной. А кроме того, под воздействием таких отклонений нормальная ревность может принимать свои крайние формы.

К негативным же чертам характера, на которые психическими аномалиями было оказано влияние, можно отнести агрессивность, раздражительность и жестокость. Кроме того, отклонения в психике преступника способствуют снижению волевых процессов, повышению внушаемости и ослаблению сдерживающих контрольных механизмов. Подобные убийцы могут до совершения преступления достаточно долго находиться в браке, и у будущей жертвы, нередко, даже не возникало сомнений об адекватности поведения супруга. Объясняется это тем, что психические аномалии могут протекать скрыто, явно не проявляясь каждый раз, и восприниматься окружающими «не как психическое расстройство, а как странности характера, неуравновешенность, склочность, необъяснимая жестокость либо тупость и тому подобное»¹⁴.

Рассматриваемые убийцы с психическими аномалиями значительно чаще, по сравнению с теми, у кого их нет, попадают в жесткую зависимость от той или иной жизненной ситуации. И им гораздо труднее ее разрешить в рамках существующих норм. Такую зависимость они часто пытались снять с использованием насильственных действий. И эти действия имеют смысл в том, чтобы уничтожить объект, который демонстрирует лицу его несостоятельность или недостаточность, и выступают в качестве психической защиты.

В этом отношении характерными являются переживания ревнивцев-алкоголиков и лиц, злоупотребляющих алкоголем, когда подобное неумеренное употребление спиртного отягощено психическими аномалиями. «Здесь женщина является как бы «проявлением» сексуальной недостаточности мужчины, он воспринимает ее, как источник психической травмы, поскольку она демонстрирует ему эту недостаточность. Неслучайно проявлению ревности часто предшествует беспокойство, тревога, подозрительность»¹⁵.

Психические аномалии не только ставят убийцу в жесткую зависимость от конкретной жизненной ситуации, которой для него является конфликт на почве ревности, но также и снижают его сопротивляемость к ней. Возникают препятствия для развития социально полезных качеств личности, способствующих ее адаптации к внешней, в том числе и конфликтной, среде.

Такая пониженная сопротивляемость конфликтной ситуации негативно сказывается на всей личности преступника. Это в свою очередь крайне сильно увеличивает вероятность совершения преступления именно ревнивцем с аномалиями психики.

Рассматривая ревнивцев с психическими аномалиями, нужно отметить, что подавляющее большинство таких дефектов встречается у мужчин. Кроме того, с их стороны очень часто имела место рационализация чувства собственного достоинства и снижение чувства вины. И даже, более того, вина нередко переносится на женщину. Именно поэтому 34% лиц, виновных в совершенном ими убийстве из ревности, лишь частично признали свою вину, а 19% не признали вовсе.

Следует также особо отметить, что подобное частичное и полное непризнание вины лицами, совершившими убийство из ревности, связано не только с вышесказанным, но и с завышенной самооценкой. Она возникает в связи с психической

11 Антонян Ю. М. Психология убийства. — М.: Юристъ, 1997. — С. 308.

12 Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. — М.: Наука, 1991. — С. 52.

13 Кербинов О. В., Коркина М. В., Наджарова Р. А. и др. Психиатрия. — М.: Медицина, 1968. — С. 217.

14 Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. — М.: Наука, 1987. — С. 78.

15 Там же. — С. 80.

самозащитой таких преступников. Их завышенная самооценка является психическим оправданием применения ими насилия к другим лицам, а также объяснением заниженного «порога возбуждения, когда насильственные действия применяются в ответ на незначительный или вымышленный раздражитель»¹⁶ (лишь сомнения в верности или мнимая измена).

Касаясь психические аномалий ревнивцев, совершивших убийство, нужно отметить, что несмотря на их воздействие на личность преступника, это не означало, что подобное лицо должно было неизбежно совершить убийство из ревности.

У ревнивца с подобными недостатками психики вероятность совершить преступление значительно увеличивалась, в отличие от того, у кого их не было. Но при этом, пусть даже в отдельных случаях эта вероятность становилась и крайне большой, она все же оставалась вероятностью, а не превращалась в неизбежность. Наличие психических аномалий обостряло и усиливало воздействие объективных и субъективных факторов, способствующих совершению убийства таким лицом, а не делало его преступником автоматически.

Завершающей особенностью личности рассматриваемого преступника, которой бы нам хотелось коснуться, является его огромный эгоизм. Наиболее ярко эта черта проявляется в отношении жены и ребенка, после его рождения.

В 37% случаев убийства из ревности преступник и жертва имели общего ребенка, и этот сдерживающий фактор не срабатывал. В момент совершения деликта преступник не думал о ребенке, так как воспринимал его как само собой разумеющуюся «собственность», которая никуда не денется. Такое же отношение было и к объекту ревности, но эту «собственность» в то время нужно было сохранить, потому, что имела место угроза ее потери. И, таким образом, все внимание преступника было обращено на более важный объект ревности, «вторичная» же ценность, в виде ребенка, отодвигалась на задний план, так как в тот момент ей ничего не грозило.

Кроме того, нужно обратить внимание на резко негативное изменение отношения преступника к жене после рождения ребенка. В большинстве подобных случаев муж-ревнивец запирает жену дома и не разрешал выходить даже для покупки еды, угрожал ей. Также имели место избиения супруги, и порой преступник высказывал сомнения в том, его ли это ребенок. При этом личность такого преступника, как правило, была осложнена той или иной психической аномалией.

Подобное поведение ревнивца «имело целью создание физической преграды для ухода жены, а угрозы и избиения были ничем иным, как средством подчинения ее своей воле»¹⁷. Такие действия преступника носили весьма примитивный характер, так как, по его мнению, он не имел в своем распоряжении иных действенных средств удержать жену. Уход же ее, вероятный или предстоящий, мнимый или реальный, весьма усугублял его дезадаптацию. Жена, таким образом, была для преступника основным, в некоторых случаях — единственным каналом связи с окружающей действительностью, главным

приспособительным фактором. Потеря же ее становилась для мужа-ревнивца крайне сильной психотравмой.

Родившийся же ребенок становился для преступника, с одной стороны, дополнительным каналом связи с окружающим миром, с другой — тем, кто забирал значительную часть внимания, уделяемого убийце жертвой. В первом случае преступник подсознательно пугался этого канала связи, именно из-за его новизны, и тяга к нему была одновременно сопряжена со стремлением «перекрыть» его или минимизировать оказываемое им воздействие. Во втором же случае убийца неосознанно стремился вернуть себе то внимание, которое было «отнято» у него ребенком, и поэтому часто последний не воспринимался с должной серьезностью. В таких случаях ревность преступника носила инфантильный характер, он сам вел себя как ребенок. И в подобных ситуациях соперник, грозящий отношениям ревнивца и объекта его внимания, был исключительно вымышленным.

В заключение хотелось бы сказать, что аспект особенностей личности ревнивца, совершившего убийство, является центральным в разработке мер предупреждения совершенного таким преступником деликта. Связанно это с тем, что именно подобные личностные особенности наиболее существенно увеличивают вероятность совершения убийства. Учитывая же то, что влияние определенных черт личности не осознается даже самим преступником, своевременное воздействие на них, берущее во внимание их природу, может повлечь значительное снижение объема убийств, совершенных по мотиву ревности.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю. М., Гульдман В. В. Криминальная патопсихология. — М.: Наука, 1991 г. Антонян Ю. М. Насильственная преступность в России / РАН. ИНИОН и др. — М., 2001 г. — Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом / Ред. кол. сер.: Ананьян Л. Л. (отв. ред. сер.) и др., 2001.
2. Антонян Ю. М. Причины преступного поведения. — М.: Академия МВД РФ, 1992. Антонян Ю. М. Психология убийства. — М.: Юрист, 1997 г.
3. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. — М.: Наука, 1987.
4. Джекебаев У. С., Ражимов Г. Г., Судакова Р. Н. Мотивация преступления и уголовная ответственность. — Алма-Ата, 1987.
5. Кербиков О. В., Коркина М. В., Наджарова Р. А. и др. Психиатрия. — М.: Медицина, 1968.
6. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. — Москва: «Наука», 1991.
7. Соболева С. Б. Виктимологический аспект конфликтных ситуаций в семье // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 25. — М., 1980.
8. Шестаков Д. А. Ситуация супружеского убийства // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью: Межвузовский сборник. / Под ред. Н. А. Беляева и Д. А. Шестакова. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
9. Медицинские новости. — 2005. — № 10.

16 Джекебаев У. С., Ражимов Г. Г., Судакова Р. Н. Мотивация преступления и уголовная ответственность. — Алма-Ата, 1987. — С. 157.

17 Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. — М.: Наука, 1987. — С. 82.

Бабичев А. Г.

**НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ч. 1 ст. 108 УК РФ**

В статье рассматриваются вопросы назначения наказания за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. В частности, анализируются теоретические вопросы, судебные приговоры по делам данной категории, выявляются наиболее типичные ошибки в них, даются рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: убийство, состояние необходимой обороны, превышение пределов, общие начала назначения наказания, преступление небольшой тяжести, личность подсудимого, смягчающие обстоятельства, противоправное поведение потерпевшего.

Babichev A. G.

**IMPOSITION OF PUNISHMENT FOR THE CRIME UNDER PART 1,
ARTICLE 108 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article considers the issues of sentencing for murder committed in excess of the limits of justifiable defense. In particular, we study the theoretical issues, court verdict in cases of this category, identify the most common errors in them, give recommendations for their elimination.

Keywords: murder, justifiable defense, exceeding the limits, general principles of sentencing, a minor crime, the identity of the defendant, the mitigating circumstances, the victim's wrongful conduct.

Бабичев А. Г.

Согласно санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ предусмотрено наказание за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, в виде исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок.

То есть законодатель, в соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ, относит это деяние к категории преступлений небольшой тяжести, однако предусматривает возможность назначения такого строгого вида наказания, как лишение свободы.

Проводя оценку санкции уголовно-правовой нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 108 УК РФ, Н. Г. Вольдимарова признала неоправданным в социальном, правовом и этическом отношении установление за совершение указанного преступления такого сурового вида наказания, как лишение свободы, и предлагает исключить его из санкции данной уголовно-правовой нормы¹. По мнению автора, «назначение наказания прежде всего призвано оказывать позитивное психологическое и нравственное воздействие на личность осужденного и общественное сознание. Тенденция, основанная на применении жестких мер наказания за преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны, препятствует достижению целей его назначения, поскольку порождает неверие в справедливость и законность судебных решений и способна вызвать негативный социальный резонанс в обществе...»².

С этой точкой зрения трудно согласиться, так как законодатель, определяя в ч. 2 ст. 15 УК РФ деяния, относящиеся к категории преступлений небольшой тяжести, имел в виду не только преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны. При этом для всех преступлений этой категории основным критерием разграничения с преступлениями средней тяжести является указания в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм в качестве локального наказания на лишение свободы, не превышающее трех лет. В санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ срок максимального наказания в виде лишения свободы за это преступление был даже снижен до двух лет. Но надо учитывать и то, что речь идет об убийстве, то есть о преступлении, которое, по словам Ю. А. Васи-

льева, «влечет необратимые последствия и невосполнимый вред в виде наступления смерти человека»³. Недооценка такой утраты как раз и может привести к негативным социальным последствиям.

Еще более тридцати лет назад отмечалось несовершенство практики назначения наказания за преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны. Так, суды, по 55% изученных дел данной категории, назначили виновным наказание в виде лишения свободы, а исправительные работы были применены лишь к 16% осужденным⁴. И сейчас исследователи пишут «о несовершенстве современной практики назначения наказания по делам об убийствах»⁵. Вместе с тем едва ли можно согласиться с мнением Н. Г. Вольдимаровой о том, что «назначение наказания прежде всего призвано оказывать позитивное психологическое и нравственное воздействие на личность осужденного и общественное сознание»⁶. Есть большое сомнение, что уголовное наказание способно оказывать такое «позитивное психологическое и нравственное воздействие» «на личность осужденного», вместо тревоги и страха порождать в нем удовлетворение и радость, даже когда оно справедливое, ибо справедливое для осужденного — это, прежде всего, мягкое, гуманное, а не соразмерное характеру и степени общественной опасности преступления наказание. Относительно строгое, но справедливое наказание, назначенное, как правило, в рамках санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 108 УК РФ, и сознанием осужденного, и общественным сознанием обычно воспринимается позитивно. Заслуженное наказание — это в своей основе и эффективное наказание. Восстановление социальной справедливости, которое воплощается в заслуженном наказании, создает предпосылки для исправления осужденного, служит достижению общей превенции, обращенной ко всем гражданам, и специальной превенции, направленной на лицо, ответственное за совершение престу-

1 См.: Вольдимарова Н. Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — С. 25–26.
2 Там же. — С. 26.

3 Васильев Ю. А. Практика назначения наказания по делам об убийствах: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2011. — С. 17.
4 См.: Право на необходимую оборону. Обзор судебной практики // Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1983. — № 3. — С. 22.
5 Васильев Ю. А. Практика назначения наказания по делам об убийствах: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2011. — С. 21.
6 Вольдимарова Н. Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — С. 26.

пления, чтобы вызвать мотив воздержания от совершения новых преступлений.

Проведенный анализ судебных решений с целью изучения современной практики назначения наказания за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, позволил установить значительное число недочетов и нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, действующего в этой сфере осуществления уголовного правосудия.

Так, при назначении наказания Д. за убийство своего супруга, совершенное ею при превышении пределов необходимой обороны, суд учел в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, «противоправность поведения потерпевшего, послужившего поводом к совершению преступления»⁷. В п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, учитывается «противоправность или аморальность поведения, явившегося поводом для преступления». Однако в соответствии с ч. 3 ст. 61 УК РФ в случаях, когда «смягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания». Статья 108 УК РФ предусматривает в качестве обязательного признака преступления «общественную опасность и противоправность поведения (посягательства) потерпевшего, являющегося не «поводом», а основанием возникновения состояния необходимой обороны и совершения соответствующего преступления. Лишь в ст. 107 УК РФ «противоправность поведения потерпевшего» является «поводом» к убийству». Таким образом, «противоправность поведения потерпевшего» как смягчающее обстоятельство: во-первых, не может учитываться как смягчающее наказание обстоятельство, поскольку оно максимально учтено как признак указанного преступления, являющегося не столько поводом, сколько основанием, причиной вынужденного ответного насилия со стороны лица, виновного в убийстве при «эксцессе обороны»; во-вторых, предусмотренное в конструкции п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, оно должно быть изменено по своему содержанию и не должно ограничиваться лишь случаями, когда оно являлось «поводом для преступления». Это смягчающее наказание обстоятельство можно было бы указать в следующей редакции: «з) общественная опасность, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, содействовавшего совершению преступления».

Кроме того, в приведенном выше примере суд указал в приговоре, что «при назначении наказания подсудимой суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного ею деяния, личность виновной...». Но какова общественная опасность ее деяния, ее характер и степень, что в личности виновной может как-то повлиять на назначение ей справедливого и целесообразного наказания, в приговоре не раскрывается⁸.

В другом приговоре суд, принимая решение о назначении наказания Д. за совершенное убийство К. при превышении пределов необходимой обороны, указал в приговоре не только то, что учитывает при этом «характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и другие обстоятельства совершенного преступления», но и разъяснил, что под «характером и степенью общественной опасности преступления» суд понимает то, что Д. «совершено преступление небольшой тяжести», и то, что «совершенное преступление направлено против жизни человека, конституционно закрепленного блага как высшей ценности государства, с причинением смерти потерпевшему», а говоря об учете «личности виновного», он указал на его «молодой возраст», «положительные ха-

рактеристики по месту жительства и учебы», «награждение его почетными грамотами и медалями»⁹. Отмечая положительные моменты в приговоре по делу, касающиеся учета «характера и степени общественной опасности преступления» и «личности преступника» — основных величин в системе общих начал назначения наказания, нельзя не сказать о несправедливости назначенного Д. наказания в виде 1 года 4 мес. лишения свободы с реальным его отбыванием, поскольку, наряду с положительными характеристиками личности подсудимого, суд учел совокупность смягчающих обстоятельств: совершение впервые преступления небольшой тяжести, признание им вины, явку с повинной и активное способствование раскрытию и расследованию преступления. При отсутствии отягчающих обстоятельств и наличии совокупности смягчающих обстоятельств, данных, положительно характеризующих подсудимого, мера назначенного ему наказания не должна быть связана с лишением свободы — наиболее строгим видом наказания из четырех, предусмотренных в ч. 1 ст. 108 УК РФ, да еще с реальным его отбыванием. Вопреки требованию уголовного закона (ч. 1 ст. 60 УК РФ) о том, что «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания», суд обосновал свое решение в этой части лишь тем, что раз «совершенное преступление направлено против жизни и здоровья человека», он «полагает необходимым и справедливым назначить Д. наказание в виде лишения свободы с реальным его обоснованием». Предусматривая наказание за этот вид «привилегированного» убийства в виде исправительных работ (до 2-х лет), ограничения свободы (до 2-х лет), принудительных работ (до 2-х лет) и лишения свободы (до 2-х лет), законодатель исходил прежде всего из того, что данное преступление «направлено против жизни человека». Однако в какой мере назначенное Д. наказание связывалось с его исправлением и достижением других целей наказания, суд в приговоре так и не сказал. Вследствие этого законность, справедливость и целенаправленность назначенного Д. наказания вызывает сомнение. Кроме того, нельзя забывать, как отмечалось, что согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ «наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 настоящего Кодекса... или только если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания».

Таким образом, в рассматриваемом нами преступлении небольшой тяжести имеются данные, положительно характеризующие личность подсудимого, совокупность смягчающих обстоятельств, и отсутствуют отягчающие обстоятельства, то есть лицу, совершившему убийство при превышении пределов необходимой обороны, следует назначать сравнительно более мягкое наказание в пределах санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Анализ практики назначения наказания по делам об убийствах, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, также показывает, что некоторые судьи выделяют как самостоятельные величины общих начал назначения наказания «тяжесть совершенного преступления» и одновременно «характер и степень общественной опасности совершенного преступления», а иногда и «категорию преступления».

Так, при назначении наказания М-вой, осужденной по ч. 1 ст. 108 УК РФ, суд учел «тяжесть совершенного преступления», «характер и степень его общественной опасности» и то, что «совершенное ею преступление относится к категории небольшой тяжести»¹⁰. Из сказанного можно понять, что суд рассматривал

7 См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы по делу Д. от 26 марта 2012 г.; уг. дело № 1-192/12 // Архив Октябрьского районного суда г. Уфы за 2012 г.

8 См. также: См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 26 марта 2012 г.; уг. дело № 1-192/12.

9 См.: Приговор Дзун-Хемчинского районного суда Республики Тыва по делу Д. от 9 октября 2012 г. // Архив Дзун-Хемчинского районного суда Республики Тыва за 2012 г.

10 См.: Приговор Ярославского районного суда г. Ярославской области по делу М-вой от 27 декабря 2012 г.; уг. дело № 1-173/2012 // Архив

указанные понятия как различающиеся между собой элементы общих начал назначения наказания. Но в ч. 3 ст. 60 УК РФ судам указывается на необходимость учитывать из вышеперечисленного лишь «характер и степень общественной опасности преступления». Что касается «категории преступления», то согласно ст. 15 УК РФ в основе подразделения преступлений на категории по их тяжести лежит «характер и степень общественной опасности деяния, предусмотренные настоящим Кодексом».

Общественная опасность — это объективный признак и показатель преступления, его характера и степени. Но сам по себе этот признак, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, не придает деянию преступный характер и не может служить показателем тяжести преступления без учета «виновности» лица, совершившего преступление. Не удивительно, что законодатель, указав в ст. 15 УК РФ в основе подразделения преступлений на категории «характер и степень общественной опасности деяния», на самом деле в основу их подразделения поставил содержательный признак — «виновность», то есть совершение преступления по умыслу или неосторожности, и формальный признак — «наказуемость», то есть вид и размер наказания (главным образом — лишения свободы), которое предусматривает УК РФ за данный вид преступления. Это логично, поскольку «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» (ч. 1 ст. 5 УК РФ).

Учитывая обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, суд должен понимать, что справедливость наказания, то есть его соответствие характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного, во многом зависит от обстоятельств, характеризующих деяние и лицо, его совершившее (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Среди обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, есть только те обстоятельства, которые характеризуют или деяние (преступление), или личность виновного. Это вытекает из смысла того положения, которое предусматривается в ч. 3 ст. 60 УК РФ и заключается в словах: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание...». Необходимо лишь подразделить эти обстоятельства на те, что отражают степень общественной опасности (и виновности) преступления — с одной стороны, и опасность или степень опасности личности виновного, его потенциальную способность и готовность к исправлению — с другой. Первые из них играют основную роль при определении заслуженного наказания, поскольку основным мерилем наказания должно быть само совершенное деяние. Вторые в большей мере должны служить показателями эффективности будущего наказания, помочь суду прогнозировать возможность исправления виновного в определенных условиях отбывания того или иного наказания.

Например, при назначении наказания М. за совершенное им убийство при превышении пределов необходимой обороны суд учел: «характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, которое является умышленным и относится к категории небольшой тяжести»; «личность подсудимого, который ранее не судим»; «имеет на иждивении двоих малолетних детей»; «по месту жительства характеризуется положительно»; «к административной ответственности не привлекался»; «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял»; «жалоб на него не поступало»; «является активным участником региональной общественной организации азербайджанцев «Мост дружбы»»; «замечаний по поведению не имеет»; «общественный порядок не нарушал». В качестве обстоятельства, смягчающих наказание подсудимому, суд учел «наличие у М. двух малолетних детей», «противоправность

поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления», «явку с повинной», «признание вины», «активное способствование расследованию преступления», «раскаяние в содеянном». При изложенных обстоятельствах суд назначил М. наказание в виде исправительных работ на срок в 1 год 8 мес. с удержанием из заработка осужденного в доход государства 10%. В соответствии со ст. 73 УК РФ это наказание суд указал «считать условным с испытательным сроком на 1 год»¹¹.

Необходимо отметить, что общие начала назначения наказания, учет которых, по мнению законодателя (ст. 60 УК РФ), призван гарантировать справедливое наказание за совершенное преступление, представляют собой единую целостную систему, в которой одни обстоятельства составляют основу, ядро, наиболее важную часть данной системы. Это обстоятельства, отражающие характер и степень общественной опасности совершенного преступления, которые в первую очередь влияют на оценку содеянного как обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание. От их наличия и соотношения (по количественным и, в большей мере, по качественным характеристикам) в подсистеме этих обстоятельств в решающей степени зависит общее смягчение или отягчение (ужесточение) наказания в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, а в случаях, предусмотренных ст. 64 УК РФ, — назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Следующую, более низкую ступеньку в структуре общих начал назначения наказания занимают обстоятельства, характеризующие личность виновного, прежде всего те из них, которые проявились в совершенном преступлении, а также те, что способны оказать влияние на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В вышеуказанном приговоре по делу М. системный подход при назначении наказания виновному отсутствует. Вместо этого в нем дается некий бессистемный набор обстоятельств, которые в разной мере характеризуют личность виновного и могут влиять на смягчение наказания либо на выбор оптимального наказания, способного создать благоприятные условия для исправления осужденного или ухудшить условия жизни его семьи, а также обстоятельства, не способные как-то повлиять на назначение заслуженного и эффективного наказания. Правда, указывая на «учет характера и степени общественной опасности совершенного преступления», суд правильно разъяснил, что совершенное М. преступление относится к категории небольшой тяжести и было умышленным, поскольку ч. 2 ст. 15 УК РФ относит к категории небольшой тяжести как умышленные, так и неосторожные преступления. Вполне справедливо было бы указать на объект посягательства, на то, что им является жизнь человека — особо ценное благо, защита которого стоит на первом месте в Особенной части УК РФ. Если обратиться непосредственно к перечню обстоятельств, которые суд учел при назначении наказания по данному делу, то в нем перечисляются в беспорядке и обстоятельства, характеризующие личность виновного, — ранее не судим, по месту жительства характеризуется положительно, является активным участником региональной общественной организации азербайджанцев «Мост дружбы», и обстоятельства, способные оказать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, — наличие у М. двух малолетних детей, хотя в приговоре оно ошибочно отнесено к обстоятельствам, смягчающим наказание (к деянию это обстоятельство не имеет никакого отношения), и обстоятельство, собственно смягчающее наказание, — противоправное поведение потерпевшего, явившегося поводом для преступления, явка с повинной, признание вины, активное способствование расследованию преступления и раскаяние в содеянном, и обстоятельства, которые едва ли следовало выделить при назна-

11 См.: Приговор Бердюжского районного суда Тюменской области по делу М. от 11 января 2013 г.; уг. дело № 1-2/2013 // Архив Бердюжского районного суда Тюменской области за 2013 г.

чении М. наказания, — к административной ответственности не привлекался, жалоб на него не поступало, замечаний по поведению не имеет; общественный порядок не нарушал, на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял.

Суд, используя разрешение законодателя учитывать в качестве смягчающих обстоятельства, непосредственно не предусмотренные в уголовном законе (ч. 2 ст. 61 УК РФ), проявил ненужную изобретательность в данном деле и помимо того, что при назначении М. наказания учел в качестве смягчающих такие обстоятельства, как «явка с повинной», «активное содействие расследованию преступления» и «раскаяние в содеянном», учел еще и «признание вины», как будто без признания вины в принципе возможны все три предыдущих акта позитивного постпреступного поведения, в которых признание вины предполагается как обязательный первоначальный шаг «повинившегося» и «раскаившегося» преступника, который к тому же активно способствует расследованию преступления. Еще большую изобретательность проявил суд при определении обстоятельств, характеризующих личность виновного. Наряду с положительной характеристикой М., его активной позитивной общественной деятельностью, суд указал также на такие самостоятельные обстоятельства: «к административной ответственности не привлекался», «общественный порядок не нарушал», «жалоб на него не поступало», «замечаний по поведению не имеет», что может служить лишь подтверждением положительной социальной характеристики виновного.

Указание же в приговоре на то, что М. «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял», нередко встречающиеся в приговорах по делам данной категории, вызывает недоумение. Вот если бы, к несчастью, подавляющее большинство россиян «состояло на учете у врачей нарколога или психиатра», тогда те из них, которые «не состоят», могли бы получить какую-то положительную характеристику или оценку личности.

В данном приговоре повторилась та же ошибка, о которой ранее уже было сказано при анализе решения о наказании виновного по другому делу рассматриваемой категории, — о признании в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, «противоправного поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления», где автор уже разъяснил, что это смягчающее обстоятельство предусмотрено ч. 1 ст. 108 УК РФ «в качестве признака преступления» (правда, в иной редакции) и согласно ч. 3 ст. 61 УК РФ «не может повторно учитываться при назначении наказания».

Об этом же в сущности говорится, например, в кассационном определении по делу Ш., осужденного по ч. 1 ст. 108 УК РФ к 8 месяцам ограничения свободы. Отвечая на доводы адвоката осужденного, выражавшего в своей жалобе несогласие с приговором суда в части назначения наказания подзащитному в том, что при назначении наказания Ш. «суд не учел неправомерное поведение потерпевшего», кассационная судебная инстанция не признала их обоснованными и указала, что «противоправное поведение потерпевшего установлено судом как одно из обстоятельств объективной стороны преступления, обусловившее квалификацию содеянного по ч. 1 ст. 108 УК РФ, поэтому не подлежит повторному учету при назначении наказания»¹².

Иногда суды неправильно признают в качестве отягчающего обстоятельства «наступление тяжких последствий» (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ) в виде смерти потерпевшего, хотя это обстоятельство является необходимым признаком состава преступле-

ния, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ и поэтому не должно дополнительно учитываться как отягчающее обстоятельство. Вместе с тем верно, когда суд при назначении наказания за данный «привилегированный» вид убийства, ссылаясь на характер и степень общественной опасности преступления, учитывает не только категорию преступления, но и намеренное (умышленное) причинение смерти другому человеку, то есть посягательство на самый ценный (согласно Конституции РФ и УК РФ) объект охраны — жизнь человека, поскольку в определении категорий преступления допускается различная степень вины (в зависимости от формы вины) и различные по своей ценности объекты посягательства.

Подводя итог, необходимо выделить типичные ошибки, препятствующие назначению справедливого и соответствующего требованиям уголовного закона наказания за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Во-первых, в нарушение ч. 1 ст. 60 УК РФ нередко необоснованно назначается более строгий вид наказания (например, лишение свободы или ограничение свободы вместо исправительных работ), когда менее строгий вид наказания способен обеспечить достижение целей наказания.

Во-вторых, при назначении наказания за такое убийство, впрочем, как и в практике назначения наказания за другие виды убийства, отсутствует системный подход, когда в первую очередь необходимо учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления и, соответственно, обстоятельства, характеризующие деяние и способные в связи с этим повлиять на наказание, а затем учитывать личность виновного и обстоятельства, ее характеризующие и характеризующие его поведение до и после совершения убийства, а затем учитывать обстоятельства, способные оказывать воздействие назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Непонимание структуры общих начал назначения наказания мешает реализации принципа справедливости и достижению целей наказания на стадии его назначения.

В-третьих, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, при назначении наказания за данное преступление суд иногда не учитывает то, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести, а если и учитывает это обстоятельство, то не учитывает такие обстоятельства, как умышленный характер его совершения и его направленность на особо ценный объект посягательства — на жизнь человека, которые позволяют учесть в назначенном наказании степень вины и степень проявления общественной опасности совершенного преступления.

В-четвертых, нередко суд учитывает в качестве обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, те обстоятельства, которые уже учтены в ч. 1 ст. 108 УК РФ в качестве признака преступления и сами по себе повторно не могут учитываться при назначении наказания (например, «противоправное поведение потерпевшего», вызвавшее ответные действия обороняющегося, или «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления»).

В-пятых, используя положение, предусмотренное ч. 2 ст. 61 УК РФ, о том, что «при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи», суды часто учитывают в качестве самостоятельных такие обстоятельства, которые по своей сути не способны оказывать влияние на смягчение наказания либо лишь повторяют или дополняют содержание уже учтенных судом обстоятельств, характеризующих личность или облегчающих прогнозирование условий исправления осужденного при назначении соответствующего наказания.

12 См.: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Бурятия по делу Ш. от 10 января 2013 г.; уг. дело № 22–2700 // Архив Верховного суда республики Бурятия за 2013 г.

Галимов Р. Р., Клызбаева В. А.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ст. 151.1 УК РФ «РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ»

В статье рассматриваются вопросы применения ст. 151.1 УК РФ. С момента введения уголовной ответственности сложилась определенная практика применения данной нормы, но остается ряд вопросов, которые требуют своего разрешения. Предлагаются меры по совершенствованию уголовного закона.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, алкогольная продукция, продажа алкогольной продукции.

Galimov R. R., Klyzbaeva V. A.

CONTROVERSIAL ISSUES IN THE APPLICATION OF ART. 151.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «RETAIL SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES TO MINORS»

The article considers the questions of application of art. 151.1 of the Criminal Code. Since the introduction of criminal responsibility, particular practical application of this provision has been formed, but there remain a number of issues, which require resolution. The measures intended to the improvement of the criminal law are proposed.

Keywords: juvenile, criminal responsibility, alcohol production, sale of alcoholic beverages.

Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в их числе одним из приоритетных является нормальное физическое развитие и нравственное воспитание несовершеннолетних.

Так, одной из целей Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹ является защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. В настоящее время таких негативных факторов большое количество: это и пропаганда насилия в компьютерных играх, и доступность для несовершеннолетних табачной и алкогольной продукции. Последнее вызывает серьезную обеспокоенность.

Алкоголизация населения, особенно молодежи, достигла критической точки, и проблема борьбы с алкоголем на современном этапе является одной из составляющих государственной политики. По данным Роспотребнадзора, в России из 10 млн лиц в возрасте от 11 до 18 лет более половины регулярно употребляют спиртные напитки. Одной из причин приобщения несовершеннолетних к употреблению алкоголя является свободная реализация им спиртных напитков продавцами, которые игнорируют установленные законом запреты.

Исследования показывают, что средний возраст злоупотребляющих алкогольными напитками, в основном пивом, за последние десять лет снизился с 14 до 11 лет. Согласно результатам социологических опросов напитки, которые наиболее часто покупают дети в возрасте от 13 до 17 лет, — алкогольные коктейли².

В целях усиления борьбы с детским алкоголизмом Федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) была введена ст. 151.1, предусматривающая уголовную ответственность за роз-

ничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Введению данной статьи предшествовало принятие Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения России, ряд положений которой направлен прежде всего на защиту несовершеннолетних от пьянства и алкоголизма, а также на формирование стимулов к здоровому образу жизни. В качестве основных мер реализации данной Концепции выступают в первую очередь снижение доступности алкогольной продукции, включая пиво, путем введения ограничений ее розничной продажи по месту и времени; усиление административной ответственности за нарушения в области производства и оборота алкогольной продукции, в том числе нормативно установленных ограничений на розничную продажу алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, лицам, не достигшим определенного законом возраста, а также усиление уголовной ответственности за неоднократное совершение указанных деяний. Согласно указанной Концепции к 2020 г. потребление алкоголя в России должно сократиться с нынешних 18 до 5–8 литров на человека в год.

Повышение мер ответственности за реализацию алкогольной продукции несовершеннолетним соответствует и общемировым тенденциям усиления борьбы с детским алкоголизмом, противодействия росту алкоголизации несовершеннолетних. Так, в Глобальной стратегии сокращения вредного употребления алкоголя, одобренной в мае 2010 г. 63-й сессией Всемирной ассамблеи здравоохранения, обращается особое внимание на «установление соответствующего минимального возраста для приобретения или потребления алкогольных напитков и других мер политики для создания барьеров против продажи алкогольных напитков подросткам или их употребления подростками; недопущение продажи алкогольных напитков лицам в состоянии опьянения или не достигшим установленного законом возраста и рассмотрение о введении механизмов возложения ответственности на продавцов и лиц,

Галимов Р. Р.

Клызбаева В. А.

1 Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3802.

2 См.: Артеменко Н. В., Шимбарова Н. Г. Установление уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: оправдаются ли надежды? // Вопросы ювенальной юстиции. — 2012. — № 4. — С. 15.

обслуживающих клиентов, в соответствии с национальным законодательством»³.

Во многих зарубежных странах уже давно установлены подобные запреты на продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Так, в Эстонии за нарушение данного запрета грозит тюремное заключение на срок до одного года, в Швеции — на срок до 6 лет.

Установление уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в России необходимая мера, хотя и, по мнению некоторых авторов⁴, несколько запоздалая.

Проанализируем содержание ст. 151.1 УК РФ.

Объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное духовное и физическое развитие несовершеннолетних.

Предметом преступления является алкогольная продукция, под которой понимается пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации. Алкогольная продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в том числе водка), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха (подп. 7 ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»).

Объективная сторона выражается в розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции. Под розничной продажей алкогольной продукции следует понимать реализацию алкогольной продукции юридическими лицами, независимо от их организационно-правовых форм и формы собственности, индивидуальными предпринимателями, физическими лицами, которые состоят с указанными организациями и индивидуальными предпринимателями в трудовых отношениях и непосредственно осуществляют отпуск алкогольной продукции покупателям по договорам розничной купли-продажи. Для наличия данного состава преступления необходимо, чтобы деяние было совершено неоднократно, т. е. более двух раз, при условии, что за первую реализацию продавец привлекался к административной ответственности.

Состав преступления формальный, признается оконченным с момента повторной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, если это произошло в течение 180 дней со дня привлечения к административной ответственности за первую продажу. Таким образом, состав преступления предполагает административную преюдицию.

Разовая продажа данной продукции или ее продажа после истечения указанного срока влечет административную ответственность по ст. 14.16 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее — КоАП РФ).

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что осуществляет розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции неоднократно и желает совершить данные действия.

Субъект преступления специальный — лицо, осуществляющее розничную продажу алкогольной продукции. В соответствии с п. 2 ст. 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» им является физическое лицо, непосредственно осуществляющее отпуск алкогольной продукции несовершеннолетнему (продавец).

На первый взгляд, диспозиция ст. 151.1 УК РФ достаточно проста и конкретна, однако есть ряд вопросов, связанных с ее реализацией. Обратим внимание на некоторые из них и попробуем высказать по ним свою позицию.

Во-первых, почему ответственность установлена только за розничную продажу? При оптовой продаже алкогольной продукции в действиях продавца отсутствует состав преступления. На наш взгляд не следует ограничивать объективную сторону рассматриваемого состава преступления «розничной» продажей, следовательно, из диспозиции необходимо исключить этот признак.

Во-вторых, есть разногласия между положениями уголовного и административного законодательства. Состав преступления, предусмотренный ст. 151.1 УК РФ, признается оконченным с момента повторной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, если это произошло в течение 180 дней со дня привлечения к административной ответственности за первую продажу. Согласно же КоАП РФ данный срок составляет один год со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. Считаем, что в примечании к рассматриваемой статье необходимо указать срок «в течение одного года». Данные изменения позволят устранить разногласия между уголовным и административным законодательствами. Также в данном вопросе следует согласиться с В. О. Сытниковым, который отмечает, что установление срока в полгода можно рассматривать как снижение репрессивности данной уголовной нормы, что не соответствует степени общественной опасности рассматриваемого деяния⁵.

Такое лояльное отношение законодателя к субъекту рассматриваемого преступления не может быть оправдано, когда речь идет о преступлениях против несовершеннолетних. Необходимо совершенно жесткий, принципиальный подход при выборе средств и методов борьбы. Сам факт введения в УК РФ ст. 151.1 говорит о том, что в России назрела необходимость противодействия алкоголизации молодежи, в том числе уголовно-правовыми средствами, причем уже давно. Федеральный закон № 529-ФЗ от 31 декабря 2014 г. «О внесении изменений в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», ужесточивший санкцию, только подтверждает сказанное.

За совершение правонарушения, предусмотренного п. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, на граждан налагается административный штраф в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей. В санкции ст. 151.1 УК РФ нижний предел размера штрафа не был указан. В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ штраф устанавливается в размере от пяти тысяч рублей. Следовательно, минимальный размер штрафа за данное деяние составлял пять тысяч рублей. Суды назначали наказание в пределах минимума, что не соответствует нижнему пределу административного штрафа. Приведем несколько примеров.

Приговором мирового судьи 237 судебного участка Серпуховского судебного района Московской области Российской Федерации подсудимая А. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ и ей назначено наказание в виде штрафа в размере восьми тысяч рублей⁶.

3 Глобальная стратегия сокращения вредного употребления алкоголя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.who.int/publications/list/alcohol_strategy_2010/ru/ (дата обращения: 05.03.2015).

4 См., например: Купирова Ч. Ш. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: закон и проблемы его применения // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 2 (28). — С. 119.

5 Сытников В. О. Правовые проблемы конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2013. — № 6. — С. 168.

6 Приговор мирового судьи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-237-mirovogo-sudi-

Приговором мирового судьи судебного участка № 20 Выборгского района Ленинградской области подсудимая А. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ. Назначено наказание в виде штрафа в размере десяти тысяч рублей⁷.

Приговором мирового судьи 80 судебного участка Коломенского судебного района Московской области РФ подсудимая К. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ и назначено наказание в виде штрафа в размере пяти тысяч рублей⁸.

Упомянутым Федеральным законом нижний предел штрафа увеличен до пятидесяти тысяч рублей, чем был реализован более дифференцированный подход, что ранее предлагалось исследователями⁹.

В сторону ужесточения склоняются и ученые, и практики, и различные эксперты в данной области. Эффективность ограничения продажи алкоголя несовершеннолетним отмечается руководителем проекта «Трезвая Россия» Султаном Хамзаевым: «Мы организовывали рейды. И если в прежние годы алкоголь малолетним продавали в 10 из 10 московских магазинов, то в 2014 г. это уже были 6 магазинов из 10»¹⁰. Это говорит о том, что суровое уголовное наказание будет эффективно работать в достижении превентивных целей.

Более того, есть предложения ввести запрет на продажу алкоголя лицам моложе 21 г. Медики только приветствуют такие ограничения. По их мнению, чем позже человек знакомится с алкоголем и табаком, тем лучше для него и окружающих¹¹.

Необходимо отметить, что есть и противоположное мнение. Директор Центра исследований федерального и региональных рынков алкоголя Вадим Дробиз: «Данное предложение не имеет ни смысла, ни логики — нулевую эффективность. Если у нас нет возможности заставить продавцов не продавать алкоголь до 18 лет, то шансов на то, что это не будет делаться до 21 года, — ноль»¹². Обратим внимание, что указанное мнение не опровергает пользу, а только отмечает, что недостаточно

проработаны нормы, обеспечивающие выполнение установленных запретов.

Высказанные в данной статье рекомендации по изменению уголовного законодательства направлены на преодоление существующих сложностей в уголовно-правовой оценке обстоятельств, дифференцирующих уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, хотя и не являются бесспорными. Верно было отмечено Ч. Ш. Купириной, что установление уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним — это лишь звено в системе мер, направленных на борьбу с алкоголизацией и последующей деградацией несовершеннолетних¹³. Добавим только то, что звено важное, имеющее свои недостатки и требующее дальнейшего совершенствования.

Пристатейный библиографический список

1. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Установление уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: оправдаются ли надежды? // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 4. С. 13–17.
2. В день трезвости может быть запрещена продажа алкоголя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/56580>
3. Глобальная стратегия сокращения вредного употребления алкоголя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.who.int/publications/list/alcohol_strategy_2010/ru/
4. Купирова Ч. Ш. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: закон и проблемы его применения // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 2 (28).
5. Приговор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-20-s/act-207008397/
6. Приговор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-80-mirovogo-sudi-kolomenskogo-sudebnogo-raiona-moskovskoj-oblasti-s/act-211639010/
7. Приговор мирового судьи. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-237-mirovogo-sudi-serpuxovskogo-sudebnogo-raiona-moskovskoj-oblasti-s/act-208617164/
8. Сытников В. О. Правовые проблемы конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2013. — № 6.
9. У экспертов нет единого мнения об эффективности «Закона 21» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tvc.ru/news/show/id/55013
10. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3802.

13 См.: Купирова Ч. Ш. Указ. соч. — С. 122.

serpuxovskogo-sudebnogo-raiona-moskovskoj-oblasti-s/act-208617164/ (дата обращения 05.03.2015.)

7 Приговор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-20-s/act-207008397/ (дата обращения 05.03.2015.)

8 Приговор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-80-mirovogo-sudi-kolomenskogo-sudebnogo-raiona-moskovskoj-oblasti-s/act-211639010/ (дата обращения 05.03.2015.)

9 См.: Купирова Ч. Ш. Указ. соч. — С. 122.

10 В день трезвости может быть запрещена продажа алкоголя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/56580> (дата обращения: 05.03.2015.)

11 В день трезвости может быть запрещена продажа алкоголя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/56580> (дата обращения: 05.03.2015.)

12 У экспертов нет единого мнения об эффективности «Закона 21» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tvc.ru/news/show/id/55013 (дата обращения: 05.03.2015.)

Заидова М. У., Мусаева А. Г.
**ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЮВЕНАЛЬНОГО ПРАВА
КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РОССИЙСКОГО ПРАВА**

В статье рассматриваются проблемы становления ювенального права как самостоятельной отрасли российского права. В настоящее время в юридической науке все чаще и чаще звучат предложения о выделении новой отрасли права, которая регулировала бы особый предмет — правоотношения с участием несовершеннолетних. В связи с усложнением жизни появляются все новые и новые ранее не урегулированные правовые проблемы.

Действительно, в ходе становления отечественного законодательства вопросам защиты интересов детей практически не отводилось места. История отечественного семейного права свидетельствует скорее об их жестоком ущемлении.

Ключевые слова: РФ, проблемы ювенального права, самостоятельная отрасль российского права, публичное, частное право.

Saidova M. U., Musaeva A. G.
**PROBLEMS OF FORMATION OF JUVENILE LAW
AS A SEPARATE BRANCH OF RUSSIAN LAW**

Currently in legal science proposals are increasingly expressed for the allocation of a new branch of law, which would regulate a particular subject — the relationships involving minors. With the increasing complexity of life the new previously unsettled legal problems appear.

Indeed, during the formation of the domestic legislation the issues of protecting the interests of children were not given due regard. The history of domestic family law points out rather their heavy infringement.

Keywords: RF, problems of juvenile law, an independent branch of Russian law, public and private law.

В настоящее время в юридической науке все чаще и чаще звучат предложения о выделении новой отрасли права, которая регулировала бы особый предмет — правоотношения с участием несовершеннолетних. В связи с усложнением жизни появляются все новые и новые ранее не урегулированные правовые проблемы.

Действительно, в ходе становления отечественного законодательства вопросам защиты интересов детей практически не отводилось места. История отечественного семейного права свидетельствует скорее об их жестоком ущемлении.

Очевидно, недостаточная защищенность несовершеннолетних действительно существует. Предложение о создании новой отрасли вызвано отчасти отставанием отраслевых наук, таких как гражданское, уголовное, семейное право, процессуальные отрасли, которые не успевают меняться вслед за динамичной действительностью. Проблемы молодежи требуют скорейшего вмешательства, нежели пройдут ожидаемые перемены действующего законодательства, уже устоявшихся традиционных отраслей права.

Исходя из интересов несовершеннолетних, метод регулирования указанных отношений должен быть императивным для пресечения возможных злоупотреблений правом несовершеннолетних. Это находит серьезные возражения со стороны ученых, которые склонны отнести ювенальное к частному праву.

Если взять за основу новый подход регулирования семейного права, можно воспользоваться таким примером: включать в ювенальную отрасль только те отношения, касающиеся несовершеннолетних, которые непосредственно урегулированы конкретным нормативным актом.

Одним из механизмов, направленных на создание действенных механизмов защиты прав детей, является ювенальная юстиция, т.е. специальная система правосудия для несовершеннолетних. Главная задача ювенальной юстиции — защищать права детей, а не просто рассматривать дела о правонарушениях несовершеннолетних.

В настоящее время, когда значительно возросли темпы социальных изменений, Уголовный кодекс должен не толь-

ко карать за реально совершаемые преступления, но и предупреждать возможные общественно опасные деяния. Поэтому рядом авторов предпринята попытка изучения системы уголовно-правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в случае совершения общественно опасного деяния лицом, не достигшим совершеннолетия, либо в случае совершения преступления против него, и охраняющих процесс формирования и развития несовершеннолетнего в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства. Рассматриваемые нормы образуют относительно самостоятельную группу, что позволяет утверждать, что в уголовном праве России оформляется ювенальное уголовное право.

Е. Г. Слуцкий, президент Национальной академии ювенологии, отмечает, что ювенальная политика общества не может претендовать на некий всеобъемлющий «закон о молодежи», универсальный и единый на все времена. Она формируется и реализуется с учетом времени, а также специфики субъектов Федерации, федеральных округов — регионов, представляя собой систему законов, правовых и нормативных актов.

В зависимости от характеристик объекта ювенальной политики (например, в его структуре доминируют подростки) можно акцентировать внимание на социальной защите или создавать благоприятные условия для полноценной эффективной трудовой деятельности, если в группе больше молодых людей в возрасте 20–25 лет. Отсюда также возникают реальные предпосылки для формирования многовариантности, создания различных моделей ювенальной политики, учитывающих все многообразие ситуаций на конкретной территории в данный период времени.

Эффективность проводимой ювенальной политики определяет качество нынешнего подрастающего поколения, его соответствие (несоответствие) существующим и необходимым стандартам реализации стратегии развития общества. По-

Заидова М. У.

Мусаева А. Г.

этому генеральная цель ювенальной политики связана с обеспечением государственной безопасности России на основе активизации и перспективного параметрирования будущего человеческого потенциала.

Формирование и реализация ювенальной политики невозможны без разработки эффективного ювенального права, становления ювенальной юстиции, отвечающих требованиям нынешней ситуации в стране.

Ювенальная политика должна базироваться на ювенальном законодательстве.

Ювенальная юстиция для России является хоть и не известной в достаточной мере, но и не новой формой социально-правового обращения с несовершеннолетними. Ювенальные суды существовали в короткий промежуток времени с 1910 по 1918 гг., и, надо отметить, зарекомендовали себя не только с лучшей стороны, но и признавались в то время в мире одной из наиболее прогрессивных и развитых подобных систем.

Следует также отметить, что в сегодняшней России множество государственных органов занимается проблемами детей в той или иной сфере их жизни и деятельности: суды, прокуратура, отделы по предупреждению правонарушений несовершеннолетних (ОППН), комиссии по делам несовершеннолетних (КДН), отделы опеки и попечительства, органы здравоохранения, образования и многие другие. Однако, несмотря на это самое множество органов и организаций, преступность среди несовершеннолетних неуклонно и угрожающе растет. Следовательно, исходя из сегодняшней ситуации, можно с полной уверенностью сказать, что «у семи нянек дитя без глаза». Об этом свидетельствуют самые разнообразные отчеты и данные.

Статистика сегодня, впрочем, как и всегда, кроме как «эффекта пожара», ничего произвести не может. Многочисленные статистические исследования свидетельствуют о росте молодежной, подростковой и даже детской преступности.

Необходимо воссоздание российской ювенальной юстиции. Наряду с этим, следует понимать, что такая реформа должна будет продвигаться в следующих направлениях:

а) реформирование российской системы судопроизводства по делам несовершеннолетних — создание институтов ювенального судьи и ювенального суда;

б) создание элементов системы социальной сферы (внедрение новых социальных технологий), связанных с необходимостью взаимодействия несовершеннолетних и общества;

в) системное объединение ювенального судопроизводства и его социально-правового окружения в концептуально целостную систему правосудия для несовершеннолетних — ювенальную юстицию.

Необходимо отметить, что употребляемые понятия означают не только потребность в углублении специализации судьи, занимающегося проблемами правонарушений в среде детей и подростков. Очевидна важность формирования целой совокупности правовых и социально-психологических конструкций, гармонично сочетающихся в поисках оптимального для ребенка и, в конечном итоге, — для общества, способа решения весьма серьезных проблем. И это не только проблемы самого ребенка, его окружения, не только проблемы дня сегодняшнего — это проблемы будущего нашего общества.

Есть такое юридическое понятие, как ювенальное уголовное право — «восстановительное правосудие». В основе его — идея не наказания, а примирения преступника и жертвы преступления, возмещения ущерба, причиненного преступлением. Ювенальное право возникло как результат поиска способов реагирования на правонарушения и преступления несовершеннолетних. Примирение представляется вполне допустимым и по делам о причинении легкого и средней тяжести вреда здоровью.

Дореволюционная Россия была одним из первых государств, внедривших ювенальную юстицию (1910 г.). В свое время она считалась одной из наиболее передовых. На сегодняш-

ний день наиболее развитыми и отвечающими современным международным стандартам и нормам считаются системы ювенальной юстиции во Франции и в Канаде. Кстати, во Франции закон о ювенальной юстиции был принят в феврале 1945 г., еще во время Второй мировой войны. Французские власти осознали, что нормальное развитие подрастающего поколения не менее важно, чем восстановление страны, и, уж, безусловно, является его неотъемлемым элементом.

15 февраля 2002 г. принят в первом чтении проект федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный Конституционный Закон Российской Федерации «О судебной системе в Российской Федерации» (в части создания ювенальных судов).

Проект закона был внесен депутатами Виктором Зоркальцевым (КПРФ), Екатериной Лаховой (ОВР), Гаджи Махачевым («Народный депутат»), Еленой Мизулиной (СПС), Анатолием Чекисом (АПР), Александром Чуевым («Единство»), Татьяной Ярыгиной («Яблоко»). Подготовлен рабочей группой, возглавляемой президентом фонда «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН) Олегом Зыковым.

Этот проект — первый шаг на пути к восстановительному правосудию. Одновременно это хороший пример эффективности общественного лоббирования: проект продвигался усилиями фонда НАН и общественного центра «Судебно-правовая реформа» Михаила Флямера и Рустама Максудова, ювенальные модели отработывались в региональных судебных экспериментах в Москве и Петербурге.

В настоящее время чрезвычайную остроту приобретают проблемы, связанные с ростом подростковой преступности. 80% правонарушений, совершенных подростками, составляют тяжкие и особо тяжкие преступления.

Действующая судебная система оказалась не готовой гарантировать право ребенка на своевременное, качественное и беспристрастное рассмотрение уголовного дела в отношении его компетентным судебным органом, которое закреплено в ст. 40 Конвенции о правах ребенка, ратифицированной Россией.

В связи с увеличением количества дел, рассматриваемых судами, нехваткой судей, уголовные дела в отношении несовершеннолетних, а они составляют примерно 12% от общего количества дел, не рассматриваются в течение нескольких лет, ждут своей очереди, а подростки ожидают справедливого решения в следственных изоляторах.

Институт ювенальной юстиции представляет собой весьма сложный комплекс концепций и «схем» влияния на подростка, его семью и непосредственное окружение, а также социальные структуры. Таким образом, нельзя говорить о делах, стороной в которых выступает несовершеннолетний, поскольку по закону он не вправе самостоятельно осуществлять защиту своих прав.

Тем не менее, принятый проект закона является важным шагом на пути становления ювенального права в России.

Пристатейный библиографический список

1. Албегова И. Ф., Мялкин В. А., Синяк Е. А. Ребенок и его права в современной России. — Ярославль, 1997.
2. Борисова Н. К вопросу о концепции российского ювенального права // Право и жизнь. — 1999. — № 19.
3. Борисова Н. К вопросу о предмете отрасли ювенального права Российской Федерации // Право и жизнь. — 1999. — № 20.
4. Борисова Н. Ювенальное право: некоторые проблемы формирования в условиях Российской Федерации // Право и жизнь. — 1998. — № 17.
5. Вестник восстановительной юстиции. Перспективы для уголовной и ювенальной юстиции. — Вып. 1. — М., 2000.
6. Мусаева А. Г. Примирительное правосудие у народов Дагестана // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1.

Журавленко Н. И.
**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ
ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АНАЛИЗА ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ
И ДИАГНОСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ**

В статье рассматриваются возможности использования методик криминалистического диагностического исследования предметов и документов для осуществления анализа оперативной обстановки и диагностического анализа преступного деяния. Эта деятельность предполагает использование не только криминалистических, но и других методов (криминологических, математических, лингвистических, естественнонаучных и др.), а также применение соответствующих информационных технологий и профессиональных знаний специальными субъектами аналитической работы. Эти методики предполагают проведение анализа отображений изменения оперативной обстановки и последствий преступных деяний с целью воссоздания их механизма на базе изучения криминалистических признаков и сопоставления этих отображений с существующими моделями подобных ситуаций.

Ключевые слова: криминалистическая диагностика, диагностический анализ преступного деяния, методы аналитических исследований, методы экспертной диагностики, статистические методы, контент-анализ, метод корреляционного анализа, методики анализа оперативной обстановки, системный анализ, структурно-функциональный анализ, системы комплексного многомерного анализа данных, синергетический метод.

Zhuravlevko N. I.
**USE OF TECHNIQUES OF THE CRIMINALISTIC DIAGNOSTIC RESEARCHES
OF OBJECTS AND DOCUMENTS FOR IMPLEMENTATION OF THE ANALYSIS
OF OPERATIONAL SITUATION AND DIAGNOSTIC ANALYSIS OF CRIMINAL ACTION**

In article possibilities of use of techniques of a criminalistic diagnostic testing of objects and documents for implementation of the analysis of an operational situation and the diagnostic analysis of criminal action are considered. This activity assumes the use not only of criminalistic, but also of other methods (criminological, mathematical, linguistic, natural-science, etc.), and also application of the appropriate information technologies and professional knowledge by special subjects of analytical work. These techniques assume carrying out the analysis of reflection of change of an operational situation and consequences of criminal actions for the purpose of a reconstruction of their mechanism on the basis of studying of criminalistic signs and correlation between these reflections and the existing models of similar situations.

Keywords: criminalistic diagnostics, diagnostic analysis of criminal act, methods of analytical researches, methods of expert diagnostics, statistical methods, content analysis, method of the correlation analysis, technique of the analysis of an operational situation, system analysis, structurally functional analysis, systems of the complex multi-dimensional analysis of data, synergetic method.

Познание общих свойств окружающего мира в сочетании с применением мощного математического аппарата и средств компьютерной техники дает возможность автоматизировать многие информационные процессы, протекающие в аналитической работе. Это создает предпосылки для применения в рассматриваемой сфере деятельности теоретических основ кибернетики — науки, аккумулирующей в себе частные познания общей теории управления, теории информации, методологии принятия управленческих решений, теории алгоритмов и программ как базы логико-математического моделирования и, наконец, теории совершенствования и разработки новых технических средств управления.

Диагностические исследования в науке и практической деятельности людей проводятся для того, чтобы установить определенные свойства и состояния объектов, расшифровать динамику событий, понять причину явлений. В криминалистических исследованиях диагностика обычно предшествует идентификации. Например, по следам ног, еще до того как идентифицируют обувь, судят о направлении движения человека, приблизительной скорости движения, факте перетаскивания тяжестей, передвижении в темноте и т.д. По следам взлома на преграде определяют, с какой стороны произведен взлом, каковы профессиональные навыки преступника, его физическая сила и т.п.

Научные основы криминалистической диагностики составляют:

– возможность познания события по его отображению;

– закономерность возникновения криминалистически значимой информации;

– данные науки криминалистики о типичных моделях отражения механизма преступления (свойства личности, свойства предметов, взаимодействие объектов);

– методы и методики криминалистического диагностирования.

Целями криминалистических диагностических исследований являются:

– определение свойств и состояния объекта, его соответствия (несоответствия) заданным характеристикам (например, из какого металла изготовлено кольцо, исправен ли замок);

– установление факта и причин изменения первоначально-го состояния объекта или его несоответствия заданным характеристикам для исследования обстоятельств действия (например, с какой стороны произведен взлом преграды; подвергались ли документы частичным изменениям);

– анализ криминальной ситуации: обстоятельств места, времени, механизма взаимодействия субъектов и предметов, причинно-следственных связей, механизма преступного события (например, установление механизма возникновения и развития пожара, причинно-следственной связи между коротким замыканием и возникновением пожара).

Методологическую основу криминалистической диагностики составляют:

– принципиальная возможность познания объекта или события по его отображению;

Журавленко Н. И.

– сведения об общих закономерностях возникновения доказательств (включая вещественные) как средства отражения криминалистически значимой информации;

– сведения, накопленные криминалистикой, о закономерностях возникновения исследуемых ею объектов, их свойствах и признаках;

– сведения о типичных моделях отражения действия (события) с учетом объективных свойств взаимодействовавших предметов, условий взаимодействия и, при необходимости, свойств личности (физических, психофизиологических и др.);

– владение методиками исследования объектов криминалистической экспертизы и всем арсеналом необходимых методов (аналогией, моделированием, экстраполяцией, анализом, синтезом, экспериментом и др.).

Извлечение из документальных носителей новых знаний о лицах, осведомленных о преступной деятельности, о фактах и событиях, имеющих отношение к сфере и инфраструктуре социально-аномальной среды, предполагает:

– поиск данных, имеющих отношение к контрольному перечню потребностей в информации оперативно-розыскного характера;

– определение круга источников, ее содержащих;

– специфическую интеллектуальную работу по изучению добытой информации в целях установления признаков и направлений преступных деяний, выявления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, формулирования результатов этой работы для выработки адекватных оперативно-розыскных и профилактических мер.

Аналитические исследования с использованием данных уголовно-правовой статистики решают следующие задачи оперативно-розыскной деятельности:

– определение количественно-качественных характеристик преступности;

– выявление обстоятельств (причин, условий, факторов), детерминирующих преступность;

– изучение лиц, совершивших преступления;

– изучение всей системы государственных мер социального контроля над преступностью.

Экспертное исследование предметов и документов в ОРД отличается от судебной экспертизы, прежде всего, непроцессуальным порядком его проведения. Оно осуществляется по инициативе оперативных работников экспертами-криминалистами либо специалистами в других областях знаний и обычно предшествует проведению подобных исследований в форме судебной экспертизы. Однако, например, при определении наличия следа-отображения объекта и степени его информативности, создании социально-психологического портрета подозреваемого, анализе оперативной обстановки и т.д. оперативные работники, располагающие необходимыми навыками в проведении исследований, сами могут выступать в качестве специалистов.

В основе диагностического исследования предметов и документов лежат положения экспертной диагностики, разработанные ученым-криминалистом Ю. Г. Коруховым¹. Экспертная диагностика изучает те состояния объектов аналитической работы, в которых последние пребывали в прошлом. Применительно к криминальному анализу сущность этих задач может быть выражена следующим перечнем:

– исследование свойств и состояний объектов;

– исследование отображений объектов;

– анализ оперативной обстановки и диагностика преступного деяния.

Методики проведения анализа оперативной обстановки и диагностического анализа преступного деяния весьма близки по своей природе и порой пересекаются между собой. Рас-

сматриваемая задача исследования предметов и документов весьма близка по своей сущности исследованию отображений объектов. Она не фигурирует в классификации категорий экспертных криминалистических задач и целиком относится к сфере аналитической работы.

В качестве основных этапов реализации данной задачи выступают:

– исследование результатов деяния (события, явления)

по его отображенным результатам;

– исследование причинных связей.

Базовым звеном исследования результатов деяния (события, явления) по его отображенным результатам является познание его механизма и обстоятельств. Иногда рассматриваемое понятие расчленяется на две основные составляющие: 1) «вещественно-энергетический механизм происшествия», характеризующий событие с точки зрения динамических процессов взаимодействия материальных тел — людей, предметов и т.д.; и 2) «структурно-ситуационный механизм», под которым понимаются стадии течения процесса деяния, переход из одной стадии в другую². Другими словами, при этом реализуются следующие стадии исследования:

– диагностика механизма и обстоятельств событий по их отображенным результатам;

– диагностика отдельных элементов деяния (события, явления) и его признаков, динамики, временных и пространственных параметров, условий, связей и т.д.

В криминалистике данные процессы, характеризующие механизм преступления, в совокупности образуют интегративное диагностирование криминальной ситуации на основании исследования результатов действия объектов или их отображений. Причем методы, применяемые для его исследования, носят чисто криминалистический (научный) характер. Однако изучение взаимодействующих между собой таких элементов события, как явления, их роды и виды, количество и качество, моменты времени, человеческая личность в целом, ее отдельные признаки, физические свойства, умственные способности, внешние действия человека и его психические акты — не укладывается в чисто криминалистические рамки³. Поэтому в ходе анализа оперативной обстановки и диагностического анализа преступного деяния, и на это следует обратить особое внимание, — механизм правонарушения оценивается не только по следовым характеристикам, но и по описаниям результатов изучаемых действий, находящим отражение в различного рода документах⁴, в первую очередь — учетно-регистрационных. Эта особенность отличает анализ оперативной обстановки и диагностический анализ преступного деяния, с одной стороны, и интегративное диагностирование криминальной ситуации на основании исследования результатов действия объектов или их отображений, — с другой.

Для исследования причинных связей при диагностировании оперативной обстановки и конкретного преступного деяния используется еще целый ряд подзадач, позволяющих устанавливать отдельные звенья общей причинной связи:

1) установление причинной связи между имевшим место деянием (событием, явлением) и наступившими последствиями;

2 См.: Там же. — С. 174–175, 202, 214, 256–257.

3 См., напр.: Шаров В. И. Представление структуры преступления в виде семантической сети // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. — М., 2003. — С. 258.

4 В данном случае понятие «документ» рассматривается с точки зрения информационного права, как любая зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством РФ случаях ее материальный носитель (См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Ст. 2, п. 11).

1 См.: Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Научно-практическое пособие. — М., 1998. — С. 73–78, 90.

- 2) определение причины наступивших результатов;
- 3) определение возможных последствий по совершенному деянию;
- 4) определение возможности совершения деяния или возникновения следов (наступления событий, явлений) при определенных условиях в прошлом;
- 5) установление соответствия (несоответствия) деяний специальным правилам⁵.

В ходе решения указанных подзадач используются такие логические методы, как метод сходства, метод различия, метод остатков и метод сопутствующих изменений.

Метод сходства заключается в том, что если два или более случаев исследуемого явления имеют общим только одно обстоятельство, то в этом одном обстоятельстве и заключена причина данного явления.

Суть метода различия выражается следующим образом: если в одном случае явление наступает, а в другом случае нет, и оба эти случая имеют общими все обстоятельства, кроме одного, которое фигурирует только в первом случае, то именно это обстоятельство (как единственное различие в рассматриваемых случаях) и является причиной изучаемого явления.

Метод остатков трактуется следующим образом: если вычесть из данного явления ту часть его, о которой известно, что она является следствием определенных предшествующих обстоятельств, тогда остающаяся часть (остаток) явления будет следствием остальных предшествующих обстоятельств.

Метод сопутствующих изменений заключается в следующем: всякое явление, которое каким-либо образом видоизменяется всякий раз, когда видоизменяется другое явление, составляет причину или следствие этого явления или связано с ним какой-либо общей причиной⁶.

Как показывает практика, в чистом виде эти логические приемы применить довольно сложно: необходимо сопоставлять в каждом конкретном случае два и более явления, тогда как практические работники правоохранительных органов такой возможностью располагают не всегда. Чаще ими используются не сами эти методы, а результаты их предшествующего применения в виде обретенных специфических познаний, профессионального опыта, массивов информации, содержащей достоверно установленные факты по ранее анализировавшимся аналогичным ситуациям.

Подводя итоги общей характеристики рассматриваемой исследовательской задачи, следует констатировать, что анализ оперативной обстановки и диагностический анализ преступного деяния предполагают использование не только криминалистических, но и других методов (криминологических, математических, естественнонаучных и др.), а также применение соответствующих информационных технологий и профессиональных знаний специальными субъектами аналитической работы. Решение данной исследовательской задачи и составляет основное направление деятельности этих субъектов.

Далее рассмотрим методы осуществления анализа оперативной обстановки и диагностического анализа преступного деяния.

Специалистами в области информационных технологий постоянно проводится поиск новых алгоритмов, позволяющих эффективно анализировать фактографические сведения. В ситуациях, когда приходится иметь дело с анализом не только криминалистических, но и фактографических сведений, наряду с традиционными криминалистическими признаками целесообразно использовать упоминавшийся ранее комплекс базовых категорий, выделяемых из полнотекстовой информации на естественном языке. Напомним, что он включает в себя

совокупность объектов, признаков объектов, связей между ними, а также временной фактор. В различных комбинациях эти базовые категории способствуют формированию наиболее приближенной к реальности картины того или иного деяния, события или явления. В качестве наглядной аналогии, позволяющей понять сущность построения модели события, можно представить себе процесс формирования пространственной структуры полимерного вещества. Как известно, она создается за счет объединения бесконечного числа радикалов — неизменяемых групп атомов, обладающих «свободными» связями. Роль таких «свободных радикалов» в рассматриваемом случае выполняют различные материальные и нематериальные объекты, имеющие отношение к совершенному правонарушению. В качестве своеобразных «мостиков» или связей, объединяющих эти «свободные радикалы», можно рассматривать отдельные элементы и признаки изучаемого события — время, место, способ, обстановку событий; телефонные номера различных абонентов; реквизиты транспортных средств; приметы физических лиц и т.д. В итоге получается весьма сложная, многоуровневая, но объективная и целостная характеристика того или иного события, которая учитывает все взаимосвязи, возникающие в процессе его развития.

Мы не ставим перед собой цель — проанализировать все методики, применяемые для анализа оперативной обстановки и диагностического анализа преступного деяния. Во-первых, их достаточно много. Во-вторых, на бумаге иногда невозможно выразить сущность протекания тех или иных связанных с ними информационных процессов. Поэтому постараемся решить более простую задачу — покажем диагностическую природу некоторых из них на конкретных примерах их практической реализации, причем не с помощью электронно-вычислительной техники (за счет ее быстродействия узреть эту природу довольно сложно), а именно в «ручном режиме».

Вначале следует, видимо, рассмотреть статистические методы исследования результатов деяний (событий, явлений). Они позволяют выработать ряд закономерностей и условностей в виде соответствующих признаков фактов, явлений и их взаимосвязей, которые могут быть использованы в ходе дальнейшего диагностирования как оперативной обстановки, так и конкретных криминальных ситуаций.

Впервые эти методы при изучении преступности были применены в конце XIX в. бельгийским астрономом и статистиком А. Кетле⁷. Примерно в тот же период их активно использовал и знаменитый российский сыщик А. Ф. Кошко⁸. Современные статистические методы достаточно подробно представлены в научной литературе, в связи с чем нет необходимости их подробно рассматривать на страницах данной работы. Достаточно, на наш взгляд, ограничиться кратким перечнем основных понятий, связанных с использованием этих методов.

Специалисты отмечают, что статистическое исследование преступности включает в себя три основных этапа: 1) статистическое наблюдение, т.е. сбор первичного статистического материала; 2) сводку (обработка собранных данных, в процессе которой производится подсчет итогов, расчет сводных показателей и представление результатов в виде таблиц и графиков); 3) анализ, в ходе которого выявляются закономерности исследуемой статистической совокупности, взаимосвязи между различными ее составляющими, осуществляется содержательная интерпретация обобщающих показателей.

В результате обработки и систематизации первичных статистических материалов получают ряды цифровых показателей, характеризующие отдельные стороны изучаемых явлений или процессов либо их изменение, которые называются статистическими.

5 См.: Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Научно-практическое пособие. — М., 1998. — С. 258–260.

6 Кондаков Н. И. Логический словарь. — М., 1971. — С. 362, 445, 491, 508.

7 Торвальд Ю. Век криминалистики: пер. с нем. — М., 1990. — С. 25–26.

8 См.: Наша служба — уголовный розыск / Историко-художественно-публицистический сборник. — М., 1998. — С. 32.

Результаты статистического наблюдения и сводки его материалов выражаются в абсолютных, относительных и средних величинах (показателях), позволяющих устанавливать характер возникающей между различными явлениями и факторами внешней среды причинной связи. Эта связь бывает двух видов — функциональная и корреляционная.

Первый вид связи характеризуется полным соответствием (прямая или обратная зависимость) между возникающей причиной (факторный признак) и порождаемым ею следствием (результативный признак).

Второй вид связи выражает взаимовлияние двух или нескольких явлений, не связанных между собой жёсткой зависимостью.

Наиболее часто закономерности массовых явлений, возникающие в сфере правонарушительства, формируются под влиянием множества причин, которые действуют одновременно, причем как во взаимной связи, так и без таковой. При этом степень влияния каждой из них на величину изменения анализируемого явления заранее не бывает известной. Ученые предлагают использовать для статистического анализа криминальных явлений ряд методов, позволяющих получить представление о наличии и характере этих взаимосвязей.

К числу наиболее распространенных и доступных методов анализа взаимосвязанных явлений относится метод сопоставления параллельных рядов. Его сущность заключается в том, что получаемые в результате сводки и обработки материалы располагают параллельными рядами: либо по признаку пространства, либо по признаку времени. Параллельное визуальное изучение подобных рядов позволяет иногда чисто эмпирически проследить соотношение и направление изменений сопоставляемых признаков.

Статистический анализ данных, используемых при решении рассматриваемой задачи, должен не только и не столько отвечать на вопрос «Что произошло?» на территории или объекте обслуживания, сколько давать ответ на главный аналитический вопрос: «Почему это произошло?»

Весьма тесно со статистическими методами соседствует контент-анализ — метод количественного изучения социальной информации, заключающийся в подсчёте представляющих интерес смысловых единиц, содержащихся в определённом массиве информации, по соответствующим алгоритмам. Его алгоритм заключается в следующем:

- выбор соответствующего источника анализа (массивы документов, газет, аудиозаписи, материалы интервьюирования, данные, полученные из Интернета и т.д.);
- определение смысловых категорий, наличие или отсутствие которых в изучаемом массиве информации может использоваться в качестве критерия оценки какого-либо явления;
- формулирование с помощью соответствующих языковых средств конкретного содержания этих категорий;
- выбор масштаба (единиц выражения) данных критериев (частота повторяемости, число строк или печатных листов, посвящённых рассматриваемой проблеме, длительность радиопрограмм или телевещания на изучаемую тему и т.д.);
- вычленение, подсчёт и оценка отмеченных количественных показателей, позволяющих судить о характере связей и деятельности изучаемых объектов, их ролевых функциях, необходимости принятия соответствующих оперативно-тактических мер, и др.⁹

Методики анализа оперативной обстановки. Обратим внимание на некоторые методики, свойственные в большей мере анализу оперативной обстановки. Некоторые специалисты в области теории ОРД, характеризуя данную подзадачу аналитической работы, напрямую связывают ее с диагностикой. В их числе, например, А. Г. Габдуллин, рассматривающий понятие

диагностики состояния и степени общественной опасности объектов, от которых исходит реальная угроза возникновения криминальных ситуаций¹⁰.

Учитывая сложности, возникающие в ходе обработки фактографической информации, не всегда возможно дать исчерпывающую и точную картину оперативной обстановки с использованием традиционных криминологических методов. До последнего времени отдельные факторы, влияющие на ее состояние, выявляются посредством анализа сведений, условно подразделяемых на четыре основных блока:

- характеристика преступности как объекта воздействия правоохранительной системы;
- условия внешней среды функционирования правоохранительных органов;
- правоохранительные органы как система управления;
- состояние организации и деятельности государственных и общественных институтов, призванных осуществлять борьбу с правонарушительством.

Весь анализ в данном случае практически сводится к определению наиболее существенных взаимосвязей между указанными блоками. Вполне закономерно, что при подобном подходе результат анализа оперативной обстановки можно расценивать лишь как абстрактную модель, косвенно отражающую состояние правонарушительства.

В ряде случаев для повышения качества предпринимаемого анализа оперативной обстановки используются такие методы, как системный анализ и структурно-функциональный анализ, в основе которых лежит изучение отображений отдельных фрагментов событий.

Системный анализ предполагает исследование взаимоотношений целого и части, структур и иерархии системных образований (то есть упорядоченных множеств элементов, взаимосвязанных друг с другом и образующих целостное единство, каковым, к примеру, является преступность в обществе).

В зависимости от цели анализа (синтеза) разрозненных сведений, содержащихся в различных информационных потоках, можно, например, составить целостное представление по следующим направлениям:

- о конкретном объекте исследования (оперативной обстановке в целом и ее отдельных тенденциях);
- о пораженности отдельных сфер экономики и социально-политической жизни страны преступностью и коррупцией;
- о противоправной деятельности конкретных преступных групп и др.

В отдельных случаях этого оказывается достаточно для принятия решений в сфере борьбы с правонарушительством.

Путем логического «сложения» сведений об общественной опасности зарегистрированных, подготавливаемых и замысливаемых преступлений, криминальной характеристики причастных к ним лиц, связей между ними можно составить представление о преступных структурах, их составе и иерархии, уровне организованности, направлениях преступной деятельности и т.д.

Структурно-функциональный анализ представляет собой совокупность операций, посредством которых объект изучения (например, состояние правонарушительства) рассматривается как целостное образование, содержащее в своем составе разнообразные элементы, которые взаимодействуют между собой на самых различных уровнях. В качестве основного способа установления этих элементов рассматривается процесс выявления их функций (в том числе ролевых), проявляющихся в повседневной действительности.

В результате подобного анализа можно охарактеризовать степень пораженности отдельных территорий (отраслей, объектов) преступностью и коррупцией; выявить организован-

9 См.: Кузнецов И. Н. Учебник по информационно-аналитической работе. — М., 2001. — С. 158–180.

10 См.: Габдуллин А. Г. Организация и тактика оперативно-розыскного обеспечения деятельности органов внутренних дел в особых условиях: Методические рекомендации. — М., 1997. — С. 3–4.

ные преступные структуры (элементы), «курирующие» ту или иную сферу деятельности, а также оценить существующие между ними связи, ролевые функции и т.д.

Структурно-функциональный анализ криминальных формирований и их преступной деятельности позволяет получить сведения об иерархической структуре отдельных преступных групп; о ролевых функциях индивидуальных и коллективных членов преступного сообщества; о коррумпированных и иных связях преступной группы в органах власти и управления; о механизме противоправной деятельности преступной группы и способах «отмывания» преступно нажитого капитала. Может быть дана также оценка уязвимости преступных формирований.

Для анализа многочисленных исходных данных подобного рода могут использоваться системы комплексного многомерного анализа данных, их динамики, тенденций и т.п. Такой анализ, применяемый в частности УВД по Курганской области, способствует принятию оптимальных управленческих решений в органах внутренних дел, в связи с чем данные системы получили название систем поддержки принятия решений¹¹.

В Уральском федеральном округе России в качестве инструмента системного анализа механизмов борьбы с преступностью используется метод имитационной игры, который также имеет диагностический характер¹² и может рассматриваться в качестве аналога оперативного эксперимента, используемого для опытной проверки наличия причинной связи между отдельными событиями и явлениями.

В аналитической деятельности ФТС России за последнее время получил распространение синергетический метод, предусматривающий возможность создания принципиально новых способов систематизации информации в ходе осуществления оперативно-служебной деятельности и извлечения из нее нового содержания в виде эталонных информационных знаний по объектам таможенного контроля и аналитики. В этой связи отмечается целесообразность разработки так называемых «эталонных информационных признаков» товаров (услуг, интеллектуальной собственности), перемещаемых через таможенную границу, которые бывают «рассеяны» по множеству контролируемых объектов, таможенно-торговых документов и процедур таможенного контроля. Решение данного вопроса, по мнению специалистов, призвано значительным образом оптимизировать организацию борьбы с таможенными преступлениями¹³.

Таким образом, еще раз следует подчеркнуть, что анализ оперативной обстановки и диагностический анализ преступного деяния, являясь подзадачами диагностического исследования предметов и документов, предусматривают использование как экспертно-криминалистических, так и иных научных знаний, в первую очередь — из области криминологии, математики, статистики, информатики, психологии и ряда других наук.

Применяемые в этих случаях криминалистические, криминологические, компьютерные, лингвистические и иные методики предполагают проведение анализа отображений изменения оперативной обстановки и последствий преступных деяний с целью воссоздания их механизма на базе использования криминалистических признаков, а также иных базовых категорий изучаемых объектов и дальнейшего сопоставления этих отображений с существующими моделями подобных ситуаций. Алгоритм этой деятельности предусматривает реализацию следующих основных этапов:

- выдвижение на основе имеющегося опыта, знаний, оценки ситуации одной или нескольких наиболее вероятных гипотез развития событий;
- поиск сведений, относящихся к существу изучаемой проблемы, подтверждающих или опровергающих выдвинутые гипотезы;
- подтверждение или опровержение гипотез с помощью полученной информации;
- оценка степени достоверности и объективности сделанных выводов.

Пристатейный библиографический список

1. Азизян В. Г., Журавленко Н. И. Исследование проблемы разработки криминалистической характеристики компьютерных преступлений // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 6.
2. Габдуллин А. Г. Организация и тактика оперативно-розыскного обеспечения деятельности органов внутренних дел в особых условиях: Методические рекомендации. — М., 1997.
3. Даукаев И. М., Журавленко Н. И., Халиков А. Н., Яковец Е. Н. Правовое, техническое и аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности по борьбе с коррупционными преступлениями: монография в четырех томах / Том 4. Аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности по борьбе с коррупционными преступлениями. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013.
4. Ершов А. Д. Новая парадигма системы управления в таможенной службе // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала ГОУВПО «Российская таможенная академия». — 2004. — № 2 (22). — СПб., 2004.
5. Извеков Ю. А. Имитационное моделирование управления борьбы с организованной преступностью // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. — М., 2003.
6. Кондаков Н. И. Логический словарь. — М., 1971.
7. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Научно-практическое пособие. — М., 1998.
8. Кузнецов И. Н. Учебник по информационно-аналитической работе. — М., 2001.
9. Наша служба — уголовный розыск / Историко-художественно-публицистический сборник. — М., 1998.
10. Торвальд Ю. Век криминалистики: пер. с нем. — М., 1990.
11. Флока А. Б. Рабочее место аналитика ОВД для оперативного комплексного многомерного анализа данных // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. — М., 2003.
12. Шаров В. И. Представление структуры преступления в виде семантической сети // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. — М., 2003.

11 См.: Флока А. Б. Рабочее место аналитика ОВД для оперативного комплексного многомерного анализа данных // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. — М., 2003. — С. 102.

12 См.: Извеков Ю. А. Имитационное моделирование управления борьбы с организованной преступностью // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. — М., 2003. — С. 116–120.

13 См.: Ершов А. Д. Новая парадигма системы управления в таможенной службе // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала ГОУВПО «Российская таможенная академия». — 2004. — № 2 (22). — СПб., 2004. — С. 121–122.

Сергеев А. Л. МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена одному из главных направлений криминалистической деятельности — предупреждению коррупционных преступлений. На сегодняшний день мерам по предупреждению коррупционных преступлений уделяется немалое внимание в международных правовых актах. Однако в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предупреждение преступлений не относится к задачам уголовного судопроизводства, принятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, не является обязанностью органов дознания, предварительного следствия и суда, а только их правом. В статье анализируются нормы уголовно-процессуальных кодексов стран СНГ, направленных на предупреждение преступлений. Рассматриваются методы и средства криминалистической профилактики коррупционных преступлений, в частности использование полиграфа, взаимодействие следователя с правоохранительными органами и органами власти, привлечение общественности.

Ключевые слова: предупреждение коррупционных преступлений, международные правовые акты, уголовно-процессуальные кодексы, криминалистическая профилактика коррупционных преступлений, применение полиграфа, взаимодействие следователя, привлечение общественности.

Сергеев А. Л.

Sergeev A. L. MEASURES TO PREVENT CORRUPTION-RELATED CRIME

The article is devoted to one of the main areas of forensic activities — prevention of corruption crimes. To date, measures to prevent corruption crime has received increased attention in the international instruments. However, in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the prevention of crimes is not attributed to problems of criminal justice, adoption of measures to address the circumstances, contributing to the commission of crimes is not the duty of inquiry, preliminary investigation and the court's but only their rights. The article analyses the Code of Criminal Procedure of CIS countries, aimed at preventing crimes. Methods and means of forensic crime prevention are discussed, in particular the use of the polygraph, the interaction of the investigator with the police and the authorities, public involvement.

Keywords: prevention corruption crime, international legal acts, Code of Criminal Procedure, forensic crime prevention, the use of polygraph, interaction of investigator, public involvement.

Предупреждение коррупционных преступлений является одним из главных направлений криминалистической деятельности, наряду с их раскрытием и расследованием.

Об этом свидетельствуют нормативные правовые акты Российской Федерации. Так, в статье 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» приоритетное применение мер по предупреждению коррупции признается одним из основных принципов противодействия этому антисоциальному явлению.

Согласно Национальной стратегии противодействия коррупции¹ ведущая роль на современном этапе отводится применению мер по предупреждению коррупции.

В соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2014–2015 годы Генеральная прокуратура, Следственный комитет, Министерство внутренних дел Российской Федерации во взаимодействии с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и организациями должны разработать систему мер по предупреждению и пресечению «откатов» и внедрить эту систему в практику².

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» (ст. 1) понятие «противодействие коррупции» определено как деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федера-

ции, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по следующим направлениям:

а) предупреждение коррупции, в том числе выявление и последующее устранение причин коррупции (профилактика коррупции);

б) выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений³.

Международные акты, регулирующие вопросы противодействия коррупции, такие как Конвенция ООН против коррупции (2003 г.) и Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» (1999 г.), также предусматривают нормы, направленные на предупреждение и противодействие коррупции.

Согласно пункту 1 статьи 5 «Политика и практика предупреждения и противодействия коррупции» Конвенции ООН против коррупции, каждое государство-участник, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности⁴.

1 Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1875.

2 Указ Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 года № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1729.

3 Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

4 Конвенция Организаций Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 года Резолюцией 58/4

Хотя в международных правовых актах и уделяется огромное внимание профилактике коррупционных преступлений, а в Российской Федерации принято большое количество нормативных правовых актов, в которых предупредительная деятельность является одной из главных задач органов власти, стоит признать, что на сегодняшний день единой целостной системы профилактики коррупционных преступлений у нас в стране нет.

Отдельно отмечаем, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не закреплен четкий механизм профилактической деятельности, в частности, отсутствуют понятия «предупреждение», «пресечение», «раскрытие» преступлений и «принятие мер к устранению» причин и условий, способствовавших совершению преступления, что, на наш взгляд, следует рассматривать как отказ от профилактической работы в борьбе с преступностью, в том числе коррупционной.

При этом следует оговориться, несмотря на то, что часть 2 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в данной норме не указываются причины, породившие преступления, что не отвечает требованиям международных правовых актов, в частности Резолюции VI Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, где указано, что «основой стратегии по предупреждению преступности должно быть устранение причин и условий, ее порождающих⁵». В то время как термины — «причина» и «обстоятельства» все же являются разными понятиями. Если причина — это «явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления», то обстоятельство — лишь «явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное», то есть условие⁶.

Более того, согласно части 4 статьи 29 и части 2 статьи 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации принятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, не является обязанностью органов дознания, предварительного следствия и суда, а только их правом.

В этой связи мы разделяем точку зрения И. И. Иванова, полагающего, что после введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года ряд его положений, принятых без учета современных потребностей судебно-следственной практики, привел к фактической утрате процессуальной самостоятельности следователей, снижению их способности быстро и своевременно реагировать на факты замысливаемых, подготавливаемых и совершенных преступлений⁷.

Исходя из сказанного, было бы целесообразным в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации закрепить нормы о предупреждении, пресечении, раскрытии преступлений и устранении их причин, которые ранее были предусмотрены в УПК РСФСР, а также обязанность следователя вносить представление об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления, именно в момент их обнаружения, а не по окончании производства по уголовному делу. Поскольку, если работа по установлению причин совершения преступления не входит в обязанность правоохрани-

тельных органов, то это влечет за собой совершение новых преступлений. Именно поэтому, в ныне действующих уголовно-процессуальных кодексах ряда бывших союзных республик, в частности УПК Азербайджанской Республики (ст. 8, 85, 86), Республик Армения (ст. 27, 57), Казахстан (ст. 8, 36), Молдова (ст. 55), Узбекистан (ст. 2), Кыргызской Республики (ст. 4) быстрое и полное раскрытие преступления или принятие мер к раскрытию преступления указаны в виде задачи уголовного процесса или обязанности органов уголовного преследования. Согласно статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 года обязанностью органа уголовного преследования является принятие необходимых мер по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших.

В уголовно-процессуальных кодексах Беларуси (ст. 7), Казахстана (ст. 8), Кыргызстана (ст. 4), Узбекистана (ст. 2) к задачам уголовного судопроизводства отнесено предупреждение преступлений.

Кроме того, в уголовно-процессуальных кодексах Беларуси (ст. 38, 174, 199, 263), Казахстана (ст. 65, 66, 185, 204, 387), Азербайджана (ст. 210, 221, 290, 355) предусмотрены нормы, обязывающие предупредить (или предотвратить) и пресечь преступления, выявлять их причины и условия и принимать меры по их устранению.

Также в соответствии со статьей 57 Уголовно-процессуального кодекса Армении орган дознания принимает меры по предупреждению и пресечению преступлений.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран СНГ закреплены нормы, направленные на предупреждение преступлений, отвечающие международным правовым стандартам.

В современных условиях особое внимание следует уделять криминалистической профилактике преступлений. Следует отметить, что вопросам профилактики преступлений посвящены труды М. Ш. Махтаева и И. И. Иванова, которые в докторских диссертациях развивают современное понимание содержания и сущности криминалистической профилактики.

Одним из наиболее эффективных способов предупреждения коррупции на государственной и муниципальной службе является применение специфических приемов технического характера для предотвращения подготавливаемых преступлений. В качестве такового следует рассматривать полиграф. Причем, преимущество полиграфа заключается в возможности его использования не только при расследовании преступлений, но и для профилактики коррупции на государственной и муниципальной службе в целях своевременного выявления у служащих склонности к правонарушениям. Так, О. Р. Абрамовская считает, что полиграф можно использовать как для проверки кандидатов при приеме на работу, так и при расследовании служебных нарушений, при проведении служебных проверок⁸.

Действительно, как на государственной, так и на муниципальной службе замещение ряда должностей сопровождается различными коррупционными рисками, воздействию которых подвергается значительная часть чиновников. Также склонность к участию в коррупционных преступлениях может быть и у тех лиц, кто только претендует на замещение соответствующих должностей. Как результат, возникает реальная опасность причинения ущерба интересам службы, бюджету, страдает авторитет органов государственной, муниципальной власти в глазах общественности. Поэтому, на наш взгляд, проведение проверок на полиграфе служащих, а также лиц, претендующих на замещение государственных (муниципальных) должностей, в целях профилактики коррупции выглядит весьма целесообразным, по причине их финансовой эконо-

на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) / Ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1231.

5 Доклад VI Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каракас, 1980), Нью-Йорк. 1981. С. 13.

6 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник. 1997. С. 438, 603.

7 Иванов И. И. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. 2004. С. 26.

8 Абрамовская О. Р. Противодействие коррупционной преступности в органах государственной власти и местного самоуправления (криминологический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2011. С. 19.

мичности и быстроты в сравнении с плановыми кадровыми проверками.

Однако, на сегодняшний день следует признать, что в профилактике коррупционных преступлений возможности полиграфа практически не используются. Думается, что причина этого кроется в том, что уже на протяжении длительного времени наблюдается острая нехватка квалифицированных специалистов полиграфологов, способных провести проверку на должном уровне.

Между тем, в последнее время все же стала намечаться положительная тенденция по увеличению центров подготовки специалистов полиграфологов с надлежащим уровнем квалификации. Поэтому, представляется необходимым, более решительно модернизировать сферу кадровой деятельности органов государственной, муниципальной власти, внедряя полиграф, как одно из средств предотвращения коррупционных преступлений.

Не менее важная роль в криминалистической профилактике коррупционных преступлений отводится согласованной деятельности следователя с иными правоохранительными органами, а также с государственными и муниципальными органами, должностными лицами.

Так, взаимодействие следователя с органом дознания заключается в совместном планировании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление причин и условий, способствовавших совершению указанных преступлений, кроме того, следователь может поручить проведение определенных проверок для выявления нарушений норм действующего законодательства в органах власти.

По мнению Д. В. Косова, к формам и направлениям взаимодействия правоохранительных органов также следует отнести совместную со следователем разработку профилактических мер, информирование следователем административных служб об обстоятельствах, благоприятствующих совершению преступлений на объектах их обслуживания, взаимное ознакомление следователя и сотрудников оперативных и профилактических подразделений с материалами уголовного дела⁹ и некоторые другие формы.

Взаимодействие следователя с государственными и муниципальными органами власти включает в себя систематическое проведение совместных совещаний по вопросам повышения эффективности профилактики коррупционных преступлений и принятия мер по исполнению представлений следователя, вынесенным должностным лицам органов власти.

Также указанные органы могут заключать соглашения о сотрудничестве и взаимодействии.

Между тем, приходится констатировать, что на сегодняшний день надлежащий уровень взаимодействия следователя как с правоохранительными органами, так и с органами государственной и муниципальной власти не отлажен, что, безусловно, затрудняет работу по предупреждению коррупционных преступлений.

Профилактическую работу правоохранительных органов сейчас можно свести только к части 2 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая предусматривает выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления.

Законодательно совместная деятельность следователя с правоохранительными органами по профилактике преступлений, в том числе коррупционных, не предусмотрена, как результат, указанные органы не имеют возможности эффективно вести данную работу.

9 Косов Д. М. Тактические приемы и криминалистические методы профилактики преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2007. С. 15.

К числу основных принципов взаимодействия следователя с государственными органами и должностными лицами в сфере организации криминалистической профилактики Ю. Н. Аксенова-Сорохтей относит использование помощи средств массовой информации, религиозных конфессий и общности¹⁰.

Действительно, эффективность работы правоохранительных органов невозможна без активного участия общественности в профилактике коррупционных преступлений.

Видится обоснованным привлечение общественности для выяснения причин и условий, способствующих совершению преступлений, что позволит выработать кардинальные меры, направленные на предупреждение и пресечение коррупционных преступлений.

На основании вышеизложенного, мы пришли к выводу о том, что отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации норм, регулирующих предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений и принятие мер к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления, выступает его серьезным недостатком, поскольку главной задачей уголовного судопроизводства является предупреждение преступлений, выявление и раскрытие преступлений, расследование преступлений, обнаружение и собирание доказательств, подтверждающих как наличие преступления, так и вину лица, его совершившего, закрепление доказательств и подготовка их представления в суд, где на основе этих доказательств будет принято решение о наличии преступления и виновности конкретного лица в его совершении и, как результат, определение ему справедливого наказания.

Как следствие всей этой деятельности, будут защищены интересы жертв коррупционных преступлений — как физических, так и юридических лиц.

Из сказанного следует, что указанный пробел следует восполнить введением соответствующих норм в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с учетом при этом международных правовых стандартов.

В век современных технологий также представляется необходимым использовать на практике техническое средство криминалистической профилактики — полиграф, которое, на наш взгляд, позволит обеспечить неотвратимость наказания за противоправные деяния, способно воспрепятствовать совершению коррупционных преступлений.

Ключевое значение в профилактической работе коррупционных преступлений отводится взаимодействию следователя с правоохранительными органами, в связи с чем, в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации необходимо регламентировать порядок соответствующих профилактических действий указанных органов.

Кроме того, широкое привлечение общественности повысит эффективность профилактической работы и, в дальнейшем, минимизирует последствия коррупционных преступлений. Поэтому, одной из характерных черт современной криминалистической практики является создание механизма взаимодействия правоохранительных органов с гражданами и институтами гражданского общества.

В заключение хотелось бы вспомнить слова известного итальянского реформатора уголовного права Чезаре Беккариа: «Лучше предупреждать преступления, чем наказывать. В этом главная цель всякого хорошего законодательства...»¹¹.

10 Аксенова-Сорохтей Ю. П. Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж. 2011. С. 12.

11 Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра. 2004. С. 150.

Маликов Б. З., Салимова А. М.
ИСПЫТАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ И УСЛОВНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ
НАКАЗАНИЯ КАК ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ
НАКАЗАНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Материал настоящей статьи отражает некоторые проблемы условного осуждения, отсрочки от отбывания наказания, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в механизме реализации уголовной ответственности, а также взгляд на отдельные положения теории «испытания» и «условного неприменения наказания».

Ключевые слова: уголовная ответственность, мера государственного принуждения, применение наказания, назначение наказания, испытание, условное неприменение наказания.

Malikov B. Z., Salimova A. M.
PROBATION AND CONDITIONAL SENTENCE AS CORRECTONAL
ALTERNATIVES TO PUNISHMENT IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

The material of this article reflects some of the problems of conditional sentence, deferment from serving a sentence, release on parole from serving the sentence in the mechanism of realization of criminal liability, as well as a look at some postulates of the theory of «probation» and «conditional non-punishment».

Keywords: criminal liability, a measure of government coercion, application of punishment, assignment of punishment, probation, conditional sentence.

Преступность, как объективно обусловленное негативное социальное явление, заставляет постоянно концентрировать усилия государства не только в направлении противодействия вовлеченности населения страны в криминал, но и в решении проблем оптимизации применения и исполнения уголовных наказаний и других мер уголовно-правового характера в отношении осужденных за совершенные преступления. Только в 2014 г. в России было зарегистрировано 2166399 преступлений, по которым проводилась масштабная работа правоохранительных органов. По ним было выявлено 1000100 лиц, совершивших преступления: особо тяжкие — 49531 чел., тяжкие — 184498 чел., средней тяжести — 260402 чел., небольшой тяжести — 5050668 чел. Расследовано и направлено в суд 991506 уголовных дел¹. На 1 марта 2015 г. в 776 исправительных учреждениях содержится 677182 чел., осужденных к лишению свободы, на учетах уголовно-исполнительных инспекций состоит 430944 чел., из которых 108778 осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, 322166 осужденных условно и с отсрочкой отбывания наказания².

Проводимая государством политика либерализации уголовной ответственности и депенализации наказания позволила значительно снизить количество осужденных к лишению свободы. Возросла среди осужденных к лишению свободы доля лиц, к которым применено условное осуждение либо отсрочка отбывания наказания. Количество лиц, ежегодно освобождаемых из мест лишения свободы условно-досрочно и в связи с заменой лишения более мягким наказанием, за последние 10 лет сократилось в два раза и в 2014 г. их количество составило 57772 человек³. Практика более широкого назначения судами наказания, не связанного с изоляцией осужденных от общества, применения условного осуждения, отсрочки отбывания

наказания, условно-досрочного освобождения от отбывания лишения свободы актуализировала проблемы правового регулирования применения и практики их исполнения, научных дискуссий о правовой сущности таких мер государственного принуждения и эффективности испытательного срока (отсрочки отбывания наказания, неотбытого срока наказания), правовых последствий уклонения осужденных от выполнения возложенных судом обязанностей.

Проблеме уголовно-правовых мер, освобождающих осужденного от реального отбывания наказания под условием исправления, посвящены десятки научных исследований, внесших существенный вклад в теорию испытания в уголовном праве. Только за последние 5 лет защищены 2 докторские диссертации (Нечепуренко А. А. — 2009 г., Агзамов И. М. — 2014 г.) и 6 кандидатских диссертаций (Дьяконова С. В. и Кара И. С. — 2009 г., Малолеткина Н. С. — 2011 г., Бурчихин А. Н. и Рабалданов В. Б. — 2012 г., Бузина М. В. — 2014 г.).

К настоящему моменту в теории уголовного права проведена большая работа по определению сущности мер уголовно-правового характера, замещающих наказание под условием исправления осужденных в механизме некарательного принуждения. К таким мерам мы относим условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Эти меры государственного принуждения являются формой реализации уголовной ответственности, сопряженной с действием уголовно-правовых отношений судимости, а также уголовно-исполнительных правоотношений, опосредующих исполнение приговора суда и режим испытания осужденных в целях их исправления.

В теории уголовного права получили развитие два подхода в оценке указанных мер уголовно-правового характера.

Первое направление отражает стремление обособить наличие наряду с наказанием новой системы некарательных мер уголовно-правового принуждения, именуемой «испытанием» или «исправительным испытанием». Эта идея развивается в трудах А. А. Нечепуренко, поддержана в определенной мере

Маликов Б. З.

Салимова А. М.

1 Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map

2 Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // ФСИН России. — Режим доступа: <http://www.fsin.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>

3 Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [Электронный ресурс] // ФСИН России. — Режим доступа: <http://fsin.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20soderghixsya%20v%20IK/>

в диссертационных исследованиях Н. В. Ольховиком (режим испытания при условном осуждении, Томск, 2003), Л. А. Чуприной (при исследовании проблем условно-досрочного освобождения, Томск, 2012), М. В. Бузиной (при исследовании проблем испытательных сроков, Рязань, 2014).

Второе направление является обоснованием И. М. Агзамовым наличия правовых и теоретических предпосылок в уголовном праве института «условного неприменения уголовного наказания».

А. А. Нечепуренко считает, что в отличие от наказания некарательные меры уголовно-правового принуждения могут быть объединены в систему с общим их наименованием «испытание». Им дано понятие испытания. «Испытание есть мера уголовной ответственности, заключающаяся в обязанностях в виде запретов и предписаний, возлагаемых на осужденного под угрозой отбывания наказания в случае уклонения от их исполнения»⁴. В настоящем диссертационном исследовании автор отмечает, что «наказание» и «испытание» являются формами реализации уголовной ответственности, и вместе с тем они выступают ее разнопорядковой мерой. Тем самым ставится знак равенства между формой и мерой. Нам представляется, современное понятие наказания достаточно четко определяет его сущность, содержание и направленность (ст. 43 УК РФ). Оно, будучи мерой государственного принуждения, актом правосудия, карой и правовым последствием совершенного осужденным преступления, является наиболее суровой формой реализации уголовной ответственности.

Что же касается иных мер уголовно-правового характера, замещающих наказание или приостанавливающих отбывание наказания в исправительных и других гуманных целях, то они применяются к исправимым осужденным. Они также являются мерами государственного принуждения исправительного характера. Поэтому они могут быть объединены одним общим понятием — меры исправительного характера, замещающие наказание.

И. М. Агзамов в своих научных работах в оценке общности правовых форматов исполнения условного осуждения, отсрочки отбывания наказания, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания делает попытку возродить и усилить обоснование наличия в уголовном праве института условного неприменения наказания⁵.

Следует отметить, что еще в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. в ст. 47 «условное неприменение наказания» имело закрепление в качестве самостоятельной меры уголовно-правового характера, под которой в настоящее время можно понимать условное осуждение и отсрочку отбывания наказания. Это была не конкретизированная мера уголовно-правового характера, а точнее ее общий правовой профиль, на основе которого рекомендовалось в республиканских кодексах закреплять виды условного неприменения наказания. Правда, толкование ст. 47 Основ не позволяло точно определить смысл нормы: «Если при назначении наказания суд... придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания, он может постановить о неприменении наказания». При этом возникают вопросы: Должно ли сначала назначаться конкретное наказание? Что значит — постановить о неприменении наказания? Какие должны определяться виды неприменения наказания?

Сама идея И. М. Агзамова о наличии теоретических, организационно-правовых предпосылок для появления нового комплексного института в уголовном праве России «Условное неприменение наказания», на наш взгляд, имеет право на су-

ществование. Однако наличие в уголовном законодательстве института с таким наименованием не вполне приемлемо. Уголовный закон оперирует понятиями: «наказание», «назначение наказания», «применение наказания», «освобождение от наказания», «замена не отбытой части наказания более мягким видом наказания», «условное осуждение», «отсрочка отбывания наказания», «освобождение от наказания несовершеннолетнего», «условно-досрочное освобождение от отбывания наказания», «освобождение от наказания либо его смягчение в силу акта амнистии или помилования». Тем не менее понятие «условное неприменение наказания» на протяжении более 20 лет не было воспринято законодателем в России и не получило развитие в теории уголовного права. В материалах диссертационного исследования И. М. Агзамова, на наш взгляд, достаточно полно не исследовано значение категорий «применение» и «назначение» наказания, что необходимо в толковании категории «неприменения» наказания. Законодатель в статьях 43, 60–70, 72–74 УК РФ, а также Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 2 от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» ставят знак равенства между понятиями «назначение» и «применение» наказания. Под назначением и применением наказания понимается принятие судом решения о наказании виновного лица с указанием в приговоре конкретного вида наказания, его размера или срока (п. 48). В п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 дается разъяснение по поводу возможности применения условного осуждения при наличии совокупности преступлений. Возможность применения условного осуждения при совокупности преступлений реализуется при принятии такого решения «... не за каждое преступление, а при окончательном назначении наказания по совокупности преступлений». Следовательно, «условное неприменение наказания» становится возможным лишь в части освобождения осужденного от отбывания реально назначенного (примененного) конкретного наказания за всю совокупность преступлений. Указанное положение наиболее выделяет то обстоятельство, что возможность рассмотрения судом вопроса о наличии оснований для условного осуждения появляется после назначения (применения) наказания, а при совокупности преступлений, — после окончательного назначения наказания.

Такая позиция высшего судебного толкования наиболее рельефно оттеняет проблему назначения (применения) наказания, после чего становится возможным принятие решения об условном осуждении. Без применения (назначения) наказания условное осуждение и отсрочка отбывания наказания становятся невозможными.

Стремление видеть в условном неприменении наказания отказ государства от исполнения назначенного наказания также не совсем точно отражает правовую реальность. Условное осуждение представляет собой постановление суда о признании назначенного наказания условным — не подлежащим реальному отбыванию под условием соблюдения режима испытания, несовершеннолетия правонарушений и новых преступлений, а также его относительное замещение исправительным принуждением на период испытательного срока (ч. 1 ст. 73, ст. 74 УК РФ). Важно отметить то обстоятельство, что не государство в лице суда отказывается от применения назначенного наказания, а исправимому осужденному дается возможность под условием реально не отбывать наказание. Условно осужденный в период исправительного принуждения сам определяется, отбывать ему назначенное судом наказание или нет. В механизме условного осуждения и отсрочки отбывания наказания наказание является фактором, стимулирующим право послушное поведение осужденного, а также и формой ответственности в режиме исправительного принуждения.

Что касается «модернизации» условного осуждения, то на теоретическом уровне более десяти лет назад было предложено комбинированное в сочетании с наказанием в виде лишения

4 Нечепуренко А. А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации. дис. ... д-ра юрид. наук. — Омск: Омская академия МВД России, 2009.

5 Агзамов И. М. Условное неприменение уголовного наказания, как комплексный правовой институт: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: ВНИИ МВД России, 2014.

свободы их применение и исполнение вместо условно-досрочного освобождения».

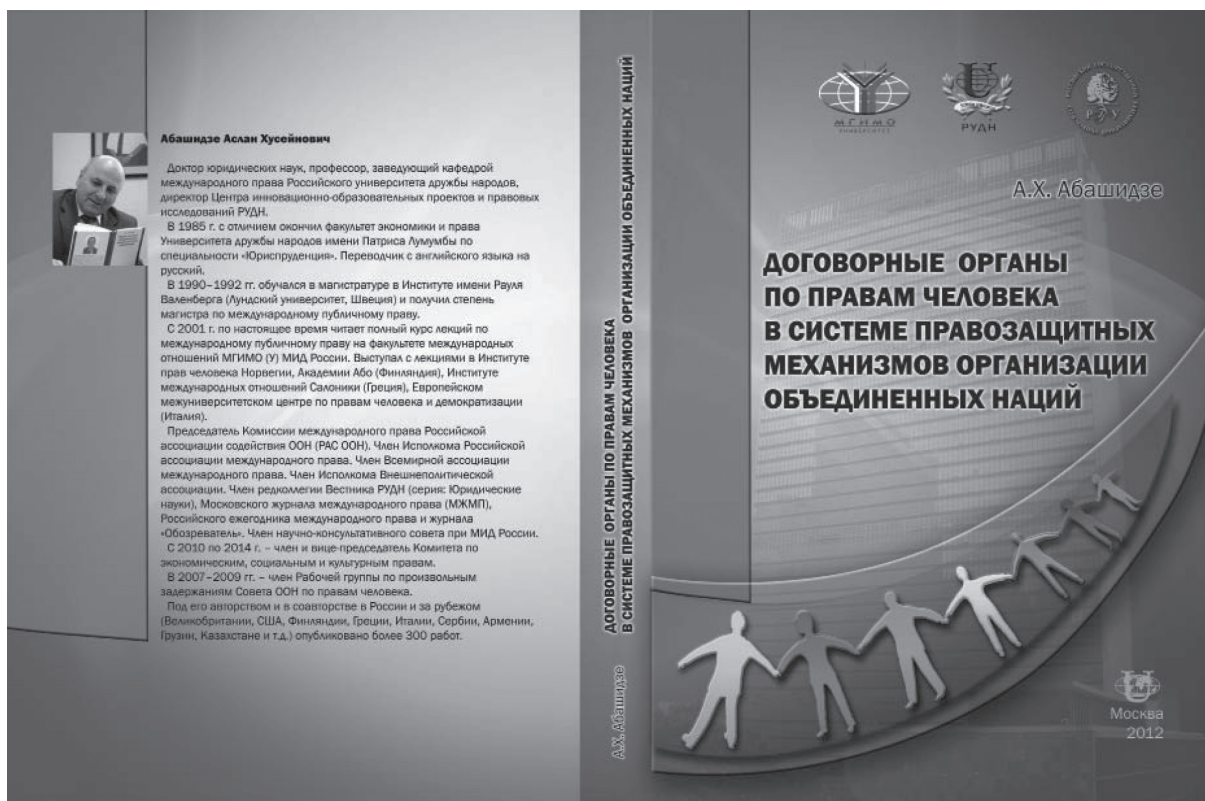
В теории, судебной практике и уголовно-исполнительной деятельности еще предстоит большая работа по оптимизации сущности каждого вида наказания, а также других мер уголовно-правового характера, практики их применения и исполнения. С момента введения в действие Уголовного кодекса РФ почти десятилетие «не работали» три вида основных «отложенных» наказаний. До настоящего времени не решен до конца вопрос о применении наказаний в виде ареста и принудительных работ (прежнего наказания в виде ограничения свободы). В указанный период вносились изменения в регламент применения штрафа, исправительных и обязательных работ, ограничения свободы, лишения свободы на определенный срок. Вопрос о неприменении смертной казни до сих пор не имеет должного правового решения. До настоящего времени не реализована норма ч. 6 ст. 79 УК РФ в части определения специализированного государственного органа по осуществлению контроля за условно-досрочно освобожденными лицами. В силу отмеченных обстоятельств Уголовный кодекс РФ и, в частности, санкции конкретных статей его Особенной части не отражают заявленной уголовной политики государства, а также искажают как наказательную практику судов, так и применение условного осуждения. Только в содержании статей 73, 74 и 82 УК РФ было внесено суммарно более десятка изменений и дополнений. Поэтому в настоящее время ставить вопрос о востребованности в уголовном законодательстве институтов испытания либо условного неприменения наказания пока преждевременно.

6 См. подробнее: Маликов Б. З. Лишение свободы в политике наказания и законодательстве России. — Самара: СЮИ МЮ России, 2003. — С. 197–208.

Вместе с тем в теории уголовного и уголовно-исполнительного права вполне оправдана постановка проблемы оптимизации применения и исполнения уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера (условного осуждения, отсрочки от отбывания наказания, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания) и в форме «испытания», и в форме «условного неприменения наказания».

Пристатейный библиографический список

1. Агзамов И. М. Условное неприменение уголовного наказания, как комплексный правовой институт: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: ВНИИ МВД России, 2014.
2. Маликов Б. З. Лишение свободы в политике наказания и законодательстве России. — Самара: СЮИ МЮ России, 2003.
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // ФСИН России. — Режим доступа: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>
4. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map
5. Нечепуренко А. А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Омск: Омская академия МВД России, 2009.
6. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [Электронный ресурс] // ФСИН России. — Режим доступа: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>

Шахбанова Х. М.

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Актуальность темы выражается, прежде всего, в том, что данный принцип относится к числу конституционных. Принцип состязательности — это общепроцессуальный принцип, на основе которого должна строиться вся процессуальная деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Он означает отделение важнейших уголовно-процессуальных функций обвинения и защиты от функции правосудия.

Ключевые слова: состязательность, принципы уголовного судопроизводства, процессуальные функции, судебное производство.

Shakhbanova Kh. M.

COMPETITIVENESS AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL AND LEGAL PROCEEDINGS

Relevance of a subject is expressed, first of all, in the fact that this principle is among the constitutional. The principle of competitiveness is an all-procedural principle on the basis of which all procedural activities of bodies of inquiry, inquest, prosecutor's office and court have to be build. It means separation of the major criminal procedure functions of prosecution and defense from the justice function.

Keywords: competitiveness, principles of criminal and legal proceedings, procedural functions, judicial proceedings.

В юридической науке понятие состязательности используется не только для обозначения исторической формы уголовного судопроизводства, но и его принципа.

В главе 2 УПК РФ раскрыты принципы уголовного судопроизводства, которые должны быть применены путем применения других норм УПК РФ. В ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ провозглашен такой принцип уголовного судопроизводства, как состязательность сторон¹.

Конституция РФ расценивает состязательность и равноправие сторон одним из главных начал организации уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 123). Реализация принципа состязательности обозначает такое построение уголовного судопроизводства, когда функции обвинения и защиты разделены между собой, изолированы от судебной деятельности и проводятся сторонами, употребляющими равные процессуальные права для защиты своих интересов. Совмещение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в одном органе или должностном лице разнонаправлено с законами логики и психологии. Запрет такого нарушения вначале относится к суду, т.к. отступление от этого основного положения принципа состязательности ставит под угрозу само осуществление правосудия².

Вопрос о месте и роли состязательности в современном отечественном уголовном процессе вот уже более 20 лет находится в центре внимания юридической науки и практики. Казалось бы, достаточно длительный срок, позволяющий получить ясный и однозначный ответ. Но практически решение проблемы не приблизилось, как говорится, «воз и ныне там».

Необходимо отметить, что значительные изменения, внесенные в УПК РФ за десять лет его действия, не затронули положений, касающихся состязательности, и распространенных, по замыслу законодателя, не только на судебное производство, но и на досудебные стадии уголовного процесса. Из этого следует, что все это время современное уголовное судопроизводство России совершенствуется в состязательном направлении. Исходя из этого, многие юристы считают, что не только судебное, но и досудебное производство осуществляется в состязательной форме.

Приведем высказывания некоторых авторов, например, Н. А. Лукичев пишет: «Принцип состязательности утвердился в стадии предварительного расследования. В данной стадии он расширил возможности по отстаиванию законных интересов подозреваемого и обвиняемого. Гражданин с целью опровержения подозрения или смягчения ответственности за него может воспользоваться услугами защитника».

Е. Б. Мизулина заявляет, что выполнение следователем функции обвинения «позволило обосновать ряд таких гарантий принципа состязательности на стадии досудебного производства, как наделение защитника полномочиями по собиранию доказательств, предоставление стороне защиты права обжалования любых действий и решений следователя, введение института недопустимых доказательств, ограничение полномочий прокурора при утверждении обвинительного заключения вносить исправления в список свидетелей со стороны защиты и др.³

Ю. В. Дерিশев сказал, что с принятием УПК РФ 2001 г. элементы состязательности стали проявляться в досудебном производстве по уголовным делам. Он говорит: «Если обратиться к классической схеме, определяющей критерии состязательности (полное разделение трех процессуальных функций: обвинения, защиты и юстиции, а также наличие равных процессуальных возможностей сторон), то применительно к досудебному производству по УПК РФ она выглядит следующим образом: существенно трансформированы права и процессуальные возможности сторон, в том числе появились элементы «параллельного производства»; значительно повышена роль суда по контролю за производством предварительного расследования и разрешением возникающих между сторонами споров и т.п.»⁴.

Таким образом, исходя из сказанного вышеуказанными авторами, можно сделать вывод, что предварительное расследование по УПК РФ в целом осталось прежним, советским, за исключением двух новшеств. Первое — возможность обращения уголовно преследуемого лица и его защитника в суд с жалобой на органы следствия и дознания в порядке ст. 125 УПК РФ, второе — расширение правомочий подозреваемого, обвиняемого, а также защитника в противостоянии уголовному преследованию, в частности путем само-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // КонсультантПлюс.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // КонсультантПлюс.

3 Мизулина Е. Б. О модели уголовного процесса // Правоведение. — 2010. — № 5. — С. 49.

4 Дерিশев Ю. В. К проблеме формирования уголовно-процессуальной доктрины Российской Федерации // Вестник Омского юридического института. — 2011. — № 2. — С. 128.

стоятельного собиранья доказательственной информации. В этих новеллах усматривается наличие состязательности в досудебном производстве современного отечественного уголовного процесса.

Раскрывая суть состязательности, следует иметь в виду, что эта форма имеет не только внешнюю, видимую, но и внутреннюю, скрытую от «простого глаза» сторону.

Содержательный аспект состязательности характеризуют три компонента: а) разделение процессуальных функций; б) равноправие сторон; в) беспристрастность суда.

Каковы же место и роль состязательности в современном уголовном процессе России?

Прежде всего, необходимо уяснить конституционный смысл состязательности, поскольку в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве должны быть точно реализованы требования Основного Закона страны.

Согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». В данной норме речь идет о судопроизводстве, т.е. о производстве в суде, судебных стадиях. Конституция РФ не обязывает законодателя распространить требование состязательности на досудебные стадии уголовного судопроизводства.

Авторы УПК РФ предприняли попытку перестроить по состязательному типу не только судебное, но и досудебное производство, однако осуществить задуманное не удалось. Несмотря на многие положения Общей части Кодекса, явно направленные на реализацию состязательности во всей уголовно-процессуальной деятельности (выделение сторон, закрепление состязательности в качестве принципа уголовного процесса, отказ от объективной истины как цели доказывания и др.), в нормах Особенной части УПК РФ фактически закреплено прежде розыскное (несостязательное) досудебное производство. Следователь, дознаватель сохранили статус полноправных «хозяев» дела, а защита как была, так и остается просителем, ходатаем перед ними. Поэтому органы уголовного преследования и защита не являются равноправными сторонами, а их противостояние не разрешается третьим субъектом — независимым арбитром.

По-другому организованы судебные стадии уголовного процесса. Суд и первой, и второй инстанции во всех случаях рассматривает дело по существу с участием сторон обвинения и защиты, процессуальные права которых одинаковы. Проще говоря, судебное производство всегда осуществляется посредством «треугольника» участников и распределения функций. Это позволяет утверждать, что требование состязательности судопроизводства на формально-процедурном уровне в современном отечественном уголовном процессе реализовано.

Сказанное не означает, что задача состязательного построения судебного производства у нас решена. Проблемы здесь имеются, но касаются они внутренней, содержательной стороны состязательности, в первую очередь обеспечения беспристрастности суда.

Казалось бы, в настоящее время суд освобожден от обвинительной функции, стороны наделены процессуальным равноправием, однако оправдательных приговоров крайне мало (не более одного процента). Фактически наше внешне состязательное правосудие демонстрирует обвинительный уклон. И проявляется это в третьем содержательном компоненте состязательности — беспристрастности суда, точнее, в ее отсутствии. Главная причина такой позиции арбитра в споре сторон — организационно-управленческая, формирующая в итоге психологическую установку судей на всемерное «спасение обвинения». Процессуальный закон в определенной степени способен сократить эту тенденцию путем создания механизма снижения степени субъективного судейского усмотрения. Например, при определенных обстоятельствах пре-

кращение уголовного дела за примирением сторон должно быть не правом, а обязанностью суда.

Наряду с указанной проблемой в совершенствовании современной модели российского уголовного процесса центральным остается вопрос — необходимо ли реформировать по состязательному типу досудебный этап уголовно-процессуальной деятельности?

При решении этого вопроса следует учитывать два фактора. Первый — назначение досудебного производства. Данный отрезок движения уголовного дела предназначен устанавливать факт преступления, подвергать уголовному преследованию лиц, их совершивших, для последующего судебного разбирательства. Эффективное решение этих задач возможно лишь в том случае, если органы следствия и дознания действуют в условиях быстроты, во многом негласно, с оперативно-розыскным сопровождением, с широкими полномочиями по применению мер процессуального принуждения и т.д. Состязательность эти условия не только не обеспечивает, но и во многом исключает. Поэтому именно розыскная (несостязательная) форма была и остается оптимальным способом организации предварительного расследования.

Второй фактор — обеспечение современного уровня прав, свобод и законных интересов личности, вовлеченной в досудебное производство в любом процессуальном статусе.

Состязательность сама по себе не гарантирует соблюдения прав субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Будучи формой производства по делу, она лишь выстраивает взаимоотношения субъектов, демонстрирует их расстановку в ходе разрешения дела. Права, предоставленные участникам, могут успешно исполняться в рамках как состязательного, так и розыскного построения уголовного процесса.

Возьмем право на защиту. В советский период подозреваемый вообще не имел права на адвоката-защитника, а у обвиняемого оно появилось лишь по завершении предварительного расследования, т.е. фактически использовалось лишь в суде. В настоящее время уголовно преследуемое лицо приобретает право на адвокатскую помощь уже с момента задержания по подозрению (ст. 48 Конституции РФ). В современной следственной практике не возникает особых затруднений с предоставлением адвоката-защитника подозреваемому и обвиняемому.

Поэтому задача обеспечения прав личности в досудебном производстве относится не к проблеме состязательности, а касается проблемы наделения субъектов кругом необходимых полномочий и беспрепятственной реализации данных прав.

Таким образом, если розыскное расследование не только действует эффективно, но и создает достаточные условия для соблюдения прав участвующих лиц, то нет никакой необходимости ломать сложившийся и успешно работающий механизм. Состязательность — не панацея и не самоцель. Ее место там, где без нее процесс немислим — в суде.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г.) // КонсультантПлюс.
3. Мизулина Е. Б. О модели уголовного процесса // Правоведение. — 2010. — № 5.
4. Деришев Ю. В. К проблеме формирования уголовно-процессуальной доктрины Российской Федерации // Вестник Омского юридического института. — 2011. — № 2.

Астанов И. Р.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕГО НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

В данной статье проведен анализ современного состояния института судебной экспертизы в Республике Узбекистан и странах СНГ, раскрыто содержание отдельных норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан, связанных с институтом экспертизы, освещены вопросы, связанные с порядком назначения и проведения экспертизы. Также в статье изложены конструктивные предложения по совершенствованию законодательства, правоприменительной практики.

Ключевые слова: экспертиза, уголовно-процессуальный кодекс, эксперт, назначение экспертизы, проведение экспертизы, заключение эксперта, специальные знания.

Astanov I. R.

IMPROVEMENT OF THE EXPERT EXAMINATION INSTITUTE UNDER THE CONDITIONS OF JUDICIAL REFORM AND EFFICIENCY FROM USE OF ITS NEW OPPORTUNITIES

This article contains an analysis of current state of forensic examination institute in the Republic of Uzbekistan and CIS countries, the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan connected with the institution of examination and the order of its appointment and production. At the same time, constructive proposals concerning legislation improvement and law enforcement practice are formulated

Keywords: expertise, Code of Criminal Procedure, the expert, commission of examination, production of examination, expert evidence, special knowledge.

Астанов И. Р.

В Узбекистане проводятся ширококомасштабные реформы, направленные на обеспечение верховенства прав человека. Как особо отмечено главой государства И. А. Каримовым, «в нашей стране проведена ширококомасштабная работа по глубокому реформированию судебной системы, обеспечению реальной независимости судебной власти. В соответствии с 58 законами, принятыми за прошедшие пять лет, судебная реформа была еще более углублена»¹.

В качестве одного из элементов этих реформ в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан институту экспертизы был придан особый правовой статус, как своеобразному способу установления истины по уголовному делу и использования достижения науки и техники. Так, широкое внедрение достижений науки и техники в деятельность правоохранительных органов повышает качество выполнения задач уголовного процесса путем обеспечения своевременного сбора относящихся к уголовному делу доказательств, быстрого установления и изобличения совершивших преступление лиц. В этом смысле экспертиза занимает ведущую роль в процессе дознания, предварительного следствия и судопроизводства.

О постоянном повышении роли судебной экспертизы по уголовным делам свидетельствует также и увеличение количества экспертиз, назначаемых правоохранительными органами. В частности, в 1995 г. было проведено 3913 экспертиз, в 2000 г. — 8671, в 2005 г. — 14583, в 2012 г. — 24261, в 2013 г. — 26685, в 2014 г. — 26903. В 2013–2014 гг. было проведено в 9 раз больше экспертиз, чем в 1995 г. Основная часть проведенных экспертиз, т.е. 56,9%, была назначена органами внутренних дел, 15,8% — судами по уголовным делам, 0,6% — хозяйственными судами, 12% — органами прокуратуры, 1,4% — службой национальной безопасности и 13,3% — другими органами.

По статистическим сведениям, в 2014 г. только в Республиканский центр судебной экспертизы им. Х. Сулеймановой в целях получения заключения эксперта было направлено судами

общей юрисдикции 4515 материалов (из них судами по уголовным делам — 300, судами по гражданским делам — 4215), хозяйственными судами — 276, органами прокуратуры — 3598, органами внутренних дел — 159041, органами службы национальной безопасности — 721, другими органами — 2427².

Экспертиза по уголовным делам важна также и тем, что она дает возможность широкого использования современных научных средств в процессе расследования и судебного разбирательства. С развитием научного прогресса возрастает и потребность привлечения его достижений для реализации интересов правосудия. Подтверждением этого служит также принятие 2 июня 2010 г. Закона Республики Узбекистан «О судебной экспертизе», а также внесение в связи с этим изменений и дополнений в УПК. Хотя на сегодняшний день и сформированы ясные правила, связанные с назначением экспертизы, ее проведением и деятельностью эксперта, регламентирующие взаимодействие органов предварительного следствия и судов с экспертами, все еще не нашел своего решения целый ряд теоретических и практических проблем, связанных с назначением экспертизы, дачей заключения по ее результатам, предметом и объектом экспертизы и др. Помимо этого, имеется немало задач, которые необходимо реализовать на пути проведения экспертных исследований, а также использования ее возможностей.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным включить в перечень предстоящих задач и мероприятий в области совершенствования экспертной практики нижеследующее:

во-первых, отсутствие у ученых единого мнения о теоретической стороне проблемы, понятиях экспертизы и экспертного исследования, судебной экспертизы, криминалистической экспертизы, необходимость создания единой системы правил о них, а также возникновение необходимости широкого анализа целей, задач и принципов экспертизы, возрастание потребности в проведении систематизированного исследования прав

1 Каримов И. А. Мамакатимизни модернизация қилиш ва қучли фуқаролик жамияти барпо этиш — устувор мақсадимиздир. — Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2010. — С. 80.

2 Отчет об итогах деятельности Республиканского центра судебной экспертизы им. Х. Сулеймановой при Министерстве юстиции Республики Узбекистан за 2014 г.

и обязанностей экспертов и участников процесса экспертных исследований;

во-вторых, в качестве практической стороны проблемы наблюдается рост обращений к экспертам в практике деятельности органов дознания, следствия и суда, наличие потребности в дальнейшем расширении сотрудничества в сфере экспертизы с зарубежными странами, факты постановки перед экспертом вопросов, входящих в компетенцию экспертов другой специальности, случаи дачи экспертами несоответствующих, неполных, некачественных ответов на поставленные перед ними вопросы;

в-третьих, по совершенствованию норм УПК, связанных с экспертизой: дальнейшее расширение прав и обязанностей эксперта, случаев обязательного назначения и проведения экспертизы; полное определение правового статуса руководителя экспертного учреждения в качестве участника уголовного процесса; устранение неясностей, связанных с постановкой на практике правовых вопросов перед экспертом; расширение прав потерпевшего, свидетеля, гражданского истца и гражданского ответчика при проведении экспертизы; необходимость увеличения количества способов собирания доказательств с участием эксперта; наличие необходимости расширения видов следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела.

В юридической литературе имеются различные взгляды на роль и значение экспертизы в отправлении правосудия, раскрытии и расследовании преступлений.

Как отмечает Б. Б. Хидояттов, во многих случаях следователи, не понимая значения экспертизы, относятся к ней с недоверием, стараются опираться на собственные знания, но при этом упускают то, что только при помощи экспертизы могут быть раскрыты сложные и запутанные уголовные дела³.

Говоря о роли экспертизы в осуществлении правосудия, следует отметить, что рациональное использование достижений науки, с учетом необходимости предотвращения и раскрытия преступлений, обеспечения защиты прав и свобод человека, соблюдения принципа справедливости в уголовном процессе является требованием времени и роль экспертов в этом несравнима.

С. А. Отахужаев в связи с этим пишет, что «в современных условиях эффективность того или иного вида деятельности определяется использованием в ней достижений науки и техники. Основное место во внедрении данных достижений в правоохранительную практику занимает судебная экспертиза. По этой причине важную роль играет широкое использование основанной на современных возможностях науки и техники экспертизы, а также развитие теоретических и практических аспектов экспертизы»⁴.

По утверждению Ю. С. Пулатова, «в экспертной практике созданы новые эффективные методы исследования материальных объектов, вобравшие в себя достижения физики, химии, минералогии, практической математики и других естественных и технических наук. В особенности, эти способы широко используются при исследовании различных материалов, веществ и изделий. Это не только расширяет процесс экспертного исследования, но и меняет следственную тактику проведения экспертизы»⁵.

3 Хидояттов Б. Б. Следственные действия, проводимые в уголовном процессе (учебное пособие — курс лекций). — Ташкент: ТПОИ, 2006.

4 Отахужаев С. А. Суд экспертизасининг хозирги босқичдаги долзарб муаммолари // «Ўзбекистонда суд экспертизасининг ривожланиш истиқболлари» мавзусидаги Республика идоралараро илмий-амалий конференция материаллари. — Тошкент, 2006. — Б. 24.

5 Пулатов Ю. С. Экспертизага жўнатилиши керак бўлган материаллар, моддалар ва буюмларга оид хужжатли маълумотларнинг хусусиятлари // Суд экспертиза ютуқлари ва ривожланиш истиқболлари: Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлигининг суд

Резюмируя вышеприведенные мнения, можно сделать вывод, что роль и место экспертизы в уголовном процессе растут из года в год, а ученые проводят соответствующие научные исследования в данном направлении.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе имеется более чем 100 статей, в которых затрагиваются вопросы, связанные с экспертизой, правовым статусом и деятельностью эксперта. Это обстоятельство свидетельствует о большом количестве норм, посвященных эксперту и его исследованиям.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать целый ряд предложений, направленных на развитие института экспертизы.

1. В соответствии со ст. 174 «Лица, назначаемые экспертами» Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан, судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, судебно-психологическая, судебно-автотехническая, судебно-экономическая, криминалистическая экспертизы проводятся только специалистами государственных судебно-экспертных учреждений, а в отдельных случаях других предприятий, учреждений и организаций.

Но, по нашему мнению, является неверным ограничение проведения отдельных видов экспертиз только экспертами государственных судебно-экспертных учреждений. Потому что в Узбекистане имеется целый ряд психологических центров, аудиторских организаций, а знания и способности их работников являются достаточными для проведения экспертизы. Это обстоятельство, в свою очередь, будет способствовать снижению объема работы государственных экспертных учреждений и повышению качества их работы, сформирует конкуренцию между государственными и негосударственными экспертными учреждениями. Таким образом, будет следан дополнительный шаг к развитию качественных исследований.

2. Кроме того, целесообразно упростить систему экспертных учреждений, объединить некоторые виды экспертиз в одну общую систему, например, объединить судебно-экспертные учреждения Министерства здравоохранения и Республиканский центр судебных экспертиз им. Х. Сулеймановой. Это позволит упростить систему обращения правоохранительных органов к экспертам. А главное, единая система позволит сформировать единообразную экспертную практику.

3. Необходимо усовершенствовать систему приема предоставляемых в экспертные учреждения для экспертизы образцов. Например, в экспертных учреждениях США образцы принимаются у следователей отделом по приему доказательств и распределяются в дальнейшем исходя из требований соответствующего постановления. Назначение экспертом по соответствующему исследованию осуществляется начальником этого отдела. То есть ограничивается вступление следователя в какие-либо отношения с экспертом, проводящим исследование. Этим обеспечивается независимость эксперта.

4. Необходимо создавать и развивать частные (негосударственные) учреждения, профессионально занимающиеся проведением экспертиз. Это приведет к созданию конкурентной системы и развитию данной сферы.

5. Необходимо внести в нормы соответствующих процессуальных кодексов полномочия адвокатов по назначению экспертиз. Потому что на сегодняшний день адвокаты обладают правом представлять доказательства, однако не обладают таким элементом представления доказательств, как назначение экспертизы. По этой причине это право должно быть законодательно закреплено.

Предложения по современным видам экспертиз и технических средств, использование которых ожидается в будущем:

1. Целесообразно использовать фотографии формата 3D и предоставлять таким образом сведения для проведения экспертизы. К примеру, процесс осмотра места происшествия

и отбора образцов для экспертного исследования, источник доказательств, время и место необходимо фиксировать на фотографиях в формате 3D. Эта практика и метод широко применяется в развитых странах и дает возможность получать информацию о месте обнаружения конкретного доказательства, месте совершения преступления в целом и его соответствующих элементах.

2. Положительные результаты дает печать образцов доказательств на 3D принтерах. Этот метод моделирования дает возможность сформировать мнение эксперта и следователя о конкретных обстоятельствах, создать у них представление и правильное понимание обстановки. К примеру, при использовании данного технического средства можно создать копию орудия преступления и использовать его при проведении следственных действий.

3. Изучение биометрических данных человека — это процесс, представляющий собой изучение анатомических элементов, принадлежащих только одному человеку и не встречающихся у других людей. К этим признакам относятся следы рук, ДНК, глаза, почерк, голос, форма ушей и строение лица, по которым можно проводить идентификацию человека. В структуру физиологических биометрических элементов входят форма рук и расположение на них кровеносных сосудов, отпечатки пальцев, расположение кровеносных сосудов в глазу, голос. Эти элементы считаются необходимыми сведениями для идентификации человека. На сегодняшний день в криминалистике развивается направление вокалография, которое позволяет идентифицировать человека по его голосу. Эта система регистрации людей упрощает идентификацию человека по голосу.

Помимо этого, в системе криминалистической регистрации необходимо создать систему регистрации информации о челюсти и следах зубов человека. Эта система может быть использована для установления личности без вести пропавших, забывших свои личные данные лиц, неопознанных трупов.

4. Сегодня с увеличением количества компьютерных преступлений усиливается потребность в развитии системы компьютерно-технической экспертизы. В этом направлении целесообразно расширить сферу деятельности данного вида экспертиз. Целесообразно расширить сферу деятельности данных экспертиз, исходя из потребностей заинтересованных организаций. К примеру, необходимо развивать экспертные учреждения, создающие возможность для проведения экспертиз информационных атак на Центральный банк Республики Узбекистан и коммерческие банки, попыток изменения информационных сведений правоохранительных органов.

5. В рамках судебно-психологической экспертизы необходимо использовать полиграф, работающий путем анализа работы мозга и сердца человека. К примеру, в 87–96% случаев полиграф помогает раскрыть преступление при проведении судебно-психологической экспертизы. Целесообразно использовать данную практику при проведении психологических экспертиз в нашей стране.

6. Необходимо создать одорологическую экспертизу — экспертизу, исследующую запахи. Эта экспертиза считается важным видом экспертиз, помогающим тогда, когда другие экспертизы могут оказаться бессильными. Эта экспертиза широко распространена в странах Восточной Европы и применяется для раскрытия преступлений.

В заключение хотелось бы отметить, что постоянное развитие возможностей экспертизы, наличие возможности использования новых технико-технологических разработок требует соответствующего развития национального законодательства и организаций, работающих в области экспертной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Астанов И. Р. Институт экспертизы в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран (сравнительный анализ правовой системы Республики Узбекистан и зарубежных стран) // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2.
2. Каримов И. А. Мамлакатимизни модернизация қилиш ва қучли фуқаролик жамияти барпо этиш — устувор мақсадимиздир. — Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2010.
3. Отахўжаев С. А. Суд экспертизасининг ҳозирги босқичдаги долзарб муаммолари // «Ўзбекистонда суд экспертизасининг ривожланиш истиқболлари» мавзусидаги Республика идоралараро илмий-амалий конференция материаллари. — Тошкент, 2006.
4. Отчет об итогах деятельности Республиканского центра судебной экспертизы им. Х. Сулеймановой при Министерстве юстиции Республики Узбекистан за 2014 г.
5. Пулатов Ю. С. Экспертизага жўнатилиши керак бўлган материаллар, моддалар ва буюмларга оид ҳужжатли маълумотларнинг хусусиятлари // Суд экспертиза ютуқлари ва ривожланиш истиқболлари: Ўзбекистон Республикаси Адлия вазирлигининг суд экспертиза хизматининг 50 йиллигига бағишланган илмий-амалий конференция. — Тошкент, 2001.
6. Хидоятлов Б. Б. Следственные действия, проводимые в уголовном процессе (учебное пособие — курс лекций). — Ташкент: ТПЮИ, 2006.

Фрыгина М. М. ФОРМИРОВАНИЕ АДВОКАТОМ-ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ИСТЦА

Статья посвящена рассмотрению особенностей правовой позиции адвоката — представителя по гражданскому делу. Кроме того, автор анализирует особенности определения правовой позиции адвокатом на основе исследования круга обстоятельств, обуславливающих ее выбор и формирование.

Ключевые слова: истец, адвокат-представитель, правовая позиция, формирование правовой позиции, доверитель.

Frygina M. M. FORMATION OF PLAINTIFF'S LEGAL STANCE BY THE ADVOCATE-REPRESENTATIVE

The article is devoted to consideration of peculiarities of legal position of advocate — representative in the civil case. Besides the author analyses the peculiarities of determination of legal position by advocate on the basis of researching circumstances conditioning the choice and formation thereof.

Keywords: plaintiff, advocate-representative, legal position, formation of legal position, client.

Фрыгина М. М.

Истец и ответчик являются сторонами спора, разрешаемого судом в порядке искового производства. Адвокатом формируется и реализуется позиция и истца, и ответчика. В теории гражданского процессуального права существует несколько критериев классификации прав сторон:

- процессуальные права, реализация которых влияет на формирование и реализацию позиции;
- процессуальные права на участие в разбирательстве в деле;
- процессуальные права, обеспечивающие сторонам судебную защиту в широком смысле¹.

Истец — это лицо, нуждающееся в защите своего права или законного интереса, имеет широкий набор прав, осуществление которых влияет на производство по гражданскому делу, на формирование и реализацию правовой позиции адвоката. Эти права — следствие действия в гражданском процессе принципа диспозитивности.

Полная реализация принципа диспозитивности возможна только в рамках искового производства — производства по делам, возникающим из гражданских (в широком смысле) правоотношений. В производстве же по делам, возникающим из публичных правоотношений, принцип диспозитивности действует в ограниченном режиме и не играет определяющей роли². Поэтому основным признаком истца и ответчика является наличие у них специфических прав.

В соответствии с принципом диспозитивности истец имеет право определять правовой спор, который необходимо разрешить, чтобы состоялась защита нарушенного (оспоренного) субъективного права или законного интереса. Это право осуществляется путем реализации нескольких правомочий — правомочия на определение исковых требований, правомочия на определение оснований исковых требований и правомочия на определение ответчика по спору.

В соответствии с подп. 4 и 5 п. 2 ст. 131 ГПК РФ в исковом заявлении истец указывает то, в чем заключается нарушение или угроза нарушения его прав, свобод и законных интересов, свои требования, обстоятельства, на которых основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Эти указания обязательны для суда, что вытекает из п. 3 ст. 196 ГПК РФ, в соответствии с которым суд принимает решение по заявленным истцом требованиям, выйти за пределы которых он может только в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Исковое заявление, особенно его содержание, играет очень важную роль, так как оно определяет действия суда при решении вопроса и принятии заявления, подготовке дела к судебному разбирательству, в ходе судебного разбирательства³, на что стоит обращать внимание при подготовке правовой позиции адвоката. Данное правило не применяется полностью при рассмотрении и разрешении дел, возникающих из публичных правоотношений, что следует из ч. 3 ст. 246 ГПК РФ, в соответствии с которой суд не связан основаниями и доводами заявленных требований, хотя указание на обстоятельства, перечисленные в ст. 131 ГПК РФ, является обязательным и для заявителя по делам, возникающим из публичных правоотношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что определение оснований и доводов исковых требований — право истца, формируется адвокатом-представителем.

Для формирования правовой позиции важнейшим набором специфических прав, вытекающих из принципа диспозитивности, являются так называемые распорядительные правомочия истца и ответчика. К ним относятся права, предусмотренные ст. 39 ГПК РФ — право истца изменить предмет или основание иска, право увеличить или уменьшить размер исковых требований, право отказа от иска, право ответчика признать иск, право сторон на заключение мирового соглашения. Данный набор прав является специфичным, так как он характерен только для истца (за исключением права признать иск и заключить мировое соглашение, которые принадлежат ответчику).

Право изменить предмет иска — распорядительное право, в соответствии с которым истец, до вынесения судом решения, может выбрать иную структуру правоотношения, названного им в качестве предмета иска при предъявлении искового заявления. Такое определение возможно, если под иском понимать всю деятельность истца. Предмет иска — то, на что иск

1 Викут М. А. Проблема правового регулирования процессуального положения и деятельности сторон в советском гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Свердловск, 1971. — С. 27; Викут М. А., Зайцев И. М. Указ. работа. — С. 75. (Глава подготовлена М. А. Викут).

2 Грось Л. А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — С. 29; Щеглов В. Н. Гражданское процессуальное правоотношение: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 1968. — С. 31; Попова Ю. А. Теоретические проблемы судопроизводства по делам, возникающим из публично-правовых отношений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2002. — С. 22.

3 Жуйков В. М. Проблемы гражданского процессуального права. — М.: Городец-издат, 2001. — С. 25.

направлен, то охранительное отношение, признания которого требует истец. Речь идет о правоотношении с конкретным содержанием, то есть с абсолютно определенными правами и обязанностями сторон. Гражданские охранительные правоотношения — отношения, содержание которых может быть изменено по воле сторон.

Как правило, в структуре гражданских охранительных правоотношений заложено несколько способов восстановления и защиты регулятивных гражданских правоотношений. Это и позволяет лицу, чье субъективное право нарушено, выбрать способ защиты своего права. Важно, чтобы при этом не произошло выхода за пределы правоотношения, названного истцом в качестве предмета иска (отношение, возникшее в связи с нарушением права собственности, в связи с причинением вреда имуществу и т.п.), иначе кроме предмета наступит необходимость одновременной замены фактического основания иска, следовательно, произойдет замена первоначального иска другим иском, что недопустимо в рамках производства по конкретному гражданскому делу.

Здесь нужно обратить внимание на правильное толкование термина «изменение», которым законодатель обозначает действия истца по отношению к предмету иска. Данный термин необходимо толковать буквально. То есть истец имеет право только на изменение, а не на замену предмета иска. Изменить предмет иска — структуру спорного правоотношения истец вправе, это позволяет диспозитивное начало гражданского права. Замена же предмета иска — замена одного спорного правоотношения другим — является, по сути, заменой первоначального иска другим иском. Такого права закон истцу не предоставляет.

Совершенно очевидно, что право на изменение предмета иска — право, которое может принадлежать только истцу, то есть лицу, действия которого направлены на защиту гражданского (в широком смысле) субъективного права, вытекающего из правоотношений, структура которых может быть изменена по воле сторон.

Важным инструментом, входящим в состав иска, является право истца изменять основание иска. Изменение основания иска — средство, открывающее истцу широкий простор в обосновании заявленных им исковых требований. Начиная с 1995 г. происходит постепенное уменьшение активности суда при осуществлении им правосудия по гражданским делам. Это ставит истца в такое положение, при котором он занимает важнейшую позицию в производстве по его делу. В исковом производстве определяющая роль в получении необходимого истцу решения принадлежит самому истцу. И одним из ключевых правомочий, обеспечивающих истцу возможность эффективной защиты своих субъективных прав, эффективной процессуальной борьбы с ответчиком, является право истца на изменение основания иска. Данное право обеспечено обязанностью суда. Суд, действуя в рамках искового производства, связан основаниями требований, указанными истцом. Об этом свидетельствует ч. 3 ст. 196 ГПК РФ. Вместе с тем основание иска — та черта иска, которая может быть изменена и самим судом по его усмотрению. На это указывает ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, в соответствии с которой суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Это связано с наличием в производстве по каждому делу не только юридической заинтересованности истца и ответчика, других лиц, участвующих в деле, но и общественного, а также государственного интереса в осуществлении законного и справедливого правосудия. Здесь действует принцип — «государству и обществу безразлично, выиграет дело истец или ответчик, лишь бы не было явной несправедливости»¹. Поэтому суд обязан всесторонне, полно и объективно выяснять все обстоятельства, имеющие значение для дела, с тем, чтобы вынести законное и обоснованное решение. В то же

время право, предоставленное суду ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, не безгранично, так как при обосновании решения суд вправе ссылаться на обстоятельства, установленные им по собственной инициативе, только с согласия истца на изменение основания иска.

Предмет соглашения зависит от вида оказываемой помощи. Так, в частности, если адвокат принял поручение на участие в качестве представителя доверителя в гражданском судопроизводстве, в предмете соглашения необходимо указать на конкретное дело, по которому будет вестись производство, возможно указать стороны спора, стадию рассмотрения дела, раскрыть суть спора, суд, рассматривающий дело⁴.

В. Г. Степанков формирует следующее определение понятия «правовая позиция» — это осознанная убежденность субъекта (субъектов) в истинности своего понимания проблем правовой действительности, их отдельных форм и проявлений, путем эффективного разрешения⁵.

Позиция стороны — это не предположение (версия), а утверждение, уверенность, что обстоятельства дела таковы, и намерение доказать это перед судом. При этом позиция стороны не может рассматриваться как нечто своевольное и субъективное; оторванное от обстоятельств дела, доказательств и даже самой реальности совершения преступления⁶.

А. Г. Кучерена отмечает, что понятие «позиция адвоката» представляет собой субъективное мнение адвоката относительно сущности и характера того дела, с которым физическое или юридическое лицо обратилось к адвокату, а также намерения адвоката относительно конкретных действий, которые он предполагает предпринять, по защите прав, свобод и интересов своего доверителя⁷.

Стороны судебного разбирательства, как истец, так и ответчик, имеют материально-правовую и процессуально-правовую заинтересованность в исходе дела, участвуют в процессе всегда в защиту собственных интересов и выступают в процессе от своего имени. Стороны всегда имеют противоположные материально-правовые интересы. По мнению Д. М. Чечот, стороны обладают целым рядом вещественных признаков:

- 1) гражданско-правовой заинтересованностью в разрешении спора;
- 2) процессуальной заинтересованностью в вынесении благоприятного решения;
- 3) выступлением в защиту своих субъективных прав и от своего имени⁸.

Сбор доказательств адвокатом может осуществляться следующими способами: истребование доказательств по ходатайству адвоката судом от лиц, у которых они находятся, выдача адвокату, ходатайствующему об истребовании доказательств, запросов на право получения и представления их в суд, заявление ходатайства о вызове свидетелей, заявление ходатайства о назначении экспертизы, заявление ходатайства о направлении судебных поручений по сбору доказательств в другие суды, подача заявления об обеспечении доказательств, опрос адвокатом лиц с их согласия, предположительно владеющих

4 Токмаков И. С. Соглашение об оказании юридической помощи. — М., 2012. — С. 84.

5 Степанков В. Г. Правовая позиция: общетеоретические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2003. — С. 34.

6 Адвокат: навыки профессионального мастерства / Под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. — М., 2006. — С. 170.

7 Кучерена А. Г. Правовая позиция адвоката и оценка им позиций противной стороны // Научные труды МГЮА. — М., 2006. — № 6. — С. 1191.

8 Чечот Д. М. Участники гражданского процесса // Избранные труды по гражданскому процессу. — СПб., 2005. — С. 109.

информацией по делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь и другие действия⁹.

В основе правила относимости доказательств лежит объективная связь между доказательствами и фактами, подлежащими доказыванию¹⁰.

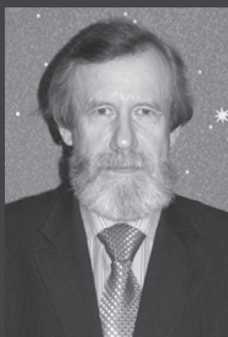
Стороны сами обязаны доказать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований и возражений, а при затруднительности представления доказательств вправе ходатайствовать перед судом об истребовании доказательств¹¹.

Адвокат должен выполнить большую работу при подготовке дела, выявив доказательства по делу. Анализируя доказательственную информацию, необходимо взглянуть на всю совокупность доказательств, так и на отдельные из них с позиции противоположной стороны. Это даст возможность предвидеть аргументы противоположной стороны и подготовиться к возможным возражениям.

Цель проведения анализа полноты доказательств — оценить их достаточность или недостаточность. Полнота доказательств связана с предлагаемой фабулой дела. В свою очередь фабула дела опирается на имеющиеся в деле доказательства, которых должно быть достаточно для подтверждения каждого факта, составляющего фабулу дела¹².

Пристайный библиографический список

1. Адвокат: навыки профессионального мастерства / Под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. — М., 2006.
2. Вкут М. А. Проблема правового регулирования процессуального положения и деятельности сторон в советском гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Свердловск, 1971.
3. Гончарова Н. Н. Участие адвоката в доказывании по гражданским делам (в суде первой инстанции). — М., 2008.
4. Грось Л. А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — М., 1999.
5. Жуйков В. В. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. — № 6. — 2003.
6. Жуйков В. М. Проблемы гражданского процессуального права. — М.: Городец-издат, 2001.
7. Кучерена А. Г. Правовая позиция адвоката и оценка им позиций противной стороны // Научные труды МГЮА. — М., 2006. — № 6.
8. Попова Ю. А. Теоретические проблемы судопроизводства по делам, возникающим из публично-правовых отношений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2002.
9. Профессиональные навыки юриста / Под ред. М. В. Немытиной. — М., 2014.
10. Степанков В. Г. Правовая позиция: общетеоретические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2003.
11. Токмаков И. С. Соглашение об оказании юридической помощи. — М., 2012.
12. Треушников М. К. Судебные доказательства. — М., 2005.
13. Чечот Д. М. Участники гражданского процесса // Избранные труды по гражданскому процессу. — СПб., 2005.
14. Щеглов В. Н. Гражданское процессуальное правоотношение: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 1968.

БОНДАРЕНКО ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

доктор философских наук, профессор. Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также девятнадцать поэтических сборников. Печатался в республиканской прессе, в литературно-художественных журналах и альманахах: «От Невы до Ангары» (Санкт-Петербург, 2003); «От Невы до Камчатки» (Санкт-Петербург, 2004); «Русское слово» (Санкт-Петербург, 2003 – 2013); «Невский альманах. КП» (Санкт-Петербург, 2010); «Сфинкс. Выпуск XX» (Санкт-Петербург, 2010); «Рол Бурли» (Санкт-Петербург, 2010; 2012). Публиковался в антологии современной петербургской поэзии «Поэтический форум» (Санкт-Петербург, 2012. — Т. 2). В стихах, поэмах и поэтических сказках В.Н. Бондаренко главное внимание уделяется переживанию и осмыслению красоты природной, социальной и космической, положению и роли человека в современном мире, его взаимодействию с Богом, соотношению рационализма и иррационализма в поэтической и философской мысли.

ВИКТОР БОНДАРЕНКО

МАТЬ ВСЕХ ЖЕНЩИН

Толбузина Т. В.

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ

В статье показывается, что при организации трудовых отношений работодатели зачастую не создают нормальных условий труда, нарушают оплату труда, произвольно увольняют работников, что вызывает протесты и социальную напряженность. Дается квалификация данных нарушений, и высказываются рекомендации по изживанию подобных нарушений и более полной защите трудовых прав граждан России на основе и в единстве международных и национальных нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: трудовое право, работодатель, защита, работник, трудовой кодекс.

Tolbuzina T. V.

PROTECTION OF THE RUSSIAN CITIZENS' EMPLOYMENT RIGHTS

The article shows that while establishing labor relations some employers often do not create appropriate working conditions, violate remuneration of labor, or discharge employees arbitrarily. All that may cause protests and social tension. The article offers a classification of such legislative contempt and recommendations on how to eliminate it as well as to defend more fully the Russian citizens' employment rights on the base and in unity of international and domestic regulatory legal acts.

Key words: labor law, the employer, protection, worker, labor code.

Толбузина Т. В.

Права человека — это комплекс общих прав, устанавливаемых, как правило, нормами международного права. Они показывают взаимодействие человека и международного сообщества. Иное дело — права гражданина, отражающие взаимоотношение личности и государства. Их соблюдение обеспечивается как международными, так и внутригосударственными гарантиями, конституционными прежде всего.

Существует незыблемое правило, отменить которое никто не в силах, что соотношение прав человека и прав гражданина в каждой стране решается индивидуально. С этой точки зрения страны мира можно поделить на несколько групп:

- страны, где содержание прав гражданина вполне соответствует международно-правовым нормам;
- страны, в которых уровень содержания прав гражданина ниже прав человека, признанных в международно-правовых актах;
- страны, где уровень прав гражданина выше уровня прав человека¹.

Если сравнивать положения, закрепленные в ст. 37 Конституции Российской Федерации и ст. 23 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, то Россию можно отнести ко второй группе стран. Так, в Конституции Российской Федерации закреплена свобода труда, а в Международном пакте закреплено право на труд. К большому сожалению, на практике в нашей стране сплошь и рядом существует дискриминация в сфере труда, в том числе в таких аспектах, как: вопросы оплаты труда, предоставления надлежащих условий труда отдельным категориям работников, незаконное увольнение работников и др. Все это в массовом количестве порождает возникновение трудовых споров, социальную напряженность в трудовых коллективах, во взаимоотношениях работодателей и работников.

Право на труд и тесно связанные с ним права, такие как право на отдых, право на оплату труда, право на рассмотрение трудовых споров — это социально-экономические права. Данную группу прав принято относить ко второму поколению прав человека. Но в настоящее время в научной литературе появляются высказывания, отрицающие существование данной группы прав. Более того, до сих пор «концепция и практика

социальных прав является наиболее уязвимой во всей теории и практике прав человека»².

Ныне нередко высказывается точка зрения, что классификация прав человека на личные, политические и социально-экономические, присущая советской политико-правовой доктрине, устарела³, что не совсем отвечает действительному положению дел в этой сфере. На сей счет существуют и другие позиции. Так, Б. С. Эбзеев в зависимости от материального содержания и социального назначения выделяет трудовые, социальные права, права в области культуры, а также право личной собственности граждан, ее наследования⁴. В свою очередь Л. И. Глухарева социально-экономические права рассматривает с позиции участия граждан в хозяйственно-экономической и культурной жизни общества и отмечает, что в основе международного деления, так же как в основе разделения прав человека на личные, политические, социально-экономические, лежит критерий сферы жизнедеятельности человека. Следовательно, выбор той или иной модели не является принципиальным⁵. Действительно, в современных условиях достоинство человека, его индивидуальная свобода, возможность распоряжаться своими способностями в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, свобода труда должны находиться на первом плане. Ведь именно социально-экономические права позволяют человеку свободно участвовать в трудовых отношениях и гарантируют достаточный и достойный уровень жизни, здоровья и его материального благополучия.

Права человека «второго поколения» состоят из взаимосвязанных, но имеющих свои особенности социальных прав. Это права на социальные услуги, контролируемые и осуществляемые государством, и права экономические, связанные с трудовыми отношениями и экономической активностью граждан. В итоге социальные и экономические права не могут безогово-

1 Рудинский Ф. М. и др. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики. — М.: Издательство «Права человека», 2009. — С. 11.

2 Иваненко В. А., Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционно-правовые аспекты. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 34.

3 Азаров А. Я. Права человека. Новое издание. — М.: Знание, 1995. — С. 32.

4 Эбзеев Б. С. Советское государство и право и права человека. Конституционные вопросы. — Саратов, 1986. — С. 85.

5 Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). — М.: Юрист, 2003. — С. 43.

рочно быть отделены друг от друга⁶. Надо полагать, что вовсе не случайно по классификации, содержащейся в документах ООН, первое место среди социально-экономических прав отводится праву на труд. Особая важность права на труд, свободу труда и запрет дискриминации подчеркивается и в других международных документах.

В соответствии с общепринятыми в мировом сообществе правилами, Конституция Российской Федерации провозглашает права и свободы, которыми, с одной стороны, обладают все граждане независимо от рода деятельности или занятий, а с другой — только те граждане, которые работают по трудовому договору. Перечисленные в ст. 37, эти конституционные права и свободы являются основными в сфере труда и получили свое закрепление и развитие в ныне действующем обновленном и дополненном Трудовом кодексе Российской Федерации. Права и свободы человека в данной сфере включаются в категорию так называемых социально-экономических прав человека, которые не принадлежат ему от рождения, а приобретаются путем вступления в правоотношения по поводу использования своих способностей к труду, например, посредством заключения трудового договора⁷.

Статья 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах закрепляет, что перечень социально-экономических прав граждан самостоятельно формируется государством, на основе учета максимальных пределов имеющихся у него ресурсов⁸. Исходя из требований норм международного права, некоторые социально-экономические права и свободы человека поставлены в один ряд с гражданскими и политическими правами. Это порождает необходимость их эффективной правовой защиты во всех странах мирового сообщества безотносительно к имеющимся у них экономическим и финансовым ресурсам⁹.

Согласно статьям 23 и 24 Всеобщей декларации прав человека к правам такого рода относятся:

- право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы;
- право на равную оплату за равный труд без какой-либо дискриминации;
- право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое при необходимости другими средствами социального обеспечения;
- право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов;
- право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск¹⁰.

Таким образом, право человека на труд — это категория, отражающая человеческую потребность в труде, существующую как в форме идей, требований человека к обществу, государству, так и в форме законодательно закрепленных возможностей по удовлетворению этой потребности¹¹. Так как труд для большинства людей является основным источником существования, то и защита данного права должна быть закреплена на законодательном уровне.

К универсальным конституционно-правовым принципам относят свободу труда, являющиеся необходимой составляющей частью рыночной экономики. И не случайно, потому что без соблюдения данного принципа нельзя прийти к эффективному функционированию демократического правового государства. Следовательно, трудовые отношения строятся на свободном волеизъявлении работника и работодателя, что получило закрепление на конституционном уровне. В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации любые ограничения прав и свобод должны осуществляться лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства. Поэтому ограничения прав и свобод работника и работодателя, не вызываемого указанными целями, в принципе не должно быть. Вместе с тем необходимо помнить, что в руках работодателя находятся финансовые и организационные ресурсы, которые работодатель должен направить на обеспечение работникам условий труда, отвечающим требованиям безопасности и гигиены, а также из финансовых средств производить выплату заработной платы без какой-либо дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимума оплаты труда. В силу этого работник представляет в трудовом правоотношении экономически более слабую сторону. Это и предопределяет обязанность Российской Федерации, как социального государства, обеспечивать надлежащую защиту его прав и законных интересов¹². Формируя правовой статус работника и работодателя, необходимо исходить из признания того, что такого рода ограничение не должно иметь абсолютного характера, быть необоснованным либо несоразмерным и создавать тем самым повод для признания неконституционными нормативных положений соответствующих правовых норм¹³.

Скажем больше. Международные акты¹⁴, наравне с национальным законодательством, закрепляют право на труд не только собственных граждан, но и трудовых мигрантов, членов их семей (право на труд, охрана труда, участие в профсоюзах), а также на социальную защиту и образование, что нашло свое закрепление и в национальном законодательстве. Так, Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации»¹⁵ распространяет эту категорию прав на иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено федеральными законами или международными договорами Российской Федерации. Следовательно, иностранные граждане наравне с гражданами Российской Федерации имеют право на обращение в орган занятости. Однако для признания иностранного гражданина в качестве безработного необходимо, чтобы он был зарегистрирован по месту жительства. Но это продолжение данной темы с другими участниками трудовых отношений — иностранцами и лицами без гражданства.

Пристатейный библиографический список

1. Азаров А. Я. Права человека. Новое издание. — М., 1995.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2005 г. № 3-П // СЗ РФ. — 2005. — № 13. — Ст. 1209.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2002 г. № 3-П // СЗ РФ. — 2002. — № 7. — Ст. 745.
4. Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 19.04.1991 г. № 1032-1 (ред. от 02.07.2013) «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».
6. Права человека и правовое социальное государство в Российской Федерации / Отв. ред. Е. А. Лукашева. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. — С. 140.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. Д. Зорькина. — М.: Норма, 2011. — С. 230.
8. Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Международное публичное право: Сборник документов в 2 томах. — М.: Проспект, 2009. — Т. 1. — С. 464–470.
9. Там же. — С. 470–482.
10. Там же. — С. 460–464.
11. Егоров В. В. Содержание и гарантии права на труд рабочих и служащих в СССР. — М.: 1981. — С. 19.

2. Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Международное публичное право. Сборник документов в двух томах. — Т. 1. — М.: ПРОСПЕКТ, 2009.
3. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире. (Социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). — М.: Юность, 2003.
4. Егоров В. В. Содержание и гарантии права на труд рабочих и служащих в СССР. — М., 1981.
5. Иваненко В. С., Иваненко В. А. Социальные права человека и социальные обязательства государства: международные и конституционно-правовые аспекты. Юридический центр-Пресс. — СПб., 2003.
6. Комментарии к Конституции Российской Федерации. Постатейный / Под ред. В. Д. Зорькина. Норма. — М., 2011.
7. Права человека и правовое социальное государство в Российской Федерации / Ред. Е. А. Лукашева. — М.: Норма, ИНФРА-М., 2011.
8. Рудинский Ф. М. и др. Экономические и социальные права человека: Современные проблемы теории и практики. — М.: Издательство «Права человека», 2009.
9. Эбзеев Б. С. Советское государство и право и права человека. Конституционные вопросы. — Саратов, 1989.

Саттарова Н. А.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье раскрываются правовой режим бюджетных инвестиций и особенности государственного финансового контроля вложения бюджетных средств в системе расходов бюджетов.

Ключевые слова: прибыль, инвестиции, контроль, финансовое законодательство, правовой режим.

Sattarova N. A.

ABOUT THE FEATURES OF STATE FINANCIAL CONTROL IN INVESTMENT ACTIVITIES

The article deals with the legal regime of budget investments and features of state financial control of budget investment in the system of expenditures of the budgets.

Keywords: income, investments, control, financial legislation, the legal regime.

Саттарова Н. А.

Точность понимания содержания и сущности инвестиции и инвестиционной деятельности позволит определить не только «эффективность нормативно-правового регулирования»¹, но и выявить значение финансового контроля в данной сфере.

Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» к инвестициям относит денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Инвестиционная деятельность — вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Причем, в зависимости от содержания инвестиционной деятельности, интерес участников которой направлен на получение прибыли и достижение полезного эффекта, принято говорить о коммерческом и некоммерческом характере инвестиционной деятельности. Следовательно, результатом инвестиционной деятельности является прибыль и полезный эффект. Из данных определений следует, что все входящее в понятие «инвестиция» охватывается «денежными» и «стоимостными» признаками. Однако отметим, что Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ не уточняет, что следует понимать под полезным эффектом, кроме получения прибыли, но согласимся с мнениями отдельных исследователей и укажем, что здесь подразумевается именно положительный социальный эффект, как-то: создание новых рабочих мест или расширение производств. Причем полезный эффект может быть как общезначимым, так и важным только для одного субъекта — инвестора или другого лица. Таким образом, инвестиционная цель состоит не просто во вложении имущества, а в получении через это определенного материального результата с меньшими затратами, в чем и проявляется экономическая сущность категории инвестиций².

Любая деятельность понимается как целенаправленное воздействие субъекта на объект. Субъектом деятельности могут являться как отдельные личности, так и их коллективные образования (организации, учреждения), социально-этнические общности (народ, нация) и государство, его органы. Объектом деятельности могут выступать природные и общественные явления и процессы, в том числе и сам человек³. Так, в понятие «государственное управление» входит: деятельность, заключающаяся в разработке и реализации политики правительственных и иных государственных органов, а также управление организациями и людьми, так или иначе вовлеченными в этот процесс; область науки, занимающаяся изучением управления, дающая рекомендации по его совершенствованию и осуществляющая подготовку к данной деятельности⁴.

Между тем, во всех моделях рыночной экономики деятельности государства отводится весьма существенная, а по ряду сфер — ключевая роль. Причина этого в том, что рыночная экономическая система не возникает и не поддерживается спонтанно, а требует соответствующей организации хозяйственных процессов и взаимоотношений между экономическими хозяйственными субъектами. В экономике рыночного типа экономическая деятельность государства объективно необходима и сущность ее заключается в создании правовой и институциональной среды эффективного функционирования рыночных механизмов, а также в социальной защите граждан⁵.

Государственное регулирование инвестиционной деятельности осуществляется в различных сферах: в отношении государственной собственности, регулирования и контроля, а также государственной поддержки инвесторов, действующих на основе частной собственности. Одним из наиболее важных направлений государственного регулирования экономических отношений является инвестиционная деятельность, осуществляемая в форме капитальных вложений.

Важно указать, что государство не только регулирует и управляет инвестиционными процессами, оно само также выступает в роли инвестора. Прямым подтверждением инвестиционного интереса государства являются бюджетные инве-

1 Прозоров В. Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка. — М., 1991. — С. 98.

2 См. напр: Сокол П. В. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). — М.: Деловой двор, 2008; Пинякина О. В. О правовой природе инвестиционной деятельности // Банковское право. — 2010. — № 2.

3 Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе: теоретико-правовые аспекты: Автореф. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — С. 1.

4 Handbook of Public Administration. — 2nd ed. / Ed. by J. L. Perry. — S. Francisco: Jossey-Bass, Inc., 1996.

5 Сорвинова В. В. Государственное регулирование транзитивной экономики страны в условиях инфляции: Дисс. ... канд. экон. наук. — М., 2006. — С. 33.

стиции, т.е. бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества (ст. 6 Бюджетного кодекса РФ)⁶. Бюджетное законодательство предусматривает бюджетные ассигнования на осуществление бюджетных инвестиций в объекты капитального строительства государственной собственности Российской Федерации, государственной собственности субъектов РФ и муниципальной собственности в форме капитальных вложений в основные средства государственных (муниципальных) учреждений и государственных (муниципальных) унитарных предприятий в соответствии с долгосрочными целевыми программами, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, местной администрации либо в установленном указанными органами порядке решениями главных распорядителей бюджетных средств соответствующих бюджетов. Как указывает Д. Л. Комягин, целевым направлением бюджетных инвестиций является увеличение стоимости государственного (муниципального) имущества, т.е. казны, за счет расходов бюджета⁷.

Здесь необходимо акцентировать внимание на том, что государство всегда осуществляет контроль за использованием бюджетных средств. Финансовый контроль как элемент управления финансами и денежными ресурсами является регламентированной деятельностью специально созданных контролирующих органов за соблюдением финансового законодательства и финансовой дисциплины всех экономических субъектов. Сущность контроля, в том числе финансового контроля, состоит в том, что субъект управления осуществляет учет и проверку того, как управляемый объект выполняет его предписания. Основной целью данной функции является предупреждение и пресечение отклонений деятельности субъекта управления от заданной управленческой программы. При обнаружении таких отклонений целью является приведение управляемой системы в устойчивое положение при помощи всех социальных регуляторов⁸.

Государственный финансовый контроль за расходованием бюджетных средств играет важную роль не только в соблюдении финансовой дисциплины, но и в обеспечении финансовой безопасности. Значимость указанных вопросов для обеспечения финансовой безопасности была затронута в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, в котором отмечено: «Как прямой удар по национальной безопасности надо рассматривать нецелевое использование или хищение бюджетных ассигнований на государственный оборонный заказ, и работать по таким фактам так же серьезно и строго, как по пресечению финансирования терроризма»⁹. Поэтому возрастание роли и значения всей системы финан-

сового контроля в современных экономико-правовых реалиях является одним из основных элементов системы управления и государственного контроля федеративного государства,¹⁰ в том числе в сфере инвестиционной деятельности.

Рассматривая такую форму осуществления инвестиционной деятельности государства, как капитальные вложения, необходимо отметить, что бюджетные инвестиции являются частью государственных инвестиций, их правовой режим определяется исходя из их принадлежности к публичным расходам. Следовательно, под правовым режимом бюджетных инвестиций следует понимать порядок правового регулирования вложения бюджетных средств в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

Исходя из указанных положений, следует указать на особенности государственного финансового (бюджетного) контроля, осуществляемого в сфере вложения бюджетных средств:

- 1) основан на властном подчинении подконтрольных участников инвестиционной деятельности органам финансового контроля;
- 2) регламентирован законодательством, его содержание составляет единство норм, регулирующий финансовый контроль в сфере инвестиционной деятельности;
- 3) объектом контроля является соблюдение установленного порядка расходования бюджетных средств в рамках исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Грачева Е. Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления // Финансовое право. — 2003. — № 2.
2. Казна и бюджет / Отв. ред. Д. Л. Комягин. — М.: Наука, 2014.
3. Пиняскина О. В. О правовой природе инвестиционной деятельности // Банковское право. — 2010. — № 2.
4. Прозоров В. Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка. — М., 1991.
5. Саттарова Н. А. Некоторые вопросы финансового контроля при осуществлении государственных и муниципальных закупок // Юридический мир. — 2014. — № 1.
6. Сокол П. В. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). — М.: Деловой двор, 2008.
7. Сорвинова В. В. Государственное регулирование транзитивной экономики страны в условиях инфляции: Дисс. ... канд. экон. наук. — М., 2006.
8. Handbook of Public Administration. — 2nd ed. / Ed. by J. L. Perry. — S. Francisco: Jossey-Bass, Inc., 1996.

6 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2014, с изм. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — 3 августа. — № 31. — Ст. 3823.

7 Казна и бюджет (отв. ред. Д. Л. Комягин). — М.: Наука, 2014. — С. 204.

8 Грачева Е. Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления // Финансовое право. — 2003. — № 2. — С. 11.

9 Российская газета. — 2014. — № 278. — 05 декабря.

10 Саттарова Н. А. Некоторые вопросы финансового контроля при осуществлении государственных и муниципальных закупок // Юридический мир. — 2014. — № 1. — С. 56.

Спасская Н. В. ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОНД РФ КАК ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА

В статье на основе анализа основных параметров Инвестиционного фонда РФ выявлена низкая эффективность использования бюджетных средств. Такая практика исполнения расходов по государственной поддержке инвестиций выдвигает на повестку дня поиск альтернативных способов бюджетного финансирования приоритетных инвестиционных проектов государственного и регионального значения.

Ключевые слова: бюджетные инвестиции, Инвестиционный фонд РФ, новые механизмы государственного финансирования инвестиций.

Spasskaya N. V. RUSSIAN INVESTMENT FUND AS FEDERAL INSTITUTE OF INVESTMENT PROCESS

On the basis of the analysis of the main parameters of the Russian Investment Fund low efficiency of use of budgetary funds is revealed. This practice of expenditure execution for state support of investment brings to the agenda the search for alternative methods of budgetary financing of priority investment projects of national and regional importance.

Keywords: budget investments, investment fund, new mechanisms for public financing of investments.

Спасская Н. В.

Согласно ст. 179.2 Бюджетного кодекса РФ инвестиционный фонд Российской Федерации представляет собой часть средств федерального бюджета, подлежащую использованию в целях реализации инвестиционных проектов, осуществляемых на принципах государственно-частного партнерства.

Впервые образование Инвестиционного фонда было предусмотрено в законе о федеральном бюджете на 2006 год. Наполнение фонда происходит за счет повышения цены отсечения нефти при формировании Стабилизационного фонда и досрочного погашения внешнего долга — то есть за счет экономии на процентах.

Бюджетные ассигнования Фонда предоставляются исключительно для финансирования создания и (или) развития объектов капитального строительства транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, а также для реализации концессионных проектов.

Предоставление бюджетных инвестиций за счет средств инвестиционного фонда РФ регулируется Постановлением Правительства РФ от 01 марта 2008 г. № 134, где утверждены Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации¹.

При попытке анализа основных характеристик и параметров Инвестиционного фонда РФ приходится сталкиваться с отсутствием информации об эффективности его функционирования. На официальном сайте Минрегионразвития РФ, курирующем данный инструмент государственной поддержки, наиболее полно представлена информация о самих реализуемых проектах, в то время как сводных цифр относительно основных показателей функционирования Инвестиционного фонда не приводится. Учитывая это обстоятельство, приведенная ниже таблица составлена автором на основании нескольких источников.

Таблица 1 Источник: 1. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2011 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 30 августа 2012 г. № 34К (867) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/zakl-2011-tree_files-fl-619.pdf

2. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2012 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 30 августа 2013 г. № 35К (926) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia/pdf6/Zakl%202012.pdf>;

3. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2013 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 29 августа 2014 г. № 42К (988) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia/pdf9/2013.pdf>;

4. Подведены итоги работы Инвестиционного фонда Российской Федерации в 2013 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации. — Режим доступа: http://www.minregion.ru/news_items/4138?locale=ru

Обращает внимание низкий процент исполнения расходов по государственной поддержке общегосударственных и региональных инвестиционных проектов, который в 2013 г. составил всего 28,2%, что свидетельствует о низкой эффективности использования бюджетных средств. Более того, согласно заключению Счетной палаты РФ в ходе реализации инвестиционных проектов за счет средств Инвестиционного фонда имеет место несоответствие инвестиционных соглашений паспортам проектов; низкий уровень освоения бюджетных средств, направленных на реализацию инвестиционных проектов, имеющих общегосударственное значение; низкий уровень исполнения обязательств инвесторами². Возможно, именно данные факты стали причиной того, что законопроектом о федеральном бюджете на 2015–2017 гг. объемы средств Инвестиционного фонда Российской Федерации не предусматриваются.

В тоже время, согласно оценке Минрегионразвития РФ, социально-экономическая эффективность реализованных инвестиционных проектов высока. Так, согласно статистике отобранных проектов, в среднем на 1 рубль средств федерального бюджета привлекается от 3 до 6 рублей частных инвестиций,

1 Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации (с изменениями на 30 апреля 2013 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902089948>

2 Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2012 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 30 августа 2013 г. № 35К (926) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia/pdf6/Zakl%202012.pdf>

Таблица 1 – Основные параметры инвестиционного Фонда РФ в 2011–2013 гг.

	2011	2012	2013
Объем Инвестиционного фонда РФ, млн руб.	67 518,7	61 757,4	19 983,0
Кассовое исполнение расходов по государственной поддержке общегосударственных и региональных инвестиционных проектов, млн руб.	47 370,4	34 485,7	5 629,3
Процент исполнения, %	70,2	55,8	28,2
Не использовано, млн руб.	20 148,3	27 199,2	14 353,7
Профинансировано проектов – всего, ед.	31	33	40
из них:			
общегосударственных, ед.	13	11	10
региональных, ед.	18	23	30

а по некоторым региональным проектам — до 10 и даже 17 рублей. Реализуемые проекты способны существенно повысить поступления в бюджеты всех уровней. В частности, 1 рубль средств федерального бюджета, направленный на софинансирование объектов капитального строительства государственной (муниципальной) собственности, генерирует за 10-летний прогнозный период свыше 3 рублей поступлений в бюджетную систему. Деятельность Фонда позволяет решать и социальные задачи, так, по общегосударственным проектам планируется создать более 130 тыс. рабочих мест, по региональным — свыше 30 тыс. рабочих мест³.

Несмотря на это, начиная с 2011 г. Инвестиционный фонд не получает средства из федерального бюджета. Более того, дальнейшая судьба Инвестиционного фонда пока не определена, равно как и предоставление государственной поддержки с использованием механизма региональных инвестиционных фондов.

Одним из возможных вариантов реализации новых проектов может стать внедрение в рамках Инвестиционного фонда нового механизма отложенных платежей (Tax Increment Financing (TIF)). Он представляет собой модель финансирования строительства и реконструкции объектов инфраструктуры на определенной ограниченной территории за счет средств инвесторов с последующей компенсацией таких расходов за счет дополнительных доходов бюджетной системы РФ, полученных вследствие развития такой территории. При этом Инвестиционный фонд может выступить в качестве механизма аккумуляции средств на возмещение затрат по инфраструктуре. Таким образом, можно было бы направлять на погашение кредитов дополнительные налоговые поступления, возникающие в результате реализации инвестиционного проекта.

При этом дополнительные налоги могут поступать как непосредственно от создаваемого или реконструируемого объекта инфраструктуры — для платных видов инфраструктурных услуг, так и в результате роста налоговой базы на территории, которая получает дополнительные стимулы экономического развития при реализации инфраструктурного проекта — для общественной инфраструктуры⁴.

Минрегион России совместно с Минэкономразвития и Внешэкономбанком ведет работу по расширению правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда с использованием механизма платы концедентом (государством) эксплуатационных платежей

за объекты инфраструктуры железных дорог, электрических сетей, ЖКХ, социальной инфраструктуры, образования и здравоохранения. Аналогично тому, как это сейчас предусмотрено для объектов автодорожной инфраструктуры.

На сегодняшний день на этапе обсуждения находится вопрос о реорганизации Инвестиционного фонда РФ в новую структуру по бюджетному финансированию масштабных инвестиционных проектов в форме Фонда развития.

Как следует из письма главы Минэкономразвития РФ Андрея Белоусова премьеру Дмитрию Медведеву от 23 января 2014 г., механизм Инвестиционного фонда предусматривает взаимную ответственность государства и частных инвесторов, при этом все риски — неэффективность расходов, невыполнение «частниками» своих обязательств — ложатся на бюджет. Чтобы избежать этих рисков в проектах государственно-частного партнерства и обеспечить стабильность финансирования крупных инфраструктурных проектов Минэкономразвития предлагает перейти к формированию нового механизма в форме Фонда развития⁵.

В создании нового механизма Министерство видит целый ряд плюсов: он позволит обособить источники финансирования целевых инвестиционных расходов среди других затрат государства, создать гарантии своевременной и эффективной концентрации средств, обеспечить маневренность, гибкость, оперативность, подотчетность, прозрачность и эффективность использования бюджетных денег для своевременного ввода начатых и реализации новых проектов. Средства будут накапливаться в фонде за счет переноса остатков на очередной финансовый год.

Фонд, по предложению Минэкономразвития, будет формироваться за счет части бюджетных ассигнований бюджета на реализацию ФАИП и приоритетных ФЦП, 100% дополнительных нефтегазовых доходов бюджета после достижения Резервным фондом 5% ВВП (это подразумевает изменение бюджетного правила, сейчас нормативный объем Резервного фонда составляет 7% ВВП), а также не менее половины дополнительно возникающих нефтегазовых доходов⁶.

При этом Министерство предлагает ввести норму, позволяющую до 50% средств Фонда развития потратить на балансировку расходов федерального бюджета в случае резкого сокращения его доходной части⁷.

3 Информация об основных параметрах функционирования Инвестиционного фонда Российской Федерации. Официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://old.minregion.ru/upload/documents/2012/08/270812/270812_inf.doc

4 Слюняев И. Инвестфонд: быть или не быть? // Российская газета. — 2013. — 27 сентября [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/27/proekti.html>

5 Товкайло М., Письменная Е. Минэкономразвития предлагает создать новый фонд развития инфраструктурных проектов // Ведомости. — 2014. — 24 марта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/8582991/blagosostoyanie_pojdet_na_infrastrukturu

6 МЭР предлагает заменить Инвестфонд Фондом развития [Электронный ресурс] // Информационный портал «Государственно-частное партнерство в России». — Режим доступа: <http://www.ppp-russia.ru/news/item-330.htm>

7 Там же.

Отбираться проекты для финансирования из нового фонда будут по трем критериям — значимость, готовность к реализации, краткосрочность.

Таким образом, формула поддержки приоритетных инвестиционных проектов государственного и регионального значения может претерпеть изменения, но потребность в федеральном институте развития, несомненно, останется. Вне всякого сомнения, государственное управление инвестиционным процессом — одна из ведущих составляющих борьбы за экономическое пространство. По какому бы пути ни пошел процесс экономической модернизации, он нуждается в крупных инвестициях. Совершенно очевидно, что их источником, а значит, и двигателем процесса модернизации, могут в настоящее время выступать лишь собственные, внутренние резервы страны и регионов.

Пристатейный библиографический список

1. Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации (с изменениями на 30 апреля 2013 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902089948>
2. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2011 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 30 августа 2012 г. № 34К (867) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/zakl-2011-tree_files-fl-619.pdf;
3. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2012 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 30 августа 2013 г. № 35 К (926) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia/pdf6/Zakl%202012.pdf>;
4. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2013 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 29 августа 2014 г. № 42К (988) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia/pdf9/2013.pdf>
5. Подведены итоги работы Инвестиционного фонда Российской Федерации в 2013 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации. — Режим доступа: http://www.minregion.ru/news_items/4138?locale=ru
6. Информация об основных параметрах функционирования Инвестиционного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации. — Режим доступа: http://old.minregion.ru/upload/documents/2012/08/270812/270812_inf.doc
7. Слюняев И. Инвестфонд: быть или не быть? Российская газета. 27 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/27/proekti.html>
8. Товкайло М., Письменная Е. Минэкономразвития предлагает создать новый фонд развития инфраструктурных проектов // Ведомости. 24 марта 2014 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/8582991/blagosostoyanie_pojdet_na_infrastrukturu
9. МЭР предлагает заменить Инвестфонд Фондом развития [Электронный ресурс] // Информационный портал «Государственно-частное партнерство в России». — Режим доступа: <http://www.ppp-russia.ru/news/item-330.html>
10. Спаская Н. В. Проблемы реализации Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) как резервы повышения эффективности бюджетных инвестиций // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2.

Ставцева Т. И.

СДЕЛКИ НА РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ: ТРАНЗАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ

В статье предпринята попытка систематизации транзакционных издержек совершения сделки на рынке недвижимости. Ключевые слова: рынок недвижимости, транзакционные издержки, несовершенство информации.

Stavtseva T. I.

TRANSACTIONS IN RESIDENTIAL REAL ESTATE MARKET: TRANSACTION COSTS

The article attempts to systematize the transaction costs in residential real estate market. Keywords: real estate market, transaction costs, imperfect information.

Сделки на рынке жилой недвижимости связаны со значительными транзакционными издержками, что объясняется неопределенностью многих параметров и сложностью осуществления операций. По результатам исследования, проведенного Global Property Guide, Россия оказалась на первом месте по величине транзакционных издержек на рынке жилья. Величина издержек в нашей стране составила порядка 25% от суммы сделки. Результаты получены на основе официальных данных, однако учет «неофициального общения» с некоторыми ведомствами при покупке и продаже недвижимости заметно увеличивает реальную величину издержек.

Под категорией транзакционных издержек принято понимать ценность ресурсов, затрачиваемых на планирование, адаптацию и обеспечение контроля выполнения взятых индивидами обязательств в процессе отчуждения и присвоения прав собственности и свобод, принятых в обществе¹.

Транзакционные затраты частично состоят из издержек, которые с трудом поддаются измерению: время на приобретение информации, стояние в очередях, дача взяток, потери от недостаточного надзора и контроля и т. д. Поэтому необходимо иметь в виду, что вся статистика, отражающая объем и динамику транзакционных затрат в экономике, опирается на данные о видимой части исследуемого явления. Определенная доля затрат всегда остается неучтенной. Это в полной мере относится к транзакционным издержкам на рынке жилой недвижимости.

Недвижимость относится к благам, информация о которых носит непрозрачный характер. Транзакционные издержки поиска информации несут как продавцы, так и покупатели жилья. Для продавца они могут включать в себя затраты, связанные с оценкой продаваемого жилья, время, необходимое для поиска покупателя, расходы на рекламу. С точки зрения покупателя данный тип издержек будет сводиться к затратам на получение информации о ценах, а также других вариантах покупки жилья, времени поиска подходящего варианта, проверке надежности предполагаемого продавца.

Наряду с тенденциями к снижению издержек поиска информации за счет развития института риэлтерства и совершенствования информационного обслуживания в сфере недвижимости, имеются и факторы, увеличивающие транзакционные издержки. В частности, информация, которой располагают государственные органы, по-прежнему остается недоступной для широкого круга потребителей.

Рынок жилья относится к рынкам с несимметричным распределением информации между экономическими агентами. Покупатель жилья сталкивается с издержками асимметрии информации, что может привести к дополнительным рас-

ходам, связанным с покупкой жилья по цене выше рыночной, или же потерям, возникающим вследствие покупки квартиры, несоответствующей требованиям клиента. Асимметричное распределение информации на рынке недвижимости приводит к возможности оппортунистического поведения агентов.

Мы сгруппировали на рис. 1 факторы, усложняющие принятие решения о сделке на рынке недвижимости, с позиции методологии институциональной экономической теории.

В исследовании Э. А. Акопянц выделяются некоторые особенности информационной среды рынка недвижимости. В частности, обращается внимание на тот факт, что отсутствие должных знаний и навыков принятия эффективного решения связано с тем, что средний гражданин в течение своей жизни, как правило, нечасто сталкивается с куплей-продажей жилья, поэтому большинство населения имеет поверхностное представление о данном рынке², ориентируясь на ошибочные стереотипы.

Отметим особо транзакционные издержки измерения на рынке жилой недвижимости, размер которых определяется недоступностью для покупателя ряда характеристик (о качестве квартиры и надежности продавца) и невозможностью оценки всех параметров объекта сделки. В процессе принятия решения субъект будет учитывать и оценивать только наиболее значимые для него параметры квартиры (возраст, площадь, этажность, район, наличие инфраструктуры и т. п.). Случаи, когда покупатель объекта жилой недвижимости проводит биохимические анализы прилегающих участков земли, замеры уровня радиационного фона, проверку несущих конструкций на устойчивость и т. д. крайне редки. Большинство из перечисленных мероприятий дорогостоящи, проведение некоторых из них невозможно без демонтажа несущих конструкций. Жилая недвижимость в большей степени относится к опытным благам (качество квартиры во многом выявляется после покупки), однако некоторые характеристики жилья сложно определить и в процессе использования объекта.

Важным типом транзакционных издержек на рынке жилой недвижимости являются издержки ведения переговоров и заключения контрактов. Сюда входят затраты, связанные со сбором и подготовкой документов, необходимых для заключения сделки; с переговорами об условиях сделки купли-продажи; с регистрацией сделки у нотариуса, в органах юстиции, налоговых институтах. Кроме того, сюда следует отнести потери времени в связи с длительностью процесса регистрации прав собственности. Величина издержек ведения переговоров и заключения контрактов во многом зависит от структуры организаций, участвующих в процессе заключения сделок купли-продажи недвижимости.

1 Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: Учебник / Под ред. А. Аузана. — М.: ИНФРА-М, 2011. — С. 46.

2 Акопянц Э. А. Развитие российского рынка недвижимости в современных условиях: Дис. ... канд. экон. наук. — М., 2006. — С. 107–108.

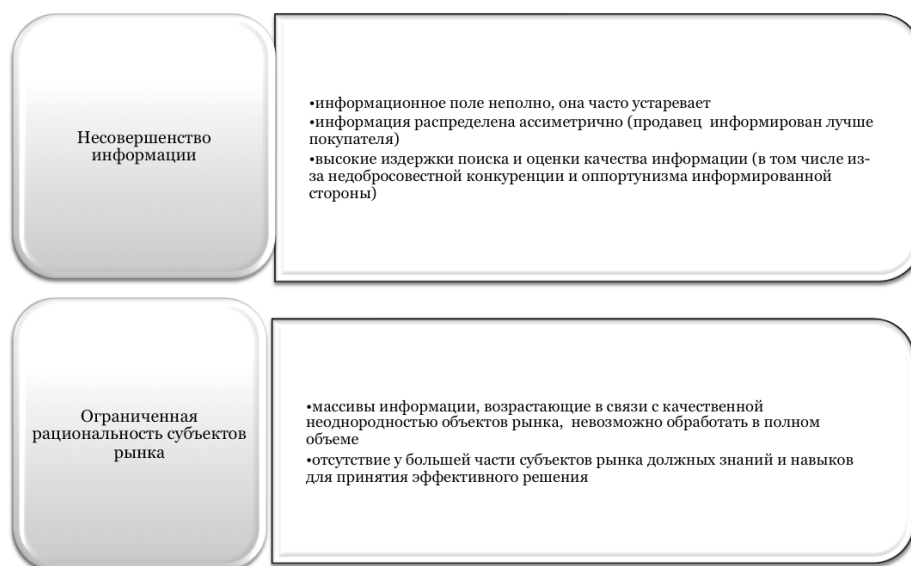

Рис. 1. Факторы роста транзакционных издержек принятия решения на рынке жилой недвижимости

Обязательной составляющей процедуры купли-продажи жилой недвижимости в Российской Федерации является государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним, которая проводится по системе записей о правах на каждый объект недвижимого имущества в Едином государственном реестре³. В настоящее время существует тенденция к сокращению пакета документов, необходимых для совершения сделки купли-продажи жилья, и, соответственно, уменьшению количества необходимых для прохождения продавцами и покупателями инстанций, что способствует снижению транзакционных издержек на рынке жилья.

На величину издержек ведения переговоров и заключения контрактов оказывают влияние и кредитно-фискальные факторы. Так, необходимость платить подоходный налог с сумм, полученных от продажи недвижимости, может привести к сокрытию истинных цен сделок и созданию криминальных ситуаций, и как следствие, росту удельных транзакционных издержек⁴.

Большое значение на рынке жилой недвижимости имеют издержки спецификации и защиты прав собственности, что связано с отсутствием отлаженной законодательной базы, противоречивостью законодательства в сфере рынка жилья и отсутствием подзаконных актов, создающих механизм реализации законов. Спецификация прав собственности значительно снижает неопределенность и риски, связанные с владением недвижимостью, сужает экономическую, правовую и политическую базу криминализации экономики.

В настоящий момент государство пока не в состоянии обеспечить полноценную защиту прав собственности на жи-

лье для субъектов сделок с недвижимостью. Формирование единого правового поля, создание ситуации четкой и однозначной определенности и защищенности прав собственности способно обеспечить разрешение проблем, возникающих в ходе взаимодействия экономических субъектов, без привлечения третьей стороны (в лице органов государственной власти или судебных инстанций), что, в свою очередь, обуславливает потенциал снижения транзакционных издержек.

Наличие высоких транзакционных издержек оказывает негативное воздействие не только на цену конкретной сделки, но и на рынок недвижимости в целом. В нашей стране проблема транзакционных издержек на рынке жилья имеет особое значение из-за общей экономической неопределенности, значительных информационных и административных барьеров, наличия возможности проведения теневых операций, противоречивости законодательной базы, сложности проведения процедур на рынке жилья, несовершенства государственного регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Акоюнц Э. А. Развитие российского рынка недвижимости в современных условиях: Дис. ... канд. экон. наук. — М., 2006.
2. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: учебник / Под ред. А. Аузана. — М.: ИНФРА-М, 2011.
3. Лыкова О. А. Институциональные условия минимизации транзакционных издержек реализации отношений собственности: на примере рынка жилой недвижимости: Дис. ... канд. экон. наук. — Ростов-на-Дону, 2007.
4. Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» № 122-ФЗ [принят ГД ФС РФ 17.06.1997: по состоянию на 08.03.2015 г.] / Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/o_gosudarstvennoj_registracii_prav_na_nedvizhimoe_imuwestvo_i_sdelok_s_nim/ (дата обращения: 22.03.2015 г.).

3 Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» № 122-ФЗ [принят ГД ФС РФ 17.06.1997: по состоянию на 08.03.2015 г.] / Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/o_gosudarstvennoj_registracii_prav_na_nedvizhimoe_imuwestvo_i_sdelok_s_nim/ (дата обращения: 22.03.2015 г.).

4 Лыкова О. А. Институциональные условия минимизации транзакционных издержек реализации отношений собственности: на примере рынка жилой недвижимости: Дис. ... канд. экон. наук. — Ростов-на-Дону, 2007. — С. 112.

Абдулгамидова Д. А.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ РФ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ «СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ»

Рассматривается вопрос о месте Президента РФ в системе органов государственной власти РФ, а также соотношение президентской власти и принципа разделения власти на основе анализа норм Конституции РФ.

Ключевые слова: Президент РФ, президентская власть, система органов государственной власти РФ, система «сдержек и противовесов», принцип разделения властей.

Abdulgamidova D. A.

RUSSIAN FEDERATION PRESIDENTIAL POWER AND ITS PLACE IN SYSTEM OF «CHECKS AND BALANCES»

The question of the place of the President of Russia in the system of public authorities of the Russian Federation, as well as the ratio of presidential power and the principle of separation of powers on the basis of analysis of the norms of the Constitution of the Russian Federation are examined.

Keywords: President of the Russian Federation, presidential power, the system of state authorities of the RF, the system of «checks and balances», the principle of separation of powers.

Особый интерес среди других органов власти РФ, описанных в Конституции РФ, вызывает Президент Российской Федерации, так как он имеет особый конституционно-правовой статус, не входя ни в одну из ветвей власти, имеет свой круг полномочий, своеобразную роль во взаимоотношениях с другими органами государственной власти и привилегии. Существующая на сегодняшний день трактовка конституционно-правового статуса Президента РФ и его власти вызывает некоторые споры в научной среде, например, об отнесении Президента РФ к одной из трех ветвей власти, как и вытекающих из этого вопрос определения республиканской формы правления в Российской Федерации как парламентарной, президентской, суперпрезидентской либо смешанной. Эти споры вызваны недостаточной правовой регламентацией статуса Президента РФ, самой характеристики Российской Федерации и некоторыми расхождениями с реальным положением осуществления власти, принципами, провозглашенными в Конституции Российской Федерации.

Статья 10 Конституции РФ гласит, что «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны»¹. Согласно первой части статьи Конституции РФ упоминает принцип разделения властей и провозглашает его как основу осуществления власти в Российской Федерации. Далее говорится о том, что все три ветви власти самостоятельны, то есть во втором случае Конституция РФ использует систему сдержек и противовесов, в соответствии с которой каждая ветвь власти имеет свой источник формирования, срок полномочий и свои средства, нейтрализующие узурпацию другими ветвями власти. В конституциях зарубежных стран, а самое главное — в Конституции США 1787 г. принцип разделения властей, в которой Президент США возглавляет исполнительную власть и подотчетен законодательной власти, является основополагающим. В том случае модель этого принципа разделения властей — «классическая», но этот принцип претерпел многие изменения, подстраиваясь под государственность разнообразных государств, в том числе и нашего. Нововведения касаются именно президента, который может возглавлять исполнительную власть, законодательную власть либо не входит ни в одну из ветвей власти, а также другие ее модели, учитывая

исторически сложившиеся устои тех или иных государств. В Конституции РСФСР 1978 г. Президент характеризовался как высшее должностное лицо, глава исполнительной власти. Фактически Президент РСФСР не участвовал в системе «сдержек и противовесов» — он не имел права роспуска Съезда народных депутатов и Верховного Совета, не участвовал в назначении судей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда, Генерального прокурора, Председателя Центрального банка. Президент был обязан представлять не реже одного раза в год доклады Съезду народных депутатов о выполнении принятых съездом и Верховным Советом социально-экономических и иных программ, причем Съезд мог потребовать внеочередной доклад. Указы и распоряжения Президента мог отменить Съезд, а на основании заключения Конституционного Суда и Верховный Совет. Совет Министров — Правительство было подотчетно Съезду, Верховному Совету и Президенту, а Съезд и Верховный Совет осуществляли контроль над деятельностью подотчетных им органов. Верховный Совет давал согласие Президенту на назначение ряда министров и рассматривал предложения Президента об образовании, реорганизации и упразднении министерств, государственных комитетов ведомств РФ². Что касается Конституции РФ, то она не упоминает ни Президента РФ, ни его власть среди этих ветвей власти, однако он упоминается в следующей статье, где перечисляются органы, осуществляющие государственную власть в Российской Федерации. И к ним относятся: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. В данном случае подчеркивается роль Президента РФ, он ставится на первое место среди других органов государственной власти РФ.

Подробную конституционно-правовую характеристику Президент РФ получает в отдельной главе Конституции РФ, где содержатся важнейшие нормы. Так, согласно п. 1 ст. 80, Президент Российской Федерации является главой государства. Эта норма исключает отнесение Президента РФ к какой-либо из ветвей власти, провозглашает его как отдельный, обособленный от этих ветвей власти орган. Но здесь возникает другой вопрос — какая из этих властей выше: президентская или законодательная, исполнительная и судебная? Казалось бы, исходя из упомянутой выше ст. 11 Конституции РФ, подчеркивающей особую роль Президента РФ, его власть выше. Однако это не что иное, как выделение Президента РФ как первого

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

2 Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. — М., 2008.

лица государства, представляющего Российскую Федерацию внутри государства и в международных отношениях, и это имеет больше символический характер, чем какое-либо правовое значение.

Конституция РФ 12 декабря 1993 г. достаточно демократична и содержит соответствующие меры для сбалансированного взаимодействия всех органов государственной власти РФ. Обособленность Президента от трех ветвей власти по российской Конституции — это тоже одна из этих мер. Между Президентом РФ, Федеральным Собранием и Правительством РФ нет отношений подчинения, они осуществляют свою власть в рамках Конституции РФ, федеральных законов, а также в необходимом для осуществления своих полномочий взаимодействии. Конституция РФ закрепляет меры и для недопущения авторитаризма Президента Российской Федерации, к которым относятся: ограниченный шестилетним сроком период его полномочий, невозможность занимать пост Президента РФ более двух сроков подряд, его избрание на всенародных прямых выборах, возможность применения процедуры импичмента, возможность признания Конституционным Судом РФ нормативных актов противоречащими Конституции РФ и т. д.

Президент РФ имеет целый ряд полномочий, которые можно классифицировать не только как полномочия во взаимоотношениях с палатами Федерального Собрания РФ и Правительством РФ, но и как полномочия Президента РФ в области обороны Российской Федерации, руководства внешней политикой, формирования и утверждения высших должностных лиц, охраны прав и свобод человека и гражданина, во взаимоотношениях с органами государственной власти и т. д. Наиболее широкими полномочия будут во взаимоотношениях с исполнительной властью, т. к. в этом случае наиболее полно выражается сущность классической модели принципа разделения властей³. В частности, после вступления в должность Президент отправляет в отставку Правительство РФ, назначает Председателя Правительства, отменяет несоответствующие Конституции РФ и федеральным законам распоряжения и постановления Правительства РФ, некоторые министерства и службы прямо подчиняются Президенту РФ и т. д. В полно-

мочия Президента входит такое правомочие, как принятие или отклонение Президентом РФ вотума недоверия Правительству РФ, выраженного Государственной Думой РФ. Это и есть один из важных элементов системы «сдержек и противовесов» по Конституции РФ. Согласно ей «Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации. Постановление о недоверии Правительству Российской Федерации принимается большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. После выражения Государственной Думой недоверия Правительству Российской Федерации Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Правительства Российской Федерации либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу». Эта норма одновременно является исключающим ответом к вопросу об определении вида республиканской формы правления. То есть республиканская форма правления в РФ, по мнению большинства авторов, является парламентской, а не президентской или суперпрезидентской, и здесь не имеет значение реальное выражение недоверия Правительству Государственной Думой РФ. Главное в этом случае — содержание норм Конституции Российской Федерации.

Конституция РФ, хотя и была принята в трудных для государственной целостности Российской Федерации условиях, содержит достаточно средств, составляющих элементы системы «сдержек и противовесов». Президент в Российской Федерации — это своеобразный орган в системе органов государственной власти, без которого невозможно согласованное взаимодействие последних.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.
2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. — М., 2008.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. — М., 2006.

3 Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. — М., 2006.

Авдеев Д. А.

ПАРЛАМЕНТ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Анализируется историческое становление и развитие российского парламента, начиная с первых боярских дум, появления Государственной Думы и Государственного Совета, а также современного Федерального Собрания. Рассматривается роль парламента как высшего представительного и законодательного органа власти в системе государственного управления Российской Федерации. Определяется место Парламента в современной системе государственного управления в соответствии с конституционными принципами организации государственной власти и сложившихся на их основе политических отношений.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, государственное правление, Государственная Дума, Совет Федерации.

Avdeev D. A.

THE PARLIAMENT IN THE RUSSIAN SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

The historical formation and development of the Russian parliament, since the first Doom boyars, the advent of the State Duma and the State Council, as well as the modern Federal Assembly is analyzed. The role of Parliament as the supreme representative and legislative body in the system of government of the Russian Federation is examined. The place of Parliament in the modern system of public administration in accordance with the constitutional principles of organization of state power on the basis of their political relations is established.

Keywords: parliament, parliamentarism, public administration, the State Duma, the Federation Council.

Авдеев Д. А.

История отечественного государственного управления показывает, что процесс становления и развития высшего коллегиального органа государственной власти, обладающего не только представительскими полномочиями, но и выполняющего законодательную функцию, был затруднительным и продолжительным. Государственный Совет и Государственная Дума, образованные в соответствии с Основными законами 1906 г., можно рассматривать как конституционно оформленный прообраз современного Федерального Собрания Российской Федерации.

Безусловно, появление первых представительных коллегиальных органов ассоциируется с совещательно-консультативными собраниями при главе государства. Так, например, по мнению Н. П. Загоскина, «Боярская дума... носила характер высшего совещательного учреждения при особе государя, с которым разделял последний бремя правительственной деятельности своей. Как учреждение совещательное, а не ограничительное, Московская Боярская дума не столь лишь обладала правом окончательного решения по делам, представлявшимся ее обсуждению, — на сколько представлял ей это право государь, как представитель верховной государственной власти»¹. Не являясь самостоятельным органом, с собственной компетенцией, Боярская дума выполняла две основные функции — законодательную и административную.

Как зачатки представительной, правда сословной, демократии можно рассматривать появление в системе государственного управления Земского собора². Полномочия этих и последующих подобных органов всегда ограничивались совещательным характером.

Наличие парламента как высшего коллегиального выборного законодательного органа в системе иных органов власти, равно как и его отсутствие, существенным образом оказывает влияние на развитие государственного управления в стране в целом. Традиционно считается, что наличие работоспособного парламента в той или иной степени способствует размежеванию полномочий, что, в конечном счете, помогает избежать их концентрации в руках главы государства. Парламент

всегда рассматривался как орган народного представительства, подтверждающий, что принимаемые им решения (законы) выражают волю большинства. Парламент является местом политической борьбы за власть и баталий партийных программ и установок. Роль и значение парламента в той или иной стране будет зависеть от его статуса в системе высших органов государственной власти, влияния на исполнительную власть, возможности принятия согласованных действий и контроля над иными исполнительно-распорядительными органами, что в целом соответствует духу демократического государства. Становление и развитие парламента есть зеркальное отражение процесса демократизации общества, зрелости партийности, уровня правовой и политической культуры электората.

Функционирование и деятельность парламента всегда связывалась с теорией разделения властей, в соответствии с которой законодательная функция принадлежала выборному коллегиальному представительному органу, что позволяло во многом деконцентрировать властные прерогативы по управлению государством, сосредоточенные в одном органе. Парламент, как правило, играет существенную роль не только в совершенствовании системы государственного управления, но и в становлении и партийной системы.

С деятельностью парламента связывают развитие такого непростого политико-правового феномена, как парламентаризм. Следует иметь в виду, что само понятие «парламентаризм» в настоящее время имеет различного рода понимания. В «Юридическом энциклопедическом словаре» утверждается, что парламентаризм — «система организации и функционирования верховной государственной власти буржуазии, характеризующаяся разделением законодательных и исполнительных функций при привилегированном положении парламента»³. По мнению И. М. Степанова, «парламентаризм есть особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка»⁴. А. А. Ми-

1 Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. 2. — Казань, 1879. — С. 15.

2 Шульженко Ю. Л. Очерк российского конституционализма монархического периода. — Москва, 2008. — С. 17.

3 Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Я. Сухарев. — М., 1984. — С. 242.

4 Парламентское право России / Под ред. И. М. Степанова. Т. Я. Хабриевой. — М., 1999. — С. 5.

шин считал, что парламентаризм представляет собой особую систему «государственного руководства обществом, характеризующаяся разделением труда, законодательного и исполнительного, при привилегированном положении парламента»⁵.

Под парламентаризмом иногда понимают разновидность государственного режима, при котором обеспечивается юридическое и фактическое верховенство высшего представительного учреждения, подчиненность и подконтрольность ему правительства. Так, М. А. Могунова пишет, что «парламентаризм это не форма, а метод осуществления государственной власти, особый режим, определяемый реальными взаимоотношениями, складывающимися между законодательной и исполнительной властями в каждом конкретном государстве, при котором ведущую роль играет парламент»⁶.

Мы солидарны с позицией А. Д. Керимова, который рассматривает парламентаризм как сложный политико-правовой и социокультурный феномен, обладающий несколькими существенными чертами, выражающимися в трех основных уровнях: «Собственно парламентском, т. е. на уровне самого центрального законодательного органа страны, на уровне его взаимодействия с другими государственными институтами и, наконец, на уровне прежде всего политической, правовой и — в более широком плане — общей культуры данного общества, духовной жизни нации»⁷. Следовательно, парламентаризм имеет место быть в случае, когда высшему законодательному и представительному органу — парламенту — отводится особая роль в государственном управлении, и его ведущая роль заключается не только в законотворческой деятельности, а также в возможности формирования общенационального правительства, отчетности и ответственности последнего перед парламентариями, но и в развитии политической культуры и качественного уровня партийной борьбы за принятие политических решений. Однако, как показывает отечественный опыт, «парламентаризм в нашей стране все еще находится в стадии формирования»⁸.

Как известно, место и значение парламента в системе высших органов государственной власти предопределяется формой правления. В странах с парламентской формой правления доминирующая роль парламента в государственном управлении очевидна. Парламент не только формирует правительство, которое, опираясь на парламентское большинство, по сути, предопределяет основные векторы развития внешней и внутренней политики. Формирование правительства парламентом предопределяет и меры ответственности. Например, М. М. Ковалевский считал, что способы формирования правительства имели существенное значение для определения меры ответственности и целесообразности его деятельности. По его мнению, правительство должно формироваться из состава парламента как органа, выражающего господствующее среди населения государства мнение, сообразно которому и должна строиться вся политика государства. М. М. Ковалевский выделял несколько вариантов такого формирования в зависимости от разнообразия представленных в парламенте политических партий. При представительстве только двух партий носитель верховной власти назначает представителя одной из них — лидера парламентской группировки большинства — премьер-министром, который назначает остальных министров из состава своих единомышленников. Второй вариант возникает при представительстве в парламенте более чем двух отличных друг от друга полити-

ческих партий⁹. В таком случае верховная власть сама при непосредственном участии представительного органа назначает всех членов кабинета министров¹⁰.

По мнению немецкого мыслителя XIX в. Л. Штейна, государство тогда сможет выполнить свою главную роль, «когда исполнительная власть в государстве будет верно и надежно служить власти законодательной. В этой субординации — гарантия превращения просто государства в государство правовое и залог сохранения им данного качества»¹¹.

Дореволюционные ученые-юристы считали, что парламентаризм хорошо действует при условиях значительного политического развития широких слоев населения и существования немногих хорошо организованных, крупных политических партий. Условно выделялись три модели парламентаризма. Так, А. А. Жилин, М. М. Ковалевский и др. рассматривали парламентаризм как режим, при котором правительство формируется из членов политической партии или коалиции партий, имеющих большинство в парламенте, и ответственно перед ним. Согласно этой модели законодательная власть явно возвышается над исполнительной. С. А. Котляревский полагал, что парламентаризм состоит в идее солидарности правительства и представительства. В свою очередь А. А. Алексеев считал, что парламентская форма правления представлена как система взаимоотношений между министерствами и парламентом, построенная на теории разделения властей, но вместе с тем отклоняющаяся от нее в одном аспекте, а именно: правительство не только независимо в своей деятельности от партий и законодательного органа власти, но даже стоит выше него в силу его беспартийности и воплощения в нем идеи государства¹².

К минусам парламентаризма относили неотъемлемый его элемент — партийность, приводящую на деле нередко к «олигархическому правлению кучки политиков-профессионалов»¹³, неустойчивость правительства, неизбежную в государствах с многопартийным составом народного представительства. К недостаткам многопартийности Б. Н. Чичерин относил следующее: партийная принадлежность дает человеку «систематически одностороннее направление». Член партии смотрит на все ее глазами и действует в ее интересах политической борьбы. Например, член оппозиционной партии привыкает смотреть на правительство только отрицательно. Все интересы связаны с тем, чтобы одолеть противника. Все при этом принесится в жертву узкопартийным, а не государственным целям. Для победы сторонники различных партий взывают к самым низменным потребностям масс. Непрерывная борьба ведет к ослаблению правительственной власти, ее силы расходятся на борьбу с оппозицией.

К числу достоинств многопартийной системы Чичерин относит наличие оппозиции, не прощающей власти промахов, сдерживающей бюрократизацию и заставляющей правительство действовать эффективно¹⁴.

5 Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. — М., 1996. — С. 174.

6 Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. — М., 2001. — С. 26.

7 Керимов А. Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — С. 116.

8 Там же. — С. 118.

9 Ерыгина В. И. Теоретические проблемы парламентаризма в истории политико-правовой мысли России конца XIX—XX в. // Конституционное и муниципальное право. 2010. — № 7. — С. 25.

10 Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. — М., 1895. — Т. II. — С. 453.

11 История политических и правовых учений: учебник для вузов / Под общей ред. В. С. Нерсесянца. — М. Изд. Группа ИНФРА. М., КОДЕКС, 1995. — С. 488.

12 Ерыгина В. И. Указ. Соч. — С. 29–30.

13 Жилин А. А. Учебник государственного права (пособие к лекциям). Ч. 1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. — Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1916. — С. 360.

14 Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 3. Политика. — М., 1898. — С. 541–544.

На основе чего в дореволюционной юридической литературе складывалось неоднозначное отношение к парламентаризму. Либералы полагали, что парламентаризм будет являться перспективным режимом, в сторону которого развивается современное конституционное государство¹⁵. Консерваторы рассматривали парламентаризм как источник политического и социального кризиса, как зло, заключающее в себе начало деморализации и разложения¹⁶.

Ключевой проблемой парламентаризма является также особенности взаимоотношения партийного парламента и правительства, формируемого победившей на выборах партией. Она связана с вопросом о контроле парламента над политикой исполнительной власти. Еще М. М. Ковалевский говорил, что способы формирования правительства имели существенное значение для определения меры ответственности и целесообразности его деятельности. По его мнению, правительство должно формироваться из состава парламента как органа, выражающего господствующее среди населения государства мнение, сообразно которому и должна строиться вся политика государства. М. М. Ковалевский выделял несколько вариантов такого формирования в зависимости от разнообразия представленных в парламенте политических партий. При представительстве только двух партий носитель верховной власти назначает представителя одной из них — лидера парламентской группировки большинства — премьер-министром, который назначает остальных министров из состава своих единомышленников.

После принятия Конституции 1993 г. мы вновь вернулись к формированию парламента на партийной основе и возрождению политического плюрализма. Федеральное Собрание представляет собой бикамеральный парламент федеративного типа. Собственно образование Совета Федерации планировалось в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР «О Федеративном договоре» от 17 июля 1990 г. как самостоятельного органа, но не как палаты Федерального Собрания¹⁷. 30 января 1991 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление «О Положении Совета Федерации РСФСР»¹⁸. В нем отмечалось: Совет Федерации является координационным органом. В состав

его входили: председатель Верховного Совета РСФСР (председатель Совета Федерации), председатели Верховных Советов республик, входящих в состав РСФСР, председатели Советов народных депутатов автономных областей и округов, краевых, областных, Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов. Указом Президента РФ от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в РФ» осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов и Верховным Советом РФ были прерваны и учреждался новый двухпалатный парламент — Федеральное Собрание, состоящий из Совета Федерации и Государственной Думы.

Роль и значение современного российского парламента во многом будет зависеть от совершенствования его конституционно-правового статуса, модернизации способов формирования обеих его палат, отвечающих реалиям российской действительности и уровню правовой культуры избирательского корпуса. Повышению его значимости в сфере государственного управления будет способствовать расширение его компетенции, выражающейся в закреплении за Государственной Думой и Советом Федерации властных полномочий по участию в формировании высших органов государственной власти, их парламентской ответственности. Повышение политического авторитета Федерального Собрания есть продолжительный и многоэтапный процесс, а мы, как показывает практика, находимся в начале этого пути.

Пристатейный библиографический список

1. Ерыгина В. И. Теоретические проблемы парламентаризма в истории политико-правовой мысли России конца XIX–XX в. // Конституционное и муниципальное право. — 2010. — № 7.
2. История политических и правовых учений: учебник для вузов / Под общей ред. В. С. Нерсесянца. — М.: Изд. Группа ИНФРА-М., КОДЕКС, 1995.
3. Керимов А. Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
4. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. — М., 1996.
5. Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. — М., 2001.
6. Парламентское право России / Под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. — М., 1999.
7. Шульженко Ю. Л. Очерк российского конституционализма монархического периода. — М., 2008.
8. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Я. Сухарев. — М., 1984.

15 Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. — СПб.: Изд-во «Лань», 2001. — С. 269–270.

16 Липранди А. П. (Вольнец А.) Нужен ли России парламентаризм? Дополнение к брошюре «Возможен ли в России парламентаризм?». — Харьков: Типография «Мирный труд», 1910. — С. 3.

17 Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 8. — Ст. 112.

18 Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 6. — Ст. 97.

Куликова И. М.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Статья отражает нормативную базу создания и функционирования органов территориального общественного самоуправления в России, ее недостатки и противоречия, а также способы их разрешения.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, Конституция РФ, Федеральный закон РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Kulikova I. M.

IMPROVING LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF LIFE IN RUSSIA

The article reflects the normative base of establishment and functioning of organs of territorial public self-government in Russia, its defects and contradictions, and also methods of their resolution.

Keywords: territorial public self-government, Constitution of Russian Federation, Federal law of the Russian Federation «On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation».

Куликова И. М.

Президент Российской Федерации в ежегодном Послании Федеральному собранию 2014 г. акцентировал внимание на главной цели — повышение качества жизни человека¹. С этой целью необходимо улучшение качества управления жизнедеятельностью общества².

Основным в управлении жизнедеятельностью общества является планирование организации территорий проживания граждан для повышения качества жизни населения. Это может быть подъезд многоквартирного жилого дома; многоквартирный жилой дом; группа жилых домов; жилой микрорайон; сельский населенный пункт, не являющийся поселением; иные территории проживания граждан. Особенности каждого отдельного региона и территорий проживания граждан обуславливают наборы вектора целей и приоритетов развития каждого человека, семьи и в целом территориального сообщества в перспективе. Данное сообщество является субъектом самоуправления и в процессе сотрудничества реализует местные территориальные интересы.

Территориальное общественное самоуправление объединяет население на основе собственной коллективной деятельности по выполнению конкретных задач для удовлетворения потребностей граждан в области здорового питания, безопасной среды обитания, культуры и быта, охраны их интересов и прав, направленной на обеспечение комплексного социально-экономического развития территории, на сохранение и воспроизводство окружающей среды.

На процесс целеполагания влияют социальные, политические, демографические, экологические факторы, а также меры правительственного регулирования и структурные сдвиги в экономике, которые изменяют уровень занятости и заработной платы на отдельных территориях.

Первоосновой территориального общественного самоуправления является самоорганизация граждан по месту их проживания на отдельной территории.

Согласно ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет

свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления³.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ст. 27 о территориальном общественном самоуправлении устанавливает, что территориальное общественное самоуправление осуществляется непосредственно населением посредством проведения собраний и конференций граждан, а также посредством создания органов территориального общественного самоуправления. Органы территориального общественного самоуправления избираются на собраниях или конференциях граждан, проживающих на соответствующей территории.

Собрания, конференции граждан, осуществляющих территориальное общественное самоуправление, наделены полномочиями по принятию устава и структуры органов территориального общественного самоуправления, избранию органов территориального общественного самоуправления, определению основных направлений деятельности территориального общественного самоуправления, утверждению сметы доходов и расходов территориального общественного самоуправления и отчета о ее исполнении.

Статьей 5 данного закона предусмотрено, что территориальное общественное самоуправление в соответствии с его уставом может являться юридическим лицом, которое подлежит государственной регистрации в организационно-правовой форме некоммерческой организации и может получать денежные средства на предлагаемые и одобренные федеральной и муниципальной властью проекты муниципальных правовых актов из средств местного бюджета⁴.

Органы территориального общественного самоуправления (Совет, комитет) представляют интересы населения, проживающего на соответствующей территории; обеспечивают исполнение решений, принятых на собраниях и конференциях граждан; могут осуществлять хозяйственную деятель-

1 Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173/work> (дата обращения: 20.02.2015).

2 Стенограмма речи Владимира Путина на встрече с главами регионов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/01/29/stenogramma-site.html> (дата обращения: 22.02.2015).

3 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 21 июля 2014 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://az-libr.ru/Law/Constn/KRF93/krf003.shtml> (дата обращения: 24.02.2015).

4 Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/> (дата обращения: 24.02.2015).

ность по благоустройству территории, иную хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории, как за счет средств указанных граждан, так и на основании договора между органами территориального общественного самоуправления и органами местного самоуправления с использованием средств местного бюджета. Отсюда следует, что органы ТОС не осуществляют управления, так как, не имеют собственности, не формируют и не исполняют собственный бюджет, не имеют в своем составе исполнителей.

В пункте 1 статьи 27 под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, внутригородского района для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Самоуправление и самоорганизация это не слова синонимы. Управление как процесс выработки и осуществления целенаправленных управляющих воздействий на объект (систему) предполагает выполнение функций планирования, организации, руководства и контроля, четкое определение властных полномочий в управленческой иерархии по актуальным вопросам повышения качества жизни человека на отдельной территории.

В статье 27 о территориальном общественном самоуправлении Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» описано внутреннее управление органов территориального самоуправления, а также самоорганизация, её механизм, но не установлено какие именно организации могут участвовать в местном самоуправлении. Не определены их функции.

В преамбуле закона говорится о том, что закон устанавливает общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, определяет государственные гарантии его осуществления.

Однако, если исходить из понятия принцип (теория, сущность, правовые основы) местного самоуправления, то можно сделать вывод о том, что в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» прописан механизм управления федеральными и муниципальными органами власти и территориальная самоорганизация граждан. Поэтому, данный закон полезен для обучения навыкам самоорганизации граждан по месту их жительства на отдельной территории, но не дает основы для эффективного управления.

Комплексному развитию территорий местного самоуправления препятствуют проблемы становления местного самоуправления: во-первых, недостаточно разработанная нормативно-правовая база; во-вторых, недостаток финансовых ресурсов; в третьих, трудности разграничения полномочий в управленческой иерархии государственной власти и органов местного самоуправления.

Президент Российской Федерации в ежегодном Послании Федеральному собранию провозгласил приоритеты — здоровье нации и переданные нам предками традиционные цен-

ности⁵. Для повышения качества управления с учетом данных приоритетов необходимо совершенствование законодательства о местном самоуправлении в Российской Федерации на основе комплексного подхода к повышению качества жизни человека на определенной территории с использованием лучших коренных принципов народовластия, прописанных в славянском Копном и Вечевом праве (копным правом называется совокупность народных «юридических» обычаев)⁶, а также с учётом особенностей функционирования земской системы местного управления в России⁷.

В настоящее время органы местного самоуправления не имеют достаточных финансово-экономических ресурсов для реализации своих полномочий, отсутствие эффективной управленческой иерархии не всегда позволяют оперативно и своевременно решать наиболее острые вопросы, затрагивающие здоровье человека, проживающего на определенной территории.

Необходимо объединение в рабочий механизм различных субъектов, принимающих участие в цепочке факторов, определяющих повышение качества жизни человека на определенной территории, таких как общество потребителей, предпринимательство, общественные организации, территориальное общественное самоуправление, для повышения качества управления в перспективе.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 21 июля 2014 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://az-libr.ru/Law/Constn/KRF93/krf003.shtml> (дата обращения: 24.02.2015).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/> (дата обращения: 24.02.2015).
3. Васильчиков А. И. Сельский быт и сельское хозяйство в России. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1881.
4. Иванишев Н. Д. О древних сельских общинах юго-западной России. — Киев: Типография Фёдорова, 1863.
5. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173/work> (дата обращения: 20.02.2015).
6. Стенограмма речи Владимира Путина на встрече с главами регионов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/01/29/stenogramma-site.html> (дата обращения: 22.02.2015).
5. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173/work> (дата обращения: 27.02.2015).
6. Иванишев Н. Д. О древних сельских общинах юго-западной России. — Киев: Типография Фёдорова, 1863.
7. Васильчиков А. И. Сельский быт и сельское хозяйство в России. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1881.

Соловьев Д. С.

ИНСТИТУТ ВСЕНАРОДНЫХ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В статье исследуется институт выборов как механизм легитимации региональной власти. Анализируются предпосылки постепенного изменения его роли и значения в политической жизни России. Выявляются альтернативные механизмы и основы легитимности региональной власти.

Ключевые слова: институт выборов, легитимность, региональная власть, губернаторы, губернаторские выборы.

Soloviev D. S.

THE INSTITUTE OF GENERAL ELECTIONS OF GOVERNORS AS A FACTOR OF INCREASING THE LEGITIMACY OF REGIONAL AUTHORITIES

In the article the institution of elections as a mechanism for the legitimation of regional authorities is examined. The background for a gradual change of its role and significance in the political life of Russia is analyzed. Also alternative mechanisms and base for the legitimacy of regional authorities are identified.

Keywords: the institute of elections, legitimacy, regional authorities, governors, gubernatorial elections.

Соловьев Д. С.

Принцип легитимности, являясь неотъемлемым условием стабильного политического развития государства, находится в центре политической науки и практики. Несмотря на то, что процесс легитимации политической власти имеет весьма длительную историю научно-практического осмысления, на сегодняшний день он не теряет своей актуальности в силу периодически возникающих кризисов легитимности, как в странах развитой демократии, так и в переходных обществах, особенно остро ставящих вопросы взаимодействия общества и государства при проведении социально-экономических и политических преобразований. Легитимность предстает как неотъемлемое свойство политической власти, обеспечивающее ее функционирование на основе признания большинством населения и мировым сообществом. В результате коммутативного взаимодействия между политической элитой и социальными группами происходит поиск и установление критериев эффективности власти и ее оценка. В итоге власть приобретает или укрепляет свою легитимность либо утрачивает ее, впадая в кризис. Легитимность политической власти укрепляется благодаря комплексному действию следующих факторов: соответствию действий государства и его отдельных институтов потребностям общества, его идейно-ценностным установкам, эффективности и результативности проводимой государственной политики во всех сферах, стабильности политической системы и сплоченности правящей элиты, высокой степени электоральной поддержки, обеспечивающейся за счет реализации демократических принципов формирования структур власти, персональной поддержке обществом лидера, представляющего государство.

Наиболее доступным способом легитимации власти для граждан в странах стабильной демократии являются выборы, посредством которых граждане имеют возможность сменить утратившую легитимность власть. В кризисных же политических условиях центральным элементом легитимности является не столько выборность власти, сколько ее способность овладеть сложной ситуацией и обеспечить стабильное поступательное развитие.

Институт демократических выборов сыграл исключительно важную роль в трансформации всех институтов российской политической системы и, конечно, прежде всего, в становлении представительных и законодательных органов государственной власти, как на федеральном, так и региональном уровне¹. За-

частую выборы характеризуются как базовый институт легитимации². Так, по мнению некоторых экспертов, «выборность региональных руководителей принципиально изменила профиль российской власти: выборы не только привели наверх новых людей, но и сделали губернаторов опасно независимыми от центра³. Главный смысл института всенародных выборов состоит именно в легитимации власти посредством разделения ответственности власти и сообщества за управленческие решения. В силу значительной дифференциации регионов России, в том числе и по типу политического режима, в региональном пространстве институт выборов имеет зачастую принципиально различный смысл⁴.

Оценка влияния института выборов на актуальный политический процесс является одним из показателей легитимности власти в ее институциональном и процедурном измерениях. Институциональная основа демократии — всеобщие свободные выборы — фактически немыслимы в российских условиях без дополняющих их атрибутов в виде административного ресурса, избирательного применения норм выборного законодательства, информационной блокады оппозиции и др. Тем более, в условиях регионального пространства, фактически вне досягаемости международных институтов, такие ограничители свободы волеизъявления граждан потенциально могут полностью нивелировать функциональную (делегирования и селекции власти) сущность выборов.

В 1990-е гг. региональные выборы (прежде всего выборы глав исполнительной власти) стали значимым способом ротации власти и проявлением эффектов демократизации на региональном уровне. Несмотря на очевидно несправедливый характер выборов (административная мобилизация, неравные возможности кандидатов в ведении кампании и т. д.), факт избрания на всеобщих выборах дал главам исполнительной власти регионов принципиально новую — демократическую — легитимность, сделав их полноправными и не зависящими

блем права, 2013. — С. 63.

2 Административная реформа в России: концепция, реализация, итоги. — М.: ТЕИС, 2011. — С. 20.

3 Крыштановская О. В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социологические исследования. — № 11. — С. 3.

4 См.: Региональные политические поля России: сравнительный анализ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politeia.ru/seminar.php?2006-01-26>

1 Медведева В. К. Избирательный процесс в современной России: от теории к практике: Монография. — М.: Евразийский НИИ про-

от кадровой политики федерального центра руководителями. Это обстоятельство перевело взаимоотношения федерального центра и региональных органов власти из плоскости чисто административных мер в плоскость политических взаимодействий.

В 2000-е гг. интенсивность избирательных кампаний по выборам губернаторов возросла. Возросло также и число кандидатов. В 2004 г. накануне реформы избирательного законодательства в части избрания губернаторов поддержка губернаторов на выборах уменьшалась. Таким образом, накануне своей отмены губернаторские выборы все более приобретали признаки полноценных выборов, предполагающих сменяемость власти. Когда же глав регионов начали назначать, сменяемость резко сократилась⁵.

Вместе с тем можно отметить, что проведению в российских регионах подлинно конкурентных выборов мешает сильная зависимость от исполнительной власти средств массовой информации и бизнеса. Не менее существенным фактором выборов является сложившаяся административная система, когда российские чиновники вплоть до самого высокого уровня откровенно игнорируют один из принципов правового государства, согласно которому они вправе осуществлять лишь те полномочия, которые им предписаны законом. В результате органы исполнительной власти, применяющие «административный ресурс», становятся главным субъектом выборов.

В 2004 г. Федеральным законом № 159-ФЗ от 11 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» был ликвидирован институт всеобщих выборов губернаторов. Для губернаторов ликвидация всеобщих выборов стала способом нейтрализации высокой степени их возможной легитимности. Контроль за исполнительной властью со стороны населения стал еще более опосредованным. Иными словами, законодательные инициативы, снижающие реальную электоральную конкуренцию, в перспективе означают нарушение связи между властью и обществом, а значит — и утрату властью своей легитимности⁶. Выборы уже не представляются основной массе населения источником легитимности власти, а расцениваются гражданами как продукт сговора, политических махинаций. И если оценка института выборов в региональном политическом пространстве как канала легитимации, в принципе, однозначна, то функция выборов как основания легитимации является гораздо более неопределенной.

Одной из основных причин, побудивших российские власти к отмене прямых губернаторских выборов, послужило определяющее влияние, которое губернаторы оказывают на итоги федеральных выборов в регионах России. Будучи основными политическими игроками, губернаторы в значительной мере контролируют политическую жизнь регионов вообще и в частности. Определяющая роль губернаторов вполне выявилась уже на федеральных выборах 1999–2000 гг. Поэтому вполне естественно, что замена прямых выборов на назначение, усилившая политическую зависимость губернаторов от федерального центра, послужила основным стимулом к их лояльности в плане обеспечения превосходных результатов «Единой России» в 2007–2008 гг. Самым положительным образом сказался новый порядок на представительстве «Единой России» в региональных законодательных собраниях. Обеспечение большинства «партии власти» стало делом политического выживания самих губернаторов.

Всенародные выборы губернаторов, отмененные в 2004 г., были возвращены в 2012 г. О политической реформе было

объявлено в декабре 2011 г.⁷ 2 мая 2012 г. Президент России подписал Федеральный закон № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»».

В соответствии с Федеральным законом высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) избирается гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Первые выборы на основе указанных положений прошли в октябре 2012 г. В 2012 г. был принят Федеральный закон от 02 октября 2012 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»», согласно которому единым днем голосования на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления определено второе воскресенье сентября года, в котором истекают сроки полномочий указанных органов или депутатов этих органов⁸.

Стимулом к либерализации политической системы и возвращению губернаторских выборов послужили протесты 2012 г., которые демонстрировали, что существующая модель политического взаимодействия элит не обеспечивает сменяемость власти, что, в свою очередь, приводит к политической стагнации, росту коррупции и невозможности реформ и модернизации практически всех сфер общественной жизни России.

Заявление о возможном восстановлении прямых губернаторских выборов было впервые сделано В. В. Путиным в ходе выступления перед журналистами 15 декабря 2011 г. На том этапе восстановление прямой выборности предлагалось ограничить так называемым «президентским фильтром», то есть правом Президента Российской Федерации на предварительное одобрение выносимых на голосование кандидатур, а также зарезервировать право на выдвижение кандидатов за партиями, представленными в региональных законодательных собраниях.

Как и законы о партийной реформе, Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»» был внесен в Государственную Думу, принят и введен в действие с высокой оперативностью. Однако, в отличие от законодательства о партиях, первоначальная концепция закона претерпела значительные изменения. В окончательной версии исчезло положение об исключительном праве парламентских партий на выдвижение кандидатов, «президентский фильтр» сохранился в весьма неясной формулировке. Прямое отстранение важных кандидатов Президентом России возлагало бы на него основную ответственность за политические итоги выборов. Роль основного ограничителя на участие в губерна-

5 См.: Там же.

6 Кынев А. В. «Партия власти» как партия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 1. — С. 42–51.

7 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/14088>

8 Федеральный закон от 02.10.2012 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/21196.html>

торских выборах была возложена на так называемый «муниципальный фильтр». Согласно норме закона для регистрации кандидата на губернаторских выборах ему необходимо собрать от 5% до 10% подписей от общего числа депутатов представительных органов местного самоуправления и/или избранных на выборах глав муниципальных образований региона. При этом кандидат должен получить подписи не менее чем в трех четвертях муниципальных районов и городских округов. Закон также предоставил самим регионам право решать, допускать ли к выборам самовыдвиженцев. Принимая во внимание почти тотальный контроль губернаторов над этим уровнем управленческой системы, совершенно очевидно, что «муниципальный фильтр» был направлен на отсеивание от электронного процесса кандидатов, не одобренных действующей региональной властью.

В декабре 2012 г. был сделан еще один шаг в направлении трансформации регионального избирательного законодательства. Президент РФ В. В. Путин предложил предоставить субъектам Федерации возможность решить, как выбирать глав регионов. В детальном виде альтернативная процедура была определена Федеральным законом от 2 апреля 2013 г. № 30-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: политические партии, представленные в региональном законодательном собрании и/или Государственной Думе, предлагают Президенту своих кандидатов, не более трех каждая. Из сформированного таким образом пула Президент отбирает троих. Их кандидатуры вносятся в региональное законодательное собрание. Полномочиями губернатора наделяется тот из них, кто получил простое большинство голосов при голосовании в законодательном собрании.

Последние губернаторские выборы 2014 г. выявили еще один важный момент: граждане потеряли всякий интерес и доверие к такому важному для эффективного развития страны институту, как институт губернаторских выборов. Этому свидетельствует как крайне низкая явка на выборы в подавляющем большинстве регионов, из тех тридцати, в которых проходили выборы, так и нескрываемое использование властью административного ресурса. Как известно, выборы имеют значение лишь в том случае, когда происходит легитимная смена власти. Если же никакой смены власти не происходит, выборы теряют свое основное предназначение.

Пристатейный библиографический список

1. Административная реформа в России: концепция, реализация, итоги. — М.: ТЕИС, 2011.
2. Крыштановская О. В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социологические исследования. — 2003. — № 11.
3. Кынев А. В. «Партия власти» как партия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2013. — № 1.
4. Медведев Н. П. Российский политический процесс: теория и практика // Вопросы политологии. — 2013. — № 2.
5. Медведев Н. П. Политический консенсус: теория и практика. — М.: Изд-во «Юридическая книга», 1999.
6. Медведев Н. П. Политическая стабильность: научные подходы и практика // Вопросы политологии. — 2013. — № 1.
7. Медведев Н. П., Николаев К. В. Парламентско-правительственные кризисы в современной России. — М.: Издательский Дом МИСиС, 2014.
8. Медведева В. К. Избирательный процесс в современной России: от теории к практике: Монография. — М.: Евразийский НИИ проблем права, 2013.
9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/14088>
10. Региональные политические поля России: сравнительный анализ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politeia.ru/seminar.php?2006-01-26>
11. Семочкин А. Е. Критерии эффективности политики губернаторского корпуса в федеративной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 4.
12. Федеральный закон от 02.10.2012 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/21196.html>

Бурда М. А.
**МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК МЕХАНИЗМ
 РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВОМ СВОИХ ВЛАСТНЫХ ФУНКЦИЙ**

Автором рассматривается проблематика миграционного законодательства России на современном этапе с учетом происходящих политических процессов. Выявлена необходимость систематизации миграционного законодательства. Также в ходе рассмотрения определены миграционные риски среднесрочной перспективы, связанные с несовершенством российского законодательства и особенностью среднеазиатских автократий. Предлагаются варианты перераспределения функций органов государственной власти, компетентных в сфере миграции, что будет способствовать повышению эффективности проводимой государством миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная политика, миграция, органы государственной власти, политические процессы, правовой статус, мигранты.

Burda M. A.
**MIGRATION LEGISLATION AS A MECHANISM
 FOR THE STATE'S IMPLEMENTATION OF ITS POWERS**

The author considers problems of the migration legislation of Russia at the present stage taking into account current political processes. Need for systematization of the migratory legislation is revealed. Also, during consideration the mid-term migratory risks connected with imperfection of the Russian legislation and feature of the Central Asian autocracy are defined. Options for redistribution of functions of the public authorities competent in the sphere of migration that will promote increase of efficiency of the migration policy pursued by the state are offered.

Keywords: migration policy, migration, public authorities, political processes, legal status, migrants.

Бурда М. А.

Эпоха глобализации оказала и продолжает оказывать воздействие на моноэтничные государства. Можно сказать, что на сегодняшний день произошла трансформация мононациональных государств, таких как Великобритания, Германия, Нидерланды, Франция, Швеция и т.д., в государства многонациональные.

Существенным фактором, способствующим такой государственной трансформации, стали процессы миграции населения, которые в последнее время взаимосвязаны с происходящими политическими процессами. Иными словами, миграционная политика все больше начинает зависеть от политики государства¹.

Несмотря на то, что основной предпосылкой, побуждающей население к миграции, является экономическое неравенство, немаловажную роль в миграционных процессах играют и другие, не менее важные факторы. Это и нарушение прав человека, военные и этнические конфликты, ухудшение экологической ситуации. Зачастую наличия одного из перечисленных факторов достаточно для катализации имеющихся латентных предпосылок к массовой миграции населения².

При этом необходимо отметить, что переезжая на новое место, мигранты срачиваются с имеющимися национальными анклавами, формируют диаспоральные связи, что в определенной мере замедляет процесс их интеграции в принимающее общество.

По мере роста диаспоры мигранты начинают не только теснить коренное население в сфере экономики, но начинают более или менее серьезно влиять и на политическую жизнь.

Например, данные по Германии показывают, что новая масса людей с мигрантским прошлым (чьи родители были мигрантами) угрожает стать решающей величиной в избирательной борьбе, коль скоро уже сегодня 30% всех детей и подростков в Германии происходят из мигрантских семей³.

В этой связи потенциально существует риск проникновения мигрантов второго поколения в органы государственной и муниципальной власти, правоохранительные органы с целью лоббирования диаспоральных интересов.

Добровольно переселяясь в другие государства, мигранты становятся субъектами миграционных правоотношений, процесс их перемещения начинает регулироваться миграционным законодательством принимающего государства.

Под миграционным законодательством следует понимать совокупность норм международного и национального права, регулирующих возникающие между государством исхода мигрантов, государством их приема и непосредственно самими мигрантами отношения. Миграционное законодательство является структурной составной частью национальной правовой системы.

Основным механизмом, регулирующим правовое положение иностранных граждан в России, является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В частности, ст. 13 данного Закона регулирует условия участия иностранных граждан в трудовых отношениях⁴.

Рассматривая регулирование миграционного законодательства в Российской Федерации, необходимо обратить внимание на следующие проблемы.

Как справедливо отмечает руководитель Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Л. В. Андриченко: «Общей характерной чертой российского законодательства в последние два десятилетия являются высокие темпы его развития. При этом совершенствование миграционного законодательства имеет еще более быструю динамику. С начала 1990-х гг., т.е. с того периода, когда, по существу, началось становление современного рос-

1 Сквоиков А. К. Современные проблемы национальной безопасности России // Управление мегаполисом. — 2010. — № 5. — С. 164.

2 Шарков Ф. И. Политическое сознание — политическая практика — политическая коммуникация // PolitBook. — 2014. — № 1. — С. 153–165.

3 Власов И. С., Голованова Н. А., Артемов В. Ю. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: Монография. Институт за-

конодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М., 2013. — С. 4.

4 Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — 29.07. — № 30. — Ст. 3032.

сийского миграционного законодательства, и до настоящего времени сменилось не одно «поколение» миграционного законодательства, каждое из которых было основано на разных моделях государственной миграционной политики. Безусловно, причины такого быстрого развития носят многофакторный характер, они обусловлены как целями государственной внешней политики, так и интересами развития внутренней социально-экономической политики»⁵.

Однако такие экстенсивные темпы имеют и обратную сторону, например, только вышеупомянутый Федеральный закон № 115-ФЗ в период с 2002 по 2014 гг. менял свою редакцию (вносились изменения (дополнения)) более тридцати раз, в среднем почти 3 раза в год. При этом в 2014 г. изменения вносились семь раз. Такая «точечная правка законодательства» порождает крайнюю запутанность механизма регулирования миграционных процессов, его забюрократизированность и простор для коррупционных злоупотреблений. Кроме того, снижаются возможности стратегического планирования миграционной политики и, как следствие этого, снижается ее привлекательность для бизнеса и понимание для институтов гражданского общества.

Постоянное «раздувание» содержания этого Федерального закона во многом приводит к разрушению его системных свойств, а также системных подходов к развитию миграционного законодательства в целом. Дело в том, что по предмету правового регулирования данный Закон должен носить статусный характер, что следует из его названия. На деле же статусные нормы в нем нередко перемежаются с нормами процедурного характера, например, нормами, касающимися порядка привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности, порядка въезда в Российскую Федерацию для отдельных категорий иностранных граждан и их выезда за пределы территории Российского государства, порядка получения разного рода разрешительных (разрешение на временное проживание, вид на жительство, разрешение на занятие трудовой деятельностью и т. д.) и иных документов в России. Им регламентируются ограничения на въезд и проживание, ответственность, особенности трудовой деятельности иностранных граждан и другие вопросы. Таким образом, помимо собственно материальных норм, в Законе наличествует значительное количество процедурных норм, не характерных для статусного закона⁶.

Очевидно, что сложившаяся ситуация требует незамедлительно провести работу по систематизации всех имеющихся норм права, относящихся к миграционным процессам, и сведению их в единый миграционный документ — миграционный кодекс⁷.

Несовершенство системы законодательного регулирования миграционных процессов является фактором, способствующим росту нелегальной миграции. При этом несовершенство миграционного законодательства может проявляться не только в его излишней либеральности, но и наоборот, в излишней репрессивности и забюрократизированности.

Следующей проблемой является то, что наметившийся в последнее время (2010–2014 гг.) этап дифференциации миграционных потоков и соответствующего подхода к ним был в существенной степени пересмотрен, в том числе и с учетом примененных к Российской Федерации неправомерных экономических санкций со стороны ряда государств и межстрановых

объединений, что подтверждает зависимость миграционной политики от происходящих политических процессов.

Дробление правовых статусов мигрантов (высококвалифицированные специалисты, работники по найму у частных лиц, отдельные категории мигрантов, закрепленные в международных договорах Российской Федерации с Французской Республикой и Республикой Корея) было нивелировано так называемым «страновым» подходом. Наиболее упрощенный порядок въезда-выезда в Россию, а также порядок осуществления трудовой деятельности получили не экономически востребованные мигранты, а мигранты из государств с безвизовым порядком въезда в Российскую Федерацию, а именно из государств — участников СНГ.

С 1 января 2015 г. вступили в силу очередные поправки в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно поправкам мигрантам, въезжающим на территорию России без визы с целью осуществления трудовой деятельности, не требуется оформление разрешения на работу. Необходимо лишь оформить персональный патент на месяц, с возможностью его последующего продления до года. Указанный документ необходимо получить в течение 30 дней с момента въезда в Россию. Нарушение этого срока повлечет за собой отказ в приеме заявления о выдаче патента.

Фактически выстроен трехуровневый механизм оценки привлекательности внешних мигрантов, опирающийся на политическую ориентированность государств в отношении России.

К первому уровню отнесены Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия⁸ — государства — члены Евразийского экономического союза (ЕЭС), для граждан которых имеется общий рынок труда на всем пространстве союза.

Вторым уровнем являются государства — участники СНГ, не являющиеся странами — членами ЕЭС. В первую очередь это Узбекистан, Таджикистан, Молдова, Украина — основные страны — доноры мигрантов.

К третьему уровню отнесены все остальные государства, с которыми у России установлен визовый порядок въезда для осуществления трудовой деятельности.

Очевидно, что такой крутой поворот связан с желанием России удержать в орбите своего внешнеполитического влияния политические элиты «евразийского пространства», и в этом она находит их негласную поддержку.

Это обусловлено тем, что «СНГшние», а точнее центрально-азиатские автократии, рассматривают возможность трудоустройства своих граждан на территории России как одно из приоритетных направлений регулирования своей внутренней политики, направленной на снижение протестных настроений в обществе и противодействие развитию радикальных исламских террористических организаций (например, Аль-Каида и ИГИЛ).

Низкий уровень жизни, относительные ограничения по сферам занятости, ввиду распространенной клановости и, как следствие этого, отсутствие социальных лифтов являются питательной средой для развития экстремизма и терроризма в регионе⁹.

Все это заставляет местные элиты искать возможности периодического «выпускания» имеющегося «революционного воздуха», стимулируя отток недовольных существующим положением активных граждан в виде трудовых мигрантов в Россию. Возможность направлять своих граждан на работу в Россию является для местных элит ключевым элементом сохранения устоявшейся политической системы.

5 Андриченко Л. В. Проблема систематизации миграционного законодательства // Российское право. — 2014. — № 12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.naukaru.ru/journal/article/view/6569/> (дата обращения: 01.03.2015).

6 Там же.

7 Буренко В. И. О политической модернизации в современной России в контексте особенностей ее правящего класса // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2012. — № 17. — С. 10.

8 Вступит с 29 мая 2015 г.

9 Шабров О. Ф. Стандарты качества в государственном управлении // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2009. — Т. 2. — № 5. — С. 116–118.

Существенные миграционные потоки трудовых мигрантов заставляют совершенствовать и механизм противодействия нелегальной миграции.

В 2014 г. в российское законодательство внесены изменения, касающиеся противодействия нелегальной миграции. Указанные изменения направлены на усиление ответственности за незаконный въезд и незаконное нахождение на территории Российской Федерации иностранных граждан. Также были расширены основания для выдворения и депортации нелегальных мигрантов, продолжено совершенствование института международных реадмиссионных соглашений.

Реализация эффективной государственной политики в области трудовой миграции и повышение эффективности противодействия нелегальной миграции требует реформирования российских органов государственной власти¹⁰.

Очевидно, что усиление контрольно-надзорных функций в сфере миграции в свете имеющихся полномочий ФМС России — затруднительно. Поэтому вполне логичным представляется ее возврат в состав МВД России в виде структурного подразделения правоохранительного органа — миграционной полиции. При этом основными задачами «нового ФМС» должны стать противодействие незаконной миграции и преступлениям в этой сфере¹¹.

Вопросы прогнозирования и моделирования механизмов экономически востребованного привлечения внешних трудовых мигрантов передать в ведение Минэкономразвития России, органов государственной власти, отвечающих за развитие конкретных регионов на федеральном уровне, и администрации субъектов Российской Федерации¹².

Вопросы порядка осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами на территории Российской Федерации передать в ведение Минтруда России.

В заключение необходимо отметить, что при реализации своих властных функций государство должно исходить из прагматических целей эффективной и востребованной миграции, которую можно получить только дифференцировав миграционные потоки по их профессиональной востребованности.

10 Буренко В. И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2011. — № 20. — С. 19.

11 Шабров О. Ф. Неоднозначный потенциал «русской матрицы» // Власть. — 2014. — № 2. — С. 53–58.

12 Скотовиков А. К. Политические противоречия в постсоветской России // Управление мегаполисом. — 2010. — № 6. — С. 200.

Существующий механизм привлечения иностранной рабочей силы такому принципу не отвечает и устанавливает практически равные условия для высококлассных востребованных специалистов и неквалифицированных работников, ориентируясь исключительно на внешнеполитический фактор «дружественности» государств — доноров мигрантов.

Это в свою очередь формирует потребность в совершенствовании межгосударственного взаимодействия в области миграции и правового регулирования миграционных процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Андриченко Л. В. Проблема систематизации миграционного законодательства // Российское право. — 2014. — № 12.
2. Буренко В. И. О политической модернизации в современной России в контексте особенностей ее правящего класса // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2012. — № 17.
3. Буренко В. И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2011. — № 20.
4. Власов И. С., Голованова Н. А., Артемов В. Ю. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: Монография. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М. 2013.
5. Скотовиков А. К. Политические противоречия в постсоветской России // Управление мегаполисом. — 2010. — № 6.
6. Скотовиков А. К. Современные проблемы национальной безопасности России // Управление мегаполисом. — 2010. — № 5.
7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — 29.07. — № 30. — Ст. 3032.
8. Шабров О. Ф. Неоднозначный потенциал «русской матрицы» // Власть. — 2014. — № 2.
9. Шабров О. Ф. Стандарты качества в государственном управлении // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2009. — Т. 2. — № 5.
10. Шарков Ф. И. Политическое сознание — политическая практика — политическая коммуникация // PolitBook. — 2014. — № 1.

Суттхисангиам Сорраком ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ТАИЛАНДА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из причин возникновения политических кризисов в Таиланде является положение политических партий, так как политические партии в этой стране не имеют достаточно прочной основы для того, чтобы превратиться в политический институт. В статье проанализированы особенности политической культуры таиландского общества, влияющие на характер политических партий в Таиланде.

Ключевые слова: политические партии, Таиланд, тайцы, политическая культура, выборы, демократия.

Sutthisangiam Sorrakom THAI POLITICAL PARTIES IN THE CONTEXT OF POLITICAL CULTURE

One of the causes leading to a series of political crises in Thailand has been the weakness of the country's political parties. This is due to the fact that Thai political parties have been unable to function as a pragmatic political institute for the country. This article analyses the qualities of the Thai society's political culture, which has affected some characteristics of Thai political parties.

Keywords: political parties, Thailand, Thais, political culture, election, democracy.

Суттхисангиам Сорраком

Проблема нынешних внутривнутриполитических противоречий в Таиланде уходит своими корнями в противоречия, наблюдавшиеся во внутренней политике страны в период с 2006 по 2010 гг. Это были разногласия между представителями двух направлений политических движений, а именно: между желторубашечниками и краснорубашечниками. Желторубашечники (Народный альянс за демократию или противники бывшего премьер-министра Таксина Чинавата) играли важную роль в политике в 2006–2008 гг., представляя собой массовое движение ультрапатриотических монархистов. Основой идеологии этого движения является сохранение политической стабильности в стране и постепенное, гармоничное развитие как экономической, так и социальной сфер общественной жизни. Главной целью движения стало жесткое противостояние многочисленным сторонникам Таксина.

Краснорубашечники (сторонники бывшего премьер-министра Таксина Чинавата), в свою очередь, выступают против переворота 2006 г. и поддерживают возврат Таксина к власти. Основной задачей, стоящей перед этим движением, является приход к власти в стране.

Несмотря на то, что после государственного переворота 2006 г. усилиями генерал-полковника Сонти Сонтибуньяраткина власть вернулась в руки гражданского правительства, управлявшего страной до 2007 г., в обществе продолжали сохраняться противоречия, приведшие к тому, что Народный совет по поддержанию мира и порядка, состоящий из представителей разных родов войск во главе с генерал-полковником Праютом Чан-Оча, решился на государственный переворот 22 мая 2014 г. во время совместного совещания политических сил по вопросу совместного поиска выхода из сложившегося положения (далее — семисторонние переговоры¹).

Семисторонние переговоры необходимы были для того, чтобы политические оппоненты смогли наконец-то догово-

ряться о путях вывода страны из политического кризиса. Поскольку раскол в таиландском обществе усиливался, проявлялась тенденция к насилию и уличным беспорядкам, что, в свою очередь, создавало угрозу национальной безопасности, а также жизни и имуществу таиландцев. Кроме того, очень остро стояла проблема управления страной, так как и.о. главы правительства не имел полномочий выплачивать зарплату чиновникам из государственного бюджета на 2015 г.² Таким образом, 20 августа 2014 г. временный парламент, сформированный военным правительством, избрал генерала Праюта Чан-Оча премьер-министром³.

Несмотря на то, что в настоящее время тайцы стали больше интересоваться политикой и принимать участие в управлении государством, основываясь на принципах демократии, этого недостаточно для того, чтобы сохранить гражданское правление. Поскольку граждане страны имеют разные политические предпочтения, а конкуренция и борьба за политическую власть между политическими группировками выходит за рамки закона, более активную роль, нежели другие гражданские институты, начинает играть армия (военные институты). Все это ведет к замедлению темпов развития демократии в стране. Немаловажной причиной, замедляющей движение к демократии, является слабость политических партий, как политического института, в силу их неспособности полноценно выполнять функции народного представительства, политическим партиям так и не удалось стать полноценным политическим институтом.

Сейчас в Таиланде функционирует 73 политических партий⁴. За последнее десятилетие лишь 10 из них имели своих представителей в парламенте. На сегодняшний день в Таиланде из всех существующих партий только две имеют серьезный политический вес. Это партия «Пыя тай» (За Таиланд!) и партия «Прачатипат», или Демократическая партия. Партия «Пыя тай» образована путем слияния партии «Тай рак тай» (тайцы

1 Армейское командование сформировало Народный совет по поддержанию мира и порядка и объявило военное положение 20 мая 2014 г., были обнародованы Заявления номер 6/2557 и 8/2557, в которых предполагалось провести семисторонние переговоры в целях поиска выхода из создавшегося положения. Такое совещание прошло 21 и 22 мая 2014 г. В переговорах участвовали представители правительства, сената, Центризбиркома, партии «Пыя Тай», Демократической партии, антиправительственных сил (Народно-демократический альянс), проправительственных сил — краснорубашечников.

2 Reform, lawmaking bodies in pipeline // Bangkok Post. — 25.05.2014.

3 Временный парламент Таиланда избрал генерала Праюта Чан-Оча премьером, 21.08.2014. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140821/1020804158.html>

4 List of political parties in Thailand (as of 2 January 2014), The official website of Election Commission of Thailand. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ect.go.th/th/wp-content/uploads/2013/11/party_2jan14.pdf

любят Таиланд)⁵ и партии «Паланг праачон» (сила народа)⁶ (были распущены в 2007 г. и в 2008 г. соответственно). Обе партии поддерживают политическую линию бывшего премьер-министра Таксина. Несмотря на то, что представители партии «Тай рак тай» всегда заявляли о том, что Таксин не имеет отношения к руководству внутрипартийными делами, ее политические оппоненты утверждают обратное: они настаивают на том, что партией всегда негласно руководил Таксин. Электоральная база партии сосредоточена на севере и северо-востоке страны, это, в основном, крестьяне и рабочие.

Демократическая партия считается старейшей в Таиланде. Премьер-министрами были четверо ее руководителей⁷. Это партия всегда считалась оппозиционной, потому что в случае ее проигрыша на выборах она все равно оставалась второй по количеству ее членов в парламенте. Электорат этой партии занимает южную и центральную часть Таиланда, а также столицу Таиланда Бангкок, где основное население составляет средний класс.

Развитие политических партий в Таиланде все время прерывалось то государственными переворотами, то периодами военной диктатуры. В результате отменялась действующая конституция и устанавливались запреты на политические собрания и митинги. Политические партии полностью прекращали свою деятельность, провозглашалась новая конституция, издавался королевский Указ о политических партиях.

Если задаться вопросом: почему политические партии в Таиланде не обладают достаточной прочностью, чтобы превратиться в полноценный политический институт, ответ может заключаться в особенностях политической культуры тайландского общества, которая, безусловно, влияет на формирование политических партий. Исходя из этого предположения, можно сказать, что политическим партиям на этом пути не хватает демократизма.

Политическая культура влияет на характер политических партий Таиланда. Во-первых, вера в разнообразие миров и новых перерождений человека, а также в закон кармы, иными словами, тайцы подсознательно, из поколения в поколение, привыкли рассматривать успешного человека как человека, достигшего успешности благодаря божественному промыслу, поэтому тайцы считают успешного и состоятельного человека авторитетной персоной, наделенной властью и достойной всяческого уважения⁸.

Во-вторых, это убеждение, порожденное абсолютизмом, которое заключается в том, что каждый таец считает, что право управления страной — это дело правящих групп, авторитетных и влиятельных людей, а не обычных граждан⁹. Поэтому люди

не горят энтузиазмом принимать участие в политической жизни страны. Кроме этого, такие убеждения ведут к тому, что люди отдадут предпочтение решительным лидерам, таким как правители времен абсолютизма и военные. В-третьих, это вера в силу кумовства и блата, что ведет к тому, что таец старается обойти закон и избежать ответственности, прибегая к помощи «своих» людей. Поэтому нет порядка и законопослушания в тайландском обществе.

В Таиланде существует многопартийная политическая система. На каждых выборах каждая партия получает в свою поддержку голоса с большим разбросом. Никакая партия не добивается решающего перевеса. Поэтому всякий раз формируются коалиционные правительства, состоящие из представителей разных партий. Так, выборы в парламент в январе 1975 г. породили коалиционное правительство, состоящее аж из 18 партий¹⁰. Во времена премьера Самака Сунторавета (2005 г.) в правительство вошли 6 партий¹¹, партия «Тай рак тай» завоевала больше половины мест в Палате представителей в 2005 г., таким образом, впервые в истории парламентских выборов в Таиланде появилось однопартийное правительство. Но всего лишь через год после создания однопартийного правительства, в 2006 г., оно было свергнуто военными путем государственного переворота.

Структурирование политических партий Таиланда происходит по трем направлениям: политическая платформа, членство в партии и внутрипартийная организация¹².

Что касается политической платформы, то до недавнего времени партии не придавали особого значения политической платформе, ее старались определить как можно шире в погоне за голосами избирателей. Политическая платформа чаще всего носит характер девиза и необходима только для того, чтобы привлечь на свою сторону избирателя, например, слоган партии Населения Таиланда гласил: «У страны есть проблемы — у партии есть методы»¹³ или лозунг Демократической партии, когда ее главой был Чуан Ликпай, призывал: «Хочешь здоровую экономику — укрепляй демократию!»¹⁴. В свою очередь, партия «Тай рак тай», партия бывшего премьер-министра Таксина, внесла изменения в методы борьбы за голоса избирателей, выдвинув на первый план политической платформы популизм, сделав упор на участие в ней народа¹⁵. Среди лозунгов партии «Тай рак тай» можно назвать, например, «любая болезнь за 30 батов» или «каждой деревне — капитал в миллион тайских батов». В результате, на парламентских выборах 2001 и 2005 гг. она получила подавляющее большинство, а другие партии стали придавать большее значение политической платформе, стали переходить к популизму, ставя во главу угла голоса избирателей.

Таким образом, можно отметить, что нынешние платформы политических партий Таиланда не способствуют целям устойчивого развития¹⁶. Несмотря на то, что каждая партия имеет свой исполнительный комитет и привлекает в свои ряды граждан с выдающимися личностными качествами, подходящими для выдвижения в качестве кандидата в депутаты, в реальности политические партии Таиланда обычно выдвигают

5 Партия «Тай рак тай» — первая политическая партия Таиланда, завоевавшая в результате всеобщих выборов 2005 г. более половины мест в Палате народных представителей, получив 376 мест из 500 и победив главного конкурента — Демократическую партию, которая получила всего 96 мест. Партия «Тай рак тай» впервые в истории смогла сформировать однопартийное правительство.

6 После роспуска решением Конституционного суда партии «Тай рак тай» партия «Сила народа», или «Паланг праачон» слилась с партией «Тай рак тай», приняв ее политическую платформу и методы политической деятельности.

7 С момента образования и до наших дней в партии сменилось семь лидеров, четверо из которых были премьер-министрами Таиланда: майор Куанг Апайвонг, создатель и первый лидер партии, был на посту премьер-министра 4 срока (1944–1945 г., 1946 г., 1947 — февраль 1948 г., февраль–апрель 1948 г.), Сени Прамот, оставался премьер-министром 4 срока (1945–1946 г., 1975 г., апрель–сентябрь 1976 г., сентябрь–октябрь 1976 г.), Чуан Ликпай, занимал пост премьер-министра два срока (1992–1995 г., 1997–2001 г.) и последний премьер-министр Аписит Ветчачива занимал пост 1 срок (2008–2011 г.).

8 Thanasatit Uraiwan, Political culture of democracy // Journal of Phra Poklao Insitute, 3/2552. — Bangkok, 2009. — P. 49–75.

9 Likhit Theravekin, Politics and Governments in Thailand. — Bangkok, 2010.

10 Vongsuravat Kovit, Theory of Political Science. — Bangkok: East, 2011. — P. 118.

11 Jernsitprasert Kittisak, Thai Political Party: A Result of the Thai Political Culture // J. of SocSci& Hum. — 34 (2), 2008. — P. 74.

12 Buachum Singthong, Dissolution of political Parties, The Best Center Intergroup. — Bangkok, 2009.

13 Why are slogans important [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oknation.net/blog/print.php?id=152186>.

14 Tabutta Pichet, Ideology or dream, think before you choose it, Matchon daily, 7 November 2007.

15 Jernsitprasert Kittisak, Thai Political Party: A Result of the Thai Political Culture // J. of SocSci& Hum. 2008. — 34 (2). — P. 75.

16 Masminchainara Pitaya, Thai political Party: benefits on ideology // Thaksin University Journals 4th, January–June 2005. — P. 35.

кандидатами людей, имеющих связи или влияние на местах, для того чтобы увеличить шансы партии на победу на выборах. Это замедляет развитие политической системы страны, поскольку возникает нехватка действительно знающих и способных людей для дела дальнейшего развития страны. Кроме этого, политические партии Таиланда не относятся серьезно к отбору членов своих партий на основе моральных и этических критериев, определяющих поведение партии и ее политических деятелей.

Поскольку, следуя традициям политкультуры и характеристикам политических партий, прежде всего, тайландцы обращают внимание на личность, а не на программу партии, что, в свою очередь, повышает значение главы партии. Можно сказать даже, что избиратели выбирают главу партии, а не ее членов¹⁷. Это не вяжется с принципами объединения в политическую партию, гласящими, что партия — это объединение людей с похожими взглядами на политику, экономику и состояние общества, создающих партию с целью победы на выборах и формирования правительства для управления страной¹⁸.

Обычно лидер политической партии, набравшей большинство голосов избирателей, становится премьер-министром. В политической истории Таиланда очень мало случаев, когда пост премьер-министра занимали не лидеры партий. Например, премьер-министр Таиланда Йинглак Чинават была одним из членов исполкома партии «Пья тай». Кроме того, политическим партиям Таиланда свойственна централизация власти в руках исполнительного комитета, перераспределение власти в пользу регионов отсутствует, хотя на местах и существуют отделения партий, но они не обладают структурой и механизмами, способствующими их эффективной работе. Иными словами, все управление партиями сосредоточено в руках исполкомов. В результате члены партии и общественность не принимают участия в делах партии и не могут выразить своих политических взглядов.

Кроме характерных особенностей тайландских политических партий, немаловажным фактором, препятствующим их развитию и укреплению, является особенность их роспуска¹⁹. К особенностям прекращения существования политических партий Таиланда можно отнести следующие: прекращение существования политической партии согласно закону в результате государственного переворота, а также в результате внутривнутрипартийных игр.

Прекращение деятельности партий происходит в результате решения Конституционного суда о роспуске партии. Начиная с выборов 2006 и 2007 гг., было распущено 7 политических партий за нарушения Закона о выборах²⁰. Кроме того, партии утрачивают свой статус в результате государственного переворота. На сегодняшний день в Таиланде произошло 13 удавшихся государственных переворотов.

Ликвидация политической партии в результате внутривнутрипартийных противоречий является результатом отсутствия у пар-

тии четких идеалов и программ, такая партия, одержав победу, не способна выполнить взятых на себя обязательств. Многие политические партии создаются с целью поддержать того или иного политического лидера в интересах определенной политической группы, после ухода с политической сцены такого политика, неважно по каким причинам, партия теряет свое назначение и утрачивает статус политической партии. Кроме того, в политической партии могут возникнуть противоречия, согласно которым члены партии начинают внутривнутрипартийную борьбу за некогда общие интересы и выгоды, это, в конечном счете, приводит также к развалу политической партии.

Таким образом, можно сделать вывод, что характерной чертой большинства политических партий Таиланда является то, что они создаются отдельными людьми или группой лиц, имеющих схожие интересы, с целью осуществления политической деятельности во имя прихода к власти. Им не хватает политической институциональности, будь то партийные идеалы, структура или внутривнутрипартийные правила, соответствующие демократическим принципам. Кроме того, они подвержены влиянию политической культуры во всех ее проявлениях, будь то приверженность к патернализму или взгляды относительно классового деления общества. Это делает политические партии слабыми и не способствующими их дальнейшему развитию.

Несмотря на то, что участие граждан в политике является важным фактором укрепления демократии в стране, для прогрессивного развития политического процесса в Таиланде в условиях демократии совершенно необходимо развитие политических партий и превращение их в реальный и основной политический институт государства с эффективной системой управления. Как представляется, лучшим способом достижения этой цели является издание законов и принятие планов политического развития во имя непрерывного развития института политических партий. Относительно российской практики можно отметить, что теоретические и практические проблемы развития российской модели многопартийности рассматриваются, к примеру, в работах профессора Н. П. Медведева²¹.

Таким образом, исходя из общей картины развития политических партий Таиланда, можно отметить, что политическим партиям необходимо консолидировать свою институциональность, упрочить свое положение в качестве органа политической власти, усилить структурное единство внутривнутрипартийной власти, создать эффективную систему взаимодействия внутри правительства, наладить отношения между разнообразными группами интересов, развивать современные информационные системы, проводить в жизнь эффективную политику, приносящую конкретные результаты, обеспечить возможность решения важнейших проблем в целом для всей страны и, в частности, для отдельных групп населения, развивать человеческий потенциал страны, сформировать особый тип современного лидера страны, основывающегося на принципах демократии и, наконец, создать систему финансовой поддержки партий, как со стороны государства, так и со стороны частного сектора. Все это является необходимым для выживания и успешной деятельности политических партий Таиланда в будущем.

17 Suwanmala Jaras, Political culture and political development, Journal of Phra Poklaoln Sittitute 5th, September-December, 2007. — P. 83–106.

18 Puttahn Sittipan, Theory of political development. — Bangkok: Ramkhamheang Press, 1976. — P. 167.

19 Buachum Singthong, Dissolution of political Parties, The Best Center Intergroup, Bangkok, 2009.

20 В 2006 г. были распущены следующие партии: партия «Тай рак тай», партия Национальное развитие и Прогрессивная демократическая партия. В 2007 г. решением Конституционного суда распущены: партия «Сила народа», Демократическая партия срединного пути и партия «Чат Тай». См.: Sarukoshi Narongdech, Analysis of dissolution charges of Thai Political parties complying with clause 237 (2). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pub-law.net/publaw/view.aspx?id=1539>.

21 См., например: Медведев Н. П. Политический консенсус в условиях российского федерализма. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. — М., 2000; Медведев Н. П., Николаев К. В. Парламентско-правительственные кризисы в современной России. — М.: Издательский Дом МИСиС, 2014; Медведев Н. П. Современные проблемы становления российской модели многопартийности // Вопросы политологии. — 2012. — № 3.

Ямалова Э. Н.

ПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

В статье рассматриваются основные этапы становления партийной системы в постсоветской Эстонии и раскрываются основные характеристики партийной конкуренции. Специфика политической борьбы и партизация политического процесса рассматриваются как значимые факторы демократизации постсоветской Эстонии. Делается вывод, что кооптация оппозиционных элит на раннем этапе политической трансформации с одной стороны, и сохранение части экс-коммунистического истеблишмента у власти с другой, способствовали фрагментации партийной системы Эстонии, что минимизировало риски возвышения одного политического актора и установления им господства по модели «победитель получает все».

Ключевые слова: партии, конкуренция, партийная система, Эстония, постсоветское пространство, политические институты

Yamalova E. N.

PARTY COMPETITION IN THE POST-SOVIET ESTONIA

The article considers the main stages of the party system in the post-Soviet Estonia and reveals the basic characteristics of party competition. The specificity of political struggle and political process is seen as a significant factor in the democratization of post-Soviet Estonia. It is concluded that the co-optation of the opposition elites at an early stage of political transformation on the one hand, and the preservation of the former communist establishment in power on the other, have contributed to the fragmentation of the party system in Estonia that minimize the risk of elevation of one political actor and establish their domination on the model of «winner takes all».

Keywords: parties, competition, party system, Estonia, the post-Soviet space, political institutions.

Ямалова Э. Н.

Эстония относится к группе тех постсоветских стран, в которых по итогам выборов депутатов республиканского Верховного Совета 1990 г. коммунистические элиты потерпели поражение, и власть фактически перешла к оппозиции, выступающей за радикальный разрыв с СССР и советским наследием. Однако процесс замещения элит не был тотальным. Многие представители оппозиции были кооптированы во властные структуры еще в период перестройки, а представители элит советского периода удержали свои властные позиции. Так, хотя лидер оппозиционного Народного фронта Эстонии Э. Сависаар по итогам выборов 1990 г. возглавил правительство, пост председателя Верховного Совета сохранил за собой экс-коммунист А. Рюитель¹. В итоге властвующая элита Эстонии оказалась фрагментированной, что стимулировало дальнейшую конкуренцию между элитными сегментами.

Это также способствовало фрагментации партийной системы. Так, в борьбе за места в парламенте на выборах сентября 1992 г. участвовало 17 политических партий. Фрагментация элит, обусловленная спецификой исторического развития Эстонии, привела к тому, что политические партии складывались по сравнительно умеренным идеологическим расколам, представляя либерально-демократические, социал-демократические и христианско-демократические тренды. Выделялись также аграрные партии. Таким образом, спецификой идеологического поля Эстонии (в сравнении, например, с Россией) являлось то, что разногласия между партиями не носили радикального раскола на правых и левых. Большинство политических сил были едины в целях проведения либерально-рыночных реформ в экономике, изоляции от влияния советского наследия и интеграции в европейское сообщество.

Результаты выборов показали популярность в эстонском обществе правых сил. Из 17 партий пятипроцентный барьер, требуемый по законодательству для занятия мест в парламенте, удалось преодолеть семи. Консервативно-националистический альянс «Союз Отечества» получил большинство в парла-

менте, и его лидер Март Лаар стал премьер-министром. Было сформировано правительство на основе коалиции с Партией независимости Эстонии и Партией умеренных. В этом же году прямыми общенациональными выборами был избран первый президент Эстонии. Им стал писатель и бывший министр иностранных дел Леннарт Мери².

Новый премьер-министр предпринял радикальные кадровые перестановки в администрации, освобождаясь от старых аппаратчиков и привлекая молодых политиков к управлению. Правительство начало целенаправленную программу рыночно ориентированных экономических реформ, включая широко-масштабную приватизацию. К 1995 г. 80% государственных предприятий перешли в частную собственность. Радикальные реформы болезненно ударили по экономике и материальному положению населения. В течение 1992–1993 гг. ВВП резко снизился, но с 1994 г. экономический рост возобновился³.

Несмотря на эти успехи, экономические трудности переходного этапа, радикальная монетаристская экономическая политика правительства, сокращение социальных расходов и жесткая позиция М. Лаара по вопросу о гражданстве русскоязычного населения к середине 1994 г. снизили его рейтинг среди населения до 5%. К этому добавились распространяющиеся в СМИ скандальные данные о причастности М. Лаара и членов его правительства к закупке на 50 млн долларов оружия в Израиле и продаже Чечне российских рублей, оставшихся в Эстонии после проведения денежной реформы. Все это легло в основу вотума недоверия, за который парламент проголосовал в сентябре 1994 г. и премьер-министр был отстранен от власти.

Пост главы правительства с октября 1994 г. до следующих парламентских выборов марта 1995 г. занимал министр экологии Андрус Таранд. Его политика в целом была в русле прежнего кабинета министров, направленная на дальнейшую либерализацию экономики и прекращение государственного субсидирования нерентабельных предприятий и банков. В об-

1 Гилев А. В. Динамика трансформаций на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе: устойчивость и предпосылки многообразия политических режимов: Дисс. ... канд. полит. наук. — СПб., 2010. — С. 115.

2 Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / Сост. А. А. Танин-Львов. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 116.

3 Путь в Европу / Под. общ. ред. И. М. Клямкина и Л. Ф. Шевцовой. — М.: Новое издательство, 2008. — С. 167.

ласти внешней политики правительство продолжило курс на интеграцию Эстонии в европейские структуры и развитие связей с государствами Балтии.

Парламентские выборы 1995 г. обернулись сокрушительным поражением «Союза Отечества», получившего всего 8% голосов, и победой левоцентристских Коалиционной партии и Союза сельских жителей под руководством соответственно Тита Вяхи и Арнольда Рютеля. Пятипроцентный барьер вновь удалось преодолеть семи партиям.

В апреле 1995 г. Т. Вяхи стал премьер-министром и сформировал новое коалиционное правительство на основе Коалиционной партии, Союза аграриев и Центристской партии Эстонии. Многими приход к власти Т. Вяхи — хозяйственника и бывшего директора крупного предприятия коммунистического периода — воспринимался как реванш социалистических сил. Ожидалось, что правительство будет проводить экономическую программу «социального рынка», с уклоном в сторону аграрного сектора и пророссийской внешней политикой. Однако эти ожидания были опровергнуты с самого начала словами самого Т. Вяхи, который отклонил утверждения о том, что его приход к власти означает «победу левых и возврат прежних коммунистов», добавив, что этого добра в его союзе не больше, чем в других организациях. Премьер отметил, что готов сотрудничать с политическими силами разного толка, в том числе с правыми⁴.

Правящая коалиция продолжила политику либерализации экономики и интеграции с западноевропейскими странами, подписав соглашение о торговле и взаимодействии с Европейским союзом в октябре 1995 г.⁵

Правительство Т. Вяхи было у власти два года. Доверие к нему стало падать, начиная с политического скандала, разразившегося в сентябре 1995 г. после того, как полиция безопасности провела обыск в частном детективном бюро SIA и нашла записи телефонных разговоров ряда ведущих политических деятелей страны. Это были аудиокассеты с записями разговоров премьер-министра Т. Вяхи, министра внутренних дел Э. Сависаара, лидера ведущей оппозиционной Партии реформ, депутата парламента С. Калласа и некоторых других политиков. Во время обыска были обнаружены также документы, свидетельствующие о проведении несанкционированной слежки за людьми. Ситуацию попытались спасти. Ответственность за «пленочный скандал» взяла на себя помощник министра внутренних дел В. Лаанару. Она заявила, что сама по собственной инициативе вела незаконное прослушивание и запись переговоров ведущих политиков. Тем не менее защитить министра не удалось, как и спасти правительство, которое развалилось в октябре 1995 г.

Месяц спустя была создана новая центристская коалиция с Эстонской партией реформ (ЭПР) и Эстонским народным сельским союзом (ЭНСС) под управлением Т. Вяхи. Однако в ноябре 1996 г. правящая коалиция развалилась, когда шесть министров из ЭПР подали в отставку в знак протеста против местного соглашения о взаимодействии, подписанного Коалиционной партией и оппозиционной Партией центристов. Премьер-министр Т. Вяхи попытался сохранить за собой должность, возглавляя правительство меньшинства, которое имело минимальную поддержку в парламенте. В конечном счете он ушел в отставку в конце февраля 1997 г., хотя и преодолел незначительным большинством вотум недоверия, инициированный оппозицией.

В сентябре 1996 г. Л. Мери был переизбран на пост президента коллегией выборщиков, преодолев сильное сопротивление А. Рютцеля из ЭНСС.

Новое правительство возглавил парламентский лидер Коалиционной партии Март Сиимаан. Не имея значительной поддержки в парламенте среди партий, но поддерживаемый независимыми депутатами, новый премьер, казалось, не сможет долго удержаться у власти. Однако политическое лавирование и умение идти на компромиссы со своими политическими оппонентами позволили правительству М. Сиимаана продержаться вплоть до следующих парламентских выборов, которые состоялись в марте 1999 г.

К этому времени экономика Эстонии стала одной из самых сильных в Центральной Европе. Начались переговоры с Европейской комиссией о полноправном членстве в Европейском союзе. Эстония стала кандидатом в члены ЕС еще в июле 1995 г. Действительный рост ВВП составлял в среднем 4% в год. Уровень инфляции, который превышал 1000% в 1992 г., к 1997 г. снизился до 11%. С момента обретения независимости к 1998 г. в страну поступило 700 млн долларов иностранных инвестиций. Экономические связи в значительной степени были переориентированы на Запад. Основными торговыми партнерами стали такие страны, как Финляндия, Швеция и Германия. Экономические связи с Россией хоть и сокращались, тем не менее, оставались значительными, особенно в аграрном секторе. Это стало очевидно в 1998 г., когда финансовый кризис в России принес ощутимые убытки эстонским аграриям, продажи которых своей продукции в Россию сократились до 50%⁶.

Экономические трудности 1998 г. существенно снизили рейтинг левоцентристского правящего правительства, поэтому электоральные предпочтения эстонцев к 1999 г. стали вновь смещаться в пользу правых политических сил. Это убедительно показали результаты общенациональных парламентских выборов, по итогам которых Коалиционная партия во главе с М. Сиимааном потерпела поражение.

По итогам голосования было основано новое трехпартийное правоцентристское коалиционное правительство, включающее «Союз Отечества», Эстонскую партию реформ и Партию умеренных, при этом М. Лаар из «Союза Отечества» снова стал премьер-министром.

Новое правительство продолжило политику либерализации экономики, добившись оздоровления и роста основных экономических отраслей. Как и прежде активно решались вопросы по европейской интеграции. В ноябре 2001 г. был опубликован отчет Еврокомиссии о готовности Эстонии к вступлению в Европейский союз. Отчет констатировал, что страна вышла на финишную прямую. Эстония закрыла 24 темы из 31, а это значило, что страна вошла в число лидеров переговорного процесса о вступлении в Европейский союз⁷.

Анализ трех электоральных циклов позволяет сделать следующие основные выводы о специфике политического транзита и факторов, обуславливающих вектор развития в сторону демократизации Эстонии.

1. Кооптация оппозиционных элит на раннем этапе политической трансформации с одной стороны, и сохранение части экс-коммунистического истеблишмента у власти с другой, способствовали фрагментации партийной системы Эстонии, что минимизировало риски возвышения одного политического актора и установления им господства по модели «победитель получает все».

2. В тоже время сегменты элит не являлись настолько поляризованными и расколотыми по идеологическим основаниям, чтобы применять радикальные стратегии подавления. Это увеличивало роль коалиционной политики, которая требова-

4 Grzymala-Busse A. The Discreet Charm of Formal Institutions: Postcommunist Party Competition and State Oversight // Comparative Political Studies. — 2006. — Vol. 39. — № 3. — P. 271–300.

5 Путь в Европу / Под. общ. ред. И. М. Клямкина и Л. Ф. Шевцовой. — М.: Новое издательство, 2008. — С. 177.

6 McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // World Politics. — 2002. — Vol. 54. — № 2. — P. 212–244.

7 Lauristin M., Vihalemm P. The Political Agenda During Different Periods of Estonian Transformation: External and Internal Factors // Journal of Baltic Studies. — 2009. — Vol. 40. — № 1. — P. 1–28.

ла опоры на формальные институты и публичные правила игры.

3. В свою очередь, опора на формальные институты в условиях высокой политической конкуренции приводила к необходимости политикам искать опору в институциональных организациях в виде политических партий. Следствием этого являлась стремительная «партизация» политического процесса, что сокращало автономию элит от электората и минимизировало роль отдельных харизматических политиков. Итогом политической трансформации стало возвышение партий как главных политических игроков и минимизация роли харизматических политиков.

4. Роль формальных институтов оказалась защищена на основе конституционных ограничений, утвердивших парламентскую форму правления. Сравнительно слабый политический вес во властной иерархии президентского института существенно ограничил персонализм в политике и создал максимальные стимулы для интеграции политических акторов в политический процесс через партийные институты, а не через выстраивание личных репутаций на основе патронажа, клановых связей или олигархических финансово-промышленных интересов.

Вся совокупность этих факторов, которые существенно отличали Эстонию от других постсоветских стран вне балтийского региона, оказались крайне важными в успехе демо-

кратизации политической системы Эстонии и ее успешной интеграции в европейское политическое сообщество.

Пристатейный библиографический список

1. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / Сост. А. А. Танин-Львов. — М.: РОССПЭН, 2001.
2. Гилев А. В. Динамика трансформаций на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе: устойчивость и предпосылки многообразия политических режимов: Дисс. ... канд. полит. наук. — СПб., 2010.
3. Путь в Европу / Под. общ. ред. И. М. Клямкина и Л. Ф. Шевцовой. — М.: Новое издательство, 2008.
4. Grzymala-Busse A. The Discreet Charm of Formal Institutions: Postcommunist Party Competition and State Oversight // Comparative Political Studies. — 2006. — Vol. 39. — № 3.
5. Lauristin M., Vihalemm P. The Political Agenda During Different Periods of Estonian Transformation: External and Internal Factors // Journal of Baltic Studies. — 2009. — Vol. 40. — № 1.
6. McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // World Politics. — 2002. — Vol. 54. — № 2.

Российский университет дружбы народов

Кафедра международного права

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

11 апреля 2015 Москва, Россия

Peoples' Friendship University of Russia

Department of International Law

International Congress in Honour

of Professor I. Blischenko

April 11, 2015 Moscow, Russia

www.intlaw-rudn.com/blischenko

Бондаренко В. Н. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТАФИЗИКИ И ПРАВА (СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ)*

В статье рассматриваются по преимуществу те содержательно-логические формы взаимодействия философской метафизики и права, которые в границах линейно-нелинейной логики следуют за парадигмой и синтагмой: научно-исследовательская программа и философская тема, познается специфика их взаимосвязи в современной философии и правоведении.

Ключевые слова: философская метафизика, право, формы взаимодействия философской метафизики и права, научно-исследовательская программа, философская тема.

Bondarenko V. N. THE INTERACTION OF PHILOSOPHICAL METAPHYSICS AND LAW (ARTICLE THREE)*

The article covers mainly the content and logical forms of philosophical metaphysics and law interaction which within the boundaries of the linear-nonlinear logic follow the paradigm and syntagm: research program and philosophical theme, the specifics of their relationship in contemporary philosophy and jurisprudence is considered.

Keywords: philosophical metaphysics, law, forms of interaction of philosophical metaphysics and law, research programme, philosophical theme.

Бондаренко В. Н.

Парадигма и синтагма, как содержательно-логические формы взаимодействия философской метафизики и права, преодолеваются (снимаются) в научно-исследовательской программе и философской теме, которые являются дальнейшими линейно-нелинейными формами развития взаимосвязи философии и правоведения в рассматриваемом контексте, подготавливая собственный переход в идею, как в главный синтез всех логических форм отношений между философской метафизикой и правом. Вместе с тем научно-исследовательская программа и философская тема, являясь новыми логическими ступенями метатеоретического уровня отмеченного взаимодействия, выступают в качестве параллельных и взаимосвязанных, имеющих как общие, так и отличительные признаки.

Понятие «научно-исследовательская программа» широко использовал в своих произведениях венгерско-британский философ и ученый И. Лакатос. Не применяя понятие «метатеоретический уровень науки», он фактически вел речь о его методологических аспектах. Свою методологию научно-исследовательских программ И. Лакатос первоначально противопоставлял различным видам фальсификационизма (догматическому, методологическому и утонченному)¹, а в дальнейшем ее конкурирующим методологическим концепциям — индуктивизму, конвенционализму и методологическому фальсификационизму². Вместе с тем собственную методологию он разграничивал и с парадигматическим подходом Т. Куна. По существу, И. Лакатос ставил проблему преодоления (снятия) куновской парадигмы в своей науч-

но-исследовательской программе. Об этом свидетельствует ряд моментов в его взглядах на парадигматический подход Т. Куна.

Одним из данных моментов является связь между структурой куновской парадигмы (дисциплинарной матрицы) и структурой лакатовской научно-исследовательской программы. Конечно, их компоненты в определенной мере различаются, но между ними явно есть не только различия, но и общее: положительное отношение к метафизике. Выделяя в структуре научно-исследовательской программы твердое ядро, отрицательную и положительную эвристику, защитный пояс, И. Лакатос следующим образом определял главное во взаимосвязи этих элементов: «Если отрицательная эвристика определяет «твердое ядро» программы, которое, по решению ее сторонников, полагается «неопровержимым», то положительная эвристика складывается из ряда доводов, более или менее ясных, и предположений, более или менее вероятных, направленных на то, чтобы изменить и развивать «опровержимые варианты» исследовательской программы, как модифицировать, уточнять «опровержимый» защитный пояс»³. Не случайно Т. Кун видел определенное сходство между своим парадигматическим подходом и лакатовской методологией научно-исследовательских программ⁴.

Другим из отмеченных моментов стремления И. Лакатоса преодолеть (снять) парадигму в научно-исследовательской программе является его сравнение куновской «нормальной науки» с собственным определением указанной программы относительно научной теории. Как и Т. Кун, он вел речь о включении различных теорий, но только не в господствующую парадигму, а в доминирующую или конкурирующие научно-исследовательские программы, однако имея в виду не просто процесс изменения научного знания, а соотношение в нем прогрессивных и регрессивных сдвигов проблем, обвиняя своего научного

* Первые статьи автора по этой теме см.: Бондаренко В. Н. О взаимодействии философской метафизики и права (статья первая) // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1 (80). — С. 216–219; Бондаренко В. Н. О взаимодействии философской метафизики и права (статья вторая) // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2 (81). — С. 218–220.

1 Лакатос Имре. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 276–321.

2 См.: Лакатос Имре. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 459–470.

3 Лакатос Имре. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 326.

4 См.: Кун Т. Замечания на статью И. Лакатоса // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 580–581.

противника в иррационализме, мистицизме и психологизме с позиции последовательного рационализма⁵.

Третьим моментом взаимосвязи куновской парадигмы и лакатовской научно-исследовательской программы выступает отношение Т. Куна и И. Лакатоса к научной революции. Если первый из них трактовал ее как процесс смены господствующей парадигмы, то второй — как прогрессивное вытеснение одной научно-исследовательской программы другой⁶.

Рассмотренное лакатовское соотношение теории, парадигмы и научно-исследовательской программы можно, но, конечно, с определенными уточнениями, использовать в понимании значимости отмеченной программы во взаимодействии философской метафизики и права в современную эпоху. В этом взаимодействии проявляются различные философские и правовые теории, парадигмы и научно-исследовательские программы, среди них, прежде всего, нужно выделить собственно научные (их крайней формой выступают сциентистские), и ненаучные, в том числе и антисциентистские, которые весьма своеобразно сочетаются между собой. Вместе с тем целесообразно вести речь о философских и правоведческих парадигмах объективности, субъективности и интерсубъективности, о классических, неклассических и постнеклассических теориях и научно-исследовательских программах, присущих философской метафизике и праву, их взаимосвязи. Преодоление (снятие) и применение разных теорий и парадигм во взаимодействии философской метафизики и правоведения на уровне философских и правовых научно-исследовательских программ прослеживаются и в дискуссиях между сторонниками международного и государственного права, в воздействии на них различных политических и идеологических сил и факторов, в процессах влияния философии и права на правовую деятельность людей с целью ее совершенствования.

В то же время в постструктуралистских и постмодернистских философских и правовых тенденциях проявляется стремление ограничить процесс негативного отношения к синтагме с позиции рационального утверждения научно-философских и научно-исследовательских программ во взаимодействии философской метафизики и права. В определенной мере эта тенденция демонстрирует себя в другой логической линейно-нелинейной ступени, которую можно обозначить философской темой.

В контексте данной статьи понятие «философская тема» можно в некотором смысле соотносить с понятием «тема науки», которое широко используется в искусствоведении, антропологии, в философии и истории науки, особенно в произведениях немецко-американского исследователя Джеральда Холтона, который связывал научную тему по преимуществу с тематическим анализом, называя его впоследствии генетическим. Протестуя против линейного понимания науки, он трактовал тему науки в качестве целостного и редкого события, как «гиперабстракцию», свидетельствующую о многоуровневом, трансдисциплинарном подходе в исследовании научного знания. Главное содержание тематического анализа Дж. Холтон усматривал в познании деталей творческой деятельности ученого; в характеристике научного знания как возникающего на стыке индивидуальных, личных усилий исследователя, его «публичных» знаний, разделяемых представителями научного

общества, к которому он принадлежит в рамках определенного социально-культурного контекста времени; в постижении личных глубинных установок ученого, посредством которых направляется его творческое воображение к определенной теме (или темам); в практических последствиях деятельности ученого для дальнейшего развития философии и истории науки. Вслед за Ф. Ницше и К. Юнгом американский исследователь особое внимание обращал на значимость индивидуальной познавательной деятельности в философии и науке, хотя при этом полагал необходимость появления специальных тематических понятий, методологических тем и тематических утверждений (тематических гипотез). При этом Дж. Холтон призывал ученых не абсолютизировать тематический анализ, протестовал против его отождествления с метафизическими концепциями, юнговскими архетипами, с парадигмами, мировоззрениями, допуская возможность наличия некоторых тематических элементов в парадигмах и мировоззрениях, но отрицая реальность их сочетания с темой науки. Весьма резко он высказывался о различных спекулятивных «рациональных реконструкциях»⁷.

Вполне понятно, что тематический анализ Дж. Холтона, с определенными уточнениями, можно использовать в философском, методологическом и историческом исследовании науки, в том числе и в постижении правоведения. Однако его нельзя, в границах данной статьи, отождествить с философской темой, так как между темой науки и философской темой существуют существенные различия в понимании взаимодействия современной философской метафизики и права.

Первое такое различие заключается в определении общей логики движения отмеченного взаимодействия, о чем шла речь в предыдущих статьях автора. В соответствии с данной логикой философская тема и научно-исследовательская программа замыкают линейно-нелинейные ступени взаимодействия философской метафизики и правоведения в рамках метатеоретического уровня взаимосвязи философии и права.

Второе различие между темой науки и философской темой проявляется в отношении к философской метафизике: в теме науки оно является в принципе отрицательным, а в философской теме — по преимуществу положительным. Это связано с разным постижением сути метафизики вообще и ее основных стадий развития, с пониманием ответа на вопрос о конце философской метафизики. Фактически, хотя и в неосознанном виде, в тематическом анализе Дж. Холтона прослеживается одна из форм метафизики индивидуальности, а в философской теме — метафизики конкретного всеобщего в контексте взаимосвязи общего, особенного, единичного (в том числе и индивидуального) в ней, в процессе взаимодействия метафизики бытия, метафизики познания и метафизики ценности.

Третье из рассматриваемых различий демонстрирует себя в трактовке значимости существующих мировоззрений в качестве детерминации как философии, так и науки в целом, права как науки. В тематическом анализе в основном имеется в виду научное мировоззрение и его связь с темой науки. В философской теме выделяются шесть типов мировоззрения: художественно-образное, мифологическое, религиозное, мистическое, научное и философское. Поэтому и философская метафизика рассматривается по преимуществу как одна из форм метафизического постижения человека, мира и Абсолюта. Естественно, что есть различные способы развития и самой философской темы. Но их характеристика выходит за пределы данного исследования.

Четвертое различие между темой науки и философской темой проявляется в их отношении к взаимодействию философской и духовной психологии (в том числе и юнговских архетипов) с философской метафизикой, наукой, правоведением,

5 См.: Лакатос Имре. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 274–275; Лакатос Имре. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 470, 471 и др.

6 См.: Лакатос Имре. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 470.

7 См.: Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. А. Л. Вликович, В. С. Кирсанов, А. Е. Левин. — М.: Прогресс, 1981. — С. 7–8; 19–28; 39–43 и др.

выступающим в качестве науки. В философской теме идет речь о плодотворности и перспективности отмеченного взаимодействия, в тематическом анализе Дж. Холтона в основном прослеживается (на примере юнговских архетипов) отрицательное отношение к такой взаимосвязи.

Пятое из рассматриваемых различий можно обозначить как собственно методологическое, а именно: тема науки базируется главным образом на анализе, в философской теме речь идет о взаимодействии общеполитических методов (метафизического, диалектического, рефлексивного, трансцендентального, герменевтического, феноменологического и синергетического) по преимуществу с такими общенаучными методами, как дедукция, индукция, традиция, синтез и анализ.

Шестое различие между темой науки и философской темой заключается в отношении к парадигме (парадигмам). В тематическом анализе Дж. Холтона допускается возможность некоторых тематических элементов в парадигматическом подходе, но отрицается продуктивность их взаимосвязи с темой науки. В философской теме парадигма (в том числе и дисциплинарная матрица) трактуется в качестве одной из существенных содержательно-логических (линейно-нелинейных) ступеней во взаимодействии философской метафизики и права. При этом выявляются различия между философской темой и научно-исследовательской программой в их отношении к парадигме (дисциплинарной матрице). Конфликт между парадигматическим подходом Т. Куна и методологией научно-исследовательских программ И. Лакатоса видится не только в противоречиях между куновским иррационализмом и последовательным лакатовским рационализмом. Он усматривается и в разном понимании этими авторами становления новой формы научной рациональности, в расхождении ценностного (у Т. Куна) и смыслового (у И. Лакатоса) отношения к осознанию научного знания и сущности научной революции.

Седьмое из отмеченных различий прослеживается в постижении значимости синтагмы. Являясь одним из представителей постпозитивистской традиции в истории, философии и методологии науки, Дж. Холтон не выражал в открытой форме свое отношение к синтагматическому подходу. Можно сказать, что он относился к нему пассивно-нейтрально. В философской теме синтагма характеризуется в качестве важной логической линейно-нелинейной ступени, присущей взаимодействию философской метафизики и права в современных условиях. Однако при этом в ней говорится о необходимости преодоления (снятия) синтагматического подхода в философской теме. К признакам такого снятия можно отнести: 1) переход от проблем «смерти автора», «смерти субъекта» к признанию вечной ценности индивидуальности, как непреходящей формы конкретного всеобщего; 2) понимание деконструкции не только как изменения смысла понятий, своеобразного их уравнивания с образами, символами, метафорами, но и как перехода от всех этих видов языка к языку идеи (идей), а тем самым и как преодоления различных симулякров; 3) трактовка лакун в качестве разрывов как внутри метафизики бытия, метафизики познания, метафизики ценности, так и в отношении между данными разновидностями метафизики; 4) переход от трансгрессии к положению о взаимодействии имманентного и трансцендентного миров, к конкретной возможности бесконечного постижения трансцендентного, а не только имманентного, в этом взаимодействии.

Восьмое различие между темой науки и философской темой проявляется в расхождении их оценок места и роли научно-исследовательской программы во взаимосвязи философской метафизики и права. В тематическом анализе Дж. Холтона, где и сциентизм рассматривается как один из феноменов антинауки, проявляется в целом отрицательное отношение к методологии научно-исследовательских

программ И. Лакатоса, отвергается плодотворность лакатовских «рациональных реконструкций» истории науки. В философской теме научно-исследовательская программа характеризуется в качестве параллельной ей и взаимосвязанной с ней логической линейно-нелинейной содержательной ступени в постижении взаимодействия философской метафизики и права. В то же время в философской теме идет речь о различиях между ней и данной программой. Среди этих различий целесообразно выделить: 1) в философской теме говорится о взаимосвязи рационализма и иррационализма в философии и правоведении, в отношениях между ними; 2) в ней идет речь о дополнении метафизики познания метафизикой бытия и метафизикой ценности в них; 3) главным основанием философской темы выступают не материалистические и идеалистические, а нейтральные философские традиции и тенденции, что видно во взаимосвязи философии и права; 4) в философской теме парадигмы объективности, субъективности и интерсубъективности трактуются как снятые, взаимосвязанные моменты ее методологии, применяемой в философской метафизике и в праве, в отношениях между ними; 5) в ней применяется понятие «философская революция», которая рассматривается не как процесс смены доминирующей парадигмы или научно-исследовательской программы, а как процесс смены господствующей философской темы, которая, в свою очередь, обусловлена в решающей мере переходом к доминированию нового типа мировоззрения, что явно прослеживается во взаимодействии философской метафизики и права; 6) в философской теме рассматривается взаимосвязь разных форм человеческого опыта: телесного, умственного, душевного и духовного, которые весьма своеобразно проявляют себя в современных процессах взаимосвязи философской метафизики и правоведения; 7) в ней ставится проблема того, что человеческая логика не обосновывается логическим путем, так как имеет собственные границы, что прослеживается и в отношениях между философской метафизикой и правом.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что научно-исследовательская программа и философская тема, являясь параллельными и взаимосвязанными формами линейно-нелинейной логики взаимодействия философской метафизики и правоведения, имея общие и отличительные черты, ведут себя к самоотрицанию и самоснятию в силу собственных содержательно-логических границ. Это определяет их дальнейшее преодоление (снятие) в идее (в идеях). Однако данный процесс будет рассмотрен в следующей статье автора.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко В. Н. О взаимодействии философской метафизики и права (статья первая) // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1 (80).
2. Бондаренко В. Н. О взаимодействии философской метафизики и права (статья вторая) // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2 (81).
3. Кун Т. Замечания на статью И. Лакатоса // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
4. Лакатос Имре. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
5. Лакатос Имре. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
6. Холтон Дж. Тематический анализ науки. — М.: Прогресс, 1981.

Профессору Григорию Ефимовичу Быстрову — 75 лет

К юбилею доктора юридических наук, профессора, Академика РАН, президента Национальной ассоциации аграрного права, природоресурсного и экологического права, вице-президента Европейского комитета аграрного права Г. Е. Быстрова.

To the 75th anniversary of professor Grigory Efimovich Bystrov

To the jubilee of doctor of legal sciences, professor, academician of the Russian academy of natural sciences, president of the National Association of Agricultural, Natural Resources and Ecological Laws vice-president of the European Committee of Agricultural Law G. E. Bystrov

Со знаменательной юбилейной датой — 75-летием — Юридический институт Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ) сердечно поздравляет доктора юридических наук, профессора Григория Ефимовича Быстрова.

Крупнейший российский исследователь, специалист высочайшего класса, в плеяде выдающихся российских ученых-аграрников, Г. Е. Быстров, по праву занимает своё особое и видное место. Выпускник Ленинградского университета, следователь прокуратуры Калининградской области, аспирант, а затем доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Президент Национальной ассоциации аграрного, природоресурсного и экологического права, Вице-Президент Европейского Комитета аграрного права. Многоуважаемый наш коллега и учитель Григорий Ефимович Быстров прошел яркий юридический, педагогический и научный путь, подтверждением чему также служит защита им кандидатской и докторской диссертаций. Автор многочисленных исследовательских трудов, общим объемом более 460 п. л., среди которых, в том числе, фундаментальные монографии, солиднейшие статьи, актуальнейшие рецензии и отзывы. Под его научным руководством изданы прекрасные учебники и учебные пособия, высококачественные комментарии, защищены 4 докторские и 18 кандидатских диссертаций, написаны магистерские и дипломные работы. Руководитель кафедр в Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина и Российском государственном аграрном университете имени К. А. Тимирязева, к тому же, активнейший участник подготовки проекта Основ законодательства Союза ССР и союз-

ных республик о земле, Закона «О кооперации», Земельного Кодекса РФ, Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и других важнейших законодательных актов, создавших правовую основу для осуществления в России земельной и аграрной реформы. Благодаря Григорию Ефимовичу Быстрову обобщен правовой опыт осуществления земельной и аграрной реформ в странах Восточной Европы, Азии и Латинской Америки. Несомненные заслуги исследователя признаны и мировым сообществом ученых, о чем свидетельствует избрание Юбиляра в престижнейшие научные организации и общества: академик Международной академии информатизации; академик Российской академии естественных наук, вице-президент Европейского комитета аграрного права; академик Международной академии информационных процессов и технологий. Известна также его блестящая адвокатская деятельность, как члена Международной коллегии адвокатов, Московской областной коллегии адвокатов, консультанта и арбитра Brunswick Chambers Barristers.

Поздравляем Григория Ефимовича Быстрова с 75-летним Юбилеем, желаем ему здоровья, дальнейших творческих успехов и побед!

*От имени друзей и коллег юбиляра:
Ивакин Виктор Иванович — кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории права и природоресурсное право
Юридического института Московского государственного
университета путей сообщения (МИИТ),
Директорат, профессорско-преподавательский состав, студенты,
магистры и аспиранты Юридического института Московского
государственного университета путей сообщения (МИИТ).*

Быстров Г. Е.

ВОСПОМИНАНИЯ Г. Е. БЫСТРОВА – СТУДЕНТА И АСПИРАНТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, СЛЕДОВАТЕЛЯ, ПОМОЩНИКА ПРОКУРОРА ГУСЕВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1957–1969 ГГ.) РОССИИ.

Bystrov G. E.

MEMORIES OF G. E. BYSTROV – A STUDENT AND A POSTGRADUATE STUDENT OF THE LENINGRAD STATE UNIVERSITY, INVESTIGATOR, ASSISTANT ATTORNEY OF GUS CITY PROSECUTOR'S OFFICE OF THE KALININGRAD REGION (1957–1969 YEARS) OF RUSSIA.

Быстров Г. Е.

Я закончил юридический факультет Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета, который был создан в 1724 году по Указу Петра Великого. В его стенах учились три премьер-министра, два президента, десятки тех, кто занимает в современной России высокие государственные посты. Здесь учились ранее Рерих, Дягилев, Блок, Гумилев, Стравинский, Зощенко, Бенуа. Позже в 20-х годах XX века юридический факультет прекратил свое существование. Диктатуре пролетариата выпускники юридического факультета, известного своим вольнодумством, оказались не нужны. Возродился юридический факультет в конце Великой Отечественной войны.

В 50-х годах XX века на юридическом факультете ЛГУ им. А. А. Жданова работали люди, ставшие ныне легендами. Именно они, пройдя страшную войну и блокаду, выучившись самостоятельно, воспитывали тех, кто ныне руководит Россией. Без преувеличения можно говорить о крупной школе в советском и российском правоведе, базисом которой являлись научные труды таких видных ученых, как академик А. В. Венедиктов, профессора Н. С. Алексеев, Г. Д. Гальперин, В. М. Догатов, А. М. Калададзе, А. И. Королев, Ф. М. Левиант, Л. А. Николаева, Г. И. Петров, Н. В. Рабинович, Н. А. Райгородский, Д. М. Чечот, Н. А. Чечина, Б. Б. Черепяхин, М. Д. Шаргородский, Л. С. Явич.

На научные конференции в Ленинградский университет приезжали профессора из Москвы, Киева, Харькова, Свердловска. Студенты и аспиранты слушали доклады таких видных московских, свердловских, киевских, харьковских ученых, как Г. А. Аксененок, С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, Д. М. Генкин, М. И. Козырь, О. А. Красавчиков, Г. К. Матвеев, Е. П. Орловский, И. В. Павлов, А. И. Пергамент, В. А. Рясенцев, Е. А. Флейшиц, В. З. Янук.

Будучи студентом, Г. Е. Быстров активно занимался в научном кружке по кафедре государственного и административного права. Был командирован неоднократно на студенческие научные конференции в Киевский и Тбилисский государственные университеты. Его доклад «Конституционно-правовой строй Индонезии» был удостоен в 1960 и 1961 годах Почетными грамотами Ректората Киевского и Тбилисского государственных университетов. На эту же тему «Конституционно-правовой строй Индонезии» защитил в 1962 году дипломную работу, подготовленную на кафедре государственного и административного права под научным руководством профессора Софьи Ильиничны Русиновой и был рекомендован в аспирантуру этой кафедры.

На комиссии по распределению, членами которой были представители Генеральной прокуратуры Союза ССР, Верховного Суда Союза ССР, Министерства внутренних дел Союза ССР, Министерства юстиции Союза ССР, Григорий Быстров категорически отказался от предложения обучаться в аспиран-

туре. Его больше привлекала работа в прокуратуре с многоплановым характером юридической деятельности. На заседании комиссии представитель Генеральной прокуратуры поддержал просьбу Григория Быстрова, окончившего университет с отличием, и он был направлен по распределению в прокуратуру Калининградской области.

В августе 1962 г. Г. Е. Быстров, как молодой специалист, был принят на работу стажером Гусевской городской прокуратуры, в марте 1963 г. назначен следователем Гусевской городской прокуратуры, которая располагалась в городе Гусеве на ул. Московская д. 45 в трехэтажном здании. На первых двух этажах этого здания был городской отдел милиции, на третьем и четвертом этажах — прокуратура. Ранее до 1945 года в этом здании размещались прокурор и полиция города Гумбиннга, который был столицей Пруссии до Кенигсберга. После создания Нестеровской межрайонной прокуратуры был переведен на должность помощника межрайонного прокурора.

Прокурором Калининградской области в это время работал Василий Николаевич Петухов, обладавший высочайшим авторитетом Государственного советника юстиции III класса и удостоенный 12 государственных наград, в том числе двух орденов Трудового Красного знамени и ордена знак «Почета».

Этот легендарный человек в истории прокуратуры Советского Союза и России предпринял много усилий для укрупнения правоохранительных органов области высококвалифицированными кадрами. Он оказывал большую помощь молодым специалистам в формировании деловых качеств, необходимых для работы в правоохранительных органах в борьбе с преступностью, при осуществлении надзора за соблюдением союзного и российского законодательства, иных функций, установленных союзным законодательством. Успешная работа Г. Е. Быстрова по осуществлению надзора за законностью отмечались приказами Прокурора Калининградской области. Профессионально, как юрист, Г. Е. Быстров, сформировался во время работы в прокуратуре Калининградской области и служит всю жизнь, по примеру своего учителя, Закону и Справедливости.

В Гусевской городской и Нестеровской межрайонной прокуратуре Г. Е. Быстрова, как выпускника Ленинградского государственного университета, в августе 1962 года встретили как своего. В прокуратуре работало шесть сотрудников: прокурор Алексей Федорович Бочкарев, три помощника и два следователя.

С самого начала установились дружеские отношения с помощником прокурора Л. И. Китлинским, который закончил с отличием в 1952 году Вильнюсское отделение Всесоюзного юридического заочного института, отличался высоким профессионализмом, имел собственный жилой дом в городе Гусеве. Он был гостеприимным другом и умел организовать не только

Г. Е. Быстров — следователь Гусевской городской прокуратуры (декабрь 1962 г.)

дни рождения, праздники, но и отдых сотрудников за городом на природе.

Работники прокуратуры дружили с Председателем Гусевского городского народного суда А. И. Ситниковой, адвокатом Н. П. Герасимовой, которая обладала большим юмором и блестяще выступала в судебных процессах, что привлекало большое внимание не только участников процесса, но и гражданского населения.

Г. Е. Быстрову поручалось расследование уголовных дел о хищениях государственного имущества, насильственных преступлениях против личности, таких как умышленное убийство, телесное повреждение различной степени тяжести, злостное хулиганство, автодорожных преступлениях, хозяйственных преступлениях.

Запомнилось мне уголовное дело, которое расследовал я в 1964 г., по обвинению председателя колхоза им. М. И. Калинина В. Г. Тарасова в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 170 ч. 2 и 92 ч. 2 УК РСФСР и И. В. Шеркшниса в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 170 ч. 1 и 92 ч. 2 УК РСФСР Оно было связано с незаконной раздачей членам колхоза основных средств производства колхоза-крупного рогатого скота и нетелей. Кроме того В. Г. Тарасов обвинялся в систематическом злоупотреблении служебным положением, связанного с выдачей денег в подотчет по расходным ордерам из кассы колхоза колхозникам, которые впоследствии производили закупку заведомо краденых запасных частей у частных лиц. Вторым обвиняемым по уголовному делу выступал И. В. Шеркшнис — лесник Пограничного лесничества, который систематически занимался расхищением вверенного ему леса. По предварительномуговору с В. Г. Тарасовым лесник И. В. Шеркшнис получал без оплаты со склада колхоза без документов не только рожь, но и крупный рогатый скот и нетелей.

Резонанс данного уголовного дела состоял в том, что В. Г. Тарасов был любовником жены лесника И. В. Шеркшниса. Лесник не только знал о любовных связях председателя колхоза с его женой. Он благоприствал этой любви и в качестве платы получал от председателя колхоза колхозных коров и нетелей. Более того лесник прятал в своем доме председателя колхоза Тарасова В. Г, когда его разыскивал Довгий — Первый Секретарь Нестеровского райкома партии.

Обвинительный приговор по уголовному делу В. Г. Тарасова и И. В. Шеркшниса был вынесен Нестеровским районным народным судом Калининградской области 12 октября 1964 года. Однако и сегодня через 46 лет остается без ответа вопрос о том, почему лесник И. В. Шеркшнис продал свою жену председателю колхоза В. Г. Тарасову. Показательно, что когда в соответствии с требованиями ст. 201 УПК РСФСР 1960 г.,

обвиняемые были ознакомлены с материалами уголовного дела и заявили, что они не имеют каких-либо ходатайств о дополнении следствия, В. Г. Тарасов проявлял необыкновенную радость, хотя понимал, что за совершенное преступление суд назначит ему реальное наказание, связанное с лишением свободы.

И. В. Шеркшнис был в подавленном настроении от понимания того, что его никто не ждет на свободе после возвращения из мест лишения свободы. «Не надо удивляться этому предвестнику Вашей беды и предстоящему одиночеству, сказал я Ионасу Васильевичу Шеркшнису, рожденному 12 марта 1918 г. в дер. Пашкевич Н-Вилейского района, так как Вы сами продали В. Г. Тарасову свою жену за колхозных коров, нетелей и зерно». Для того чтобы понять мотивы такого безнравственного поведения И. В. Шеркшнис, надо принимать во внимание и обычаи, сложившиеся в лесных глухих районах Литвы.

О таких обычаях и традициях рассказывал мне профессор Радзивикус Гядеминас. Этот известный в России и странах ЕС ученый планетарного уровня защитил ранее кандидатскую диссертацию на кафедре экономической кибернетики Ленинградского института финансов и экономики им. Н. А. Вознесенского, проходил стажировку в школе бизнеса академии экономики Хайдельберга Германии, много сделал в последние 30 лет для развития экономической аграрной науки и высшего экономического образования Литвы и укрепления сотрудничества между учеными России и Литвы, длительное время являлся Статс- Секретарем, Первым заместителем Министра сельского хозяйства Литвы.

«В глухих лесных районах Литвы и граничащих с ними районах Нестеровского района Калининградской области, к сожалению, — сказал Р. Гядеминас, сохраняются традиции язычников, которые не восприняли христианские ценности и живут до сих пор по языческим обычаям». Припоминаю в связи с этим уголовное дело, по которому народный суд Нестеровского района вынес обвинительный приговор в отношении гражданина из Литвы, который обвинялся по ст. 117 УК РСФСР в изнасиловании своей дочери. Обвиняемый объяснял свое поведение тем, что в Литве веками отцы живут со своими дочерьми и в этом ничего криминального он не видит.

Помимо расследования уголовных дел на следователя Г. Е. Быстрова возлагалась также работа по поддержанию обвинения в суде. Прокурор А. Ф. Бочкарев объяснял это тем, что в прокуратуре постоянно острая нехватка кадров и выпускник юридического факультета Ленинградского государственного университета должен освоить все направления прокурорской деятельности. Дебют в суде состоялся примерно через два месяца после зачисления на работу в прокуратуру города Гусева. В июне 1962 года был принят Указ Президиума Верховного

Здание Гусевской городской прокуратуры Калининградской области (ранее прокуратуры Гумбининга — первой столицы Пруссии), г. Гусев, ул. Московская, 45

употреблениях служебным положением при заготовке сельскохозяйственной продукции.

Памятны коррупционные проявления деятельности партийной власти города Гусева. Первый Секретарь Гусевского горкома КПСС Владимир Ефремович Якутович постоянно оказывал давление на следственные органы и выступал защитником граждан, причастных к организации преступлений, связанных с хищением государственного и колхозного имущества. Многократными были его телефонные звонки и следователю Гусевской городской прокуратуры Г. Е. Быстрову.

На всю жизнь врезался в память его разговор, который В. Е. Якутович начинал так «Вы по какому праву арестовали Шайкину». На этот вопрос Г. Е. Быстров справедливо отвечал «Во-первых, я не прокурор, а следователь и по этому вопросу Вы обращайтесь к прокурору А. Ф. Бочкареву. Во-вторых, если Вы сами признаете, что Шайкина состоит в «криминальной шайке», по какому праву Вы настаиваете на том, чтобы ее освободили из под ареста и прекратили уголовное дело».

Следствие доказало, что Шайкина, работала, с 1961 по 1963 г. заведующей столовой № 3, позже столовой № 10 Гусевского горторга, пользовалась бесконтрольностью со стороны бухгалтера этой столовой обвиняемой Латышевой, главного бухгалтера торгового предприятия обвиняемого Хомутичкина, при содействии старшего повара этой столовой обвиняемой Карпухиной на протяжении всей своей работы систематически занималась присвоением государственных средств и злоупотреблением служебным положением.

С приходом Шайкиной на работу в столовую был изменен количественный учет на суммарный счет материальных ценностей, находящихся у нее в подотчете. Деньги в подотчет на закупку незерновых сельскохозяйственных продуктов Шайкина брала из кассы этой столовой, без какого-либо лимита, в крупных размерах, иной раз превышающий тысячу рублей, без какого-либо оформления их расходными ордерами, о расходовании их предъявляла позже буфетчицам закупочные акты, которые, как правило, были составлены на вымышленных лиц, где подписи в получении денег от имени этих лиц, učinяла сама же Шайкина. Также приходовала их по кладовой, расписывалась в накладной о том, что сама у себя эти продукты приняла. Закупая продукты у одних и тех же сдатчиков, давала им подписывать чистые бланки или акты, где не были запол-

нены графы «цена» и «сумма», позже в них завышала цену на закупленный продукт на яйцо и мясо, разница же в сумме присваивала.

Следствие доказало также, что Шайкина систематически за наличный расчет продавала как гражданам, так и колхозам крупы разных сортов, муку, картофель, комбиджир, перец со склада, часть их позже отписывала на буфеты, т.е. без товаров, выдавая буфетчицам деньги. Часть же денег присваивала».

И даже после перечисления этих и других доказательств виновности Шайкиной в преступлениях, предусмотренных ст. 92 ч. 3 и 170 ч. 2 УК РСФСР В. Е. Якутович, будучи Первым Секретарем Гусевского Горкома КПСС требовал от следователя Г. Е. Быстрова освободить Шайкину из под стражи и прекратить уголовное дело против ее, В. А. Карпухиной, С. Е. Латышевой, А. Ф. Хомутичкина. Позже 21–25 апреля 1964 г. Гусевский городской народный суд Калининградской области вынес обвинительный приговор Шайкиной, В. А. Карпухиной, С. Е. Латышевой, А. В. Хомутичкину.

О коррупционной дружбе В. Е. Якутовича, который по информации прессы, радио и телевидения планировался на избрание Секретарем Калининградского обкома КПСС, и криминального мира города Гусева анонимно информировали ЦК КПСС Второй Секретарь Гусевского горкома КПСС, Председатель Гусевского горисполкома и Прокурор Гусевской городской прокуратуры Алексей Федорович Бочкарев. По традициям того времени ЦК КПСС отправил это анонимное заявление самому В. Е. Якутовичу — главному организатору коррупции в таком крупном промышленном городе, как Гусев. В. Е. Якутович вызвал к себе прокурора А. Ф. Бочкарева и попросил прокурора провести проверку анонимного заявления.

Проверка установила, что В. Е. Якутович не участвовал в Великой Отечественной войне, однако имел государственных наград больше, чем Маршал Советского Союза. Он не обучался в высших учебных заведениях, однако имел три диплома об окончании высших учебных заведений. В биографии писал себе национальность «литовец», а на самом деле был польский еврей. Эти и другие правонарушения и послужили основанием для освобождения В. Е. Якутовича от должности Первого Секретаря Гусевского Горкома КПСС и исключения из членов КПСС.

Опасаясь партийных репрессий, прокурор А. Ф. Бочкарев перевелся на работу в прокуратуру Магадана, Г. Е. Быстров в порядке перевода 20 сентября 1965 г. перешел на работу в органы прокуратуры Ленинградской области, позже поступил в очную аспирантуру юридического факультета Ленинградского государственного университета.

С января 1967 года по февраль 1969 года обучался в аспирантуре кафедры колхозного и земельного права юридического факультета Ленинградского государственного университета. Вместе с ним в аспирантуре юридического факультета учились его однокашники-друзья, некоторые из них стали крупными учеными-правоведами и заведующими кафедрами, среди них д. ю. н., профессор В. К. Андреев, К. А. Бекашев, Г. Д. Кириллова, Л. Б. Алексеева, Д. И. Луковская, А. К. Кравцов, А. А. Собчак, В. Н. Синельникова, К. К. Лебедев, А. И. Экимов, академик РАН В. А. Мусин.

В 1969 г. по окончании аспирантуры юридического факультета Ленинградского государственного университета защитил кандидатскую диссертацию, в 1987 г. — докторскую диссертацию, 12 октября 1989 г. решением Государственного комитета СССР по народному образованию Григорию Ефимовичу Быстрову присвоено звание профессора.

Редакционный Совет, редколлегия Евразийского юридического журнала поздравляют всемирно известного российского ученого-правоведа Григория Ефимовича Быстрова со славным юбилеем и желают творческого долголетия!

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1–132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (< в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АБАНИНА Елена Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и земельного права Саратовской государственной юридической академии, исполняющий обязанности руководителя Центра интерэкоправа Евразийского научно-исследовательского института проблем права

АБДУЛГАМИДОВА Диана Абдулгамидовна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБДУЛМУСЛИМОВА Лейла Гусейновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АВДЕЕВ Дмитрий Александрович — кандидат юридических наук, заместитель заведующего, доцент кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета.

АЗИЗОВА Пасихат Магомедовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛЕКСЕЕВА Елена Николаевна — проректор по заочному обучению и международным связям Орловского государственного университета.

АЛИЕВА Анжела Булатгаджиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АСТАНОВ Истам Рустамович — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой Криминалистики Ташкентского государственного юридического университета.

АФАНАСЬЕВ Илья Владимирович — аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

БАБИЧЕВ Арсений Георгиевич — кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета.

БАБКИНА Елена Викторовна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

БЕЗНОСОВА Яна Викторовна — аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

БОДРОВ Роман Игоревич — аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности.

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

БУРДА Михаил Александрович — старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин Института деловой карьеры.

БЫСТРОВ Григорий Ефимович — доктор юридических наук, профессор, академик Российской Академии естественных Наук, Вице-Президент Европейского Комитета аграрного права. Член Научно-консультативных Советов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

ВЕРХОВОДОВ Евгений Владимирович — федеральный судья Арбитражного суда Нижегородской области.

ГАДЖИЕВА Халимат Иманшапиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства; доцент кафедры истории России Дагестанского государственного педагогического университета.

ГАЗИЗОВ Раиль Робертович — кандидат технических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, заслуженный юрист Республики Башкортостан.

ГАЛИМОВ Ранис Расихович — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ГАСЫМЗАДЕ Аяз Ниязи оглы — студент 5 курса юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

ГОРДЕЕВА Елена Михайловна — исследователь университета Хасселт, Бельгия.

ДАЛГАТОВА Аида Османгаджиевна — кандидат юридических наук, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ДИБИРОВА Аймесей Ильясовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ДУДИН Павел Николаевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР, доцент кафедры международного права и международных отношений юридического факультета Бурятского государственного университета.

ЕФРЕМОВА Светлана Михайловна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета Министерств внутренних дел Российской Федерации.

ЗАИДОВА Манарша Усманхановна — старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ЗИНОВКИН Никита Сергеевич — аспирант кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ИЛЮХИНА Ирина Борисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Орловский филиал).

ИСАЕВ Николай Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

КАБАНОВА Юлия Сергеевна — преподаватель кафедры конституционного и международного права Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

КАДЫМОВ Айдар Амирович — преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, капитан полиции.

КАРИМОВА Гульназ Юрисовна — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

КЕБУРИЯ Кристина Отаровна — аспирант кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов.

КЕРИМХАНОВА Ариза Балабековна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Дагестанского государственного педагогического университета.

КЕШНЕР Мария Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) Федерального Университета.

КИРДЯШОВА Елена Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

КЛЁМИН Андрей Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Института экономики управления и права.

КЛЫЗБАЕВА Вероника Абдуловна — преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

КЛЮНЯ Алесь Юрьевич — аспирант кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов.

КОЛОДКИН Леонард Михайлович — доктор юридических наук, профессор Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации.

КОНДРАТЬЕВА Анна Николаевна — аспирант кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

КУЛИКОВА Ирина Марсилеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета.

КУРЗЕНИН Эдуард Борисович — кандидат юридических наук, доцент института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

КУХТИН Геннадий Витальевич — Первый заместитель Председателя Международного общественного движения «Российская служба мира», ветеран государственной службы.

МАГОМЕДОВА Марьям Магомедовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

МАЛИКОВ Борис Зуфарович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

МАНИН Сергей Николаевич — преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, стажер кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

МИХАЛЕВА Анастасия Евгеньевна — стажер-исследователь кафедры теории государства и права Сибирского федерального университета.

МУСАЕВА Асма Гаджиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-прикладных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович — доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника по научной работе Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

НИКИТИН Дмитрий Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета.

ОХЛОПКОВА Анна Семеновна — соискатель кафедры уголовного права и процесса Российский университет дружбы народов.

ПОНОМАРЕНКО Сергей Иванович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического института. Прокурор в отставке.

ПОСУЛИХИНА Наталья Семеновна — аспирант кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

ПРИСЯЖНЮК Денис Олегович — кандидат искусствоведения, доцент кафедры композиции и инструментовки Нижегородской государственной консерватории им. Н. И. Глинки. Член Союза Композиторов России.

ПРИСЯЖНЮК Юлия Павловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

РОМАНОВСКАЯ Любава Ростиславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

САЛИМОВА Айгуль Мухаметшарифовна — преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

САМОРОДОВА Елена Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Орловского государственного института экономики и торговли.

САТТАРОВА Нурия Альвановна — доктор юридических наук, заведующая кафедрой финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета.

СЕЙНЯН Александр Олегович — аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов.

СЕРГЕЕВ Артём Леонидович — аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, Республика Башкортостан

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов

СОЛОВЬЕВ Дмитрий Сергеевич — аспирант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

СПАССКАЯ Наталия Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета.

СТАВЦЕВА Татьяна Ивановна — доктор экономических наук, профессор кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета.

СУТХИСАНГИАМ Сорракком — аспирант кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

ТИМЕРБАЕВ Роберт Рифович — старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, подполковник полиции.

ТИМОНИН Анатолий Николаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права института права Башкирского государственного университета.

ТОЛБУЗИНА Татьяна Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и социального права филиала Российского государственного социального университета в г. Дедовске.

ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права (сектор международно-правовых исследований) Российской академии наук, главный редактор «Евразийского юридического журнала».

ФЕДЮШКИНА Арина Игоревна — аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ФРОЛОВ Кирилл Александрович — аспирант Института Гуманитарного Образования и Информационных Технологий.

ФРЫГИНА Марина Михайловна — аспирант кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.

ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна — доктор социологических наук, профессор кафедры социальных наук Тюменского государственного нефтегазового университета.

ЦЫГАНОВ Виктор Иванович — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ЧЕКУНОВ Сергей Александрович — соискатель кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

ЧЕРНЯДЬЕВА Наталья Алексеевна — докторант кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Кандидат юридических наук, доцент кафедры Трудового и Международного права Пермского государственного национального исследовательского университета.

ШАМИЛОВА Гульшат Загитовна — аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) Федерального Университета.

ШАХБАНОВА Хадижат Магомедовна — старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ШОНИЯ Анна Отаровна — аспирант Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

ШУВАНОВ Станислав Александрович — Председатель Международного общественного движения «Российская служба мира», ветеран государственной службы.

ШУШАЕВА Тамилла Абдуллаевна — аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

ЩЕРБАКОВ Геннадий Александрович — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного муниципального управления Тюменского архитектурно-строительного университета.

ЮЛДАШОВ Содик Окбаевич — докторант-соискатель Академии Государственного Управления при Президенте Республики Узбекистан.

ЮСУПОВ Рустам Равилович — аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

ЯМАЛОВА Эльвира Наилевна — кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью Башкирского государственного ун

ABANINA Elena Nicolaevna — Dr (candidate) of law, associate professor of Environmental and Land Law sub-faculty within Saratov State Law Academy, acting head of the Centre of interecolaw of the EurAzNIIPP.

ABDULGAMIDOVA Diana Abdulgamidovna — Dr (candidate) of Law, senior lecturer of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ABDULMUSLIMOVA Leila Guseinovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

AFANASYEV Ilya Vladimirovich — postgraduate student of Civil Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

ALEXEEVA Elena Nikolaevna — vice rector for distance learning and international affairs of the Orel State University.

ALIEVA Anzhela Bulatgadzhiyevna — Dr (candidate) of Historical sciences, associate professor of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ASTANOV Istam Rustamovich — Dr (candidate) of Law, Head of Criminalistics sub-faculty of the Tashkent State Law Institute.

AVDEEV Dmitry Aleksandrovich — Dr (candidate) of Law, Deputy Head, associate professor of the Constitutional and Municipal Law sub-faculty of the Institute of State and Law of Tyumen State University.

AZIZOVA Pasikhat Magomedovna — Dr (candidate) of Historical Sciences, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

BABICHEV Arseniy Georgievich — Dr (candidate) of Law, doctoral student of the Criminal Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University.

BABKINA Elena Victorovna — Dr (candidate) of Law, senior lecturer of Criminology and Prevention of Crimes sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

BEZNOSOVA Yana Viktorovna — postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

BODROV Roman Igorevich — postgraduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property.

BONDARENKO Victor Nikolaevich — Dr of Philosophy, professor of Philosophy, Sociology and Political science sub-faculty of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

BURDA Mikhail Alexandrovich — senior lecturer of Social and Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Institute of Business Career.

BYSTROV Grigoriy Efimovich — Dr of Law, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Vice-President of European Committee of Agrarian Law. A member of Scientific and Advisory Councils of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.

CHEKUNOV Sergey Alexandrovich — competitor of International Law sub-faculty of the Law faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

CHERNYADYEVA Natalya Alekseevna — doctoral student of International Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Dr (candidate) of law, associate professor of Labor and International law sub-faculty of the Perm State National Research University.

DALGATOVA Aida Osmangadzhiyevna — Dr (candidate) of Law, Head of State and Legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

DIBIROVA Aymesey Ilyasovna — Dr (candidate) of Historical Sciences, associate professor, Head of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

DUDIN Pavel Nikolaevich — Dr (candidate) of Political Sciences, senior researcher of the Centre for legal interoperability of the Russian Federation and Asia-Pacific Region, associate professor of International Law and International Relations sub-faculty of the Law Faculty of the Buryat State University.

EFREMOVA Svetlana Mikhailovna — Dr (candidate) of Economic Sciences, senior lecturer of Applied Economic Sciences sub-faculty of the Orel State University.

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich — Dr of Law, leading researcher of the Institute of State and Law (sector of international legal studies) of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the «Eurasian Law Journal».

FEDUYSHKINA Arina Igorevna — postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

FROLOW Kirill Alexandrovich — postgraduate student of the Institute of the Humanitarian Education and Information Technology.

FRYGINA Marina Mikhailovna — postgraduate student of Advocacy and Notary sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

GADZHIEVA Halimat Imanshapiyevna — Dr (candidate) of Historical sciences, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy; associate professor of History of Russia sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University.

GALIMOV Ranis Rasihovich — Dr (candidate) of Law, lecturer of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

GASYMZADE Ayaz Niyaz Ogly — 5th year student of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University.

GAZIZOV Rail Robertovich — Dr (candidate) of Technical sciences, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University, honored lawyer of the Republic of Bashkortostan.

GORDEEVA Yelena Mikhailovna — researcher, Hasselt University, Belgium

ILYUKHINA Irina Borisovna — Dr (candidate) of Economic Sciences, associate professor of Economics and Finance sub-faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Orel branch).

ISAYEV Nikolay Alexeevich — Dr of Law, professor of Criminal Law sub-faculty of the A. I. Gertzen Russian State Pedagogical University.

KABANOVA Yuliya Sergeevna — lecturer of Constitutional and International Law sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

KARIMOVA Gulnaz Yurisovna — senior lecturer of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

KADYMOV Aidar Amirovich — lecturer of special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, captain of police.

KEBURIA Christina Otarovna — postgraduate student of International Law sub-faculty of the Law faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

KERIMHANOVA Ariza Balabekovna — Dr (candidate) of Historical Sciences, associate professor of History of Russia sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University.

KESHNER Maria Valerjevna — Dr (candidate) of Law, associate professor of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University.

KHAIRULLINA Nursafa Gafurovna — Dr of Sociological sciences, professor of Social Sciences sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University.

KIRDIASHOVA Elena Vladimirovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory of Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University.

KLEMIN Andrey Vladimirovich — Dr of Law, professor, Head of International and European Law sub-faculty of the Institute of Economics Management and Law.

KLYUNYA Ales Yurjevich — postgraduate student of International Law sub-faculty within the Law faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

KLYZBAEVA Veronika Abdullovna — lecturer of Fire and Tactical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

KOLODKIN Leonard Mihailovich — Dr of law, professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

KONDARTEVA Anna Nikolaevna — postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

KUKHTIN Gennady Vitalevich — First Deputy Chairman of the International Public Movement «Russian Peace Service», a veteran of the civil service.

KULIKOVA Irina Marsileevna — Dr (candidate) of Economical Sciences, associate professor of Theory and History of Economics of the Orel State University.

KURZENIN Eduard Borisovich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Institute of Business Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation.

MAGOMEDOVA Maryam Magomedovna — Dr (candidate) of Historical Sciences, associate professor of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

MALEEY Yury Nikolaevich — Dr of Law, professor of International Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

MALIKOV Boris Zufarovich — Dr of Law, professor of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

MANIN Sergey Nikolaevich — lecturer of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Kazakh Humanitarian Law Innovative University, intern of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia on competition of a scientific degree of candidate of Law.

MIKHALEVA Anastasija Yevgenjevna — intern researcher of Theory of State and Law sub-faculty of the Siberian Federal University.

MUSAEVA Asma Gadzhievna — Dr (candidate) of Historical sciences, associate professor of State-applied disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

NECHEVIN Dmitry Konstantinovich — Dr of Law, professor of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich — Dr of Law, professor, Deputy Head on scientific work of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

NIKITIN Dmitriy Alexeevich — Dr (candidate) of Law, associate professor, Head of Criminal Law Disciplines sub-faculty of the Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

OKHLOPKOVA Anna Semenovna — competitor of Criminal Law and Process sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

OSTAPOVICH Igor Yuryevich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Gorno-Altaysk State University.

PONOMARENKO Sergey Ivanovich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Civil and Criminal Law sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic Institute. The Prosecutor in retirement.

POSULIKHINA Natalia Semenovna — postgraduate student of Administrative Law and Process sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

PRISIAZHNIUK Denis Olegovich — Dr (candidate) of Arts, associate professor of Composition and Instrumentation sub-faculty of the N. I. Glinka Nizhniy Novgorod State Conservatory. Member of the Union of Composers of Russia.

PRISIAZHNIUK Julia Pavlovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Civil Law and Process sub-faculty of the Law Faculty of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

ROMANOVSKAYA Lubava Rostislavovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Constitutional and Administrative Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna — Dr of Law, professor, Head of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

SAIDOVA Manarsha Usmanhanovna — senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

SALIMOVA Aigul Muhametsharifovna — lecturer of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

SATTAROVA Nuriya Alvanovna — Dr of Law, Head of Finance and Environmental Law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University.

SERGEEV Artem Leonidovich — postgraduate student of Criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University.

SEYNYAN Alexander Olegovich — postgraduate student of Law Enforcement and Human Rights Activities sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

SHAKHBANOVA Khadizhat Magomedovna — senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

SHAMILOVA Gulshat Zagitovna — postgraduate student of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University.

SHCHERBAKOV Gennadiy Alexandrovich — Dr (Candidate) of Sociological sciences, associate Professor, Head of State Municipal Management sub-faculty of the Tyumen Architectural University.

SHONIYA Anna Otarovna — postgraduate student of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

SHUSHAYEVA Tamilla Abdullaevna — postgraduate student of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University.

SHUVANOV Stanislav Alexandrovich — President of the International Social Movement «Russian Peace Service», a veteran of the diplomatic service.

SOLNTZEV Alexander Mikhaylovich — Dr (candidate) of Law, associate professor, Deputy head of International Law sub-faculty of People's Friendship University of Russia

SOLOVIEV Dmitriy Sergeevich — postgraduate student of National and Federative Relations sub-faculty of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation.

SPASSKAYA Nataliya Vladimirovna — Dr (candidate) of Economic sciences, associate professor of the Theory and History of Economics of the Orel State University.

STAVTSEVA Tatiana Ivanovna — Dr of Economical Sciences, professor of the Theory and History of Economics of the Orel State University.

SUTTHISANGIAM Sorrakom — postgraduate student of Political Science sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

TIMERBAEV Robert Rifovich — senior lecturer of special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police Lieutenant Colonel.

TIMONIN Anatoliy Nikolayevich — Dr of Law, professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University.

TOLBUZINA Tatiana Viktorovna — Dr (candidate) of Pedagogical Sciences, associate professor of Social work, Psychology, and Social Law sub-faculty within the branch of the Russian State Social University in Dedovsk.

TOLSTYKH Vladislav Leonidovich — Dr of Law, head of the International Law sub-faculty at the Novosibirsk State University

TSYGANOV Victor Ivanovich — Dr (candidate) of Law, associate professor, Dean of the Law Faculty of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

YAMALOVA Elvira Nailevna — Dr (candidate) of Political science, associate professor of Public Relations sub-faculty of the Bashkir State University.

YULDASHOV Sodik Okbaevich — doctoral student-researcher of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan.

YUSUPOV Rustam Raviilovich — postgraduate student of International Law sub-faculty of the Law faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich — Dr (candidate) of Law, associate professor, Head of Information Technologies in the work of the Internal Affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation.

ZINOVKIN Nikita Sergeevich — postgraduate student of Environmental and Natural Resources Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).